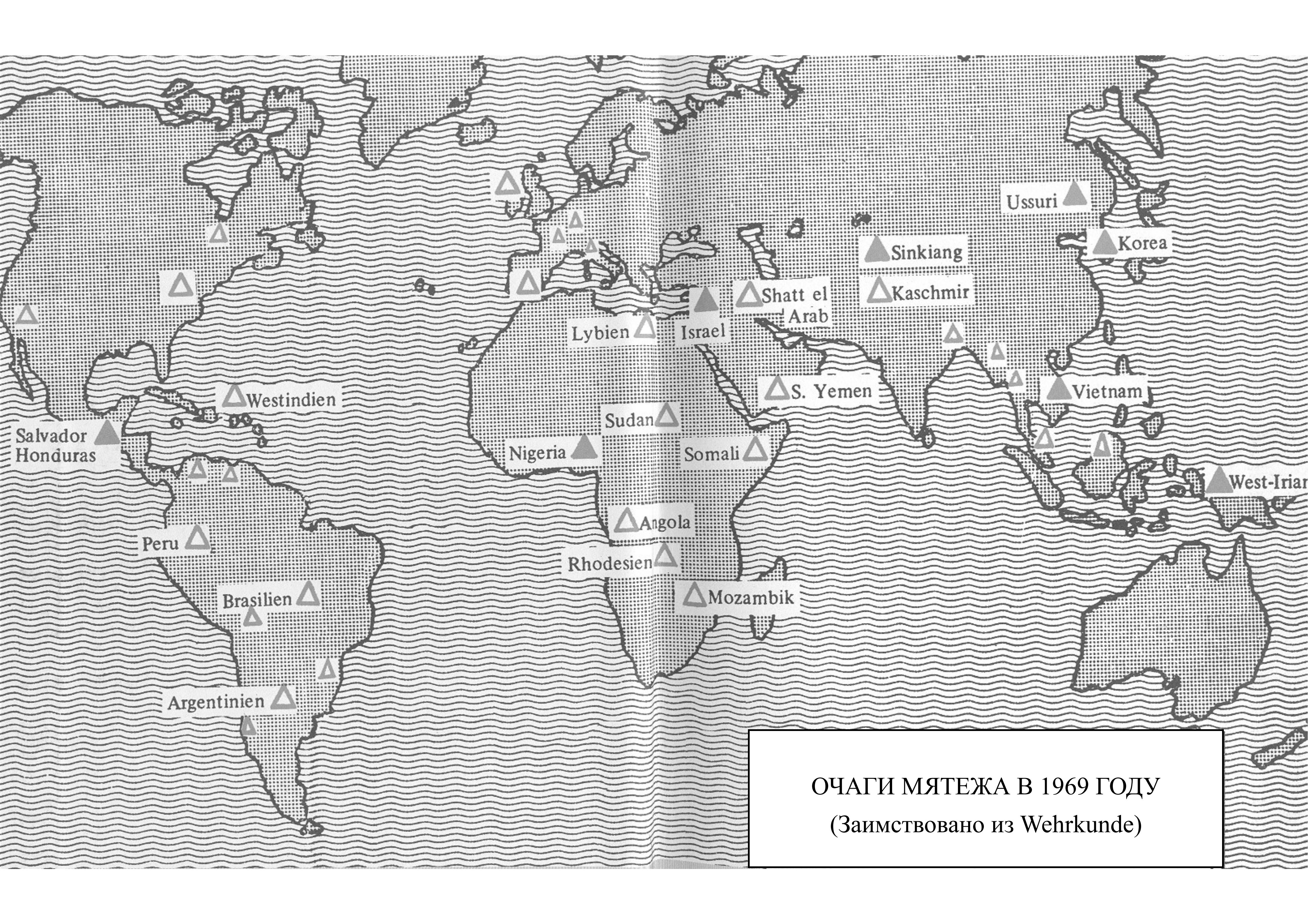

ХОЧЕШЬ МИРА, ПОБЕДИ МЯТЕЖЕВОЙНУ!

Творческое наследие Е. Э. Месснера

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

ОЧАГИ МЯТЕЖА В 1969 ГОДУ
(Заимствовано из Wehrkunde)

БИБЛИОТЕКА-ФОНД «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

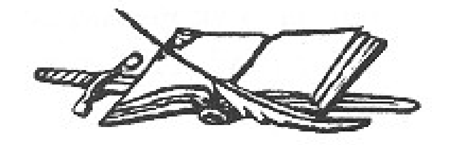
Исследовательско-издательский проект «Военная культура Русского зарубежья»

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК
Выпуск 21

ХОЧЕШЬ МИРА, ПОБЕДИ МЯТЕЖЕВОЙНУ!

Творческое наследие Е.Э. Месснера

МОСКВА
ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РУССКИЙ ПУТЬ
2005

ББК68.49(2)
Х87

ISBN 5-85887-134-8

Федеральная программа книгоиздания России
Под общей редакцией *В.И. Марченкова*
Составитель *И.В. Домнин*

Редактор двадцать первого выпуска «Российского военного сборника» *А.Е. Савинкин*
Ответственный за выпуск *И.В. Домнин*

Содержание

Введение. «НЕПРЕСТАННАЯ ТА НАУКА ИЗ ЧТЕНИЕВ...»

И. Домнин. ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ДО «ТРЕТЬЕЙ ВСЕМИРНОЙ» Жизненный путь Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера

Стать офицером. - На Великой войне. - Луцкий прорыв. - Ускоренный курс академии Генштаба. - В Белой борьбе. - С бригадой Тимановского и 7-й пехотной дивизией. - Полтавский отряд. - Бредовский поход. - Начальник штаба «корниловцев». - В изгнании. - Белградский период. - Аналитический и писательский дар. - Подготовка и чтение лекций по военному делу. - Универсальный военный публицист. - На «кафедре» рижской газеты «Сегодня». - Антибольшевизм Месснера. - В Аргентине: авторитетная личность русской диаспоры. - Южно-Американский Отдел Института по исследованию проблем войны и мира им. профессора генерала Н.Н. Головина. - Редактор двухнедельника «Русское Слово». - «Всемирная Мятежевойна» и другие труды писателя. - Мыслитель, провидец, классик. - «Он всю свою жизнь хранил в себе и выявлял все ценнейшие качества русского кадрового офицера».

ВСЕМИРНАЯ МЯТЕЖЕВОЙНА

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Каждой фазе развития морали соответствует особый стиль войны. - Стиль современной войны - истребление. - Измерения войны. - «Расщепление духа». - Хаос мира и войны. - Война, «полувойна», «агрессодипломатия». - Дипломатия и стратегия. - Тотально вооруженный народ. - Оружие боя и убоя, - Слово и психология как военные средства. - Иррегулярство и его формы; оно побеждается не карательными экспедициями, но овладением душой. - На пепелище права. - Две нравственные силы: страх Божий и воинская честь.

МЯТЕЖ - ИМЯ ТРЕТЬЕЙ ВСЕМИРНОЙ

Мятежевойна как новая форма вооруженной борьбы. - Всемирная Революция. - Народные движения. - Психологический механизм. - Народ, толпа и вожди. - Революционные движения. - Большевизм консолидируется в тоталитаризм. - Инквизиция демократии. - Масонство, пацифизм, неонацизм и другие силы как психологическая база Всемирной Революции. - Война в революционную эпоху может легко приобрести форму мятежевойны. - Борьба ведется в непроглядных джунглях духа. - Психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие и психологию войска и становится решающим фактором. - Участники мятежевойны: мятежные массы, мятежные колонны, мятежное ополчение, войско. - Ре-революция - революционная реакция, продолжение революции, но на иной идейной базе. - Опорные моменты ре-революционного сознания: религиозность, идеализм, самоограничение бытовой материалистичности, идея свободы, индивидуализм (в основе - индивид, стремящийся к божественному). - Ре-революционер

- люди идеалистического сознания, ответственности, долга; люди, живущие по правде. - Психологическое воевание: план, психоразведка, искусство ведения мятежевойны. - Иррегулярное воевание. - Земский фронт. - Регулярное воевание в условиях мятежевойны. - Стратегия престижа.

ВСЕЛЕНСКИЙ ТАЙФУН

Происходит Третья Всемирная война, характеризующаяся мятежом. - Традиционные понятия о войне устарели. - Не война и не мир. - Сосуществование. - Смятения, мятежи. - Вооруженные восстания. - Две вступительные фазы Всемирной Мятежевойны. - Разрушение миропорядка. - Устрашение, террор, партизанство - главное «оружие» мятежевойны. - Необходимость осо-знания мятежевойны и в ней - стратегического руководства. - Индивид мятежевойны: этика, тактика, оператика, стратегия. - Однобокая, односторонняя война. - Хочешь мира, победи мятежевойну.

ВЬЕТНАМСКАЯ ЗАГАДКА

США против Вьетнама: сила слабого и малосилие мощного. - Цивилизационно-технические «излишества» и политическая самоуверенность американцев. - Малая способность регулярных войск к борьбе неклассического стиля. - Извращение системы «коллективного стратега». - Вести мятежевойну без союзников трудно.

ВОЕННОЕ УТОМЛЕНИЕ

«Уснувшие войны». - Усталость от войны в США, Израиле, арабском мире. - Мятежевойна продолжается.

БЕЗГРАНИЧНЫЙ ТЕРРОР

Терроризм изменился в объеме, сути, характере. - Размах и многочисленность террористических актов. - Организованность и «интеллигентность» современного терроризма; его многоликость. - Расчет террористов на сочувствие «общественного мнения» и «правовое прикрытие». - Интернационализация терроризма.

НЕФТЬ - ОРУЖИЕ

Нефтяное богатство арабского мира. - Не искусны в войне, но искусны в терроризме. - Превращение арабами нефти в политическое оружие.

ГЛАВНАЯ УГРОЗА

От биполярного мира - к трехполярному и многополярному. - Проблемы современной цивилизации. - Мятежевойна - главная угроза миропорядку.

НЕО-НАТО

Предложения руководства США по выработке новой Атлантической хартии. - Противоречия между Америкой и Западной Европой в рамках НАТО. - Неоправданная «гибкость» США в отношениях с СССР.

ПОЛУВСЕМИРНАЯ ВОЙНА

Усложнение войны на Ближнем Востоке: ее ведут арабы и евреи, США и СССР. - Вмешательство в события «Краснопекина». - Чем не Всемирная война?

БРЕЖНЕВ/СОЛЖЕНИЦЫН

«Конвергенция» Брежнева. Влияние СССР на отношения между США и Латинской Америкой. - Буйство природы и буйство народов. - Театр войны в Персидском заливе. - Ислам как новое объединение мирового значения. - «Неведомая часть Солженицыной духовности: гениальный государственный мыслитель».

ПЛАНЕТАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Мир вступает в новую эпоху. - Организация человечества в форме государств поколеблена. - Какими путями поведут человечество новые лидеры? - Мир вооружается свирепо.

ИСКУССТВО ВОЙНЫ

ГОРЕ И ПОБЕЖДЕННЫМ И ПОБЕДИТЕЛЯМ

Крепостное право будущей войны: постановка под знамена одной половины граждан и принудительный труд для другой. - Ожесточение и политическое расслоение воюющего народа. - Призрак гражданской войны. - Огромные людские потери в современных войнах. - Всеобщее горе, всеобщая мука.

ВОЙНА ИЗОБРЕТЕНИЯМИ

Для войск теперь не существует ощущения безопасности. - Неведомые угрозы современного боя. - Военно-технический прогресс - величайший из ужасов грядущей войны.

ВОЙНА МЕЖДУ КОНТИНЕНТАМИ

Коалиционный характер современных войн. - Формирование в грядущем Пан-Америки, Пан-Азии, Пан-Европы. - Военно-политический континент «Соединенных Штатов России». - Чтобы выжить, Россия должна быть мощной.

ВОЙНА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Длительность морального напряжения бойцов в современной войне. - Прежняя форма героизма - вспышка, современная форма - выдержка. - Война теперь - не только частичное истребление населения, но и поголовное истощение нервов.

О ВОЙНЕ «ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗЦА»

Гражданская война как сочетание войны и революции. - Побеждает тот, кто лучше вооружен социально. - Стратегическое значение психологической географии. - Качества полководца гражданской войны. - Столкновение мировоззрений страшнее столкновения государств.

УЛИЧНЫЙ БОЙ

Необходимость изучения боевых действий между войсками и вооружившимся населением. - Невозможность применения обычных навыков. - Отсутствие видимой грани между врагом и мирным населением. - Требуется максимум активности. - «Концентрический удар» и «дезинфекция очагов» - основные методы контрпартизанской борьбы в городе.

К ВОЗРОЖДЕНИЮ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Упадок маневренного творчества в Великой войне. - Опасность технической войны при системе «полчищ». - Причины позиционной войны. - Позитивизм в армии. - Когда военное дело пошло по пути упадка? - Условия возрождения военного искусства. - Качественная отборная армия как альтернатива современным армиям-чудовищам. - Национальная военная доктрина. - Рамки количественных сокращений. - Коэффициент качества.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Абсурдность существующей военной системы. - Сущность декадентства в военном деле.

- Массы губят военное искусство. - «Горе-воин». - Корень зла - в вооруженном народе. - Необходимость и преимущества профессиональной армии. - Военно-организованный народ. - Вдохновение как божественная часть военного дела. - Основы военного образования.

СТРАТЕГИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГЕНЕРАЛА ФУЛЛЕРА

Один из диктаторов современной военной мысли. - Критика Фуллером положений Версальского договора: диктаторский мир привел к диктаторскому режиму в Германии. - Определяющая роль военной техники в современной и будущей стратегии. - Поучения Мировой войны Германия усвоила, а ее противники прозевали. - Военным и государственным деятелям следует внимательно отнестись к «фантазиям» незаурядного новатора.

ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ, КОТОРАЯ НЕ ПОБЕЖДАЕТ

Обсуждение военно-специальных вопросов: или громко в специальной прессе, или шепотом за закрытыми дверьми. - Преимущества и слабости авиации. - Взаимодействие авиации и сухопутных войск. - Возможности авиации велики, но ограничены.

КРЕЙСЕРСТВО В ОКЕАНЕ

«Фантазия» о будущей морской войне в Тихом океане. - Германский террор на морских путях в годы Первой мировой войны. - Морские державы готовятся к новым океанским сражениям.

«БОЕВЫЕ СЛОНЫ» XX ВЕКА

Конец кавалерии в сильнейших армиях Европы. - Состав моторизованных и механизированных войск. - Сильные и слабые стороны механизации армии. - Боевая машина даст результат, если ее душа - человек - будет на высоте всех требований воинской доблести.

ПРОКЛЯТИЕ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

Мир вступает в новую эпоху. - Организация человечества в форме государств поколеблена. - Какими путями поведут человечество новые лидеры? - Мир вооружается свирепо.

ИСПАНСКИЙ ПОЖАР

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ У МАДРИДА

Война ложью, а не оружием. - Борьба за Мадрид стала борьбой за престиж. - Красные не могут удержать города, а белые - его взять. - Победы должны добываться с наименьшими потерями.

МАДРИДСКИЕ КЛЕЩИ СЖИМАЮТСЯ

Белые испанцы наступают под руководством итальянских и немецких генералов. - Оборона словом: умелая пропаганда красных поднимает дух защитников Мадрида. - Характер борьбы за столицу Испании.

БОРЬБА В ГЛАВНОЙ КВАРТИРЕ ГЕНЕРАЛА ФРАНКО

Трения между испанскими и германскими генералами. - Офицеры-воины и офицеры-политики. - На «испанском Кавказе» (в Марокко) выработался тип волевого офицера с полным сознанием долга перед родиной. - Испанская армия, став орудием в политической борьбе, перестала быть оплотом нации. - Гражданская война - трудное

предприятие.

КТО ПОБЕДИТ В ИСПАНИИ?

На одной стороне - регулярная армия, творческие силы патриотизма, на другой - толпа, экстремизм и стихия. - Белые промедлили, красные сумели организоваться. - Опора обеих сторон на иностранных советников и помощь извне. - В гражданской войне успех принадлежит дерзновенному. - Соотношение сил к годовщине войны. - Воля народа - важнейший фактор победы в гражданской войне. - Белые испанцы постепенно побеждают, но им стоит поторопиться.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НА ВОЙНЕ СЕНСАЦИОННЫХ НОВШЕСТВ

Военное творчество в период мира и в условиях войны. - «Фантазерство» в военном деле после Великой войны. - Гибельность чрезмерного увлечения новыми теориями. - Ни авиация, ни танки, ни новые тактические и стратегические формы не перевернули военного дела. - Война в Испании все новое расставила на места в ряду прежних военных средств.

АГОНИЗИРУЕТ ЛИ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИСПАНИЯ?

Последние победы Франко еще не решающие. - Воля вождей покрывает безволие падающих духом войск. - Настроение правящих сил Европы обеспечивает успехи Франко. - Агонии красной Испании еще нет, но она наступит.

ГЕНЕРАЛ ФРАНКО «МЕДЛЕННО ТОРОПИТСЯ»

Очередные поражения республиканской армии. - Вождь националистов выбирает стратегию «обеспеченной победы». - К своему триумфу он идет постепенно.

В СОСТЯЗАНИИ ДВУХ НАСТУПЛЕНИЙ ПОБЕЖДАЮТ НЕРВЫ

Наступательное противоборство белых и красных в Испании. - Наступление немецких и русских войск в августе 1914 г. - Нервы республиканцев сдадут раньше, чем нервы националистов.

МОГУТ ЛИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ?

Вожди республиканцев: безумный героизм или героическое безумие? - Ресурсы националистов гораздо богаче. - Республиканцы не могут выиграть войны, но могут оттянуть свое поражение.

ФРОНТ ОТ КИТАЯ ДО ГИБРАЛТАРА

ГОД ВОЕННЫХ ЗАРНИЦ

1936: победоносная «оборонительная» война итальянцев в Абиссинии. - Кровавые международные счеты на чужой земле: Лондон против Рима - в Палестине, Москва против Токио - в Китае. - Шесть государств участвуют в испанской войне. - Вся Европа, весь мир вооружаются, готовясь к военной грозе. - Главная опасность - не в накоплении оружия, а в военном психозе, охватывающем человечество.

ОПАСНЫЕ «ПЕРЕКРЕСТКИ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Военные приготовления в Европе приняли невиданный размах. - Многообразие причин возможной европейской войны. - Опасные для мира «географические перекрестки» как один из главнейших факторов возможного столкновения.

БОРЬБА ВООРУЖЕННЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Свирепая борьба в Маньчжурии и Китае, Восточном Туркестане и на Ближнем Востоке,

в Северной Африке и в Испании. - Угроза для соседних народов быть втянутыми в эту войну. - Человечество раскололось по идеологическому принципу.

УРОКИ 1937 ГОДА

Китайское воинство. - СССР, помогая Китаю, спасает свои интересы в Азии. - Противоборствующие войска в Испании: выдающаяся способность к обороне. - Войны возникают не только по воле людей.

СВЕРХСТРАТЕГИЯ АНГЛИИ

Извечный спор стратегии и политики. - Зарождение сверх-стратегии. - Согласование в военных целях оборонительных и народнохозяйственных сил метрополии, доминионов, колоний и мандатных земель. - Создание в империи единства государственного сознания.

БУРНОЕ ЛЕТО

Военные операции, нарушающие законы логики. - Причины японо-советских военных стычек. - Палестинская буря. - Психоз борьбы затрудняет принятие толковых решений. - Повсеместное нарастание нервности, накопление взрывчатой энергии.

МОЖЕТ ЛИ ЧЕХОСЛОВАКИЯ РЕШИТЬСЯ НА ВОЙНУ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ?

Стратегия, отходящая от реальности, ведет к самоубийству страны. - Тяжелое географическое положение Чехословакии. - Проблема судетских немцев. - Соотношение немецкой и чехословацкой военной мощи: пять к одному. - Всякое мирное решение лучше безумного решения воевать.

ДЕРЖАВЫ ВОЕННЫЕ И ДЕРЖАВЫ ВООРУЖЕННЫЕ

Что показала капитуляция Чехословакии? - Различная степень готовности европейских держав к предстоящей войне. - Одного вооружения мало; нужна решимость для применения оружия.

СЛУГИ ОТЕЧЕСТВА

ЦАРЬ И ОФИЦЕР

Преданность Государю и Родине как естество российского офицера. - Царский смотр 15-й артиллерийской бригаде. - Императору не говорят «нет!» . - В Нем видели мощь России, ее величие и славу. - Укор офицерству в предательстве Отца Державного. - Подвиг мученичества Николая II.

О ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ-«АКАДЕМИКОВ»

Программа академии не должна иссушать душу. - Цель академии - приучить слушателей к творчеству. - Офицеру должен быть присущ вкус к интеллектуальной работе. - Для армии гибельно существование генералов с одеревеневшей, парализованной мыслью. - Верный подбор офицеров-«академиков» - залог военных успехов государства.

МОЯ СЛУЖБА С ГЕНЕРАЛОМ СКОБЛИНЫМ

Исключительная храбрость и редкие военные дарования Скоблина. - Мог ли он стать предателем? - РОВС: в Кутепова верили, Миллеру доверяли. - Цель похищения Миллера - в расстройстве Русского Общевоинского Союза.

ТУХАЧЕВСКИЙ - НЕ НАПОЛЕОН

Впечатления о Тухачевском: энергичен, но несколько неуравновешен. - Поход за Вислу. - Исполинская воля в начале операций и растерянность при неудаче. - Его прославили

выше способностей.

МАРШАЛ БУДЕННЫЙ - «РУССКИЙ МЮРАТ»

Сходство Буденного и Мюрата. - Бонапартизма в нем нет. -Буденный не стратег, в случае внешней войны полководцем не будет. - Его военные дарования это - не знания, это инстинкт. Польские ошибки буденновского инстинкта. - Сохраненное имя.

ДУШИ В КАНДАЛАХ

Сталин - властитель, разгромивший собственную армию. - Карьеры делаются доносами. - «Офицеры, как колодники, волокут духовные цепи, и эти цепи делают их неофицерами».

ПОЛУИНТЕЛЛИГЕНТНОЕ ОФИЦЕРСТВО

Управлять хаосом войны может только великан мысли. - Высокие требования современной войны к офицерскому составу. - «Евразийский» уровень развития советских офицеров. - Красная Армия не может воевать «малой кровью».

СОВРЕМЕННЫЕ ОФИЦЕРЫ

Войны современной цивилизации. - Командиры хаоса и их разновидности. - Галопирующая эволюция военного дела. - Консерватизм офицерства. - Техническое воевание. - Иррегулярное воевание. - Регулярное воевание. - Военная техника и офицерское образование. - Дух офицера в материалистическую эпоху. - Этическая база офицерского духа. - Приказ и совесть. - Путь современного офицера.

ИЗ АРХИВА ПАМЯТИ

ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ

Величайшая победа Великой войны. - Не «Брусиловский», но «Луцко-Черновицкий» прорыв. - Стратегическая обстановка накануне кампании 1916 г. - Недостаток артиллерийской мощи, большой некомплект офицеров, «ветры усталости духа». - План генерала М.В. Алексеева - замысел большого стратега. - Великая война «сама в себе была революцией». - Позиционное воевание. - План генерала Брусилова не сулил успеха. - Брусилов как человек и как полководец. - Сражения у Луцка и Черновиц. - Победоносные действия армий генералов Каледина и Лечицкого. - Победа, достигнутая доблестью войск, мужеством, волей и полководческим дарованием высших начальников.

Вместо заключения
ГРОЗНАЯ ОПАСНОСТЬ ВСЕМИРНОЙ МЯТЕЖЕВОЙНЫ
Составитель А. Савинкин

«ВОЕВАНИЕ В СТИЛЕ МЯТЕЖА...»

Еретическая война. - «Воевание партизанами, диверсантами, террористами, пропагандистами... примет в будущем огромные размеры». - Психологическая война. - Можно быть в войне, не воюя явно. - Иррегулярное воевание. - Исторические фазы Всемирной мятежевойны. - Вторая мировая война была одновременно и Всемирной мятежевойной. - «Холодная война». - Превращение партизанства и терроризма в самостоятельные виды войн. - Асимметрия как ключ к успеху. - Феномен «новых войн». -

Класс «новых воинов» - «псов войны». - Угроза международного терроризма. - Межцивилизационные квази-войны в интерпретации С. Хантингтона. - Мир вступил в стадию новой (Третьей или Четвертой?) мировой войны. - Приватизация насилия и разгосударствление войны. - «Всемятеж»: экспансия сетевых организаций и негосударственных военизированных структур. - «Фашизм нашего времени». - «Исламская угроза». - Контртерро - «Победное поражение США в Ираке». - Угроза «войны цивилизаций» и мировой гражданской войны. - Настало время воевать умно.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

Россия - слабое звено. - Уязвимость нашего Отечества перед смутами и мятежами. - Русские террористы и их идеология. - Ставка на массовый террор и партизанскую войну. - Гражданская война. - Предупреждение Карла Каутского. - Печальные последствия коммунистического эксперимента. - Попытка исламистских движений и организаций оторвать Чеченскую республику от России. - Диверсионно-террористическая война. - Кошмар в Беслане. - «Террористами нам объявлена тотальная война». - «Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности». - Когда Отечество в опасности...

КАК ПОБЕДИТЬ МЯТЕЖЕВОЙНУ: ЗАВЕТЫ Е.Э. МЕССНЕРА

История развивается «по Месснеру». - Хочешь мира, победи мятежевойну! - Всемирная ре-революция как главное условие победы. - «Хаос мятежевойны даст ре-революции большие шансы». - Духовное и моральное вооружение. - Ре-революционные изменения в мире. - Тревога за Россию, которая все еще остается зоной риска. - Связь между «анти-культурой» и гражданской войной. - «Гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих». - Возродиться для принципиально новой жизни. - В одиночку нам не выжить. - Европейский выбор России. - Необходимо «принять смелое решение реорганизоваться для мятежевойны ». - России следует готовиться к необычным (неклассическим) войнам. - Всегда готовиться к худшему - тогда не бывает неожиданностей. - «Нельзя перед инвазией разрушительных сил капитулировать». - Принцип реальной самозащиты. - «Минимальная этика». - Превентивная война. - Блицкриг может закончиться многолетней фазой мятежевоевания. - В мятежевойне мало добиться военной победы, надо еще и выиграть мир. - Необходимость возвышения армии. - Контрвойско. - Земский фронт. - Профессиональная армия. - Коренная (фундаментальная) военная реформа не должна сниматься с повестки дня. - Суворовские «законы усмирения мятежей». - Необходимость изучения партизанских и контрпартизанских войн, опыта борьбы с военно-политическим бандитизмом и терроризмом.

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Введение

«НЕПРЕСТАННАЯ ТА НАУКА ИЗ ЧТЕНИЕВ...»

Александр Васильевич Суворов, принципиально не терпевший «немогузнайства», для усвоения «хороших правил» воевания, «возбуждения к мужеству», «приобретения достоинств генеральских» и «возвышения духа» настоятельно рекомендовал офицерам «непрестанную ту науку из чтениев»: изучение «текущих и старинных войн», работ по военному искусству и военной истории, деятельности знаменитых полководцев. Он сам много читал (ежегодно выписывая до шестнадцати журналов и газет, заказывая десятки книг), всю жизнь победно воевал и выработал на этой основе блистательную «Науку побеждать». Особое место в ней занимают «законы усмирения мятежей», имеющие практическую ценность до сих пор. Зная цену своему гению и опыту, он настоятельно завещал: «Потомство, прошу брать мой пример... Моя система, иначе 30-летняя война... Естественность ищите в родном Отечестве... Мы - русские, с нами Бог!».

Военное дело постоянно усложняется и расширяется, развивается динамично, даже революционно. Его сложнейшая конъюнктура требует высочайшей технической и информационной подготовки, беспрерывной учебы и совершенствования, обширных военно-научных знаний, изучения новейшего искусства ведения войны и современного состояния военного дела, напряженной интеллектуальной работы. И по этой причине не обойтись без «непрестанной той науки из чтениев...». Победы в современных войнах достигаются не столько оружием, сколько умом.

Этим требованиям не может соответствовать «полуинтеллигентное» офицерство и полуграмотный личный состав. «Хотя и распространено мнение, что военный человек является каким-то упрощенным профессионалом без нужных посторонних знаний и без научной базы, проще говоря - неучем, но нет грубее и ошибочнее этого взгляда. Было бы правильнее проповедовать совершенно противоположный взгляд. Военному теперь нужен кругозор, многосторонность понимания, сложный цикл сведений, особенно теперь, когда требование интеллигентности давно признается необходимым достоянием самого последнего рядового», - утверждал классик отечественной военной мысли, крупный ученый-востоковед и полиглот генерал-лейтенант Андрей Евгеньевич Снесарев (1865-1937).

Современному российскому офицеру нужны не только специальные знания, но непрерывный «курс родинолюбия и долга», широкая осведомленность о происходящих в мире геополитических и военно-политических процессах, тенденциях развития иностранных армий.

Необходимо осознавать, что без просвещенного патриотизма ратный труд и само понятие «защитник Отечества» теряют свой корневой смысл, а Россия обрекается - по Суворову - на «скудное будущее» и «бесславную судьбу». Снесарев, предлагавший обширную программу военного отечествоведения, замечал: «Знать свою страну - это долг всякого военного, знать ее с военной стороны - это его профессиональная обязанность. Только путем основательного изучения своей Родины может дозреть и закрепнуть любовь к ней, которая для офицера должна быть краеугольным камнем его мировоззрения. Конечно, было бы дико вообразить

себе военного, который бы относился к своей стране с равнодушием или неуважением, но теперь настали такие времена, когда для военного мало инстинктивной любви, любви по привычке или по вере, а нужна любовь проверенная, основанная на знании фактов, на знании как положительных, так и отрицательных сторон своей страны».

Национальный военный прогресс и дело государственной обороны невозможны и без подлинного служения Родине, предполагающего, прежде всего, качество (завет выдающегося русского философа И.А. Ильина). Такое служение немыслимо и без глубокого усвоения достижений отечественной и зарубежной военной культуры, уроков военной истории - этих главнейших первоисточников военного дела, важнейших рычагов образования и воспитания воина-профессионала-гражданина. Военно-историческая работа (особая отрасль «науки из чтениев») должна быть нацелена на верное понимание и решение проблем нынешних и на будущее. Вот что писал по этому поводу Александр Андреевич Свечин, не случайно названный «Русским Клаузевицем»: «Не вглядываться в прошлые события, не изучать причины наших поражений - значит не желать исцелить нашу армию от сковывающих ее недугов, не желать ей в будущем побед... Природа всего военного знания историческая... Военная история предстанет перед нами неисчерпаемой сокровищницей интереснейших и поучительнейших мыслей и фактов, если мы не будем зарываться в нее, укрываясь от настоящего, от практической работы; страницы прошлого должны представлять для нас не могильные памятники, а оружие для борьбы в настоящем, ключ к его пониманию. Каждое поколение должно само выковывать новое историческое оружие, сколько бы труда это ему не стоило, и овладевать им, чтобы иметь возможность свободно ступать своей дорогой и не тащиться в хвосте за другими... Военный историк должен пролагать новые пути стратегии, оперативному искусству и тактике... Расцвет русской военной истории только и может произвести на свет русскую доктрину».

Российская императорская армия не была совершенной, но обладала уникальной культурой, интеллектом и оставила нам богатейшее наследие русской военной классики. В ней содержатся принципиальные ответы на многие вопросы и современного военного строительства. Это та самая основа и тот бесценный духовный капитал, на которые в первую очередь следует опираться при возрождении военной мощи Отечества, создании новой российской вооруженной силы.

Наша классика представляет собой спасительную систему идейного верования, духовной помощи и нравственного водительства, подлинный кладезь истинного патриотизма, плодотворных, жизненно важных, порою злободневных и даже перспективных знаний и идей.

К великому сожалению, понимания этой прописной истины в Вооруженных силах пока недостает. По-прежнему не находит поддержки идея издания многотомной «Библиотеки отечественной военной классики» по примеру осуществленной уже государственной программы снабжения школьных библиотек России книгами классиков отечественной литературы (серия из 100 томов!). Все понимают необходимость обеспечения войск современными техникой и вооружением. А вот их потребность в надежном духовном, информационном оружии всерьез, видимо, не осознается.

Решение этой архиважной проблемы посильно, на основе частного почина, при помощи ряда должностных лиц и многих отзывчивых людей продолжает коллектив «Российского военного сборника». Очередной выпуск издания посвящен наследию русского офицера-эмигранта, Генерального штаба полковника Евгения Эдуардовича Месснера (1891-1974), автора получившего известность в последние годы труда «Всемирная мятежевойна», других

многочисленных работ, важнейшие из которых публикуются в хрестоматийной части представляемой книги.

Что же касается концепции «мятежевойны», то, по нашему мнению, она все еще остается той философско-практической конструкцией, которая дает наиболее адекватное и системное объяснение феномену современных, так называемых новых (неклассических) войн. Существуют и скептические оценки взглядов Месснера, но ни один из критиков не предложил пока ничего лучшего или даже равнозначного. Других системных «чтениев» о мятежевойне, которая со всей очевидностью приняла планетарный масштаб, попросту нет. Оригинальный мыслитель создал неповторимый мир своего творчества, не утративший актуальности, идейно богатый и чрезвычайно поучительный. Поэтому, после публикации наследия А.В. Суворова, А.Е. Снесарева, А.А. Свечина, мы сочли своим долгом продолжить сей блистательный ряд именем Е.Э. Месснера.

Редакция

ОТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ДО «ТРЕТЬЕЙ ВСЕМИРНОЙ»

Жизненный путь Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера

Евгений Эдуардович Месснер (1891-1974) - классик, стоящий - во времени - вплотную к нашей эпохе. Имя его должно быть хрестоматийно известным, наряду с именами других выдающихся отечественных военных мыслителей, писателей, ревнителей военных знаний. Этот русский офицер, прошагавший дорогами нескольких войн, волей судьбы обреченный на долгую и трудную жизнь в изгнании, известный в Зарубежье и безвестный на Родине, сорок лет назад предупредил мир о наступлении эры «неклассических» войн, «всемирного мятежа» и «безграничного террора». Он был человеком исключительной эрудиции, блестящего интеллекта, владел английским, немецким, французским, испанским, сербским языками.

Уникальность Месснера - еще и в другом. Он, пожалуй, единственный наш военный ум, чье творчество охватывает более чем полувековой период, трагически переполненный войнами и социальными взрывами, перегруженный военно-техническими революциями. Удивительно: в одних его работах речь идет о генералах Брусилове и Каледине, Врангеле и Кутепове, Дроздовском, Тимановском, Скоблине, под началом которых он состоял на фронтах Великой и Гражданской войн (некоторых знал лично), или, скажем, о таких героях Красной армии, как Тухачевский и Буденный, против войск которых он сражался; в других работах, к примеру, фигурируют Кеннеди и Киссинджер, де Голль и Помпиду, Арафат и Меир, Садат и Каддафи, Брежнев и Громыко, Мао Цзэдун и Линь Бяо, чья политическая деятельность также была предметом неустанного внимания «профессионального наблюдателя международной и военно-стратегической ситуации».

Из-под его пера вышли десятки трудов, несколько тысяч статей и заметок, опубликованных как в русских изданиях, так и в иностранной печати. Но дело не в количестве, тем более что до нас дошла только часть наследия, «рассеянного» по всему свету, как и сама русская эмиграция, к которой он принадлежал. Дело - в качестве: в идеях, выводах, постулатах, подтвердившейся прозорливости и самобытной оригинальности полковника Месснера.

Стать офицером

«Моя биография... никогда никого не заинтересовала бы: ведь я - не историческая личность», - утверждал Месснер незадолго до смерти в комментарии к своему послужному списку[1]. И оказался не прав. Ибо судьба писателя, наследие которого не теряет актуальности и со временем все отчетливее несет на себе приметы классики, не может не вызывать общественного интереса. Сегодня уже цитируются мысли, оцениваются идеи, печатаются труды Месснера. Его биография значительно меньше занимает исследователей, а это приводит к дефициту представления об эволюции, объеме и о характере творчества, о самой личности автора «Всемирной Мятежевойны». Порой в высказываниях о нем приблизительность, а то и

1 Этот список с авторскими комментариями был опубликован в серии библиотеки журнала «Новый часовой» несколько лет назад. См.: Евгений Эдуардович Месснер: Судьба русского офицера. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997.

несуразица соседствуют с высокомерием и небрежением.

К сожалению, то, что цельно поведал о себе Евгений Эдуардович, касается лишь его жизни на Родине, которую он покинул в рядах Русской армии генерала Врангеля. О десятилетиях, проведенных на чужбине, сведений значительно меньше[2]. Но все же вехи полувекового пути писателя постепенно отыскать удалось, и наш долг - сколь возможно, поведать о человеке, о его необычной судьбе.

Евгений Эдуардович Месснер родился 3 (16) сентября 1891 г. в Херсонской губернии в семье архитектора. Его прапрадед, происходивший из вюртембергских немцев, переселился в Россию при Екатерине II. Отец был лютеранин, а мать - католичка, но воспитывали его и брата Виктора по-православному, справляя дома все русские церковные праздники. И назвали детей так, чтобы те смогли принять православие, не меняя имен. Впоследствии так оно и случилось.

Получив среднее образование в 3-й гимназии Одессы, Месснер поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета. Серьезно занимался спортом, являлся одним из родоначальников одесского футбола. Студентом пробыл только год, ибо его влекла иная стезя. «С юных лет, - писал Месснер, - я решил стать офицером. Судьба противилась этому: по окончании гимназии я два года подряд не мог быть принятым в Михайловское артиллерийское училище из-за болезней (брюшной тиф, а в следующем году серьезное поранение на футболе). Чтобы наверстать потерянное время, я, по совету приятеля моего отца, полковника, военного прокурора Мендэ, избрал быстрый, но неимоверно трудный путь к офицерскому званию: экстерном держать экзамен за курс училища»[3].

В сентябре 1910 г. он вступил в службу вольноопределяющимся 15-й артиллерийской бригады, быстро втянулся в войсковую жизнь, через год получил звание прапорщика запаса. Не откладывая, поспешил в Петербург для подготовки к экзаменам, нашел группу молодых «офицеров-академиков» (т.е. окончивших военные академии), которые в свободное время за плату готовили желающих к экзаменам в училища, академии, а также «подтягивали» неуспевающих кадетов и юнкеров, т.е. занимались репетиторством. Месснер «гигантскими шагами» овладевал программой: освоил около десятка дисциплин за шесть месяцев, вместо предполагавшегося года (испытанию можно было подвергаться либо весной, либо осенью). В апреле 1912 г. он успешно - «по первому разряду» - выдержал экзамены за курс одного из лучших военно-учебных заведений России - Михайловского артиллерийского училища. При сдаче экзамена экстерном такой результат был редкостью и большим достижением, которое сам отличившийся объяснял так: «Успеху я обязан своей работоспособности... и своей исключительной памяти и, в-третьих или во-первых - своему желанию стать офицером и пойти по стопам моего любимого дяди Александра (офицера, потом генерала Генерального штаба)»[4]. Так сбылась мечта стать офицером, проявились исключительные целеустремленность и настойчивость Месснера - одни из важнейших офицерских качеств.

Надо сказать, свои высокие представления об офицерском призвании и служении он пронес через всю свою долгую жизнь. Судьба отвела ему только пять лет в рядах «корпуса слуг» Российской империи, как называл Евгений Эдуардович офицеров старой армии, три из которых он провел на фронте Великой войны. Еще три года - войны Гражданской. Но Русским

---

2 Таковые могут быть в личной архивной коллекции писателя, находящейся в Бахметьевском фонде Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке.

3 Там же. С. 23.

4 Там же. С. 23.

Офицером был - пожизненно. Во-первых, принадлежал к Русскому общевоинскому союзу и другим военно-общественным организациям Зарубежья. Во-вторых - и это главное, - служил России своим творчеством, в котором теме офицерства уделил особое внимание. В работах «Российские офицеры», «Современные офицеры», «Царь и офицер», «Полуинтеллигентное офицерство», «Офицерство и политика» и других пронзительно, сильно, в оригинальной манере высвечен «офицерский вопрос», его тенденции в XX веке и в то же время очерчен «облик идеального офицера» - служащего по призванию, обладающего «офицерской духовной наследственностью», подлинного «военного интеллигента», специалиста-профессионала.

На Великой войне

Офицерскую службу Месснер начал в 5-й батарее все той же 15-й артиллерийской бригады. Уже через несколько месяцев был переведен учителем в учебную команду, что счел «первой и быстро данной наградой», ибо подобные должности занимали, как правило, опытные поручики или капитаны. Полностью отдавался делу обучения и воспитания подчиненных бомбардиров, выковывая из них настоящих воинов-артиллеристов, состоял на хорошем счету у командования. Через год получил должность адъютанта 2-го дивизиона, что также говорило о скором служебном росте.

Каждое лето бригада уходила из Одессы, с «зимних квартир», на полигон под Тирасполь к месту боевых стрельб, где в 1914 г. и было получено известие о начале войны. Неделю спустя, согласно мобилизационному плану, соединение убыло на театр военных действий, сосредоточившись в районе г. Владимира-Волынского. Там же в начале августа бригада, входившая в состав 15-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса, отражала наступление австро-венгерских войск и подпоручик Месснер получил боевое крещение. Причем дело доходило до «штыковой свалки». Он вспоминал: «Полковник Лукашевич (командир артдивизиона. - *И.Д.*) скомандовал: "Шашки вон!", и мы ринулись в атаку. Посчастливилось ударить во фланг венгерского батальона. Мне удалось рубануть лишь одного врага, а мои разведчики потом взволнованно уверяли, что каждый зарубил трех-четырех мадьяр. Венгры отступили». Заметки об этих боях с подзаголовком «Впечатления подпоручика Е.Э. Месснера» увидели свет через шестьдесят лет и оказались одной из последних публикаций писателя: их начало напечатано в сентябрьском (1974) номере «Русского Слова», за две недели до его смерти, а окончание - в октябрьском, три недели спустя[5].

Затем прошли самые тяжелые месяцы войны, время фатальных неудач и отступлений русской армии. В апреле 1915 г. Месснер был произведен в поручики. В августе того же года из-за болезни был эвакуирован в Одессу. Воспользовавшись отпуском, решительно действовал «на личном фронте»: обвенчался с Людмилой Эммануиловной Калийной - Милушей, как затем всю жизнь называл ее. Их роман начался еще в 1910 г., в 1913-м они обручились. Отец невесты - Э.Х. Калнин был отставным генерал-лейтенантом Генерального штаба, помимо академии в свое время окончившим еще Институт восточных языков и много лет прослужившим в качестве военного агента России в Афинах и Константинополе. Он желал видеть будущего зятя также офицером Генштаба и условием женитьбы ставил поступление того в академию. Война изменила иерархию мнений, и молодые решили вступить в брак. Впереди у них было более полувека совместной жизни, в которой они делили друг с другом все тяготы выпавших на их долю испытаний и скитаний по свету (Людмила

5 См.: Русское Слово. 1974. №534, 535-537.

Эммануиловна умерла в Буэнос-Айресе в феврале 1966 г.). Вспоминая отъезд на фронт после свадьбы, Месснер говорил о невероятной душевной тяжести: расставаться с женой - это не то что с невестой. «Тут я понял, - признавался он, - почему в боях холостые офицеры бывали храбрее женатых»[6].

Тогда же в отпуске молодой, но уже опаленный войной офицер зашел в родную гимназию повидаться с учителями. Те, увидев перед собой бравого поручика «с Владимиром на груди (для этого чина орден Св. Владимира 4-й степени с мечами довольно редкая награда. - *И.Д.*), Анной на шашке, Станиславом на шее», были потрясены и повели героя по классам, чтобы всем показать бывшего ученика гимназии. «Эта бурная реакция, - вспоминал Месснер, - была мне тягостной, но - не скрою - бывало приятно ощущать, что мои знакомые, при виде моих орденов, обращаются со мною не как с 24-летним поручиком, а как с заслуженным перед Отечеством человеком. Не чванство это, не честолюбие, а каждому человеку свойственное желание, чтобы его ценность была признана. Мелко? Мелочно? Пусть! Но в боях творя великое, можно отдаться потом маленькой слабости и быть мелочным»[7]. Думается, мысли о признании заслуг тех, кто вершит дела социально и государственно значимые, - очень верные мысли.

Он воевал в должностях адъютанта командира бригады, старшего офицера батареи, демонстрируя исключительное умение в артиллерийской разведке, выборе огневых позиций, организации и корректировании огня и т.п. В феврале 1916 г. получил воинское звание штабс-капитана.

В один из дней знаменитого Брусиловского наступления он с командиром бригады генералом В.А. Дудиным находился на командном пункте 15-й пехотной дивизии, части которой штурмовали Луцк. Своими грамотными действиями, расторопностью и сноровкой штабс-капитан Месснер обратил на себя внимание начальника дивизии генерал-майора (впоследствии генерал-лейтенанта) П.Н. Ломновского. В результате Евгений Эдуардович несколько месяцев фактически выполнял обязанности его адъютанта, о чем позже писал: «Он (Ломновский. - *И.Д.*) имел обыкновение ежедневно объезжать или обходить боевую линию и стал ежедневно брать меня с собою. Он убедился, что я не струшу пройти там, где опасно, что я проползу там, где ему, человеку пожилому, не проползти, и что я ему сделаю доклад точный и полный... Он меня сделал как бы своим старшим адъютантом по части Генерального штаба. Он меня посылал в дальние разведки. Я нес две службы - бригадного адъютанта и адъютанта начальника дивизии... Я понимал, что мне эта дополнительная "нагрузка" чрезвычайно полезна, развивая во мне генеральштабные способности и обогащая меня военным опытом выдающегося генерала»[8]. К слову, генерал Ломновский, позже последовательно командовавший корпусом и армией, бывший в 1918-1919 гг. представителем Добровольческой армии на Украине у Скоропадского, также оказался в эмиграции. Жил в Ницце и, читая русскую печать, знакомился со статьями своего фронтового адъютанта.

Памяти Петра Николаевича Ломновского, офицеров, унтер-офицеров и солдат его дивизии, а также памяти командующих армиями, генералов Алексея Максимовича Каледина и Платона Алексеевича Лечицкого Месснер посвятил книгу «Луцкий прорыв», написанную им уже на склоне лет при участии полковников И.Н. Эйхенбаума и М.И. Бояринцева к 50-летию крупнейшей операции Великой войны (напечатана в Нью-Йорке Всеславянским

6 Евгений Эдуардович Месснер... С. 31.

7 Там же. С, 34.

8 Там же. С. 35.

издательством в 1968 г., фрагменты из этой работы мы публикуем). Находясь в Аргентине, они посильно пытались запечатлеть «героику и трагику» этой битвы, «психологические картины духа войны и духа воина», показать страницы славы Российской императорской армии. А на Родине, официально, ту войну старались замалчивать, словно она не из русской истории, будто не заплатила за нее Россия миллионами жизней своих сынов[9].

В конце октября 1916 г. Месснер как наиболее способный, подготовленный молодой офицер дивизии был направлен на Академические курсы в Императорскую Военную академию (академию Генерального штаба). Напомним, что с началом войны обучение в академии было прекращено: все слушатели и профессорско-преподавательский состав убыли на фронт. Но постепенно выявилось, что такое решение было ошибочным, так как увеличение армии, с одной стороны, и естественная убыль в ходе боевых действий - с другой, стали причиной острой нехватки специалистов службы Генерального штаба. Было принято решение об ускоренной подготовке «генштабистов». 1-я очередь курсов (около 150 офицеров) действовала с ноября 1916 по конец января 1917 г. Обучение велось крайне интенсивно, ибо программа обязывала освоить несколько видов тактики (по родам войск), разведку, фортификацию, топографию, военную администрацию, службу Генерального штаба и др. Не справлявшиеся с напряженностью отчислялись и досрочно уезжали на фронт. Месснер (по сумме экзаменационных баллов) окончил курс в первой десятке. Отказавшись от назначения преподавателем Александровского военного училища, в начале февраля 1917 г. он вернулся в родную дивизию старшим адъютантом штаба (по существовавшему порядку, он не был переведен в Генеральный штаб, а был к нему «причислен»). В апреле вступил во временное исполнение должности начальника штаба дивизии, сменив полковника М.Г. Дроздовского (впоследствии одного из легендарных героев Белого движения), принявшего командование 60-м Замосцским пехотным полком. С небольшим перерывом Месснер оставался «вр.и.д.», а затем «и.д.» до самого выхода России из войны и последующей демобилизации дивизии уже при Советской власти, весной 1918 г. Одним из ярких боевых дел на этом посту были планирование и подготовка прорыва вражеской укрепленной полосы на участке наступления 15-й пехотной дивизии 11-14 июля 1917 г. на Румынском фронте. Об особенностях и неимоверных трудностях подготовительной работы и самого наступления в условиях «углубления революции» и процесса разложения войск он поведал полвека спустя в небольшой статье «Последняя победа Императорской армии»[10]. Приходилось разъяснять солдатам, что атака вражеской позиции нисколько не противоречит формуле «без аннексий и контрибуций»; в дни боя на каждой батарее поставили по члену комитета дивизии, ибо самые революционно настроенные нижние чины заявляли, что не дадут проводить артподготовку... Незадолго до того пришло популистское решение об увольнении солдат старших возрастов, и многие из них отказывались рисковать жизнью в бою. Даже полковник Дроздовский, который в своем полку был любим, не ручался, что полк пойдет в атаку. Дошло до «торга» с унтерами о пропорциональном участии «стариков» в предстоящих боях.

И все же, в полном соответствии с планом, прорыв удался. «Победа, - пишет Месснер, - была несомненная и эффективная. Но 16 июля пришло приказание отойти на исходную позицию: у Станиславова наши армии бежали и в связи с этим пропадал смысл выдвижения

---

9 Безусловно, в советской историографии имелись труды по Первой мировой войне, но все они деформированы прессом идеологии, трудно найти в них слова о подвиге, даже нет порой фамилий крупнейших военачальников Российской армии.

10 Наши Вести. 1967. №253.

8-го армейского корпуса клином в германскую оборонительную линию». Однако автор подчеркнул: этот отход не отменяет победы, одержанной 8-м армейским корпусом, тем более что это, по его мнению, была «последняя победа Императорской армии». За «способствование победе» Месснер получил Георгиевское оружие.

Вот краткий итог его участия в Великой войне: «...выдержал свыше 1000 дней тяжелых сражений, был семь раз ранен и контужен, получил 12 боевых наград, вплоть до Георгиевской, со скромной должности адъютанта артиллерийского дивизиона поднялся до поста начальника штаба... дивизии»[11].

К этому недолгому, но звучному перечню заслуг важно добавить одно чрезвычайно важное обретение: огромный боевой опыт и ратная практика, которые укрепили и развили серьезный интерес Месснера к военному делу, дали ему на многие годы вперед богатейшую пищу для размышлений и творческой работы.

Вероятно в том же, 1917 г. он особенно остро осознал гибельную опасность революционной анархии, начал понимать, в какую стихию превращается армия в условиях народного брожения и антигосударственности, стал задумываться о свойствах и законах войны в таких условиях, вернее, войны уже иного вида, дух которой витал над Россией, - «войны гражданского образца», войны революционной.

Румынский фронт еще держался и после прихода к власти большевиков. Россия официально к началу 1918 г. еще не вышла из войны, но развал армии достиг апогея: как реальная боевая сила она прекратила свое существование. В то время, когда многие офицеры резонно «самодемобилизовывались», Месснер, при всей тяжести положения, продолжал оставаться на своем посту. Между тем громко заявило о себе Белое добровольчество. В феврале Евгения Эдуардовича вызвал в Яссы полковник М.Г. Дроздовский и предложил ему стать старшим адъютантом в штабе формируемой им Офицерской бригады. Месснер с готовностью согласился, требовалось лишь вернуться в Скынтею, где находился штаб 15-й пехотной дивизии, обязанности начальника штаба которой он исполнял, и сдать кому-либо должность. Однако после его отъезда из Ясс обстановка резко изменилась, и бригада Дроздовского спешно ушла из Румынии, начав свой легендарный поход.

В марте 1918 г. штабс-капитан Месснер с остатками полков и артиллерийской бригады соединения прибыл с Румынского фронта в Одессу. Далее вновь процитируем фрагмент комментариев офицера к своему послужному списку: «Через месяц откуда-то взявшийся гетманский генерал Колодий (до отделения Украины он назывался Колодей) созвал нас, офицеров, и объявил, что дивизия украинизируется и входит в состав гетманского корпуса со Штабом в Одессе (он не дал объяснения, почему Одесса стала частью Украины, когда Новороссия никогда Малороссии не принадлежала). Я заявил Колодию, что украинизироваться не желаю, покинул собрание офицеров (растерявшихся от слов Колодия: украинизироваться никому не хотелось, но жить без жалованья было уже невмочь. А денег мне Казначейство для дивизии не выдавало, не зная, кому оно и кому мы принадлежим - бывшему Временному правительству, нынешнему Ленинскому или народившемуся гетманскому?)»[12].

11 Русское Слово. 1974. №535-537. С. 3.
12 Евгений Эдуардович Месснер... С. 40.

В Белой борьбе

Уволившись, несколько месяцев Месснер пребывал - по его словам - «не то в отставке, не то в запасе». В этот период, он по поручению своего дяди, генерал-майора Генштаба А.Я. Месснера, связанного с лидерами Белого движения на Дону, совершил поездку в Новочеркасск и получил там распоряжение о тайной вербовке в Добровольческую армию офицеров, находившихся в Одессе.

Осенью 1918 г. по согласованию со Скоропадским в Одессе началось формирование Добровольческих частей. Евгений Эдуардович, как артиллерист, был назначен в 1-ю офицерскую батарею, но вскоре затребован в Штаб формирований Одесского центра Добровольческой армии в качестве штаб-офицера для поручений. По его собственной оценке, «штаб не делал решительно ничего», работа по формированию подразделений и частей шла самотеком, без должной организации.

В последующие несколько месяцев он в качестве офицера названного штаба принимал участие в формировании частей Белой армии, в организации освобождения Одессы от петлюровцев, как «язычник» (шуточная саморекомендация, т.е. знающий иностранные языки) налаживал взаимодействие с командованием французскими войсками, находившимися в Новороссии. Это был период неразберихи, бесконечной смены белых начальников (адмирал Д.В. Ненюков, генералы А.Н. Гришин-Алмазов, А.С. Санников, А.В. Шварц). В апреле 1919 г. французы решили оставить Одессу, белые под натиском частей Красной армии прибегли к эвакуации. Генерал Шварц приказал штабу Центра направиться в Константинополь, и большинство штабных чинов так и поступило. Месснер же по личной инициативе был прикомандирован (а затем и зачислен в штат) к штабу Одесской стрелковой бригады генерала Н.С. Тимановского, которая вынужденно отходила в Румынию, где была интернирована. После угрожающей затяжки ее части все же морем переправили в Новороссийск. Этому в немалой степени способствовал представитель Деникина в Румынии, бывший начальник штаба Румынского фронта, генерал-лейтенант А.В. Геруа, к которому Месснер был нелегально послан в Бухарест.

Вероятно, тогда и произошло знакомство двух ярких военных писателей. Правда, талант Александра Владимировича Геруа, его работы обрели широкую известность еще в старой армии, а звезда Месснера засияла позже - в эмиграции. Спустя годы они встречались в Белграде (возможно, и в Бухаресте, где проживал Геруа), обсуждали вопросы развития военного дела, публиковались на страницах одних и тех же изданий («Военный Сборник», «Вестник Военных Знаний», «Русский Голос»).

В 7-й пехотной дивизии. Из Новороссийска бригаду Тимановского поездом перебросили в Ростов, где развернули в 7-ю пехотную дивизию. Она вела бои в Кузбассе, затем (уже без генерала Тимановского, ставшего начальником 1-й пехотной, а позже Марковской дивизии) под командованием полковника П.П. Непенина принимала участие во взятии Царицына, потеряв при штурме «Красного Вердена» убитыми и ранеными около 100 офицеров и более 270 нижних чинов. Самое живое участие в планировании действий дивизии и руководстве ее частями принимал старший адъютант штаба штабс-капитан Месснер.

В один из решающих моментов наступления он сыграл очень важную роль, находясь в боевых порядках полков с целью выяснения обстановки и определения степени их готовности к решающей атаке. Рядом неожиданно появился руководивший операцией командующий Кавказской армией генерал П.Н. Врангель, приехавший на автомобиле для ознакомления с

положением, и потребовал от Месснера доклада. Выслушав, приказал передать Непенину: не атаковать, пока не подойдут несколько танков. После этого умчался на другой участок фронта. Командиры частей поспешили к старшему адъютанту, чтобы узнать о его разговоре с командующим. Пока Месснер отвечал на их вопросы, казачья бригада терцев, примыкавшая к 7-й дивизии слева, пошла в конную атаку. То было результатом неувязок взаимодействия. Возникло краткое замешательство: с одной стороны, требовалась безусловная поддержка соседей, с другой - был приказ Врангеля без приданных танков не атаковать. Учитывая наступательный порыв полков и следуя суворовскому «местный лучше судит...», Месснер взял ответственность на себя и от имени начальника дивизии (находившегося на командном пункте примерно в версте от передовой) приказал атаковать. Подоспевший Непенин одобрил действия старшего адъютанта своего штаба и продолжил руководство частями. Поведав об этом боевом эпизоде полвека спустя, Месснер подчеркнул: «Инициатива младшего должна иметь целью наилучшее выполнение замысла старшего, но не отмену его приказа»[13].

Генерал Врангель в своем приказе от 30 июня 1919 г. отмечал: «...Высокая доблесть пехоты... ее выносливость, отличное маневрирование на поле боя, отличная работа артиллерии и умелое руководство начальников 7-й пехотной дивизии сыграли решительную роль в борьбе за Царицын»[14].

Полтавский отряд. В июле дивизию перебросили на киевское направление, ее принял генерал Н.Э. Бредов, которому также подчинили еще ряд частей; так образовался Полтавский отряд, имевший задачей взятие Полтавы. Месснер оставался старшим адъютантом штаба дивизии (т.е. начальником оперативного отделения) и вместе с тем - отряда. Из-за того что между Бредовым и начальником штаба дивизии полковником Г.А. Эвертом были натянутые отношения, с начальником дивизии теснее общался Месснер. Сопровождая его в ежедневных объездах боевых участков, Евгений Эдуардович постоянно был в курсе всех боевых событий, досконально знал обстановку и в любое время суток мог доложить ее при запросе вышестоящих штабов.

Крайне важно отметить следующий факт в боевой биографии Месснера. Летом 1919 г. генерал Бредов поручил ему создать газету «добровольческого направления», что и было творчески исполнено при помощи офицера штаба поручика Циммермана (впоследствии профессора права в Праге). А уже в Киеве Месснеру выпала миссия выступить перед общественностью города «с большим живым докладом» о походе отряда на столицу Украины; выступление имело необычайный успех. «Таким образом, - вспоминал Евгений Эдуардович, - сделал я первые шаги в моей дополнительной к оперативной - пропагандной специальности».

Думается, **этот момент можно считать исходной точкой публицистической, писательской деятельности Месснера.** В целом же стремление письменно зафиксировать боевое (а шире - военно-политическое) событие, обстановку, проанализировать их, уловить смысл, понять характер, «прозреть», определить тенденцию, сделать прогноз или предложить решение - все это, несомненно, вырастало из «оперативной», штабной специальности (планирования операций, расчетов сил и средств, составления многочисленных боевых документов) и, разумеется, из личной предрасположенности к этому (в течение всей войны «с большой тщательностью» он вел дневниковые записи). Недаром большинство военных писателей, профессуры русской армии - это специалисты Генерального штаба. Офицеров пишущих Месснер называл «письменными», с полным основанием относя к ним и себя.

---

13 *Месснер Е.* Инициатива // Наши Вести. 1969. №273. С. 2.

14 Цит. по: *Цветков В.Ж.* Белые армии юга России. М.: Посев, 2000. С.109.

В Киеве состоялось его знакомство и сложились дружеские отношения с журналистом М.С. Мильрудом, который десятилетие спустя в Риге редактировал одну из самых известных газет Русского Зарубежья «Сегодня». В 30-е гг. Месснер постоянно сотрудничал с изданием.

Бредовский поход. В ноябре-декабре Полтавский отряд - костяк Киевской группы войск - под мощным натиском Красной армии оставил город, отрезанный от главных сил Юга России, отходил в район Одессы. В этот тяжелый момент Месснер приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (№75 от 25 декабря 1919 г.) был произведен в капитаны со старшинством с 30 июня 1919 г., а 20 января 1920 г. - причислен к Генштабу.

Генералу Бредову приказом командующего войсками Новороссийской области (т.е. юго-западной части Украины) генерала Н.Н. Шиллинга были подчинены все белые войска Правобережной Украины (кроме Одесского гарнизона), также спешно отступавшие. В создавшейся обстановке было решено отходить в Румынию и там ожидать эвакуации в Крым. Румыны же отказались пропустить отряд на свою территорию. Дабы избежать бесславной гибели вверенных войск, Бредов нашел парадоксальный и крайне рисковый выход, основанный на внезапности, - двигаться на север, вдоль Днестра в Польшу. С 30 января по 11 февраля 1920 г., практически в виду превосходящего противника, был совершен фланговый марш частей (более 13 тыс. штыков и сабель), отягощенных семитысячным обозом с больными, ранеными и беженцами. Достигнув рубежа польских войск и найдя у них поддержку, части Бредова, по согласованию с поляками, заняли один из участков их фронта, обороняли его почти месяц, находясь на довольствии временных «союзников». «Искусно проведенным военным предприятием», «одной из героических страниц белой борьбы» назвал этот поход известный военный писатель и публицист Русского Зарубежья генерал Б.А. Штейфон[15], бывший начальник штаба Бредовского отряда, под непосредственным началом которого в тот период состоял Месснер. В эмиграции оба проживали в Белграде, их объединяли не только труд на военно-литературной ниве, но и «закрытая» оперативная работа в Русском общевоинском союзе.

В марте 1920 г., ввиду разразившейся эпидемии тифа, отряд разоружили и отправили в Польшу, где разместили в трех лагерях. Болезнь уносила сотни и сотни жизней. Месснер в составе штаба «отбывал карантин» в лагере Пикулице (Перемышль). Весной военно-политическая ситуация стала меняться: польские войска взяли Киев, возродилась мечта о «Великой Польше до Днепра». Отношение поляков к русским воинам ухудшилось. Бредов и Штейфон принимали экстренные, в том числе дипломатические, меры по эвакуации своих войск в Крым. Сделать это удалось только летом. И опять большую роль в отправке белых войск через Румынию сыграл генерал-лейтенант А.В. Геруа[16].

«Верные долгу» - гласил девиз на особом знаке в форме белого креста с опущенным серебряным мечом. Этим знаком отмечены участники похода уже в эмиграции (приказ генерала Врангеля от 25 февраля 1922 г.).

Корниловец. По прибытии в Феодосию в конце июля 1920 г. штаб отряда расформировали. Капитан Месснер был членом ликвидационной комиссии. В середине сентября, он, согласно распоряжению генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Русской армией, отправился на усиление штаба Корниловской дивизии, которая вела тяжелые бои в Северной

---

15 *Штейфон Б.А.* Бредовский поход // Часовой. 1933. №110-111. С 16.

16 ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 80. Л. 340. Отчет о деятельности генерал-лейтенанта А.В. Геруа в качестве военного представителя Добровольческой, а затем Русской Армии в Румынии (Опросный лист члена РОВС). Там же указана численность Бредовского отряда - 13 тыс.

Таврии. Месснер фактически возглавлял штаб корниловцев в октябре, в заключительный и самый трагический период их борьбы за Россию и вошел в анналы Белого движения как последний начальник штаба прославленного соединения. (Хотя формально это неверно: он лишь исполнял обязанности, а штатным начальником штаба с ноября 1919 г. вплоть до эвакуации из Крыма был его сокурсник по академии полковник К.Л. Капнин, который и подписал дополнение к послужному списку Месснера от 3 ноября 1920 г.). Один из боевых эпизодов того периода отражен писателем в статье «Моя служба с ген. Скоблиным» (см. хрестоматийную часть). В целом же Заднепровской операции белых посвящена первая исследовательская работа Месснера, выполненная им уже в Белграде, в 1921 г., при участии

полковника Ю.В. Сербина (также однокашника по курсам Академии Генштаба), ставшая, по свидетельству автора, для него «началом изучения гражданской войны». Эту операцию он оценил как яркий образец «авантюристической стратегии легкомысленного штаба генерала Врангеля»[17].

О «высоте корниловского духа» - духа антибольшевизма, добровольчества, борьбы за честь национальной России, защиты ее поруганных исторических святынь, - о важности его сохранения Месснер писал не раз. Приведем его статью из бюллетеня «Корниловцы» за 1964 г., помещенную также в начале солидного тома «Материалов для истории Корниловского ударного полка», изданного полковником М.Н. Левитовым в Париже в год смерти Месснера:

«Не виню никого. Виню всех. Никто и все виноваты в том, что наши полковые колонны имеют только "голову" и не имеют "хвоста". Голова седая, а хвоста нет. "Не то важно, что эмиграция существует, важно то, что она вымирает", - сказал однажды Сталин. Мы вымираем, это значительный, важный факт. Но мы еще существуем, - это тоже факт важный и значительный, потому что мы храним в душах своих, в полковых объединениях, дух России, дух Белой Борьбы, дух нашего доблестного Войска. А мы, Корниловцы, храним еще и дух нашего (почему-то так редко поминаемого) полковника Неженцева и нашего Великого Генерала Корнилова.

Вот собрались мы в Париже, Брюсселе, Нью-Йорке, Буэнос-Айресе и в других местах в день Полкового праздника. Провели этот день в добром воинском единении и, оторвавшись от будней, поднялись на высоту Корниловского духа. Это было радостно. Это было красиво. Но было бы еще великолепнее, если бы сумели мы сберечь этот дух не только для себя, но и для России, чтобы в будущей Русской Армии возродилась та красота, которою Корниловский полк и дивизия озарили мрачное время гражданской войны. Для этого бережения духа у нас нет преемственности возрастов бегущего кадра. Если не случится чуда, если Россия не освободится в самом скором времени, то некому будет донести до России то чудо, которое мы бережем: дух Корнилова. А донести надо. Мы окажемся дезертирами Корниловского долга, если не позаботимся о передаче Корниловского духа будущей Русской Армии. Теперь уже поздно искать смену и воспитывать ее. Но есть другая возможность не стать дезертирами долга, ибо если у Знамени часовые сменяются один за другим, непрерывной чередой, то караул у духа, у Корниловского духа, могут нести не только люди, но и души в строю там, на небе, души усопших Корниловцев. Умер Суворов, ушли к нему генералы, офицеры, чудо-богатыри. Прошли десятилетия, и суворовский дух ожил в русском войске: отыскал генерал М.И. Драгомиров текст суворовской "Науки побеждать", внушил ее своему офицерству, а через него всему Российскому офицерству, и пошла в 1914 году наша Армия драться по-суворовски. Этот же суворовский дух осенил Генерала Корнилова, а через него и всю

17 ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.

Добровольческую Армию. Так без физической преемственности поколений воинов стала реальностью духовная преемственность. Так на фоне событий, происшествий, подвигов и быта вырисовывается дух славной Дивизии. Если уцелеет хотя бы один экземпляр такой книги и попадет в руки хорошего офицера будущей Русской Армии, то в ней начнет зарождаться и дух Корнилова. Скажу, что нам нужна такая книга, но едва ли найдется сейчас возможность написать ее, и поэтому я предлагаю: пусть каждый из нас вспомнит то Корниловское настроение, которое он пережил, как и каждый год, во время Полкового праздника. Пусть каждый проникнется твердым желанием еще раз послужить родному Полку, полковнику Неженцеву, Генералу Корнилову и Матушке России. Пусть это желание побудит каждого взяться за перо и написать все, что помнит он о битвах Полка и Дивизии, о переходах, биваках и дневниках, о командирах, о товарищах, о подчиненных и о себе, о моментах смелости и о мгновениях робости, и о бодрости и об унынии, и о том, как умирали ради победы и как побеждали ради бессмертия России. Пусть каждый пишет просто, не витиевато, искренно и справедливо, не стесняясь стилем, не фантазируя, не привирая, не критикуя, не забираясь в стратегию, да и в тактике шагая не выше своей тогдашней должности. Словом - честно и от души. Тогда сумма этих записей даст грандиозную картину нашего Полка и Дивизии. Не беда, если не найдется желающего и способного превратить эти человеческие документы в полковую историю, - и необработанный материал станет "консервативным духом Полка и Дивизии, которым когда-либо воспользуются воины России и во славу тех Ее воинов, которые носят имя - Корниловцы"»[18].

В дни эвакуации из Крыма Евгений Эдуардович был произведен в подполковники «с переименованием в полковники», как он указывает в комментарии к послужному списку[19]. Надо сказать, это «переименование» (нюанс, связанный с отменой звания «подполковник» в белых армиях Юга России и его введения в Русской Армии Врангеля) в дальнейшем постоянно вызывало путаницу: при упоминании и фигурировании имени Месснера в печати он - то «подполковник», то «полковник».

Но в «Списках офицеров Генерального штаба, причисленных к оному и курсовиков Николаевской военной академии, находящихся за рубежом Советской России» по данным на 1 августа 1922 г., изданных Отделением Генштаба Штаба Главнокомандующего Русской армией четко указано: причисленный к Генштабу *подполковник*[20]. То же и в протоколе общего собрания Общества русских офицеров Генерального штаба в королевстве Югославии от 27 февраля 1930 г., где говорится о приеме в члены подполковника Месснера[21]. Однако после Второй мировой войны всюду официально он проходит как полковник. Вероятно, в военное время по линии РОВС «переименование» было закреплено окончательно.

В составе Вооруженных сил Юга России и Русской армии Месснер сражался до последних дней их борьбы за Россию на родной земле. Покидая Родину почти тридцатилетним, он навсегда запечатлел в своей памяти «уходящий берег Крыма». В неизвестность, «в марево беженства хилого» направлялись несдавшиеся войска генерала Врангеля. С ноября 1920 г. в жизни Евгения Эдуардовича Месснера начался более чем полувековой период эмиграции.

---

18 Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 11-12.
19 Евгений Эдуардович Месснер... С. 45.
20 Ксерокопия. С. 38. Архив автора очерка.
21 Вестник Районного Правления Общества Русских Офицеров Генерального Штаба в королевстве Югославии. 1930. №70. С. 3.

Белградский период

С 1921 г. Месснер обосновался в Белграде, ставшем, наряду с Берлином и Парижем, одной из столиц европейского Русского Зарубежья, и прожил там четверть века. В Югославии сосредоточилась значительная (вторая после Франции) часть российского воинства. До 1927 г. здесь базировалось и само командование Русской армии (с 1924 г. - Русский общевоинский союз). Существовало более 30 военных организаций, объединяемых IV отделом РОВС (его «территория» включала также Румынию и Грецию). Среди них - Общество Русских Офицеров в Королевстве Югославии, Общество Галлиполийцев, Общество Офицеров Генерального Штаба, Общество Кавалеров Ордена Св. Георгия и Георгиевского Оружия, Общество офицеров-артиллеристов, Общество военных топографов, Общество офицеров российского военно-воздушного флота, Общество взаимопомощи воспитанников Николаевской Инженерной Академии и Училища, множество полковых и других объединений.

Их основной целью, конечно, была взаимная поддержка своих членов, сохранение организационных принципов и традиций той или иной корпорации. Вместе с тем изначально самое серьезное внимание посильно уделялось поддержанию и развитию военных знаний и постановке военно-учебного дела[22].

Инициатива здесь вполне логично принадлежала Обществу Офицеров Генерального Штаба. На его собраниях, начиная с 1921 г., еженедельно устраивались доклады по самым разным направлениям и темам военного дела. Прежде всего освещались и анализировались операции и бои Великой войны, участниками которой все они были. Офицерами Генштаба было основано и Общество Ревнителей Военных Знаний, членами которого стали свыше 100 человек. Особой их заслугой следует считать выпуск «Военного Сборника» под редакцией полковников В.М. Пронина и И.Ф. Патронова (главным редактором, но более почетным, состоял проживавший в Париже профессор генерал Н.Н. Головин). До 1930 г. вышло 11 толстых (по 10-15 п.л.) книг журнала. Продолжить его не позволило отсутствие средств. Однако в Югославии в 20-30-е годы выпускались и другие издания военной эмиграции. Трибунами военной и военно-общественной мысли были еженедельники газетного формата «Русский военный вестник» (с 1928 г. - «Царский Вестник») и «Русский Голос», периодически выходившие небольшие журналы «Вестник Военных Знаний», «Артиллерийский вестник», «Артиллерийские чаи-беседы», «Военный журналист», «Осведомитель»... Почти все полковые (училищные) союзы выпускали свои машинописные и даже рукописные журналы, иногда издавали солидные сборники воспоминаний[23].

В 1926-1927 гг. в Белграде работали «Систематические курсы современного военного дела», которыми ведал особый учебный комитет под председательством генерала А.М. Драгомирова. В 1930 г. при IV отделе РОВС были организованы «Военно-училищные курсы» под руководством Генштаба полковника Р.К. Дрейлинга, действовавшие до начала 40-х гг. Также существовали «Военно-технические курсы» при «Обществе офицеров Инженерных, Технических и Железнодорожных Войск» (руководитель - генерал В.В. Баумгартен) и ряд других.

29 января 1930 г. начали свою работу «Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы

22 Об этой работе воинства Русского Зарубежья в целом см.: Российский военный сборник. Вып. 16. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М.: Военный университет, Русский путь, 1999.

23 Напр., замечательное издание: Чугуевцы: Исторически-бытовой сборник объединения Чугуевского военного училища. Кн. 1, 2. - Новый Сад, 1937, 1939.

генерала Головина» (с 1927 г. таковые имелись в Париже, и белградские были их отделом, «филиалом»), во главе которых все время их существования, до 1944 г., находился генерал А.Н. Шуберский. На базе курсов из числа их преподавателей и лучших выпускников (прошедших пятигодичный курс вечерней формы обучения) был создан «Военно-научный институт» для подготовки кадра военных ученых, исследователей.

На свои заседания регулярно собиралась военная секция Русского Научного Института в Белграде (семинары, дискуссии, доклады специалистов по актуальным военным и военно-политическим проблемам), работой которой последовательно руководили профессора генералы В.И. Баскаков и И.С. Свищев.

Этот далеко не исчерпывающий перечень подобных фактов свидетельствует о духе творчества, стремлении к познанию и совершенствованию, наполнявших атмосферу жизни русских военных организаций в Югославии - среду, в которой в значительной мере жил, трудился, обретал творческую зрелость и к тому же занимал в ней весьма заметное место Евгений Эдуардович Месснер.

Прежде чем вести речь о его общественно-политической, писательской и педагогической деятельности, следует сделать оговорку. Хотя в Югославии отношение к русским изгнанникам отличалось известным радушием, все же хлеб их был горек. Немногим офицерам удавалось устроиться на военной службе (и далеко не все желали служить в чужих армиях). Как и всюду, бывшие военные в основном зарабатывали изнурительным трудом, были мелкими конторскими служащими, перебивались временными заработками. Точно так же (за редчайшим исключением) - и военные писатели эмиграции. Например, генерал Б.А. Штейфон работал сторожем на рудниках, полковник А.Л. Мариюшкин занимался геодезией и землемерством, генерал В.Е. Борисов (один из ближайших сотрудников начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева в период Первой мировой войны) состоял библиотекарем в военной академии, что можно расценить как большую удачу... В этом отношении о Месснере, о бытовой стороне его жизни, свидетельств почти нет. Известно, например, что своего или хотя бы постоянного угла у них с женой не было. Жилье снимали, часто меняли адреса. Среди них и «ул. Жоржа Пуанкаре, 37, кв. М. Соловьевой», и «ул. Милована Миловановича, 4», и др. Часто в письмах соратникам, редакторам изданий он сообщает свой «новый адрес...».

В Белграде с самого начала Месснер, в силу энергичности натуры, одаренности, сочетавшейся с исключительным трудолюбием и любознательностью, активно проявил себя в общественной, военно-научной, литературной жизни эмиграции. Причисленный к Генеральному штабу, он состоял в Обществе Русских Офицеров Генерального Штаба. Самое заинтересованное участие принимал в организации и деятельности Общества Ревнителей Военных Знаний. К началу 20-х гг. относятся его первые военно-специальные и военно-исторические исследовательские работы. 16 июня 1922 г. он читает офицерам Генштаба доклад о Заднепровской операции войск Врангеля осенью 1920 г. В дальнейшем его выступления в военных аудиториях становятся регулярными. Такие, как «Конница сабельная или огневая», «Сражение у Лодзи», дорабатываются и литографическим способом размножаются (издаются). Предисловие к работам молодого автора пишут авторитетнейшие генералы - А.М. Драгомиров (сын знаменитого военного деятеля и писателя М.И. Драгомирова) и В.В. Буняковский.

С 1923 г. по 1926 г. Обществом Офицеров Генерального Штаба было проведено три конкурса на лучший военно-научный труд. Целью ставилось: «1) Ознакомить русских

офицеров всех родов войск и служб, находящихся в эмиграции, с современными взглядами на ведение войны и подготовку к ней. 2) Способствовать объединению взглядов на главнейшие вопросы военного дела как основы устройства и подготовки к войне будущей Российской армии ("выработка военной доктрины")»[24]. Четко определялись требования к трудам. Состав жюри устанавливался по каждому тематическому направлению: по подготовке государства к современной войне, по управлению современными армиями, подготовке и проблемам высшего командного состава, по военной психологии, по боевому применению различных видов и родов войск и средств вооружения. Работы оценивали генералы Я.Ф. Шкинский, А.А. Зегелов, В.Е. Вязьмитинов, А.Н. Розеншильд-Паулин, Е.Ф. Новицкий, Д.П. Драценко, Б.А. Штейфон, полковники В.М. Пронин, А.Л. Мариюшкин и др. Для победителей из фонда Главнокомандующего (генерала Врангеля) предусматривались премии, сумма которых составляла от 600 динар за 4-5-е места до 5000 динар за 1-е место.

Каждый раз насчитывалось около 30 соискателей. Премировались только те труды, «которые разработаны вполне научно». Объем рукописей, по замыслу организаторов, не должен был превышать 100 страниц, но затем ограничения сняли, ибо для глубокого раскрытия, например, вопросов подготовки государства к войне этого явно недостаточно. Создание такого рода сочинения требует больших усилий, времени, напряжения, а в условиях эмигрантской неустроенности - это сродни духовному подвигу. Месснер участвовал всякий раз, сдавая сразу по две работы. Так, на Первом конкурсе его труд «Современная конница» был отмечен второй премией. По итогам Второго конкурса (1924 г.) за одно сочинение - «Служба и работа штабов. Основы подготовки офицеров Генерального штаба» - Месснер получил третью премию, а другое его сочинение - «Эволюция в тактике полевой артиллерии по опыту Великой войны» - было отмечено четвертой премией. Хотя последнему двое членов жюри - генералы Е.Ф. Новицкий и Д.П. Драценко предлагали отдать первенство. «Труд полезный не только нашим артиллеристам, но и всем средним и старшим войсковым начальникам», - заключил известный специалист в области стрелкового дела генерал Новицкий[25]. В 1926 г. на Третьем конкурсе Месснер вновь дважды был премирован (третьей и пятой премиями). В отзыве на его работу «Артиллерийское снабжение современных армий» маститый генерал В.М. Драгомиров (другой сын М.И. Драгомирова), отмечая широкую проработку Месснером европейской военной литературы (напомним, что он владел французским, немецким и другими языками), написал: «Нельзя не признать, что автор вложил много добросовестного труда и обнаруженная им начитанность по военным вопросам не может не быть признана значительной»[26]. Дважды первая премия присуждалась генералу В.Н. Доманевскому за великолепные труды «Основы подготовки государства к войне» и «Служба штабов». К сожалению, их не удалось издать отдельными книгами, но они легли в основу курсов лекций, которые автор, переехавший по настоянию и при поддержке генерала Н.Н. Головина из Сербии в Париж, читал там на Высших Военно-Научных Курсах.

Подчеркнем, что в конкурсах участвовали многие офицеры, генералы не только с боевым, но и солидным военно-писательским стажем, как тот же Доманевский или генералы Флуг, Виноградский и др. Тем **заметнее и значительнее выглядели достижения подполковника Месснера, чьи познания и писательский дар стали в ту пору очевидными для многих его коллег.**

---

24 ГАРФ. Ф. 5945. Оп. 1. Д. 52. Л. 2.

25 Там же. Л. 104.

26 Там же. Д. 54. Л. 291.

В 1925 г. начал выходить еженедельник «Русский Военный Вестник». Евгений Эдуардович стал выступать на его страницах с заметками и небольшими материалами. «Военный Сборник» писал: «Белград является одним из наиболее крупных центров эмиграции, где выковывается военная мысль, где на многочисленных собраниях, в докладах оглашаются результаты работ по разнообразнейшим вопросам военного дела. На "Русском Военном Вестнике" лежит долг быть рупором, помощью коего голос докладчиков разносился бы по мировой аудитории русского офицерства». В рецензии подчеркивалась весомость, которую придают изданию статьи маститых - генералов В.Е. Флуга, Е.Ф. Новицкого, А.В. Геруа, и также отмечалось: «Пишут в Вестнике и молодые авторы: гг. Луговой, Месснер, Тихоцкий и др., что способствует разносторонности содержания Вестника»[27]. Однако с еженедельником Месснер сотрудничал недолго. Возможно, из-за увлечения редакции идеями евразийства, а затем крайнего монархизма (с 1928 г. издание получило название «Царский Вестник»). Были, наверно, и другие причины. Так или иначе, но позже, в 30-е гг., публикации Месснера в Вестнике практически не встречаются. Напомним, что с 1927 г. до прекращения издания в 1940 г. на его страницах доминировал другой талантливейший военный писатель, историк, публицист А.А. Керсновский.

В 1925 г. в 7-й книге «Военного Сборника» появляется большая статья Месснера «Мысли о Генеральном штабе». В ней использованы основные идеи его соответствующей конкурсной работы. Сам факт публикации в «толстом» журнале, выходившем примерно раз в год, на страницах которого помещали свои работы лучшие и опытные военные умы Зарубежья, можно расценивать как публичное признание нового имени, его вхождение в круг имен авторитетных военных писателей и публицистов. Подтверждением тому были следующие публикации: в 8-й книге Сборника вышла работа Месснера «Элемент времени и пространства в современном бою», в 9-й - «Декадентство в военном искусстве», в 11-й - «Качество или количество». В них уже обозначились самостоятельность мышления писателя, его индивидуальный оригинальный стиль, склонность к военно-философским обобщениям. Главное, в этих статьях он выступил ярым поборником идеи профессионализации армии, необходимости господства в военном деле искусства и творческого начала.

К сожалению, 11-я (1930 г.) оказалась последней книгой издания, но в условиях беженства и это было огромным достижением. Правда, в арсенале военной печати эмиграции к началу 30-х гг. уже имелись другие «средства». Регулярно в Париже стали выходить журнал «Часовой» и газета «Русский Инвалид», в Сараеве - журнал «Вестник Военных Знаний», в Белграде газета - «Русский Голос»... Но при всем многообразии военной печати эмиграции (более сотни наименований) по уровню, характеру и объему полноценной замены «Военному Сборнику» так и не появилось.

Тогда же, в середине 20-х гг., Месснер начал писать и для военных журналов европейских государств. В этой связи любопытен эпизод с публикацией статьи «Декадентство в военном искусстве». Первоначально она появилась в немецком журнале «Wissen und Wehr» в начале 1926 г. анонимно, но с указанием на то, что автор - офицер бывшей русской царской армии. Большую статью со «странным заглавием» сразу заметили в Советской России. В майском номере центрального военно-научного журнала «Война и Революция» была помещена разгромная рецензия С.М. Белицкого[28], в которой работа «неизвестного русского белогвардейца» называлась «несуразной вещью» и с сожалением отмечалось, что «немецкая

27 Военный Сборник. 1926. Кн. 8. С. 266

28 См.: Война и революция. 1926. №5. С. 27-40.

печать слишком часто прибегает к услугам белогвардейских военных писателей». Особое раздражение рецензента и, надо полагать, руководства издания вызывали непочтенное отношение автора «Декадентства...» к некоторым советским военным деятелям, их взглядам. Подверглись резкой критике и почти все военно-теоретические положения статьи. Надо сказать, частью это было сделано весьма обоснованно, однако речь не об этом. Общий тон Белицкого, говорившего о ненаучности и «глубокой реакционности» материала, был весьма злобен, хотя автор постоянно подчеркивал свои сдержанность и корректность. «Если подобного рода статьи будут и впредь появляться, - то уважение, которое мы до сего времени питали к современной военной германской мысли, пойдет на убыль», - грозно предупредил немцев в заключение критик. Так публикация Месснера едва не рассорила германскую и советскую военную печать. Правда, тогда враждовать им было еще не время. А «Военный Сборник» напечатал «Декадентство в военном искусстве» лишь через два года с четкой подписью «Е. Месснер», но в СССР, где, конечно, знакомились с эмигрантской прессой, думается, эта история уже мало кого интересовала. Кстати, в 1937 г. начальник Управления Воениздата НКО СССР комдив Семен Маркович Белицкий (1889-1938), несмотря на активную идейно-разоблачительную деятельность, а порой и доносительство, был арестован и скончался во время следствия[29].

Знаменательный этап в творчестве Месснера связан с журналом «Вестник Военных Знаний». Он выпускался с 1929 г. по 1935 г. в Сараеве усилиями все тех же офицеров Генштаба как «орган военно-научной мысли». За это время увидели свет 22 номера. Их значение точно выразил А.А. Керсновский: «Не будь этих маленьких синеньких тетрадок - у русской военной мысли был бы вырван язык». Большая заслуга в его издании принадлежала главному редактору полковнику К.К. Шмигельскому и генералу Е.Ф. Новицкому. Печатался цвет военной мысли Зарубежья: А.К. Баиов, В.Е. Флуг, П.Н. Симанский, А.В. Геруа, Б.В. Геруа, Б.А. Штейфон и др. Месснер также был близок к редакции. Почти в половине номеров напечатаны его небольшие, но яркие статьи о войнах будущего, о состоянии Красной армии, о современной артиллерии...

Со страниц журнала он выступил с призывом об изучении гражданской войны. «В наших военных журналах, в докладах, в военных обществах, почти никогда не затрагиваются вопросы, связанные с особенностями гражданской войны... Мы совершаем ошибку...» - писал он, обращаясь к эмиграции. В серии публикаций он выражал уверенность, что многие из будущих международных войн могут на определенном этапе принять именно «внутренний» характер или нести в себе элементы «междоусобной» войны. Ее призрак и в мирное время носится над многими странами, в том числе над Россией. Одновременно в «Царском Вестнике» ту же мысль настойчиво проводил А.А. Керсновский.

Усилия военных публицистов даром не пропали: в 1931 г. в Белграде было образовано Общество изучения гражданской войны под председательством известного «белого» военачальника генерал-лейтенанта Б.И. Казановича. С открытием в том же году белградского отделения Высших Военно-Научных Курсов генерала Головина возглавлявший учреждение генерал А.Н. Шуберский пригласил Месснера для чтения лекций по данной тематике.

Литографии таких месснеровских лекционных курсов, как «Стратегия гражданской войны», «Тактика и оператика гражданской войны», до нас не дошли, но известна широкая программа изучения предмета, предложенная им в одной из статей. В ней обозначены следующие направления: политико-социальное (познание жизни масс и законов их вождения);

29 См.: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937-1938. М.: ТЕРРА, 1998. С. 103, 385.

экономическое (состояние и использование промышленности, хозяйства, финансирование, снабжение); государственное (госстроительство в условиях войны); организационное (военное строительство во время Гражданской войны); особенности военного искусства в Гражданской войне; особенности использования и применения родов войск и служб обучения и воспитания их контингентов и другие[30].

Постепенно за Месснером закрепилась репутация писателя-публициста, оригинально и смело освещающего не только военное дело, но и широкий спектр вопросов военно-политического, социального характера. Иногда он затрагивал темы, которых другие авторы старались избегать либо не замечали. Например, в статье «Два лагеря» (Вестник Военных Знаний. 1930. №5) Месснер подметил, что в Зарубежье постепенно сложились «две школы русского военного искусства»: парижская, во главе с генералом Н.Н. Головиным, и белградская, во главе с генералом А.М. Драгомировым. Разница заключалась в следующем: в первой чрезмерно уповали на всесильность знания, несколько переоценивали роль техники и фактор количества; во второй несколько больше верили в умение, творчество, «поклонялись качественной мощи армии». Одни выглядели более материалистами в военном деле, другие возносили духовное начало. В итоге автор сделал вывод: «Деление зарубежного офицерства на, если так можно выразиться, Западников и Славянофилов нельзя рассматривать как нежелательное явление - в беззлобном столкновении мнений создается истина».

В очередном номере «Вестника» генерал Драгомиров опроверг «возглавление» им какой-либо «школы» (он председательствовал в Обществе офицеров Генштаба) и косвенно упрекнул Месснера за приписывание ему этой роли. Однако редакция все же признала, что последний в целом правильно осветил небольшие разногласия между Парижем и Белградом.

Изучение военного наследия эмиграции показывает, что эти разногласия действительно существовали и «глазомер» публициста не подвел Месснера. Их примером и свидетельством служит открытая, подчас весьма резкая полемика в конце 30-х гг., развернувшаяся между генералами Н.Н. Головиным и Б.А. Штейфоном на страницах «Русского Инвалида» и «Царского Вестника».

В другой статье Месснер дал обобщенную характеристику двум ветвям русской военной мысли: советской и зарубежной. Такая, казалось бы, вполне логичная постановка вопроса также не характерна для эмигрантских перьев. Публикация «Советская и зарубежная военная мысль» в журнале «Знамя России» (выходил в Чехословакии), пожалуй, единственная в своем роде. Многие ее положения и оценки спорны, где-то даже наивны, но опять же схвачена самая суть: в СССР развитие военной теории чрезмерно политизировано и зигзагообразно, а в Зарубежье военная мысль оторвана от «лаборатории» реальной армии и потому несколько «академична». Заключение жизнеутверждающе и преисполнено веры: «Разными путями идут зарубежная и нынешняя советская военная мысль. Но возможен день, когда они сольются в российскую военную мысль - творческую силу военной мощи будущей России»[31].

Материалы Месснера, помимо названных европейских эмигрантских изданий, появлялись и в шанхайских газетах «Новая Заря», «Время», журнале «Армия и Флот» (его редактировал яростный ревнитель военных знаний полковник Н.В. Колесников), в нью-йоркском «Новом русском слове».

Однако **постоянной кафедрой для него стала рижская ежедневная газета «Сегодня», одна из самых известных и больших в Зарубежье.** Сотрудничество в ней началось в 1927 г.

---

30 См.: Месснер Е. О гражданской войне // Вестник Военных Знаний. 1930. №7. С. 24.

31 См.: Российский военный сборник. Вып. 16, С. 344-350.

Можно предположить, это произошло как раз тогда, когда у Месснера не заладились отношения с «Русским Военным Вестником», редакция которого предпочла в качестве своего ударного пера юного и чрезвычайно талантливого А.А. Керсновского, проживавшего в Париже. В редакции «Сегодня» работал приятель Евгения Эдуардовича еще по Киеву М.С. Мильруд, ставший позже главным редактором. Он и способствовал закреплению Месснера в качестве постоянного корреспондента и военного обозревателя издания. Открывая очередной номер, читатель видел статьи с броскими конкретными заголовками: «Возможна ли молниеносная война?», «Может ли Америка вмешаться в японо-китайскую войну?», «Сверх-стратегия Англии», «Почему Италии нужны Тунис и Корсика?», «Оборонительные силы Чехословакии», «Вспыхнет ли война между СССР и Японией?», «Важное военное значение Ливии», «Линия Мажино и линия Зигфрида», «Кто победит в Испании?», «Год военных зарниц»... В общей сложности в «Сегодня» было опубликовано свыше сотни статей Месснера.

Несмотря на дружеские отношения между главным редактором и его белградским корреспондентом, в деле сотрудничества неоднократно возникали довольно напряженные моменты. Так, в письме к Мильруду от 8 мая 1931 г. Месснер сетовал на то, что за последние два месяца не увидели свет несколько статей о польской и румынской армиях, о современной авиации и др., и просил установить ему реальную «квоту». «Я бы с таковой просьбой к Вам не обращался, - заключал публицист, - если бы, как бывало, из десяти моих статей погибало, скажем, две; но теперь из десяти погибает шесть или пять, и мне очень жаль напрасно загубленного времени и труда»[32]. Другое письмо - почти ультимативного характера - передает не только непростую обстановку внутригазетной жизни, но и атмосферу соперничества среди военных публицистов. «Дорогой Михаил Семенович! Сейчас я мог бы уже подсчитывать, сколько времени осталось до десятилетнего юбилея моего участия в "Сегодня", а между тем приходится думать не о юбилее, а о дальнейшем моем сотрудничестве в газете.

Прохожу мимо факта, что Вы взяли в военные обозреватели полковника Шуйского[33] и продолжаете печатать (в ущерб мне) его статьи после того, как он так блестяще провалился в прогнозах об Абиссинии - Вы вольны иметь двойной комплект сотрудников на специальные амплуа, но не могу не посетовать на то, что меня совсем вытеснили со столбцов газеты.

Ряд моих военных обзоров не помещен; даже специально заказанные статьи возвращены мне назад. Мои статьи о балканских и среднеевропейских вопросах попадают в корзину, хотя правильность моих информаций и верность моих прогнозов доказана на протяжении годов.

Согласитесь, дорогой Михаил Семенович, что после стольких лет работы в газете оказаться на положении «волонтера», который шлет десятки статей в надежде, что хотя бы одна будет принята к напечатанию, неприятно и обидно... Прошу Вас на это письмо ответить, потому что не знаю, есть ли смысл мне продолжать практиковаться в писании статей "для никого"»[34].

В ответном письме Мильруд однозначно высказался за продолжение сотрудничества, которое длилось до закрытия газеты в связи с оккупацией Латвии советскими войсками.

Даже принимая во внимание упомянутые нюансы, можно смело утверждать, что работа в «Сегодня» в значительной мере стимулировала творчество, развивала писательский и аналитический дар Месснера, способствовала становлению и «отточке» его пера. А

32 Цит. по: *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты Сегодня 1930-х годов. Кн. 1-4. STANFORD, 1997. Кн. II. С. 199.

33 К.М. Шумский (Соломонов), известный еще в дореволюционной России военный публицист. В эмиграции в основном сотрудничал в «Последних Новостях» у П.Н. Милюкова.

34 *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Кн. IV. С. 300-301.

пожелтевшие газетные полосы, став надежным «архивом», сохранили и донесли до нас десятки и десятки месснеровских работ.

Как яркий публицист, Месснер состоял в Союзе Русских Писателей и Журналистов и активно участвовал в его работе, часто выступал с докладами на его заседаниях. Помимо преподавания на Систематических Курсах современного военного дела и Высших Военно-Научных Курсах генерала Головина, он вел ряд семинаров в рамках военной секции Русского Научного Института в Белграде; там же, в столице Югославии, был представителем Донского Казачьего Архива, который базировался в Праге.

Югославский период жизни Месснера, безусловно, отмечен не только его военно-писательской и преподавательской деятельностью. **Будучи натурой социально-активной и темпераментной, имея опыт боевой, оперативной работы и «пропагандной» специальности, Евгений Эдуардович не мог стоять в стороне от общественно-политической жизни эмиграции и противобольшевистской борьбы.**

Дело в том, что участие в Гражданской войне не только полностью предопределило его дальнейшую судьбу, обогатило опытом «неклассического» воевания, пробудив насущный интерес к изучению и осмыслению подобного феномена, но также окончательно сформировало и укрепило в нем идейный, принципиальный антибольшевизм. Убежденность в том, что коммунизм и советская власть есть главный враг и огромное зло для исторической России, он пронес через всю свою долгую жизнь. Колебались сомневающиеся, искали компромиссов политические «диалектики», предавали слабые, меркантильные, раскаявшиеся. Он оставался непреклонен и тверд. Выражением его позиции, своего рода политическим манифестом служит весьма редкая для него статья «Наш враг один» в белградской газете «Русский Голос» (в 20-30-е гг. Месснер почти не выступал в печати на эти темы), опубликованная после приезда в Югославию председателя РОВС генерала Е.К. Миллера в апреле 1932 г.:

«"У нас враг один - советская власть в Москве", - сказал генерал Миллер в своей речи на ужине добровольцев. Мысль ясная и честная, и она определяет линию нашего поведения. Советская власть наш враг, и все наши помыслы обращены на уничтожение этого врага. Это наша цель, и это единственная цель нашей неоскудевающей энергии.

Мы не отвлекаемся борьбою с теми из антибольшевиков, кто идет под знаменами с иными эмблемами; мы не хотим и не смеем тратить сил на распри, сколько бы нас ни вызывали на единоборство те, для кого борьба за лозунги важнее борьбы за Россию. Козни и подвохи инакомыслящих вызывают в нас горечь и досаду, но что эти горечь и досада в сравнении с той жгучею ненавистью, какую мы питаем к врагу - коммунистической власти!

Наша ненависть непреклонна и безусловна: она не знает колебаний и компромиссов, какие свойственны лукаво мудрствующим. Нам чужды те, кто, запутавшись в противоречиях жизни, приходят к утверждениям, что при известных обстоятельствах "надо желать усиления советской власти". Жонглеры логики - не нашего лагеря люди, и их софизмы не поколеблют нашего сознания, что коммунистическая власть в Москве наш враг, и всегда наш враг.

Это наше сознание не поколеблется и выкриками тех, кто, впавши в ересь фактопоклонничества, пытается нас уверить, что под ярмом коммунизма народ пашет ниву российской мощи. Факты эти лживы, но и даже будь они истинными, мы бы отвергли их: несколько фактов случайного совпадения интересов коммунистической банды с интересами народа не вынудят нас ослабить напряженность нашей ненависти к этой банде.

И еще меньше повлияет на нашу ненависть словоблудие тех, кто, воспаривши в заоблачные

дали "Нового града" или "Третьей России" (эмигрантские издания, призывавшие к примирению с большевизмом. - *И.Д.*), стремится раздвоить нашу душу, отвлекши наше внимание критикою тех идей и идеалов, за которые мы боремся.

Против этого врага мы должны действовать с максимальной энергией, потому что "друзей... в нашей борьбе с советской властью у нас нет". Эти слова генерала Миллера мы должны хорошо запомнить, так как, несмотря на полтора десятилетия горького опыта, мы, неисправимые идеалисты, продолжаем верить в появление благородного друга, который, ничего не требуя от нас, станет плечом к плечу с нами и поможет нам в нашей борьбе. Мы то гордо требуем сочувствия и содружества, то смиренно просим их и не понимаем того, что в политике могут быть только компаньоны, но не друзья и что в политике скрепою являются интересы, а не сантименты. Сантименты не годятся для того сурового дела, которое мы делаем, и прав поэтому генерал Миллер, когда он, руководствуясь холодным разумом, разбивает нашу мечту о бескорыстном друге.

Не мечта о сочувствии, а суворовская "на себя надежность" должна нас окрылять в нашей борьбе: мы одиноки, но непоколебимы.

Впрочем, если мы духовно одиноки, то реально мы можем и не быть одинокими: "кто враг нашего врага - с тем нам по пути", - говорит генерал Миллер. Попутчиков, союзников, компаньонов мы можем найти среди крупных и малых персонажей мировой сцены, но в поисках этих соратников нельзя руководствоваться нашими симпатиями или антипатиями нынешнего дня или злонамеренностью и благодарностью за прошлое. Реалистически подходя к реальной жизни, мы не впадем в нашу постоянную ошибку - привязываться душою к тому, с кем надо быть связанными лишь деловыми интересами.

Но не со всяким можем мы вступать в деловой контакт: "кто союзник или сообщник нашего врага, тот наш противник", - говорит генерал Миллер, определяя этим наше отношение к тем, кто пользуется российскою великою бедою для ограбления нашего народа. Стервятники и гиены, рвущие тело полумертвой России, являются противниками для нас, борцов за Россию. Противниками, но не врагами - мы не можем расточать своих сил на борьбу с ними, потому что "наш враг один - советская власть в Москве"»[35].

Можно утверждать, что Месснер был не только «идейным» борцом с коммунизмом. Он принимал участие в оперативной и разведывательной работе РОВС, у него имелись каналы связи с людьми в Советской России. Тому есть косвенные свидетельства. Так, в одном из писем генералу В.В. Чернавину (1926 г.) он сообщает о своих военных дневниках, часть которых осталась в России, и о попытках их оттуда получить[36]. Об этом же говорят его близость и частые контакты с генералом А.В. Геруа, проживавшим в Бухаресте, который, находясь в непосредственной близости от СССР, был одним из ключевых организаторов оперативно-разведывательной деятельности военной эмиграции в межвоенный период. Но есть и прямое публичное свидетельство, имеющее также важное историческое значение. Спустя сорок лет после похищения и гибели генерала А.П. Кутепова, Месснер в маленькой заметке поведал о своей встрече с председателем РОВС за два дня до его трагичного исчезновения. «Я приехал в Париж с докладом по делу обеспечения РОВСа финансовыми средствами на антикоммунистическую работу... В разговоре А.П. Кутепов был таким же твердым и сдержанным, каким я его видел, будучи на военном совете в с. Серогозы (октябрь 1920 г.), куда он смело проскочил из Мелитополя мимо прорвавшихся к Салькову дивизий

35 Русский Голос. 1932. №52. (3 апр.).

36 ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 211. Л. 2.

армии Буденного. То была моя последняя встреча с ним на поле боя. Тут была последняя встреча с ним в Париже...» - вспоминал Евгений Эдуардович[37].

Находясь в гуще и в курсе общественно-политической жизни Зарубежья, военный писатель выступал против раздробленности и междоусобиц в его среде, призывал к единению в борьбе за национальную Россию, указывал на опасные тенденции. В этом отношении характерна статья «Старые и молодые». Речь идет о расслоении эмиграции по возрастному признаку: старшее поколение лидеров зачастую игнорировало относительно молодые силы, представители которых за десять лет изгнания «стали обладателями энергии, воли, установившегося характера и окрепшего ума» и жаждали «активизма». Публицист призывал: «В нашей великой борьбе за Родину нужны и огромная теория, и глубокая мудрость, чтобы одолеть вражескую силу и вражескую хитрость. Старое поколение обладает и теориею, и мудростью, результатом житейского опыта. Молодое среднее поколение обладает несокрушимой энергией и мудрым познанием жизни, текущей в борьбе и лишениях. Только соединение этих сил, только дружная работа всех даст нам победу. Это, надо думать, поймут молодые и, не отделяясь от стариков, будут творить русское дело. Это, надо верить, поймут и старые и дадут, откроют среднему поколению путь к работе на благо Родины в качестве работников на ответственных постах, как на военном, так и на общественном поприщах»[38].

К «средне-молодому» поколению 30-40-летних принадлежал в ту пору и сам Месснер, понимавший, что после смерти Кутепова, с приходом к руководству РОВС Миллера, боевитость воинства и эмиграции в целом заметно снизилась. Потому он выступал за передачу своим сверстникам части «руководящих обязанностей в деле борьбы за Россию». После похищения большевиками и генерала Миллера в газете «Сигнал», органе Русского Национального Союза Участников Войны, он высказывался уже острее: «На протяжении 16 лет эмиграции мы думаем, что в нашей среде право заниматься политикой приходит, как и подагра, в преклонном возрасте и с высшими чинами. От этого ошибочного представления надо решительно отказаться». Месснер полагал давно изжившим себя запрет для членов РОВС на участие в политической жизни (приказ №82 от 1 сентября 1924 г.), ибо воинство в изгнании - «армия исключительно как единство воинского духа». «Для пессимистов мы - бывшая армия, для оптимистов - мы будущая армия. Следовательно, мы или офицерство в отставке, или офицерство в запасе», - аргументировал он, заявляя о полном праве военных изгнанников участвовать в партийной жизни своего народа[39]. Еще в 1924 г. Месснер подавал рапорт на имя Председателя Общества Русских Офицеров Генерального Штаба, протестуя против такого запрещения, мотивируя протест тем, что РОВС «организация общественная, а не армия». В конце 30-х гг., когда уже «рев пушек будил у эмигрантов боевую энергию, а смысл событий пробуждал в них политическое сознание», офицер-публицист призывал всячески готовиться к неотвратимо надвигавшейся большой войне, смысл которой для изгнанников мог сводиться лишь к одному - освобождению России от большевизма и возвращению на Родину.

В годы Второй мировой войны Месснер продолжал преподавать на Высших Военно-Научных Курсах в Белграде, которые функционировали до 1944 г. В этот период они в основном готовили кадры для Русского охранного корпуса, сформированного немцами из эмигрантов для борьбы с югославскими партизанами. В 1942 г. на Курсах он защитил

37 *Месснер Е.* Памяти генерала Кутепова // Русское Слово. 1970. №415.
38 Русский Голос. 1931. №6.
39 *Месснер Е.* Офицерство и политика // Сигнал. 1938. №25.

диссертацию на соискание звания профессора военных наук по теме «Маневренная война». Одновременно печатал свои военные обзоры в корпусной газете «Русское Дело», около года был ее редактором. Весной 1945 г. Месснер оказался в «1-й Русской Национальной Армии» генерала Б.А. Хольмстон-Смысловского (около 500 солдат и офицеров, а также несколько десятков женщин и детей), по сути спасавшейся от наступления советских и союзнических войск.

Этой группе удалось укрыться в княжестве Лихтенштейн, где примерно половина из них пребывала более двух лет. Осенью 1947 г. около 100 человек покинули свое прибежище и отбыли в Аргентину. Вероятно, в их числе покинули Европу и Месснер с женой (точных документальных сведений в нашем распоряжении, к сожалению, нет). И там, в Буэнос-Айресе, герой нашего очерка провел третий период своей жизни.

В Аргентине

После Второй мировой войны русская колония в Аргентине значительно увеличилась: туда прибыли в конце 40-х - начале 50-х гг., помимо упомянутой группы, многие чины Русского охранного корпуса и члены их семей, другие русские беженцы из Европы. «Корпусники» сплотились в созданном ими «Союзе Св. Александра Невского». Представители бывшей 1-й Русской Национальной Армии организовали «Российское Военно-Национальное Освободительное Движение им. Генералиссимуса А.В. Суворова». Еще с начала 30-х гг. в стране действовало отделение РОВС, входившее в Южноамериканский отдел союза. Постепенно возникли и другие общества. Как водится, из-за различий в социально-политических установках достичь единения не удалось, хотя каких-либо громких распрей между ними не наблюдалось. Сглаживанию имевшихся разногласий способствовало то, что часть эмигрантов естественным образом входила сразу в несколько организаций. К таковым относился и Месснер. Он был своим и среди «корпусников», и у «суворовцев», и в ячейках РОВСа, и Зарубежного Союза Русских Военных Инвалидов, и Общероссийского Монархического Фронта, и в объединении «корниловцев». И всюду пользовался авторитетом и уважением.

В Аргентине Евгений Эдуардович прежде всего вновь приступил к творчеству, публицистике, преподавательской деятельности. Как офицер Генштаба, профессор военных наук, он приглашался читать лекции в военную академию этой страны. Одним из важнейших его начинаний стало создание Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира им. генерала профессора Н.Н. Головина. Сам институт был основан в Нью-Йорке 22 октября 1949 г. под председательством профессора Л.М. Михеева (также одного из бывших преподавателей Высших Военно-Научных Курсов в Белграде). Месснер возглавлял это сообщество русских военных исследователей в столице Аргентины до конца своей жизни. В него входили С.В. Вакар, Ф. Вербицкий, В. Гранитов, М.Н. Друецкий, С. Каширин, А.Ф. Петрашевич, М. Рожченко, В. Цешке, В. Шайдицкий, И. Эйхенбаум и др. На протяжении многих лет они регулярно проводили заседания, выступали с докладами, обменивались мнениями по широкому кругу вопросов военно-политического, военно-исторического характера, писали работы, труды, по возможности их публиковали, выступали на страницах русской печати. Под эгидой отдела вышли в свет книги Е. Месснера (о них речь еще пойдет).

Бывшие офицеры ревностно хранили память обо всем, что было дорого и свято для Русской

армии, и в 50-е, и в 60-е, и в 70-е гг. посильно отмечали каждую знаменательную дату. Например, в №423 газеты «Русское Слово» за 1970 г. Южно-Американский Отдел Института по исследованию проблем войны и мира им. проф. ген. Н.Н. Головина уведомлял «Г.г. Офицеров и Русских людей», что 24 мая, после литургии в Воскресенском Соборном храме будет отслужен молебен по случаю стосемидесятилетия кончины генералиссимуса князя Италийского, графа Александра Суворова-Рымникского и в честь пятидесятилетия учреждения генералом Врангелем ордена Святителя Николая. В этом же номере публиковались и соответствующие материалы из трудов отдела института.

Члены института, и в первую очередь сам Евгений Эдуардович, внимательно наблюдали за мировыми событиями военно-политического характера, давали им оценку - и не только в печати. Когда в начале 60-х гг. обсуждался «Проект правил для защиты населения во время войны», разработанный Международным обществом Красного Креста, русские офицеры-эмигранты из Буэнос-Айреса послали в Женеву мотивированный протест с рядом возражений против «пацифистских умствований». Эти «правила» делали практически невозможным воевание офицера против партизан, ибо почти все его потенциальные приказы и эффективные действия могли квалифицироваться как преступления и преследоваться по закону[40].

Месснер постоянно находился в центре общественной жизни русской диаспоры. Он не только входил в целый ряд организаций, как уже говорилось, но и возглавлял некоторые из них. В частности, много лет избирался Генеральным секретарем Российского Общественного Совещания, где были представлены делегаты от более чем десятка «общественно-национальных группировок». Совещание неизменно выступало организатором и координатором Дней Русской Культуры в Аргентине, годовщин побед русского оружия, памятных дат Великой и Гражданской войн, иных начинаний. Эмигранты пытались возвысить голос и на международной арене, если дело касалось вопросов, болезненных для России. Так, в начале 1970 г. Российское Общественное Совещание направило правительству Аргентины и редакциям аргентинских газет обращение, в котором резко осуждало решение ЮНЕСКО и Комиссии по правам человека при ООН о признании Ленина «выдающимся гуманистом» и просили выступить против такого «чудовищного признания». «Голод, нищета, ссылки, тюрьмы, концлагеря, террор, уничтожение крестьянства, депортация целых народов, уничтожение величайших исторических и культурных ценностей России, гонение на религию... - все это совершилось при Ленине, именем Ленина, после его смерти и находило обоснование в учении Ленина», - говорилось в обращении, подписанном Е. Месснером и В. Филипповым[41].

И все же при всей общественной активности Евгения Эдуардовича главным делом его жизни оставались публицистика и редакторская работа. В 50-х - первой половине 60-х гг. он часто печатался в известной эмигрантской еженедельной газете «Наша Страна», основанной в 1949 г. в Буэнос-Айресе ярким журналистом и мыслителем И.Л. Солоневичем. Месснер традиционно выступал на ее страницах с военно-политическими обзорами, в своих статьях подводил итоги каждого минувшего года, определял тенденции на будущее. К сожалению, в наших архивах и библиотеках за этот период - лишь единичные номера и основная масса его статей остается не выявленной.

С начала 60-х гг. Месснер все чаще публикуется в «двухнедельнике» Российской Колонии в Аргентине «Русское Слово». Его «фирменным знаком» становится широкая

40 См.: Наши Вести. 1971. №301. С. 11.
41 Русское Слово. 1970. №416. С. 2.

колонка во всю высоту полосы, набранная едва ли не петитом, под неизменным заголовком «Панорама. Вид ...» (после слова «вид» стоял номер по возрастающей). До 1974 г. вышло более двухсот таких «видов» - злободневных, содержательных, оригинальных статей, в которых выражался взгляд автора на значимые события или процессы в политической, социокультурной, экономической сферах, имевшие место в жизни государств и на международной арене. Действительно, из отдельных деталей составлялась панорама, причем не столько событийного толка, сколько современного бытия в целом, в которой автор стремился уловить и передать самые существенные черты, определяющие характер настоящего и отчасти будущего.

Для некоторого представления этой публицистической серии приведем несколько эпизодов «Панорамы» за 1969-1970 гг. «Вид 152-й», 2 августа. Месснер пишет о восторженной реакции человечества на покорение американцами Луны, об астрономических затратах США ради первенства и престижа. В заключение он ставит главный вопрос: «А все же: высадка в Море Спокойствия символизирует предстоящее спокойствие в дальнейшем овладении Луной? Или там будет беспокойно: США будут слать лунонавтов, а СССР, как предвещает профессор Благонравов, будет направлять на Луну особые роботы... Трудности, испытанные Армстронгом и Алдрином при передвижении по Луне, говорят в пользу идеи Благонравова: робот (если его сотворить) легче может стать хозяином на Луне, чем человек». «Вид 156-й» (ноябрь 1969 г.) начинается оценкой попыток американской политики найти достойный путь прекращения войны во Вьетнаме. «Но разве только вьетнамским не-миром ущербляется мир в мире?» - риторически вопрошает Месснер, называя Израиль, поставки на Ближний Восток оружия из СССР, «не-мир другого свойства»: огромные забастовки в Италии и во Франции, буйства молодежи в Германии, агрессивные протесты франкоговорящих сепаратистов в Канаде, волну террора в Мексике, перестрелку армейских частей с бандой наследника Че Гевары по прозвищу Инти в Боливии и другие моменты. «Все перечисленные факты - не разрозненны, а составляют суммой слагаемых наступление немира на все-мир», - в своем стиле итожит Месснер и в который раз утверждает: происходит Всемирная Мятежевойна! (Его одноименная книга появится лишь через полтора года.)

В другой «Панораме» («Вид 162-й») уличает в агрессивности «Красномоскву»: «Ничуть не сходя с позиций объективности, необходимо сказать, что нагнетанием в мир напряженности занимается коммунизм: абсолютно не желает мира во Вьетнаме; поддерживает бескомпромиссных палестинцев в их терроре против бескомпромиссного сионизма; превращает Латиноамерику в театр революционной войны; отбирает у Запада его Средиземное море; силой препятствует (Чехословакия) нормализации хотя бы коммерческих отношений своих сателлитов с Западом; навязывает культурному миру политику прославления "века кровавого насилия" Ленина».

В 163-м фрагменте «Панорамы» (3 января 1970 г.) Месснер подводит итоги ушедшего 69-го и делает вывод: «Мрачен был минувший год, но будущее не мрачно. Разврат захлестывает мир, финансовый мир сползает в кредитный капкан; церковный мир раздуховляется политикой и модернизмом; демократия сменяется охлократией (господством черни), объединяющей неумные низы общества с заумными, "прогрессивными верхами"; бесперспективны вооруженные конфликты Палестинский и Вьетнамский... А все же можно оптимистично смотреть на будущие годы. Разделение в верхушках компартий СССР и Китая, раздробление коммунизма на коммунизмы, повсеместный кризис коммунистической экономики и очевидное укрепление капиталистической экономической системы; повышение

(идеологическое, политическое и военное) сопротивления коммунизму, его агрессивности; лишенная антисемитизма антипатия к сионистической агрессивности на Бл. Востоке и в Белом доме, пробуждение на зов Никсона "молчащего большинства", т.е. огромного процента населения США, которое своим вмешательством в политику государства давало перевес ничтожному меньшинству антигосударственных "прогрессистов" - все это выявилось в минувшем плохом году, и это хорошо!»

В следующем сюжете автор «Панорамы» говорит об анархии, терроризме, захлестнувших страны Запада и «Латиноамерики». Он напоминает, что в XIX веке если не на практике, то в сознании «развитой части людей» Правда стала выше Силы, а далее сетует: теперь же Сила узурпировала понятие «Право»: «Сила стала такой силой, что Право бессильно». Всякий раз в калейдоскопе мировых военно-политических событий Месснер стремится отыскать те, которые указывали бы на здоровые тенденции сопротивления Мятежу. Летом 1970 г. (Виды 174-й, 177-й) он пишет о трудном внешнеполитическом поиске президентом Никсоном выхода из тупика Вьетнамской войны, о его борьбе с антигосударственными силами в самих США, где, наконец, на его сторону стало «молчащее большинство», обращает внимание на создание в Италии Союза Европейской Культуры, противостоящего разным формам хиппизма и студенческого радикализма. Далее следует предположение о том, что «на театрах Всемирной Мятежевойны приближается перелом - патриотизм надламывает доминирование анархо-нигилизма».

Кризису величайшей христианской церкви - католической посвящен «Вид №182» (24 октября 1970 г.) «Панорамы». Поводом для статьи стали книги ксендза-иезуита Сальвадора Фреикседо «Моя церковь спит» и католического теолога Ганса Кюнга «Структура Церкви». Публицист называет вторым «Третьим миром» (наряду с политическим) часть католического духовенства, которая, «отвернувшись от Христианства», либо не замечает нравственного разложения современного Западного мира, разрушения морали, семейных устоев, покушения на государственность, либо прямо потворствует таким явлениям, «участвует в мятежевойне». Месснер, нашедший в указанных трудах подтверждение многим собственным мыслям, с огорчением признает: «Церковь не замечает, как из сердца человеческого исчезает Бог...»

Почти восьмидесятилетний писатель в своих обзорах-панорамах словно ведет методичный разговор с читателем, с русской диаспорой, выражая свое мнение, по-своему освещая события, в общем-то известные публике.

Надо сказать, его точка зрения, его характеристики неожиданны, оригинальны, подчас кажутся экстравагантными и даже вычурными. Однако этот стиль мысли, стиль ее изречения органично присущи Месснеру, естественны для него как средство важности акцентов, верности оценок и приближения к истине. В качестве еще одного образца процитируем заключительный фрагмент из «Панорамы» («Вид 189-й», от 2 января 1971 г.), посвященный итогам 1970 г.: «Минувший год не дал человечеству мира, зато дал нечто новое, средневековое: холерную эпидемию, которая с острова Целебес (Индонезия) распространилась в Аравию и Египет, а также в СССР (Астрахань, Одесса и Поволжье). Не был минувший год скуп на природные бедствия: один лишь Пакистанский ураган обошелся дороже, чем многие обычные циклоны, вместе взятые. Там погибли сотни тысяч людей. Никто их в мире не оплакивает. А смерть двух людей оплакивали дружно: де Голля и Нассера. Оба причиняли много хлопот человечеству, дипломатии и политикам, но оба были крупными личностями, ценными уже потому, что сейчас нигде не рождаются, не вырастают крупные личности: человеков все больше становится, а Человека нет.

Может быть, это вызвано тем, что успели до ужаса загрязнить воды и воздух: испарениями средства против насекомых ДДТ, автомобильными газами, сточными с фабрик водами сделано то, что вокруг Земли образовался слой "смога" (мглы), какой бывает после сильного атомного взрыва: от него, пожалуй, вырождается человечество, рождаются буяны вместо творцов.

Один еще остался человек на Земле: генерал Франко, но он постарел и в минувшем году перестал справляться с упорными фалангистами, нетерпеливыми монархистами, импотентными демократами и патентными синдикатами, а в последние недели и с разбойными сепаратистами - басками. В СССР есть Человек, но он не политик, а борец за культуру России - Солженицын - и борец против сталинизма, который все сильнее схватывает власть из малых человеков в стране (Брежнев, Косыгин): они то сговариваются с США, то хватаются за "твердую линию", то бранятся с Мао, то ищут его снисхождения. Ничтожество этой власти (со времен Сталина) описал Хрущев в своих сенсационных мемуарах (если они не подделка, то Хрущева надо признать антикоммунистом №1: речью своей развенчал Сталина, воспоминаниями - послесталинских тиранчиков)».

Со второй половины 1970 г. Месснер фактически редактировал газету (формально входил в редколлегию из нескольких человек) и писал для каждого номера по нескольку статей, заметок, при их подписи часто прибегая к псевдонимам. Помимо своих «Панорам», он публикует немало статей, в которых тезисно отражены его основные идеи по различным проблемам: «Суждения и мнения», «50 лет штурма небес» (о революции и Советской власти), «Вьетнамская война. Очерки», «Мятежевойна. Уроки», «Эра разрушения», «Столкновение мировоззрений страшнее столкновения государств», «Демон Кеннеди» и др. Он же готовит «Военные новости», представляет книжные новинки. Его перо легко узнать в кратких информационных сообщениях о событиях в странах Латинской Америки, СССР (рубрика «Оттуда»). Он же печатает свои воспоминания, материалы, посвященные памятным датам Великой войны, Белого движения, пишет о старой России. Таким образом, «Русское Слово» второй половины 60-х - начала 70-х гг. - это в значительной степени детище Месснера и его главная «кафедра» того периода; каждый номер газеты - в известной мере его очередное произведение.

Поразительно, но в то же время он сотрудничал еще с несколькими эмигрантскими изданиями. С 1969 г. Евгений Эдуардович начинает вести «Военный отдел» в ежемесячном журнале «Наши Вести» (в 50-х - начале 60-х гг. его готовил также известный военный публицист, исследователь, бывший редактор белградского «Военного журналиста» Е.А. Шелль). С 1972 г. все номера издания начинались военно-политическими передовицами с «фирменными» месснеровскими заголовками: «Пессимизм НАТО», «Всеокеанское соперничество», «Начало после-вьетнамской эпохи», «Еврогруппа», «Нефть-оружие» и т.п.

В 1973 г. обзоры Месснера в том же ключе и стиле появились в «Часовом». Один из старейших журналов Русского Зарубежья, орган связи его воинства и Российского национального движения печатал их в рубрике «Экран международных событий», которой традиционно открывался номер. «Полувсемирная война», «Нео-НАТО», «Брежнев/Солженицын», «Сумерки Соединенных Штатов», «Латиноамерика», «Планетарная революция» - вот публикации маститого и, пожалуй, самого опытного на тот момент военного писателя эмиграции (сам Евгений Эдуардович в одной из поздних своих статей с печальной иронией заметил, что принадлежит «к вымирающему поколению офицеров и военных публицистов»[42]). Все они также посвящены важнейшим эпизодам военно-политической

42 Часовой. 1973. №566-567. С. 16.

жизни. Во всех, так или иначе, присутствует мысль о мятежевойне. Когда в печати речь заходила о возможности возникновения Третьей мировой войны, Месснер не уставал втолковывать: «Обыватель не видит, что Третья давно проводится под видом Мятежевойны»[43]. Освещая начало «Мирной конференции» в Женеве по урегулированию арабо-израильского конфликта (статья «С бухты-барахты», февраль 1974 г.), он скептически оценивает ее работу и, не веря в ее успех, заключает: «Слишком много в нынешнем Мире немирностей, кровожадностей и разрушения устоев». «Планетарная революция», где особенно сильно звучит тревога за «свирепо вооружающийся мир», ведущий все больше и больше войн, за его духовное состояние, была напечатана в октябрьском номере «Часового», то есть уже после кончины автора.

По неизвестным нам причинам, Месснер, на протяжении полувека публиковавшийся во всех значительных военных изданиях эмиграции, до 1973 г. практически не печатался в самом распространенном из них - «Часовом». И в том, что сотрудничество именитого военного писателя с редакцией легендарного военного журнала все-таки состоялось, есть некий символический смысл, есть справедливость.

Аргентинский период жизни Месснера ознаменован не только плодотворной работой в периодике. Писателю удалось издать ряд книг, что в эмигрантских условиях всегда считалось огромной удачей, тем паче в Латинской Америке, где возможности русской диаспоры были минимальны. Пусть все издания полиграфически непритязательны и невелики по объему, но их идейное значение трудно переоценить. Прежде всего, это тетралогия под общим названием «Проблемы войны и мира», в которую вошли: «Лик современной войны» (1959), «Мятеж - имя Третьей Всемирной» (1960), «Современные офицеры» (1961), «Всемирная Мятежевойна» (1971).

Именно в этих трудах сформулирована и «озвучена» идея новой формы вооруженной борьбы - «борьбы мятежом». Все 60-е гг. и начало 70-х гг. прошлого столетия Месснер настойчиво, даже фанатично пытался внушить ее политическим и военным деятелям, сделать достоянием «общественного мнения», дабы угроза и пагубность такого «воевания» были осознаны и принимались соответствующие контрмеры. Даже свои военно-политические обзоры, заметки в «Русском Слове» и других изданиях он давал под рубрикой «На фронтах Всемирной Мятежевойны», но редко находил действительное понимание. А то и вовсе слышал в ответ: «Ерунду пишете...» - и с сожалением констатировал, что его утверждение о давно разгоревшейся Третьей Мировой, «пожалуй, единственное в Зарубежье»[44].

Вместе с тем верность мыслей писателя, важность и ценность «Всемирной Мятежевойны» коллегами по цеху в эмиграции признавались. Так, С.В. Вакар заметил: «Книга тем и хороша, что полна предвидений, сделанных на основании большого военного, исторического и политического материала, которым располагает автор... Главное достоинство профессора полковника Месснера заключается в том, что он не упивается большим прошлым боевым и теоретическим военным опытом, а здраво смотрит на боевую обстановку сегодняшнего дня, зорко следит за ней и делает реальные выводы о том, что сейчас творится на свете и чего можно ожидать назавтра»[45]. Известный сотрудник «Часового» Н. Кремнев (Л.Н. Кутуков) подчеркивал, что полковник Месснер в своей книге пытается указать «мятущемуся в

43 Там же. 1974. №579. С. 5.
44 *Месснер Е.* Всемирная Мятежевойна. Буэнос-Айрес, 1971. С. 149; Русское Слово. 1971. №413.
45 Русское Слово. 1971. №453.

предсмертных судорогах мятежевойны человечеству пути спасения»[46]. А. Куксин в «Наших Вестях» высказал пожелание, чтобы эта книга стала настольной у эмигрантов, и «получила распространение среди "власть имущих"»[47]. Но голоса писателей и публицистов Русского Зарубежья в огромном враждующем мире никто не слышал; их прозрения и предостережения оставались «вещью в себе», не имели практического применения.

Еще несколько книг Евгения Эдуардовича - исторического характера. Главным мотивом их написания служила обеспокоенность тем, чтобы «будущая, освобожденная от социализма национальная Россия» не получила ошибочного представления о российском офицерстве, о старой армии, ее славе, подвигах и трагедиях. К их созданию председатель Южно-Американского Отдела Института по исследованию проблем войны и мира им. генерала профессора Н.Н. Головина привлекает своих коллег, и результатом их совместной работы под руководством Месснера становятся книги «Российские офицеры» (1959), «Великая война. Великая жертва. Великая слава» (1964), «Луцкий прорыв» (1968). На экземпляре книги «Российские офицеры», подаренной племяннику, Евгений Эдуардович оставил автограф, в котором звучат и назидание, и ностальгия: «Юра, когда наступит время, прочти эту книгу Павлику, чтобы и он знал, каковы были мы, офицеры». (Речь шла о подраставшем сыне племянника.)

В 1967 г. Всеславянское издательство в Нью-Йорке выпустило работу Месснера «Мир без мира». В период обострения «холодной войны», в условиях вала клеветы на русских, «национально мыслившая и настроенная» часть эмиграции была озабочена искажением образа исторической России на Западе в целом и в глазах американцев в частности. Смысл книги - «посев правды о России». Труд был призван напомнить русской молодежи о Родине, а также «дать каждому ценные аргументы для вскрытия русской правды в разговорах с иностранцами». Этой задаче книга вполне отвечала. Что касается предубежденности иностранцев, Месснер замечал: «Сорок пять лет миллионы русских зарубежников разносят правду о былой России, но правду никто не хочет слышать: привычные мысли лежат спокойно в ленивом мозгу, а новые мысли делают там смятение»[48].

Сам Евгений Эдуардович всю жизнь боролся с «привычными мыслями», не допускал ни «лености мозга», ни «смятения» в нем. Даже последнее пятилетие своей долгой и трудной жизни он не сдал на откуп тяжелым недугам, а превратил в бурный творческий финиш. До последнего своего часа оставался неустанным наблюдателем, проникновенным аналитиком, горячим патриотом России.

Сердце этого человека перестало биться чуть более тридцати лет назад. В номере 535-537 «Русского Слова» за 1974 г. сообщалось: «30 сентября с.г. после продолжительной болезни тихо скончался в госпитале профессор, Ген. штаба полковник Евгений Эдуардович Месснер. Похороны состоялись на Английском кладбище. На 9-й день кончины была отслужена панихида в Свято-Троицком соборе на улице Бразиль 315. 9-го ноября, в 15 часов, в 40-й день кончины, у могилы покойного ... будет отслужена панихида, о чем извещают: Российская Колония в Аргентине, Корниловцы, РОВС, Союз Александра Невского, Р.О.С., Союз Инвалидов им. ген. Баратова, СВОД, СБОНР, издательство "Русское Слово" и друзья покойного».

Там же, в некрологе, говорилось: «В лице дорогого Евгения Эдуардовича русская

46 Часовой. 1973. №569.

47 Наши Вести. 1972. №308.

48 *Месснер Е.* Мир без мира. Нью-Йорк, 1967. С. 6.

общественность теряет одного из видных своих деятелей... и верного сына национальной России».

«Часовой» известил читателей о кончине Месснера в ноябрьском номере, посвященном 100-летию со дня рождения адмирала А.В. Колчака, что было поистине символично. Отмечая заслуги последнего начальника штаба Корниловской Ударной дивизии, «талантливого военно-политического журналиста», авторы некролога писали: «Редакция "Часового" с глубокой признательностью за оказанное покойным сотрудничество молитвенно склоняется перед могилой покойного, оставшегося до конца Белым воином». Скорбя о своем долголетнем сотруднике, «Наши Вести» отозвались о нем как о человеке «большой эрудиции, широких познаний, незаурядном военном писателе».

Нам бы хотелось сказать о Месснере его же словами, которые он произнес за несколько дней до собственной кончины о боевом соратнике-корниловце полковнике К.И. Леонтьеве: «Хотя он погребен на Английском кладбище в Аргентине, земля его гробницы во веки веков останется русской, ибо он всю свою жизнь хранил в себе и выявлял все ценнейшие качества русского кадрового офицера»[49].

Во имя будущей России и ее Армии

Масштаб и значимость военного писателя определяются степенью постижения и отражения им процессов войны, явлений и деталей военного дела, глубиной и жизненностью выдвинутых идей. А также самим характером его творчества, в котором подлинный творец всегда оригинален, неповторим. Если же человек постиг приметы не только своего времени, но сумел заглянуть в будущее, указав пути военного дела на сто лет вперед, - он классик.

Творческий век Евгения Эдуардовича Месснера оказался долгим и результативным. Напомним: его первые работы увидели свет в 1923 г., а последние - в 1974-м. Но если и после смерти писателя не забывают, его сочинения издают, значит, век его длится и длится. Прежде работы изгнанника печатались в эмиграции да изредка в иностранной прессе. Теперь настал их черед в России.

Выше перечислялись наиболее принципиальные и важные труды Е.Э. Месснера. Кроме того, в США, в Бахметьевском фонде Колумбийского университета ждут своего часа такие сочинения, как «Критические мысли о Первой всемирной войне», «Некоторые причины поражения Германии в войне 1939-1945 гг.», «Незамеченный Советами второй фронт Второй мировой войны», «Партизанское воевание», «Шесть десятилетий всемирной революции», а также воспоминания писателя. Судя по всему, это ценные вещи.

Спектр наследия Месснера довольно широк, но приоритетными направлениями для него всегда были смысл и характер войн XX века, тенденции в военном искусстве, армия (воинство) и ее организация, офицерство и офицер.

Определение «лика современной войны», вернее сказать, «практическая философия войны» - важнейшее направление в творчестве Месснера. Он совершенно верно выявил и показал читателю в конце 20-х гг. и в 30-х основные черты будущей Второй мировой: ее мобилизационное «крепостное право», ее маневренный характер, «ужас военно-технического прогресса», огромные людские потери, «длительность морального напряжения бойцов» и «поголовное истощение нервов», «призрак гражданской войны».

С середины 20-х гг. на «войну гражданского образца» исследователь, вместе со своими

49 Русское Слово. 1974. №535-537.

старшими коллегами-эмигрантами генералами А.В. Геруа, Б.А. Штейфоном, а также А.А. Керсновским обращает особо пристальное внимание. За ее кажущейся примитивностью видит сложнейшую форму борьбы. Анализируя и освещая в печати события в Китае, на Ближнем Востоке и прежде всего в Испании, пытается вывести закономерности ее ведения. Уже в 30-е гг. он предвосхищает свою концепцию «Мятежевойны», которая двадцать пять лет спустя станет альфой и омегой его творческих усилий, его военно-политического просветительства. В работе «Уличный бой» (1930) ведет речь о «градопартизанстве» и «контрпартизанстве»; в статье «Борьба двух идеологий на фронте от Китая до Гибралтара» (1937) публицист говорит о том, что повстанчество, восстания, карательные экспедиции, массовый террор - все это разнообразные методы борьбы между «идеологическими фронтами». Не раз в его писаниях используются слова «мятежествуют», «мятежные»... Тогда же в его статьях встречаются понятия «борьба за престиж», «психологическая география», которые в «Мятежевойне» отливаются в «стратегию престижа».

В работе «Столкновение мировоззрений страшнее столкновения государств» (1939) (опубликована в одной из дальневосточных эмигрантских газет, воспроизведена в «Русском Слове» в 1969 г.) он кратко излагает итоговые тезисы по теме, которые вполне воспринимаются как максимы гражданской войны. Одна из них гласит: «Война вообще является комбинированной борьбой меча и рубля, слова (пропаганды) и дипломатической хитрости; в гражданской же войне слову принадлежит первая роль, потому что в ней борются за принципы. Принципы эти могут проистекать из идей или интересов, но важно, что принципы не перерубаются мечом - их перешибают принципы же». Другой тезис касается главной угрозы нашей эпохи - терроризма: «Устрашение (террор) является излюбленной формой распространения своей воли на широкие круги населения в дни междоусобицы, но террор, осуществляемый даже достаточно многочисленной и достаточно кровожадной группой, не может быть средством конечной победы - не страх, а согласие населения дает конечную победу в гражданской войне».

Необходимо сказать, что русский офицер, мыслитель Евгений Эдуардович Месснер за три десятилетия до нынешних всеобщих озабоченности и прозрения осознал смертельную угрозу этого бича современной цивилизации, которому в наши дни посвящены тысячи публикаций и фильмов. **Краткую гениальную работу «Террор», написанную им в 1972 г., следует признать предтечей всех нынешних исследований, первым предостережением человечества отечественной военной мыслью.** Терроризм, утверждал автор, изменился в объеме, сути, характере; террористические акты сделались «главнейшими операциями Всемирной Мятежевойны». И с абсолютной ясностью высветил черты современного терроризма: безграничность; изобильная многочисленность акций; отличная организованность; своего рода интеллигентность (зачастую - по составу участников); «не просто революционарность, а многоликость» (по целям); способность вызывать сочувствие у «общественности»; «правозаконность» и правовооруженность; интернационализация. Мнение Месснера однозначно и верно: против этой разрушительной силы следует со всей серьезностью вести борьбу и «по-военному обороняться».

Многие сегодняшние аналитики отождествляют «неклассическую войну» и «всемирный» терроризм. Месснер же изначально подчеркивал, что это лишь один из элементов той самой «неклассической», захлестнувшей весь мир войны, имя которой - «Мятеж». Она представляет главную угрозу миропорядку. И если мир хочет мира, - он должен победить Мятежевойну! (Ее авторская концепция публикуется в начале хрестоматийной части нашей книги, а ключевые

моменты и значение показаны в материале А.Е. Савинкина.)

Победа в военном противоборстве - основная цель воюющих сторон. **Господствующими идеями Месснера в области военного искусства были его «возрождение»** (после упадка в период Первой мировой войны) **и создание профессиональной армии** как идеала, к которому следует стремиться (в принципе и, конечно, в будущей постбольшевистской России), ибо только такая армия в состоянии вести войну искусно и победно, а в случае социальных потрясений - удержать страну от катастрофы. «Мы, - призывал писатель, - отвергнув вооруженный народ, должны принять противоположную систему - профессиональную армию. Для этого нам не только надо теоретически проникнуться убеждением, что на войне качество ценнее количества, но и нужно решиться осуществить это убеждение на практике, отказавшись от миллионных орд». Профессионал всегда и всюду сильнее дилетанта, тем более в военном деле. Путем отбора профессиональная армия может комплектоваться людьми, одаренными силой духа, энергией, удалью... Длительным воспитанием в такой армии эти качества могут быть развиты до высокой степени. Возможность же накопления подобных духовных богатств делает подобную организацию идеалом армии. Таков ход мысли полковника Месснера.

Тем более роль профессионалов многократно возрастает в связи с галопирующим развитием средств вооруженной борьбы. С одной стороны, мыслитель, как военный публицист, зорко следил за техническим прогрессом. С другой стороны, выступал противником чрезмерного поклонения мощи машин и автоматов. В 30-е гг., в период повального увлечения механизацией, он, внимательно изучив опыт применения в локальных войнах, например, танков и авиации, призывал не поддаваться увлечению заманчивыми новшествами войны, а каждое новшество ставить на принадлежащее ему место в ряду иных средств борьбы. При таком подходе новые войска действительно становятся одним из главнейших орудий воли командования, оружием решающего момента на решающем участке. «Но это только в том случае, если отбор людей в это войско будет столь тщателен, как и подбор машин: машина сокращает потребление людей, но зато она требует от приставленных к ней людей особо высоких качеств; что же касается боевых машин, то к ним люди не только приставлены, но и соединены с ними, как душа с телом. Это тело - машина - даст надлежащее действие, если его душа - человек - будет на высоте всех самых строгих требований воинской доблести», - итожит Месснер (работа «"Боевые слоны" XX века»).

Анализируя опыт применения технических новшеств в ходе войны в Испании, он смело делает абсолютно верный вывод о том, что ни авиация, ни танки, ни новые тактические и стратегические формы не перевернули военного дела: новое только видоизменяет старое, «Испанская война с ее ценным опытом поставила все новое на соответствующее место в ряду старых средств войны»[50].

После Второй мировой войны военная мысль Русского Зарубежья, прежде всего в лице генерала Б.А. Хольмстон-Смысловского, полковников А.А. Зайцова и Е.Э. Месснера, обратила внимание на возникший «военно-философский парадокс», когда наряду со всеускоряющимся развитием военной техники и наращиванием ядерного вооружения стала повышаться роль партизанской, «неклассической» войны. Рано ушедший из жизни Зайцов (1889-1954) не успел должным образом проработать эту проблему. Хольмстон-Смысловский издал содержательный труд «Война и политика», где изложил взгляд на военное искусство «малой войны» - партизанское движение. Месснер пошел дальше, увидев в партизанстве лишь один из главных

50 Сегодня. 1937. №203.

элементов «всемирной мятежевойны», изучению и искусству ведения которой посвятил около двадцати лет.

Важнейшее место в наследии мыслителя занимает тема офицерства. Офицеры, по Месснеру, - «Слуги Отечества». Чувство и сознание долга перед Родиной в них абсолютизировано до самопожертвования, особая этическая база офицерского духа, кодекс чести возвышают их над иными сословиями и группами, профессия требует от них интеллекта и «интеллигентности». Через всю жизнь и творчество он пронес сложившееся смолоду, идеальное представление об офицере и уверенность в том, что «офицерское призвание требует развития всех чистейших ценностей души - без этого нет офицерства».

В беспримерной работе «Современные офицеры» Месснер с горечью признал, что в эпоху «мятежевойны» офицер стал «командиром хаоса», объективно изменился; обстановка требует от него многих «неофицерских» черт, его этические нормы размываются. Но при всех «деформациях», «всенародности» армия остается армией, время требует все больше профессионалов и, следовательно, офицерство в ней сохраняет значение остова. Дух и ум современного воинства концентрируется в кадровом офицерском корпусе. Вопреки обманчивой видимости роль его возрастает.

Характеризуя Евгения Эдуардовича Месснера как творца, назовем присущие ему черты, выявляющие в нем одного из наших военных классиков.

Месснер **глубок и прозорлив.** Сегодня очевидна его способность проникать в суть вещей и явлений, которые составляли предмет его анализа и постоянных размышлений. Примеров тому множество. Писатель верно предсказал картины и характер Второй мировой войны задолго до ее начала. В статье «Пять ужасов грядущей войны» (1931) с точностью описал даже начало будущих боевых действий (вероломное нападение, бомбардировки не только сугубо военных объектов, но и городов и т.д.). Почти безошибочно оценивал расклад сил на международной арене, боевую способность армий различных государств. В анналы военно-политической публицистики следует занести трехлетний цикл статей о Гражданской войне в Испании. Автор предрек итог практически всех главных действий той великой драмы и почти за год до поражения республиканцев сделал прогноз: «Агонии красной Испании еще нет, но она наступит».

Политический изгнанник, убежденный противник советской власти, он, тем не менее, с горечью наблюдал за расправой 1937-1938 гг., учиненной над командным составом Красной армии. И говоря о качествах офицеров, сетуя на их «полуинтеллигентность», к великому сожалению, оказался прав в трагическом для нашей Родины выводе: «Красная армия, пока она будет руководиться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев - может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые».

Самое же наглядное предвидение Месснера - его концепция мятежевойны. Пока мир со всей серьезностью и свирепостью готовился к «ядерной дуэли», стратеги планировали возможные армейские и фронтовые операции, русский эмигрант пытался убедить их в том, что «традиционные понятия о войне устарели» и на арену страстей незаметно выходит новая форма вооруженной борьбы. Как оригинально выражался автор, на смену войне «по Клаузевицу» пришла война «по Энгельсу», и повторял, что грядущая мировая война пройдет «не в армейском стиле, а в стиле мятежа». Партизанство и повстанчество, беспорядки и безграничный террор, разрушение устоев и массированное воздействие на сознание населения - вот о чем писал Евгений Эдуардович сорок лет назад и что мы наблюдаем сегодня, чему посвящены ежедневно тысячи газетных и журнальных полос во всех странах, о чем теперь

написаны и пишутся сотни книг.

Поэтому Месснер, о работах и взглядах которого прежде мало кто знал, в наши дни в России уже **не только актуален, но злободневен.** Десять лет его труды публикуют «Российский военный сборник» и некоторые другие издания. С ними знакомы читатели «Независимого военного обозрения». Его мысли используют и обсуждают (хотя и недостаточно) военные эксперты, аналитики, исследователи. Когда после громких, бесчеловечных терактов в Нью-Йорке, Москве, Беслане президент США Дж. Буш, президент России В.В. Путин или министр обороны С.Б. Иванов во всеуслышание произносят: «Нам объявлена война», - остается сожалеть, что не уточняется - какая. Хотя речь идет именно о «мятежевойне».

Однако Месснер востребован не только благодаря этой концепции. И другие его сочинения вызывают огромный интерес, ибо они бесспорно созданы **талантом и творцом,** написаны в ярком, неповторимом стиле. Они **поучительны и потому современны.**

Почти каждая статья, работа Месснера, помимо прочего, содержит некие афоризмы-правила, а вернее сказать, максимы, которых хватило бы на целый свод. Приведем лишь некоторые: «невозможности войны человечество не допустит»; «каждой фазе человеческой морали соответствует особый стиль войны»; «война теперь - не только частичное истребление населения, но и поголовное истощение нервов»; «прежняя форма героизма - вспышка, современная форма - выдержка»; «в гражданской войне операции на социальном театре столь же важны, как и военные операции»; «в гражданской войне успех принадлежит дерзновенному»; «военная наука есть умовая выработка средств и приемов борьбы, военное искусство есть вдохновенное их применение»; «артистом военного искусства является тот, кто в стычку, бой, сражение, кампанию вдохнет душу, то есть оживит мертвый шаблон дыханием вдохновения»; «залогом победы является лишь мужество, проистекающее от сознания своей силы, от доверия к своему оружию»; «в состязании двух наступлений побеждают нервы»; «воля вождей покрывает безволие падающих духом войск»; «иррегулярство заразно, как азиатский грипп»; «стратегическая фантастика ведет к самоубийству страны»; «всякое мирное решение лучше безумного решения воевать»; «война является перманентным плебисцитом, выявляющим солдатскую и народную готовность бороться и жертвовать собой»; «воинства продолжают усовершенствовать оружие - следовало бы обратиться к усовершенствованию солдат»; «офицер - особенный вид гражданина»; «только такие офицеры имеют право в революционной обстановке нынешнего времени вступиться за державу, которые исполнены державного сознания и рыцарской этики»; «Россия - не государство, а часть света»; «хочешь мира - победи мятежевойну». И перечислять подобные изречения можно долго.

Как всякий талант, в стремлении к наиболее точному, образному выражению своей мысли, Месснер часто **обращается к словотворчеству.** Потому, погружаясь в его наследие, мы попадаем в особый мир понятий, словосочетаний, поначалу непривычных, но крайне любопытных и - при вдумчивом восприятии - глубоко верных. Для него, например, удобнее «воевание», а не хрестоматийное - «неуклюжее» - «ведение боевых действий». Война - «всемирная», а не «мировая», что по-русски, безусловно, правильнее. При необходимости дать точное название новой форме борьбы его не устроило ни одно из расхожих определений войн: «локальная», «партизанская», «малая», «революционная» и т.п. Тогда появилась «Мятежевойна», наиболее полно отражающая суть этого явления. В бесконечном ряду месснеровских терминов - «оператика» (оперативное искусство), «мятежезараженность», «тайновоевание», «тайноополчение», «разнапряжение», «географические перекрестки»,

«идеологические фронты», «рискобоязнь», «стопобедный Суворов», «генерал не суворовского класса», «повелители военной мысли», «полигонный оптимизм», «оборона словом - нападение словом», «взрывы "самоопределения"» (о национальном сепаратизме), «земский фронт» (гражданская оборона) «шаблонное войско», «духовная ликвидация войны», «сверхстратегия», «духовная сила нейтралитета» (о политике Швейцарии), «Красномосква», «Краснокитай» (о коммунистической власти в Москве, Китае).

И еще одна черта Месснера, о которой обязательно следует сказать, - его **неизменная преданность Русскому Делу и Русской армии.** Как военный писатель он родился и состоялся в изгнании, вдали от Родины, но принадлежит отечественной военной мысли. Он занимался своим ремеслом - возвысив его до искусства - всю сознательную жизнь, несмотря на неимоверные трудности, неустроенность эмигрантского быта, на злые перипетии судьбы, которая уносила его все дальше и дальше от родных берегов. С 1920 г, у него не было никакой возможности печатать свои работы и преподавать военные дисциплины на Родине, но более полувека практически беспрерывно он трудился во имя будущей России и ее армии, веря, что будет им полезен, зная, что «большевизм умрет, Россия не умрет».

* * *

Материал для книги собирался около десяти лет в рамках проекта изучения военной культуры русской эмиграции, осуществляемого Библиотекой-фондом «Русское зарубежье» и Военным университетом.

На сегодня это единственное издание, отражающее основные этапы, грани и направления творчества Е.Э. Месснера. В хрестоматийной части представлено свыше пятидесяти работ писателя. Большинство из них в России публикуется впервые. Они сгруппированы по разделам.

В первом - важнейшая часть наследия Месснера - та, что содержит концепцию «мятежевойны». В сокращении приводятся книги «Лик современной войны», «Мятеж - имя Третьей всемирной», «Всемирная Мятежевойна», написанные и вышедшие в Аргентине в 50-60-х гг. прошлого века, а также дополняющие их статьи из журналов «Наши Вести» (Нью-Йорк) и «Часовой» (Брюссель).

Далее печатаются работы, посвященные проблемам войны и военного искусства. Почти все они написаны в период с 1925 по 1939 г. Это в основном статьи из журналов «Военный Сборник», «Вестник Военных Знаний» и газеты «Сегодня».

В разделе «Испанский пожар» сосредоточены публикации, в которых дается блестящий анализ Гражданской войны 1936-1939 гг. на Пиренейском полуострове. Материал чрезвычайно познавательный, редкий, насыщенный ценными выводами и «аксиомами».

Следующая группа статей - «Фронт от Китая до Гибралтара» - одного жанра с предыдущей и тоже - из газеты «Сегодня», в которой Месснер семьдесят лет назад знакомил русскую эмиграцию с «международной и военно-стратегической ситуацией». Но и в наше время эти строки читаются с огромным интересом, наводят на множество параллелей и не утратили просветительского значения.

Подборка работ об офицерстве называется «Слуги Отечества». Они написаны в разные годы прошлого века (от 20-х до 60-х) и публиковались в общей и военной печати Русского Зарубежья, в сборниках статей, а также выходили отдельным изданием в Аргентине («Современные офицеры»).

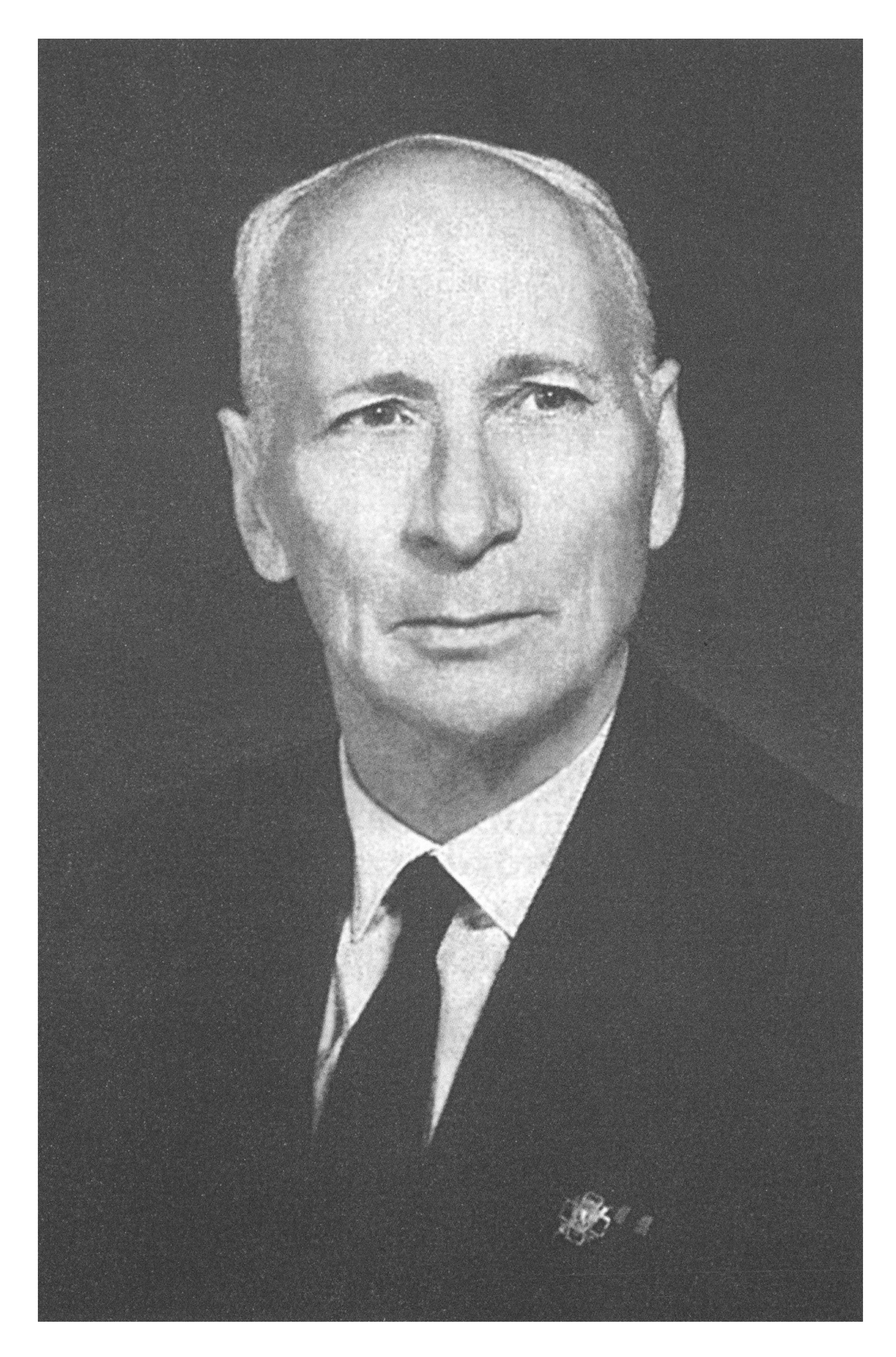
Последний раздел в хрестоматийном ряду - «Из архива памяти». В нем помещены главы труда «Луцкий прорыв», написанного Месснером в соавторстве с коллегами в память о подвигах русских воинов и к 50-летию крупнейшей операции Первой мировой войны, несправедливо, по мнению автора, вошедшей в историю под названием «Брусиловского прорыва» (ни одно сражение, кроме этого, в военной истории не названо по имени полководца). Уже не за горами 90-летие одного из славных дел русского оружия, поэтому публикация имеет особый смысл.

Завершается книга материалом А.Е. Савинкина «Грозная опасность Всемирной мятежевойны». В нем показано значение оригинальной концепции «мятежевойны» для понимания современных военно-политических процессов, борьбы с международным терроризмом.

Необходимо сказать, что во взглядах и текстах Месснера очень много необычного, «чуждого». У нас так не пишут, не судят, не мыслят. О чем-то не любят говорить. Но он был свободен в своем творчестве. Свободен от «академических» рамок, во многом и от школы старой армии, тем более от марксистско-ленинского учения. И в этой «беспризорности» - его сила. Он по-своему думал, соответственно излагал. Да, нам - советским и постсоветским, может быть, неприятна оценка автором роли СССР («Красномосквы») в распространении по миру «мятежа», террористических методов «воевания» и политической борьбы. Но это правда: коммунистической властью миллиарды были вложены в многоликих «повстанцев», «боевиков», «революционеров» Азии, Африки, Южной и Центральной Америки, Ближнего и Среднего Востока. Скольких, повернувших теперь против нас же оружие, научили воевать?!

Конечно, в чем-то Месснер ошибался, заблуждался. Но он - наш классик. России, находящейся в реальных условиях и внутренней, и «всемирной» мятежевойны, нужны его труды, идеи, максимы, верный «глазомер» и пафос военного знания. Нужен его пример неустанной работы ума, жизненной стойкости и веры в свою Родину. А к его непривычным для нас мыслям, стилю и языку привыкнуть не трудно.

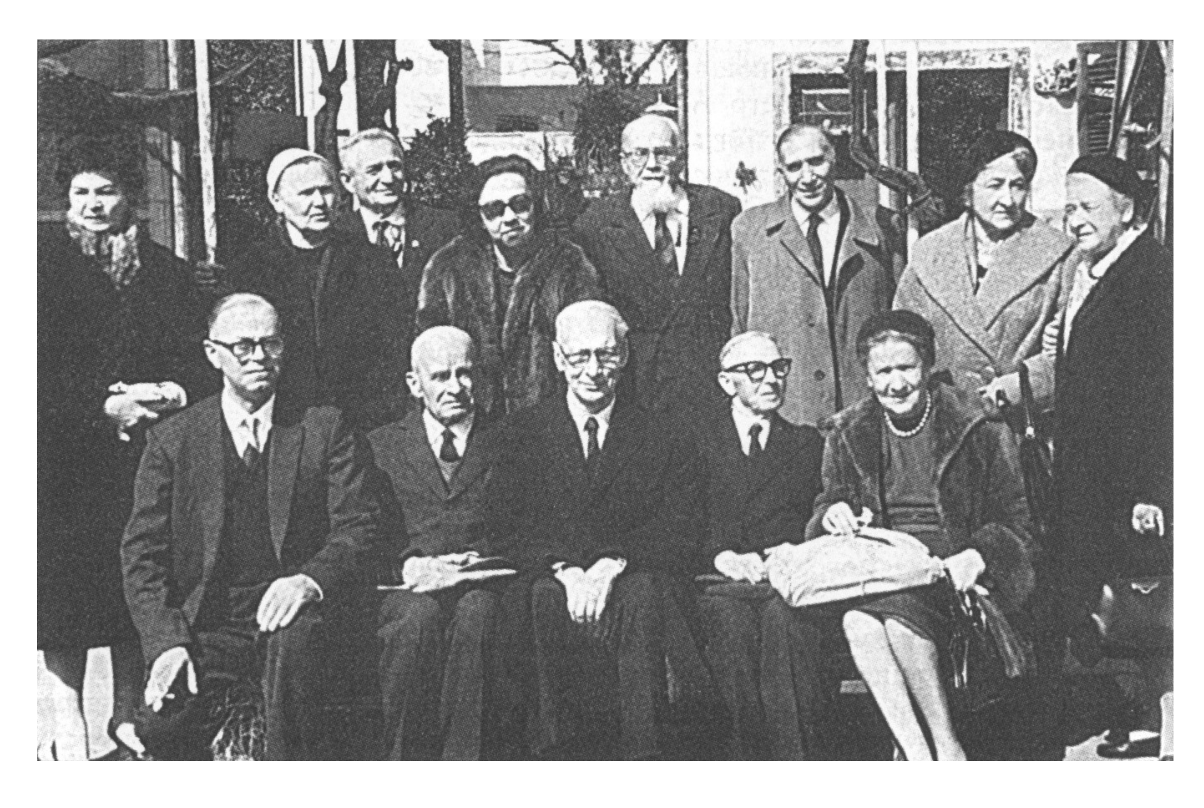
И.В. Домнин

Е.Э. Месснер. 1960-е гг.

Профессор Ф.Ф. Вербицкий, вдова генерала М.В. Алексеева А.Н. Алексеева, полковник А.Н. Ефремов, профессор полковник Е.Э. Месснер. Буэнос-Айрес, 1956. (Из архива Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье»)

В день полкового праздника Корниловского ударного полка. В центре нижнего ряда - Е.Э. Месснер. Буэнос-Айрес, 1962

Сидят: А.Н. Алексеева, дочь генерала М.В. Алексеева - В.М. Борель (Алексеева), сестра милосердия А.Н. Рябинская. Стоят соратники Е.Э. Месснера по белой борьбе и коллеги по Южно-Американскому отделу Института по исследованию проблем войны и мира им. проф. генерала Н.Н. Головина полковник И.И. Эйхенбаум и подполковник С.К. Каширин. Буэнос-Айрес, 1956. (Из архива Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье»)

Юбилей Корниловского ударного полка (1917-1967). Париж

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

И

КРУЖКОВЪ ВЫСШАГО ВОЕННАГО САМООБРАЗОВАНІЯ

REVUE
PUBLIÉE PAR LES SOCIÉTES
DES ETUDES MILITAIRES

ДР

Книга XI.

1930 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ Х

БѢЛГРАДЪ (ЮГОСЛ
„Русская Типографія" — улица Жо
1 9 3 0

№ 3 (16) (Годъ изд. IV-й) Октябрь 1932 г.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ОРГАНЪ ВОЕННО-НАУЧНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНІЕ:

Б. Штейфонъ — »Скобелевъ«
А. Баіовъ — »Неправильный путь«
А. Геруа — »Маневрированіе«
Е. Месснеръ — »Вѣсти изъ Красной Арміи«
К. Ольховикъ — »Моторизація Красной Арміи въ связи съ „пятилѣткой"«

Военно-техническое обозрѣніе:

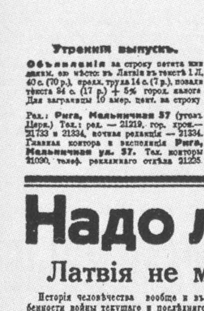
155 м/м пушка Schneider на лафетѣ и платформѣ кругового обстрѣла
Омнископъ

Изъ всеміркой литературы:

Воздушныя или наземныя война?
Потери при наступленіи и оборонѣ

Отдѣльныя статьи по иностр. журналамъ, касающіяся рус. воен. операцій.

Обложки журналов «Военный Сборник» (Белград), «Вестник Военных Знаний» (Сараево), в которых публиковались работы Е.Э. Месснера. 1920-е - начало 1930-х гг.

Утренний выпускъ.

СЕГОДНЯ

Воскресенье, 24 января 1932 года.

№ 24. Выходитъ утромъ и вечеромъ. 14-й г. изд.

Надо ли разоружаться? Наканунѣ всемірной конференціи по разоруженію

Латвія не можетъ дать повода къ войнѣ.

Е. МЕССНЕРЪ.

Можетъ ли Англія обойтись безъ воинской повинности.

Поздно вспомнили объ авіаціи. — Значеніе флота. — Армія, не имѣющая континентальной силы. — Неудача съ «воздушными слонами». — Усиленіе военной промышленности.

Е. МЕССНЕРЪ.

Ужасы грядущей войны.

Стрѣла «Матрасъ». — Автоматическое оружіе. — Убійство вѣрное и надежное. — Полоса смерти. — Танки, отъ которыхъ нельзя спастись. — Невидимая опасность. — Тысячи бойцовъ сходятъ съ ума. — Война изобрѣтеній.

Е. МЕССНЕРЪ.

Интернаціональная воздушная армія на дальневосточномъ театрѣ войны.

Опытъ Испаніи и Китая. — Японцы неспособны къ авіаціи. — Сила китайцевъ въ партизанщинѣ. — Японское командованіе примѣняетъ мѣры устрашенія.

2 СЕГОДНЯ

Соотношеніе силъ въ Европѣ послѣ лондонскаго военнаго соглашенія.

Чемберленъ устранилъ главную причину напряженности политической атмосферы.

Не существуетъ двухъ государствъ, которыя такъ удачно дополняли бы другъ друга въ военномъ отношеніи, какъ Англія и Франція. Первая имѣетъ исполинскій флотъ и численно ничтожную армію, вторая имѣетъ большую и отлично организованную армію и устарѣлый флотъ, который, какъ бы усталъ конкурировать въ размѣрѣ и качествѣ съ другими флотами; первая имѣетъ лучшую въ мірѣ развѣдку, вторая располагаетъ сильнѣйшимъ въ мірѣ аппаратомъ пропаганды. Обѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ силу такой мощности, что не только отдѣльнымъ державамъ, но и коалиціямъ державъ онѣ могли бы диктовать свою волю. 43 мил. французовъ и съ ними 55 мил. жителей такъ называемой Черной Франціи, 46 мил. англичанъ съ 400 мил. жителей доминіоновъ, колоній и мандатныхъ земель — это сила огромная. Пусть большая часть этого множества не можетъ быть использована для войны (въ силу ли непригодности, нецивилизованности, въ силу ... къ воспрепятствованію возстановленія военной мощи Германіи. Когда Германія отказомъ отъ выплаты репарацій нарушила мирный договоръ и тѣмъ показала, что она перестала быть безвольной, во Франціи началась тревога за свою безопасность; эта тревога стала содержаніемъ всей ея европейской политики. Когда же Германія сбросила версальскія оковы,

доминирующей эмоціей французской политики сталъ страхъ передъ германскимъ нападеніемъ.

Своими заявленіями, что онъ готовъ гарантировать неприкосновенность франко-германской границы, Гитлеръ поколебалъ единодушность Европы въ германскомъ вопросѣ и страхъ Франціи не передался большинству державъ. Однако онъ продолжалъ быть большимъ препятствіемъ къ нахожденію разумнаго рѣшенія для удаленія многихъ зажженныхъ и тлѣющихъ фитилей у пороховыхъ бочекъ.

... защищенной границы. Сейчасъ Франція можетъ считать, что эта ея граница защищена безъ бетона и проволоки надежнѣе, чѣмъ граница съ Германіей. Напавшій на Францію изъ Германіи будетъ имѣть дѣло съ арміями Франціи и Англіи и съ сильнѣйшей фортификаціонной системой. Напавшій на Францію изъ Италіи подставитъ всѣ берега Италіи подъ ударъ британскаго флота — это сила большая, чѣмъ фортификаціонная система Мажино.

Однако, давши французамъ исчерпывающую гарантію безопасности ихъ страны, англичане не обѣщали имъ ни одного солдата, ни одного матроса, ни одного летчика для содѣйствія цѣлямъ французской политики:

лондонскій сговоръ не создаетъ въ Европѣ новаго соотношенія военныхъ силъ

(кромѣ одного совершенно точно опредѣленнаго и весьма мало вѣроятнаго случая ...

Полосы рижской газеты «Сегодня» со статьями ее военного обозревателя Е.Э. Месснера. 1930-е гг.

Обложки книг Е.Э. Месснера, вышедших в Буэнос-Айресе и Нью-Йорке в 1950-1960-х гг.

С НАМИ БОГ! 23 de mayo de 1970 № 423 В Аргентине: 50 сент. 23 мая 1970 г.

РУССКОЕ СЛОВО

EL VERBO RUSO

Общероссийский Монархический Фронт
РОССИЙСКИЙ ИМПЕРСКИЙ
СОЮЗ-ОРДЕН
Издательство "РУССКОЕ СЛОВО"

BISEMANAL
BUENOS AIRES
REGISTRO DE PROP.
INTELECT. № 1041109

Director: NICOLAS SACHNOWSKY
Casilla de Correo No. 1, Sucursal 30, Buenos Aires
ГОД ИЗДАНИЯ XVI — ДВУХНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВ. РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЕЙ В АРГЕНТИНЕ
Председатель Редакционной Коллегии М. Н. Друецкий.

Correo Argentino Suc. 30

TARIFA REDUCIDA
Concesión № 5602

FRANQUEO PAGADO
Concesión № 2091

ОРДЕН СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ

Генерал Врангель, для награждения особо выдающихся героев своей Русской Армии (в Крыму-Таврии), учредил 30-го апреля / 13-го мая 1920 г. Орден Святителя Николая Чудотворца, по своему значению равный Ордену Святого Георгия, но носимый ниже Георгиевского. Сходство в том, что награждается опасный, успешный и полезный подвиг; что постановление об удостоении орденом выносит Кавалерская Дума Ордена (после расследования дела Орденской Следственой Комиссией); что награжденным представляются некоторые преимущества (подобные Георгиевским Кавалерам). Различие в том, что Орден 1-й степени (для ношения на шее) и 2-й степени (для ношения на груди) дается офицерам независимо от чина, а солдатам только имеющим Георгия 3-й степени (они, по получении Ордена св. Николая, производятся в офицеры).

Орден — темный железный крест (на бело-сине-красной ленте); на лицевой стороне — изображение Св. Николая Чудотворца и надпись: «Верою спасется Россия»; на оборотной стороне — национальные цвета и дата учреждения Ордена. (Не смешивать Орден храбрейших со значком для участников Великой войны, названным именем Св. Николая и за несколько франков продаваемым в Европе).

Орденом Св. Николая Чудотворца были награждены генерал Врангель и 338 воинских чинов, а знаменами, трубами лентами, флагами, вымпелами — ... ков, батарей, военных ... енных училищ.

Позд...

ПЯТИДЕСЯТИЛ...
(30-IV/12 ...

евреев Герберта Маркузе, нынешнего оракула?

Первый обнаружил, а может быть своей фантазией сотворил «абсурдного человека», живущего абсурдно, потому что жизнь вообще абсурдна. Этот получивший Нобелевскую премию за литературу писатель своими романами (начиная с 1940 г.) «Чужой», «Чума», «Миф о Сизифе», своими драмами «Калигула», «Справедливый» показал абсурдность человеческой жизни и т... мог Сартру развить умон... шенастроение изве... зистенциа...

зистенциализму и хиппизму не найдено. Его надо искать. Усиленно и быстро, ибо эти моральные (вернее, аморальные, антиморальные) эпидемии опасны. Опасны для народа даже в сов. условиях. Под спудом советского тероора и комсомольской «морали» наростает в СССР битничество; если бы сегодн... ла диктаторская власть, ... ах Москвы, Ленинг... сь бы тол... ... шие мета... Бер...

ГОДОВЩИНА ПЕРВОГО ПОХОДА

Зарубежный поэт Д. Кленовский писал в старости своей о грехе юности своей и многих, многих его сверстников: Почему ты...

...в Восемнадцатом
(Бог тебя прости!)
На Кубань, чтоб драться там
Не нашел пути?

Мне ответить нечего.
Мне одно: молчать.
Разве можно вечером
Утру отвечать?

И нам "вечером" не годится спрашивать "утро": почему ты не пошел в 1918 году в Первый Поход... Пойди ты и многие, и все, в то время юные и крепкие, в этот поход за Россию, не была бы разрушена Россия...

Прошли десятилетия. Не спрашивай, чтобы осудить тех, кто не поддержал Россию. Спрашивай, чтобы помнить, напомнить о России.

....

Все меньше остается героев, героинь. ... ившем году скончалась одна из ... величайших; одна из при... ... ству свою жерт... ... нравст...

к раненому воину, к борцу за Россию. Говорю о сестре милосердия Асе Гайдуковой. В 1-ом Корниловском Ударном полку были Женя, Шура и Васса (Ася) Гайдуковы. Две погибли в походе, но Ася, четырежды раненая, уцелела. Разъ вернувшиеся для боя корниловские роты приветствовали ее, героиню, возгласами: "Ася, Асёнок!" Знали, что, не взирая на опасность, перевяжет раненого, побудит его вынести или сама найдет в себе силу вынести его.

Сейчас не стало Аси среди нас. Но Ася — вечна. Ася — символ женской русской жертвенности за Россию.

Е. М.

... комиссии капитан Кравченко про... ...колько на отлете от Париж... ...тра, в Мюнхене. Сей... ...атанью. От... Обра...

Е. Месснер **ПАНОРАМА** Вид 173-й

Если бы офицеры ворвались в дирекции автомобильных заводов или в адвокатские канцелярии, оттеснив там дельцов, здесь крючкотворов, то эти заведения стали бы дефицитными. Дело не в недостатке знаний — ими можно в течение некоторого времени обогатиться —, а в глубочайшей разнице между менталитетом офицеров и дельцов, крючкотворов. Войны, вообще говоря, бывали прибыльными (для одной стороны), но стали убыточными (для обеих сторон), когда в стратегию ворвались дельцы и крючкотворы. Никто из военных историков не занялся выяснением, скольких жизней и какой затяжки войны обошлись стратегические выкрутасы Клемансо, Черчилля, Бриана и Ллойд-Джоржа. Не трудно будет доказать, что «стратеги» Рузвельт, Черчилль, Гитлер и Сталин сделали 2-ю Мировую войну вдвойне кровопролитнее, чем было необходимо. Это же относится к Виетнамской войне, в которой «стратегствуют» мудрецы Белого Дома, Конгресса, Горвардского университета и всякого сброда в прессе. И это относится к нынешней операции в Камбодже.

В Конгрессе ставится требованием, чтобы операция была закончена к 1-му июля, а в печати опубликовывают тайну, не дальше какой реки будет вестись американское наступление. Для противника это — драгоценные сведения. Не можно себе представить, каковы нервы у американских генералов, если они в состоянии столько лет воевать в атмосфере государственной измены, производимой государством и обществом.

Камбоджская операция предпринята, можно думать, для следующих целей: спасти Камбоджу, на которую наступает 70.000 сев.-виетнамских солдат и ко-

Материалы Е.Э. Месснера в газете российской колонии в Аргентине «Русское Слово». Конец 1960-х - начало 1970-х гг.

НАШИ ВЕСТИ

"NASHI VESTI"

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией Д. П. Вертепова

Издание Союза чинов Русского Корпуса

Subscription $ 8.00 Monthly Magazine of the Russian Corps Combattants, Inc. Price $ 0.70

Address: D. Vertepov, 349 West, 86th St. ... ork, N. Y. 10024, USA. ... lephones: 873-0217 & 787-...

Годовая подписка — $ 8.00 Цена отд. номе...

Second class postage paid at ...

XXVIII год ...

ПЕССИМИЗМ НАТО

СТРАТЕГИЯ И ДИПЛОМАТИЯ

ЕВРОГРУППА

ЧАСОВОЙ

№ 581 (II) НОЯБРЬ 1974 г.

ЗА РОДИНУ, ЧЕСТЬ И СВОБОДУ!

ОРГАН СВЯЗИ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

ORGANE DU MOUVEMENT NATIONAL RU...

Редактор В. В. ОРЕХОВ — Directeur — B. OREKHOFF

« LA SENTINELLE » mensuel

Памяти Верховного Правите...

19

Незабытые Могилы

† 30. 9. в Буэное-Айресе профессор Ген. Штаба полковник Евгений Эдуардович МЕССНЕР, последний начальник штаба Корниловской Ударной Дивизии, сотрудник «Часового» и органа Русского Корпуса «Наши Вести», талантливый военно-политический журналист. Редакция «Часового», с глубокой признательностью за оказанное покойным сотрудничество, молитвенно склоняется перед могилой покойного, оставшегося до конца Белым воином.

† 6. 10. в Кормей, около Парижа капитан Степан Андреевич КОХАНСКИЙ, старший офицер Марковской жел. дор. роты. Пок. из прапорщиков запаса всю великую и гражданскую войны провел в инженерных частях и был всегда отчетливым, исполнительным и храбрым офицером, любимым своими товарищами. Вечная память старому дорогому соратнику.

Кап. В. Орехов

† 2. 8 в Флориде Ввард. Экипажа ст. лейтенант Сергей Владимирович СЕКЕРИН.

† 25. 7 в Лос-Анжелесе Л. Гв. Финляндского полка полковник Александр Петрович САПУНОВ.

† 25. 7 в Париже Л. Гв. Финляндского полка капи...

30-го сентября с.г., в Буэнос Айресе, после продолжительной болезни, скончался наш долголетний, талантливый

сотрудник

профессор, ген.штаба полковник

ЕВГЕНИЙ ЭДУАРДОВИЧ МЕССНЕР

Человек большой эрудиции, обладатель широких познаний, Евгений Эдуардович был незаурядным военным писателем, в лице которого мы понесли весьма значительную потерю.

Редакция "Наших Вестей" выражает искреннее соболезнование его родным.

Статьи Е.Э. Месснера в журнале «Наши Вести». Начало 1970-х гг. Некрологи Е.Э. Месснеру, помещенные в журналах «Часовой» и «Наши Вести». 1974

ВСЕМИРНАЯ МЯТЕЖЕВОЙНА

ЛИК СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

О стилях войны

В книге Бытия сказано: «...И увидел Бог все, что Он сделал и вот, хорошо весьма. И был день и была ночь. День первый».

И устроил Бог жизнь на земле, положив - в неизъяснимой для нас премудрости - в основу строения жизни борьбу за существование. Но, давши тварям в закон жизни умерщвление, Бог воспретил неоправдываемое истребление. Только две твари нарушают это воспрещение: четвероногая ласка и человек. Ласка убивает больше, чем может съесть, и неистовствует в бесцельном убийстве. Человек временами убивает больше, чем то оправдывает борьба за существование. Убивает из ненависти, которая не от Бога и противна Богу, которая от Сатаны и приятна Сатане.

Война - одна из форм борьбы за существование. Пока ее не устранят другие формы, она дозволена Законом Жизни. Но не всякий способ воевания дозволен. Не дозволена война в стиле ласки.

Каждой фазе развития человеческой морали соответствует особый стиль войны. В эпоху рыцарства и чести сражения подобны турнирам, на которых регламентирована мера кровопролития. В эпоху религиозного фанатизма - исступленное братоубийство, Варфоломеева ночь и король, из окна своего дворца подстреливающий собственных подданных, бегущих улицами в поисках спасения от королевских убийц. В эпоху деспотического свободолюбия после Французской революции разыгрывались сражения - Аустерлиц, Бородино, - кровопролитностью своею превзошедшие страшные сечи орд глубокой древности.

В век гуманитарного либерализма - XIX в. - происходит укрощение войны: царь Александр I провозглашает человеколюбие, царь Николай II созывает международный съезд в Гааге, создается Красный Крест. Но с XX в. пришла эпоха воинствующего пацифизма: пацифисты войнами пытаются искоренить милитаризм и во имя человечности придают своим войнам сугубо бесчеловечный стиль.

Стиль современной войны - истребление. Стиль ласки. Как Инквизиция ad maiorem Dei gloriam избивала людей, так пацифизм ad maiorem Hominis gloriam истребляет человека массово и мучительно. Из-под спуда тысячелетий пацифизм извлек военный принцип «на войне все дозволено» и этим упразднил - если не формально, то фактически - и воинскую честь, и благороднейшие воинские традиции, и Красный Крест, и завет Иоанна Крестителя воинам: «Никого не обижайте».

В 1754 г. в битве у Фонтерай лорд Гай, командир английской гвардии, крикнул командиру французских гренадеров графу д'Отрош: «Пусть ваши люди стреляют!» - «После вас!» - ответил француз, и залп английских мушкетов повалил первую линию гренадеров Франции. Так воевали встарь. А теперь пацифист Черчилль блокадой обрекает все население Германии на голод. Он же подвергает ее террористическим бомбежкам, а пацифист Эйнштейн дает в руки пацифиста Рузвельта бомбу, «пацифически» истребившую население Хиросимы и Нагасаки.

Дилетанты-стратеги, невежественные в военном деле, но изощренные в партийно-политической борьбе и поэтому обладающие резиновой совестью, ухватились за Людендорфов термин «тотальная война», и войны пошли путем тотальной свирепости. Однако словами «тотальная война» первоначально определяли войну всеми силами. Это значит: не только солдат и матрос в бою должны добывать победу, но и машинист на паровозе, и рабочий у станка, и рудокоп, и чиновник, и учитель - словом, все должны - каждый в своей области - способствовать достижению победы и все должно быть жертвуемо для победы: богатство богатых, скудность неимущих, знание ученых, дарование писателей, самаритянство женщин.

Но понятие «война всеми силами» подменили другим: «война всеми средствами». Масоны переняли у иезуитов безнравственный принцип «цель оправдывает средства», и вершители судеб современного человечества, стремясь к целям якобы высоким, повелевают применять на войне средства низкие, от которых «земля дрожит, звезда падает» - эти слова говорил Атилла, гордясь учиненными кровопролитиями.

Но после Атиллы на протяжении тысячелетия войны были войнами - воины рубили, кололи, стреляли, выполняя свой суровый долг, и Суворов убежденно мог говорить чудо-богатырям: «Бог нас водит, - Он нам генерал». Русские двести лет воевали против турок, но ни в тех, ни в других не создавалось ненависти. Теперь же не долгом, а ненавистью исполнены воины, сражаясь, и сатанинскою ненавистью вдохновляются стратеги на низкие, не воинские предприятия, по привычке именуемые войной.

Ненавистью полон мир и в дни мира и в дни войны. Ненависть расовая - цветных народов против белых, ненависть неравенства - ненависть голодных к сытым, сытых к пресыщенным, ненависть доктрин - доктрин красных, розовых, полинявших и белых - и, наконец, ненависть ради ненависти, ненависть Зла ко всему, что Добро или что выглядит Добром, - вот двигательная сила политики мира, и политики сосуществования, и политики конфликтов. Когда Рузвельт в Тегеране провозгласил тост за казнь 50 тысяч «лишних» германских офицеров, виновных в том, что они - офицеры противной стороны, то он, тогдашний диктатор полумира, сравнялся в динамике ненависти с диктатором другого полумира, Сталиным, делателем больших и малых «ежовщин».

Всененависть порождает парадоксальные противоречия между материалистическим сознанием людей и народов и идеологическими чувствованиями тех и других, и в наш век материализма народы берутся за оружие ради торжества тех или иных идей, а все виды материализма - диаматный, экзистенциалистический, капиталистический и т.д. - стали своего рода идеализмами, добиваясь всемогущества не только в мире материи, но и в духовном мире.

В наш век интернационалов, ведущих к космополитизму, национализм превращается в неудержимый шовинизм и, наряду с собирательными процессами паневропеизма, панамериканизма, панарабизма, бурным кипением выявляются процессы распада в виде политической и вооруженной борьбы народов и народиков за свои национальные домогательства.

В наш век безбожия стали возможны и религиозные войны, потому что безбожие сделалось как бы религией. И в то время, как одни, чуя в себе Глагол Божий, готовы бороться и умирать за свое «верую», другие с яростью готовы умирать за свое «не верую». Социалист Жорес сказал: «Война есть варварская форма прогресса». Две всемирные войны способствовали прогрессу тех, кто не воевал - народы Азии и Африки стали освобождаться от колониальной зависимости, - но воевавшим государствам, побежденным и победителям, эти войны

причинили регресс - моральный и материальный. Скифская тактика «сожженной земли», возрожденная в Соединенных Штатах во время войны Севера и Юга, когда северяне, борясь за благополучие чернокожих южан, дотла уничтожали благосостояние белолицых южан, - тактика «сожженной земли» стала научным, техническим способом применяться с 1918 г., когда немцы, отходя на линию Зигфрида, разрушали все, что поддавалось молоту, топору и динамиту. Во Вторую мировую войну англичане, уходя с континента, разрушают европейские порты на Ла-Манше, а в Бирме, отступая перед японцами, сжигают полгосударства. Немцы в 1944 г., уходя из Северной Норвегии, не оставляют там камня на камне. Величайший из скифов - Сталин - в раззор разорил утраченные в 1941-1942 гг. территории, и то же самое там же проделал Гитлер, отступая в 1942-1943 гг. А в 1945 г. в Европу из СССР ворвалось 5 млн. мстительностей, 5 млн. буйств, 5 млн. пар хищных рук, 5 млн. глоток, жаждавших «шнапса», 5 млн. похотей, искавших женщин.

Когда случится война, из Евразии двинется моторизованный Чингисхан, замыслы которого уже воспеты в большевистских стихах: «Сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы». И этому разрушению Запад противопоставит свой богатый опыт, почерпнутый в вандальском уничтожении Монте-Касино, и Дрездена, и Хиросимы. Война может разрушить сотни миллионов жизней и всю жизнь, много культур и все культуры, созданные десятками поколений...

Идеологическая исступленность нашего века и повсюду разлившаяся ненависть создали стиль современной войны - войны низменной, предельно ожесточенной, апокалипсической.

И где-то запишется: «И увидел Бог все, что они сделали и вот худо весьма. И был день и была ночь. День последний».

Измерения войны

Испокон веков война происходила на двухмерном пространстве - на поверхности земли, а иногда на такой же двухмерной поверхности моря. Театр войны измерялся в длину и ширину. Но в этом веке он приобрел и третью меру - высоту, а на море - высоту и глубину. Глубинные действия своей потаенностью сделали в военное время мореплавание опасным не только для бойцов, но и для не бойцов, а также для мореплавателей, никакого отношения к войне и воюющим не имеющим: бедствия, причиняемые войной, распространились и на избегающих войну.

Но высотные действия - воздушные - еще в большей степени увеличили губительность войн. На поверхностном театре войны всякий удар может быть удержан контрударом или фортификацией. Но в высотном пространстве метеорная скорость удара крайне ограничивает возможность отражения его, а удержание его фортификацией невозможно: военные инженеры не считают облака подходящим материалом для фортификационных оборонительных сооружений.

Во все времена воюющий народ чувствовал себя в безопасности за спиной своего войска, если доверял ему. Теперь нет смысла доверять в этом отношении войску земному и воздушному: они бессильны предотвратить удары вражеской авиации по населению в тылу щита-фронта. Слово «фронт» потеряло свой жуткий смысл - жутко стало на всей территории воюющего государства. Слово «воин» потеряло свой мужественный смысл - мужество требуется и от женщин, в глубочайшем тылу долженствующих выполнять свои мирные женские обязанности под завывание сирен, предвестниц бомбежки. В 1945 г. было немало

четырехлетних детей, которые в жизни своей еще ни одной ночи не проспали в своей кроватке - они знали лишь ночлежку бункера. Военные лишения, и муки, и опасности стали уделом всего населения. Поэтому последствия войны ложатся тяжкой ипотекой на уцелевших к концу ее. Нервы требуют возбуждения: после 1918 г. пошла эпидемия нудизма, коктейля, женского курения, детского криминализма; после 1945 г. появились «буги-вуги», экстаз болельщиков на стадионах, подросло поколение «роуди», «халб-штарке», с их «рок-н-ролл».

Покуда мода на «тотальную войну» не выжгла у стратегов остатки совести, они ограничивали бомбежки военными объектами. Но постепенно совестливость сжималась, а понятие «военный объект» расширялось, и стратегические талмуды так растянули это понятие, что им стало охватываться все: тотальность войны - тотальность военных объектов. И теперь фабрика пуговиц и молочная ферма стали «военной промышленностью».

Тотальная война, тотальное разрушение, тотальное убийство, тотальное безумие. Силой природы разрушена была Помпея, и это событие осталось памятным в веках, а сейчас силою человека разрушаются сотни Помпей и эти «происшествия» так обыденны, что человечество не заметило, что помельче, а что покрупнее, - забыло лет через 10.

Войны наши 1854, 1877, 1904 и отчасти 1914 гг. были дуэлями армий - население стояло в позе секундантов. А теперь дуэль сменилась всеобщим побоищем: при помощи авиации война из поверхностной превратилась в объемную, приобрела третье измерение, превратилась в истребление.

Но еще более трагичное преобразование внесено установлением четвертого измерения. Во многих войнах вспомогательным средством победы было ослабление духа вражеских армии и народа. Наполеон попытался было привлечь на свою сторону российское крестьянство обещанием отмены крепостного права - крестьянство ответило на это партизанством; в английском парламенте перед Крымской войной говорилось, что надо использовать энергию всех в России недовольных властями, - только десяток поляков стали агентурой английского шпионажа в Крыму. А теперь к делу подходят методически и дают ему огромные размеры: душа вражеской армии, душа вражеского народа стали важнейшими стратегическими объектами; мобилизация духа собственного народа стала важнейшей задачей верховного стратега. Разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух - вот смысл борьбы в четвертом измерении, которое сделалось более важным, чем три прочих измерения.

Расщепление атома в целях массового убийства выполнено впервые в 1945 г. (Хиросима), но за 40 лет до этого немецкие ученые стали работать над расщеплением атома в научных целях. Первая большая операция расщепления духа относится к 1917 г. (обманная декларация Вудро Вильсона с ее 14 пунктами), но к проблеме расщепления национального духа в политических целях подошли в 1864 г., когда марксисты образовали в Лондоне «Центральный совет международного товарищества рабочих». Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» революционировал социальную жизнь человечества в большей мере, чем атомная физика революционировала эту жизнь переворотом в технике, промышленности, в войне.

Идею национального государства создала в конце XVIII в. Французская революция, но уже в начале XX в. вертикальные перегородки между национальными государствами стали подгнивать и возникли горизонтальные перегородки, разделяющие человечество на пролетариев и буржуев, на марксистов, демократов и фашистов, на католиков, магометан, атеистов.

В последнюю войну, не считаясь с голосом национально-государственного эгоизма,

маршировали по полям СССР в ногу с германцами фюрера испанская «Голубая дивизия» и дивизии итальянцев, голландцев, венгров, румын, дивизия «Викинг» из норвежцев, «Свободный корпус Дания» и галичане, полки хорватские и словацкие, бригада валонских рексистов бельгийца де Греля, добровольцы из Фландрии и французский батальон. Так интернационал фашистов, шагая через государственные перегородки, шел в бой против интернационала марксистов. Интернационалы стали силой, противопоставляющей себя государствам: Всемирный союз моряков вступил в борьбу с Панамой, Либерией и другими странами, «дешевыми флагами» которых пользуются кораблевладельцы-эксплуататоры. Вскоре станет мощным уже существующий интернационал отказывающихся от военной службы. Впрочем, и интернационалы не всесильны: созданное марксистским Интернационалом государство стало жертвой духовного расщепления, выдуманного в 1864 г. марксистами: из племен СССР к строю антимарксистов примкнули дивизии эстонцев, латышей, украинцев, добровольцы из Грузии, Азербайджана, Крыма, с Кавказских гор, из Средней Азии, примкнул Казачий корпус, Особая дивизия полковника фон Регенау и Русская освободительная армия, насчитывавшая в своем составе 2 дивизии на востоке и 500 батальонов на западе.

Миниатюрная, но весьма характерная картина расщепления духа народа обнаружилась в Сербии: отбросив завет предков «Только согласие бережет Сербию», люди кинулись в кровопролитное несогласие: генерал Недич с нацистами, полковник Михайлович с демократами и бандит Тито с коммунистами разорвали и тело, и душу Сербии.

Расщепление духа становится таким же атрибутом и войны, и мира, как Пикассо и его последователи в искусстве. Если прежде бывали революционные войны и военные революции, то теперь эти два бедствия сплелись в войну-революцию, т.е. в четырехмерную войну и, как правило, сейчас не может быть войны, которая не была бы четырехмерной. Пожалуй, можно себе представить большую войну не атомного характера, но немыслимо вообразить ее отказавшейся от применения духовного расщепления.

В нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием. Государства стали морально уязвимыми, потому что ослабело мистическое значение государства. Оно в глазах людей перестало быть высшим из земных установлений. Как Христос опроверг верование в установление Царства Божьего на земле и дал более высокое понятие: «Царство Божье внутри нас», так Вольтер начал подкоп под древнее сознание: «Человек - для царства человеческого» и уготовил путь анархическому тезису «царство человеческое для человека». Король говорил: «Государство - это я», а ныне Иоганны, Жаны, Хуаны вопят плебейски-буйным образом: «Я - это государство». Редко гражданин подчиняет свое «я» государственному «мы». Безумно право, не сопряженное с обязанностью. Развратна поэтому Хартия прав человека. Права, самоуправство, самоволие взорвали устои общественной, политической, государственной жизни. Бриан говорил, что 95% его энергии уходит на то, чтобы удержаться у власти, и только 5% - на властвование. Абсолютизм пал под ударами парламентаризма, а сейчас парламенты вынуждены заседать под охраной полиции, защищаясь от абсолютизма улицы, черни, возглавляемой демагогами. Демагоговластие, пришедшее на смену депутатовластию, весьма благоприятствует духорасщепительной деятельности внешнего врага. «Пятая колонна» не должна быть многочисленной: по словам Мирабо, «десять объединенных людей могут добиться того, что тысячи не объединенных будут дрожать».

Демагоговластию благоприятствует всеобщая нервность. Человека нервируют очереди к

автобусу, давка в автобусе, спешка на работе, торопливость при еде в ресторане-обжорке, безотрадность работы, ограниченность заработка; его нервируют сенсации прессы, радио, телевизии, азарт непрестанной борьбы: за непреподавание Библии в школах, за прибавку к жалованью, за право желтой прессы вторгаться в личную жизнь людей. Полюбовный сговор a priori отвергается: «В борьбе обретешь ты право свое». Многие не имеют родины-матери, потому что для них мачехой является их страна, где большинство тиранит меньшинство или меньшинство тиранит большинство. Из числа взятых американцами военнопленных в Корее 37% не пожелало репатриироваться; в 1945 г. насильно были репатриированы миллионы россиян. Прежде в мирных договорах оговаривали право пленного на немедленную отправку на родину, а сейчас надо оговаривать его право остаться вне родины. Отвращение к власти собственного государства - чувство, побуждающее бороться (извне или изнутри) против ненавистного режима - вот та «урановая руда» духовно-расщепительной «индустрии», которая сейчас приобрела огромное значение.

Переброска немцами Ленина под пломбой оказалась для Германии ударом бумеранга. И всякая операция в четвертом измерении может стать бумеранговой, но тем не менее никто не удержится от соблазна использовать подземные силы в стране врага, хотя бы эти силы и были Вельзевуловыми силами.

Четвертое измерение неустранимо в нашу эпоху смятения умов и отсутствия совести. И это трагично: если третье измерение можно уподобить семи египетским казням, одновременно ниспосланным, то четвертое измерение войны можно определить одним лишь словом: ад.

Хаос мира и войны

Двадцатидевятиэтажное здание Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке без единого балкона или выступа на фасаде тупо глядит на мир своими пятью тысячами одинаковых окон, а мир видит в этой коробке символ нивелирования всех государств света: в Организации равноправны 76 государств - крошечный Либанон и огромная Индонезия, вчера возникшая Либия и с древности культурная Италия. И даже «пять великих», привилегированных могут свою волю проявить в пассивном «не позволяю», но не в активном «желаю», и мощный Вашингтон для проведения своих планов должен посулами и поблажками вербовать голоса микроскопических суверенностей, знающих себе цену в создавшейся всемирной обстановке.

Прошло время диктаторствующих государств, хотя изобильно возникают диктатуры в странах, где парламент-дегенерат или парламент-недоносок доводят народ до отчаяния. Прошло время изолированных гегемонов - на гегемонию могут претендовать лишь коалиции, образованные на базе взаимной эксплуатации в согласовании интересов. Так, коалиция из 21 американской республики держится «колониализмом наизнанку» - зависящие эксплуатируют Вашингтон, от которого зависят, а этот последний дает себя жать, чтобы при надобности, во время войны прижать своих алчных друзей.

Гегемония Европы растаяла в двух ненужных европейских междоусобицах, превратившихся во всемирные войны. Боевые действия на морях принудили Европу вместо многоемкого сырья для своей промышленности везти из Африки и Азии малоемкие изделия, и для этого заморские земли получили свою индустрию; это было необходимо еще потому, что ставшая на военные рельсы европейская промышленность во время войны перестала давать заморской торговле экспортные изделия. Промышленная эмансипация Азии и Африки имела

следствием эмансипацию политическую. А использование белыми народами цветных солдат для убийства солдат других белых народов привело к духовной эмансипации: раз я имею право убивать белого, то он уже больше не полубог. Восстание Мау-мау в Кении и африканцев в Алжире есть логическое следствие посылки сенегальцев в бой у Вердена.

Европа, считавшая себя центром мира в античные века, в Средневековье, в эпоху Ренессанса, Реформации, просвещенного абсолютизма, Французской революции, гуманизма XVIII в., теперь стала захолустьем. Напрасно Мадиарга восклицает: «Мы должны любить Европу Рабле, Эразма, Вольтера, Данте, Шекспира, Гете, Достоевского, Микеланджело, Баха, Ньютона, Лейбница!» Европа должна объединиться, чтобы стать силой среди таких сил, как Америка, Россия, Китай, Индия, Но Европа не верит в себя. Это сказал Освальд Шпенглер своим трудом «Крах Запада», это твердят экзистенциалисты Камю и Сартр, а Генрих Манн в своем произведении «Век страха» дает страху доминирующее место в психике Европы.

Европа, измученная войнами, боится всякой решительности и в одном лишь решительна - в отказе от стремления к властвованию в мире. Де Голль, разрушающий во Франции депутатократию, падет, вероятно, не от козней адвокатов-партийцев, а от страха французов перед желанием генерала навязать Франции какую-то всемирную миссию: «Какие там миссии - быть бы живу!»

В Европе нет центра, Европа перестала быть центром мира. Центр тяжести человечества перемещается из Европы. За последние 50 лет население европейского континента возросло на 35%, а американского на 127%; за 50 лет этого века количество городов с населением свыше 100 тыс. человек в Европе возросло на 137%, в Азии на 219%, в Америке на 280%, а в Африке на 457%. Куда переместится центр тяжести, предсказать невозможно, но в данный момент образовалось два полюса: США и СССР.

Если сейчас предвидят войну, то подразумевают конфликт между этими двумя потентатами: настоящая война может быть в наш век только между великими потентатами, а вооруженные столкновения между потентатиками так малозначащи, как война между Боливией и Парагваем четверть века тому назад. Локальные конфликты это лишь «инциденты», война же это - явление всемирное или почти всемирное. Мало кто может остаться нейтральным при современном переплетении интересов. В XV в. Испания и Португалия неимоверно усиливают свою мощь захватом открываемых континентов, и это не вызывает ревности ни во Франции, ни в Священной Римской империи, а сейчас попытайся Австрия отнять у Италии альпийскую долину, населенную австрийцами, и вся Европа, весь мир вмешается в конфликт - одни ради соблюдения равновесия сил, другие ради равновесия принципов, третьи из каких-либо экономических соображений, а четвертые ради собственной амбиции - как же мне не крикнуть свое слово, когда другие кричат!

Война в наш век может быть только коалиционной - ограниченно коалиционной или неограниченно коалиционной, т.е. всемирной. Даже в каждой локальной войне будут явные или тайные акционеры: на стороне Северной Кореи явно стоял Краснокитай и не столь явно - СССР, а на стороне Южной Кореи - огромная коалиция; правда, большинство только символически дало кровь своих солдат на алтарь общего дела, а иные ограничились посылкой крови в жестянках (для трансфузии), но в связывании рук стратега участвовали все.

В таких коалиционных войнах не может быть ни ясно выраженных целей войны, ни ясно очерченной стратегии. Слишком много заинтересованных фигур, и интересы подчас не только трудносогласуемы, но и даже противоположны. Черчилль своей самочинной Дарданелльской операцией сорвал русский план высадки у Константинополя, потому что необходимое России

открытие водного пути для связи с союзниками шло вразрез с традиционной политикой Англии - не давать России одолеть Турцию. И во Вторую мировую войну Черчилль боролся с Рузвельтом, желая, чтобы на Балканах появился Эйзенхауэр, а не Толбухин. И такие «внутренние фронты» будут непременной принадлежностью коалиционных войн. Раздвоение, раздробление целей войны - основных и промежуточных - ведет к расплывчивости стратегии, к ее неопределенности, а отсюда - медлительность хода действий и длительность войны.

В прежние века войны велись ради покорения или освобождения, ради грабежа или отмщения за грабеж (румынский язык для наименования понятия «война» воспользовался русским словом «разбой»). Теперь началась эпоха войн за «место под солнцем». Эта фраза была придумана Германией, возникшей к шапочному разбору дележа колоний. Но сейчас фраза эта имеет более грозный смысл: население Китая увеличивается на один миллион душ в месяц; проблема перенаселенности тревожит тех, кто умеет думать не только о нынешнем дне, но и о грядущем. В Индии приступили к насильственной стерилизации женщин, родивших трех детей. В других странах Азии перенаселенность становится такой опасностью, что прибывшие из этих стран на съезд Англиканской церкви епископы добились резолюции, переворачивающей все пуританские понятия: церковь одобрила «планирование деторождения». Но сейчас длительных тираний не может быть ни в одном государстве (сорок лет диктатуры коммунистической партии в СССР это - не длительный срок в масштабе всемирной истории), а быстросменяющиеся власти не соблюдут насильственного мальтузианства, если его введут.

Человечеству становится тесно. Азия и Африка вытесняют европейцев, Европа уплотнена до предела, Америка ровно через 400 лет после вторжения Кортеса вторглась войском в Европу, а затем дипломатами и финансистами - на все континенты, не вмещая своей энергии в своих пределах. Мировая мечта избавиться от библейского «в поте лица...» воплотилась в Ленине, Сталине, Хрущеве. А они смешали пот с кровью: конфликты и войны стали постоянным явлением и планетарным бедствием.

Сотни миллионов людей находятся под угрозой коммунистической военной инвазии, а другие сотни миллионов думают, что им угрожает вторжение войск реакции; сотни миллионов страдают под коммунистической диктатурой, а другие сотни миллионов воображают, что их жизненная задача - борьба против колониализма, хотя он уже перестал существовать; в недрах десятков государств клокочет революционная лава; многие государства пребывают в полумобилизационной или мобилизационной готовности и почти половина стратегической авиации США денно и нощно парит в небесах, не смея приземлиться, чтобы не стать жертвой советского удара «нажми кнопку!»; вспышки войны классически регулярной и современно иррегулярной нервируют человечество, и никто на земле не чувствует себя в безопасности от войны-революции или революции-войны.

Пройдут десятилетия, жизнь оправится от нынешнего безумия. Но сейчас может настать момент, когда «благодать» мира станет людям несносной и они возмечтают о войне, чтобы временным злом устранить длительное зло трагического курьеза: не мир и не война.

Было время, когда военные думали, что все международные болезни можно вылечить войной, а государственные люди полагали, что ею можно вылечить некоторые болезни. Но сейчас никто этого не думает, потому что опыт двух последних войн говорит, что лекарство, убивая бактерии, повреждает и организм. Вторая мировая война обошлась Европе в 32 млн. убитых; 26 млн. человек оказалось в концентрационных лагерях; депортировано, перемещено 45 млн. человек; было ранено 29 млн. воинов; 21 млн. человек потеряли под развалинами

зданий все свое имущество, а 150 млн. остались без крова; разрушено 1000 городов, причем пострадало 23 млн. домов и 14 млн. общественных зданий и фабрик; разрушено около 9000 км судоходных каналов, 20 000 км рельсовых путей и 100 000 км дорог. Этой ценой куплено прекращение преследования евреев в Германии и утеснения Католической церкви в ней, подрезан германский империализм. Но зато дан простор советскому империализму и коммунистической тирании над народами 11 европейских государств. Победители «торговали - веселились, подсчитали - прослезились».

Симптоматично, что Эйзенхауэр миролюбивее Трумэна; как генерал, он лучше политика понимает, каким апокалипсическим хаосом будет война. Война всегда была хаосом: полководцы старались обуздать эту стихию своими планами; а чего они не доделали, то подправляли военные историки и в книжках война, аккуратно причесанная, выглядела не хаосом, а порядком.

Ныне же война будет безгранично хаотичной. Причина не только в обременительном разнообразии средств войны, в многочисленности целей, в сложности коалиционных взаимоотношений, в трудности согласовать операции в четырех измерениях, но и в неимоверной сложности военной машины. В прежних веках мыслительные способности полководцев не вмещали тайны управления большими армиями, но Наполеон своим гением, а Мольтке улучшением организации штабов и войск сделали возможным маневрирование миллионными армейскими массами. А ныне эти массы переросли мыслительные способности одареннейшего стратега. Пришлось выдумать «коллективного стратега», но и такие коллективы не в силах руководить военной стихией. Военные летчики говорят, что иной раз падение самолетов вызвано чрезмерным количеством контрольных приборов, долженствующих предотвратить падение: авиатор не в силах следить за всеми приборами. Стратег едва ли в силах следить за всеми «контрольными приборами» исполинской машины-войны.

Военная машина слишком сложна и громоздка. Поэтому генералы нашего времени стали амилитаристами; они не противники войны и войск, как антимилитаристы, но сторонники решения вопросов политики без применения вооруженной силы - если это возможно. Увы, это невозможно. Война будет, войны будут. Надо лишь уяснить себе, что в современной большой войне изнуряются побежденный и победитель и что война, устранив несколько причин международных осложнений, создает иные причины осложнений. Если в прежнее время решались на войну с надеждой или даже с уверенностью в победе, в достижение своих целей, то теперь возможен случай, когда люди кинутся воевать, говоря: «Хочь гирше, тай инше».

Война и полувойна

Каждой фазе развития человеческого общества соответствует особая форма вооруженной силы. В феодальную эпоху войско состояло из рыцарских дружин, столь же автономных в отношении вождя, сколь автономны были сюзерены в отношении суверена. В века абсолютизма войско становится королевским и вербуется главным образом путем рекрутских наборов. Когда сословия получили права (после Французской революции), войско превращается во всесословное на базе воинской повинности.

Теперь парламентское народовластие эволюционирует в сторону прямого народовластия: на Западе митинговые толпы диктуют свою волю, а на Востоке заводские резолюции создают фикцию «народно-народного» властвования. Сообразно с этим отходом от исторического

разделения на правящих и управляемых происходит и отход от традиционного разделения на воинов и граждан: создается понятие «гражданин-воин»: каждый гражданин имеет право и обязанность участвовать в открытом или тайном воевании.

Теперь немыслимо себе представить войну без Резистанса, без Армии Крайовой в подполье, без партизанских бригад. Теперь надо считаться с тем, что нет больше деления на театр войны и на воюющую страну: совокупность территорий противников это - театр войны. Теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны - все способы узаконены если не конвенцией, то явочным порядком. Теперь нет разделения на войско и население - воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие - при удобном случае. Теперь регулярное войско лишилось военной монополии: наряду с ним (а может быть, даже больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации; отсюда три следствия.

Первое: война приобрела новые формы. Алжирцы прошлись по Франции поджогами нефтехранилищ и убийствами на улицах городов, и это - современный вид кавалерийского рейда в глубокий тыл противника. На Кипре английские солдаты устраивали «Варфоломеевские дни» для терроризирования террористов ЕОКА, и это - современное контрнаступление на иррегулярном фронте.

Этого полководцы не предвидели, а увидев, не поняли. Немцы оказались беспомощными против партизан Ворошилова, бандитов Тито, террористов Сикорского и «макки» де Голля.

Второе следствие: появление иррегулярного войска привело к вульгаризации понятия «войско», а отсюда - снижение военной этики. Этика допускала военные хитрости, но не коварство. Ныне же в штабах разрабатывается тайновоевание: стратегия, оператика и тактика низости - террора, вероломства, измены. Отряд Леонида погиб в Фермопилах вследствие предательства одного грека, полководец Скопин-Шуйский был отравлен каким-то вероломцем, террористические приемы применяли Грант и Шерман в армейской междоусобице. Но все это эпизоды. Сейчас же подлость вводится в систему и арабский способ ведения войны - «грязная война» - становится основной частью каждой войны. Почувствовавши свою беспомощность в Алжире, офицеры генерала Массю принялись лихорадочно обрабатывать ими приобретенный опыт боевых действий в проигранной «неправильной» войне против Виетмина. То, что поняли парашютисты Массю, еще не постигают иные офицеры Франции, еще менее постигают это офицеры других стран и совершенно не постигают политические деятели Запада.

Третье следствие: воюющее государство стало весьма живучим. Франция под Седаном потеряла свою армию и после этого не могла организовать войска для сильного сопротивления - пришлось запросить мира. А Польша потеряла в две недели сентября 1939 г. все свои армии, но продолжала воевать до 1945 г. В прежние века было почти правилом игры, что государство сдается, коль скоро противником взята столица. Но в Югославии немцы завоевали пять столиц - Белград, Загреб, Любляну и заштатные столицы Цетинье и Скоплье - а война продолжалась. Капитуляция, подписанная правительством, всегда означала конец войны. Маршал Петен ратифицировал капитуляцию, но часть населения, из-за границы руководимая генералом де Голлем, продолжала сопротивление.

Государства жили в мире или воевали. Третьего положения не бывало. Его выдумал Троцкий: не мир и не война. Эта формула отказа от заключения мира сейчас приобрела иной смысл: отказ от явной войны. Упразднена определенная, очевидная грань между мирными и военными международными отношениями.

Можно воевать номинально и даже забыть о своем нахождении в войне: Андорра с 1916 г. «воевала» против Германии и лишь в 1958 г. вспомнила, что еще не заключила мира. Можно быть в войне, не воюя явно: Греция и Турция вели непрямую войну за обладание Кипром, поддерживая ЕОКА и милицию из кипрских турок. Можно и без войны послать солдат для завоевания: солдаты Сирии тайно проникли в Бейрут, чтобы участием в либанонской мусульмано-христианской междоусобице добиться завоевания Либанона Арабской республикой. Можно вести военные действия, сохраняя мирные отношения - так Турция воевала в Корее против Советов. Даже можно воевать, состоя во вражеской коалиции - так СССР воевал в Корее против Организации Объединенных Наций, будучи членом этой Организации. Можно мирное сожительство и сосуществование совмещать с тем, что в просторечии называется «холодной войной».

Ныне существуют четыре формы международных отношений: война, полувойна, агрессодипломатия и дипломатия.

Война - это открытая борьба оружием. Безразлично каким - войсковым или бандитским. Безразлично - порваны ли дипломатические отношения или нет. Так, Израиль, не имевший с 1949 г. дипломатических сношений с Египтом, вторгся в 1956 г. на Синайский полуостров, а Франция и Англия вторглись в Порт-Саид, уверяя, что не воюют с Египтом.

Полувойна - это прикрытое участие в войне или междоусобице. Краснокитай за спиной Виетмина воевал против Франции с Вьетнамом; Вашингтон ведет полувойну против Пекина маневрированием 7-й эскадры в Формозском проливе; Египет воюет против Франции непрямым образом - в отместку за нападение на Порт-Саид питает алжирскую междоусобицу.

Агрессодипломатией можно наименовать то, чему обычно дают глупое наименование «холодная война», которую можно было бы (столь же малоосмысленно) наименовать «горячей дипломатией». Агрессодипломатия - это усиленная форма дипломатии, подобно тому, как полувойна есть ослабленная форма войны. Кремль препятствует провашингтонскому курсу аргентинской политики с помощью политических забастовок, буйных демонстраций и массовых актов насилия - это пример агрессодипломатии. Разница между полувойной и агрессодипломатией очевидна: в первой применяется оружие войск, партизан, диверсионных групп, а во второй преобладают политические приемы, хотя случаются пистолетные перестрелки и взрывы бомб ради вящего эффекта.

И, наконец, четвертая форма: дипломатия. Это политическая деятельность в перчатках с применением классических приемов уговариваний и угроз, выпрашивания и вымогательства. (Примечание к термину «дипломатия»: Даллес - дипломат, а его деятельность - дипломатия, подобно тому, как Жуков стратег, а его деятельность - стратегия.)

Эти четыре формы международных отношений переплетаются причудливым образом в человечестве нервном и встревоженном, боящемся войны, ощущающем, что сомнительной стала ценность афоризма: «Война есть зло, позволяющее избежать больших зол». Что ныне большее зло - невыносимо трагичный мир или свирепая война? «Радуйтесь войне, - говорил немцам Геббельс. - Мир страшнее ее!»

Дипломатия и стратегия

Недавно французский высокий дипломат сказал американскому весьма высокому генералу: «Война слишком серьезная вещь, чтобы ее можно было отдать в руки генералов». На это американец ответил: «А мир слишком серьезная вещь, чтобы его можно было доверить

штатским людям». Правы оба. Когда корабль идет в рейс по указанию пароходовладельцев, то они должны считаться с мнением шкипера (стратега), намечающего такой курс, чтобы наиблагополучнее пройти полосу бури; с другой стороны, борясь с бурей, шкипер не должен забывать, что судно надо привести именно в тот порт, какой наметили пароходовладельцы (правительство). В 1945 г. строили мир, не считаясь с логикой стратегии, - каково же теперь будет стратегам Запада, если дипломаты потребуют от них оружием сохранить берлинскую бессмыслицу? Стратегия была права, когда высадила армию Эйзенхауэра в Африке, а потом в Италии, но, отнявши у Берлина Рим, она упрямо продолжала отнимать у Гитлера Аппенинский сапог, когда дипломатическая логика подсказывала новое решение: перебросить войско на Балканы, чтобы после войны Югославией владел не Тито, а король Петр.

В старину было просто: Кутузову поручали победить Турцию и заключить с нею мир по его, генеральскому, усмотрению - стратегия, а не дипломатия имела решающее слово. Клаузевиц установил противоположный принцип: цели ставит дипломатия, а когда она справится с делом, доделывает стратегия. Так был установлен примат дипломатии. Но сейчас устарело Клаузевицево «Стратегия есть продолжение политики (дипломатии. - *Е.М.*), но лишь иными средствами». Устарело потому, что стерлась отчетливая грань между периодами работы дипломатов и периодом, когда трудятся стратеги. Стерлась грань между миром и войной. Нет больше смены: мир - война - снова мир. Мир переплелся с войной, война с миром, стратегия с дипломатией.

Что понимать ныне под словом «мир»? Что это мир, который называется «холодной войной»? Что понимать под словом «война», если во время войны воюют не только битвами стратегов, но и конкуренцией дипломатов в лансировании «целей войны» (одни, например, козыряют Атлантической декларацией, а другие объявляют козырем «Новую Европу»). В таких условиях международных взаимоотношений не должно быть между дипломатами и стратегами спора о первородстве. Державная цель намечается национальным идеалом и государственными интересами с непременным учетом возможностей дипломатии, стратегии, политики (внутренней) и экономики. Некий верховный государственный орган должен из дипломатии и стратегии плести тетиву для метания в единой целеустремленности дипломатических и стратегических стрел. Можно наметить такую схему:

В мирное время дипломаты идут к державным целям, применяя традиционные приемы: ноты, конференции, интриги, шантаж, подкуп, а на Ближнем Востоке - черный кофе, скрывающий вкус яда, во Франции же - пистолет, убивающий союзного короля. Стратеги предоставляют дипломатам такие «дипломатические инструменты», как приграничные маневры армий, как передвижение 6-й эскадры США в Средиземном море. Когда путь дипломатии окажется близким к оврагу, на дне которого - война, то важнейшим является мнение стратегов, можно ли рискнуть кинуться в овраг и - в каком месте, в какой момент? Дипломаты не смеют побуждать стратегов: браться за военные предприятия в неподобающих условиях: неблагоприятное исходное стратегическое положение не может быть выправлено и самыми благоприятными операциями. Победные «котлы» 41-го г. и успешные операции 42- го г. не упразднили стратегической безнадежности «плана Барбаросса», выдуманного Гитлером и его партийно-дипломатическими бездарностями. Дипломаты Англии толкнули дипломатов Польши в военную авантюру 1939 г.; они же в столь же легкомысленную авантюру толкнули дипломатов Югославии в 1941 г.; а новоиспеченные дипломаты Израиля, никем не подталкиваемые, кинулись в авантюру 1949 г.

В современных условиях дипломатия легко превращается в агрессодипломатию: не

прерывая (якобы мирного) сожительства с непокладистым государством, она мобилизует в нем оппозиционеров и революционеров путем пропаганды и подкупа. Радиопропаганда стала мощным средством проведения агрессодипломатических акций. Нассер предпринимал радиоинвазии в Сирии, Иордании, Ираке. Иной раз дипломаты, когда недостаточно провоза в дипломатическом багаже оружия для подпольщиков, обращаются за помощью к стратегам и те подкрепляют революционеров своими инструкторами и техниками террора и диверсии (которые принадлежат к кадру иррегулярного войска, имеющемуся при воинстве каждого предусмотрительного государства). Агрессодипломатией руководят дипломаты, но они должны - больше, чем в период дипломатии, - считаться с благоразумием стратегов. Бургиба не посчитался, азартно поддерживал алжирских бунтовщиков против Франции и тем подставил стратегически беспомощный Тунис под удар французской авиации.

Когда агрессодипломатия превращается в полувойну, стратеги от роли советников при дипломатах переходят к роли руководителей действиями. Они воюют тут не войсками, а диверсантами, партизанами и - в тяжелом случае - «добровольцами» наподобие тех краснокитайцев, что фигурировали в Корее. Во время Испанской гражданской войны на стороне Франко полувойну вела Германия («Легион Кондор») и Италия («добровольная» пехота), а на стороне Миахи - СССР, Франция и Англия, поставлявшие «интернациональные бригады», штабы и коллективы чекистов. Дипломаты во время полувойны становятся, с одной стороны, советниками стратегов, чтобы действия последних не шли вразрез с основными дипломатическими намерениями, а с другой стороны - в согласии со стратегами продолжают руководить оппозиционной общественностью в неприятельском стане.

Четвертая форма борьбы - война - это бесспорная собственность стратегов. Стратегия решает вопрос, может ли она войной достичь державных целей, казавшихся недостижимыми на путях дипломатии и агрессодипломатии. Она же определяет момент, благоприятствующий началу войны - но определяет не при помощи астролога и гороскопов, как делал возомнивший себя стратегом Гитлер, а на основании стратегического анализа. Такой анализ могут сделать не все генералы и полковники Генерального штаба, а только лаборанты, образующие большой Генеральный штаб; и, уж конечно, не парламентариям.

министрам и диктаторам браться за такой анализ, хотя бы они и дослужились при отбытии ими воинской повинности до звания капрала или даже чина поручика запаса. Дипломаты должны подправлять в дни войны намерения стратегов, если их оперативные поступки мешают дипломатическим успехам. Но, говоря словами Пушкина, «сапожник, суди не выше сапога»: дипломаты и президенты не должны помыкать стратегами, ведущими военные действия. Макартур стремится к стратегически необходимому берегу р. Ялу, а Трумэн вырывает у него из рук победу и свергает его, будучи во власти дипломатического предрассудка о 38-й параллели. Возмутительное нарушение суворовского принципа: «Полная мочь Командующему генералу!»

Такова идеальная схема четырех ступеней международной борьбы. На практике же она выглядит иначе. В мирное время парламенты ревниво следят, чтобы не образовалась «военная клика», которая в силу, мол, природной кровожадности генералов могла бы ввергнуть страну в пропасть войны. Но из парламентариев и разного рода партийцев образуется невоенная клика, которая направляет дипломатию, мало считаясь со стратегами или совсем с ними не считаясь. Такая невоенная клика чудачит, пока не упрется в тупик, и тогда ставит стратегам задачу: воюйте, как бы абсурдно это ни было по вашему стратегическому мнению. В 40-м г. Италия в положении нейтралитета-угрозы была англо-французам в Средиземноморском бассейне

страшна, но Муссолини и Чиано кинулись добывать победные лавры, и Италия стала смешна: не было поля для развертывания армии против Франции, не было силы для применения флота против Англии.

И в агрессодипломатии дипломаты и правители перегибают палку, не спросясь стратегов. В Либаноне диктаторствующий правитель Египта заострил положение так, что счел нужным перейти к полувойне - послать сирийских «добровольцев» для свержения Либанонского правительства. Но в калькуляции отсутствовало стратегическое знание, и Нассеру пришлось конфузно убрать свой авангард из Бейрута. Даллесом выдуманная агрессодипломатическая «доктрина Эйзенхауэра» привела Вашингтон к необходимости шагнуть, минуя полувойну, к войне; но Даллес поставил генерала Норстеда в тяжелое положение: у того не оказалось войсковых частей, обученных действию против иррегулярных сил; поэтому американский десант был рад своему бездействию, а стратеги - рады возможности убрать его без большого конфуза для США.

В полувойне штатские правители не дают свободы действия стратегам. Во время борьбы Франции против Виетмина США вели полувойну на стороне Вьетнама: были посланы оружие, штабы, инструктора, «вольнонаемные» летчики. Но хирурги Пентагона были по рукам и по ногам связаны гомеопатами Белого дома, и полувойна закончилась подрывом американского престижа в Азии.

И даже во время войны стратегия идет на поводу у министров, дипломатов, политиков. Образуется «Военный кабинет» - при Черчилле он был явным, при Рузвельте и прочих диктаторах не столь открытым и оформленным - и невоенные люди изъемлют войну из рук военных: в «Военном кабинете» голос представителя стратегии звучит слабо в хоре голосов невежд, дерзающих воительствовать без знания тайн военного дела. Всех превзошел Гитлер, противопоставлявший свой маниакальный мистицизм великолепному знанию германских генералов.

Иной раз стратегам легче победить врага, чем добиться торжества их стратегической концепции над дипломатическими планами «Военного кабинета». Не желая перехода Балканского полуострова из сферы английского влияния в советскую, Черчилль настаивал на создании «второго фронта» на Балканах, и стратегия с превеликим трудом добилась отправки Эйзенхауэра через Алжир в Италию: это был стратегически более удобный марш к победе.

Стратегии приходится в «Военном кабинете» прокладывать себе путь среди множества нестратегических мнений: война ведется на театрах военном, дипломатическом, экономическом, политическом и психологическом. Оберечь свои финансы, торговлю, промышленность, усилить их подспорьем со стороны нейтральных государств, лишить врага такого подспорья, наносить ему удары экономического характера, а также политикой, пропагандой, социальными мероприятиями укрепить воинственный дух своего народа и приобрести симпатии нейтральных народов, внести смущение и смятение в душу врага - все эти намерения ломятся в дверь «Военного кабинета» и сбивают стратегию с ее пути.

Стратегия любит путь прямой и кратчайший: конечная победа достигается сокрушением вооруженной силы врага. Но как идти стратегии прямым путем, если «Военный кабинет» идет по спирали? Эйзенхауэра соблазнили завоеванием антигитлеровской Баварии, он не пошел на Бранденбург и упустил ценнейшую географически-стратегическую добычу - Берлин. Гитлер потянулся к украинскому зерну, криворожской руде, донецкому углю, кавказской нефти и, смещая несогласных с ним стратегов, сместил стратегию с прямой линии, которую Браухич упер в грудь красного воинства.

Стратега тысячелетиями в географии интересовала преимущественно топография, а в этнографии - главным образом столицы как административные центры. Теперь появилась геополитика с объектами промышленными, военно-промышленными, политико-социальными и т.д. Сопоставление удельных весов их крайне затруднительно, поэтому составление формулы победы стало сложным делом. Наполеон, сравнив удельный вес Петербурга и Москвы, предпочел Москву и ошибся. Как же не ошибаться стратегам-ненаполеонам, когда надо выбирать среди десятков объектов? К тому же туман, именуемый психологией войны, затуманивает взоры стратега.

Психика стратегии солдатски честна. Не по ней завет Макиавелли завершать войну на стороне того, против кого она была начата, если не было времени возвратиться на сторону первоначального союзника. Гитлер, петляя от антикоммунизма к пакту «Риббентроп-Молотов», а затем к «плану Барбаросса», мог гипотетически перевертывать духовную базу стратегии, но не каждому это удается: французы под командой адмирала Дарлана некрепко отражали десант генерала Эйзенхауэра в Алжире (1944 г.), а изменник маршал Бадольо не мог повернуть итальянские войска против немцев - войско не песочные часы, которые действуют, когда их время от времени переворачивают. На какой психической базе будут американцы, союзники их и их вассалы вести Освободительную войну: Россия или раздробление России? Православие или восточный обряд? Югославия или разделенная Сербия и Хорватия? Германия и Польша в прежних границах или граница по Одеру и Нейсе или у Калиша? В этом супергордиевом узле иное слишком высоко для ума воина, а иное слишком низко для его сердца. Стратегии придется, ломая свое естество, стать зигзагообразной.

Шутники говорили, что термин «тактика» происходит от слов «так или эдак». Какое же дать толкование слову «стратегия», раз она стала мастерицей компромиссов в противоречиях дипломатически-экономически-политико-социально-психологической обстановки?

Традиционный военный объект - армия врага - распылился в воюющий народ, традиционный географический объект - столица - оказывается в ряду суррогатов столиц, т.е. центров разных отраслей народного хозяйства. Вильно-Смоленск-Москва - по такой траектории летела стратегическая стрела Наполеона; стрела Мольтке устремилась прямо от Седана на Париж. Ныне стратегическая идея может уподобиться мячу, гоняемому футболистами из конца в конец поля: конечная цель одна, но промежуточных много, и они находятся в областях военной, дипломатической, экономической, политико-социальной и психологической.

«Военный кабинет» разжаловал верховного стратега: сделал его исполнителем коллективной воли. И сам верховный стратег стал коллективом. Только воля его - в рамках осуществления полученных от «Военного кабинета» предписаний - остается единоличной, ум же его, в силу необходимости, стал коллективным.

Для простых вычислений отлично служат русские счеты-костяшки, для сложных - счетные машины, а теперь уже потребовался «электронный мозг». До Наполеона мозг стратега умел «вычислять» движения армии числом не более 100 тысяч солдат; Наполеон уже «считал» до 600 тысяч, а великий князь Николай Николаевич, Гинденбург и Фош «калькулировали» в миллионах. В 1943 г. советское войско состояло из 409 дивизий, 138 танковых бригад, 179 стрелковых бригад. При всей продуманности расчленения войскового управления, штаб верховного вождения такой грандиозной армии должен быть огромен. А если это воинство коалиционно, то и подавно: штаб воинства Атлантического пакта (хотя из его ведения изъяты часть морского и воздушного флотов) состоит из 109 офицеров, принадлежащих к 14

государствам, и 500 человек вспомогательного персонала; кроме этого международного штаба-секретариата, генералу Норстеду подчинено два десятка крупных штабов.

Штабы распухли не от одной многочисленности солдат, но и от разнообразия оружия: командиру необходимы помощники по применению разных видов оружия и каждый помощник нуждается в штабном персонале. Верховный главнокомандующий и главнокомандующие на театрах войны (т.е. стратеги) не могут также обойтись без советников, авторитетных в учитывании и не военных элементов стратегии: психологии народных масс, социальных и политических проблем, экономики и дипломатии. Этими элементами стратег не распоряжается, но с их влиянием на стратегию он должен считаться. Его советники восполняют его знания и способность ко всеохватывающему руководству: они, во главе с ним, и являются мозгом вооруженных сил, коллективным стратегом, творящим военные планы.

Известны четыре главных типа стратегических планов: немецкий - погром: подражая Ганнибаловым «Каннам», разгромить войско врага (Мольтке это удалось в 1871 г. у Седана. Браухич в 1941 г. на Востоке не добился решения и полудюжиной «Канн»); английский - изнурение врага нанесением ему уколов подальше от его клыков и когтей (в прошлом это удавалось Мальборо, но Монтгомери в 1944-1945 гг. не удалось - пришлось всерьез драться); французский - овладение географическим залогом (Наполеон I потерял на Москве, Наполеон III заработал на Севастополе); англо-американский - террористический: подавление духа населения враждующей страны; Атилла, устрашая, побеждал; Рузвельту устрашить немцев не удалось, но побочная «прибыль» от террористических бомбежек по населению (разрушение путей сообщения и промышленности) обессилила войско Германии.

Надо предвидеть пятый тип стратегического плана - советский: угроза регулярным воинством и широкое применение иррегулярного войска, а также революционных сил.

Кампании Польская (1939 г.), Французская (1940 г.) и Балканская (1941 г.) были, вероятно, последними крупными осуществлениями идеи «блицкрига»: теперь возможны молниеносные операции, но большой молниеносной войны быть не может - государства стали очень живучи. В 1941 г. СССР лишился 40% своей европейской территории, 40% населения, 60% материальных богатств, а его воинство потеряло 4 млн. солдат, 60% танков и самолетов, но государство не было принуждено к сдаче (правда, пространство и климат благоприятствовали упорству в борьбе). Стратегия молний уступает место стратегии медленного огня.

Впрочем, Хрущев грозит молниеносной войной - уничтожением в 2-3 дня враждебных государств. Но его стратеги не надеются на такой успех их стратегического атомного удара, а, с другой стороны, рассчитывают, что американский атомный удар не выведет советское государство из войны. Они предвидят две фазы войны: если первая фаза будет атомной и если в этой весьма кратковременной фазе (6-10 дней) взаимно будут уничтожены все средства атомного единоборства - самолеты, аэродромы, склады атомных бомб и фабрики этих бомб, - то наступит вторая фаза, в которой без опасения атомного уничтожения могут выступить массовые армии. Их готовит Советский Союз, который (по предположениям на Западе) считает нужным к концу первого года войны развернуть свое войско до 250 стрелковых, 150 моторизованных, 100 танковых, 10 воздушных и 20 артиллерийских дивизий.

Западные же стратеги сосредоточили свое внимание на первой фазе, столь любезной невежественным вершителям судеб государства. Война «нажми кнопку!» прельщает их воображение: пусть наши стратосферные бомбовозы и трансконтинентальные ракеты атомно ударят по далеким целям, а нас защитят сверхскоростные истребители и управляемые ракеты - войска нужны лишь для обозначения линии фронта и для оккупации того, что зреет для

захвата. Формула 1916 г. «артиллерия побеждает, пехота занимает» видоизменилась: «издалека так уничтожить, чтобы и атаковать не надо было». В западной печати не чувствуется осведомленности о наличии в Пентагоне планов, касающихся второй фазы. Держат ли их в несвойственном демократии абсолютном секрете? Уверены ли, что угроза атомного конкурента удержит Кремль от нанесения удара? Надеются ли они превентивным атомным ударом обеспечить свой народ? Или просто считают, что Америка не выдержит удара и поэтому во вторую фазу войны не вступит?

Тотально вооруженный народ

«Каждый народ имеет такую армию, какую он заслуживает иметь». Если эту формулу Троцкого приложить к современным армиям, то приходится признать народы весьма малозаслуженными.

Армия в веках была проявлением аристократизма духа и находилась в руках аристократии - королевской при Людовиках, демократической при Наполеоне. Итальянская конституция 1948 г. гласит: «Италия есть демократическая республика, базирующаяся на труде». В пояснение к сему на первом месте стоит труд физический, а на втором - духовный: мозоли на руках ценнее мыслей в голове. Это - знамение времени, и оно кладет печать и на войско. В нем логика людей с мозолями - солдат, - неохотно подчиняющихся логике людей с мозгами - офицеров. В молодой германской армии, по последнему слову демократической доктрины созданной, офицерство с превеликой осторожностью и в гомеопатических дозах внедряет здравые военные принципы. Опасаются солдатского протеста и парламентского негодования.

Воинства из королевских стали парламентскими. На маневрах швейцарской армии главную роль играл министр финансов, объезжавший штабы и следивший, чтобы оперативные и тактические планы согласовались бережливостью: поменьше потрав, поменьше расходования военного оборудования.

Войско перестало быть государством в государстве и лишилось возможности свой дух привить народу - народ диктует войску мораль и мудрость. Комиссия по выработке устройства и духа новой германской армии состояла (по сообщению газет) из 5 офицеров, 2 фельдфебелей, 2 ефрейторов, оружейного мастера, штрафного солдата, солдатской вдовы и 9 гражданских лиц.

Гражданские лица внушают войску удивительные идеи: во время Корейской войны американский «Штаб психологической войны» установил давать каждому перебежчику-северокорейцу 5 тыс. долларов (впрочем, некоторые члены штаба полагали, что душу воина можно оценить в 100 долларов). Но меркантильность не одолела дисциплину в армии коммунистической диктатуры, чтобы соблазнять долларами на измену. Как реагировали бы американские солдаты на такое предложение с красной стороны, неизвестно.

Деньгами пытаются подменить сознание воинского долга. Американские солдаты привыкли к денежным наградам: летчики на войне имели «комиссионные» от выполненной бомбежки. Генерал Паттон штрафовал своих офицеров и солдат на фронте за небрежность в одежде. Во время Суэцкого военного эпизода египтяне оценили голову каждого английского офицера в 100 фунтов стерлингов, а голову главнокомандующего генерала Эрскина - в 10 раз дороже. В германской армии сейчас пришли к заключению, что денежные штрафы на солдат имеют лучшее воспитательное действие, чем наказания, бьющие по самолюбию. Таков дух времени, и с ним приходится считаться.

В Средневековье говорили: у воина три умения - вонзить меч в тело врага, укротить буйного коня и опрокинуть на спину девушку. Теперь насчет девушки не уменьшилось умение, мотор же укрощать не надо - его надо знать, а к мечу проявляется отвращение: прямое убийство - не по нравам современному человеку. Даже палач стесняется выдернуть табуретку, а «культурно» нажимает рычажок, чтобы открылся люк под ногами казнимого. Рукопашный, штыковой бой заменен метанием гранат не только потому, что это - лучшая техника, но и потому, что нервы не выдерживают убийства собственноручного. Граната лучше - она убивает, а не я.

Войско создается из материала невысокого качества. В минувшую войну в США от мобилизации было уволено 1 млн. 850 тыс. человек (12% призванных) по причине психической, умственной или физической ненормальности. Процент алкоголиков в американском народе огромен - они или не годятся для войска, или - меньшие пропойцы - ни на что не годятся в войске.

Психоатмосфера, окружающая войско, вредна ему. В Германии часть молодежи протестовала против введения воинской повинности: «Лучше быть 20 раз изменником, нежели 1 раз мертвым». В Англии писатель Тойнби и ученый Руссель воодушевляют публику фразами, которые можно перевести так: «Пусть нас красные оккупируют, но только не бомбардируют». Народный инстинкт самосохранения, патриотизм, сознание долга десятилетиями подтачивались пропагандой пацифизма и интернационализма, а сейчас к мечтателям присоединились просоветские практики: 17 международных организаций стоят в подчинении «Всемирного конгресса мира», организовавшего в 75 странах свыше 150 тыс. комитетов в защиту мира (под миром понимается не только абсолютный мир, но и всякая «справедливая» экспансия Советов, которые и войны ведут только «справедливые», а к числу последних причисляются и нападение на Финляндию и удар в спину Польши).

Войско не гордость нации. Оно не любимо, оно только терпимо. На могиле знаменитейшего поэта Греции Эсхила не было упомянуто, что он себя обессмертил написанием «Прометея», но сказано было: «Здесь лежит человек, сражавшийся при Саламине». Быть воином - почетнее всего. Отныне офицер принужден на улице скрывать свое звание ношением гражданского платья. Немудрено, что в Сен-Сирскую школу в 1913 г. на тысячу вакансий было 3 тысячи 700 прошений, 40 лет спустя - на 250 вакансий только 400 прошений.

Снижение психического и физического качества военно-людского материала принуждает снижать требования к воину и к войску. В иррегулярном войске гражданин-воин обладает сугубо милиционными качествами - нервностью, впечатлительностью и малой способностью к перенесению опасностей. В регулярном войске воин-гражданин с неохотой подчиняет гражданские права воинским обязанностям. Лишь коммунистическая власть смеет тренировать солдата в неприхотливости и выносливости. В войсках демократических государств воина обласкивают нежным обращением и ублажают комфортом. Рим пал, когда его легионы стали изнеженными.

Установлены курьезно краткие сроки службы, чтобы молодые люди не «теряли» своего драгоценного времени на пребывание в казармах. И хотя огромны духовные требования к современному, уже не одиночному, а изолированно-самостоятельному бойцу, его душу не успевают сформировать в казарме - дают ему обучение, но не воспитание. Один немецкий рекрут отказывается выйти на занятия - они ему противны; военный суд признает дело неподсудным, а гражданский суд приговаривает непослушного гражданина к двухнедельному аресту. Английский солдат бежит с поля сражения, и военный суд его оправдывает: ведь

бедняга не мог совладать со своими нервами. <...>

Воспитательные приемы в нынешних армиях бывают оригинальны: командир показывает своим солдатам очаровательную молодую актрису и, чтобы придать тактическому учению интерес, приказывает обороняющейся стороне увести девушку, а наступающей стороне ставит задачей отвоевать красавицу. В войска проникает Голливуд.

Впрочем, наряду с чудачествами, войска стремятся достичь наилучшего использования людского материала: путем психоанализа попытаются поставить каждого на место, соответствующее его темпераменту, менталитету, психическим свойствам. Но психоанализ - наука опасная: она нередко дает солдату оценку «не годится для линии огня», чем узаконивается трусость. Она же побуждает судей оправдывать тяжких преступников. Для наиболее тяжких есть диагноз: «шизофрения». Если у атомного предателя было «раздвоение личности», то следовало казнить его злую половину, хотя бы при этом погибла и добрая. Но, скажут, это ведь логика «военщины».

Время сейчас своеобразное: лучший воин Франции, Петен, закопан на тюремном кладбище, глава Резистанса, де Голль, - в чести и на вершине власти. Это своеобразие времен влияет на дух воинства и на стратегию. В воинстве снижена культура воинской добродетели. В стратегии - оползень с высот классического искусства регулярного воинства в низину джаз-банда всенародного воевания. Тотально, от мала до велика, независимо от пола, народ участвует в тотальной войне, применяя тотально-многообразное оружие: тяжелое оружие боя, облегченное оружие партизанского воевания, потайное оружие партизанского воевания, потайное оружие террора и диверсии, дешевое «оружие-слово» и общедоступное «оружие» - вредительство и саботаж. Применение традиционного оружия, оружия боя связано с такими опасностью и самопожертвованием, к каким не склонен современный эгоцентричный человек. Поэтому стратегия перемещает центр тяжести войны в сторону борьбы более легкими и популярными видами оружия. Это изменило лик войны.

Оружие боя и убоя

При Петре I ружье било на 300 шагов, а пуля попадала метко на 60. Два века увеличивали дальнобойность, но, придумав отличное оружие дальнего пехотного боя - пулемет, - продолжали мучиться обучением рот дальнему огню. Теперь догадались оставить дальнее поле пулемету, а для ближнего дать пехоте карабин и автомат.

Танк, вооруженный пехотным пулеметом и артиллерийским орудием, восприняв пехотный натиск и унаследовав кавалерийское дерзновение, сотворил ударные дивизии большого маневренного размаха, упразднив в пехоте ударные дивизии - в пехоте осталось множество, но не отбор.

Танк сделался и ударной артиллерией, но старая, в своей мощи уверенная артиллерия стала опаснейшим врагом танка: она вместе с миной, базукой и самолетом отнимают у танка гегемонию.

Артиллерия завершила минувшую войну эффектнейшей концентрацией 22 тысяч орудий при прорыве к Берлину. Мощью она одолела фортификацию, а дальнобойностью достигла поражения отдаленных целей. Она еще не исчерпала всех возможностей химии порохов и механики, как наступили для нее сумерки: любимица артиллеристов, легкая пушка, уже после Первой Всемирной войны оказалась замененной гаубицей, а теперь гаубицу заменяет ракетомет, орудие упадочное с точки зрения артиллерийского искусства.

Примитивная ракета, которою полки Скобелева вызывали паническое бегство коней кокандской кавалерии, модернизированная изобретением «сталинского органа» и доведенная ныне до способности лететь к Луне или вертеться спутником Земли, стала фаворитом на суше, на море и в противосамолетной стрельбе.

Тысячу лет назад французские рыцари говорили:

> Презрен тот, кто первым начал из лука стрелять:
> Он был трусом и не смел наступать.

Если лук был оружием уклоняющегося от соприкосновения с врагом, то что сказать о трансконтинентальной ракете? Но, оставив без рассмотрения моральную сторону вопроса, надо сказать, что ракетометание будет декадентским способом поражения, пока оно не научится преодолевать рассеивание своих снарядов, достигающее на дальних дистанциях многих километров. Конечно, «детская болезнь» ракеты будет излечена улучшением баллистических ее свойств, телеуправлением и, может быть, высылкой «передовых наблюдателей» - летчиков с телеуправительными приборами для точного нацеливания ракеты. Впрочем, последний способ, как и фантастическая мысль о посадке в ракету наводчика-парашютиста, напоминают о неудаче японских «камикадзе», с малой пользой погибавших в самоубийственных атаках на «летающие крепости» в воздухе и на корабли в море. Во всяком случае, ракетам сулят блестящее будущее. Но в военном деле только духовное не уравновешивается, материальное же стремится к равновесию; надо предвидеть, что будет изобретено противоракетное оружие и тогда ракету постигнет участь всех военно-технических «вундеркиндов» - она станет в ранжир строя видов оружия.

Ракета стремится помочь пушке согнать с неба самолет. А самолет, пользуясь метеорными скоростями и стратосферными высотами, управляемый радаром, несет к цели свое мощное оружие - бомбу. Авиационная бомба гораздо мощнее равного ей по весу артиллерийского снаряда и несомненно «дальнобойнее» его. Самолет дополнил поле артиллерийского действия неограниченным пространством бомбометательного действия. Бомбоносный самолет растянул дистанции морского боя на сотни километров, что, в связи с установкой на кораблях ракетометов, грозит судовой артиллерии разжалованием во вспомогательное оружие. Но, вооружаясь по последнему слову техники, флот воскресил оружие древних галер - таран и применяет его в схватках малых единиц. Глубинная бомба и радар под конец минувшей войны парализовали подводную лодку. Полно драматизма было состязание между подводной лодкой и противолодочными средствами, и оно продолжается и ныне, обещая большие неожиданности в будущей войне.

Война не ограничилась усовершенствованием убойного оружия - она ввела в употребление оружие истребительное. Разница между ними в следующем: убойное оружие пронизывает - более или менее густо - пространство боя убивающими частицами, а истребительное оружие насыщает это пространство убивающими частицами, делая пребывание в нем невозможным для человека.

Переходными видами от убойного к истребительному оружию сперва был огнемет, а теперь напалм с его сжигающим действием.

Уже в 1855 г. во время осады Севастополя английский химик Дендональд предлагал «выкурить» защитников Малахова кургана сожжением дров, соломы, угля и серы. Тогда же англичанами были применены «вонючие бомбы» при обстреле Одессы. От этих предков

появились в 1915 г. удушливые газы, первое «научное» истребительное оружие. Боевые газы, примененные в Первой Всемирной войне, превратили бой в убой. Химия позаботилась о разнообразии типов газового оружия: слезоточивые, удушающие, комбинированные (побуждают скинуть маску, а затем отравляют), мучительные (вредят коже и внутренним органам), явные и потайные (неприметно в течение известного времени приводящие к тяжелым заболеваниям). Говорят о существовании газов усыпляющих, временно парализующих, отнимающих у воина волю. Если бы боевая химия осталась на уровне 1915 г., то она бы и теперь имела широкое применение. Но, к счастью, она стала столь ужасной, что люди страшатся применять ее. Не из соображений гуманности (фанатики гуманности погребли ее в 1918 г., по заключении перемирия продолжили голодную блокаду Германии) - страх перед газовым возмездием удерживает от газового нападения.

Другим чудовищным видом оружия убоя, истребительного оружия, является фосфорная корзинка. Тысячи людей были в бомбоубежищах Гамбурга и Кенигсберга сжарены фосфором, развивающим температуру в тысячи градусов, а выскакивающие на улицу прилипали подошвами к размякшему асфальту и сгорали живыми факелами; были Нероновы факелы, теперь история запомнит Черчиллевы факелы (кстати, сэр Уинстон претендовал на получение Нобелевской премии за мир).

Непревзойденным истребительным оружием является термоядерное. Впрочем, рекорд истребления поставлен не им в Хиросиме, а обычными бомбами в Дрездене, где в одну ночь авиацией было погребено под развалинами домов, разрушенных или сожженных, 250 тысяч женщин, детей и инвалидов. «Тот, у кого нет больше слез, заплачет при виде гибели Дрездена», - сказал престарелый Герхарт Гауптман. Пожалуй, некому будет и плакать, когда в будущей войне решатся применить термоядерное оружие, действие которого теперь несоизмеримо с хиросимским. <...>

Оптимисты, как Фуллер, полагают, что страх перед атомной бомбой не только удержит от ее применения, но - даже от войны. Однако медицина знает случаи, когда больной кончал самоубийством из страха смерти.

Военные средства

Благородное слово «оружие» сопрягают со средствами борьбы, поистине мерзостными. Говорят: «бактериологическое оружие», «токсикологическое оружие». Достоверно известно, что ядами пользовались итальянские партизаны для отравления колодцев в районах расположения немецких войск; достоверно известно, что американцы не «подбросили» бактерий в Краснокорею, но что эпидемии в ней были естественным следствием военного хаоса и коммунистического «порядка». Вероятно, военные ведомства держат связь с лабораториями на случай, если обстоятельства или провокация принудят к применению этих военных средств, но планами войны такое применение, конечно, не предусматривается.

Говорят также: «оружие-слово», «психологическое оружие». С точки зрения публицистики выражение «оружие-слово» великолепно, но в военной номенклатуре «слово» надо отнести к категории не оружия, а военных средств. Клич «ура!» это не оружие, но средство дать наступательный порыв носящим оружие. Психология тоже не есть оружие: она является средством наилучшего планирования применения оружия.

Хотя и материалисты, американцы поняли значение науки о нематериальном, о психозе и создали в минувшую войну при верховном командовании «Отдел психологической войны»

(примечание: «психологическая война» - бессмыслица, потому что надо отличать понятие общее «война» от понятия частного - «психологические методы ведения войны»). Такие отделы штабов необходимы не только при верховном стратеге: и на менее высоких ступенях иерархии нужны если не коллективы, то советники по вопросам борьбы в четвертом измерении войны.

Психологический метод заключается в установлении национальных целей войны, в расположении их в порядке их важности и в направлении всех действий к этим целям. Все виды деятельности правительства должны быть согласованы с психостратегическими планами и действиями. Во-вторых, он заключается в выяснении психостратегических планов врага и способов противодействия им.

Психологический отдел штаба Эйзенхауэра, по высадке в Европе, изучал, опрашивая пленных, состояние духа Германии. В сентябре 1944 г. Гитлеру доверяло 60% пленных и в победу верило 46%, а в марте 1945 г. эти проценты снизились соответственно до 31 и 11. Поэтому в марте напрашивалось решение главные пропагандные усилия и боевые действия направить не столько на ослабление веры в Гитлера, сколько на окончательное разрушение остатка веры в победу.

О военной психологии полководцы знали за тысячи лет до возникновения науки «Военная психология»: первобытные войска применяли «психические атаки», т.е. воинственным кличем смущали врага, тем усиливая физическую мощь своего удара.

«Психической обороне» служили размалеванные на стенах китайских городов драконы. Военная психология учит, что и небольшое на фоне большой войны событие может иметь грандиозные психологические последствия: потопление «Луизиании» вызвало такое возмущение, что имело результатом вступление Америки в войну против Германии. Восемь десятилетий тому назад Франко-прусская война - битва у Гравелотта, осада Парижа - не волновали ни русских, ни балканцев, ни испанцев, не говоря уже о народах других континентов; ныне же психологический эффект взятия Роммелем Тобрука или сдачи фон Паулюса у Сталинграда распространялся до краев земли и создавал благоприятные или неблагоприятные для Германии настроения, а за настроениями следовали и поступки (например, разрешение или воспрещение в нейтральном порту погрузить уголь на пароход, снабжающий крейсирующий в океане немецкий военный корабль).

Лабиринт психологии войны еще не освещен научным познанием. Стратеги идут ощупью, но должны идти, потому что в эпоху властвования масс надо, воюя, считаться с психологией масс.

Террористическая стратегия англо-американцев имела не столько материальную цель - разрушение промышленности, - сколько психологическую цель - разрушение духа населения. Поэтому на германские промышленные объекты было сброшено только 140 тысяч бомб, а на города - 430 тысяч. Тут психологическое вождение ошиблось, плохо учтя свойства немца: в страданиях борьбы он укреплялся в решении бороться до конца. Такое же действие имел и ставший известным в Германии план американского еврея Моргентау, добивавшегося превращения Германии в агрокультурную страну путем уничтожения всей ее промышленности. <...>

Психостратегам трудно предвидеть все последствия их психоманевров: миф об «унтерменшах» помог внушить немцам необходимость драться против вчерашнего друга на Востоке, но когда этот Восток двинулся в 1944 г. на Германию, то население ее угрожаемых областей в панике от нашествия «унтерменшей» хлынуло назад, препятствуя движениям

войск и нарушая хозяйственную систему неугрожаемых областей.

Геббельса надо признать гением психологического вождения воюющего народа. Он знал душу немца. Немец самоуверен - его самоуверенность подымали эффектно поднесенные победные реляции; немец рассудителен - пред ним во всеуслышание (с умеренностью, конечно) анализировали ошибки в ведении войны; немец горд - его взвинчивали отвращением к капитуляции и он укреплялся в своем упорстве. Но понимания духа других народов у Германии не было, и поэтому ее цели войны вели к поражениям в сражениях идей. «Новая Европа» не справилась с идеею «Против тирана! За демократию!», а «расчленение России» не справилось с идеею «Отечественной войны». И в будущем проиграет психосражение тот, кто вообразит, что Россию можно расщепить: единство России - не атом.

Не только цели войны, но и отдельные действия на войне должны быть предварительно взвешены на весах психостратегии и психооператики. Требование пропуска германских войск через Югославию для нападения на англичан в Греции вызвало «путч» Симовича и войну, на 6 недель задержавшую начало Восточной кампании. Черчиллев приказ от 11 мая 1940 г. приступить к бомбардировке незащищенных городов (начали с Фрейбурга) кажется английскому министру Дж. Спэйту «великолепным решением... столь же героическим, как решение русских принять тактику выжженной земли»; но Черчилль развязал руки немцам: исчезло свойственное им уважение к закону и международным правилам, и они жестокой бомбардировкой Ковентри начали штурм Англии с воздуха.

В прежнее время полководцы не должны были так считаться с психологией в оператике, а о стратегических сражениях не было и понятия. Ныне на лике войны явственно изображаются психические процессы в воюющих массах. Как атака без артиллерийской подготовки не дает обычно победы, так и стратегические действия должны быть предваряемы психологической подготовкой. В наше время и тираны вынуждены свой произвол декорировать ложным народным энтузиазмом. Массы, властвуя или думая, что властвуют, не любят приказа; правители не любят уговаривания-керенщины; остается одно: убеждать, внушать идеи. Рузвельт дал клятву американским матерям, что их дети не будут посланы воевать за океан, а через короткое время те же матери сочли необходимой военную интервенцию в Европе: им внушили идею активного антинацизма. Идеи надо вколачивать, как вколачивают гвозди. Этим занимается пропаганда. Как бриллиант оправляют в золото, сказал Вольтер, так идею надо оправить словом. Впрочем, пропаганда вправляет подчас и не бриллианты, а камни, не имеющие ценности.

Неуверенная в себе наука «психология масс» и уверенные в себе диктаторы от Гитлера до Нассера подняли на такую высоту искусство пропаганды, что из вспомогательного средства стратегии, дипломатии или внутренней политики она превратилась в огромную силу: с интервенциями военными стали возможны и пропагандные интервенции, подобные Нассеровым в Аммане и Дамаске.

Война XX в. не есть чисто военное предприятие: в ней политики не меньше, чем тактики, в ней пространство надо завоевывать и войском и пропагандой: теперь народ может не признать физического завоевания и продолжать духовное сопротивление (Резистанс) даже и по капитуляции воинства. Надо пропагандою влить эликсир жизни в свои массы и яд во вражеские, и надо пропагандным противоядием спасти своих от неприятельского яда. Неизвестно, кто больше способствовал разгрому Франции: прорвавшийся ли от Седана к морю Гудериан-танкист или Марти - коммунист, введший среди французов моду (в 1939-1940 гг.) на пуловеры с вытканной надписью «Pourguoi?» - «К чему воевать?».

Наряду со сражением идет и бой внутри политических программ. Последнее обстоятельство упраздняет формулу «Армия вне политики», продукт недоразумения: в старину объявили армию, инструмент государственной политики, вне политики, потому что тем же словом «политика» определяется и деятельность в государстве. Воинство - вне партийности, но оно - в политике, в государственной политике, и оно должно кольчугой политического сознания быть защищено от политических и партийных стрел врагов внешних и внутренних.

Пропаганда нападательная и оборонительная обречена на провал, если она похожа на пропаганду. Тон пропаганды должен быть подобран применительно ко вкусу, психике каждого народа. Пропаганда борется для пользы стратегии, руководствуясь указаниями психологии...

Первая Всемирная война была и первой пропагандной борьбой. Начальные шаги массовой пропаганды были шатки. Тогда вообразили, что первой жертвой войны должна быть правда, и залили собственные страны, и вражеские, и нейтральные морями лжи. Казаки, пожирающие детей; сестры милосердия, приканчивающие раненых, сердцещипательно преподносились пропагандой ужасов. Некий офицер английской разведки выдумал, что немцы перетапливают трупы врагов на стеарин для свечей и на маргарин для кормления свиней; это вызвало такое возмущение, что Китай стал на сторону Антанты, а в США тысячи людей хлынули в вербовочные бюро.

Но во Вторую войну поняли, что сто правдивых сообщений не восстановят доверия, подорванного одной ложью. Пропаганде вымышленных ужасов предпочли пропаганду страха: Гитлер страшил врагов намеками, что располагает оружием чудовищной силы. Рузвельт же пугал сограждан скачком нацистов через океан, и янки поверили этому, хотя знали, что Гитлер оказался не в состоянии перескочить Ла-Манш. Народ не верит очевидности, если не хочется верить, и верит «возвышающему обману»: в Белграде в 1944 г. мечтали о приходе «братьев-русов» и верили, что они приплывут на лодках, которые так малы, что могут пройти через Джердаппские пороги на Дунае, а в то же время так велики, что вмещают по роте каждая.

Пропаганда должна избегать лжи - с нею «мир обойдешь, но назад не воротишься» - и предпочитать ей извращение понятий, внушение ложных представлений. В этом отношении радиостанция Би-би-си была на большой высоте, но ее предварял талантливейший немецкий радиовещатель Ганс Фриче (за что в Нюрнберге его повесили): предвидя английское сообщение о каком-либо печальном для Германии факте, он сам сообщал немцам об этом факте, давая ему свое освещение, а потом спорил с Би-би-си, в результате чего в Германии его считали рыцарем правды, а английскую станцию лживой.

Такая борьба против пропаганды действительнее запрещения слушать вражеские радиовещания или продажи населению (как было в СССР) аппаратов, принимающих лишь одну, правительственную волну. Борьба в эфире стала ожесточенной, и на радиоглушение тратят больше энергии, нежели на радиовещание. Но техника и изобретательность пропагандистов дают пропаганде огромные возможности. Чтобы использовать эти возможности, оборонительная и нападательная пропаганды должны быть хорошо организованы и руководимы. Верховный пропагандовец так же необходим, как верховный полководец.

Пропаганде словом (радио, публичные речи, шепот), печатью, графикой, сценой, киноэкраном, выставками и т.д. должна способствовать пропаганда делом: своевременный, хотя бы и маловажный, но эффективный боевой успех дает отличные результаты в состязании нервов, в психологических сражениях, руководимых пропагандоводцами.

Воинство

Наполеонова Великая армия имела 600 тысяч солдат. Во 2-ю Всемирную войну США мобилизовали 11 млн. мужчин, а СССР - 33 млн. мужчин и 3 млн. женщин.

Закончив в 1945 г. войну, воевавшие страны сохранили под ружьем огромные контингенты: еще в 1953 г. СССР, Краснокитай и сателлиты имели свыше 11 млн. солдат в казармах. Но потом появились сообщения о частичной «демобилизации» советских и сателлитских вооруженных сил. Советы, по-видимому, поняли, что в минувшую войну могли перенапрячь мобилизационную способность народа только потому, что чрезмерное изъятие людей в СССР из производства компенсировалось трудом рабочих Америки, доставлявшей Сталину много предметов снабжения; в грядущей войне СССР такого поставщика иметь не будет, а потому надо будет ограничить численность войска, экономить при перемещении людей от станков к пулеметам.

Все же вооруженные силы красного блока будут весьма многочисленны: предполагается, что к концу 3-го месяца Третьей Всемирной войны Кремль будет иметь в Европе около 300 дивизий. Силы НАТО развернутся к тому времени до 146 дивизий, по своей огневой силе почти равных двойному числу красных дивизий.

От войны к войне возрастала численность в вооруженных силах. В 1944 г. она достигла апогея, после этого пошла на снижение.

Если в старину несколько умельцев пушкарского и ружейного дела могли снабдить оружием целую армию, то теперь нужна целая «армия» инженеров и рабочих, чтобы снабдить военной техникой нескольких воинов. Все больше людей «воюет», трудясь в тылу, все меньше людей сражается на фронте.

Наряду с уменьшением количества людей в войске происходит и коренная ломка традиционных организационных форм регулярного войска. В предвидении атомных ударов войска избавляются от своей административной окостенелости, возникшей в прошлом веке под действием немецкого педантизма: армия была равна 3-4 корпусам, корпус равен 2-3 дивизиям, дивизия равна 3-4 полкам, полк равен 3-4 батальонам. Полки ныне исчезают: командиру дивизии будут подчиняться 4-5 полковников-групповодов, между которыми и распределяются, по обстановке и потребности, батальоны и батареи дивизии. И высшие соединения будут составляться не по шаблону, а по обстоятельствам.

Основная идея: каждая группа и соединение должны быть способны к самостоятельной боевой жизни, если атомным ударом уничтожены все соседи и высшее начальство. Войсковая организация стремится стать весьма гибкой, самостоятельной в своих частях и поэтому живучей. Немецкий принцип «организация не терпит импровизации» сдан в архив: по требованию боевого момента импровизация строит и перестраивает отряды. Это новшество ставит высокие требования интеллекту и знаниям командного состава, штабов и солдат. Если в минувшие века войско состояло из дружин для рукопашного боя, если в новое время оно было жесткой организацией для огневого боя, то теперь оно становится эластичной комбинацией из боевых машин и немногочисленных изолированно-самостоятельных бойцов. А еще так недавно было в силе Наполеоново «большие батальоны всегда правы».

Новизна изменяет, переделывает, отметает то, что вчера было правильным и необходимым. Пехота перестает быть пехотой: немногим теперь нужны ноги, да и то лишь в полосе ближнего боя, потому что почти все передвигаются, пользуясь мотором.

Конницу с поля боя изгнали пулемет и пушка, а на театре войны ее прикончил самолет,

тысячекратно превзошедший ее в дальней разведке и в рейдах.

Разведка, в дополнение к вековечной задаче знать врага и предчувствовать его намерения, получила новые задания: лишать эффекта неожиданности неприятельские технические новинки и быстро раскрывать секрет их ради облегчения контризобретений. Значение разведчиков так возросло, что теперь, наряду с маршалами от авиации, артиллерии, появятся маршалы от разведки.

Артиллерия, царившая на полях сражений в 1915-1918 гг., теперь вынуждена бороться за свое существование - ее теснят танк, ракетомет и самолет.

Авиация не удовлетворилась победой над конницей и соперничеством с артиллерией: она хочет, подобно пехоте, иметь способность овладевать территорией и для этого завела собственную пехоту - парашютные и воздушно-пехотные соединения. Затмив смелейшие маневрирования сухопутных войск своими неограниченно дальними воздушными маневрированиями-ударами, авиация пришла на помощь ползающим по земле и своими транспортными самолетами дала возможность производить массовые дальние и спешные оперативные переброски.

На море произошла революция. Как авиация наносит удары, перескакивая поверх фронта противника, так подводные лодки вышли на морские пути, проскользнув под неприятельскими эскадрами. Воздухом владеть невозможно (кроме случая такого численного перевеса авиации, какой американо-английская приобрела над германской), точно так же теперь невозможно владеть морем (кроме случая такого технического превосходства средств обнаружения и уничтожения подводных лодок над их мимикрией, какой имел место в 1944 г.). Вместо владения морем с помощью тяжелых эскадр флот заботится о конвоировании пароходов и охотится на каперов. Значение морских путей возросло неимоверно, вследствие необходимости перевозки людей и грузов в количествах, выражаемых астрономическими цифрами. Поэтому чрезвычайно увеличилась роль военного флота. Недаром Советский Союз строит огромный подводный и крейсерский флот: будучи единственной в мире автаркией, СССР почти не нуждается в морских путях, но его стратегия нуждается в нападениях на морские пути возможного противника. Тут открывается широкий горизонт. В минувшую войну немцы потопили подводными лодками 18,5 млн. тонн торговых кораблей, американцы тем же способом потопили у японцев 4,8 млн. тонн.

Революция в морской стратегии вызвана не только успехами подводной лодки: комар-самолет убил слона-дредноута. В море корабли погибают от самолетов, в порту вынуждены прятаться от него в пещеры. Тяжелейшие плавающие батареи не нужны: морские сражения разыгрываются на дистанциях, превышающих всякую дальнобойность артиллерии, и разыгрываются самолетами, взлетающими с исполинских авианосцев, 6-я американская эскадра состоит из нескольких авианосцев (до 60 000 т), 50 кораблей для экспорта их, 265 самолетов. Может быть, монополия самолета в морских сражениях будет поколеблена управляемыми ракетами. Тогда возродятся дуэли между соединениями кораблей и это будет катастрофой для авианосцев, являющихся отличными мишенями для ракет. Ракетные дуэли будут вестись на огромных радарных дистанциях.

Сейчас флотоводцы лишены романтики борьбы за обладание морем, обременены прозаикой конвойной деятельности и привязаны к берегу: трансконтинентальные войны требуют совершения многих и огромных десантных операций. Это возлагает на флот ответственные и почетные задачи, как никогда еще. Сепаратизму флота нанесен удар - флот служит войску, флот завоевывает не море, а берег. Флот заинтересовался берегом настолько,

что абордажные команды древних времен, превратившиеся потом в роты для десантных эпизодов, сделались теперь дивизиями морской пехоты, которые, выполнив роль авангарда при десантной операции, могут потом бороться бок о бок с сухопутными войсками, будучи для этого надлежаще организованы.

Флот, авиация и войско по-прежнему составляют совокупность воинства, т.е. регулярных вооруженных сил. Новы лишь взаимоотношения, сочетания и численные пропорции. В качестве произвольной иллюстрации пропорцию эту можно было бы изобразить так: из 100 призванных в воинство 10 будут во флоте с его воздушной силой, 20 - в авиации, 30 - в войске, 10 - в противопартизанских армиях и 30 - в запасных частях (пополнение).

Недавно родившийся четвертый компонент воинства - иррегулярное войско - возрастет численно, и удельный вес его увеличится. Если в 1943 г. у Сталина было 18,5 млн. солдат и 300 000 партизан, то в будущих войнах иррегулярные силы будут представлены в гораздо более импозантной пропорции. Краснокитай уже имеет партизанскую милицию в десятки миллионов человек. Подготовка кадров иррегулярных армий перестала быть кремлевским секретом: американцы, не скрывая того, сформировали отряды из политических эмигрантов всех угнетаемых коммунизмом народов. Дания и Норвегия раздали своему населению винтовки, чтобы оно могло встретить вторжение врага партизанством. У итальянских коммунистических кадров иррегулярства полиция за минувшие 10 лет отобрала скрытого оружия в количестве, достаточном для вооружения десяти дивизий.

Иррегулярное войско делится на две части: партизанские отряды и диверсионно-террористические группы. В зависимости от топографических и политико-социальных условий театра, будут преобладать та или иная форма иррегулярства. И - от темперамента народа: немцы, бережливые к добру, даже к чужому, мало пригодны для диверсии, поляки, природные конспираторы, показали себя отличными диверсантами, сербы - наследственные с давних веков партизаны, арабы - террористы из-за угла.

В минувшую войну иррегулярные войска были плодом импровизации, даже в СССР, предвидевшем применение партизанства. И тем не менее, размах иррегулярного воевания стал огромным: по Эйзенхауэру, работа французского Резистанса равнялась боевой деятельности пятнадцати дивизий; на Восточном театре 300 000 советских партизан убили, по московским данным, 300 000 вражеских солдат, подорвали 3000 железнодорожных составов, 1191 танк, 476 самолетов, взорвали 890 складов.

Иррегулярство заразно, как азиатский грипп, и легко принимает массовый характер. Оно дает обывателю психологически-легкий переход от нормальной, мирного времени политико-социальной борьбы к участию в борьбе военного времени, в войне. Иррегулярство делает возможным тотальное участие народа в тотальной войне.

Оператика на новых путях

Стратегия, провешивая промежуточными целями путь к конечной своей цели, шагает по этому пути битвами. Битва слагается из последовательных или одновременных сражений, которые ведет оператика, шагающая к поставленной ей оперативной цели этими сражениями. Сражения состоят из боев, которыми тактика добивается решения задач, поставленных ей оператикой.

В минувшую войну оператика размахивалась широко: в сражениях у Минска и Витебска немцами было взято по 300 тысяч пленных, а под Брянском и Киевом - по 600 тысяч.

Двухсоткилометровая глубина маневра-прорыва не была редкостью. Прорывами и образованием «котлов», достигалось частичное уничтожение вражеского войска: это были оперативные «Канны», но стратегические «Канны» оказывались невыполнимыми, вследствие огромности воинств обеих сторон. Оператика играла ва-банк, не думая, как встарь, о необходимости сберечь армию и флот для подкрепления ими дипломатов при заключении мира (Наполеон поскупился бросить свою Старую гвардию в Бородинскую битву). Англичане пожертвовали в 1940-1945 гг. 3282 единицами своего военного флота; немцы из 1168 подводных лодок потеряли 817 (70%); Советы воевали так азартно, что потеряли убитыми 8,5 млн. воинов, умершими от ран 2,5 млн., ранеными с последовавшей инвалидностью 3,3 млн., пленными 3,7 млн. и ранеными (с возвращением в строй) 14 млн.: это составляет 32 млн. человек, т.е. 99% всех мобилизованных - если бы не возвращение в строй раненых, то к концу войны случилось бы подобное происшедшему однажды в Средние века, когда «сражение прекратилось, потому что не стало сражающихся».

Усиление боевой мощи всех родов войск делает битвы и бои кровопролитными, напряженными и длительными: нет штыкового удара, быстро решающего дело; огневое же состязание - дело медленное. В Демьянском «котле» три германских корпуса оборонялись девять месяцев, получая снабжение по воздушному мосту: на импровизированной огневой позиции можно обороняться дольше, чем оборонялись в старину знаменитейшие крепости. Войско становится все более моторизованным и механизированным, а поэтому его маневр - более размашистым. Авиация маневрирует, при вмешательстве бомбежками в операции на суше или на воде, с размахом в сотни километров; выполняя же самостоятельные рейды, она может уходить от своей базы на тысячи километров. И пехота, при помощи транспортной авиации, может скакать через голову врага или в маневренных рокировках перемещаться на многие сотни километров. Флот приобрел возможность к совершению грандиознейших десантных операций, не нуждаясь, как встарь, в захвате портов: в несколько часов создаются из затопляемых судов волнорез и разгрузочные молы, но и без них ползут на берег амфибиальные танки и грузовики, а приткнувшиеся к берегу тупоносые суда высаживают пехоту и артиллерию.

Потенциальная сила оператики, опирающейся на атомное оружие, так чудовищно огромна, что требует радикальной реорганизации всей системы нападения и обороны. От распространенного правила «война начинается так, как закончилась предыдущая» не осталось ни атома. Советский Союз не только переустраивает воинство, но и всего себя разделил на несколько «театров»: каждому принадлежит группа армий и территория, которая своим населением и промышленностью дает «театру» возможность воевать изолированно при потере связи с центральным правительством и верховным стратегом.

Основной принцип таков: государство - без концентрированной промышленности, а население в полной готовности к мгновенному выходу из концентрации в городах; оператика - без оперативных концентраций; тактика - без тактических. Только распыленное выживает и сохраняет способность к борьбе стратегической, оперативной и тактической.

В оператике надо предвидеть пехотные бои на второстепенных секторах, действия подвижной механизированной пехоты на главных секторах и танковые прорывы на главнейших направлениях, комбинированные с воздушными и морскими десантами. Нельзя не предвидеть, что иррегулярные войска - партизаны, диверсанты, террористы - будут, подобно половодью, срывать дамбы, которыми классическая тактика хотела бы направлять ток боевых событий. Где сильно наше иррегулярство, там будет весьма успешен маневр

наших войск и очень ослаблен маневр войск вражеских.

Атомное оружие подрезает маневренные возможности. Всякий маневр - это занесение молота и удар им. Атомная же опасность принудит войска действовать не молотом, не кулаком, а растопыренными пальцами, чтобы в случае атомной ампутации нескольких из них двигать остальными. Все должно быть рассредоточено на поле сражения: отдельные бойцы, роты, батальоны, артиллерия, дивизии, вспомогательные войска армии, боеприпасы при войсках и обозы, штабы, а в тылу все склады.

Для оперативного маневра и удара надо эту расплесканную армию мгновенно собрать в несколько более компактный порядок и произвести быстрое нападение, пока противник не подтянул к данному участку свои единицы, вооруженные атомным оружием. Маневр не может быть глубоким, потому что он производится из очень большой глубины и потому что времени на его выполнение мало. Удар не может быть мощным, потому что склады огнеприпасов прячутся в глубоком тылу, а для их подвоза нет ни времени, ни возможности - авиация противника ограничит движение парков. Сосредоточение войск и грузов зависит от состояния дорог, а дороги - наиболее уязвимая часть поля сражения, если нет обладания небом. При высадке в Нормандии на 20 000 ежедневных вылетов американо-английских самолетов немцы могли ответить только пятьюстами вылетами - поэтому дороги в их тылу стали непроходимы, вследствие вражеских бомбежек. Но и при приблизительной равносильности противников в воздухе дорожная сеть перестанет благоприятствовать работе транспорта: каждый постарается во вражеском тылу очага сражения образовать подковообразную полосу бездорожья.

Маневр комком, вдруг слепленным из армейской пыли, требует безупречной работы огромных штабов. В Алжире Эйзенхауэров штаб состоял из 1100 офицеров, а войск было: три нормальных армии, флот и авиация. Для высадки в Нормандии Эйзенхауэр располагал 38 дивизиями, 11 тысячами самолетов, 850 военными кораблями и 4200 десантными судами; соразмерно возрос и его штаб, чтобы помочь ему командовать подобным воинством. Сколь большим был бы штаб теперь, в условиях рассредоточенного воинства и в предвидении необходимости мгновенного сосредоточения?

Не вздумают ли войска, прячась от атомного действия, снова окопаться, как в Первую Всемирную войну? Не придется ли усвоить оперативную систему «щит и меч» наподобие принятой НАТО стратегической системы того же названия: войско есть щит, авиация - меч. Такая система в оперативке грозит тем, что будут выигрывать сражения и проигрывать победы: победа проиграна, коль скоро она не использована преследованием врага. Если авиация - меч - и могла бы создать условия для победы, то войско - щит - едва ли может завершить победу, потому что атомная опасность лишает его порыва, необходимого для прорыва и для преследования: солдатам, вместо маневрирования на моторах, придется отсиживаться в норах.

Авиация сохраняет свободу маневра, даже рассредоточившись на тысячах аэродромов вокруг сотен баз (США имеют ныне 200 баз у себя и 150 за океанами). Но маневрирование самостоятельной, независимой от войска авиации лишь косвенно влияет на операции войск: влияет разрушением вражеской страны. Специализируются ли эти воздушные операции в ударах по путям сообщения? Станут ли снова террористическими (избиение населения)? Или ограничатся полутеррором - разрушением военных заводов с неизбежным массовым убийством жителей окрестных поселков?

Независимо от того, будет ли оператика маневренной или окопной, она потребует высококачественных солдат. В рассредоточенном движении, в бою каждый решает

тактические задачки, в окопах каждый борется индивидуально: линии окопов заменены окопными точками, расположенными в шахматном порядке на большой глубине передовой полосы. И в прежнем, сомкнутом для штыкового удара строю не каждый был чудо-богатырем, а нынешние солдаты не чудесны: за 9 месяцев 1957 г. из американской армии в Германии дезертировало 3354 человека. И это - в мирное время. Похоже, что солдат недостоин того великолепного оружия, которое ему дано. Воинства продолжают усовершенствовать оружие - следовало бы обратиться к усовершенствованию солдат.

Иррегулярство

В 1812 г. генерал Кутузов выслал на коммуникации Наполеона «корволанты» (летучие отряды) Фигнера, Сеславина и казачьи. По недоразумению история назвала их партизанами, но партизанами были не они, а крестьяне, взявшиеся за оружие против врага. Их действия и испанская герилья, а затем политическая и психологическая особенность гражданских войн в России, Испании, Греции, Китае и, наконец, поучения кровавой борьбы в Индокитае, Корее и на Малайе, а в особенности многообразие форм иррегулярных действий в войне 1939-1945 гг. должны были побудить военную науку заняться изучением феномена воевания не в поле, а в народе. Но старообрядческая психика офицерства препятствует осознанию того, что открылось французским поручикам и полковникам в Вьетнаме, где оказались перевернутыми тактика, военная администрация, воинская психика. На Западе феномен этот не изучают в должной мере (книга генерала Хольмстона «Война и политика» блистает одинокой звездой на темном небе незнания); на Востоке феномен не может быть изучен правильно вследствие марксистской предвзятости. А изучать есть что.

Народ перестал быть пассивным зрителем или безмолвной жертвой единоборства войск. Народ воюет. Гражданин свободной страны привык к тайному, но упорному сопротивлению мучителям. Это - предпосылки для того, чтобы во время войны воспротивиться оккупационной власти в сотрудничестве с родным войском или подняться против власти страны в союзе с другой воюющей стороной.

На периферии этой народной борьбы стоит акция неповиновения (саботаж), в которой без большого личного риска может принять участие великое множество людей обоего пола и всех возрастов. Вторая форма борьбы - вредительство. Это уже не просто невыполнение распоряжений властей, это - связанное с известным риском причинение ущерба порчею машин, продуктов и т.д.; тут нет предела изобретательности и инициативы. Эти две периферийные формы не требуют ни организованности, ни поддержки извне: тайные группы из членов революционно-политической партии показывают пример, заразительность которого побуждает широкие круги населения подражать увлекательным образцам. Участие в этих двух видах сопротивления может принять эпидемический характер, если тому соответствуют духовные свойства народа, если война создает надлежащую психологическую атмосферу и если в массы будут брошены психологически ударные политические лозунги. Направлять сопротивление может, пользуясь своим опытом мирного времени, дипломатия, но, конечно, согласуясь с планами стратегии.

Стратегия же берет в свои руки управление такими формами борьбы, как диверсия и террор. Диверсия - это разрушение объектов военных (склады, телеграфные линии и т.п.) и невоенных (амбары с зерном, нефтеводы и т.д.). Террор низовой - это убийство из-за угла солдат на улицах и дорогах, мелких агентов власти и людей, сочувствующих противной

стороне; террор верховой - по принципу Пугачева «руби столбы, заборы сами повалятся». Диверсию и террор в тылу врага выполняют специалисты, доставленные в надлежащие районы на самолетах или подводных лодках (если невозможен простой переход линии фронта или границы); такую же акцию проводят и местные диверсионные и террористические группы («пятые колонны»), а кроме того, и партизанские отряды выделяют, при надобности, небольшие партии. Все это укладывается в рамки иррегулярной организованности и тактического, а может быть, и оперативного руководства.

Пятой формой иррегулярного воевания является партизанство, то есть вооруженные действия отрядов, формируемых населением. Местные отряды собираются от случая к случаю и действуют каждый в своем округе; постоянные отряды прячутся в горах или лесах и обладают некоторой подвижностью, но не отрываются от родных деревень, потому что их население доставляет им снабжение, заботится о раненых и собирает разведывательные сведения; отряды из пришлого элемента (бежавшие военнопленные, переброшенные через фронт специальные команды и т.д.) могут быть и подвижными, т.е. способными к переброске по распоряжению высших партизанских штабов из одного района в другой; такие отряды бывают вынуждены силою добиваться содействия населения, их чуждающегося; подобное насилие не всегда возмущает население - иной раз оно даже радуется принудительной мобилизации в партизанские отряды - факт принуждения снимает с населения круговую ответственность, а с мобилизованного - и часть личной ответственности.

Шестой и высшей формой народной борьбы является восстание, когда не отдельные партизанские отряды, но значительная часть населения берется за оружие.

Классической надо признать акцию населения Польши в 1939-1945 гг.: она прошла, постепенно развиваясь, через пять стадий и завершилась шестой стадией - восстанием генерала Бор-Коморовского в Варшаве (40 тыс. бойцов). Но вполне возможны случаи неполного развития иррегуляторства или ограничение его одной какой-либо формой борьбы (как, например, в Чехии, где дальше саботажа не пошло). Все зависит от свойств народа, от политики его врага, от случайности - появление, скажем, даровитых атаманов.

В Москве уже в 1933 г. была издана Инструкция о партизанской борьбе, но лишь на третьем году войны Сталину удалось организовать иррегулярное войско, декоративно поставив во главе его Ворошилова. Верховный штаб прибрал к рукам все множество (до 300 тыс.) партизан, а затем распространил свое влияние и за границу (тогда в ставку Тито прибыли советские «спецы»).

Воевание без войск - воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры, чему порукой факты из недавнего прошлого. Иррегулярство, не поддержанное войском (инструкторы, оружие, медикаменты, одежда, деньги), беспомощно. Оно становится мощным, получив и материальную поддержку войска, и моральную: успехи войск усиливают активность иррегулярных сил и увеличивают их численность (по появлении Эйзенхауэра в Алжире Италия выставила 100 тыс. партизан, а по занятии американцами Рима - 250 тыс.). Красная армия кинула в партизанский район конный корпус Белова, чтобы он, раздробившись, укрепил костяк партизанских отрядов. Удавалось координировать действия отрядов обшей численностью до 10 тыс. человек, давая такой массе задание сотворить хаос в тылу немецкого сектора, на котором красные войска предпринимали наступление. Продуктивность партизанских действий увеличивалась прикомандированием к отрядам минеров, связистов, разведчиков, офицеров Генерального штаба. В одну ночь июня 1943 г. в центральной части

Восточного фронта было заложено 10 тыс. мин; в Югославии на линии Загреб-Белград в одну ночь были подорваны рельсы в 80 местах; ежемесячно на Восточном театре жертвами взрывов становились 200 немецких паровозов; борьба против иррегулярного войска Виетмина обошлась Франции в 1400 убитых офицеров и 60 тыс. солдат - убитых, раненых, попавших в плен, а также в 3 тысячи миллиардов франков. Тито с помощью партизан овладел горной частью Хорватии, образовал партизанское государство и, давши своим бандам подобие войсковых дивизий и бригад, оторвал их от родных мест и пошел завоевывать Сербию. Партизаны Кубы ставили даже Соединенным Штатам ультиматумы и уводили в плен их граждан.

Иррегулярная сила стала мощным фактором войны. Кто из офицеров с нею вдумчиво соприкоснется, пред тем открывается новый военно-политический мир, в котором заменены: долг - фанатизмом, храбрость - лукавством, благородство - жестокостью, традиции - импровизацией, порядок - своеволием, иерархия по старшинству - выдвижением энергичнейших, государственная идея - оппортунистическими лозунгами, унаследованная этика - учетом полезности, слово разума - криком буйства. Этот странный для офицерства мир врывается в войну, в стратегию - именно в стратегию, потому что иррегулярные силы за время одной войны от тактики шагнули в оператику, а теперь вступили в стратегию: почти все войско Франции - 450 тысяч привязано к Алжиру, где партизанят сотни, террорствуют тысячи, а саботируют миллионы арабов.

На некоторых секторах некоторых театров будущей войны народное сопротивление создаст анархию, на иных - диверсии-террор вызовут смятение, на третьих партизанство или восстание парализует вражеское воинство, а на четвертых все вместе взятое превратит войну в ничем не сдерживаемую борьбу политических фанатизмов, безумствующих в убийствах и разрушениях, на фоне которых хладнокровные бои войск будут казаться атаками милосердия к противнику. <...>

Революцию на войне пожрет лишь контрреволюция. Деструктивное можно одолеть только конструктивным. В борьбе против иррегулярства победу дают не карательные экспедиции и не овладение территорией, но овладение душой. Суворов, сражаясь против революционеров-французов, говорил: больше благородством побеждать, нежели оружием.

Задачи логистики

Тактика - это наука о применении войск. Логистика - наука о потребностях войск.

Замечательным логистическим делом Наполеона почиталась замена в ранцах солдат хлеба рисовыми лепешками - вследствие большей питательности риса достигнуто было уменьшение веса рациона. Ныне же десятки тысяч «наполеонов» техники, технологии и пр. непрестанно дополняют и усовершенствуют все, что воинству нужно для битв и для жизни в промежутках между битвами. «Во время войны музы молчат», - говорили в Древнем Риме, - побоку искусства и науки, надо воевать. Теперь же во время войны музы искусства идут на службу в пропаганду, а муз науки мобилизует военное ведомство. Гитлер в течение некоторого времени поступал с наукой по-древнеримски и поэтому опоздал с «Фау-2», с управляемой ракетой и с атомной бомбой. Американцы же предоставили ученым свои неограниченные возможности и поэтому военно-технически догнали и перегнали Германию.

Введение рисовой лепешки было рационально. Нынешняя логистика старается все рационализировать. Например: она порвала с тысячелетней всемирной традицией украшать

внешность воина: одела пехотинца в комбинезон, а на его шлем навязала пучки травы, сделав его похожим на огородное чучело; но этот неэстетичный наряд бережет силы, здоровье и жизнь: удобства, целесообразность и мимикрия. Штабной автомобиль не имеет внешности «мерседеса» или «шевроле», но он практичен, прочен, почти вездеходен и фабрикация его упрощена до предела.

Логистика предусматривает все потребности воинства. Потребности разнообразны: от краски, которой легководолазы («лягушки») раскрашивают себя по нагому телу, чтобы собой измерять высоту неприятельских подводных противодесантных препятствий - до радарной установки такой мощности, что из турецкого порта Самсун можно наблюдать, что творится в 500 км на аэродроме у Севастополя. От электронного мозга, который вычисляет координаты вражеского самолета и по нервам-проволокам сам дает пушкам все установки для стрельбы по нем, - и до справочной таблички с указанием, какими видами камыша и водорослей может, на манер первобытного охотника, питаться разведчик, оставшийся без пищи в неприятельском тылу. Американский каталог военных предметов и деталей к ним содержал 2,7 млн. наименований и состоял из 479 томов весом в 110 кг. Любая мелочь могла быть с фронта заказана со ссылкой на шифр каталога, и тыловая база выполняла заказ со скоростью и точностью, как это делают универсальные магазины, посылая по почте товары иногородним заказчикам.

Объем снабжения возрастает в прогрессии, заставляющей офицеров логистических войск задумываться над будущим. Наполеон шел в Россию, имея при своей Grande Armee 2 повозки подрывного материала, а Роммель потребовал 5 млн. мин, чтобы вместо мифического «Атлантического вала» создать минное антидесантное заграждение. При взятии Берлина русскими в 1760 г. было израсходовано 2,5 тонны артиллерийских снарядов, а при взятии этого города в 1945 г. - 25 000 тонн. Маленький ракетный истребитель потребляет 2,4 т бензина в час, а восьмимоторный самолет В-52 - 20 т. В 1943-1945 гг. Советская армия получала от промышленности ежегодно 100 000 минометов, 120 000 орудий и 450 000 пулеметов. Предполагается, что в Третью Всемирную войну СССР будет производить в год 40 000 самолетов и 35 000 танков, а США с Англией - 130 000 самолетов и 52 000 танков. Впрочем, и такой продукцией, вероятно, не будет удовлетворена американская логистика, потому что нет предела спросу на военно-техническое оборудование войны.

Если проблема продукции составляет заботу национального хозяйства, то заботой логистики является проблема своевременной доставки «потребителю» предметов снабжения. В минувшую войну на Востоке пять германских армий группы «Центр» (до 1,8 млн. человек) обслуживались в среднем 1700 грузовых и воинских поездов в месяц. Для более насыщенных техникой и военным комфортом американских армий доставлялось снабжение и пополнение гораздо большего веса, и емкости, и количества.

Транспорт должен выполнять чудовищные требования в невозможных условиях: пути сообщения являются наиболее уязвимыми пунктами географии. Самолет в настоящем, а управляемая ракета в будущем - это мощные враги транспорта. Атомная эпоха создает еще более тяжелое положение, потому что требуется децентрализация всего уязвимого, а склады ведь весьма уязвимы. Если во время войны на территории Франции надлежаще децентрализовать все французские склады оружия, горючего, продовольствия и прочие «кладовые» логистики, то не хватит поверхности Франции. Эти рассредоточенные грузы транспорт должен доставить к полю сражения в срок, измеряемый часами, а не неделями, как раньше, когда операции подготовлялись заблаговременно. Поле сражения противник

постарается отрезать от тыла подковообразной полосой, где артиллерийский снаряд, бомба аэроплана, ракета и атомный прибор сделают почти невозможным перевозки по дорогам и без дорог. Придется обратиться к транспортной авиации. В минувшую войну были установлены первые, так сказать школьные, воздушные мосты - немецкие на Крите, к Сталинграду, Демьянску, Нарве, американский по линии Бразилия, Нигерия, Судан, Египет. Советская блокада Берлина научила логистику и авиацию Запада перебрасывать по воздуху в месяц до 235 000 тонн грузов (26 000 полетов). Все же остается открытым вопрос: справится ли в будущем транспортная авиация с требованиями логистики?

Со своими задачами логистика пока справлялась. В Германии помогли рутина, педантизм и электромеханический учет (система Голлерита). В Америке Пентагон поручил одной частной фирме, которая специализировалась на рационализации работ промышленных и торговых предприятий, разработать систему устройства и дальнейшего обеспечения основных, промежуточных и передовых баз для двинувшихся против Японии через океан флота, авиации и войска. Фирма в несколько недель разработала безукоризненную систему логистической организации и тем способствовала победе в большей степени, нежели генерал Макартур и адмирал Немитц.

Тактика и оператика не всегда достигали успеха, логистика же действовала успешно. Впрочем, советские партизаны временами почти парализовали германскую логистику. В будущей войне иррегулярство и ракетометание (атомное) будут опасными врагами логистики. Логистическим войскам (аппарату снабжения) придется проявлять не только рабочую энергию, но и воинскую доблесть.

Воюющая страна

Воинство ставит промышленности задачи многочисленные и многотрудные. Для конструирования нового типа подводной лодки надо сделать 15 000 чертежей. К 1945 г. германские конструкторы разработали 138 типов управляемых снарядов. Неудивительно, что американцы вывезли из капитулировавшей Германии 1500 т секретных научно-конструктивных документов.

Чтобы удовлетворять требования воинства, промышленность не только должна напрячь свои силы, но и пренебречь потребностями населения: если в 1940 г. на войну работало 15% германской промышленной способности, то в 1944 г. война поглощала 50%. Это ломает хозяйственную систему воюющей страны.

Продовольствование населения во время войны затруднено: для миллионов воинов требуется большая калорийность питания, нежели для граждан в мирное время, военные обстоятельства вызывают уничтожение продовольственных складов, агрикультура лишается части рабочей силы, отдельные районы временно или совсем выпадают из государственного продовольственного плана - стратегическое атомное бомбометание будет причинять большие бреши в продовольствовании страны. Питание немца в 1937 г. содержало 3000 калорий, а в 1945 г. - 1300 калорий. Придется экономить во всем. Например, при кормлении свиней зерном и картофелем пропадает 80% калорийности корма, поэтому государство, сперва обеспечив население зерном и картофелем, может разрешить только на излишки этих продуктов выкармливать свиней: народу придется перейти от свиного на растительные жиры. Вообще война принудит ко всенародному аскетизму. Завет «трудящийся да ест» не имеет на войне силы: и трудящемуся - полуголодный паек.

Крымская война обошлась в 9 млн. золотых долларов, Русско-японская - в 13 млн., Первая Всемирная - в 100 млрд., а Вторая - в 375 млрд. Германия в 1945 г. тратила 290 млн. марок в день. Для войны без золотого фонда она пользовалась налогами, военными налогами, военной добычей, кредитом от населения и финансовых кругов, субсидиями от союзников и заторможенной инфляцией. Война стала столь дорогим предприятием, что американский золотой запас в форте Нокс, равный 25 миллиардам долларов, не является достаточной финансовой базой войны, раз стоимость одной атомной бомбы исчисляется в миллионы бумажных долларов.

Однако экономические проблемы при всей их грандиозности нельзя считать важнейшими во время войны; проблема безопасности населения и его использования важнее всех экономических, политических и даже стратегических проблем.

В первый год войны из 80 млн. жителей на театре действий Кремль эвакуировал около 20 млн. В будущем придется каждому воюющему государству в момент перед началом войны и, во всяком случае, в первые часы ее поспешно сорвать с места жительства и эвакуировать население пригараничной, к врагу прилегающей полосы (глубиною километров в 100): надо избавить людей от гибели при применении противником тактического атомного оружия или от потерь вследствие земных или воздушных боевых действий. С такою же поспешностью придется разгрузить от детей, стариков и неспособных к труду административные и промышленные центры. Это «переселение народов» надо организовать - корм, кров, санитарная помощь, транспортные средства. Потоки переселяемых надо направить так, чтобы способные к труду оказались там, где потребуется их труд. Руководить стихиею паники - задача сложная. А противник постарается ее еще более усложнить.

Во время войны население должно быть под защитой весьма многочисленной и технически оборудованной организации активной обороны от воздушной и ракетной опасности. Оно, во-вторых, должно быть, по возможности, избавлено пассивной защитой от потерь: рассредоточение по окрестностям городов, сооружение бомбоубежищ и т.д. В потерпевшем городе надо потушить пожары, откопать людей, оказать им медицинскую помощь, накормить их, дать временный кров, снабдить необходимейшею утварью, а затем надо приступить к восстановлению населенного пункта и его фабрик. Для всех этих функций создаются местные команды, а правительство формирует подвижные спасательные резервы - поезда и автоколонны пожарные, саперные, медицинские, продовольственные, снабжающие утварью, строительные и технически-восстановительные.

Спрос на людей во время войны огромен. Существовало мнение, что государство мало индустриализованное может мобилизовать около 12% населения, а высоко индустриализованное - 20%. В минувшую войну вышло наоборот: Советы мобилизовали 19%, а США лишь 8%, потому что в Америке для насыщения воинства военной техникой требовалось весьма большое количество рабочих.

Главнокомандующий людскими ресурсами страны делает распределение между: 1) администрацией, полицией и приданными ей отрядами внутренней безопасности, 2) противовоздушной защитой, 3) подвижным спасательным резервом, 4) торговым, школьным, медицинским, народно-увеселительным и другими аппаратами и 5) производственной силой в науке, в промышленности добывающей и обрабатывающей и в агрикультуре.

Каждой категории профессий мирного времени дается коэффициент военной полезности: в Германии призвали в войска только 9% рудокопов, но из числа парикмахеров было призвано 66%: без руды нельзя воевать, без частой стрижки можно.

Женщина в дни войны принадлежит не семье, а воюющему государству. Когда Гитлер призвал под ружье 66% мужчин в возрасте от 18 до 45 лет, а не взятых в воинство привлек (в возрасте от 16 до 65 лет) к военно-промышленному труду, тогда и все женщины от 17- до 45-летнего возраста были поставлены на работу в промышленности или включены в единицы воздушной защиты. Не считая сотни тысяч девушек, несших вспомогательную службу в воинстве (связистки, писаря и т.п.), 200 000 женщин стали наблюдательницами, прожектористками, телефонистками и даже пушкарями зенитной артиллерии.

В будущих войнах дети, ради экономии людских резервов, перестанут быть на попечении матерей и гувернанток - это расточительство, - а будут пребывать в яслях и детских садах. Питание семьями - это верх расточительности людской силы, оно будет воспрещено: все кормятся в общественных столовых. Мелкие торговые предприятия будут закрыты - сравнительно малочисленный персонал больших магазинов будет обслуживать публику, продавая строго стандартизированные товары. Если война будет вестись между демократией и коммунизмом, то коммунизм окажется вынужденным, как и в минувшую войну, поступиться своей тиранической идеологией, демократии же придется поступиться индивидуальной свободой и перейти к почти коммунистическому устройству жизни. Когда демократия победит и победою раздавит идеологический коммунизм, то не будет ли она вынуждена, залечивая раны, сохранить у себя введенный во время войны практический коммунизм? И «принц-парадокс» Оскар Уайльд не додумался бы до такого потрясающего парадокса!

Нехватку в рабочих руках будут уменьшать постановкой на работы военнопленных, вербовкой рабочих в оккупированных областях и покупкою людей в нейтральных странах на манер послевоенной сделки между бедной людьми Францией и бедной углем Италией: за каждого человека четыре тонны угля. Несметные количества китайских кули работали во время войны на советских заводах. Теперь придется с континента на континент переселять миллионы рабочих к фабрикам или же фабрики перемешать в земли, где есть избыток рабочих рук.

В прежнее время численность действующей армии определялась стратегической потребностью и, лишь во-вторых, экономическими возможностями страны. Теперь же воинство может взять из народа только то, что останется от населения по вычете армии труда и ее обслуживающих корпусов воздушной обороны, внутренней безопасности, корпусов хозяйственного и административного. Воинства будут миллионными, но не многомиллионными.

В 1944 г. Гитлер призвал 15-летних мальчиков и поставил их к зенитным пушкам; а в 1945 г. он их там заменил женщинами, их же включил в боевое ополчение. В этой предельной бесчеловечности виновна не диктатура, а демократия: мстительность Рузвельта и Черчилля, требовавших безоговорочной капитуляции, питала безумие Гитлера и упорство Германии. Идеологические войны свирепы. Будущие войны будут еще более идеологическими, еще более свирепыми. «Горе побежденным!» - это устарело. Теперь - «Горе побежденным и победившим!». По сравнению с современной войной, Отечественная была лишь неудавшейся военной прогулкой Наполеона, а Троянская - затянувшимся пикником Менелая.

На пепелище права

...Сделан набросок лика войны. Он страшнее злобных образин идолов Китая. Он страшит человечество, но все же люди будут вынуждены поклониться немилосердному истукану.

Тогда столкнутся в преодолении ужасов войны фанатическое спокойствие азиатов, энергия племен вступающей в жизнь Африки и сознательная воля белых народов, которая в час смертельной опасности приходит на смену обычному легкомыслию. Упорство, организованность и экономическая сила Западного блока победят напористость коммунизма и выносливость его российского и китайского рабов. Запад может преодолеть утомление, лишения, кровавые потери. Не одолеть ему лишь истребительности атомного оружия. Скученность западных народов и их нервность создают большую физическую и моральную уязвимость, по сравнению с СССР.

Садясь за шахматный столик, стратегия Запада не должна сметь предложить шахматный гамбит: он привел бы к получению мата. Стратеги должны угрозой атомного рипоста чудовищной силы удерживать безумие и низость властителей Востока от «развязывания» атомных стратегических действий. Блок свободы и человечности должен вооружиться для безатомной победы. Такой стратегией Запад не только избежит гибели, но и предотвратит совершение человечеством самоубийства.

Но и не согрешивши атомно, человечеству придется, после Третьей Всемирной, отмаливать множество грехов. Оно еще не отмолило грехов, свершенных во время Второй Всемирной.

Пусть, по выражению кайзера, международный договор - не более чем клочок бумаги. Это - договор фальшивый, подобный коммерческому: его иногда расторгают. Но договоры моральные нерасторжимы. Даже «жестоковыйный» еврейский народ старался выполнять договор с Богом. А теперь, во время минувшей войны, люди расторгли договор с Богом, поправши моральные обязательства. Эти обязательства были зафиксированы и формулированы параграфами резолюции Гаагской конференции «О законах и обычаях сухопутной войны». В 1912-1914 гг. знатоки международного права стали давать этому соглашению талмудское толкование: для спасения государства можно нарушить эти законы и обычаи, но для выполнения тактических или оперативных планов - нельзя. С этим «нельзя» Черчилль не посчитался и, нарушив § 25 Гаагской конференции, приказал, лишь только стал верховным стратегом Британии, приступить к террористическим бомбежкам. Среди каждых 100 жертв этого стратегического террора было: 20 стариков, 20 детей, 40 женщин и только 20 мужчин (в том числе раненые инвалиды).

Существовали международные правила обращения с военнопленными. С ними перестали считаться: пленных заставляли работать в военной промышленности и тем способствовать их врагу; их поворачивали на 180 градусов и побуждали воевать против родного войска; советские партизаны безжалостно уничтожали пленных; осенью 1944 г. французский командующий генерал приказал за каждого своего солдата, убитого из засады, казнить 5 военнопленных германцев.

4-я Гаагская конференция (1907 г.) установила правила участия населения в военных действиях: партизаны должны носить отличительный знак и не смеют снимать его или прятать оружие; только законная власть может назначить им ответственных начальников; партизанские отряды обязаны соблюдать военные законы и обычаи; после капитуляции всякое сопротивление должно прекратиться. Ничто из этого не выполнялось. Партизаны были не явными воителями, а коварными убийцами; зачастую возглавляли их безответственные, никем не назначенные атаманы; руководили ими не законные правительства, а беженские комитеты (поляки в Лондоне) или представители иностранных властей (сын Черчилля и генерал Маклин при Тито); коварство и жестокость итальянских, французских, польских партизан не поддаются описанию...

Моряки тоже грешили жестокостями. В 1943 г. у Новой Гвинеи американские катера и самолеты топили японцев (пехоту и матросов), пытавшихся вплавь спастись с потопленных пароходов; японские крейсера в Индийском океане, чтобы скрыть свое присутствие в этих водах, топили пароходы вместе с командами; англичане делали то же самое в Атлантическом океане просто из злобы против германских «прорывателей блокады» (грузовых пароходов).

Жестокость в отношении не воевавшего населения не имела границ. Пример тому показали, конечно, англичане, всегда старавшиеся «усовершенствовать» войну: впервые в 1900 г. генерал Маскуэл соорудил концентрационный лагерь и засадил в него около 120 тысяч бурских женщин и детей, заморивши в нем насмерть 30 тысяч. Гитлер соорудил множество концентрационных лагерей и в них предписал жестокость общую, жестокость специальную (медицинские опыты над людьми) и жестокость «библейскую» (расовое истребление). Режим в отношении «остарбайтеров» был бесчеловечен. А насильственное возвращение после войны миллионов этих несчастных россиян, равно как изгнание немцев Польшей и Чехословакией, относится также к категории военных преступлений (при изгнании погибло полтора миллиона немцев, а сколько погибло из возвращенных россиян, никогда не станет известным).

Заложенное Русским Царем здание международного права сожжено во Вторую Всемирную войну. На его пепелище пытаются - без всякого воодушевления - строить какие-то шалаши: на большее не хватает у государства доброй воли. Красный Крест хочет контрабандой протащить воспрещение истребительного оружия, осторожненько включив туманную о том фразу в проект Конвенции о защите населения. Проект этот, плохо защищая население, выдает с головой офицеров, давая всеми параграфами возможность каждому пострадавшему от войны лицу возбуждать против офицеров обвинения в совершении «военных преступлений», ставя им в вину поступки, проистекающие от естества войн и от природы воинской дисциплины. Конвенция 1949 г., не воспретив гражданам убийство воинов из-за угла, воспретила взятие заложников и репрессии: воинство выдано на произвол террористов.

Права военнопленных снова ограждаются, но признается ли право казнить военнопленных, если они в плену продолжают воевать, как это делали краснокорейцы?

В 1950 г. Организация Объединенных Наций разработала «Свод законов, гарантирующих мир и безопасность человечества». В этом шедевре фарисейства предусмотрены три группы преступлений: против законов и обычаев войны, против человечества и против мира. Что сие означает, можно судить по тому факту, что в Нюрнберге германским адмиралам ставилось в вину, что они создавали перед войной флот «для агрессии». Теперь надо рекомендовать адмиралтействам творить военные флоты для рыболовства или для народного туризма.

К международному праву приложимо пессимистическое мнение Сократа: «Разве право когда-либо остановило кого-либо от захвата того, чем он был в состоянии овладеть?» Однако в недавнее время в Финляндии никто не замыкал домов: в морально здоровой среде право даже и не нуждается в силе. Международному же праву недостает и принудительной силы и - в наш век - морально здоровой среды. Что может поделать право с логикой поклонников истребительного оружия, говорящих: принципы могут быть моральными или аморальными, техника же нейтральна, а поэтому применение такой техники, как водородная бомба, не противоречит морали, не является аморальностью? <...>

«Победителей не судят». Это значит: прощаются воину ошибки в ведении военных операций, раз довел до победы. Теперь же «победителей не судят» стало означать: победителей не надо наказывать за беззаконные действия, побежденных же можно казнить за законные. Победа или поражение определяют отношение к «военным преступлениям» -

такова мораль века.

Впрочем, английский генерал Гаррис, издавна специализировавшийся в Индии, Месопотамии и Тринидаде на аэрорепрессиях, возглавивший в минувшую войну террористическую авиацию Англии и после войны заявивший, что выполненное им в 1943 г. сожжение Гамбурга и его жителей фосфором было большей победой, нежели Сталинградская, и имело большее значение, чем высадка в Нормандии, этот Гаррис оказался единственным британским высшим военачальником, не получившим пэрского достоинства. И никто из летчиков террористической авиации не внесен в хранящуюся в Вестминстерском аббатстве почетную книгу погибших при обороне Острова. В Англии после войны «совесть Господь пробудил». Немножко.

Было бы лучше, чтобы совесть пробуждалась не после войны, а во время ее. Народам, правительствам и их воинствам придется бороться против больших искушений: современная дипломатия, политика, стратегия и военная техника таят в себе соблазн идти к победе бессовестным манером.

Только две силы могут воспротивиться этому искушению: страх Божий и воинская честь.

* * *

Пацифизм был мечтой о всеобщем прекраснодушии. Он стал пораженчеством, когда ограничился проповедничеством на Западе, не проникая на агрессивный Восток. Пацифизм был фантазией. Он стал реальным предательством, когда начался поход коммунизма ко Всемирной Революции.

Совесть, разум и инстинкт самосохранения требуют сопротивления коммунизму. Когда откажут другие способы - сопротивляться войной. Поклониться войне, как бы страшен ни был лик ее. Страшное не устрашает мужественного. Не в силах современный человек сделать лик войны не страшным. Но в его силах не допустить, чтобы он стал подобным смертоносному лицу Медузы-Горгоны.

Запад должен отказаться планировать войну в атомном стиле - как стратегически, так и тактически. Назначением атомного оружия должно быть - обоюдное принуждение не применять атомного оружия. Страх перед возмездием удерживает от преступления. Даже бесчестнейший полководец не посылает к противнику тайных убийц, потому что опасается, что такой способ борьбы обратится против него же.

Малодушие утверждать, что Запад иначе, как атомным оружием, не может победить красный блок. Победе Запада благоприятствуют соотношения потенциалов численности, экономики, техники и в особенности социала и политики: на Западе меньшинство бедно и антинационально, а на Востоке большинство нище и антикоммунистично.

Угрозой истребления изъявши из войны истребление, мы удержим ее на базе многотысячелетнего военного принципа силою духа и оружия принуждать противника к прекращению сопротивления. Война остается ужасной вследствие ее грандиозности, многосложности и тотальности. Герои Троянской войны ужаснулись бы размеров и стиля войн Ксеркса; Александр Македонский растерялся бы на месте Наполеона; а «Маленький капрал» дивился бы Гинденбургу, Фошу, Эйзенхауэру, их способности руководить операциями в грандиозно-хаотичных войнах. Руководить хаосом невозможно, но руководить в хаосе можно и через хаос прийти к победе можно. Надо лишь быть мужественным. Надо лишь перед войной не устрашиться войны и надо во время войны не утратить мужества. Запад

думает, что в пантеоне войны главный бог - Плутон-техника; он должен уверовать, что доблесть - это Зевс между богами. Побеждают не оружием, а доблестной уверенностью в себе. Побеждают верою. Константин победил не усовершенствованием оружия, а «Сим победиши».

Месснер Е. Лик современной войны. - Буэнос-Айрес, 1959.

МЯТЕЖ - ИМЯ ТРЕТЬЕЙ ВСЕМИРНОЙ

В коммунистическом мире думают, что надо делать Всемирную Революцию. И заблуждаются: она уже сделана. В демократическом мире прилагают усилия, чтобы Всемирная Революция не совершилась. И заблуждаются: она уже совершилась. Стало заблуждением деление человечества на два мира: ныне существует один революционированный мир, в котором железный и бамбуковый занавесы отделяют страны с более углубленной революцией от государств с менее углубленной. А то, что называется борьбою за Революцию и против Революции, есть на самом деле борьба за углубление или против углубления происшедшей Революции.

В вышеприведенных утверждениях, как и в последующих главах этого очерка, нет ни любви, ни ненависти к Всемирной Революции, как не бывает у метеоролога ненависти или любви к циклонам: исследование причин исторических явлений, их свойств и последствий должно быть безгневным. В двух всемирных войнах и во многих местных родилась и развивалась Всемирная Революция, войны сплелись с мятежами, мятежи - с войнами, создалась новая форма вооруженных конфликтов, которую назовем МЯТЕЖЕВОЙНОЙ, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения. Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения, и в первую очередь с психологической: если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали доминирующими. Народное войско - психологический организм, народное движение - сугубо психологическое явление. Война войск и народных движений - мятежевойна - психологическая война.

Теория такой войны - огромная целина, которую надо вспахать тракторными плугами политико-психологической и военно-психологической научных мыслей. Автор этого очерка дерзает проложить и своей сохой неглубокую борозду. Труды генерала Хольмстона поднимают русскую десятину этой целины, но, может быть, будет нелишним и этот скромный очерк того, что носит в невоенной прессе наименование «психологическая война». Наименование это общеизвестно, но смысл его ясен далеко не всем. Автор делает попытку уяснить его тем, кто с тревогой или отчаяньем, с сомнением или отвращением, с непониманием или неясным пониманием глядит на происходящее вокруг нас во взвихренном человечестве.

На каждую революцию люди глядят глазами возмущения или покорности, горя или восторга. Одни приемлют революцию, другие не приемлют. Но и неприемлющие не должны уподобляться даме, пережившей землетрясение и потом говорившей: «Землетрясение - ужасная гадость! Я не признаю землетрясений!» Нельзя не признать факта, что Всемирная Революция настала и развивается. Участники и жертвы какой-либо революции или же ее сторонние наблюдатели могут ее оценивать по-разному: она возникла без всякой к тому надобности как следствие преступного заговора или, наоборот, страна была «беременна революцией» и поэтому переворот был необходим. Установление истины в этом вопросе может иметь для политиков большое - и не только теоретическое - значение. Но стратег, разрабатывая свой план военных действий, не задумывается над вопросом, была ли необходимость в возникновении войны - с нею он считается как с реальностью. Подойдем и мы к факту Всемирной Революции «sine

ira et studio» (без злобности и склонности. Тацит)[1] и, вооружившись, подобно стратегу, анализом, проложим путь к синтезам стратегического характера.

Всемирная Революция

Перманентность революций. Сара Бернар рассказывала, что во время ее гастролей в столице одной центральноамериканской республики правительственная ложа была полна министров; во время второго акта ложа пустовала; а когда начался третий акт, ложа наполнилась другими людьми: произошла революция и в зрительный зал явилось новое правительство. Этот анекдот о блицреволюции так же неправдоподобен, как теория блицкрига: на наших глазах разыгралась только одна молниеносная война - франко-английско-израильский удар у Суэца, когда в течение нескольких дней Египет понес военное поражение, а авантюристическая коалиция потерпела поражение дипломатическое. (Походы Гитлера в Польшу и Францию состояли из двух фаз каждый; фаза классического воевания в стиле блицкрига и затем многолетняя фаза мятежевоевания - Армия Крайова и Резистанс продолжали бороться до дня капитуляции Германии.)

Не бывает блицреволюции. Даже простейший вид революции - дворцовый переворот - не мгновенная акция: воцарение Екатерины II не было делом одной ночи и делом братьев Орловых - революция произошла и имела успех в результате политического процесса в петербургской знати и гвардейском офицерстве.

Трудно, а иногда невозможно установить момент начала революционного процесса и фаз его. Когда началась революция, получившая название Февральской? Что было началом? Бабий бунт в Петрограде? Убийство Распутина? Пушечный выстрел по Царю во время крещенского водосвятия? Смерть Столыпина от руки Богрова? Выборгское восстание? Бунт матросов в Кронштадте и запасных во Владивостоке? Каждый из этих заметных моментов был предшествуем месяцами или годами малоприметного накопления революционной энергии. Во Франции условились днем Великой революции считать тот, когда была взята Бастилия. А в какой момент произошла российская «бескровная»? Было ли концом режима самовольное свержение Протопопова князем Голицыным и Советом министров? Или час, когда на станции Дно власть ротмистра Вороновича оказалась мощнее власти Императора? Или подписание Царем акта отречения? Или, наконец, развеяние последнего шанса монархии - отказ великого князя Михаила вступить на завещанный ему трон?

В словарях слово «революция» определяется как коренной и резкий переворот в общественно-политических отношениях. Но обычно дело бывает сложнее мгновенного взрыва: выстрел из пушки - это коренной и резкий взрыв, а работа мотора внутреннего сгорания - множество последовательных взрывов. Так и серия переворотов сливается в перманентную революцию. В древнегреческой трагедии внезапно, по замыслу автора, появлялся deus ex machina[2], и этот бог вмиг развязывал узел отношений между героями драмы. Такой сценический эффект невозможен в жизни народов: глубокое изменение общественных отношений достигается не ударом молнии, но цепной реакцией, не вспышкой огня, но продолжительным горением. Чем глубже переворот, тем перманентнее революция. Всемирная Революция весьма перманентна.

Что считать началом Всемирной Революции? Установление ли в Организации Объединенных Наций вето, давшего Кремлю право перечеркивать планы стабилизации мира в мире?

---

1 Чаще в переводе - «без гнева и пристрастия». - Ред.

2 Бог из «машины» (лат.). - Ред.

Или провозглашение Хартии прав человека, освободившей человека от каких бы то ни было обязанностей? Или выработка Людендорфом германского военно-хозяйственного плана (1916 г.), прототипа планового хозяйства, отменяющего старый принцип Laisser faire, laisser passer?[3]

У Всемирной Революции не одно начало, а шесть, потому что она возникла на шести плоскостях: сознания, нравственности, социальных отношений, экономики, политики и дипломатии (международные отношения). Нет синхронизации революционных моментов на этих шести планах: на каждом из них особый начальный момент и темп, и размах.

Предвестники Всемирной Революции XX в. обнаружились в XIX в.: например, Коммунистический манифест, изобретение мотора внутреннего сгорания, непротивленчество Льва Толстого, открытия Эдиссона и т.д. Частью идейные, частью вещные факторы, возникшие в последние годы минувшего столетия, стали на грани веков уже революционно-мощными и сделали в нынешнем столетии Всемирную Революцию. Размеры ее и глубину можно себе уяснить сопоставлением дореволюционного (примерно 1900 г.) состояния человечества, государства, человека с их нынешним (1960 г.) состоянием.

Народные движения

О психологии народных движений. Понятие «народное движение» охватывает и повсеместное на территории СССР, длительное сопротивление народа сталинской коллективизации и однодневный энтузиазм горожан России во время продажи в 1913 г. белой ромашки (уличный сбор на борьбу против туберкулеза). Революция - если это не дворцовый переворот - народное движение. Мятежевойна, война всем народом - народное движение. Необходимо взглянуть на народные движения с точки зрения психологии, чтобы иметь возможность установить некоторые основные принципы мятежевойны.

Революция - явление психологическое. Резкие и радикальные изменения в психике людей - это революция. Вызванные этим революционные изменения форм жизни людей являются не более чем внешним проявлением духовного переворота.

Психика человека и психика человеческих масс так же различны, как дуб и дубовый лес. Народ - не люди. Толпа в 1000 человек не есть алгебраическая сумма 1000 эмоциональностей и 1000 интеллектов. Когда в германский парламент избрали 130 профессоров, то говорили: «130 Professoren! Vaterland, du bist verloren», потому что толпа из 130 умов не образует 130-кратный ум, но может образовать нечто неумное и даже безумное. В толпе человек чувствует, мыслит, поступает не так, как ему свойственно чувствовать, мыслить, поступать в одиночестве или в общении с несколькими людьми. В буйной толпе буйствует и кроткий, в воинственной - воинствует и мирный, в безумствующей - безумствует и умный.

Искусство революции заключается в учете, каковы в данный момент отклонения психического состояния данной массы людей от нормы. Учтя это, революция формулирует притягательные, зажигательные лозунги. А затем из состава аморфной народной массы формирует активную народную толпу, руководимую революционными вожаками. Революция пользуется психическими процессами в аморфном (в массах), чтобы при помощи активных сил (толп) изменять формы жизни.

Человек-индивидуум бывает порядочным, честным, совестливым, а человеко-толпа духовно слепа. Человек-индивидуум бывает культурным, цивилизованным, политически грамотным, а человеко-толпа - варвар и невежда. Индивидуум бывает сдержанным, собою управляю-

---

3 Невмешательства (фр.). - Ред.

щим, а толпа экзальтированна, неуравновешенна, нуждается в руководстве и легче позволяет вести себя по пути ненависти, чем по пути преданности: коленопреклоненная на Дворцовой площади (июль 1914 г.) толпа - редчайшее явление. Народная масса охотнее идет за демагогом Каталиною, нежели за трибуном Цицероном. Она готова обожествлять своих любимцев: от Папы требовали канонизации Евы Перон, про Фиделя Кастро пишут, что он - воплотившийся Христос.

Вожакам народных движений не обязательно иметь качества Гарибальди, Робеспьера, Сунь Ятсена: упрямый тупица Ленин одолел революционно одаренного Троцкого. Среди «генералов от революции» этого века в Европе лишь д'Аннунцио был отмечен печатью гениальности (литературной), прочие же - люди серые, дюжинные во всех отношениях, кроме одного: революционной одержимости. Для революционного вождизма не требуется большой образованности: уже Гераклит сказал, что многознание не научает иметь ум, а революционный ум и подавно не приобретается многознанием, ибо он эмоционален, а не рационален. В действиях Гитлера было мало логики ума - в них была логика чувств. Народная масса мало восприимчива к логике ума, но легко поддается логике чувств. Масса идет за человеком, чье невежественное самомнение ей кажется уверенным знанием пути; идет за полуинтеллигентом-неудачником в жизни, чья озлобленность ей кажется победоносной убежденностью; идет за политическим шулером, потому что демагогию принимают за народолюбие, а это для массы крайне важно: кого признает за своего, тому дарит свое доверие. Ленину из дворян поверила, что он расправится с дворянами-помещиками, Тито Брозу, интернационалисту, югославская нация поверила, что он освободит ее от немцев. Таинствен этот процесс зарождения доверия. Бесспорно лишь одно: если душа народной массы исполнена зла, она отзовется на подстрекательство к злодеяниям и пойдет за злодеем; если же в ее душе пробудятся добрые начала, то она воспримет добрые слова, В 1919 г. венгры поддались наговору палача Бела Куна, но через год стали под власть рыцаря адмирала Хорти.

Человек, капелька народного моря, живет чужими мыслями, для него сформулированными. Масса не восприимчива (как утверждает Лебон) к слишком новым мыслям и не реагирует на слишком старые мысли: масса подымается и спускается со ступеньки на ступеньку. В 1915 г. английский народ отклонил мысль об обязательной воинской повинности - неслыханное новшество! - и лишь постепенно освоился с нею; сейчас он не внимает левым лейбористам, лансирующим устаревшую мысль о «сплэндид изолэйшен».

Народные массы воспринимают идеи только при посредстве лозунгов. Выставление лозунгов - искусство трудное. В 1917 г. формула «мир хижинам, война дворцам!» была призывом к внутрироссийской революции, а когда народное ухо научилось воспринимать интернационалистические звуки, она была заменена паролем Всемирной Революции: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!» Народ при нормальной температуре видит спокойные сны - «сорокачасовая рабочая неделя», «избирательное право для женщин», - но в революционной горячке бредит фантастически - «черный передел» у русских в 1906 г., «маре нострум» у Муссолиниевых итальянцев. Гипнотизирующие вожди, зажигательные лозунги, эффектные демонстрации побуждают к поддержке самой неистовой догмы, догмы порока или добродетели. Парижане и парижанки несметными толпами экстазно шли за несомой на носилках обнаженной проституткой, изображавшей «богиню разума», а 15 лет спустя они же шествовали в столь же многочисленных католических процессиях, благочестиво держа в руках зажженные свечи и изображая свое покаяние тем, что единственным одеянием мужчин и женщин была рубашка (у женщин прозрачная, кружевная).

И в спокойной обстановке создаются ураганы мнений, против которых бессильны логика и факты. Дело Бейлиса в Киеве и дело Дрейфуса в Париже вызвали такие психологические бури, что российский суд поддался интеллигентскому нажиму, а французский устоял только потому, что был военным судом. Народ глядит на этикетки, не проверяя содержимого пакетов. Ярлык «Осторожно! Яд!» наклеен ныне на феодализме, колониализме, агрессии, империализме, милитаризме, и люди стали чураться этих понятий. Ярлыками зачарованный обыватель думает, что для морали его юноши-сына опаснее увидеть винтовку, чем журнал, полный изображений женского тела. Демократически настроенный гражданин, при виде роскошного «уличного крейсера», говорит с презрением: «феодальный автомобиль». Так же бесконтрольно усваивают люди этикетки, рекомендующие: «современно», «прогрессивно», «демократично». Извращения Пикассо принимают как достижения, утопию де Голля - за государственную программу, свирепость Фиделя Кастро - за несокрушимую волю, интригу Хрущева - за дипломатическую одаренность.

Ни народ в целом, ни часть его, сгрудившаяся в толпу, жаждущую действия, не способны самостоятельно мыслить и действовать и проявлять свои чувства. Народ - пассивная сила: сила сопротивления или сила сочувствия. Толпа - активная сила, это - машина, в которую вложена народная энергия; но машина эта не самостоятельна: и автомобиль-самоход не сам ходит - им управляют. Толпами управляют общественные организмы, разного рода сообщества с вожаками во главе. Психологическая база - это народная масса; активность - это психологическая толпа; руководство - это сообщества во главе с их председателями, лидерами, фюрерами. Эти последние - герои, а иногда «герои» в кавычках - делали и делают историю. Но в нынешнюю эпоху, когда культ героя в войне и в политике заменен культом «неизвестного солдата», водительство иногда уподобляется езде на взбесившемся коне.

О революционных движениях. Всемирная Революция форм общественной жизни человечества пользуется перерождением психики людей и человечества, происходящим на протяжении последних десятилетий. Имя этому перерождению - большевизм.

С балкона дома Кшесинской Ленин провозгласил российскому народу свободу выявления максимализма в политике, в социальной жизни, в личной жизни и во внутренней жизни человека: дозволено все - от грабежа «награбленного» до полового разврата. Большевизм перестал быть доктриной ленинского крыла социал-демократической партии, но стал психическим поветрием. К большевизму тянется всяк, кто обижен жизнью, кто живет в нужде и не желает с этим мириться, кто лишен чего-то, что кажется ему необходимым, кого гнетет зависимость от кого-либо, кто чувствует себя национально порабощенным, в ком нарастает страстная мстительность, в ком эта страстность выкорчевывает унаследования верования и подавляет природные добрые задатки.

Люди, проделавшие две всемирные войны и прочувствовавшие непосредственно или при посредстве газет и радио десятки локальных войн и политических переворотов, недоворотов, заворотов, экономических кризисов, перемен конъюнктуры, народнохозяйственных депрессий, девальваций, пережившие, как жертвы или как свидетели, депортации, репатриации, эвакуации, - утомились жить, утратили смысл жизни, впали в безысходный пессимизм. А молодежь, в нервных условиях современности преждевременно достигающая полового, морального, умственного, социального, политического созревания, живет без идеалов, без идей. Беспризорные дети «промотавшихся отцов» стоят пред призраком атомного всеуничтожения и усваивают простую жизненную философию: «Жизнь коротка - пользуйся ею!» Отсюда бешен-

ство эгоцентризма; отсюда - потребность в насильнических действиях, в иррациональных, беспричинных буйствах; отсюда - экзальтированный материализм, сопряженный с нигилизмом (не с тем базаровским, позерским, снобистским, а с трагическим нигилизмом людей, для которых прошедшие века, годы и дни - nihil, настоящее - nihil и, что ужаснее всего, будущее - nihil).

Опустошенные души старших поколений и нигилистические души молодежи - вот тучная нива, на которой произрастает большевизм. Это пагубное терние заглушило в людских массах ростки общественных начал и старое определение «человек есть животное общественное» стало условным: общественным бывает лишь в моменты, когда в нем пробудятся дремлющие или крепко спящие силы Добра, а вообще же он - животное стадное.

Большевизм изломал психику народных масс. Поэтому в каждом народном движении нашего времени - революционном, ре-революционном, контрреволюционном - неизбежны примесь или хотя бы налет большевизма. Гитлер - национал-большевик, Неру - космополито-большевик, Рузвельт - демократо-большевик, Фарук - монархо-большевик. Покуда большевизм смешивали с ленино-сталинским коммунизмом, оскорбительным и чудовищным было наименование «большевик справа», но профессор И.А. Ильин разграничил понятия (большевизм - это брожение, коммунизм - это консолидация) и теперь нет диффамации в словах «большевизанствующий капитализм», «пробольшевистский парламентаризм», «либерало-большевик», «большевик справа». Почти каждая политическая и социальная группа, почти каждое рационалистическое или идеалистическое движение носят в себе бациллы большевизма, ибо они повсеместны. Даже «Хартия прав человека», провозглашенная 10.11.1948 г. наивно-гуманными представителями 58 государств, имеет большевистский душок: она, как речь бессовестного демагога, кричит о множестве прав и умалчивает об обязанностях - это именно и характерно для большевистского миропонимания, охватившего свет.

Большевизм, то есть психическое состояние брожения, консолидируется в тоталитаризме, из разновидностей которого коммунизм является наиболее организованным и наиболее активным во Всемирной Революции. Коммунизм дает большевистски настроенным людям политическую, социальную и моральную программу и таким образом их революционное мышление и чувствование превращает в революционное делание.

Улица Курфюрстендамм в Западной части Берлина восстановлена постройкой огромных, роскошных домов, а на главной улице Восточного сектора города коммунистами возведены лишь фасадные комнаты домов, скрывающие развалины, неустраненные с 1945 г. Немцы знают об этом доказательстве преимуществ свободного творчества над социалистическим, и все же 40% немцев в Западной Германии голосуют за социалистическую партию. Мир знает лживость коммунизма, но много людей в мире коммунистично или прокоммунистично. И это - потому, что людей не интересует конструктивная часть коммунистической программы: их привлекает ее деструктивная часть. Префект парижской полиции сказал однажды: «Думаю, что мой отец подал голос за коммунистическую партию: он недоволен нынешним правительством».

Всяк, с основанием или без основания недовольный законом, властью, жизненными условиями, или своими личными обстоятельствами, или просто самим собою, тяготеет к коммунизму, как к протесту, как к надежде на перемену. На перемену к лучшему или к худшему - все равно, лишь бы не стало того, что ныне стало невыносимым. Эта потребность к протесту, к переменам ради перемен разломала бы уже и коммунизм, если бы он не ограждал себя полутеррором в партии и террором вне ее.

Коммунистическому революционному движению противопоставляется демократия. Но демократия изъедена большевизмом, как старый халат молью. Что осталось от формулы «свобода, равенство, братство»? Кто требует свободы, но не признает ограничения ее совестью, законом или чьим-либо авторитетом, тот идет к анархии. «Я часто просматриваю свою совесть», - солгал однажды Черчилль: у него, как и у большинства политиков, кормчим души стоит не совесть, а популярность. Законы же перестали быть якорями отечества, потому что они продиктованы не сознанием о благе государства, а расчетом выгоды для той или иной комбинации партий. Авторитет демократических вожаков вспыхивает болотными огоньками и затухает: где блеснувший было Мендес-Франс? Где Пужад, воитель против налогов? Долго ли будет блистать авторитет де Голля?

Демократия была тиранической. Ее инквизиция отличалась от папской лишь тем, что жгла людей не на дровах, а на столбцах газет. В России демократия требовала преклонения перед графом Львом Толстым и пренебрежения к графу Алексею Толстому, одобрения писаний Короленко и порицания Лескова. Ныне демократия не деспотствует. Она уже не нападает, но обороняется. Теряет позицию за позицией в политике, в социальной жизни, в экономике, в философии. Herbart писал (1806 г.): «Этика указывает путь, педагогика - цель». Где теперь выявлялась этика демократии? В Тегеране и Ялте? В Лиенце? Или в Индии, где примернейший демократ сделал далай-ламу узником? Этика стала диалектикой. А педагогика уступила свои целеуказательные функции пропаганде. Кто ныне помнит о Песталоцци? А о Геббельсе помнят.

Демократия, защищаясь от коммунизма, углубляющего Всемирную Революцию, сама ее углубляет: Англия, Франция, Бельгия торопятся сломать колониальную систему, пока ее не сломали сами колонии; США и Англия рубят устои капиталистической системы, прижимая финансовых магнатов налогами; Германия конструирует войско без воинственности (милитаризма); Спаак в Бельгии превратил короля в марионетку; Швеция стала социалистической монархией. Организация Объединенных Наций при помощи ЮНЕСКО пытается стереть различия национальных культур.

Христианство пассивно противится большевизму и коммунизму. От него откололись группы и сдружились с движениями всемирного переворота. Кентерберийский декан Hewelt Johnson, не понимающий, что не может быть христианства без веры во Христа, уверяет, что «Советский Союз, Китай и все восточные земли - христианство на практике». Не столь кощунственно, но в том же духе готово мыслить экуменическое движение. Христианскую мораль подрывает с коммунизмом прямо не связанное атеистическое движение в землях Свободного мира: атеизм из снобистского неверия прошлого века превратился в популярную веру, что недопустимо верить в Бога.

Масонство, хотя и не массовое движение, играет на сцене Всемирной Революции большую роль, как сила антихристианская, антинациональная и антигосударственная. К той же цели дисквалифицирования государства, нации стремится космополитическое движение: пока только один чудак или шарлатан объявил себя «гражданином мира», но множество людей, не объявляя этого, чувствуют себя выросшими из своего национального костюма. Сильнейшей колонной интернационализма является социализм, стремящийся разделение мира на государства заменить разделением на пласт профессионалов труда и пласт профессионалов капитала. Строительство социализма не удалось Ленину, Сталину и Хрущеву, но это не уменьшает апломба социализма, думающего, что Олленхауэр, Молле, Ненни, Мох, Спаак, Бевин, а может быть, троцкисты знают хороший способ насаждения социализма.

Пацифизм, превратившийся из гуманитарного Манилова в просоветского Собакевича, усыпляет инстинкт самосохранения свободных народов. Племенные и расовые движения - от бессмысленной хорвато-сербской антипатии до ненависти желтых, коричневых, оливковых, черных народов к белым народам - создают конфликты внутригосударственные (Алжир), двугосударственные (итало-австрийский из-за Южного Тироля) и континентальные (Азия и Африка против Европы). Кафры так же не признают бурских прав на Трансвааль, как арабы не признают еврейских прав на Палестину. Племенные движения переплетаются с экономическим антиколониализмом. Все эти движения рушат остатки старого порядка в мире. Приблизился не только конец старого порядка, приблизился якобы и конец мира. В это начинают мистически верить христиане, что приводит их к сознанию бесполезности борьбы против грядущего Антихриста и его победной Революции.

Неофашизм, неонацизм, активные христианские и магометанские группы, антисемитизм, тайные негритянские сообщества отравителей и душителей, троцкизм, титоизм, ревизионизм в коммунизме, нейтрализм удлиняют список движений, в которые вовлечены люди обоих полов, всех возрастов, всех уровней умственного и духовного развития, общественного и имущественного положения, всех видов национальной особенности и государственной принадлежности. Направления этих движений то параллельны, то противоположны, то соприкасаются, то пересекаются. Это многообразие идейных и материалистических устремлений не только способствует Всемирной Революции, но и создает такие узлы, которые могут оказаться опорными точками Всемирной Ре-революции. Вспышка юдофобства, внезапной «цепной реакцией» проявившаяся на пространстве от Берлина и Лондона до Вашингтона и Токио и до Буэнос-Айреса, говорит о том, что в психически больном человечестве таятся неожиданности: и новые революционные усилия, и возможности ре-революционной активности.

О войне в революционную эпоху. Война бывает или насилием (нападение англичан на буров), или протестом против насилия (конфликт 1939 г. из-за Данцига, отнятого у Германии по Версальскому диктату). Корыстная война может прикрыться некоей идеею (Италия отняла у Турции Либию в якобы цивилизаторских намерениях), а идеологическая война может иметь меркантильную подкладку (США дважды ввязались в войну в Европе не только ради спасения демократии, но и ради поддержки европейских клиентов своей торговли). Генералы Бонапарт, Моро, Жубер, воюя, распространяли за пределы Франции идеи Французской революции - это были революционные войны. Термин «революционная война» не равнозначен предлагаемому термину «мятежевойна». Между этими двумя понятиями такое же различие, как между печенежскими зажигательными стрелами и американским напалмом. В революционной войне войска имеют, кроме войсковых знамен, и революционные. В мятежевойне военное и революционное тесно переплетено, причем революционное может превалировать над военным, мятежные действия народа могут быть значительнее воевания войска, революционные вспышки могут быть победоноснее сражений.

В классических войнах психология была дополнением к оружию. В революционных войнах к психологии войска присоединяется психология народных движений. В мятежевойне психология мятежных масс отодвигает на второй план оружие войска и его психологию и становится решающим фактором победы или поражения. Война издревле удары оружием по телу врага подкрепляла ударами по его психике. Петрово поучение, что «всему есть мать безконфузство, ибо сие едино войско возвышает и низвергает», и суворовское «кто испуган, побежден наполовину» указывали на великое значение на войне психологических факторов. Однако психо-

логический эффект достигался не только применением идейной и материальной внезапности в тактике и стратегии, но и средствами вспомогательными, прилагавшимися не столько к войску врага, сколько ко вражескому народу: золото, «прелестные письма» и устрашение пытались внести разложение во враждебное государство. Теперь эти вспомогательные средства стали главными. Во время Второй Всемирной войны англо-американцы пользовались террористическими воздушными действиями, а Советы и Англия - революционно-партизанскими действиями для психического размягчения вражеского народа и его вооруженных сил. Это не дало желаемых результатов: правда, венцы с их «Uns kann jeder» (нас может всякий) пали духом, но берлинцы в развалинах своего города оставались тверды - «Uns kann keiner» (нас никто не может). Психологическое действие сверхтеррора - атомных бомбежек - еще не изучено: опыт Хиросимы и Нагасаки говорит мало, потому что Япония капитулировала от двух атомных бомб, когда уже потеряла флот и истощила свое войско. Во всяком случае, можно утверждать, что просчитался и терроро-авиационный генерал Харрис с его истреблением женщин и детей, и советчики с их предвоенной теорией, что они в каждой вражеской стране подымут гражданскую войну: Харрис перебил в Германии миллионы небойцов, но духа народа не сломал, Ворошилов не поднял партизанщины в Германии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Японии, Индонезии, Бирме, Малайе.

Однако это - прошлое. Настоящее же свидетельствует: будущее окажется весьма революционным в дни Третьей Всемирной. Уже и сейчас классическая дипломатия частично вытеснена агрессодипломатией с ее переворотческими действиями. Уже и сейчас происходят «полувойны»: Греция воевала против Турции при помощи Гриваса на Крите, африканские государства формируют легионы для поддержки алжирского восстания, т.е. для войны против Франции. В таких полувойнах воюют партизанами, «добровольцами», подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами. За последние $1^1/_2$ десятка лет радиовещание научилось совершать пропагандные инвазии через эфир. Былая брезгливость к Азефам, Гапонам, циммервальдцам откинута, и теперь даже и глупейшее правительство понимает необходимость иметь «пятые колонны» в земле враждебной и нейтральной, а пожалуй, - в союзной. Поэтому в эпоху великого смятения душ война может легко приобрести форму мятежевойны.

В прежних войнах воинство ломало вражеское воинство, в минувшую войну воинство ломало вражеские воинство и народ. В будущей войне воинство и народ будут ломать вражеские воинство и народ: народ будет активным участником войны, и, может быть, даже более активным, нежели воинство.

В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве.

В минувшую войну линия фронта, разделяющая врагов, была расплывчатой там, где партизаны в тылах той или иной стороны стирали ее. В будущей войне воевать будут не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было с момента нарождения военной авиации, а - в четырехмерном, психика воюющих народов является четвертым измерением. Воюющая сторона будет на территории другой стороны, создавая, поддерживать партизанское движение, будет идейно и материально, пропагандно и финансово поддерживать там оппозиционные и пораженческие партии, будет всеми способами питать там непослушание, вредительство, диверсию и террор, создавая там мятеж. Правительство и войско этой воюю-

щей стороны будут привлекать все население своей страны и ею оккупированных областей к борьбе против вражеских агентов мятежа.

Войны возникали, когда мир становился несносным. А когда несносной становилась война, возникала революция. Теперь же война и мятеж почти неотделимы. В 1917 г. мятеж не хотел воевать и вопил: «Штыки в землю!» В Алжире мятеж потерял терпение и стал войною. Победители 1945 г. организовали мир еще хуже, нежели победители 1918 г., и поэтому с 1949 г. началось то, что Раймонд Арон назвал «перманентной войной», а проф. И.А. Ильин охарактеризовал как криминальную подготовку всемирного восстания. Курьезный мир, сконструированный в 1945 г., сразу стал несносным; эта несносность не могла вызвать войну между до смерти изнуренными победителями, но она вызвала всемирный мятеж. Этот мятеж делает мир все более несносным, и поэтому он не может не перейти в мятежевойну. Целью этой войны для одной стороны будет окончательное торжество Всемирной Революции, а для другой стороны - Ре-революция.

В старину воин знал, что его обязанность состоит в командовании и в послушании. Нынешний воин-гражданин не столь строг в командовании и не столь податлив в послушании. В рамках полувоинской дисциплины будут действовать такие участники войны, как партизаны, диверсанты, террористы. Мягкая гражданская дисциплина будет объединять саботажников и вредителей в толще воюющего народа. Вместо стройных колонн, направляемых волею полководца к единой тактической, оперативной или стратегической цели, будут сходиться, расходиться, сотрудничать или, враждуя, сталкиваться народные движения, разнообразные по своей идеологии, по своим интересам, по годности к борьбе, по надежности. Военачальник знает моральную и физическую силу своей единицы, а вожак мятежа не знает ни числа следующих за ним, ни их моральной крепости: борьба ведется в непроглядных джунглях духа. Воин может дезертировать, может сдаться врагу, но редко бывает, чтобы он стал перебежчиком, перекинулся на сторону врага (маршал Бадольо - трагическое исключение); партийные же сподвижники нередко становятся «перелетами»: Сталин оказался вынужденным пожрать почти всех творцов Октября, а Гитлер в апреле 1945 г. объявил своего дотоле вернейшего сотрудника «величайшим предателем всех времен».

Политика есть искусство объединять людей. Важнейшей задачей в мятежевойне является объединение своего народа и привлечение на свою сторону части народа враждующего государства. В прежние времена для образования идейной, политической базы войны достаточно было приобрести поддержку ведущего слоя в народе. Теперь каждый воин и каждый гражданин соприкасается с враждебно мыслящими, с перебежчиками, провокаторами, с неприятельскими пропагандистами, с попутными, но инакомыслящими людьми, а поэтому психологическая обработка должна распространяться на все сословия народа. Мятежевойна - это война всех против всех, причем врагом бывает и соплеменник, а союзником - и иноплеменный. У каждого человека должен быть колчан с психологическими стрелами и психологический щит.

Внешние раны - удары войском - надо наносить психологически, как Ганнибал, который в сражении у Канн приказал нумидийской коннице рубить римским всадникам лица, потому что эта аристократическая молодежь больше всего боялась быть обезображенной. Задача психологического воевания заключается во внесении паники в душу врага и в сохранении духа своего войска и народа. Полезна не только паника у врага, но и его недоверие к водителям, его сомнения в собственных силах, взглядах, чувствах. В эпоху переворота все способно к перевороту. Монархическая Германия Вильгельма II стала в 1918 г. социалистической, в 1933 г. - нацистской, а в 1945 г. - демократической, и эти метаморфозы не были лукавыми приспособле-

ниями к обстоятельствам - они были революционными переломами духа. Способность революционной психики к таким переломам делает управление мятежевойной весьма трудным стратегическим искусством.

Командовать - это значит предвидеть, разгадывать неизвестное. На войне это неизвестное подчиняется некоторой закономерности: для Наполеона законы войны были так же очевидны, «как солнце на небе», Суворову «непрестанная наука из чтениев» облегчала познание возможных путей этого неизвестного. Но «чтениев» о мятежевойне пока еще быть не может: эта форма войны не изучена и ее законы так же невидимы, как солнце в туманное утро.

О психологии мятежевойны. Проблемы психологии классической войны освещены в русской военной литературе в трудах генералов Головина («Исследование боя» и др.), Краснова («Душа Армии»), Симанского («Паника в войсках»), Геруа («Полчища»), Ольховского, полковника Дрейлинга и т.д. (из иностранных авторов нельзя не упомянуть Лебона). Над психологией партизанского воевания работает генерал Хольмстон («Война и политика» и др.). Тому же Лебону принадлежит труд о психологии революционных движений. Открытыми остаются проблемы комбинированной психологии войска и революционных движений, психологии мятежевойны. Робея перед необъятностью этой неисследованной области, попытаемся сделать один шаг через границу ее.

Старые аксиомы психологии войска должны быть видоизменены, потому что видоизменилось войско. К воину-гражданину мало приложимы суворовские требования «Солдату быть справедливу, благочестиву», в строю ему быть, как на священнодействии; он должен приучать себя к «неутомимой бодрости», ибо она есть «постоянная основа смелости и храбрости, которые суть быстротечные порывы». Воина-гражданина за его короткую и вольготную службу почти ни к чему воинскому не приучают: воинское сознание - добродетели, обязанности, навыки - не успевает углубиться в его подсознание и ему чуждо то, что Суворов выразил словами «Победи себя, будешь непобедим». Мера тягот, лишений и опасностей, которую может перенести воин-гражданин, зависит от переменчивых настроений, не регулируемых ни глубокой самодисциплиной, ни строгой дисциплиной. Поэтому предел моральной упругости современного войска не высок.

В иррегулярном войске предел этот еще ниже, потому что партизаны, диверсанты, террористы стоят, с военной точки зрения глядя, еще ниже солдат-граждан. Другая категория иррегулярных участников мятежевойны - партийные и иные сообщества, случайные толпы и революционно-взволнованные народные массы - не имеет сколько-нибудь постоянного предела моральной упругости: иной раз они способны на большое и длительное усилие, а иной раз ни на что не способны. Гитлер поставил сотни тысяч женщин в зенитную артиллерию и сотни тысяч 15-16-летних юношей в боевое ополчение. Народ выдержал это усилие, а через 10 лет он с трудом согласился дать 10 000 солдат для образования первых полков нового войска. Народом руководит не интеллект, а инстинкт, в революционном же народе аффект часто доминирует над инстинктом. Толпа знает два состояния: либо безмолвствия и бездействия, либо буйства, когда она находится под действием эмоций ненависти или преданности, страха или отваги, алчности или энтузиазма, когда она становится возвышенно-восторженной или низменно-криминальной, причем эти два состояния могут легко и быстро сменяться.

Воинство перестало быть государством в государстве. Взаимно влияние духа воинства и духа народа, настроений народа и психического состояния воинства. Взаимно влияние взлетов активности и депрессий, восхищений и отвращений. Психику регулярного войска можно упо-

добить мужской психике; психику иррегулярного ополчения - женской психике; народные же революционные массы, а тем более толпы не так интересны для психологии, как для психопатологии.

Командир Апшеронского мушкетерского полка объявил: «Его сиятельство граф Александр Васильевич Суворов приказал взять Прагский ретраншамент». И полковник знал, что никто из солдат не сомневается, что надо взять, раз Суворов приказал. А в Алжирском мятеже приказы генералов Солана и Массю обсуждаются всем французским народом и исполнение их до некоторой степени зависит от речей, резолюций, газетных статей. Для тех, в глазах которых военный приказ воински-священ, этот общественный шум воински-кощунствен. Во все времена в армиях существовало своеобразное общественное мнение (Наполеон называл свою Старую гвардию ворчунами) и оно вносило коррективы в проявления командирской властности. В мятежевойне властность и общественное мнение меняются ролями: в иррегулярном ополчении и в борющихся народных движениях властвует мнение, а власти стараются его корректировать ради проведения тех или иных операций борьбы. То, что в нормальном воинстве достигается приказом, при мятежевоевании может быть достигнуто только внушением, которое должно быть тем более старательным, чем иррегулярнее данная категория воюющих. Румянцев так мотивировал своему войску необходимость дать туркам сражение у Ларги: «Слава и достоинство наше не терпят, чтобы сносить присутствие неприятеля, стоящего в виду нас, и не наступать на него». Такая мотивировка не дала бы наступательного порыва современной армии и тем менее - иррегулярным отрядам и народным движениям. Вашингтон говорил, что увещание сильнее наказания. Действительно, лучше побудить человека к совершению чего-либо, чем принудить его к этому. Современная воинская дисциплина состоит в добровольном и сознательном ограничении личной воли, вследствие гражданского долга. Такова же природа революционной дисциплины участников мятежа с тою разницей, что напряженность сознания долга разнообразна у отдельных групп, а в группах у отдельных индивидуумов и переменчива вследствие смен эмоций. Сегодня группа участников десанта клянется свергнуть панамского диктатора или умереть, а завтра без борьбы сдается панамскому войску из 83 человек.

Военные доблести - храбрость и мужество - развиваются в войске (по выражению генерала Краснова) всей жизнью, всем бытом, всем ритуалом военной службы. В результате получалась «на себя надежность», каковая, по словам генерала Суворова, есть «основание храбрости». Всего этого мало в нынешнем регулярном войске, очень мало в ополчении и немало в народных движениях. Отсюда вывод для мятежевойны: перед постановкою задачи (стратегической, оперативной или тактической) необходима разъяснительная кампания, тем более интенсивная, чем менее регулярен данный субъект воевания и чем менее популярна задача; при постановке-формулировке задачи пользоваться соответствующими данному случаю способами - от боевого приказа до митинговой речи; в каждый момент воевания не требовать от каждого субъекта воевания большего психического усилия, чем это допускают его психические свойства; степень напряженности усилий каждой группы и каждого индивидуума зависит от градуса популярности поставленной им задачи; чем ниже градус популярности, тем в данное время ниже у субъекта воевания предел моральной упругости, а за этим пределом лежит катастрофа: надлом духа и отказ от дальнейшего делания.

Нового в этих выводах нет ничего: с древних времен полководец возлагал на отборную часть войска труднейшую из задач и следил за состоянием духа воинов. Ново лишь разнообразие субъектов воевания - от способных к проявлению большой доблести войсковых единиц до робких банд и от фанатичных революционеров до толп, иной раз подобных паническим ста-

дам. Ново также непостоянство свойств субъектов воевания, не имеющих в себе крепкой моральной базы: в толпах и бандах мало морали, а в наспех воспитываемых войсках мораль не крепка. Стратег всегда с известной осторожностью направлял свой военный воз - не свалился бы в овраг, не застрял бы в топи, но стратег мятежевойны должен опасаться и косогоров, и ухабов, и даже тряски на кочковатой дороге - его телега не прочна.

Во всех веках у всех народов существовал культ геройства, и он выражался в прославлении героя-вождя. Ныне же создали культ «неизвестного воина», величая серое множество, общераспространенное качество. Толпа себя прославляет. И эта толпа чтит только того, кто, как ей кажется, произносит своими словами ее мысли. Но она его стаскивает с пьедестала, когда ей это перестает казаться. Преданность полководцу, послушание приказу, воинский порыв побуждали солдата, отбросив страх смерти, лезть на стены Измаила. А в народных движениях мятежевойны условны и преданность, и послушание, и порыв, который охлаждается не только страхом смерти, но и разного рода сомнениями и колебаниями.

Но наряду с этим массы, а в особенности толпы, подобранные по какому-либо психологическому признаку, способны слепо следовать за вождем, обладающим колдовством внушения, знающим тайну покорения душ. Произведенная Всемирной Революцией нивелировка по средним или даже по худшим не упразднила вождизма, и культ личности является необходимым условием руководства некоторыми народами. «Кто силен, должен властвовать над имеющими меньше силы», - сказал в древности философ Дионисиус. Духовная сила сильного увеличивает силу слабых, потому что, как говорил генерал Головин, в умело руководимой психологической толпе психическая сила ее составляющих индивидуумов удесятеряется и они становятся героями. Секрет руководства психологической толпой заключается в двух умениях: 1) почувствовать желание толпы, ею неосознанное, и формулировать его в таких словах, чтобы она услышала в них выражение ее собственной воли; 2) собственное желание вождя выразить с такой неоспоримостью, чтобы толпа вообразила, что это ее желание. Не только толпы, но и народные массы поддаются руководству, основанному на этих двух методах, однако поддаются не столь эффектно и быстро: чем больше масса психологического тела, тем большая должна быть приложена энергия, чтобы дать ему движение - этот закон механики действителен и для психологии.

Нелегко управлять обрегуляренной душой дисциплинированного воина; труднее - иррегулярной душой партизана; и очень трудно - истерической душой гражданина в психологической толпе и эгоистической душой обывателя в неорганизованной народной массе. Послушание - дело страха или совести. В тираниях бесправна совесть и полноправен страх; в демократии бесправны страх и принуждение, а совесть полноправна: одному немецкому солдату совесть не позволила стрелять по мишеням, изображавшим человека, он отказался пойти в тир, а суд не наказал ослушника, признав за ним право поступать по собственной совести. По Иммануилу Канту, человек не наследует совесть от родителей и не творит ее в себе сам, но имеет ее от природы. Если это так, то природа часто бывает весьма скупа при наделении совестью. Обделенные в этом отношении индивидуумы способны только к послушанию из страха. Наделенные же совестью послушны и абстрактному авторитету - сознание долга, - и конкретному, внешнему - личность, обладающая превосходством моральным, умственным или, в крайнем случае, служебным. Авторитет, так сказать, служебного порядка сейчас котируется плохо - даже короли и папы утратили авторитет. Непрочен умовой авторитет народных избранников - незадачливых масса свергнет за неуспех, удачливых - за успехи: не один только Клемансо пал потому, что забыл мудрое предостережение Тьера: «В политике не следует слишком пре-

успевать». Авторитету моральному приходится состязаться с аморальными соперниками, демагогами, умеющими драпироваться в тогу добродетели. Но во всяком случае из всех видов авторитета моральный имеет наибольшие шансы произвести впечатление на массы: они живут, как указал генерал Головин, не созерцанием, не мышлением, а ощущениями, чувствами и поэтому им легче верить в кого-либо, нежели понимать что-либо. Суворов, прослывший во время Италийского похода богом войны, освободителем итальянцев от тираний и Парижа и Вены, признавал в 1799 г., что успех кампании может быть достигнут не им, Суворовым, не русскими штыками и австрийскими саблями, а политикой, в глазах итальянского народа справедливою, бескорыстною, прямодушною и честною.

Бесчестный может очаровать массу, но затем наступит разочарование. В Сан-Паулу разочарование бесчестными вожаками привело к тому, что на выборах народ подал за них меньше голосов, чем за бегемота «Какареко» из зоологического сада. Это не смешно, это симптоматично: народы честнее Всемирной Революции, давшей всюду водительство людям нечестным или в честности нестойким. Если бы советский народ знал, что на свете существуют более честные правительства, нежели хрущевское, то оппозиция народных масс преодолела бы и пропагандный и полицейский гнет. Не присоединяясь к модному ныне идеализированию народа, народных масс, которым без основания приписывают обладание сознанием долга, все же надо признать, что вне пароксизмов жадности, зависти, злобы, буйства народы даже в наиболее революционированных странах имеют потребность быть руководимыми, быть послушными. На этом послушании - хотя бы и не непрестанном, хотя бы и условном - основывается возможность тактического, оперативного, стратегического и во всех случаях психологического руководства народом, который вместе с войском участвует в мятежевойне.

Об участниках мятежевойны. В войне классической, нормальной, когда психически нормальный народ в нормально организованном государстве слал в поле воинство нормального устройства, психологический метод ведения войны требовал решения трех задач: 1) крепить дух своего воинства, 2) ломать дух вражеского воинства - эти две задачи решал стратег - и 3) укреплять дух своего народа - это лежало на обязанности правительства, которое иной раз ставило перед собою еще и задачу колебать дух вражеского народа. В мятежевойне все четыре задачи решает верховный стратег.

Дух воинства своего и дух воинства неприятельского не первостепеннейшие факторы мятежевойны, потому что регулярное воинство не единственная сила, не единственный потентат, борющийся на войне. Борются и иные потентаты: 1) сотни тысяч людей в террористических, диверсионных организациях, 2) миллионы партизан (в Краснокитае уже обучено партизанскому делу 45 миллионов), 3) десятки миллионов вредительствующих, саботирующих или только оппозиционно настроенных. Если всем миром ворчать, будет устрашающий рык. Мир, народ своим рычанием, неповиновением, сопротивлением и, наконец, восстанием может давать и врагу и собственному правительству сражения, значение которых может быть не меньшим, нежели столкновения миллионных армий. В этом перемещении центра тяжести войны с полей битв в область народной борьбы национального, политического, социального, экономического характера, в область психологии народных движений и заключается отличие мятежевойны от войны.

Мятежные массы. Люди нынешнего времени восприимчивы к призыву ко-экзистенции идеологий, политических систем, государственных организмов, но в них не нашел бы отклика призыв к ко-экзистенции классов: ненависть движется ныне в вертикальном направлении - от

нижних слоев человечества к верхним. Если поставить в строй любовь, привязанность, симпатию, безразличие, антипатию, отвращение, ненависть и вызвать охотников для поиска, набега, то первою вызовется ненависть: такова психическая болезнь века. Ненависть слепит всех или почти всех, лишает разума и удержа в эмоциях и действиях. Разжигая ненависть, Фидель Кастро отнимает у кубинцев способность сообразить, что они, сваливши Батисту, променяли кукушку на ястреба: вместо обеззубевшей тирании получили зубатую, кровавую, безумную. И даже некубинцы, соседние и дальние народы не видят истинного смысла этой смены диктаторов, парадокса этой революции. На протяжении полутора веков Французская революция почитается великой, на протяжении полустолетия русская революция почитается, по словам Черчилля, лучезарной, и все цивилизованные народы воспитаны в преклонении перед каждой революцией, как явлением прогрессивным, и натасканы в убеждении, что торопливый прогресс - абсолютное добро.

В 1916 г. говорили, что Россия была беременна революцией. Сейчас государства Свободного мира перманентно рожают революцию, а государства коммунистические беременны ре-революцией. В 1939-1945 гг. врагам Германии не удалось поднять в германском народе революционное движение (бомба 20.07.1944 была от генеральской революционности, а не от народной), но если бы Германия Аденауэра оказалась вовлеченной в войну, в ней поднялись бы мятежники пацифические, классовые, социалистические, национал-социалистические и, может быть, сепаратистские. Ни один народ не монолитен, ни одно правительство не прочно, ни один полководец не может быть спокоен за тыл своего воинства. Если бы придумать для психической «атмосферы» некое подобие Гейгеровых аппаратов, то всюду обнаружилась бы высокая или катастрофически высокая мятежезараженность. Всюду существуют гейзеры буйства, а в иных странах могут возникнуть и вулканы буйства.

Можно почти не сомневаться в широком участии мятежных масс в грядущей Третьей Всемирной войне. Если бы от Хрущева зависело, война эта велась бы народными массами без участия вооруженных сил. Мятежемассы разделяются: одни на стороне правительства своего государства, другие на стороне внешнего врага, третьи - против того и другого. Власть с помощью своего аппарата и при содействии верных движений будет бороться против неверных, и таким образом одновременно с внешней войной будет вестись и внутренняя, междоусобная. Будут приложены все усилия, чтобы такую же междоусобицу вызвать и во враждебном государстве.

Мятежные массы способны к большой активности. Но у них велика амплитуда колебаний между активностью, подъемом духа и упадком духа, пассивностью. Экзальтация не может быть длительной - нервы притупляются, силы сдают. Появляется дезертирство если не на сторону врага, то в апатию, из которой трудно бывает вырвать человека на поверхность активности. Чем сложнее материальная часть войска, тем более тщательного ухода требует она; «материальная часть» борющегося народа - его дух - требует ухода внимательного и опытного. В войске повелевает полководец, считаясь, конечно, с психикой войска; в мятежном народе повелевает обыватель, повелевает бессознательно, повелевает тем, что реагирует или оказывается не в состоянии реагировать на военно-политические и т. п. обстоятельства. От регулярного войска, вследствие некоторой вытренированности к напряжениям и наличия в нем более или менее строгой дисциплины, можно требовать кажущегося невозможным; от народных мятежных масс нельзя требовать больше того, что они сами считают себя способными сделать в данный момент, в данной обстановке. Войско - машина слаженная и целесообразно устроенная; в мятежном народе нет слаженности частей, потому что импровизирована его организо-

ванность для мятежа: велики могут быть трения между сообществами разной культурности, идейности, активности, самопожертвованности, требовательности, а главное - разной целеустремленности. И велики и резки могут быть смены настроений, что ставит стратегов перед необходимостью менять цели действий или способы. Французские «ультра» в Алжире способствовали приходу к власти де Голля, поставили себя ему в подчинение, меняли, повинуясь его указаниям, способы борьбы за французское дело в Алжире и затем, не в силах согласиться с компромиссной политикой, стали в оппозицию де Голлю, внезапно восстали против него и внезапно же капитулировали.

Стратегическое и оперативное руководство народными движениями в мятежевойне можно уподобить управлению войсками военной коалиции, где план действий нередко бывает компромиссным за невозможностью предписать партнерам выполнение воли верховного стратега.

Мятежные колонны. Если отказаться от обычных представлений о войске как о стройном организме с регламентированными поступками его молодцеватых воинов, то можно было бы назвать армией и совокупность организаций, колонн, выполняющих в мятежевойне диверсийные и террористические действия на революционной базе (не смешивать их с «партиями», «командосами», которые высылает регулярное войско в тыл врага для диверсий). Но эта армия является криптоармией, тайноополчением. В противоположность человеку из мятежемасс саботажных и вредительских, способному рисковать собою только в моменты массового аффекта, борец криптоармии находит в себе силы пребывать в смертельном риске не только в моменты действия, но и в перерывах между ними, когда противник выслеживает его, преследует. Это - либо люди, одержимые местью, либо фанатики идеи, либо силачи воли, сознательно вступившие в столь опасную службу, либо, наконец, подневольные слуги той власти, которая требует от человека выполнения опасных заданий, держа заложниками его близких. К какой бы категории они ни принадлежали, они в принципе способны на массовые убийства, на варварские разрушения, но на практике возможны «осечки»: даже у отчаянного человека может не хватить решимости бомбой на многолюдном базаре убить неповинных людей или же сжечь продовольственный склад на горе женщин, детей, стариков. Меру кровожадности и вандализма мятежных колонн определяет не только военная необходимость: тайноополчение может быть принуждено к умеренности, если на территории своих действий наталкивается на протесты населения, которое гнушается террора-диверсии или опасается возмездия за него; тайноополчение вынуждено до некоторой степени считаться с психикой населения, потому что сочувствие последнего облегчает тайновоевание (кров, корм, сокрытие раненых и т.д.), а несочувствие может привести к провалу акции. Так, в Белграде в 1942 г. убийства из-за угла немецких солдат были прекращены, потому что вид пяти повешенных на главной площади террористов привел белградцев в такой ужас, что они всей своей численностью оказали давление на тайные организации и побудили их прекратить террор. Не только объективные причины - бдительность противника, перерыв связи со своей колонной, - но и субъективные причины могут парализовать террориста и диверсанта: когда после убийства Урицкого в Петрограде было расстреляно несколько сот непричастных к этому акту арестантов, то у антикоммунистов не стала подыматься рука против ленинистов. Но если криптоармия почувствует моральную поддержку со стороны населения, то тайновоевание может получить весьма большое развитие. Таким образом, этот вид военной деятельности зависит от определенных психических качеств борцов - решимость, жестокость - и от психического расположения населения на театре такого воевания. Следовательно, тайно воевание - не только оперативно-тактическое, но и

психологическое искусство.

Мятежное ополчение. Ни политический гражданин, ни доведенный до отчаяния обыватель не хватается за оружие вдруг: обычно их психика должна пройти через серию подготовительных упражнений - пассивное сопротивление, активное сопротивление, уход активнейших в партизанские отряды - чтобы быть наконец способной к массовому восстанию. Восстание - такое же искусство, как и война, писал Энгельс, и в этом искусстве надо, по мнению Ленина, проявлять смелость. Смелость нужна не столько чтобы, восставши, бороться, сколько чтобы восстать: древней склонности убивать и средневековой привычки к оружию не осталось и следа в современном цивилизованном народе и поэтому нужны или такая обстановка, или такие лозунги, чтобы обыватель преодолел свою нелюбовь к оружию и свое отвращение к убийству и отважился добровольно пойти на смертельную опасность, ставши в ряды партизан-повстанцев. Бывает и принудительное рекрутирование для пополнения повстанческих отрядов, но в принципе ополчение мятежа стоит на базе добровольчества. Вызвать добровольчество, поддерживать его и из партизанства превратить во всеобщее восстание - вот в чем психологическая задача этой составной части мятежевойны.

Партизанство дало физиономию Второй Всемирной войне, писал германский генерал-полковник Рендулич. Партизанство признается сейчас единственным способом обороны малых народов против больших: Швеция и Швейцария раздали своему населению мобилизационные запасы оружия, чтобы оно могло приступать к партизанству в момент вторжения в страну советских войск. Швейцарцы помнят, что их народный отряд («Кучка насилия») разбил в 1476 г. войско Карла Смелого у Муртена; шведы знают, какие затруднения в Польше испытывал Карл XII от ополчившихся поляков; все знают, что банды Хо Ши Мина победили в Индонезии войска французского генерала Эли.

Во время войны за независимость англичане пренебрежительно обзывали восставших американцев оборванцами и проиграли войну; маршалы Наполеона презирали испанскую герилью и оказались бессильны против нее; сам Наполеон бежал от старостихи Василисы и сотен старост с их отрядами. А в минувшую войну партизанство из засадных банд превратилось в ополчение, отваживавшееся вступать в единоборство с вражеским регулярным войском. Повстанчество возмужало не только организационно, физически, но и психически, почувствовав себя мятежеополчением, иррегулярным войском, дополняющим регулярное войско государства. Правы предвидящие (как генерал Хольмстон), что в будущих войнах партизанство будет играть огромную роль, соперничая с войском в выполнении стратегических задач.

Партизанство связано психологическими нитями со своим народом, получая от его настроений стратегические директивы: наступать, отступать, упорствовать в воевании, воевать без упорства. Повстанческое войско, вообще говоря, - войско территориальное: его отряды обычно не уходят из района своего формирования, не отделяются - ни географически, ни психически - от обывателей, из своей среды выделивших повстанцев. Человек идет волонтером в партизанский отряд, когда сограждане этому сочувствуют, и он также «волонтерно» уходит из отряда, когда его близкие отчаялись в успехе борьбы. Народ дает своему партизанскому ополчению и оперативные, и тактические, и организационные указания: защищайте только наши села или, наоборот, действуйте подальше от наших сел, чтобы не навлечь на нас карательные отряды; деритесь постоянными отрядами и мы будем вас кормить, снабжать разведывательными сведениями и лечить ваших раненых или, наоборот, после каждого выполненного действия разбегайтесь по домам до нового благоприятного случая. Мятежеополчение психически подчинено обывателю.

Это и многое другое делает это иррегулярное войско неполноценным войском, и его тактическое, оперативное и стратегическое значение зависит от его энергии и численности: одиночные комары только досаждают, но гнусь в тайге до смерти замучивает. Успехи и неуспехи мятежеополчения зависят от крепости или слабости духа борьбы у народа, потому что в мятежевойне народ является психологической базою борющихся сил, и в частности народно-повстанческого войска.

Войско в мятежевойне. Участие мятежных масс, тайноополчения и повстанческого ополчения в войне - хотя и противоречащее международным законам, но в нынешнюю эпоху неустранимое - должно снизить в регулярном воинстве сознание ответственности перед родиной: солдат перестает быть единственной надеждой, единственным мечом и щитом народа. Всенародность мятежевойны порождает и всенародность ответственности за исход ее.

В нормальной войне воинству приходилось переживать собственные психические кризисы, но оно было своею организационной изолированностью до некоторой степени ограждено от психических кризисов в народе: не каждый из них и не с полной силой докатывался из глубины страны на театр военных действий, где воевало войско. В мятежевойне нет ни организационно-административной, ни психологической границы между страной и театром военных действий, между народом и воинством, а поэтому только воинская дисциплина побуждает войско мужественнее переживать горести и тяготы войны, нежели переживает бок о бок с ним воюющий народ. Но и эта мужественность несколько ограничена: уже в мирное время антимилитаризм, свободно проповедуемый в народе, подрывает в воинстве веру в святость его назначения, демократизм ослабляет в нем почитание командирского авторитета, материализм убивает в нем уверенность в победительности духа над материальными факторами войны, а отмена прежней казарменной изолированности ведет к тому, что нервность городов врывается в казарму. Врываются и оппозиционные ветры, дующие в общественности. Все это не делает, конечно, войсковую часть психологической толпой, но заставляет командиров командовать психологичнее прежнего и каждый боевой приказ, каждое задание преподносить психологически, а при выполнении его психологическим зондом определять состояние войсковой души.

Рассмотревши некоторые психологические особенности четырех потентатов мятежевойны и поверхностно очертив часть проблем руководства этим новым видом вооруженного конфликта, нельзя не прийти к заключению, что устарела формула: для войны нужны деньги, деньги и деньги, устарела потому, что для мятежевойны нужны нервы, нервы и еще раз нервы. Ни одна из войн новейшей истории не прекратилась вследствие недостатка денег. А вследствие истощения духа сдалась Россия в 1905 г. и в 1917 г., Франция в 1940 г., Югославия в 1941 г., Германия в 1918 г. Истощение в 1945 г. германских ресурсов - людских, оружейных, продовольственных - и паралич железных дорог имели решающее значение, однако немаловажны были и психологические надломы: от уверенности в победе к надежде на победу, от борьбы за победный мир к борьбе за какой-нибудь мир, от надежды на мир к неизбежности капитуляции.

Война на нервах в эпоху, когда народы неврастеничны, требует от стратегов весьма продуманного обращения с главным фактором войны: с психикой воюющего народа.

Ре-революция

Революционная реакция. Жизнь - борьба двух начал: прогрессивного и консервативного, видоизменения и сохранения вида, эволюции и консервации. Безудержная эволюция уподобила бы жизнь облакам, непрестанно меняющим свою форму, лишенную устойчивости. Консер-

вация, ничем не потрясаемая, уподобила бы жизнь скалистым горам, недвижным, не изменяющимся, мертвым. Эволюция сдерживается консервацией, консервация оживляется эволюцией - это жизнь.

Эволюция определяется как «процесс постепенного, непрерывного количественного изменения чего-нибудь, подготовляющий качественное изменение». Непрерывность изменения не означает непрерывности поступательного движения: эволюционное движение после нескольких шагов вперед может сделать шаг на месте или даже шаг назад, чтобы затем возобновить перемещение вперед. После преобразовательной Екатерины II царствовал Павел, после либерального Александра I - Николай I, после реформатора Александра II - Александр III.

Мерная, эволюционная поступь жизни кажется людям нелепой, когда нетерпение хочет родить революцию. Революция делает скачок «из понедельника в среду», по меткому выражению Жуковского, а затем реакция возвращает жизнь «ко вторнику», возвращает на путь здравого смысла, утерянный в революционном порыве. Реакция - составная часть каждой революции, перешагнувшей через логику жизни. Реакция не есть реставрация. И Господь Бог не делает бывшего небывшим. Факт революции немыслимо аннулировать реставрацией. Бурбоны, возвратившись на французский трон, не могли восстановить законы и социальный порядок, умерщвленные вместе с Людовиком XVI. Никакая контрреволюция не возвращает жизнь к тому положению, какое существовало перед революцией.

На неуспех обречена реакция, которая назовет себя или даст повод называть ее контрреволюцией. Наполеон повернул Францию на путь реакции не контрреволюционно, но революционно. Реакция должна стараться не выглядеть реакцией и не называться реакцией. Она должна иметь вид революции и быть ре-революцией. Белое движение в России возникло, когда маятник революции еще не мог начать обратного движения; поэтому белые лозунги были не контрреволюционны и не реакционны - они были пассивно-консервативны. Россия без сопротивления сдалась Февралю, но сдаться Октябрю не пожелала и созданием Добровольческой армии заявила свое право и свое намерение существовать. Подобно тому, как при начале штурма турками крепости Мальтийского ордена его гранд-мэтр Ла-Валет сказал своим рыцарям: «Пойдемте, господа, умирать!» И Белые вожди сказали: «Пойдемте, господа офицеры, умирать за честь России!»

Ре-революция борется не за право на смерть, но за право на жизнь, на такую жизнь, из которой устранены все излишества, уродства предшествовавшего революционного периода. На безумства Испанской революции, руководимой социалистами и коммунистами, генерал Франко ответил ре-революцией фалангистов; он не победил бы, если бы тогда понес знамена монархической реставрации, т.е. контрреволюции.

Установить идейную базу для ре-революции труднее, чем для революции. Революция по преимуществу деструктивна - в ней много конкретных «долой!» и мало реальных «да здравствует!». А ре-революция хочет быть конструктивной и среди руин дореволюционного здания и мишуры революционных декораций найти место и материал для сооружения того, что соответствует вечному стилю данного народа и отвечает его разумным потребностям. Разрушать может всякий Стенька Разин и Емелька Пугачев, а для ре-революционного созидания нужны носители творческих, здравых, понятных, приемлемых идей, как патриарх Филарет (XVII в.) и Столыпин (XX в.).

Ре-революция - это продолжение революции, но лишь на иной идейной базе. Когда немцы разочаровались в Веймарской Германии, социалистически-космополитической, встала ре-революция в национал-социалистическом облике: Гитлер углубил Эбертову социальную поли-

тику, но привлек сердца немцев национальными лозунгами, которыми пренебрегали вожди Веймарского периода революции.

Чем сложнее была формула революции, тем труднее отыскать приемлемую формулу ре-революции. Формула Всемирной Ре-революции будет крайне сложна. Не берясь за установление ее, ограничимся перечислением некоторых данных, которые могли бы быть приняты во внимание как отправные точки для следования к тайне смысла и сути грядущей Всемирной Ре-революции.

Иудей под словом «всемирный» понимал кусок Аравийского полуострова; в понятии римлян всемир вырос до размеров Средиземноморского бассейна; европейцу Французская революция, потрясшая земли белой расы, казалась всемирной, а теперь весь мир равен всей планете. А планета стала миленькой из-за аэроплана (завтрак в Париже; ужин в Нью-Йорке) и радиовещания, делающего человека участником событий в любой точке Земли. В начале этого века сербы убили короля Александра Обреновича, и это событие заинтересовало лишь Вену и Петербург. Недавно в Ираке убили короля Хусейна, и это надломило Багдадский пакт, волнение Турции передалось государствам Атлантического пакта, а тревога Пакистана - государствам Тихоокеанского пакта, арабский мирок пришел в замешательство, а коммунистический мир нацелился на Ирак: убийство маленького короля стало всемирным событием. Точно так всемирным эхом отразится каждый ре-революционный клич, раздавшийся в любой точке земного шара. В Средние века «urbi et orbi» означало: Риму и миру, под которым подразумевались несколько католических стран, а ныне все, что объявишь «urbi», становится известным беспредельному, планетарному «orbi». Поэтому перед провозглашением какой-либо ре-революционной идеи придется предвидеть, какое впечатление она произведет в отдаленнейших странах Земли.

Пользуясь циничным диаматом, Революция укладывает в свои рамки вопиюще-противоположные понятия, как, например: «Воля народа - высший закон» и «Партия знает, что нужно народу». Пестрядевая структура революционной идеологии создает для Ре-революции необходимость макиавеллиетически ткать многоцветный идеологический узор: для мусульманских стран надо воткать ярко-религиозные нити, для южно-американских упадочно-христианских государств надо вплести нити гуманитарные; для уставшего жить французского народа привлекательны будут спокойные тона, а для негров, вдруг ставших динамичными, годится предельно-яркая расцветка.

Было бы наивностью думать, что Всемирная Ре-революция обозначится наподобие взятия Бастилии или Зимнего дворца: единого поворотного момента не будет. В разных странах и в разных сферах (социальной, экономической, нравственной и т.д.) Всемирная Революция достигла различных уровней: местами она еще идет в гору, а местами взобралась на перевал, и поэтому тут может начаться спуск. Так, революция нравов началась в России в 1906 г. с «огарков», а в Японии возникла 40 годами позже - с приходом американских «перевоспитателей»; революция социальная в Англии началась, когда увял Ллойд Джордж и его демократическая партия, а расцвели лейбористы, в Сирии же она началась 3 года тому назад. Отдельные фазы Всемирной Революции возникли в процессе войны (Февральский переворот в России), иные - в результате войны (Муссолиниев марш на Рим); те - в процессе обострения классовой борьбы (ряд социализации Англии), эти - как результат случая (избрание в президенты Делано Рузвельта, затеявшего «Нью-Дил»), Так точно и Всемирная Ре-революция воспользуется и благоприятными обстоятельствами народных движений и сумятицей войн. Может быть, нужна большая война, большая мятежевойна, чтобы дать старт Ре-революции. Как Революция

приобрела оперативность, когда получила плацдарм - Россию, - так и Ре-революция будет нуждаться в плацдарме, а может быть, в нескольких плацдармах - политическом в одной стране, нравственном в другой, экономическом в третьей и т.д., - чтобы местные оздоровления жизни (в одном народе) обращать в повсеместные. Картина улучшения долго будет неясной, потому что иные государства будут продолжать стремиться к революционным излишествам (углубление Революции), когда другие уже пойдут по пути ре-революционного возрождения здравого смысла. Не следует думать, что на этот путь можно повернуть только по достижении тупика Революции. Иные из народов, не пройдя всех стадий Революции, могут свернуть на стезю Ре-революции: утопающий ведь может выплыть и не оттолкнувшись ступнями от дна.

Ре-революция сознания и нравов. Никакая ре-революционная догма, никакая реформа, никакой захват власти не будут иметь успеха, если им не будет созвучна психика народа, такой его части, которая достаточно мощна, чтобы быть ведущим слоем. В понимании психологических факторов заключается главнейшая задача руководителей Ре-революции, а она усложнена многосложностью обстановки на Земле и, в частности, на ее геополитических частях и частицах. «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» годилось для одной трети человечества, а остальные две трети реагировали на «Долой колониальную зависимость!». Ре-революция сознания должна иметь одну или несколько универсальных идей, и если они будут достаточно эффектны, то противоречия локальных идей и идеек не повредят делу, как не вредило Всемирной Революции, что она в Буэнос-Айресе жгла католические храмы, а в Риме в то же время просила Папу благословить знамена коммунистических организаций.

В идеологической структуре Всемирной Революции слабейшим местом является богоборчество. Язычник Сенека верил в Бога: «Творческий принцип есть бог, и он сильнее материи», иудейский еретик Спиноза говорил: «Все, что есть, есть в Боге, и ничто не может без Бога быть», вольнодумец Шиллер писал: «Помните, что есть Бог на небе и что вы перед Ним ответите за ваши дела», философ Соловьев верил, что «Добро - это движение к Богу; Зло - движение от Бога». Магометанин, буддист не считают, что «человеческая душа христианка», но несомненно, что человеческая душа религиозна. А поэтому богоборчество, ныне навязанное миру, противоестественно. Большинству людей свойственно поклоняться Богу, меньшинству свойственно до поры до времени не ведать Бога. Но бороться против Бога - «Рече безумец: Бога нет» - это духовное уродство немногих людей. Если сейчас богоборцев много, то это - напускное, подражательное, захватывающее дерзновенностью и оно может быть так же сброшено, как выбрасывают коммунистический партийный билет разочаровавшиеся в коммунизме. Пусть немногим будет понятно утверждение проф. И.А. Ильина «Религиозность есть живая первооснова истинной культуры», пусть немногие уразумеют слова Walt Whitman'a: «Истинной и длительной величественностью государства должна быть религия, иначе нет истины и длительности», но и без того, чтобы постичь такие мысли, все большее число людей в последние несколько лет приобщается к религии в США и даже во Франции, в стране якобинства, философского позитивизма и традиционного атеизма, сильно возрастает количество католиков; в Африке магометанство ширится среди негров; в российском народе бабушки передают внукам веру в Бога. Перефразируя Достоевского, можно сказать, что в сердце человеческом Бог диавола побеждает.

Ре-революция могла бы стать борьбой богопочитателей против богоборцев. Вопрос лишь в том: способно ли почитание Бога нашего и иных богов стать борьбою за Бога и богов, борьбою, столь же энергичною, как борьба воинствующих безбожников против Бога и богов? Протестантизм впадает в коммунистический соблазн; православие, магометанство (кроме отдель-

ных очагов энергии), буддизм, конфуцианство и др. пассивны, потому что их пастыри превратились из служителей в служащих, формально выполняющих обязанности, требующие в нынешних условиях энтузиазма; католицизм стоит перед распадом: с одной стороны, коммунизм стремится раздробить его на национальные, «народные» католицизмы, а, с другой стороны, Ватикан, насаждая клир (вплоть до кардиналов) из цветных народов, способствует созданию «цветных» католицизмов: люди представляют себе Бога «по подобию своему» (у иудеев он жесток, у швейцарцев-кальвинистов - суров) и Церковь переделывают по свойствам своим (одни поклоняются Троице, не признавая Богоматери и Святых, другие же чтут Приснодеву), поэтому католицизм в Китае станет похож на конфуцианство (и уже становится), в Африке приобретает черты фетишизма и т.д.

Однако мы не ставим себе задачею прорицать, какие конкретные возможности стоят перед Ре-революцией и какие именно организации или человеческие объединения, или племена, или народы дадут движение Ре-революции и разовьют это движение. Мы лишь намечаем психологические моменты, которыми могла бы воспользоваться Ре-революция.

Момент первый: человеческая душа религиозна. Религиозность может стать крепкой базой Ре-революции. Это подтверждается фантастическим успехом антихристианской секты «сынов Иеговы», которая свое бессмысленное, бессодержательное, беспринципное учение ширит по всему свету: оно кажется мистичным, а люди снова жаждут мистики. Напрасно коммунисты, рационалисты и им подобные ретроградно придерживаются позитивного, естественнонаучного мировоззрения XIX в. - им не остановить распространения мистицизма. Мистиками становятся люди науки, которые, идя путем великих открытий последних десятилетий, увидали, что все реальное имеет, в конечном итоге, характер метафизический: они приблизились к сокровеннейшей тайне бытия.

Отсюда - момент второй: материализму, для коммунизма основному научно-философскому направлению, может быть с успехом противопоставлен идеализм, т.е. представление, что не материя является основой всего, а сознание, дух, идея.

Впрочем, если эта истина и посрамит философский материализм, владеющий Микояном в Политбюро, и Хаммаршельдом в ООН, и экзистенциалистом на Сене, и сектантским проповедником на Миссисипи, то все же останется бытовая материалистичность-алчность. Она была распространенною болезнью душ, но в наш век она эпидемически истребляет души, как встарь чума истребляла тела. Против этой эпидемии не найти единого средства, потому что различна материалистическая психика советского приспособленца, английского торгаша, американского стяжателя, китайца-термита, хищника-араба, чувственного бразильца и бесчувственного шведа. Материалистичности противопоставится (и уже противопоставляются): где - «не хлебом единым», где - увлекательная идейность, здесь - разумное самоограничение, там - психологически осторожно преподносимое ограничение. Внуки Эйзенхауэра не захотят, вопреки уверению Хрущева, стать коммунистами, но и внуки Хрущева не пожелают стать американцами, потому что коммунизм не только подорвал веру в способность коммунистических науки и культуры создать благоденственную и благодатную жизнь, но и подрывает веру в то, что технический, материальный прогресс осчастливливает жизнь. Хрущев не верил самому себе, когда, глядя на чудеса быта американского обывателя, твердил: «У нас вскоре будет лучше». Сталин закрытием границы поддерживал по обеим ее сторонам миф о советском рае. Его преемники затеяли культурный обмен и тем раскрыли коммунистический обман: чем больше будут коммунисты организовывать всемирные съезды молодежи, тем распространеннее станет уверенность, что коммунизм нищета. И обман. «Чтобы тюрьмы исчезли, наконец, навсе-

гда, мы их выстроили вновь. Чтобы покончить с границами между государствами, мы окружили себя китайской стеной. Чтобы превратить труд - в будущем - в отдых, мы ввели принудительные работы. Чтобы никогда больше уже не проливать ни капли крови, мы убивали и убивали без конца», - напечатал в журнале «Мосты» неизвестный советский автор: быть может, статья эта апокриф, но эта коллизия между сочиненным фантазией и содеянным жизнью становится очевидной даже и слепым. И это вызывает не только разочарование образцовой коммунистической материалистичностью, но и охлаждение вообще к материалистичности - это третий ре-революционный момент.

Четвертый момент: идея свободы. Она всеобща исторически и географически. Религии вспыхивали и угасали, появлялись государственно-политические идеалы и исчезали, а свободе поклонялись всегда и все, и подневольные и свободные. Революция превратила эту богиню в проститутку: с законного ложа «Habeas Corpus»[4] акта ее стащили, сделали куртизанкой выродившегося парламентаризма, и она, обесчещенная, лежала в лапах чекистов, и пошла по рукам деспотических властителей больших и малых народов: ее называют своею и Хрущев Катыньско-Винницкий, и Кадар, Керим, Кастро. Как возвратить ее на путь достойной жизни? Как сделать ее, наложницу буйных толп, снова блистательной и мощной богиней? Предлагают политические платформы и платформочки, финансовые планы поднятия стандарта жизни, но не находят и даже не ищут слов откровения, не ищут такого творческого замысла, который резцом Праксителя обращал бесформенный камень в статую величественного бога. Потребность в истинной, мудрой, целомудренной свободе существует всюду, но где Пракситель? Эйзенхауэр в 12 столицах Старого Света возвестил новую формулу: «Мир, Дружба, Свобода». Это - колокольный благовест, но не благая весть, не Евангелие, потому что в ней нет евангельской убеждающей, побеждающей непреложности. Какой МИР? Не капитуляция ли перед Революцией? Какая Дружба? Географическая, между государствами или социальная между классами, на которые разделяют человечество? Какая Свобода? Материалистическая, вошедшая в повседневность Революции, или Ре-революционная, освобождающая от тирании прав и дающая духу человека право на обязанности?

Пятый момент: коммунистическому унижению личности - «человек есть то, что он есть» - противопоставляется индивидуализм. Человек - не термит китайской «народной коммуны», не штампованная деталь социалистической машины, но и не своекорыстный член на гуманизме построенного буржуазного общества, а свободной душой обладающий индивидуум, достигающий в стремлении к Божественному того, что сказано христианством: «вы - боги».

Можно продолжить перечень победоносных ре-революционных идей, можно выразить надежду, что появятся новые (сегодня еще неулавливаемые идеи), но надо подчеркнуть, что восприимчивость сознания человека и человеческого общества к идее зависит не только от ее «удельного веса», но и от ее температуры: холодный свет факела исполинской статуи свободы в Нью-Йорке не зажег нигде пламени свободы, а Боливар своим горением, своей горячностью воспламенил всю Южную Америку в борьбе за свободу. Ницше так преподнес Европе своего «Заратустру», что мог сказать о себе: «Я человек, который творит пустыни». А Ре-революция нуждается в людях, способных превратить нынешние пустыни сознания в цветущие сады при помощи возрождения затоптанных Революцией идей или провозглашения идей, доныне неведомых.

Многие тысячи североамериканцев в качестве экспертов по машиностроению, мелиорации, метеорологии, экономике, гигиене и т.д. работают в государствах Свободного мира, стремясь

4 Название закона о свободе личности, принятого английским парламентом в 1679 г. - Ред.

в то же время всюду насадить американизм, чтобы спасти мир от радикализма из Кремля и косности Старого Света. Американизм - это уверенность, что американская конституция лучшая в мире, что американские нравы и быт лучшие в мире, что все народы будут счастливы перенять у американца напряженную борьбу за личное преуспеяние, обогащение, подражать американцу в его способности к труду, любви к комфорту и потребности к благотворительности. Все приемлют американскую помощь, но не приемлют американизма и ненавидят американцев тем больше, чем интенсивнее они помогают, потому что чем интенсивнее помогают, тем больше стараются американизировать. Всегда и всюду «культуртрегеры» раздражают своим свысокаглядением, самоуверенностью и непониманием простой истины: «что город, то норов». Не всякий народ хочет променять свою южно-американскую лень на североамериканский «темпо» или свое «польское хозяйство» на немецкий «орднунг».

Ре-революция не должна повторять ошибок Революции с ее прокрустовым ложем, на котором укорачивают или растягивают интеллект, чувствования, норму потребностей каждого народа, чтобы стать приемлемой и желанной. Идеи Декарта были руководящими для белой расы, но не проникли в цветные. Ре-революция нуждается во многих Декартах, чтобы во всех расах рассеять мрак большевизма.

Национал-социализм воспитывал в великолепных замках великолепно подобранную молодежь - «Гитлерюгенд», - коммунизм на протяжении десятилетий с величайшим старанием воспитывает комсомол. Создание «орденской молодежи» на социалистической базе не удалось. Воспитание юношей-кадет в России и. может быть, суворовцев в СССР свидетельствует, что национальная база способствует достижению отличных результатов. Демократическая воспитательная система - общая для всех начальная школа, образование, всех нивелирующее и непременно лаическое, - старательно послужила Революции, упразднив в народах иерархию культурности, иерархию нравов. Ре-революция должна найти такую воспитательную базу - национальную, не материалистическую, - которая давала бы возможность отбора морально лучших для образования слоя аристократии духа, аристократии нравов в противоположность доминирующей ныне нахалократии, по выражению И.А. Ильина, какастократии («какастос» значит «наихудший»). Необходимо отвергнуть нелепую мысль Зигмунда Фрейда: «Пока добродетель не станет оплачиваться на земле, напрасно будет проповедоваться этика» и усвоить мнение Эриха Прука: «Нужно разумное, культурное воспитание на базе этически основанного принципа и общего социального порядка и, добавим, религиозного духа. В Аргентине католики проявили смелость и настойчивость и получили свой, христианский университет, чтобы не слать своих юношей в лаический, социалистами захваченный. Борьба против «секуляризации» народного образования, народных школ всех ступеней могла бы иметь большое ре-революционное значение.

В Англии 1 священник приходится на 308 католиков, в Испании - на 945. во Франции - на 2000, в южно-американских республиках до 9000 католиков окормляет 1 священник. Ужели христиане не могут дать Церкви больше людей, готовых посвятить себя священнослужению?

Если Советы ради спасения Революции приняли меры к упрочению семьи и, следовательно, к поднятию нравственности и очищению нравов, то ужели в Свободном мире нет возможности хотя бы до некоторой степени оздоровить нравы восстановлением семейного быта? Если заработки отцов позволят матерям возвратиться от службы к дому, к детям, если увеличение «жилплощади» сделает возможной жизнь детей дома, а не на улице, если школа станет развивать консерватизм, вместо насаждения якобинства, то первичная ячейка человеческого общества будет оздоровлена.

Утопична ли мысль о создании вместо «Пэн-клубов» и «ротари-клубов» объединений нравственных писателей, художников, композиторов, актеров и режиссеров и объединений нравственных директоров книгоиздательств, театров, газет, кинопредприятий, радио, телевизии?

Если Ре-революция возбудит движения к освобождению сознания от уродливостей Революции, то тем самым возникнут движения к освобождению нравов от большевизма, от буйства, распущенности, непризнания авторитетов, от циничного тяготения ко злу и ниспровержению всего, что имеет печать добра. За периодом упадка нравов всегда наступает эпоха возрождения нравственности, а иной раз - даже эра пуританства. Как ни глубок, как ни всеобщ сейчас упадок этики, нет оснований думать, что Ре-революция не создаст перелома, что Ре-революция не выдвинет слои, группы, сообщества, которые возглавят движения не для полного восстановления дореволюционных нравов - об этом и нельзя да и незачем мечтать, - но для введения нравов в русло человеческого достоинства и поднятия их хотя бы до минимума пристойности, приличествующей цивилизованным людям.

Ре-революционеры. «Русь Святая! Русь Окаянная!» - воскликнул недавно публицист Михайловский, а мы скажем: Русь - Кудеяр, Русь - Питирим. Кудеярами злодействовали матросы в авангарде большевизма, Питиримами подняли они в Кронштадте первое восстание против коммунизма; кудеярствовал мужик, предводимый Лениным, Питиримом, он попытался «Богу и людям служить» под водительством Антонова. В падении своем Русь мощно поддержала большевизм и его орудие коммунизм, в своем моральном восстании она будет, надо полагать, опорой Ре-революции.

Уже зарегистрировано немало политико-социальных происшествий и явлений, которые не-революционерам хотелось бы считать предвестниками Ре-революции: восстания в Воркуте, Советской Германии, Восточном Берлине, Познани. Венгрии, рост оппозиционных настроений в Болгарии, Румынии, Албании. Но, быть может, в Воркуте был только бунт, а не восстание, может быть, вспышки протеста в Венгрии и Польше не имели ничего общего с революционными традициями, уцелевшими от времен Кошута и Костюшки, и уж не подлежит сомнению, что убитый Надь и благоденствующий Гомулка не оппозиционеры Кремлю, а оппозиционеры Кремля: не против идеологии они, а против того, как эта идеология проводится в жизнь. Люди Революции, если не переродятся, бесполезны для Ре-революции, как Черчилль, показавший свою пригодность в руководстве двумя войнами, дважды оказался негодным для руководства миром.

Сохраняя свои национальные черты и ре-революционные потребности своей нации, ре-революционеры всех наций будут более или менее единодушны в том, что психологически более или менее всюду может стать приемлемым: борьба против большевизма, как психического рака; против коммунизма, как противоестественности, и против уродств капитализма; против тоталитаризма и против дегенерации демократизма; против произвола толпы и против бесчестности парламентов; против порабощения личности государством и против анархической личности. Вероятно, среди ре-революционеров будут играть известную роль традиционалисты, ценящие ценность культур Старого Света и Америки; будут люди, отвергающие либо излишества материализма, либо материализм, как таковой; будут люди, которые, не приблизившись к совершенству, воспротивятся несовершенству, получившему всюду доминирующее положение, будучи протежируемо Революцией, умышленно развязывающей злые силы. Среди водителей Ре-революции будут те, кто ныне придавлены Революцией: люди живой совести, а в числе их на первом месте - люди религиозной совести. Любовь к ближнему - вот сила, могущая разрешить мгновенно все проблемы, если она была хотя бы на мгновение всеми людьми

приложена ко всем проблемам. Но заповедь «Возлюби ближнего» труднее заповеди «Возлюби Господа», и поэтому Ре-революция едва ли будет иметь любовь к человеку своею базою: но все же Ре-революция будет совестливее Революции уже хотя бы потому, что она будет протестом против ненависти, взращенной Революцией, и против бессовестности многих идей и действий революции.

Революция в своих обвинениях против старого пользуется неистощимым словарем злобности и несправедливости. Но не перевелись на свете люди доброжелательные и справедливые - когда их пассивное неприятие излишеств Революции станет активным, они окажутся той элитой, которая поведет массы в Ре-революцию. На фоне растления, кажущегося всеобщим, видим людей, в которых материалистическое воспитание не выжгло идеалистического сознания, не придавило чувства обязанности и ответственности, от природы заложенные в большинство душ; видим храбрых воинов, отдающих свою жизнь в жертву суровому долгу, боговдохновенных вероучителей, самоотверженных патриотов, истиной озаренных мыслителей, добронамеренных педагогов и множество людей всех состояний, живущих по правде. Нельзя, немыслимо себе представить, чтобы эта духовная сила не повела за собою толпы людей с опустошенными душами. Говоря об элите, понимаем отбор не по социальным категориям, а по человеческим: «В каждом классе есть масса и элита» (Ортега-и-Гасет). Конечно, к идеалистической, культурной, интеллигентной элите примкнут, почуявши ре-революционную конъюнктуру, политики, дипломаты, синдикалисты и финансисты и вообще люди дюжинные, но и они будут полезны, коль скоро будут того убеждения, что руководящая деятельность - прерогатива, непременно сопряженная с несением тяжкого бремени.

Ленин говорил, что успех революции зависит от степени участия в ней женщины. Он оказался прав: российский народ не стоит на стороне коммунизма, потому, во-первых, что женщина, потерявшая право быть женщиной, ограблена революциею: как раскол, старообрядчество 300 лет держалось консерватизмом женщины, так антикоммунизм в СССР держится женщиной. Бабушка - это реакция, традиция; мать - это контрреволюционная потребность в семейном очаге; невеста - это зов к личному счастью и отвращение к обязательному жертвованию этого счастья ради пользы коллектива, пятилетки, мирового пролетариата. Вне коммунистических стран, где Революция не так обесправила женщину, ре-революционные задатки в женщине не менее сильны: женщина консервативна и не мирится с тем, что мужа у нее отнимает не только служба, но и для выравнивания семейного бюджета необходимая дополнительная службишка, что детей у нее отнимает улица и что благополучие ее семьи - домашнего очага - непрестанно нарушают забастовки, беспорядки, зачастую по причинам, ни ее семьи, ни ее города, ни ее родины не касающимся: в Лиме скандалят по случаю приезда американского вице-президента Никсона, в Монтевидео - из-за казни в Калифорнии Чесмана.

Надеждою Ре-революции надо считать молодежь. Одни говорят, что молодежь ныне бездушна, охвачена гангстерскими настроениями и хулиганством. Другие твердят: молодежь такова, как и встарь. Правы и те и другие. Молодежь всегда склонна к экстравагантности, и мы ее видим сейчас весьма экстравагантной. Но лучшая часть молодежи всегда ищет правды, и непременно новой правды, потому что для нее старая правда - это застой, мракобесие. И ныне, присмотревшись, можно увидеть такую молодежь, для которой столетней давности ученье Маркса и полувековой давности доктрина Ленина, а тем более сталинистами опровергнутая премудрость Сталина - все это консерватизм, реакция, обскурантизм. Присмотревшись, можно увидеть, что молодежь перестала массово включаться в коммунизм и социализм, а включившаяся - разочаровывается и уходит. Молодежь раньше всех придет к сознанию, что Ре-ре-

волюцией надо исправить уродливо выполняемую Революцию, что возврат к напрасно, в революционном угаре, отвергнутому хорошему будет прогрессом.

Невозможно себе представить, чтобы богохульная пассивность религиозных людей в отношении богоборчества и атеизма не сменилась крестовым походом христиан, газаватом магометан и т.д. Если клир, ставший своего рода бюрократией, не станет духовенством в полном смысле этого слова и не возглавит Ре-революцию духовного возрождения, то внеконфессиональное богоискательство пополнит «не-прохладными» людьми религиозный сектор Ре-революции.

Материалистический сектор ее пополнится людьми, имеющими реальный интерес добиваться перемен в дипломатической, политической, финансовой и социальной сферах - 40 млн. «переселенных лиц» бедствуют от жестокости Всемирной Революции: это такой же ре-революционный элемент на Западе, как в СССР миллионы заключенных в лагерях и поселенцев вокруг них.

Не продолжая перечня слоев и групп, могущих выставить борцов Ре-революции, надо указать и на другой источник пополнения ре-революционных рядов. Верность Революции - не массовое качество: масса, в силу своих психических свойств, легко изменяет Революции, когда ей покажется, что та изменила ей. Но и революционные деятели часто становятся «перелетами»: и при Сталине и после Сталина Революция пожирает своих творцов, потому что они, запутавшись в ее противоречиях, теряют верность ей. Даже наиболее облагодетельствованный Революцией «новый класс» (по Джиласу) хочет консолидации Революции, то есть закрепления «завоеваний» без треплющего нервы углубления их. В Польше об этих комсановниках острят, что они из пролетариата обратились в шевролетариат (намек на приобретение ими американских автомобилей «шевроле»). Немало обнаружится «перелетов», когда станет выявляться Ре-революция. Ignacio Silone, один из крупных «перелетов» в антикоммунистический лагерь, утверждает, что экс-коммунисты поборят коммунизм. Многочисленные Силоне, в последние годы покинувшие коммунизм, разочаровавшись в нем, могут действительно стать одной из движущих сил Ре-революции. Но, конечно, не Беседовские и Кравченки, которые прыгали через стену и избрали свободу только в момент опасности быть поставленными к стенке или быть лишенными свободы. Только прозревшие, духом переродившиеся революционеры могут стать ценными ре-революционерами.

Грехи Запада (по мнению швейцарского проф. В. Ранке) - слабость, глупость, нерешительность, трусость, цинизм, нечистая совесть. Кто безгрешен по перечисленным пунктам или кто покается в этих грехах - тот ре-революционер. Их будет много. И они будут мощны. В этой вере в человека и в уверенности в том, что худую часть Революции упразднит Ре-революция, поддерживают слова Бунина: «...от жизни человечества, от веков, поколений остается на земле только высокое, доброе, прекрасное, только это. Все злое, подлое, низкое, глупое, в конце концов, не оставляет следа».

Революция произошла в шести различных сферах. Немыслимо предвидеть, в каких именно народах возникнут шесть плацдармов Ре-революции. Но можно допустить надежду, что российский народ образует несколько плацдармов. Мысль эта основывается не на мистических предсказаниях - русских и иностранных - о возлежащей на России миссии дать новый свет человечеству, а на учете реальных обстоятельств, в СССР обнаруживающихся.

1. Кремлем в оборонческих целях дозволенный национализм и навязываемый ему шовинизм иммунизировали страну к интернационализму, характерному для всемирной дипломатии в Свободном мире.

2. Коммунистические лозунги, продолжающие оставаться для части молодежи других наций захватывающе-прогрессивными, кажутся молодым поколениям в СССР реакционными; поэтому молодежь там и даже комсомол отходят от правящей партии, в которой к тому же энтузиазм и фанатизм заменены рутиной.

3. Коммунизм СССР отступает под давлением стихийно нарастающей мелкобуржуазности масс и буржуазности привилегированных слоев.

4. Так называемое «бесклассовое общество» расслоилось, и народ за четыре десятилетия Революции возненавидел коммунистический класс во стократ сильнее, чем невзлюбил дворянский класс за четыре столетия существования Царства.

5. Изжив Коллонтай-Крупскую мерзость, народ в своих нравах оказался ныне чище многих народов Запада, а суровость режима приучила его к дисциплинированности, какая отсутствует в Свободном мире.

6. В муках сорокалетней борьбы против чуждого учения народ духовно окреп и его сознание подымается по ступеням религиозности на высоты, недоступные нациям, не познавшим такого падения, страдания, преодоления и духовного восхождения. И это - важнее всего, ибо плацдарм Ре-революции сознания - важнейший из плацдармов. На Западе этот плацдарм подготовлен пока слабее всех прочих.

Мятежевойна

Психологическое воевание. «Невозможно изобретать. Можно обретать (находить) и подражать», - сказал J.G. v. Herder. Невозможно изобрести человечество без борьбы за существование и, следовательно, без войны в той или иной форме. Невозможно изобрести вечный мир. Наши предки были реалистами: они знали, что мира не бывает, и, прерывая войну, заключали перемирие на определенное число лет. Не тщась изобрести невозможное, можно пытаться, подражая существующему, усовершенствовать перемирия, называемые ныне миром.

Однако усовершенствовать путем сговора не удается. Переговоры о разоружении ведутся 9 лет, о безопасности - 10 лет, об атомном оружии - 10 лет, о Германии - 13 лет (в общей сложности свыше 4000 заседаний), но они не улучшили мира. Если по-старинному верить, что можно накликать беду, то, пожалуй, следовало бы сказать, что эти переговоры накликают войну. Впрочем, война - встряска - может усовершенствовать то, что не усовершенствовано переговорами.

Издавна существовало мнение, что «каждая война начинается так, как закончилась предыдущая». И хотя это правило многократно не оправдалось, все же и многие военные специалисты, и невоенные специалисты в непонимании военного дела, помня, что 2-я война закончилась взрывами атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки, уверены, что 3-я начнется такими же взрывами над Вашингтоном и Москвой, Бостоном и Баку. Однако во время войн происходят странные вещи: в 1-ю войну между летчиками воевавших стран было молчаливое соглашение не бомбардировать аэродромов; во 2-ю войну разведка той и другой стороны обменивались секретными сведениями, а верховные стратеги, как бы сговорившись, воздерживались от применения приготовленных химических и бактериологических средств войны. И в 3-ю войну воздержатся, вероятно, от употребления «стратегического» атомного оружия. Если бы встарь для дуэлянтов изобрели станковые пистолеты, точно нацеливаемые в сердце противника, то это не упразднило бы дуэли: дрались бы на саблях. США и СССР имеют «станковые пистолеты», атомное оружие, хорошо нацеленное в уязвимые точки врага. Однако эти «пистолеты» не

упразднят войны, но заставят, вероятно, воевать, угрожая водородными бомбами, не применяя их. В шахматах бывает положение «пат». США и СССР взаимно объявят атомно-стратегический «пат». Зорко следя недруг за недругом, будут воевать в тактике термоядерно, а в стратегии «психоядерно», то есть, расщепляя не атомы водорода, но атомы вражеского народа, его духа, его психики. Не будет атомной войны, будет мятежевойна.

Может быть, мятеж (революция или ре-революция) перейдет в мятежевойну; может быть, война превратится в мятежевойну. Если не в первый момент, то в последующие война и мятеж сольются в мятежевойну, потому что в эпоху всеобщего смятения душ психологически невозможно, чтобы Жан нейтрально сидел в бистро, когда Пьер сражается в окопах с врагом: Жан пойдет в диверсанты, в саботажники или вредители. Мятежевойна нужна Революции, которая нигде не может восторжествовать безоружно - это доказывает опыт 4 десятилетий, - но она нужна и Ре-революции, чтобы оружием поставить порядок на место беспорядка, поддерживаемого оружием Революции. Генри Форд ошибочно утверждал, что «война никогда не приносила решения, она лишь превращала организованную, плодоносную жизнь в неорганизованный, бесформенный хаос». Неверно, потому что кратковременный хаос 1919- 1920 гг. дал США золото всего мира, хаос 1945-1947 гг. дал им всемирное могущество. Хаос мятежевойны даст Ре-революции большие шансы: родятся новые идеи, придут к власти новые люди, вместо нынешних, делающих Революцию, или потворствующих Революции, или отступающих перед Революцией. Два генерала - Хампе в Бонне и Сбытов в Москве, - хотя и разными словами, одинаково характеризуют Третью Всемирную: «Новый мировой пожар выйдет за рамки общепринятых форм ведения классических войн... и станет борьбой за существование участвующих в нем народов» и «оружие массового поражения и другие средства (ракеты) ведут не к "кнопочной" войне, а к борьбе многомиллионных армий, к вовлечению буквально всего населения в войну... не ракеты решат, а совокупность важнейших факторов - политического, экономического, военного». А Jules Monnerot пишет: «Война, гражданская война, внешняя политика, внутренняя политика, экономика, религия и др. формы человеческой активности теряют самостоятельность».

Восток готовится к такой войне, а на Западе подсчитывают тем способом, каким подсчитывали в 1870 г., 1914 г., 1939 г.: у тех больше дивизий, тактической авиации, межконтинентальных ракет, подводных лодок, но у нас больше огневая мощь дивизий, больше бомбардировщиков, больше опытного летного персонала, больший промышленный потенциал, наши нефтяные поля менее уязвимы, чем ихние, и наше преимущество в том, что наши коммуникации морские, а у них сухопутные и т.д. К мятежевойне Запад не готовится. Иначе говоря, к войне не готовится. Ему следовало бы прислушаться к словам английского генерала Фуллера: «Если страна не готова к войне, как пожарная команда к тушению пожара, то она во время войны не возместит недоделанного в дни мира». Поскольку важнейшими, по мнению Мольтке, элементами военного искусства являются оценка обстановки и смелость решения, стратегия Запада сейчас весьма неискусна: она не принимает смелого решения реорганизоваться для мятежевойны, потому что не оценивает ситуации, созданной в мире Революцией. Лучший из стратегов минувшей войны фельдмаршал Ф. Манштейн пишет: «Стратегия - служанка политики, но политика не должна отвлекать стратегию от основной цели: разбить живую силу противника», т.е. его войско. Это - археология. А современная социология (Gaston Bouthoul) говорит, что в идеологических войнах моральная стратегия должна иметь целью вселение паники не только во вражеское войско, но и во вражеский народ. Об уничтожении живой силы (т.е. войска) можно было говорить в эпоху постоянных армий; уже в Первую Всемирную стали добиваться

уничтожения военной силы (т.е. войска и его людского запаса), а во Вторую Всемирную увидали, что и это невозможно: к весне 1943 г. СССР потерял 11 млн. человек убитыми, пленными, инвалидами, но продолжал увеличивать число дивизий на фронте. А как уничтожить - т.е. убить или взять в плен - живую силу врага, если в будущем эта живая сила - не только войско со стоящей за ним военноспособной частью народа, но - весь народ от отроков до старцев, от отроковиц до стариц? Не об уничтожении живой силы надо думать, а о сокрушении психической силы. В этом вернейший путь к победе в мятежевойне.

В эпохи войн войска против войска полководцам обычно не удавалось «все обнять единым взором» (как учил Суворов) и поэтому побеждал тот из генералов, который делал меньше ошибок, нежели его противник. В тотальной войне (Людендорфова стиля, какими были две Всемирные) уже и коллективный стратег не мог всего обнять единоколлективным взором. А в психологической войне - мятежевойне - это будет и того труднее, потому что ее главнейшим фактором будет то, что немыслимо ни измерить, ни взвесить, ни, подчас, приближенно учесть - дух. Дух наших, дух ихних, дух нейтральных. Когда в 1943 г. фельдмаршал Манштейн требовал отдачи Крыма, чтобы действовавшая там армия подкрепила его фронт на Днепре, то Гитлер возражал: потеря немцами Крыма, а следовательно, господства на Черном море будет иметь психологическим последствием выход Румынии из союза с Германией и выступление нейтральной Турции на стороне врага. Когда генерал Гудериан с танками прорвался (1940 г.) до Ла-Манша, Гитлер остановил его перед Дюнкерком, чтобы дать английской армии спастись на кораблях и лодках: фюрер думал, что его джентльменство побудит островных джентльменов заключить мир с Германией (расчет оказался ошибочным, но психологический план теоретически интересен). Когда фельдмаршал Риттер фон Лееб подходил к Ленинграду (1941 г.), то финны отказались поддержать его наступлением от Выборга к этому городу, мотивируя психологическим рассуждением: русские получат впечатление, что близость выборгской границы от Ленинграда опасна для этого города, и они в будущем будут хотеть отодвинуть эту границу подальше. Подобные дипломатически-стратегические спекуляции имели место во все времена, но встарь надо было предвидеть главным образом реакции королей или правительств, а в нынешнюю эпоху властвования масс приходится предугадывать не столько правительственные, сколько народные реакции. Заключив весной 1941 г. пакт с правительством Цветковича, Гитлер не учел возможной реакции белградских толп: в результате - «путч» Симовича, мстительный немецкий поход в Югославию, вызванная этим отсрочка на 6 недель применения плана «Барбаросса» (против СССР), вследствие чего Москва не могла быть взята до наступления морозов: психология просчиталась на политике Белграда и в результате стратегия осеклась в наступлении на Москву.

Когда воевание было турниром - войско против войска - дело было сравнительно просто: «нашли большое поле, есть разгуляться где на воле» и пошли «ломить стеною», стараясь силой сломить силу. Теперь же при психологическом воевании ни победа в сражении не является самоцелью, ни территориальные успехи: они ценны главным образом своим психологическим эффектом. Для Израиля было бы психологически тяжелее потерять мистический Иерусалим, нежели Тель-Авив, столичный и портовый город.

В плане войны должны быть разработаны нижеследующие пункты: 1) наша цель, 2) предел наших возможностей, 3) этим пределом ограниченная задача, 4) вражеские средства для борьбы, 5) наши средства для решения задачи, 6) способ ее решения. Захват Царьграда, как цель дипломатии и войны, был России психологически ценен, но психологически невозможно было бы поставить целью захват, скажем, Гибралтара. Завоевание Оттоманской империи лежало

вне наших возможностей, но овладение Фракией и Мало-Азийскими берегами Проливов лежало на границах наших материальных и духовных средств. Задача овладеть Проливами облегчалась бы энтузиазмом балканских славян. Турция в борьбе получила бы поддержку извне, потому что психика австрийцев, итальянцев и в особенности англичан не мирилась с появлением русского флота в Средиземном море. При подсчете наших средств для решения задачи надо было бы рассчитывать на то, что Турецкая Армения не утерпит восстать против Порты. Способ решения: удар на Царь-град через Фракию, чтобы поднять там восстание славян против турок; диверсия в Армении, чающей отделения от Турции; возбуждение константинопольских греков против турок. Эта грубая схема дает представление о сложных психологических деталях плана. Такой план мог бы быть составлен перед войной 1877-1878 гг., но тогда можно было рассчитывать на помощь небольшого болгарского отряда (так оно и оказалось), а в условиях мятежевойны допустимо было бы рассчитывать и на мощные взрывы неповиновения и восстания в Турции и, с другой стороны, на беспорядки в нашем тылу (партизанство грузинских сепаратистов, саботаж части магометан).

Все такие возможности должна определять психологическая разведка, чтобы командование могло учесть их. В каждом штабе (от стратегического до тактического) должно быть психоразведывательное отделение. Генерал де Голль сгоряча расформировал психоразведывательное отделение штаба войск в Алжире, разозлившись на неугодные ему донесения о настроениях в войсках, а через неделю, посетивши алжирские гарнизоны и убедившись в правильности донесений психоразведки, повернул на 180 градусов свою алжирскую политику: вместо переговоров с повстанцами - победа, а затем реформы.

Нет задач деликатнее и сложнее, чем те, что лежат на психоразведке: врач-психоаналитик имеет дело с одной ненормальной душой, а психоразведка - с душами народов больных войной и мятежом. Когда в Лондоне возникло опасение, что остатки французского флота, укрывшееся в Бизерте, могут попасть в руки Гитлера, было приказано английской эскадре потопить этот флот. Такое вероломное нападение должно было вызвать у французов негодование против англичан. Но психоразведка донесла, что это негодование не одолеет французской ненависти к немцам и что Франция примирится с уничтожением ее флота англичанами. Разведка оказалась права. Два года бомбардируя Белград, Линц и Прагу, американцы щадили Вену, вознаграждая ее этим за ее саботирование Гитлеровой войны; венцы благодушествовали и морально демобилизовались и поэтому подверглись внезапной деморализации, когда американцы осенью 1944 г. вдруг стали бомбардировать их город: в результате этого психологического шока Вена оказалась неспособной к сопротивлению, когда к ней подступили в начале 1945 г. советские войска.

Каждое стратегическое (и оперативное) действие может иметь плюсовые и минусовые последствия. Предвидеть их, учесть соотношение их весов - задача стратега. Малиновский и Рокоссовский, участвуя в Испанской гражданской войне на стороне генерала Миаха, придерживались вместе со своими чекистскими сподвижниками мнения, что жесточайший террор укрепит революцию, но они и Пассионария с прочими коммунистическими изуверами не учли того, что террор в Миаховом тылу всполошил население во Франковом тылу и поднял его на победоносную борьбу против диктатуры палачей.

Бывает трудно предвидеть ход психологической псевдологики. Раздробив в 1941 г. Югославию, немцы обласкали Хорватию и прикрутили Сербию; хорваты-католики стали убивать сотни тысяч православных сербов на своей территории, и это усилило в Сербии ненависть не столько к хорватам, сколько к немцам: вы, мол, ответственны за зверства ваших любимцев.

Румынские дивизии охотно перешли вместе с немцами Прут, чтобы отвоевать Бессарабию, менее охотно перешли Днестр ради овладения выдуманной Транснистрией и не имели никакой охоты драться на среднем Дону и на Волге у Сталинграда: психологической безграмотностью была постановка их и итальянцев в боевую линию в 1200 и 2300 км от родины. Для кровопролитного штурма Монте-Кассино было пожертвовано «дешевое» Андерсово «пушечное мясо», но эта гекатомба дорого обошлась англо-польской дружбе, отразившись на боевой морали польских летчиков в составе английской авиации на Островах. Оборона форта Диен-Биен-Фу была психооперативной ошибкой: в обстановке мятежа его удержание французами не имело почти никакого значения, но его потеря (капитуляция, а не своевременное оставление) имело решающее значение для победы мятежа.

Ведение войны - искусство. Ведение мятежа (революции) - тоже искусство. Сейчас возникает новое искусство - ведение мятежевойны. Стратег почти всегда стоит перед трудным выбором целей действия (промежуточных и конечной). В мятежевойне выбор весьма труден вследствие обилия целей и различия удельного веса их (чисто психологические, материальные с психологическим оттенком, чисто материальные). Можно установить такую иерархию целей: 1) развал морали вражеского народа, 2) разгром его активной части (воинства, партизанства, борющихся народных движений), 3) захват или уничтожение объектов психологической ценности, 4) захват или уничтожение объектов материальной ценности, 5) эффекты внешнего порядка ради приобретения новых союзников, потрясения духа союзников врага. Попутно надо стремиться: а) к сбережению морали своего народа, б) к сбережению своей активной, воюющей силы, в) к обороне психологически или жизненно необходимых объектов и г) к избежанию всего, что даст неблагоприятный отклик в государствах нейтральных, но для нас интересных. Во всех случаях иметь в виду реакции не только в руководящих сферах, но и в широких массах, полноценных участниках войны или мятежа.

По газетным сведениям, Shape (Главная квартира союзных сил в Европе) ведет только военную разведку и не имеет отделения для психологической, политической, социальной и т.д. разведок возможного противника. Если в Shape войну мыслят как войну, то ее уже сейчас можно считать проигранной, потому что она будет или мятежом, переходящим в мятежевойну, или войной, переходящей в мятежевойну, или только мятежом, но не будет только войной.

Есть мнение, что можно избежать атомной войны, если Третью Всемирную раздробить на несколько последовательных локальных. Если, например, Алжирская превратится в интернациональную с явными и тайными участниками (как в Испании и Корее), то из пушек по воробьям стрелять не будут: СССР не метнет атомно-стратегические ракеты на города Алжир и Константинополь, а США не кинут атомно-стратегические бомбы на города Тунис и Каир. Но и всемирная война в рассрочку будет тоже мятежевойной: каждый из «взносов» - алжирский, лаосский, палестинский, кубинский и прочие, перечисляемые фантазией, - будет иметь все признаки мятежевойны, будет психологической войной.

В приказе для боя у Треббии Суворов поставил своим войскам задачу: «взять в полон» неприятельскую армию. Стратегия мятежевойны имеет своею перманентной и тоталитарной задачей «взять в полон» вражеский народ. Не физически, но психологически: сбить его с его идейных позиций, внести в его душу смущение и смятение, уверить в победности наших идей и, наконец, привлечь его к нашим идеям. Средством для достижения этого служит пропаганда.

Теория пропаганды не может быть уложена в ограниченные рамки этого труда, но несколько основных мыслей высказать необходимо, чтобы дополнить картину психовоевания. Пропаганда знает два метода действия: делом и словом (агитацией).

Пропаганда делом может дать большие результаты. Сила, стремительность и точность германского удара по Польше и Норвегии ослабила сопротивляемость Франции и лишила Югославию сопротивляемости, а Румынии, Испании, Бельгии внушила такой респект, что они присоединили свои дивизии к германским. Роммель своими феноменальными победами пропагандировал не менее эффектно, чем Геббельс своими феноменальными писаниями. Появление власовцев на Восточном фронте (хотя и позднее, хотя и в гомеопатической дозе) было пропагандным делом, значение которого не почувствовал Гитлер, к тому времени уже безнадежно больной психически. Победа накатывает путь дальнейшим победам, потому что подымает дух победителя и снижает его у побежденного. Идея приобретает убедительность, когда носитель ее импонирует успехами военными, политическими, социальными, дипломатическими, экономическими.

Давно сказал Joseph de Maistre: «Чтобы убить идеи, надо убить людей». Князь Кропоткин, идеолог анархизма, из этой мысли сделал учение. Было много убитых: Елизавета Австрийская, Гумберто, король Италии, Дон Карлос, король Португалии и Луи Филипп, президенты Сади Карно (Франция), Мак-Кинли (США), министры Плеве, Столыпин. Иной раз бывала убита и идея, иной раз - нет. Убит Ганди - и гандизм выветрился. Убит Троцкий - троцкизм жив. Есть и другой путь: чтобы убить человека-властелина, надо убить его идею. Президент Вильсон политически умер, когда Клемансо и Ллойд Джордж умертвили его «14 пунктов», Гитлер умер не в развалинах Берлина, а под развалинами его идеи «Пан-Европа».

Когда Гудериан с танками победоносно мчался по Франции, Гитлер его приостановил было на р. Уаза: испугался, что дальнейшее движение может привести к неуспеху, а неуспех развеет славу германской непобедимости и вольет уверенность в растерявшихся французов. Пропагандные соображения остановили стратегическое продвижение (впрочем, стратеги убедили пропагандиста Гитлера разрешить Гудериану дальнейший марш).

Пропаганда действием не состоит только в победном применении оружия и в террористических актах: удавшаяся генеральная забастовка увеличивает самоуверенность рабочего класса, стабилизация отечественной валюты подымает авторитет правительства. Бушующие ныне по всему свету волны нетерпимости и партикуляризма возвели прямое действие в культ: запрещением преподавания религии хотят искоренить религию, бойкотом Испании думают опорочить идейность Франко.

Прямое действие может иметь пропагандный успех: захват Суэца поднял значимость Нассера. Египта и арабского мира. И даже блефирование может дать пропагандный барыш: Берлинский ультиматум Хрущева открыл ему двери Соединенных Штатов, а 30 лет повторяемое «догоним и перегоним» притупляет немного злобу советского обывателя на советскую власть. Никакая контркоммунистическая пропаганда не имеет такого эффекта, как коммунистические действия в странах-сателлитах: чем радикальнее там экономическая, социальная политика Кремля, тем интенсивнее антикоммунизм.

Пропаганда словом, или агитация, стала хлебом насущным правительств и партий. «Слухи увеличивают действие», - писала Екатерина II Потемкину, советуя тревожить турок пугающими слухами в дополнение к боевым действиям. Суворов приказывал своим войскам «при ударах делать большой крик и крепко бить в барабаны». Сейчас крик и барабаны предваряют и сопровождают каждый значительный (и даже незначительный) момент в жизни государства. Само слово «агитация» показывает, что этот вид пропаганды - болезненное явление. Волновать, будоражить, взвинчивать нервы народа равносильно даче ему возбуждающих средств: от случая с случаю - пожалуй, полезно, но непрестанно - вреднее кокаина и марихуаны. И тем не

менее, агитацию надо считать одним из главных средств ведения мятежевойны: нападательная агитация способствует ослаблению врага, оборонительная агитация усиливает наш дух (оборонительная не смеет обороняться, оправдываться, извиняться, но должна активно активизировать эмоции и мысли наших воинов, борцов и неборцов). Надо помнить, что масса с трудом усваивает смысл идеи - ей более доступен облик идеи. Поэтому секрет успеха агитации не столько в том, ЧТО преподнести, сколько в том, КАК преподнести.

Коммунисты думали упростить дело. Ухватились за учение академика Павлова об «условных рефлексах» и, позаимствовав у китайцев слова «промывание мозгов», принялись обрабатывать народ, как пса в павловской лаборатории: при слышании имени «Сталин» должно было возникать всеобщее благоговение, при словах «строительство социализма» - неудержимый энтузиазм. Но условные рефлексы не возникли, «промывание мозгов» привело к некоторому засорению мозгов, но мозги и чувства остались свободными, некоммунистическими. «Научный метод» не удался - агитация остается искусством. (Примечание: голландский проф. др. Joost Meerloo удачно назвал «промывание мозгов» словом menticio - духовное умерщвление.)

Известна фраза Вольтера: «Я совершенно не согласен с вами, но до конца своей жизни буду защищать ваше право высказывать мнение». Современная агитация имеет противоположную тенденцию, потому что одним из свойств охватившего мир большевизма является наличие у государств, властителей, партий, сообществ и индивидуумов мнения безгрешного, безапелляционного, для всех обязательного. Но если и не быть сторонником тиранической агитации, то все же надо держаться агитации настойчивой: повторенье - мать внушения, т.е. агитации.

Агитация во время войны должна быть двуличной: одна полуправда для своих, другая - для противника. Но и двуличия мало - требуется, так сказать, многоличие: для каждого уровня сознания, для каждой категории нравов, склонностей, интересов - особая логика, искренность или лукавство, умственность или сентиментальность. «Во времена диктатур, идеологий, крестовых походов, безмерною пропагандою подстегнутых масс слова "здравый смысл" никогда не пишутся большими буквами», - говорит фельдмаршал Манштейн, потому что его военным классицизмом взращенное понимание воинского и гражданского поведения в дни войны никак не гармонирует с психикой революционных граждан и воинов. В 1940 г. Геббельс вычитал, что за 4 века пред тем Нострадамус предсказал: «Вождь Арминиус завоюет Брабант, Булонь, Фландрию...» - и Геббельс приказал по линии Мажино разбрасывать летучки, в которых говорилось, что судьба Франции предрешена: вождь Армений (Сталин, союзник Гитлера) завоюет французские земли. Французы, читая занимательную летучку, не замечали передержек: Сталин - грузин, а не армянин и Армений был не армянином, а предводителем этрусков. Но ведь ни здравый смысл, ни истина не необходимы для возбуждения эмоций!

Эмоциональное слово - инструмент агитации. Словом ныне пользуются в больших количествах. Ежегодно печатается 5 млрд. книг - по две штуки на каждого обитателя Земли, включая грудных младенцев и дикарей, не имеющих письменности. Газет и журналов печатается не одна сотня миллиардов экземпляров в год. Пока ракетометы только готовятся к своему разрушительному действию, тысячи словометов-радиостанций распространяют агитационные слова. Их пытается отражать своего рода зенитная артиллерия - глушащие радиоустановки; в одном СССР их насчитывается свыше 2600. Эта цифра побуждает дать волю обоснованной фантазии, чтобы вообразить предстоящую во время мятежевойны напряженность радиобоев, агитосражений, психобитв. В этих боях, сражениях, битвах верх будет брать тот, кто больше, продуманнее, искуснее будет считаться с тем, что было сказано в разделе «Психология народных движений», потому что мятежевойна есть всенародное движение, движение, в котором борет-

ся весь народ, борется физически и главным образом психически: психологическая война требует применения искусства психологического воевания, воевания в четвертом измерении войны.

Иррегулярное воевание. С момента, когда война станет неминуемой или когда она начнется, возникнет великое переселение народов. Во-первых, эвакуация детей, стариков, нетрудо- и небоеспособных людей обоего пола (калек) в безопасные районы. Международный Красный Крест с 1949 г. ждет, чтобы государства сообщили ему, какие районы они предназначают для такой концентрации этой, безусловно, мирной части населения, которую государства обязались, воюя, щадить. Ни одно государство не ответило: по-видимому, опасаются обозначением нейтральных зон сконцентрировать внимание противника на зонах военной ценности; кроме того, практически немыслимо из системы путей сообщения, промышленности и войсковой мобилизации выделить область, через которую не смеет пройти автомобиль или поезд с военным грузом, в которой нельзя фабриковать даже пуговицы для солдатского мундира. По этой же причине мертворожденной остается и другая краснокрестная идея - учреждение «открытых городов», очищенных от всего военного и поэтому избавленных от военных ударов (бомбежка, обстрел, осада). Придется невоюющую часть населения, за отсутствием безопасных зон, переселять из более опасных зон в менее опасные. При этом шлагбаумы на государственных границах не опускаются: глубина боевых маневров, танковых рейдов, воздушных налетов и зоны действия тактических ракет такова, что только три государства, благодаря своей протяженности - СССР, Китай, США - являются самодовлеющими величинами в деле передвижения населения во время войны; прочие государства должны создавать континентальные переселенческие комбинации.

Во-вторых, из областей, могущих подвергнуться вторжению врага, надо всех, не подлежащих немедленной мобилизации и всех невоеннообязанных, но трудоспособных, спешно перебросить в области, где требуется умножение рабочей силы.

Эти переселения, нарушающие уклад народной жизни, надо производить одновременно с военизацией народа. Все считавшиеся в прежних войнах освобожденными от войны, т.е. прикрепленные к промышленности, государственной администрации, торговле и т.д., получают активные и пассивные военные задания. Для выполнения пассивных заданий они включаются в команды для спасения людей и имущества во время и после бомбежек, для обеззаражения объектов, подвергшихся атомному удару; включаются в агитационные группы, содействующие агитоорганам в поддержании народного духа на должной высоте. Все это - не «нагрузка», не занятие, не общественная деятельность: это - фактическое и напряженное участие в войне. Ведь обозный рядовой или санитар полевого госпиталя, не стреляя, не сидя в окопе, воюет фактически напряженно и полноценно с точки зрения их специального значения в войске.

Прикрепленные к индустрии, администрации и т.д. включаются и в активные земские формации: по сигналу тревоги усиливают собою противовоздушную оборону, противопартизанские отряды и формируют милиционные полки для отражения прорвавшихся или с воздуха спустившихся войсковых отрядов противника (московские рабочие приняли деятельное участие в отражении немцев, приблизившихся в 1941 г. к Москве). Но и вне периода тревоги эти люди имеют активно-военные обязанности: пресекать акты диверсийные, террористические, вредительские, саботажные, шпионаж и пораженческую агитацию. Маниакально-злодейский «СМЕРШ» (Смерть шпионам!) принес больше вреда, чем пользы, без толку убивая, но подобная разумно-бдительная организация должна быть создана в каждом государстве на случай

мятежевойны, когда фронт не только там, в поле, где наши войска соприкасаются с вражескими, но и здесь: на улице, на фабрике, в собственном доме (дома - идеологические схватки, на фабрике - таинственные происшествия, на улице - беспорядки, от замаскированных под хулиганство до демонстраций).

Вся эта земская служба должна быть подготовлена в мирное время. Но «гром не грянет, мужик не перекрестится» не наше только свойство: трудно, например, побудить людей заблаговременно строить убежища - во-первых, жаль труда и денег, во-вторых, никакое, мол, убежище не спасет от водородной бомбы. Приходится убеждать, что и пожарные команды не дают 100% сохранности имущества и жизни, но все же без команд этих было бы хуже. От характера народа зависит, следует ли при организации сил и средств земского фронта центр тяжести полагать в общественной самодеятельности или в правительственном и муниципальном администрировании. Во 2-ю войну в Германии было сооружено прочных убежищ на 8 млн. человек и приспособленных на 15 млн.; теперь, из опасения нуклеарных бомб (тактических и стратегических), действие которых распространится не только на густонаселенные пункты, но и на уединенные фермы, надо, чтобы все население приготовилось скрыться под землю и бетонные пласты, а для этого надо разрешить психологическую задачу в государственном масштабе - уверить в возможности спастись. Немцы в это поверят, потому что знают, что не будь во 2-ю войну противовоздушной обороны и мер безопасности и спасительных организаций, то потери населения были бы в 20 раз большими. Но народы, не испытавшие многократных ковровых бомбежек, не так легко побудить к подготовке земского фронта. В мирное время больницы при помощи добровольных давателей крови едва покрывают свою потребность в ней; в предвидении же войны потребуется образование исполинских запасов крови в консервах, потому что она необходима для восстановления кровообращения у десятков, многих десятков тысяч людей, подвергшихся действию тактических нуклеарных бомб (а если будут применены стратегические, то придется считать уже не в десятках, а в сотнях тысяч). И многих других исполинских мероприятий требует организация земского фронта.

Скелетом этого фронта уже в мирное время должны быть полиция, тайная полиция, контрразведка, аппарат пропаганды и, на первом месте, войска внутренней безопасности. Такие войска существуют не только в коммунистических государствах: Франция, например, имеет 60 рот Республиканской охраны (12 000 человек), предназначенных для борьбы против бушующих толп. На эти войска во время войны ложится также обязанность искоренения враждебного партизанства, в чем им помогают гражданские противопартизанские отряды. Другого типа отряды способствуют контрразведке и полицейским органам в уничтожении групп террористических, диверсийных (как доморощенных, так и проникших из враждебной страны) и в обнаружении руководителей вредительства и саботажа, а также в пресечении этих видов неприятельского воевания в народе. Третьего типа организмы усиливают собой кадр агитаторов, ведя разведывательную и оперативную работу: разведка состоит в уловлении слухов и лозунгов, распространяемых в народе врагом; оператика состоит в активной агитации всех видов (в том числе и в агитации шепотом, имеющей подчас большее психологическое действие, чем громкая официальная шумиха).

Тайная организация алжирских повстанцев держит террором в своих руках всех алжирских уроженцев в Европе, а тайная организация французских националистов «Красная рука» распространила свою деятельность далеко за пределы Франции. Эти факты приоткрывают немного завесу будущего, давая представление о той напряженнейшей войне в народе, которая будет существенной частью мятежевойны, потому что противник постарается разогреть у нас

до белого каления все ненависти и недовольства, превратить все противоречия в змеями наполненные пропасти и сотрясти все государственные и общественные установления и устои.

В 1919 г. в городе Амритсар (Индия) английский генерал Дейер подавил огнем возмущение: в толпе было убито 379 и ранено 1000 индусов. Возмущение индусов улеглось, а возмущенное общественное мнение добилось, чтобы генерала уволили в отставку. Сейчас нервы общественности должны будут привыкнуть к массовому кровопролитию в народе, потому что мятежевойна - жесточайшая из форм войны. Американцы приветствовали после 1945 г. суды над немцами, расстреливавшими заложников, над генералами, приказавшими на поле боя без суда расстреливать дезертиров. А когда в Южную Корею проникли северокорейские партизаны, диверсанты и террористы, то американцы были принуждены применить против них драконовские меры. Революция перевернула понятия: партизанство было запретным, а теперь стало дозволенным; институт заложничества был дозволен военными законами, а теперь вдруг оказался противозаконным. В нормальных условиях при обнаружении преступления огромный полицейский и следственный аппараты на протяжении дней или месяцев ищут злодеев. В Алжире для предотвращения террористического акта необходимо спешно выпытать у арестованных, где скрываются террористы, а общественность Франции не понимает равную значимость, равную необходимость и равную допустимость таких явлений войны и явлений мятежа, как рейд по тылам врага и карательная экспедиция, обстрел вражеского войска и расстрел тайновоюющих, разведка и пытка. Это звучит не по-офицерски, но ведь не офицеры придумали тайновоевание, иррегулярное воевание, мятежевойну.

В оккупированных землях тайновоевание будет особенно интенсивным, а поэтому должно быть интенсивным и противопоставляемое ему иррегулярное воевание. В 1942-1944 гг. в Белграде немцы имели войска, военную полицию, разведку, контрразведку, тайную полицию (ЗД), войска безопасности (СС), отряды «фольксдойче», разведку партийную, разведку дипломатическую, разведку личную Гитлера, пропагандный аппарат, военную пропаганду, организацию «фольксдойче». Немцам подчинялся генерал Недич, располагавший полицией, государственной стражей, пропагандой и администрацией. Город был покрыт тайной сетью комендатур Дражи Михайловича (коменданты города, районов, блоков), наполнен эмиссарами Калабича и других самостоятельных партизанских вождей, наводнен агентами Тито и местными коммунистами, которых поддерживали присланные агенты Москвы и русские эмигранты, ставшие агентами Москвы. На стороне немцев, но в оппозиции и к немцам и к Недичу воевали «збораши» Димитрия Льотича, воевали пропагандно, разведывательно и оружно: их Добровольческий корпус был весьма активен в борьбе против коммунистов Тито. Все население города воевало саботажнически, вредительски, террористически, диверсийно, пропагандно и «снабжательно», т.е. собирало денежные средства, покупало тайным образом оружие, вербовало добровольцев в партизанские и противопартизанские отряды. Русский корпус, русские СС-формации, итальянский полк, русская эмиграция, разделившаяся на противосоветскую, совпатриотическую, германофильскую, германофобскую, сербские демократы разных толков - великосербского, югославского, франкофильского, англофильского, советофильского, агенты Интеллидженс сервиса и французского Второго бюро и в дополнение ко всему этому американские бомбежки, голод, «черная биржа» - вот обстановка белградского театра мятежевойны, который дает представление о будущих исполинских театрах войны этого рода. Он дает представление, как трудно было в ту войну устанавливать в оккупированных областях Public Relation, доверие населения к оккупантам. В мятежевойне правительствам иных стран окажется трудным сохранять Public Relation даже с собственным населением, в котором самопроиз-

вольно или при вражеском подстрекательстве и помощи возникнут тайные и явные противодействия власти, воинству и внутреннему миру.

Почти в каждом народе могут возникнуть силы для тайновоевания и силы для народного противодействия ему. Но характер этого иррегулярного воевания будет различен в зависимости от характера народа: поляк восстанет при любой обстановке, серб - при благоприятной, чех - никогда, но он упорен в менее рискованных видах борьбы.

Для борьбы, для захвата власти нужны, по словам Троцкого, заговор, план, организация, восстание. Все это необходимо и для иррегулярного воевания. В предвидении войны надо сконструировать силы для тайновоевания и партизанского воевания во вражеской стране и силы для противодействия такой же вражеской активности в нашей стране. Это сложнее, чем устройство воинства. Сети разных организмов переплетаются, непрестанна текучесть людского состава из одного организма в другой под действием обстоятельств или под влиянием психологической заразительности. Сегодня - подъем духа и люди идут в партизаны, завтра - уныние и партизаны дезертируют в саботажники; сегодня люди заразительно увлекаются вредительством, завтра их не получить ни на что большее, чем агитация шепотом. «В психологической толпе, - говорит генерал Головин, - силы индивидуума удесятеряются и он становится героем», но если разорвать толпу, то умаляется психологическое, возрастает телесное, шкурное и индивидуум становится индифферентным к окружающим его событиям. В этом - секрет иррегулярного воевания: психологическими приемами делать героями наших и потенциально наших, а психологическими ударами по вражеским делать их индифферентными.

Иррегулярные силы могут своим воеванием затруднить или даже парализовать действия вражеских регулярных военных сил; могут подкрепить собою наши регулярные силы на главных театрах и заменить их на второстепенных и могут второстепенный театр сделать главным, если стратегическая значимость их борения окажется больше значимости операций воинства; могут зону борьбы растянуть на всю вражескую территорию (и враг может сделать то же самое на нашей территории) и могут на этих внутренних театрах добиться успехов, более влияющих на ход и результаты мятежевойны, нежели успехи регулярного воинства. Если войско будет тактическим атомным оружием принуждено к малоподвижности или неподвижности, иррегулярные силы, рассредоточенность которых делает их невыгодными целями для этого оружия, приобретут решающее значение; если мятеж в земле врага, в душе вражеского народа примет достаточную ширину и глубину, то и без военной победы можно добиться победного мира, как в Брест-Литовске.

Регулярное воевание. В стратегии и оперативе счет на километры устарел: надо считать на часы пробега (земля) и часы полета (воздух) - Москва-Нью-Йорк это 11 часов сегодня, а вскоре будет и того меньше. Скорости самолетов превзошли скорость человеческих рефлексов - пришлось перейти к беспилотному самолету (Фау-1), а от них был один шаг до трансконтинентальных ракет (развившихся из «транс-ла-маншных» Фау-2). Усложнение земных военных машин еще не привело к конструированию роботов, но приводит к переходу от милиционных войск к профессиональным.

В пустой душе современного человека техника приобрела мистическое значение. Хотя ей не молятся, но в ее помощь верят. В 1915 г. уверовали, что артиллерия все может. В 1916 г. разочаровались. Поверили, что строительная техника неодолима, и создали линию Мажино. Разочаровались. В 1940 г. уверовали в танки. В 1942 г. разочаровались. Уверовали, что авиация сделает войну немыслимой, и увидали, что она ее сделала только невыносимой. Вообразили,

что атомная бомба сделает войну невозможной, и все же готовятся к войне по старинке, потому что полагают, что атомные бомбы применить нельзя. Сейчас увлекаются ракетами. Говорят в Москве, что советская ракета упала в Тихом океане в 3 км от цели (сперва сказали: в 30 км), а американцы установили - в 300 км. Это не важно: сегодня рассеивание трансконтинентальных ракет равно сотням километров, завтра будет равно сотням метров, но завтра же будет найдено средство против ракет, как были найдены радар против самолетов и подводных лодок, базука против танков, глушение против агитационных радиовещаний. Марс очень предусмотрительный бог: он всегда заботится о равновесии между средствами разящими и хранящими воина.

Ракета раздвинула третье измерение войны - вертикальное - в стратосферу и даже в ионосферу (а фантазеры думают, что и до Луны), но существенного изменения характера войны, вероятно, не вызовет: если СССР выпалит в направлении на США хотя бы одну трансконтинентальную ракету с простым пороховым зарядом, то американцы, обнаружив ее во время полета, непременно заподозрят, что она несет атомный заряд, и их немедленной реакцией будут стратегические атомные залпы по СССР. Поэтому из опасения «развязать» атомную стратегию придется воздержаться от применения даже и неатомных интерконтинентальных ракет и вообще ракет стратегической дальнобойности. А если воюющие стороны ограничатся применением тактических ракет, то это внесет не очень большую перемену в классические способы воевания в двух измерениях (длина и ширина поля боя и театра войны): зона мощного артиллерийского действия дополнится зоной тактического ракетного действия (на глубину в 200-300 км), что облегчит вбивание глубоких танковых клиньев. Применение тактических атомоносных ракет может привести либо к отказу от маневренной подвижности (войска укроются под землю), либо, наоборот, к максимальному развитию подвижности, чтобы быстрым перемещением рассредоточенных войсковых соединений лишить ракетометы противника выгодных, компактных целей. Вероятно, радиус действия тактических атомных снарядов (артиллерийских, ракетных, авиационных) не возрастет, потому что усиление заряда нерентабельно: девятикратное, например, увеличение заряда дает только тройное увеличение радиуса. Как подводная лодка упразднила старую теорию морской стратегии о необходимости добиваться господства на морях, так ракета лишает значения Черчиллеву формулу: «Господство в воздухе является законченным выражением военной мощи»: ракета и радар могут лишить и мощную авиацию господства в воздухе и ракета может даже при господстве противника в воздухе бомбардировать врага тактически и оперативно (по войскам и по тылам их).

Террористические авиационные бомбежки минувшей войны могли бы в будущем иметь место только в борьбе против «нежного» народа, потому что опыт показал, что на «жилистый» народ они не производят желаемого действия. При оперативных бомбежках и ракетообстрелах по тылам войска надо предвидеть, выбирая цели, психологический эффект: если тактически-атомным взрывом будет уничтожена плотина и под водой погибнет неприятельский город и десяток сел, то материальный барыш может оказаться значительно ниже психологического убытка, потому что свирепость зачастую не устрашает, но вызывает активное негодование. Атомщики (так советский генерал Таленский называет поклонников атомного оружия) должны считаться с тем, что и вражеский, и нейтральный, и даже свой народ не только страшатся, но и чувствуют отвращение к применению чудовищных средств массового истребления, психологическое отталкивание от него. Психологией нельзя пренебрегать. Последователи Дельбрюка, писавшего в XIX в., что существуют два типа стратегии - сокрушения и истощения, - спорят с Лиддел Гартом (стратегия непрямых действий), с Фуллером (стратегия удушения), с

Жако (периферийная стратегия), но эти споры так же теоретичны, как дебаты о преимуществах монархии и республики: один народ может благоденствовать только при монархии, другой - при республике, в зависимости от своих духовных свойств. Применение того или иного из перечисленных типов стратегии (и оператики) тоже зависит от темперамента вождя, от характера народа и воинства, от сил и средств и т.д. Но какой бы тип стратегии ни был применен в мятежевойне, он должен быть переплетен с психологической стратегией (и оператикой). В прежние времена полководец, при построении своего войска для сражения, думал о том, чтобы духовно крепкие дивизии получали труднейшие задачи, а духовно слабые - полегче, но при этом разница между уровнями духа бывала гораздо менее разительной, нежели ныне. Если ставить оценки качества разных категорий участников мятежевойны, то высший балл надо поставить регулярным корпусам из профессионалов; высокие отметки - войскам общераспространенных полумилиционных и милиционных типов; удовлетворительный балл могут получить иррегулярные партизанские силы и террористически-диверсийные колонны; низшую оценку надо дать прочим участникам мятежевоевания. Отдельный повстанческий отряд может, пожалуй, заслужить и 12 баллов, но партизанская рать - никогда; в минувшую войну на Восточном театре было 300 тысяч партизан, из коих активных тысяч тридцать, а отличных - тысячи три. Один террорист может быть на 12 баллов, но на одного такого приходятся десятки менее надежных и даже только симулирующих активность. Поэтому расстановка оперативных фигур на шахматной доске и постановка задач отдельным фигурам требует каждый раз производства психологических анализов и просвечиваний.

Оперативные задачи перестали делиться только на трудно выполнимые и легко выполнимые, но стали разделяться на популярные в войске и непопулярные, приемлемые для войска и неприемлемые. Это можно пояснить примером: Сталин при отступлении приказал оставлять немцам «спаленную землю», и это выполняли не только партийцы, но и войска, в которых коммунисты разжигали ненависть к захватчикам; Гитлер, при отходе от Днепра, приказал оставлять красным «спаленную землю», но, так как немец по природе своей бережлив к добру и своему и чужому, армия уклонялась от выполнения приказа - уничтожала и увозила советское и старалась пощадить обывательское. Можно себе представить и более серьезные случаи неповиновения армии: в войске, соприкоснувшемся с населением оккупированной им области, может, например, так сильно вспыхнуть интернациональная классовая солидарность, что национальное сознание окажется ущербленным. Воспитание, пропаганда и дисциплина должны быть очень настойчивы, чтобы уберечь воинство от дурных идеологических влияний со стороны чужих и своих.

Расстановка оперативных фигур должна соответствовать силе-способности каждой. Вообразим, что Тито окажется в войне против трех государств, прилегающих к северной и восточной границам Югославии. Ему следовало бы заслониться от Болгарии полумилиционными дивизиями и наступать тут агитацией и агентами мятежа, чтобы поднять революцию в болгарском войске, преданность которого коммунистическому режиму невелика; пренебрегая низкокачественным румынским войском, против Румынии должно действовать главным образом партизанской ратью, подымая против власти венгерское, немецкое, болгарское и др. меньшинства, а на сердце государства, Плоешти с его «черной кровью», нацелить ракеты, чтобы нарушить хозяйственную жизнь страны; против Венгрии - качество ее войска высоко - необходимо направить ударные, профессиональные дивизии, поставив им главной задачей прорваться в область у города Печ с двойной целью: лишить Будапешт драгоценной добычи урановой руды и поднять восстание государственных рабов, эту руду добывающих. Этим произвольным ри-

сунком стратегического плана гипотетической войны сделана попытка дать наглядность мысли о сочетании регулярного и иррегулярного воеваний в мятежевойне.

Покуда еще нет (кроме Германии и. вероятно, Англии) формирования профессиональных войсковых соединений, роль меча для нанесения ударов - преимущественно нападательных - будут играть отборные дивизии нынешнего шаблонного войска, в то время как дивизии, менее насыщенные техникой и профессиональными специалистами по владению техническими средствами борьбы, будут служить главным образом щитом страны и опорой для активно-партизанских отрядов и иных организмов иррегулярного свойства, многозначительных факторов мятежевойны.

Мятежевойна внесет еще одно важное изменение традиционных военных понятий. Теория военного искусства всегда осуждала стратегию престижа, и практика войн подтверждала справедливость этого осуждения. Но мятежевойна - война психологическая. Престиж - штука психологическая. Поэтому не всегда будет ошибкою, если стратег временно отодвинет на второй план цели военные, географические, экономические и на авансцену поставит поднятие престижа своей стратегии, воинства, страны. Или - спасение их престижа. Отброшенный в 1941 г. от Москвы Гитлер, вопреки настояниям и мольбам искуснейших генералов, не разрешил оттянуть армии к границе Польши, приказал цепляться за каждый бугорок смерзшейся, снегом покрытой земли, потерял сотни тысяч убитыми, замерзшими и обмороженными, но не дал откатиться фронту и тем поднял свой престиж в войске и престиж войска в стране: с военной точки зрения дешевле было отойти без потерь и в спокойной обстановке приготовиться к зимней кампании, но с психологической точки зрения выгоднее было из последних сил сопротивляться на месте. Рожденные государственным порядком стратеги, как Петр I, Фридрих Великий, пережили Нарву и Кунерсдорф без потери престижа, но рожденные революцией вожди-стратеги гибнут с потерей престижа: после бегства из Москвы Наполеон I не мог победить у Ватерлоо (даже не случись с ним припадок эпилепсии), и результат: отречение; после Седана Наполеон III не мог выдержать осады Парижа и результат: Парижская коммуна. Гитлер, олицетворение национал-социалистической революции, держался престижем и поэтому не раз прибегал к стратегии престижа на войне.

В мятежевойне часто будут прибегать к стратегии престижа. Это - отклонение от догм классического военного искусства. Это - ересь. Но мятежевойна - еретическая война. И будут воевать еретически, пока война не отделится от мятежа, пока Ре-революция не выправит перегибов Революции, пока жизнь после революционного и ре-революционного периодов не возвратится на свой нормальный путь, на путь эволюции.

Месснер Е. Мятеж - имя Третьей Всемирной. -
Буэнос-Айрес, 1960.

ВСЕЛЕНСКИЙ ТАЙФУН

Монография «Заднепровская операция Русской Армии, 1920 г.», написанная мною в 1923 г., при некотором участии полк. Сербина, была для меня началом изучения Гражданской войны 1917-1920 гг. Вглядываясь в развитие советской военной доктрины, пришел к убеждению, что некоторые элементы той войны (партизанство) будут Советами применены в будущей Европейской войне. Писания-предупреждения в этом смысле русских авторов на страницах зарубежной военной литературы не привлекли внимания генеральных штабов Европы, и поэтому во Вторую Всемирную войну Германия оказалась, вследствие неподготовленности, беспомощной против герильи Армии Крайовой, Резистанса, против бандитизма Тито, против герильи и партизанства[1] на Восточном фронте. Присматриваясь к этим иррегулярным[2] военным действиям, стал замечать, что такое воевание[3] сопрягается, перемешивается с ударами из подполья (например, терроризмом) тайных организаций, либо террористических, саботажных групп, либо разрозненных индивидуумов, причем нелегко бывает классифицировать их основные побуждения: месть оккупанту, освобождение страны, политико-социальный переворот и т.д. Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать МЯТЕЖОМ. Этот термин я и стал применять в писаниях после Второй Всемирной войны. Она умолкла в 1945 г., но Мятеж не умолкал. Он ширился, развивался и приобретал такую силу, напряженность и повсюду-применяемость, что я увидал в нем новую форму войны, которой дал наименование «МЯТЕЖЕВОЙНА».

Придя к этому после 36-летнего со вниманием и осмотрительностью хождения военно-исследовательским путем, решился предсказать, что Третья Всемирная война будет мятежевойной. Моя книжка «Мятеж - имя Третьей Всемирной» вышла из печати в начале 1960 г., но всегда консервативная мысль военных всего мира (во всяком случае, некоммунистической его

1 *Герилья* - вооруженное народное самостоятельное сопротивление; *партизанство* - такое же сопротивление, но поддерживаемое войском страны, заинтересованным этим сопротивлением. Оба термина применяются сейчас не только к участию народных групп в войне против внешнего врага, но и к революционным восстаниям против режима, правительства своей страны. У нас с 1812 г. смешали крестьянское сопротивление французам с действиями «корволант» (летучих кавалерийских отрядов) Фигнера, Давыдова. Сеславина, атамана Платова и др. и назвали последние партизанскими отрядами, хотя они были войсковыми (кавалерийскими и казачьими). Партизанами же предводительствовали: старостиха Василиса, помещик (полковник в отставке) Энгельгардт, коллежский асессор Шубин и др.

2 *Иррегулярный* - неправильный. Иррегулярные войска - казачьи и инородческие войсковые части, не несшие постоянной военной службы и формировавшиеся по мобилизации (казачество в 1812 г.). Хотя в конце XIX в. служба казаков была своеобразно урегулирована, все же казачьи войска продолжали считаться иррегулярными. Иррегулярными военными действиями назывались действия иррегулярных войск, а иногда и колониальные войны, где регулярные силы метрополии воевали против совершенно иррегулярных, примитивных сил туземного сопротивления.

3 Неуклюжее «ведение военных действий» давно заменяю термином «воевание», но согласия с этим в зарубежной военной литературе не нахожу. Грубо-ошибочно говорить: «Партизанская война на Восточном фронте 1941-1945 гг.». Ведь невозможно наименованием какого-либо явления, предмета называть деталь этого явления, предмета: в русской тройке нельзя коренника или пристяжную называть тройками, потому что тройка есть все, вместе взятое, - коренник и две пристяжные. Точно так на Восточном театре война состояла из армейских, партизанских, авиационных действий, а никакой партизанской войны не было, как не было ни армейской, ни артиллерийской, ни авиационной войны. Были воевания армейское, партизанское, воздушное.

части) и близорукое краткомыслие всех политиков - их «государственная мудрость» заключается лишь в заботе об обеспечении для своей партии победы на ближайших президентских, парламентских или муниципальных выборах - не увидали грозного Мятежа, а если бы и увидели, не уразумели бы, сколь он грозен.

Между тем симптомы этого бедствия были так очевидны. Например, в Западной Германии в 1960 г. мятежествовали: «Всемирный конгресс мира», «Женское движение для мира», «Союз жертв наци-режима», «Немецкий союз», «Культурный союз», «Франкское кольцо», «Постоянный конгресс противников атомной войны», «Союз разоружения» и другие организации взрослых, и студентов, и даже детей; было 12 тайных газет и журналов, 500 000 членов нелегальной компартии, 600 тайных союзов, до 16 000 присланных с Востока агентов (которых ежегодно вылавливали в количестве до 2500). Этапы нарастания Мятежа были: советская республика в Мюнхене, «Красная армия» на Рейне в борьбе против антипартизанского «Свободного корпуса», красное восстание в Гамбурге, восстание в Силезии, бои в разных городах против полиции или против полиции и правительственного войска, восстание спартаковцев в Берлине и т.д.

Вырисовывался новый тип войны, о котором Мао Цзэдун писал: «Среди наших врагов (во время краснокитайского Дальнего Похода в 1934-1935 гг. с юго-востока на север Китая) были немногие, которые угадали ход наших мыслей; будь их много, мы не могли бы победить или так легко победить».

Обстоятельства в Вьетнаме показали в 1961 г. правильность утверждений книжки «Мятеж - имя Третьей Всемирной», что современная форма войны есть Мятеж. Обстоятельства во всем мире дали президенту Кеннеди основание сказать: «...во всех частях мира мы стоим в непреклонном бою... субверсия, инфильтрация и множество иных тактик, не дающих нам повода к применению наших вооруженных сил». А в 1970 г. в серьезнейшем военном журнале «Wehrkunde» писали: Эрих Форверк - «Развилась всемирная война-герилья»; генерал-майор граф Баудессин о «Субверсионной войне в Мире»; знаменитый немецкий военный обозреватель А.Л. Ратклифф - о модерной, идеологической, всемирной, партизанской войне.

Всемирная Мятежевойна против Запада есть нашествие, инвазия разрушительных сил, и некому возглавить, организовать борьбу против этой напасти. Никто сейчас на Западе не творит Мировую историю. Ее творила Европа на протяжении 2200 лет, а с 1905 г. (с начала дипломатического вмешательства США в Русско-японскую войну) стала творить Северная Америка, но этого творчества хватило лишь на 60 лет. Некогда (совсем недавно) самый мощный континент, Европа, превратился в беспомощный полуостров двуконтинента Евразии, а блеснувшая долларовой мощью Северная Америка пожираема инфляцией (колеблется всемирный царь-доллар) и Мятежом - поколеблены государство, общество, человек.

Установившаяся было в Мире биполярная система (с полюсами в Вашингтоне и Красномоскве) разрушается Краснокитаем - создается триполярная система: третий полюс, Краснопекин, уже стал полюсом влияния, а вскорости станет полюсом влияния и мощи. Но и триполярная система не долговечна, так как приобретают силу два «Третьих Мира»: заложенный Тито, Насером, Секарно и Неру блок не блокирующихся стран, охвативший уже 77 государств (назовем этот Мир Эфиопским, потому что на его конференциях председательствует негус Хайле Селассие). Мир этот враждебен Миру Свободы и сопутствует Миру коммунистического Насилия в его походе против уже не существующих империализма и колониализма и против существующего капитализма, который «нейтрально» и безумно финансирует Мир Демократии, Мир Коммунизма и «Третий Мир». Другой «Третий Мир» («Третий бис Мир») надо назвать

Ватиканским. Он лезет в дружбу с Коммунистическим Миром и воительствует в Мире Свободы, разрешая своим прелатам, ксендзам и католической молодежи участвовать и предводительствовать в бандитизме, увозе людей и убийствах ad majorem Dei gloriam[4]. Какому Богу служат они? Во всяком случае, не Христу.

Между наименованием «Мятежевойна» и названием Эриха Форверкера «Всемирная войнагерилья» разница в том, что первая шире охватывает многовидность приемов, способов этой войны. А оба эти наименования, как и Ратклиффово, как и вышеприведенные слова Кеннеди «во всех частях Мира непреклонный бой», говорят о всемирности происходящей войны во взбаламученном Мире, где нет места миру, изгнанному, беспризорному...

Уже три года пишем мы, что происходит Третья Всемирная война, характеризующаяся МЯТЕЖОМ, но государственные мужи говорят - чтобы не пугать публику - только о беспорядках, а «стратеги беспорядков» прячут Мятежевойну под наименованиями: «социальные движения», «революции», «культурная революция», «размалывание структуры». Такие наименования - хорошо задуманная военная хитрость.

* * *

Со времен Наполеона войны велись по Наполеону, Клаузевицу, Дельбрюку (в русском варианте - по Жомини, Лееру, Михневичу). От Людендорфа (1916 г.) стали воевать по экономисту Адаму Смиту, дополнив воевание армиями борьбою экономики. Сталин и Черчилль (оба - не генералы, не военные люди) добавили к Клаузевицу и Смиту положения штатских теоретиков военного искусства, революционеров Маркса, Энгельса, Каутского, дававших не армиям и экономике главные роли в воевании, а Мятежу. С войны в Индокитае (начавшейся в 1947 г., в которой северовьетнамский «генерал» Джиап мятежом победил армию Франции, участие армий в военных конфликтах становится мало значительным: Клаузевица и Энгельса оттеснили глашатаи нового типа войны Джиап, Мао и Че Гевара.

Изменилась не только концепция войны, но и философия военного искусства: если, по Ницше, сверхчеловек воевал вследствие природной воинственности, то хиппи-философ Маркузе уверяет, опираясь на Фрейда, что нынешнее восстание (мятеж) против «эстеблишмента»[5] (социального строя) проистекает от сильнейшего из человеческих инстинктов - от эротического. Получается нечто с трудом воспринимаемое: повсеместное восстание против общественной системы, общественных нравов, повсеместный Мятеж, всеместная, всемирная Мятежевойна основаны на половом инстинкте?!

Не вдаваясь в рассмотрение применения фрейдизма к нынешней социальной обстановке в Мире, обратим напряженное внимание на то, что враги Запада заостряют эту обстановку ради достижения своих всемирно-завоевательных целей - всемирной революции. Три верховных штаба - Красномосква, Краснопекин и тайный штаб Фабианства, а также вспомогательный штаб - Гавана - руководят Мятежевойной, существования которой не видит Свободный Мир и которой не понимает. Чтобы понять мятежевойну, понять, что мятежевойна есть современная форма войны, надо отказаться от веками установившихся понятий о войне.

Надо перестать думать, что война - это когда воюют, а мир - когда не воюют. США, Австралия, Новая Зеландия, Филиппины и Тай не находятся в войне против Северного Вьетнама, но

---

4 К вящей славе Божией.

5 Это английское слово переводится, как устройство, структура. Так: Established church - установившаяся, установленная церковь.

воюют против него. Между Северной и Южной Кореями заключено перемирие, однако они, по инициативе северян, воюют партизанами на демаркационной линии и буйными студентами в Сеуле; израильтяне и арабы считаются заключившими перемирие, но они весьма интенсивно воюют. Сомали и Абиссиния живут в мире, но уже несколько лет полегоньку воюют. Между Ватиканом и Квириналом давно заключен конкордат (т.е. договор о духовном и государственном мире), а между тем Ватикан тяжело ранит Квиринал, поддерживая в Италии революционные забастовки, террор, мятеж. Можно вести переговоры (СССР и США) о ненападении, о разоружении и в то же время воевать: СССР воюет против США, поставляя оружие, инструкторов, деньги, продовольствие тем, кто враждует против Америки и побуждая к мятежу американцев в Соединенных Штатах.

Много происходит в мире непонятного, если смотреть через призму устаревших понятий о войне; но взгляд через новую призму - Мятежевойна - пояснит многое. Тогда мы перестанем называть криминальными происшествиями стратегические действия в рамках Мятежевойны (например, перенесение арабскими партизанами террористических ударов на аэродромы Германии, Швейцарии, Италии, с добавлением к ним поджога еврейского приюта в Мюнхене и обстрела там же автобуса с евреями); надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами Мятежевойны (например, антиамериканские нападения на Маниле или еврейские демонстрации против Помпиду в Чикаго и против Юрока в Нью-Йорке).

Предводители Свободного Мира - Вашингтон, Лондон, Париж - не видят наличия Третьей Всемирной войны, Мятежевойны.

Это - больше чем преступление: это - глупость. Впрочем, может быть, они - «топ секрет!» - увидали, что втянуты в Мятежевойну, но решили вести ее с применением Джонсон-вьетнамской стратегической идеи: воевать, чтобы не победить. Это было бы больше чем глупостью - глупейшим преступлением.

Главнейшим руководителем этой войны на красной стороне является таинственный Фабианизм, гораздо более активный, чем штаб в Красномоскве или в Краснопекине. Фабианизм существует и мощно орудует, но его нигде не видно и никакая личность, никакие личности его не представляют. Им стратегически возглавляемый театр не имеет территории, ибо театр этот в географию не укладывается, будучи интеллигентским театром. Он покрывает Европу, обе Америки и захватывает более культурные слои менее культурных наций. Здесь всемирно-революционная сторона «ведет стрельбу дальнего прицела», она не сбивает гранатами и ракетами фронтоны, колонны и простенки существующего здания мирового общественного, государственного порядка - она взрывами своих снарядов разбивает фундамент этого порядка, культуру. Ленин, Сталин, Хрущев ломали культуру России, Мао сделал это у себя ускоренным способом («Культурная революция»). Мао и Брежнев во всем мире культивируют бескультурье: через весьма засекреченных агентов или явных, как Маркузе, насаждается анархо-нигилизм, поощряется наркомания и разврат (всевозрастная сексуальность, мужеложство, порнография), а все это повышает интенсивность Мятежа, основного элемента Мятежевойны...

Это мое вступление вышло весьма пессимистичным. Однако пессимизм этот вызван не обилием сильных преимуществ у красной стороны в Мятежевойне, а только непониманием нашей стороной, т.е. Свободного Мира, что он планетарно втянут в Третью Всемирную войну, в Мятежевойну. Если мы поймем это и приступим к воеванию, перестав только отталкивать симптомы опасности и «призраки» войны, то преимущества красных очень уменьшатся и появятся победительные преимущества на нашей стороне.

Не война и не мир

Эта формула Троцкого (для Брест-Литовска в 1918 г.) получила после 1946 г. планетарное значение. На конференции в Потсдаме, где впавшего перед смертью в дряхлость и безумие Рузвельта заменил не чрезмерно умный Трумэн, а провидца, далековидца Черчилля - близорукий партиец Эттли, начало создаваться международное положение по формуле «не мир и не война», получившее, как характерную черту, предельно напряженную дипломатическую борьбу, перемежаемую вспышками вооруженных волнений, восстаний. Это было названо «холодною войною». Столь же глупо можно было назвать и «горячею дипломатией». В этом «не войне и не мире» случались и «горячие» военные действия. Военные теоретики растерялись: как назвать эту «не-войну» с ее тепловатыми, теплыми, горячими военными действиями? Давали разные наименования.

Партизанская война, но оно неверно: чисто партизанской войны не бывает, как не бывает, скажем, артиллерийской или кавалерийской войны. И тем более неверно это название, что в «сильно теплых» действиях не одни партизаны принимали участие, но и провокаторы, агитаторы, террористы, психолого-тактики психологической человеческой массы.

***Ступенчатая война** («ЭСКАЛАСИОН»),* потому что она ступенька за ступенькой подымается от простой, беззубой оппозиции к восстанию и грозит подняться к настоящему воеванию. Но слово «ступенчатая» не характеризует войну, а говорит только о росте ее напряженности.

Локальная война. Это название никуда не годится, потому что указывает только на географическую пространственность войны, не говоря ничего о ее сущности, о ее свойствах.

Скрытая, субверсивная, потаенная война. Такими терминами определятся главным образом внешность войны, но не характернейшие ее свойства.

Иррегулярная война не соответствует давно установившемуся термину, которым определяется такое воевание (например, колониальное), в коем участвуют иррегулярные и регулярные силы; в «холодной же войне» применение регулярных войск, вообще говоря, не должно иметь места, по замыслу изобретателей этой войны.

Революционная война. Это название лучше предыдущих, но ведь не все операции «холодной войны» были революционными: были просто буйные, были «освободительные», о которых Хрущев говорил: «Не смешивать восстания, освободительные войны с войнами между государствами или с настоящими войнами, так как восстающие народы борются за свое социальное и независимое национальное развитие против взяточнических, реакционных режимов, борются против колониализма». С этой репликой сопрягается советское разделение войн на «справедливые» и «несправедливые». («Что есть справедливость?» - спросил Пилат, произнесши слова: «Что есть истина?») Интересно, что полудикие люди поняли лицемерие Хрущева, чего не могут понять народы просвещенные: на конференции Эфиопского Третьего Мира в Лусаке, столице Замбии, один из черных дипломатов сказал: «Если "освободительная война" используется чужой властью (т.е. коммунизмом) для возбуждения у нас гражданской войны, то такой угрозы безопасности и миру мы не желаем». Этот голос подобен гласу вопиющего в пустыне всеобщего непонимания того, что каждая так называемая «освободительная война» используется для разрушения структуры всего Мира, так как разрушители мыслят «планетарно», ибо, как сказал Освальд Шпенглер, «думать государственно или континентально - слишком узко для современного Мира: мы должны иметь ныне всеобщее видение». У Запада этого всеобщего видения нет.

«Клаузевиц устарел». Так сказал Сталин во Вторую Всемирную войну, и он был прав.

Каждый мальчик сейчас знает, что, по Клаузевицу, «война есть продолжение дипломатии, только иными средствами»[6]; но каждый коммунистический мальчик знает, что дипломатия есть продолжение войны («Отечественной» 1941-1945 гг.), только иными средствами.

Однако никто этих «продолжений войны» не желает. Западное народовластие не желает вследствие своего умилительного пацифизма (военная коалиция НАТО говорит в пацифическом тоне: У нас в помыслах нет милитаризма; если на нас нападут, мы попытаемся защищаться). Восточное «народное народовластие» не желает явной войны вследствие своего изумительного гуманизма[7]. (Варшавский пакт мыслит: без пуль и атомок мы всех удушим ленински-гуманно.)

НАТО была сперва антикоммунистического духа, но этот антикоммунизм в Европе выветрился по двум причинам: во-первых, ненавидящая коммунистов немка стесняется рассказывать своим детям, сколько раз она была изнасилована красносолдатами Жукова в период их вторжения в Германию, а раз дети этого не знают, то они не могут быть такими ненавистниками коммунизма, как их мать и отец; во-вторых, установившийся взаимный (США и СССР) атомный «пат» отнял у НАТО волю давать Красномоскве чувствовать силу Атлантического пакта: пат обезволил пакт. Соглашения с СССР искал Эйзенхауэр, добивался Кеннеди, выпрашивал Джонсон, выторговывал Никсон. Нуклеарный «пат» позволяет СССР ограничиваться лишь мелкими соглашениями о деталях, не обязываясь к радикальному, глобальному. Красномосква довольна установившимся pax atomica[8].

В эпоху этого атомного «мира» немыслима война классического типа (массовые армии, их марш-маневры, их сражения), потому что все предвидят: если начать с пулеметов и пушек в большой войне, то, войдя в азарт, ухватишься за ученейшее оружие, которое ученейший Эйнштейн подарил человечеству (атомку). Только чье-либо неблагоразумное перенагревание международного напряжения, или эмоциональная вспышка национального престижа, или провокация со стороны одного из маленьких союзников могут «развязать» войну классического типа, «связанную» сейчас всеобщим атомным страхом. Страх этот усиливается с каждым месяцем, по мере того как Краснокитай вползает в «клуб» атомных великанов: это разрушает атомный «пат» и делает возможным атомный «шах»: никто не в состоянии предвидеть, создает ли Краснопекин оружие устрашения, какими считаются вашингтонский и красномосковский атомные арсеналы, или же - оружие уничтожения для приведения в жизнь намерения Мао уничтожить половину человечества, чтобы другой половине дать блага совершенной Всемирной Революции.

От Клаузевица к Энгельсу. Уже во время Второй Мировой войны Клаузевиц, на протяжении 130 лет непререкаемый авторитет военной науки и военного искусства, был потеснен Энгельсом, авторитетным только для марксизма, и к классическому воеванию примешалось и Энгельсово. Правда, не повсеместно: на территории Германии не удалось, но на Восточном театре и в Польше, Франции, Югославии, Румынии, Греции партизаны, герильеры, саботеры, агитаторы, провокаторы и организованные или не организованные группы пассивно непослушных или активно оппозиционных играли в той или иной мере роль и влияли на ход вой-

---

6 У Клаузевица сказано было «продолжение политики», потому что в те времена словом «политика» обозначали и политику и дипломатию.

7 «Великий гуманист» Ленин придумал «гуманное», без явной войны, порабощение Мира: «Сперва возьмем Европу, затем - массы Азии, потом окружим США, последний бастион капитализма. Нам не надо будет нападать. Она упадет нам на колени, как зрелый плод».

8 Атомный мир.

ны.

Все это с войны перешло и в «холодную войну», что сделало ее вполне приемлемой для коммунизма и очень не удобной для Демократического Мира: в нем, в его генералитете крепко сидел дух Клаузевица, не поколебленный фактом, что на Востоке 300 ООО партизан парализовали многомиллионные армии Гитлера. На Западе генеральные штабы рисовали себе войну, как «большую», невзирая на то, что красный враг проводил стратегию «скрытой войны», имея для этого и надлежащее «войско» (революционные массы), и надлежащее руководство (компартии), в то время как Запад не имел ни консервативных масс, ни руководящих массами партий, ни идей, способных воодушевить массы и партии.

Руки верховных стратегов уже дважды тянулись к кнопкам атомного оружия: в 1962 г. протянулась рука Кеннеди, чтобы прогнать Хрущева с его ракетами с Кубы[9], в 1967 г. лапа Хрущева была подле кнопки, чтобы спасти Египет с Суэцким каналом от англо-францийско-израильского нападения[10]. Оба раза мир в Мире был удержан равенством сил двух сверхдержав, равенством двух атомных устрашений (атомным «патом»). Но удержан-то был не мир, а «холодная война».

Первой вспышкой «холодной войны» был коммунистический взрыв в Персидском Азербайджане и вторжение советских войск в Персию. Им пришлось оттуда уйти под дипломатическим давлением США и Англии (они тогда еще умели давить). Затем: с 1945 г. в Судане северяне-мусульмане вырезают южан-христиан; 1945-1947 гг. - восстание индонезцев против Голландии; 1945-1954 гг. - восстание коммунистов в Британской Малайе; 1945-1950 гг. - Индокитайская война, восстание против Франции Хо Ши Мина, выученика Франции (французский университет и французский социализм); французские генералы пытаются воевать по Клаузевицу, а «генерал» Джиап бьет их по Энгельсу; в 1954 г. взятием форта Диен-Биен-Фу Джиап закрепляет во всем Мире применение доктрины Энгельса.

1945-1947 гг. - борьба Мао Цзэдуна против Чан Кайши, закончившаяся победой первого, переворотом, получившим благословение американского генерала Маршала, не увидавшего в бандах Мао ничего, кроме безобидных крестьян, желавших получения землицы; где было генералу, члену вашингтонского высшего света разобраться в душах китайцев низшего сорта? 1946-1949 гг. - восстание партизан в Греции; американские полки помогли национальным грекам подавить восстание; 1946 г. - переворот в Чехословакии: масонская власть Бенеша грубо заменена коммунистическим террором-властью; Запад не реагировал.

С 1946 г. - восстание «хуков» на Филиппинах.

1947-1949 гг. - борьба Пакистана против Индии из-за Кашмира, оккупированного примерным пацифистом Неру.

1947-1949 гг. - нападение Израиля на арабов, агрессия в Палестинской зоне. Гордиев узел, разрубленный Александром Македонским 2300 лет тому назад, снова связался, затянулся туже прежнего.

1948-1949 гг. - советская блокада Берлина и сопротивление ей со стороны США: англосаксы спохватились, что Эйзенхауэр сдуру отдал в 1946 г. Берлин Жукову, считая более важным

9 Удрав с Кубы, Хрущев сказал: «Теперь мы знаем, что этот "бумажный тигр" (США) имеет атомные зубы».

10 Вместо обычного «французский» пишу «францийский»: Суворову дали титул «Италийский» (от Италия), а не Итальянский (от итальянец). Точно так: французская кухня, французская книга (от француз), но францийские реки, францийская армия (от Франция). Такое же различие надо бы делать между «азиатский» и «азийский»: нравы азиатские, говоры азиатские, но государства азийские, горы азийские... Все это не относится к Мятежевойне, но считаю обязанностью каждого выступающего в печати заботиться о чистоте русского языка.

для себя наступать в Баварию, от которой ждал, что она, антигитлеровская, антипрусская, антилютеранская, окажет американскому войску помощь против остатков нацистской силы; помощь выразилась в получасовом восстании какого-то капитана Гернгросса в Мюнхене.

1950-1953 гг. - на фоне возникшей советской термоядерной угрозы ведется изумительная война, Корейская: за спиной Северной Кореи явно стоит Краснокитай и тайно - СССР; за спиной Южной Кореи стоят практически США и теоретически Организация Объединенных Наций (ООН), из членов коей символически участвовали в войне лишь Турция (бригада горцев, беженцев или выходцев с Российского Кавказа) и Англия, в то время как член ООН, Советский Союз воевал против ООН, помогая Северной Корее; война закончилась в 1953 г. «беспобедной победой» и увольнением победительного и к победе стремившегося генерала Макартура; курьезная стратегия (воевать НЕ для одержания победы) и курьезный мир без заключения мира (бесконечное перемирие с бесконечными стычками на демаркационной линии) характерны для второй половины XX в.: незаключение мира между СССР и Германией, «перемирие» с 1948 г. между Израилем и продолжающим воевать арабским Миром, беспобедная стратегия во Вьетнаме - вот повторения корейских курьезов.

1950-1954 гг. в Кении племя Кикию вырезает англичан и послушных им негров; террористами предводительствуют «генерал Россия» и «генерал Китай».

1950-1959 гг. - краснокитайское вторжение в Тибет, изгнание священного далай-ламы и пленение полусвященного пандит-ламы; 1955 г. - США проигрывают Советскому Союзу дипломатическое сражение в Египте: тот, уворовав Суэцкий канал, отдает Советам постройку Асуанской дамбы - прибывшие в Асуан советские «техники» перестраивают Насера и Египет на коммунистический лад.

1954-1958 гг. - артиллерийское нападение Краснопекина на чанкайшиковы острова Кемой и Матсу. Этим, как и последним ударом по Тибету, Мао демонстрирует свое нежелание сосуществовать, но и способствует хрущевскому сосуществованию, усилив напряженность борьбы Востока против Запада.

1956 г. - Израиль нападает на Египет и Иорданию. Англия и Франция, ради Суэцкого канала, нападают на Египет. Красномосква грозит применением атомного оружия; это - первая в истории реальная угроза[11]; она мгновенно прекратила англо-французскую интервенцию в Египте и израильское наступление в Синае. Впервые Мир стоял перед началом атомного воевания и не устоял: Запад в страхе сдался.

1956-1962 гг. - восстание алжирцев против Франции. Обогащенные опытом Индокитайской войны французские генералы и офицеры воюют «пополам»: по Энгельсу и по Клаузевицу, но парижский парламент и пресса Франции и всего Мира требуют джентльменских реакций армии на злодейские удары фанатичных инсургентов. Генерал де Голль, севши с лозунгом «Алжир - французский!» на диктаторское кресло, воевал, пока не объявил Алжир алжирским: капитуляция де Голля, капитуляция Франции, капитуляция Клаузевица.

В эпоху «холодной войны» и по нынешний день случилось еще: 12 переворотов в Сирии, 3 «недоворота» в Иордании и 13 покушений на жизнь иорданского короля Хусейна, 20 смен правительства и перемен конституции Сиама (Тай), десятки революций, революциек в Африке, где из 17 президентов изобретенных около 1960 г. «наций» уцелело ныне лишь 6, а прочие убиты или бежали под покровительство других «наций», спасаясь от местных мятежей.

---

11 Кеннедиева угроза применить атомки, если не будут убраны с Кубы хрущевские ракеты, не была реальной, была, скорее, мелодрамой: сейчас же после декларации струсившие члены «треста мозгов» спеленали президента.

Все это, по мнению государственных, политических и публицистических мужей того времени, было миром, не войной, было новой формой мира - «холодной войной».

От Энгельса к Мао. Весьма «теплые», даже «горячие» эпизоды «холодной войны» дали меньше успеха Красномоскве, нежели она мечтала, и тогда хитрый простак Никита Хрущев придумал более утонченную войну - СОСУЩЕСТВОВАНИЕ. Это почти совпало с одним событием в Краснокитае: Центральный Комитет компартии Китая постановил 6 сентября 1958 г. вовлечь все население (мужского и женского пола) государства в народную милицию; одновременно с этим Мао сместил военного министра маршала Пенг Техуай (получившего высшее военное образование в Москве и сторонника воевания по Клаузевицу и Энгельсу), заменив его маршалом Линбяо, фанатиком воевания сверхреволюционно. С этого момента, мало кому бросившегося в глаза, стало становиться ясным, что: 1) Мао готовится воевать по Мао, а не по Клаузевицу и не по Энгельсу и 2) компартия Краснокитая, дробившая в то время почти все компартии в Мире, будет, пропагандируя маоизм, ширить войну нового типа, которую можно понять, ознакомившись с учителями Мао Цзэдуна, начиная с Сунь-цзы[12].

Сосуществование

Смятения, мятежи[13]. Смятения свойственны человекам, мятежи не свойственны народам, а в нынешнее время нет не мятежных народов. За 3000 лет до нашей эры сказал Сунь-цзы: «В наших руках - обеспечить себя от поражения; получение же победы даст нам сам враг наш». Всемирной Революции, всемирному Хаосу дают победу сами враги Революции и Хаоса: сытая, объевшаяся до физического и морального бессилия, роскошью доведенная до безразличия к своему прошлому, настоящему и будущему демократическая буржуазия сама дает фабианистам, социалистам и анархистам победу, играя на всемирной шахматной доске гамбит, предложенный Хрущевым.

В шахматном гамбите жертвуют фигурой ради успешного наступления. Хрущев пожертвовал Лениным, вступивши на путь «реформизма», чем вызвал бешеную ненависть Краснокитая, но своим сосуществованием приобрел большие преимущества над Западом. Развитие этого гамбита было таково. 1956 г. - подавление восстания в Венгрии, вызвавшее на Западе ахи и вздохи.

С 1959 г. - Вьетнамская война: вьетконги и северные вьетнамцы атакуют южных вьетнамцев и североамериканцев. Если бы те и другие «северяне» не вмешались в борьбу в Южном Вьетнаме, то этот последний так же тлел бы от коммунистической инфильтрации, как тлеют с 1958 г. Камбоджа и Лаос; но Кеннеди, не уразумев, что там идет война способом Мао, решил,

---

12 *Сунь-цзы* - китайский военный писатель, живший за 1000 лет до Рождества Христова.
В этой книжке немало цитат из писаний Мао и иных китайских военнотеоретиков, и не потому, что автор, уподобившись европейским дуралеям, ходит с красной книжечкой Мао в кармане, а потому, что предвидит окитаивание Мира: уползание США из Азии и намечающийся уход Англии из земель и морей «к востоку от Суэца» создают вакуум, который станет заполнять Китай (нынешний красно-желтый или будущий вечно-желтый, но уже не «недвижный», как встарь, а динамичный, как в азийской древности, более древней, чем наша европейская древность). Попутно он, ведя расовую или расово-идеологическую борьбу против СССР или против будущей России, будет налагать китайское мышление на все континенты, в том числе налагать и свою военную доктрину, как в XIX в. Европа налагала на все континенты (в Азии на Японию, в Южной Америке на Аргентину и Бразилию) военные идеи Наполеона и военную науку Клаузевица.

13 *Смятение* - растерянность, паническая растерянность. *Мятеж* - революционное вооруженное волнение, восстание.

по совету «треста мозгов», произвести авиационно-полицейское усмирение «бунта» вьетконгов, хотя его предупреждали генералы и адмиралы, что отсутствие в Южном Вьетнаме гаваней сделает невозможным снабжение посылаемых для «усмирения» авиационных эскадр; стратеги из университетских аудиторий лучше знают, как воевать, нежели войсковые и флотские «неучи»: полицейская акция превратилась в затяжное воевание технического противопартизанского характера, в которую втянулись 500 000 североамериканских воинов и весь народ США, так как великий Мятеж перекинулся из Индокитая в Северную Америку.

1961 г. - вторжение Ирака в нефтебогатый Кувейт; отражено Англией.

1961 г. - оккупация Индиею города Гоа и всей колонии Гоа, с 1448 г. принадлежавшей Португалии (ныне 700 000 жителей - большой «глоток» сделал Неру!).

1961 г. - высадка на Кубе антикастристов при обещанной президентом Кеннеди помощи военно-морской, авиационной и танковой; десант погиб вследствие измены Кеннеди, оставившего высадившихся без американской поддержки.

1962 г. - в Йемене убит имам Магомет аль-Бакр; его заменил принц Абдула бен-Гасан, ставший во главе монархических бедуинов; республиканцев возглавил генерал Гасан аль-Амри; ему оказали поддержку Насер (30 000 египетских воинов) и Хрущев (военная флотилия и «техники»); Саудовская Аравия войском поддерживала монархистов; она и Египет продолжали как ни в чем не бывало сосуществовать; те и другие интервенты удалились в середине 1967 г., но советская флотилия и «техники» остались.

1967 г. - Насер, получив от Советов много хорошего оружия и раздав его своим плохим воинам, стал провоцировать войну с Израилем (вернее, провоцировать срыв перемирия, так как война не была закончена). Израиль реагирует весьма решительно: наносит превентивный удар и авиацией обезоруживает египетское войско (в нем генеральный штаб и генералы оказались неспособными думать, предвидеть оперативно, а офицеры и солдаты - неспособными действовать тактически); Израиль ударяет и по Иордании и напалмом сжигает чуть ли не половину ее войска. Так в 6 дней генерал Моше Даян одерживает победу в стиле Клаузевица (в сильно модернизированном стиле). Вероятно, в нашу эпоху последнюю победу этого стиля[14].

1969 г. - Уссурийская полувойна между двумя коммунистическими великанами.

Вооруженные восстания. Серия их начинается Кубинским скандалом: политически, дипломатически и стратегически слепые американцы помогают «либерал-демократу» Фиделю Кастро свалить на Кубе «реакционера-тирана» Батисту. 1955 г. - греко-киприоты восстали против Англии, владевшей Кипром с 1878 г., и начали резню турко-киприотов, с которыми мирно сожительствовали на протяжении веков; «христиан» возглавлял «генерал» Гривас, коммунист, и архиепископ Макариос, не далекий от коммунизма; турок защищали английские «томми»[15], но слабонервному Лондону это было в тягость и он отказался от Кипра, потеряв важный стратегический пункт в Средиземном море и тем сделав еще шаг от Великобритании к Британии и даже к Англии; напряженность между двумя племенами и двумя религиями киприотов то замирала, то вспыхивала, в соответствии с интересами Красномосквы.

---

14 Слова «последнюю победу» и (ранее. - *Сост.)* подзаголовок «С Клаузевицем кончено» означают, что воевания армиями не будет, пока человечество не «утрясется» на вдруг перенаселенной Земле, то есть пока эта перенаселенность способствует всеобщему смятению-мятежу. Когда же устроятся государства или надгосударства. нации или коннационалы. тогда снова станут возможны войны «силы на силу», а не нынешние «мятеж на бессилие». Исчезнет, надо думать, и страх ограниченно-атомной или неограниченно-атомной войны, так как будут изобретены такие средства, которые сделают применение атомного оружия невозможным.

15 Так в просторечье зовут английских солдат.

С 1959 г. патет-лао (коммунисты индокитайской особенности) бунтарски интригуют против правительства Лаоса, «нейтрализованного» по решению специальной конференции, заседавшей в Женеве.

С 1959 г. тот же патет-лао свергли трон Камбоджского короля-президента-прокоммуниста Сианука, недавно изгнанного генералами-националистами и опершегося на Краснокитай. С 1960 г. - негритянское партизанство в Мозамбике, Анголе и Португальской Гвинее; обороняясь, Португалия тратила 100 миллионов долларов в год, прикрывая эти свои заокеанские провинции ста тысячами своих солдат. С 1960 г. - партизанство в Колумбии. С 1963 г. - партизанство в Венесуэле. 1964-1965 гг. - «самба» (коммунисты кафрской расы, каннибальского гастрономического вкуса) резали белых в Конго. США, Бельгия и Южно-Африканская Уния отняли у чернокожих часть белых, пожираемых чернокожими.

С 1964 г. терроризм и партизанство проникают в Тай (Сиам).

1964 г. - коммунистическое восстание в Сан-Доминго, подавленное США и тремя Латиноамериканскими государствами.

1965 г. - распространение герильи по Латиноамерике (Перу, Боливия).

1968 г. - нашествие вандалов на Париж: бунтовавшие студенты захватили и осквернили Сорбонну.

Перечисленные мятежи были окрашены в красный цвет, и лишь в Индонезии был антикоммунистический мятеж: офицерство и магометане вырезали 500 000 коммунистов, разрушая советизм, который заводил президент Секарно, государственно безумный, умственно пустопорожний, лично распутный. Им и подобными ему людьми создан к 1970 г. Всемирный Мятеж, тысячи мятежей и смятений, из которых самым крупным надо считать превентивное нападение Израиля (в 1967 г.) на Иорданию и Египет, длившееся 6 дней и побудившее потерпевших поражение арабов продолжать войну в стиле Мао (партизанство).

Таков схематически-исторический очерк минувших моментов «холодной войны» и сосуществования.

Итог двух перечней событий. Два скучноватых перечня происшествий едва ли убедят читателя в том, что совокупности этих событий составили две вступительные фазы Всемирной Мятежевойны: слишком события различны по внешности и по внутреннему содержанию, чтобы легко было покрыть их одним колпаком, одной покрышкой - всемирная война. Надо напрячь свою способность к индуктивному мышлению, чтобы увидеть этот колпак. Вообще военные события нелегко связывать логической мыслью. Например, в 1812 г. летучие отряды Фигнера, Сеславина, Давыдова работали, казалось бы, бессвязно (редко видна тактическая связь в выпадах этих так называемых партизан; не видно оперативной связи между разрозненными, «автономными» действиями каждого из них), а между тем вся совокупность налетов, набегов, засад и мелких боев объединена стратегической связью, одним «колпаком» - единою стратегическою целью: довершить распад Великой Армии.

Точно так и 43 пункта перечней главы второй связаны единою глобально-стратегическою целью: разрушение Старого Мира, разрушение всех ветвей порядка, установленного Историей минувших двух тысяч лет.

Некоторые из «разрушителей» имеют план строительства на замену разрушаемого («Новый Мир» для «нового человека»), другие же ни конкретных, ни даже туманообразных планов не имеют. Эта бестолковщина затрудняет уразумение нынешних мировых событий в объеме воинственного «мира».

Сосуществовательная «не-война» есть Мятеж, Мятежевойна. Красномосква могла спокой-

но сеять повсюду Мятеж, не боясь, что он бумерангом ударит по ее свирепо-тираническому властвованию. Впрочем, в сфере Краснокремлевского владычества случались Мятежи: Берлинский в 1953 г., Польский в 1956 г.,

Венгерский в 1956 г., Чехословацкий в 1968 г. и снова Польский в 1970 г., а также скрытые от Мира восстания в самом СССР: Воркутское, Ростовское, Новочеркасское. Может быть, это было результатом самосева, а может быть, права советская пропаганда, обвиняющая Капиталистический Мир в сеянии этих Мятежей. Но посылки агентов, провокаторов, инструкторов быть не могло, а севом могла быть радиопропаганда (радио «Свобода», «Свободная Америка» и др.) и запуск в коммунистические страны воздушных шаров (шариков) с пропагандной литературой, а также заражение антикоммунизмом подсоветских людей, служебно или туристически посещающих Запад.

Сея Мятеж, СССР не провоцирует большой войны, не навлекает на себя похода Запада: повторение Крымской войны 1854-1855 гг. невозможно, как не мыслим и «крестовый поход» маловерной Европы против богоборческого СССР. Лишь на всякий случай содержит Красномосква большое войско - у нее есть более гибкое оружие, чем войско, - есть Мятеж, то есть применение военной теории Мао.

В Женеве на Конференции 25 государств по вопросам разоружения (450 заседаний!) свирепо препираются советский и североамериканский делегаты. Первый настаивает на немедленном запрещении химического и бактериологического «оружий», а второй говорит, что немедленно можно воспретить бактериологическое, потому что нетрудно установить контроль над сравнительно не многочисленными лабораториями, где можно эту мерзость «фабриковать», но о запрете химического оружия надо подумать, так как тут контроль чрезвычайно труден: бесчисленные на свете химические фабрики (начиная от мыловаренных) могут за ночь реорганизоваться для выделки военных газов.

Спорят о тех видах «оружия», которые так страшны, что каждому воюющему государству страшно было бы их применить (это относится и к атомному оружию), но никто не думает о явлении, которое в прежние времена упоминалось в газетах в рубрике «Дневник происшествий», как то: изнасилование, грабеж, - а теперь надо бы опубликовывать под заголовком: «С театров Третьей Мировой войны». Это новое «оружие» называется «Насилие», т.е. «идейные» грабежи, аэропиратство и похищения людей. Все это - не ново: мы учили в истории о «Похищении сабинянок» и знали, что в старину на Руси «умыкали» невест; нападения на путников нам известны со времен «Соловья-разбойника», а наши старики помнят, как в годы, предшествовавшие революции 1905-1906 гг., наша «золотая молодежь», подражая Сосо Джугашвили и прочим социалистическим грабителям, увлекалась «экспроприациями» (причем нередко бросала добычу в реку или море, потому что ее на грабеж влекло «молодечество», а не корысть).

Но теперь в руках левых экстремистов (т.е. фабианцев и коммунистов разных градусов) все это стало «оружием», массовое применение которого должно сломать, разрушить общественную, моральную систему буржуазного Мира. (Так, во Вторую Мировую войну англо-американцы бомбили в Германии не столько военные объекты, сколько население, чтобы разрушить воинственность врага.) Удивительнее всего то, что проповедниками применения Насилия во многих случаях являются католические священники «прогрессивного» типа. Укажем лишь на случай, имевший сейчас место в Аргентине: архиепископ лишил сана весьма левого священника; с ним солидаризовались два священника, и все три побудили свою паству «захватить» три храма в столице; полиции пришлось освободить церкви от насильников.

От Насилия-грабежа житья нет. В Аргентине за 3 месяца было 25 грабежей миллионных

(мелких не перечесть), для грабежа оружия были нападения на военные караулы. И так во всей Латиноамерике.

Насилие в виде аэропиратства стало повседневным. Из десятков случаев вооруженного принуждения перемены курса пассажирского самолета известен лишь один, когда пилот и копилот воспротивились пиратам и одолели их. А аргентинский самолет, летевший из Кордовы в Тукуман (8 человек команды и 61 пассажир), был принужден лететь на Кубу; для пополнения горючим приземлились в Сантьяго (Чили), где полиция беспомощно «охраняла» самолет; для небольшого ремонта приземлились в Лиме (Перу), где пиратам было доставлено молоко для пассажиров-младенцев и где был выгружен под надзором беспомощной полиции заболевший пассажир; механики починили самолет, чтобы он мог лететь на Кубу. Все это было - торжествующим Насилием.

К серии многочисленных похищений людей и даже дипломатов добавились два случая: в Сан-Доминго похитили американского авиационного атташе и выпустили в обмен на 20 партизан; в Гватемале украли германского посла и требовали выкуп - освобождение 21 арестанта; Германия предложила 700 000 долларов; похитители убили посла.

В одном бразильском случае требование было еще более наглым: правительство оказалось вынужденным через все радиостанции огласить антиправительственную прокламацию.

В Японии произошла неправдоподобная авантюра: 15 студентов-коммунистов овладели вылетевшим из Токио самолетом с 93 пассажирами и 7 чинами команды и заставили последнюю лететь в коммунистическую Северную Корею; потребовалась промежуточная заправка горючим; власти устроили западню: Сеульский аэродром (Южная Корея) приветствовал (по радиотелефону) самолет словами: «Добро пожаловать в Северную Корею!», а когда аэроплан приземлился, к нему пошли японские солдаты одетые в северокорейскую форму; но коммунисты разгадали ловушку, встретили солдат гранатами; потребовали доставку им в самолет одного японского министра - тогда они выпустят пассажиров.

В городе Итусаинго (Аргентина, Корриентес) «Аргентинский освободительный фронт» похитил парагвайского консула; требование - освобождение двух террористов. Реакция генерала Онгания на это Насилие была столь решительной и устрашающей, что консул был похитителями выпущен. Да будет это примером для вялых, бессильных правительств, которые не понимают, что они стоят в необъявленной Мятежевойне и что предстоит ожесточение этой войны, когда граждане станут отвечать насилием против насилия. Ведь даже в Аргентине, где правительство (но не суд) проявляет подчас решительность, появились признаки зарождения междоусобного насилия: в Кордове образовалась «Команда охоты на коммунистов», поставившая своею целью ликвидировать коммунистически настроенных военных, священников и граждан, которые поддерживают левых экстремистов. С лозунгом: «Да здравствует справедливость! Бог, храни Отечество!» команда эта угрожает всем, делающим беспорядок. Она примыкает свои ряды к столичной организации «МАНО» («Мовимиенто аргентино насиональ органисадо» - Организованное аргентинское национальное движение).

Дебют МАНО был неудачен: хотели похитить в Буэнос-Айресе советского дипломата Пивоварова - когда он ввел в гараж свой автомобиль, четыре похитителя, ударяя Пивоварова по голове, заставили его пересесть в их автомобиль, но сделали ошибку - предварительно не обезоружив невдалеке стоявшего полицейского. Крики жены Пивоварова, сделанный ею выстрел из револьвера привлекли внимание полицейского, и он открыл огонь по удалявшемуся автомобилю, где Пивоваров боролся с похитителями; полицейский автомобильный патруль арестовал трех похитителей (четвертый скрылся) и освободил дипломата; один из арестован-

ных легко ранен, а другому (он оказался полицейским субинспектором) прострелен глаз. Этот субинспектор был известен своим крепким антикоммунизмом; поэтому, вероятно, он присоединился к МАНО.

Все эти моменты не суть разрозненные эпизоды взбаламученной жизни. Это - сражения Всемирной Мятежевойны красного Мира против белого Мира. Насилие (устрашение, террор) и партизанство - главные «оружия» в этой войне. Пока этого не поймут правительства и не станут воевать, применяя контрнасилие и смертную казнь, насилие будет побеждать, потому что всякие общественные «МАНО» и «Команды охоты на коммунистов» недостаточно мощны для борьбы против тактики, руководимой и поддерживаемой государствами из штабов в Красномоскве, Краснопекине и Красногаване.

Дополнение. Так ведут себя люди культурных стран. А примитивнейшие туземцы Австралии решили воспользоваться приездом туда британской королевы и протестовать против их бесправия. Протест заключался в месячном трауре. Не в насилии, а в трауре. Вот дикари!

Изумительный успех доктрины Мао надо приписать двум обстоятельствам: первое - изъеденный пацифизмом Запад (в особенности США) всерьез принял сосуществование за не-войну, за необычную форму мира и военно не сопротивляется этому «миру»; второе - Восток и вообще силы разрушения с такою же серьезностью проводят сосуществовательную форму войны, с какою Запад считает ее формою мира. Не прояснили мыслительных способностей Запада слова Карла Ясперса: «Под видом сосуществования Советы ведут "холодную войну"», о которой маршал Василевский сказал в свое время: «Холодная война есть продолжение войны другими средствами» (продолжение войны 1941-1945 гг.). Не помогли Западу увидеть реальность даже такие грубо-реальные слова Хрущева: «В гроб мы не хотим. Они (капиталистические страны) тоже не хотят. Что ж нам делать? - Мы должны их столкнуть в могилу». «Для сохранения мира - единственное средство - сосуществование. Альтернатива: сосуществование или война на уничтожение». Под «сохранением мира» Хрущев понимает не мир в точном значении этого слова, а борьбу «не-войною», что пояснил маршал Соколовский: «Сосуществование есть продолжение борьбы между различными социальными системами». Маршал Василевский не считает войной применение активнейшей пропаганды, устрашения, террора, даже партизанства; не считает войною военно-дипломатические махинации, имеющие целью ослабить, покорить волю противника, как бесконечный торг на

Женевской конференции по разоружению (сотни бесплодных заседаний); как изматывающую конференцию, бродящую между Хельсинки-Веной-Хельсинки, где американцы и советчики молотят пустую солому, договариваясь о сокращении стратегического оружия; как «Конференцию четырех» в Берлине; как Вашингтон-Сайгон-Ханой-виетконг-конференцию (мирную конференцию) в Париже, где красные партнеры ищут за столом побед, которых не могли добыть на полях боев во Вьетнаме.

Красномосква не ограничивается воеванием в стиле Мятежа - она прибегает и к таким «классическим» формам военной угрозы, как вторжение советской эскадры в восточную часть Средиземного моря и проникновение военных флотилий в Индийский океан и в Карибское море (у Центральной Америки). Эти морские провокации не означают, что Советы намерены и имеют возможность военно интервенировать на берегах далеких морей и океанов (у них нет сильной морской пехоты для крупных десантов, и поэтому их флоты «за тридевять морей» предназначаются для оживления существующих мятежей или провокации новых).

Быстро ставши, подобно Петровской России, двуруким потентатом, СССР готов и для невероятного случая возникновения большой войны. Но он ее не «развяжет», потому что нраву

коммунизма более соответствует Мятеж. А больной психостенией Индивидуалистический Мир не усвоил воевания Мятежом и не имеет достаточно сил для сухопутного, морского, воздушного, ракетного воеваний.

Сумма смятений и мятежей равна мятежевойне

Один упавший с дерева желтый лист - случайность, вызванная каким-либо вредителем древесным. Тысячи падающих желтых листьев - это осень.

Одиночное смятение в обществе, в городе, в государстве - случайность, вызванная социальным «вредителем». Тысячи одновременных смятений во всем Мире - это Всемирная война.

Или еще: один случай заразной болезни - случайность, но тысячи одновременных случаев - эпидемия.

Нынешнюю эпидемию Мятежей, нарушившую мирный ток жизни во всем Мире, нельзя не рассматривать войной, так как смятения эти, Мятежи, несмотря на их разнообразие - религиозные, расовые, обществено-организационные, общественно-этичные, этнографические, племенные, идеологические, нелогические, беспринципные, эти, на исторической базе возникающие, те, без всякой базы взрывающиеся, и т.д. и, т.д. имеют - и это важно для констатирования существования Всемирной войны - одну целеустремленность: разрушение того мира и Мира, который одряхлел и не знает выхода из тупика, им самим созданного. Этот Мир годился для Земли, более или менее заселенной, хотя и тогда возникали конфликты ради добывания «местечка под солнцем».

Людям трудно назвать это войной, понять, что это - война, потому что она противоположна представлению о войне, сложившемуся в веках и тысячелетиях. Пожалуй, только румыны были бы в состоянии понять происходящее в Мире, как войну, Мятежевойну, потому что они издавна для определения понятия «война» взяли русское слово «разбой». Мятежевойна есть разбой, чудовищный, многообразный, для совести не приемлемый, но для бессовестного разума понятный и нужный, как разрушение Мировой структуры, вероятно не годной для перенаселенного Мира.

Как война состоит из явлений, происшествий, событий разнообразнейшего характера, так и пестрота, разнообразие, разнородность мнений, происшествий, событий в Мире дают, в совокупности, такую общность, что внимательное, обобщающее сознание воспринимает эту совокупность как Войну, как небывалой силы ураган мнений и бессмыслия, носящийся над «грустною планетой». Такого обобщающего, бдительного сознания нет в Мире Индивидуалистическом, так как этот мир охвачен атониею[16].

Мятежевойна развернулась сейчас на трех континентах и двух американских субконтинентах; пощажены ею только континенты Австралийский и Антарктический из-за малолюдия одного и ледяного безлюдия другого; но кое-какие приготовления к Мятежевойне делаются и там.

Множественность смятений и мятежей говорит о вселенскости явления. Его нельзя назвать Всемирной Революцией, так как этим термином называется коренной и резкий переворот в общественно-политических отношениях, а явление, наводнившее мир, имеет затяжной характер, имеет видимость и сущность медленно, но планомерно развивающегося вторжения, завоевания. Это не «перманентная революция», ибо такой быть не может, как не бывает перманентного взрыва, перманентного землетрясения, перманентного урагана, перманентного уми-

16 Новое слово «атония» означает сонливость. Ею охвачены правительства Индивидуалистического Мира.

рания человека. Происходит Всемирная война, Мятежевойна - в этом явлении обнаруживается стратегическая единоустремленность, стратегическое верховное руководство. Один пример этого: как артиллерийская подготовка сражения производится стрельбой сотен батарей, сливающейся в общий гул, так газетные кампании для подготовки или поддержки сражений Мятежевойны звучат гулом всей Мировой прессы то ли как протест против осуждения нескольких евреев в Ленинграде, то ли как требование неосуждения 16 басков - убийц-террористов.

Стратеги Мятежевойны избегают всего, что могло бы встревожить в народе (в народах) инстинкт самосохранения, и для этого идут по лестнице постепенности, а нарастание военных событий изображают как нагромождение происшествий, мало кого тревожащих или не глубоко тревожащих; «чтобы врага ввести в заблуждение, заманить, смутить, надо постоянно применять военные хитрости» (Мао).

Такими «криминальными происшествиями», а не эпизодами Мятежевойны изображаются и понимаются захваты парков и университетских городков, увоз политических деятелей, дипломатов, богачей и их детей, многомиллионные ограбления банков и касс предприятий, нападения на полицейские станции и на военные караулы, малоразумные или совсем неразумные демонстрации, которые считаются «мирными», хотя демонстранты вооружены пиками, обрезами железных труб, камнями, кусками железа - все это против полиции (во Франции демонстранты имели газовые маски и балахоны, защищавшие платье от окрашивающей воды пожарных брандспойтов).

Мятежевойной экспортируются местные революцийки. В старину бывали революции, а теперь местные революции поддерживают, финансируют государства: Боннское правительство давало субсидии «Обществу мира», «Интернационалу отказывающихся от воинской повинности», «Обществу освобождения от налогов».

Военные теоретики Франции в такой последовательности видят «развязывание» Мятежевойны: разжигание внутренних противоречий, создание «проблем» и кризисов, постепенный отрыв масс от правительства, от подчинения, появление вооруженных банд, формирование подпольных революционных вооруженных сил, овладение частью территории государства и образование там (или за границей) «свободного правительства», вмешательство в этот внутренний конфликт иностранных правительств, провозглашение «освободительной войны».

Этот анализ близок к истине. Однако от анализирования не перешли к созданию доктрины военного сопротивления инвазии Мятежа, Мятежевойны. Вместо этого занялись изучением проблемы «устранения кризисов», то есть устранения обстоятельств локального значения, могущих привести к вооруженному столкновению. Так, Н. Кан, директор Гудзонова института (одной из американских фабрик идей и затей), придумал сорок шесть степеней (ступеней) ответа на вражеские (советские) военные провокации. Сорок шесть аптекарских размериваний: «Сколько ты мне, столько и я тебе; ни унции больше», а ведь на войне только такой контрудар имеет успех, от которого словно ждут решительной победы... До чего смешна фигура «стратега» Кана с аптекарскими весами в руках! И президент Кеннеди, всегда позировавший человеком решимости, придумал для НАТО систему «флексибл респонз», размеренного ответа на каждую советскую провокацию. А его полный апломба и военного незнания военный министр Макнамара уточнил Кеннедиеву стратегическую выдумку иной ее формулировкой: «Выбор и пауза», то есть сперва выбор соразмерного ответа на провокацию, а затем паузирование, чтобы увидеть, как будет враг реагировать на американский, натовский контрудар. Между тем паузирования всегда и во всех случаях осуждены военной наукой, ибо «промедление смерти пагубной подобно». Если читателя не удовлетворяет ссылка на Петра I, сошлюсь на Висса-

риона Белинского: «В важных делах всегда надо спешить так, как будто бы от потери одной минуты должно было бы все погибнуть».

Происходит трагический курьез: только одна сторона (красная) имеет в Мятежевойне и цель, и стратегическое руководство. Другая же сторона стратегического руководства не имеет и противопоставляет вражеской стратегии войны свою стратегию мира, несмотря на войну. Этим нарушается одно из вековечных военных правил: сокрушительно предупреждать или отражать удар противника. А дозированная стратегия предупреждения, устранения кризисов никак не годится для отражения мятежной инвазии. Эти устранения кризисов Индивидуалистическим Миром заменяют активную военную стратегию предрассудков - хранением, крошек-сбережением. И эта мелочность вызвана тем, что десяток ученейших профессоров прогрессивнейших университетов в сумме своей не составляют одного Верховного стратега, профессионально образованного, природой одаренного, «от неба рожденного» (как говорил Сунь-цзы). Ведь все эти атомофизики, химики, психологи, парапсихологи, историки, социологи, при всей их импозантной учености, оказываются, когда рассматривают военные проблемы, обыкновенными обывателями с обывательскими понятиями о войне, то есть без малейшего понятия, тем более что эти ученые взаимно противоречивы даже в пределах применения их научных специальностей к военной практике.

Индивид Мятежевойны

Война всегда одушевляется определенной положительной идеею: для Александра Македонского - увеличение государства, для Атиллы - приобретение новых, южных пастбищ, для Батыя - обогащение его орд, для Наполеона - слава Франции, для Рузвельта - восстановление демократизма, нарушенного национал-социализмом. Нигилистическая идея Мятежевойны - разрушение структуры - при всей своей безыдейности, противоидейности является конструктивною идеею: в результате всеобщего, всемирного ничего возникнет что-то новое («хочь гирше, тай иньше», как говорили южные русичи[17]).

Мятежевойна не есть цыганское «пропадай моя телега, все четыре колеса». В ней - планомерность, учет действий подвергаемого нападению врага. Мэй Яочен[18] объясняет, как исчислять действия врага: «О мире духов скажет ясновидящий, о природе - индуктивный опыт, о законах Вселенной - математика, о намерениях врага - только шпионаж». Во Вьетнамской войне каждый план, возникший в голове американского генерала, сейчас же сообщался шпионами виетконгам или ханойским полковникам. Красные полководцы Мятежевойны всегда знают и свои силы, и вражеские силы, а также возможности врага: «Если знаешь себя и врага, не бойся и ста битв; если знаешь себя, но не врага - будешь за победу расплачиваться поражениями; если ни себя, ни врага не знаешь, проиграешь все битвы» (Сунь-цзы).

Мао знает, что «законы воевания создают уменье плыть по океану войны и достичь берега победы». А этот берег есть мировой порядок, заключающийся в захвате Мира. Карл Ясперс выразился категоричнее: «Коммунизм не хочет Мирового порядка, хочет ВЛАСТИ». Запад же не имеет воли и не знает индивида происходящей войны.

Нельзя достаточно наудивляться неспособности Запада усвоить особенности Мятежевой-

17 Существительному «россиянин» и прилагательному «русский» предпочитаю (да простит меня читатель) древнее «русич», определявшее принадлежность к народу, создавшему Руси: Киевскую, Северскую, Червонную, Черную. Галицкую и так далее, т.е. Русь-Россию.

18 *Мэй Яочен* - военный писатель Китая III в. до Рождества Христова.

ны. Ведь такие воевания (правда, не столь изощренные, а более примитивные, импровизированные) имели место не раз:

10 лет бретонцы восставали в Вандее против консула, а потом императора Наполеона;

с 1808 г. и до конца Наполеонова правления существовал «испанский гнойник», герилья испанцев, слегка поддержанных британским полководцем Веллингтоном[19];

в 1808 г. восстал Восточный Тироль против баварцев и французов;

в 1812 г. поднялось российское крестьянство против «двадесяти языков»[20];

в 1870 г. после победы германцев над французами у Седана Гамбетта объявил во Франции levee en masse[21];

с 1878 г. по 1913-й население Боснии и Герцеговины сопротивлялось австрийской оккупации;

в 1899-1902 гг. буры воевали против англичан более или менее партизанским способом;

в 1902-1903 гг. славянские комитаджи[22] колебали власть турок на Балканах;

в 1914 г. вступивших в Бельгию германцев встретили «франктиреры»[23];

в 1939-1945 гг. в Польше, СССР, Франции, Югославии, Греции, Румынии немцы столкнулись с явным партизанством или герильей, с подпольным террором и т.п.

Военная наука давно должна была бы изучить этот «иррегулярный» вид воевания, а между тем и не пыталась изучить.

И теперь эта наука не может (после десяти лет нынешней Мятежевойны) дать совета, как противостоять иррегулярному воеванию, принявшему планетарные размеры. Только в Германии «передовой» генерал-майор граф Бодесин стал упоминать об этой войне, а в декабрьском 1970 г. выпуске журнала Wehrkunde знаменитый немецкий военный обозреватель A.L. Ratcliffe обратил внимание на «растущую, модерную, идеологическую Всемирную партизанскую войну». Да еще несколько бразильских и аргентинских генералов говорили, что их государства находятся в состоянии войны, бандитизма, партизанства, герильи. Гражданские лица предвидели то, чего и сейчас не видит большинство генералов: А. Солодовников (Канада) писал в «Русской Мысли»: «Будущая 3-я мировая война от мятежа почти неотделима». А еще раньше проф. И.А. Ильин характеризовал современную ему обстановку «как криминальную подготовку всемирного восстания».

Действия красной стороны всегда тщательно подготовлены в тылу противоположной стороны: пропагандою и политическим маневрированием она создает для себя возможность плыть, «как рыба в дружественной воде» (Мао). Под «дружественной водой» надо понимать создание в подвергшемся нападению народе растерянности и дряблости, неспособности к оказанию сопротивления. Поэтому в мятежевойне используются «оружия», никогда до сего века не мыслимые, как «оружие-порнография», «оружие-наркотики», «оружие - промывание моз-

---

19 Вследствие оказания Веллингтоном некоторой поддержки испанским повстанцам, их следовало бы называть партизанами, но наименование «испанская герилья» так укоренилось, что принужден, чтобы не ломать военных понятий, называть их герильерами.

20 Принято писать и говорить, что с Наполеоном шло на Русь «двунадесять языков», между тем в манифесте императора Александра I от 25 декабря 1812 г. по случаю завершения Отечественной войны сказано: «...Собранный съ двадцати царствъ и народов, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы». И на памятнике на Бородинском поле стояло не «двунадесять», а «два-десять» (не 12, а 20).

21 Всеобщее ополчение, «посполито рушенье».

22 *Комитаджи,* или четники - повстанцы сербские, болгарские, македонские.

23 В переводе «свободные стрелки» - так называли одиночных стрелков в Бельгии, из засад обстреливавших германские полки.

гов». Склонность политиков и общественных деятелей все упрощать, не ища внутреннего, глубинного смысла фактов, ведет к тому, что распространяющийся разврат и наркомания понимаются как явления психологического порядка, в то время как они стали «оружием» стратегического порядка. Напрасно писал в США полковник Дэвид о «неконвенциональных оружиях» - люди продолжают видеть в приемах мятежевойны только «криминалистику» и психиатрию. <...>

Мы, военные, воспитанные в этических понятиях рыцарства, не должны были бы рекомендовать Западу отбросить в борьбе за свое существование военную этику, но предельная неэтичность красных орд Мятежевойны вынуждает сказать: Западу необходимо свести в Мятежевойне свою этику до минимума, определяемого элементарнейшей совестливостью человека, верящего в Бога и несущего в себе наследие сотен поколений культурных предков, приспособиться воевать с минимальной этикой. Живем же мы в минимально кислородном воздухе, загрязненном городскою мглою (смогом).

Тактика, этика. Никаких норм, шаблонов Мятежевойна не признает: «Тот есть небом рожденный полководец, который умеет приноровить свою тактику к вражеским действиям», - учил Сунь-цзы 3000 лет тому назад и требовал от полководца большего, чем приспособление к вражеским действиям: «Тот полководец - мастер нападения, чей противник не знает, где ему следует защищаться, и тот есть мастер обороны, чей противник не знает, где ему следует нападать». Не предписывая шаблона, Мао считает, что мятежевоевание развивается в такой последовательности: «Сперва захватывай малые города, а потом большие; но не считай главной целью захват городов: твоя цель - уничтожение врага; не ударяй, когда не уверен в успехе; при ударах не скупись на жертвы и на утомление; когда враг идет вперед, мы отступаем, когда он бивакирует, мы его тревожим; когда он утомлен, мы атакуем; если он отступает, мы его преследуем; уничтожай врага, когда он в движении; не давай ему передышки» - «Атакую всегда сзади» (Вей Линцзю[24]).

Формула Наполеона: «Большие батальоны всегда правы». Формула Мао: «Сила партизан в их слабости: их малые партии могут проникать, куда не проникнуть войсковым соединениям». Исполинские дредноуты только короткое время давили поверхность морей и океанов, а крошечные самолеты и подводные лодки (вспомним морские сражения 1943-1946 гг. в Тихом океане) согнали броненосцы и дредноуты с морей, и эти исполины были проданы, превращены в железный лом. То же и в Мятежевойне: против массовых армий, миллионных, многомиллионных - тактика комаров: «Нападайте, как комары на великана, колите, отравляйте, высасывайте кровь, пока не свалится» - так учит Мао, который говорит: «Партизанские группы начинают ничем и растут» - «Умный полководец побеждает войско без боя, берет города без осады, разрушает королевства (государства) без операций на полях битв» (Сунь-цзы).

Обороняющийся в Мятежевойне Запад не может постичь эту «войну наоборот». Мао: «Чтобы победить, мы должны сделать врага слепым и глухим, запорошивши ему глаза и уши и смутивши его командиров... Это касается методов психологического воевания». Сие выполнено: вожди военные и государственные Запада стоят с запорошенными глазами и ушами, вздыхая от множества «криминальных случаев» и не постигая, что эта «криминалистика» есть субверсивная война, мятежевойна.

Тактика этой войны весьма гибка, она «подобна воде, которая в своем беге обходит высокие места» (Сунь-цзы). «На войне избегай того, что сильно, бей по слабому». Бей, где тебя не ждут: «Ждут в воротах, а мы войдем в окно» (слова Хрущева, «сосуществователя»). Мао:

24 Жил в III веке до нашей эры.

«Отборные борцы наводняют территорию, втягивают в бой вооруженные группы населения и с их помощью ведут партизанское воевание; отборные должны взять на себя эту святую задачу». И снова Мао: «Партизаны должны менять место своих действий, как вода или быстрый ветер».

Все это применимо не только к партизанству, но и к иным приемам мятежевоевания: террору, бандитизму, восстаниям, беспорядкам и даже к демонстрациям и манифестациям: всегда и во всем ставить себе посильную цель и застигать противника врасплох, вводить его в заблуждение, «иметь всегда инициативу в своих руках» (слова Мао). Запад и не пытается захватить инициативу.

Разнапряжение. «Видящий под поверхностью легко побеждает», - писал Мэй Яочен. Запад видит лишь поверхностное. Потребовались годы, чтобы он увидал войну под поверхностью сосуществования. Тогда Восток придумал новый камуфляж войны - разнапряжение. Поверхность этого понятия должна была бы обозначать: устранение военной опасности. Но опасности войны нет: идущий под ливнем не подвергается опасности попасть под дождь. Под поверхностью «разнапряжения» лежит продолжение воевания.

В Париже делают моду на дружелюбие к коммунизму, в Лондоне сделали моду на прогрессирующие мини-юбки, в Вашингтоне Верховный суд сотворил моду на священно-гражданские права преступников, а Москва творит моду на ядовито-интернациональные слова, как сосуществование, культурный обмен, конвергенция, разнапряжение. Многие из этих слов уже обесценены, но разнапряжение еще имеет хождение.

Напряженнее всех разнапрягается Вилли Брандт, который хочет, чтобы прекратились советские нападки на «реваншистскую, неонацистскую, милитаристическую Германию»; хочет приобрести симпатии: Праги - категорическим аннулированием Мюнхенского соглашения 1939 г.; Варшавы - признанием границы по Одеру и Нысе; Панкова - полупризнанием второго Германского государства; в-третьих, хочет нормализовать курьезное (если не трагическое) ныне положение Берлина. Напряженность не успешного до сего дня Брандтова разнапряжения такова, что пошли слухи, будто боннский социалист переговаривается с московскими коммунистами за спиной Вашингтона и НАТО о втором Локарно, чтобы вторично приключить Германию к Советскому Союзу.

Враг стал вести бой, камуфлируя его разнапряжением. Западу приходится бороться оружием, которое избрал враг. Тот намеревается разнапряжением ослабить, размягчить, вконец раздробить Свободный мир, как намеревался сделать это путем сосуществования («Сосуществование есть лишь форма холодной войны», - проговаривалась Красномосква), и в сосуществовательных стычках и сражениях потерпел неудачу. Надо рассматривать разнапряжение одним из видов военных действий в происходящей на пространстве всего Мира Третьей Мировой войны, Мятежевойны. В этой борьбе оружием «раз-напряжение» надо не стоять на позиции слабости, как стоял Джонсон, а крепко стать на позицию силы, тогда можно надеяться на победу - красные робеют перед большой силой. Никсон ни в чем не отступил, борясь разнапряжением, красные отступили и не протолкнули свои планы: проект поляка Рапальского о военной нейтрализации Германии, проект Громыко о созыве Европейской «Конференции безопасности» (без участия в ней двух членов НАТО - США и Канады), старания советской дипломатии образовать Скандинавский блок (Финляндия, Швеция, Норвегия и Дания) с отрывом двух последних из НАТО.

Красномосковское зондирование почвы для сооружения, при помощи полевевшей Индиры Ганди, блока Южной и Юго-Восточной Азии.

Неуспех этих четырех наступлений надо приписать благоразумию европейцев, азиатов и дипломатов США, прозревших, что эти советские планы стоят в противоположности к советской же мысли (лже-мысли) о разнапряжении: успех каждого из планов отрывал бы от Свободного мира часть сил и повышал бы советскую агрессивность, повышал бы международное напряжение.

Раз Свободный мир не находит в себе воли и духа, чтобы перейти в открытое наступление против Мира несвободы, то надо обороняться, маневрируя в стиле разнапряжения и тем самым ослабляя динамику мятежеинвазии.

Оператика Мятежевойны шагает по таким фазам: деморализация, беспорядки, террор, постепенная вербовка в революционность, перестройка душ (создание «нового человека»), конструирование человекомашинной системы (социальной). Так формулировал Мао Цзэдун.

Стратегия Мятежевойны имеет конечной целью разрушение структуры, а «разрушенное государство не может быть восстановлено, мертвый не может быть пробужден к жизни» (Суньцзы).

Таковы (в предельно кратких словах) тактика, оператика и стратегия индивида войны. Таков - индивид Мятежевойны.

Этот индивид не признает классических, грандиозных, массовых сражений, как Луцкое (1916 г.), в котором участвовало около 5 миллионов воинов с тысячами артиллерийских орудий. «Арамбурское сражение» на аргентинском «фронте» Мятежевойны разыграли два градопартизана; они увезли генерала Арам-буру, причем один ксендз скрывал их следы, а несколько бесчеловечных мужчин и женщин мучили затем пленника в тайном убежище и насмерть замучили. Это «сражение» потрясло весь аргентинский народ и вызвало смену правительства.

Такие «сражения», как похищения дипломатов в Бразилии, Уругвае, Гватемале, Испании, потрясают не только соотечественников высокопоставленного пленника, но и целые континенты. Такие «сражения», как «марши на Вашингтон», десятком, сотней тысяч голосов участников «марша» оттесняют с политической арены в государстве молчащий двухсотмиллионноголовый народ. А эти выкупы похищенных иностранных дипломатов или местных богатеев свидетельствуют, что в торг с киднеперами (похитители детей, людей вообще) вступающие правительства не сознают себя, свое государство находящимся в состоянии войны: ведь на войне не выкупают попавших в плен генералов; точно так не следует выкупать генералов от дипломатии или магнатов капитала; и не следует нервничать при мысли, что злодеи убьют похищенного: на войне генералы «имеют право на смерть»[25] - это «право» надо распространить и на дипломатов во время Мятежевойны и на толстосумов. Если читатели найдут эту фразу жестокою, то отвечу: вся эта книга жестока - она говорит о наиболее жестокой из разновидностей войны.

Дипломатами придумана формула: «мир неделим»: т.е. мир должен быть всеобщим в Мире. Генералы с такою же логикой должны говорить: «война неделима»: нынешний Мятеже-хаос нельзя делить на разрозненные серии «происшествий». В этом хаосе отсутствует казовая сторона классических войн - нападений и защит географических объектов, границ, городов, речных переправ. Но за этой казовой стороной всегда было важнейшее - сокрушение духа противника и сохранение в победной уверенности собственного духа. То же важнейшее имеется и в Мятежевойне: субверсивное воевание есть психологическое воевание с целью покорения разума и души человека, атакованного народа, превращения человека с его машинальными

---

25 Слова Керенского на Московском государственном совещании (1917 г.). Он этим правом не воспользовался, чтобы в октябре защитить свою власть от Троцкого.

функциями (инстинктами) в частицу «человеко-машинной системы».

И этот хаос творится не хаотически, а весьма систематически, организованно, продуманно со стороны руководящих стратегических центров. Один из таких центров (немного бутафорский, но совершенно явный, в противоположность иным, тщательно скрытым центрам) был основан в январе (как уже упоминалось) 1966 г. на Кубе: Трехконтинентальный штаб, взявшийся «руководить» Мятежевойной в Латиноамерике. Африке и Азии.

Все верховные штабы Разрушения держатся правила Сунь-цзы: «Тот победит, кто знает, когда он должен и когда он не должен драться; кто умеет обращаться со своими превосходящими или недостаточными силами, чье войско сверху донизу окрылено одним духом; кто подготовляется к битве и выжидает, когда враг не подготовлен к битве, кто имеет военные способности и кому государь не мешает действовать». Последние слова суть повторение нашего старинного: «Вся мощь командующему генералу!» Они забыты в Индивидуалистическом Мире: «государи» (то есть президенты или главы правительств) держат главнокомандующих на коротком поводу (вспомним Корейскую и глянем на Вьетнамскую войны).

Однобокая, односторонняя война

Опыт говорит: когда очень хлопочут в Мире о мире, о безопасности, это значит, что наросла опасность и надвигается война. Сейчас всюду засуетились о разнапряжении международной атмосферы. Социалистическое правительство Германии торопится наладить отношения с коммунистической Польшей, признав нерушимой нынешнюю польско-германскую границу. В Хельсинки Вашингтон пытается сговориться с Москвой о сокращении атомного вооружения. Никсон спешит сделать эффектный жест: присоединяется к международной конвенции 1925 г. об отказе от биологического и химического оружий, надеясь, что советчики расчувствуются и станут уступчивыми в Хельсинки (такими надеждами-упованиями одурачивает себя Запад на протяжении полувека, не понимая, что коммунист не от доброго слова способен «расчувствоваться», а от крепкого удара).

Ради все той же иллюзорной «безопасности» Вашингтон и Москва ратифицировали монопольного характера договор о нераспространении атомного оружия и надеются, что спешно его ратифицируют (т.е. отдадут себя на милость или произвол Советов и янки) те 93 страны, которых уже принудили подписать этот договор; к ужасу благоразумной части немцев, подписал и социалист Брандт. Подписать подписали, но государства требуют, чтобы США и СССР, атомно обезоружив весь мир, перестали усовершенствовать свои атомки, прекратили опыты. Англия тоже заботится о безопасности в Мире и предлагает запретить микробиологическое оружие (лучше бы добивалась прекращения пользования коммунистами во всем Мире микропропагандным и мегапропагандным оружием).

Почти повсеместная тревога вызвана не опасением, что начнется мировая война, а возникновением, наконец, сознания, что Третья Мировая уже ведется. О происходящей Третьей мы давно пишем, но мне не удалось убедить ни человечество (где там!), ни даже наше читательство («Ерунду пишете: какая там Третья Мировая, если не было ни мобилизаций, ни сосредоточения армий у границ?»). Груда черепков не понятна, но сложите черепки, склейте их и поймете, это - ваза. Снова прошу читателя сложить и склеить.

Идет битва в Париже на мирно-вьетнамской конференции, где уже и 44-е заседание ни на шаг не подвинуло ханойцев и виетконгов к честности, а всю конференцию - к миру.

Идет битва агитационная во Франции; на бунтарской стороне в нее включились до отвалу

сытые крестьяне-фермеры; происходят демонстрации, конечная цель которых - социалистическая революция; наготове стоят 100 отрядов из французских последователей Мао. Идет величайшая забастовочная битва в Италии: пятимиллионный пролетариат буйно требует жилищ и повышения заработной платы; неофашисты вступают в драки с красными манифестантами; итальянцы робко спрашивают себя: «Когда победит Ленин в Италии?»

Идет Палестинская битва, называемая израиль-арабским перемирием: в воздухе - самолеты, на земле - танки, под водой - арабы - боевые «лягушки»; террористы «Ал Фатаа» производят взрывы в Израиле, и не только в Израиле: в Афинах разрушили бомбой израильскую авиационную контору, в Западном Берлине - помещение Союза евреев (тут террористический удар нанесли не арабы, а просоветские студенты).

Идет Латиноамериканская битва: партизанство в Венесуэле, Колумбии и др.; терроризм в Бразилии и Уругвае («Убивайте полицейских!»); в Парагвае. Аргентине и Бразилии десятки католических священников работают с переворотчиками. Пекин. Москва и Гавана руководят Латиноамериканской битвой.

Идет Вьетнамская битва «на мундштуке»: истощенные виетконги предпринимают только безопасные операции. Тут битва «устала»: американцы вьетнамизируют войну, а красные надеются на победу не во Вьетнаме, а в США, где идет величайшая из нынешних битв.

Сконфуженные, но ободренные телеграммой из Ханоя с благодарностью за оказанную Северному Вьетнаму помощь пацифическими демонстрациями, пораженцы США вместе с хиппи, с «Черными пантерами» и прочими изменниками родины организовали в Вашингтоне импозантные демонстрации, добиваясь от Белого дома немедленного мира во Вьетнаме (почему не шлют это требование в Ханой? Потому что эти пацифисты = тайнофабианисты). 77% американцев одобряют дипломатию и стратегию Никсона, но молчат - «Моя хата с краю».

Если на границе произойдет стычка между патрулями двух наций, то это - инцидент. Но если в Мире разыгрываются семь больших сражений, а всеми атакующими управляют два (Москва, Пекин) или три (Гавана) штаба, даже четыре (тайный фабианистический), то эти «инциденты» суть Всемирная война.

Эта война «однобока»: нападающая сторона (как уже было сказано) хорошо руководима, обладает сильным «войском» и надлежащим «оружием», а обороняющаяся сторона, Индивидуалистический Мир, не имеет ни соответствующего контроружия, ни надлежащего контрвойска, а его руководящие органы некрепко организованы либо - в распаде: слабоватый Атлантический пакт (НАТО утратил оборонную маневренную глубину из-за ухода де Голлевой Франции), только на бумаге существующий Среднеазиатский пакт (Багдадский) распался, не успев создаться; Тихоокеанский пакт АНЦУС (пакт юго-востока Азии) спасают от развала Австралия и Новая Зеландия, решившие дать Сингапуру и Малайзии свои батальоны взамен английских, когда те будут отозваны домой во исполнение плана ухода Англии из всех зон к востоку от Суэца; пакт на Дальнем Востоке из военного превратился в аппарат коммерческого обмена товарами.

Обороняющаяся сторона похожа на камбалу: этот класс рыб имеет круглое, плоское тело и лежит на морском дне всегда одной стороной тела; поэтому эта часть ничем не защищена и слепа: оба глаза находятся на другой стороне туловища, защищенного чешуей и колючими наростами; Индивидуалистический Мир видит глазами военные опасности конвенционального типа и имеет кое-какую защиту (воинство) от конвенциональных нападений, но он не может защищаться от потаенных нападений на незащищенную сторону его организма; не имеет на этой стороне и глаз, чтобы видеть опасность.

Вдвойне односторонняя война: нападающий воюет, а обороняющийся не имеет данных для защиты; нападающий воюет по плану, по доктрине, им разработанной, а обороняющийся даже не видит войны...

Одержимостями загрязнена «атмосфера» духа на Земле, как атмосфера природы загрязнена смогом. В смоге духа человеческого, как и на физическом плане его существования, идет война, грандиознее какой и свирепее какой не бывало за все тысячелетия (по Библии, 7479 лет) существования человека на Земле.

Чему уподоблю происходящую в Мире войну? Уподоблю порубке леса: нагрянули дровосеки с топорами, пилами и всякими машинами, а лес «сопротивляется» только твердостью некоторых своих древесных пород. Уподоблю еще раковой болезни: вошла болезнь в человека и он себя чувствует больным, но болезни не видит, не знает и не понимает, он худеет, изнуряется и «борется» против смертельной болезни только крепостью своего организма. И еще уподоблю нашествию в библиотеку термитов из подпольных ходов; библиотекарь не замечает нашествия и только с ужасом видит, что от многих книг остались лишь кожаные переплеты, но и они распадаются в руках, потому что изъедены термитами.

Надо, необходимо, чтобы факт войны признали все, кто так старательно «способствует» сохранению мира в Мире, кто отодвигает или (при особой удаче) устраняет так называемые «кризисы», кто гипнотизирует себя опасностью возникновения маленькой войны на маленьком «пятачке» и не видит, что «пятачковые войны» образовали цепь, опоясавшую глобус по градусам широты и по градусам долготы. Идя по лесу, нельзя думать, что шагаешь между отдельно растущими деревьями, нельзя не видеть, что идешь в лесу. Можно ли, шагая сознанием среди множества мятежей, не соображать, что идешь в Мятежевойне? Оказывается - можно: годы длится Мятежевойна, а ее не видят ни обыватели - им простительно, - ни государственные мужи, - а это преступно. Такими преступниками были в 1223 г. князья северных уделов, которые не пошли вместе со Мстиславом Киевским, Мстиславом Черниговским и Мстиславом Галичским, когда «явишася языци, ихже никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша и которого племени суть и что вера их». И после битвы на Калке с Чингисхановым разведывательным отрядом Субутая Русь продолжала недоумевать: «Сих же татар не сведаем, откуда были пришли на нас и где ся дели опять; только Бог весть»[26].

И сейчас Мир «не сведает», откуда «были пришли» мятежи «и что вера их». Ужели лишь тогда сведает, как сведала Русь, когда на нее нашло татарское иго?

Хочешь мира, победи Мятежевойну

По марксизму, главный фактор в государстве есть войско. Кто хочет власти, должен иметь крепкое войско. «Политическая сила выскакивает из ружейных стволов» (Мао). Это усвоил Краснокитайский «кронцпринц» маршал Линь Бяо, намеченный в преемники Мао Цзэдуна. Он говорит: «Направление воспитания воинства дают идеи Мао, а они - сильнейшее и победнейшее оружие». Идеи Мао - это все, что требуется краснокитайской нации, которая обучается, воспитывается в «Школе нации» (то есть в войске). Войско это - «Учитель нации».

А в Индивидуалистическом Мире войско в пренебрежении, в загоне, а воинская повинность не есть прохождение курса родинолюбия и долга, но досадная для молодого человека «потеря» нескольких «драгоценных» месяцев своей жизни (драгоценных ли?).

Предшествующие абзацы не должно понять как призыв к установлению в государствах

26 Из летописи.

прусского духа (дух этот слишком крепок для слишком дряблых народов наших дней): в абзацах этих - призыв поставить, вследствие Мятежеинвазии, все на военную ногу - военизовать дух войск, полиции, судей, администраторов правительства; военизовать методы борьбы с герильерами, партизанами, бандитами, киднеперами, саботерами, агитаторами, с распространителями порнографии, наркотиков и прочих «оружий», военизовать средства информации публики, чтобы они не были «пятыми колоннами» врага. Это не антидемократично, это демократично, ибо в этом - единственный способ спасти демократию, убиваемую и уже почти убитую.

Такая мобилизация необходима совершенно очевидно, раз враг мобилизовал все свои силы приказами фабианства, неосталинизма, маоизма. Демилитаризованному, дегенерирующему Западу может ли быть понятна такая милитаризация в XX в., антимилитаристическом?

Краснокитай построен на связи трех элементов: воинства, революционированной массы и политического кадра (партийного). Все - в руках маршала Линь Бяо, который не устает твердить: «Наш народ и воинство, вооруженные учением Мао, непобедимы!»

С 30-х гг. разрабатывая свою военную доктрину, Мао, вопреки ее нападательному духу, решил, что Китай (слабосильный по сравнению с его двумя врагами, СССР и США) должен готовиться к оборонительной войне. «Начальные, временные успехи врага превратятся в его поражения» (Мао): в первых фазах обороны Краснокитай будет терпеть оперативные поражения, но народное воевание даст ему победу.

Народная милиция увеличена с 45 миллионов душ до 150- 200 миллионов (люди от 18 до 45 лет). Конструкция такова: воинство опирается на народную милицию, а она - на народные коммуны. На синих муравьев-тружеников[27] обопрутся муравьи-партизаны, а эти - на муравьев-воинов.

По мнению Мао[28], социалистические государства сильнее империалистических, потому что решающим фактором на войне не машины будут, не наука, не техника, а человек.

Человеку не придает Запад никакого значения в борьбе против инвазии Мятежа. Президент Никсон взывает к «молчащему большинству»: не организует ли он его? Даже и не воспитывает его, не делает его твердым для «твердого» времени Мятежевойны. Линь Бяо проводит воспитательные кампании «четырежды хорошего»: хорошего сознания в человеке, хорошего духа (силы), хорошего выполнения долга и хорошего отношения к руководству (к авторитету), а также к товарищам. Человек Запада, обороняющегося от Мятежеинвазии, не имеет сознания, что Мятеж гибелен; не имеет силы духа для противостояния Мятежу; не умеет и не хочет выполнением долга преодолевать свой эгоизм, эгоцентризм, не склоняется перед авторитетом и обособляется от товарищей («Мы - курские - до нас не дойдет»), то есть от тех, кому судьба уготовила одну и ту же участь.

«Война не есть продолжение политики (дипломатии) иными средствами; война есть форма политики (дипломатии)», - сказал Мао. Оказавшийся в Мятежевойне Запад должен спешно понять, что эта форма политики и дипломатии (Мятежевойна) должна проводиться гораздо напряженнее, интенсивнее, нежели дипломатия и политика невоенных времен. Должна проводиться универсальнее, ибо Мятежевойна универсальна, имеет универсальное стратегическое

---

27 Китайцев называют синими муравьями, потому что в Краснокитае весь трудящийся люд одет в синие комбинезоны и вообще в одежду из синей ткани.

28 Мао, Мао. Мао - на каждой странице и чуть ли не в каждом абзаце этой книжки. Да не подумает читатель, что автор очарован Мао Цзэдуном и пленен его «доктриной». Автор вынужден цитировать Мао и его древних и весьма древних учителей, чтобы сделать нынешним людям - военным и гражданским - понятными те «криминальные происшествия», которыми полны сегодня и минувшее десятилетие Мятежевойны.

возглавление, универсальную военно-политическую доктрину (на красной стороне разработанную, на западной стороне - нет). И ее оружие универсальное: нет такого оружия разрушения, каким бы она не пользовалась.

По Мао, войну решают три фактора: мораль народа и войска, время (период оперативных неуспехов и потом тактические успехи народного воевания) и пространство (которым пользуются первые два фактора). На Западе воинства, вооруженные тысячами громоздких машин, ждут вражеских армейских наступлений, которых не будет, и не получают приказа, да и не умеют отражать комариные наступления герильеров, партизан. «На нашей большой территории враг найдет свои могилы» (Мао) - территория атакованного Запада куда больше китайской, но могилы врагу не приготовлены.

Мао, спустив с цепи буйное юношество («культурная революция»), сделал репетицию революционно-инвазийного Мятежепохода: буйство смело весь партийный аппарат и овладело всей жизнью народа, но по приказу Мао воинство обуздало бунт, Мятеж и отразило инвазию. Мао проделал репетицию для проверки своей доктрины. Но эта Маова репетиция поучительна и для атакуемого Запада, Индивидуалистического Мира. При подавлении войском инвазийного буйства «Красной стражи» проводилась воспитательная кампания «пятижды хорошего персонала»: персонал войска и администрации (восстанавливаемого партийного аппарата): персонал с хорошим политическим сознанием; с хорошим духом тройной оси (войско, милиция, народ); персонал хорошей работы; хорошего контакта с массами и с хорошей дисциплиной.

Если мы констатируем, что ничего этого в Индивидуалистическом Мире нет, то это не означает, что и быть этого не может: не вполне понявший положение K. Ross Toole, профессор Монтанского университета (США) писал недавно: «Социологи, психологи, педагоги и юристы спорят, как быть с молодежью, с ее буйствами в культурных государствах. "Невыполненные и невыполнимые мечты вызывают в молодежи враждебные реакции", - говорят психологи. Но не все глядят мрачно на будущее человечества из-за молодежного буйства: "Человек вовсе не зол на молодежь - он просто недостаточно хорош для удовлетворения требований жизни: он имеет атомное оружие, но не имеет силы над собою"».

Это мнение верно во второй своей части: человек не имеет силы внутри себя. Платон говорил 2000 лет тому назад: «Демократия сама себя упраздняет, когда старшие дают детям полную свободу и боятся слово сказать полувзрослым, а учителя боятся учеников. Молодежь становится дряблой, не терпит малейшего послушания и становится фактором тирании». «Дряблость» и «тирания» кажутся противоречивыми в словах Платона, если не понимать дело так: тирания распущенности. Уже в 30-х гг. один европейский публицист писал, путешествуя по США: «Меня поражает, как здесь родители слушаются своих детей». Профессор K. Ross Toole писал: «Мы имеем трудности с молодежью не потому, что мы, родители, разочаровали нашу страну, не потому, что были слишком материалисты или чрезмерно ограниченны, а только потому, что мы не держали молодое поколение в соответствующих ему границах. Довольно мы теперь отвечали молодежи на ее вопросы о нашей зрелости и о нашем разумении реальности, довольно анализирования души молодежи. Трудом, старанием и усилиями мы приобрели хорошее оружие: авторитет. Его надо применять, а не слезоточивые газы. Наша земля - НАША земля, мы за нее боролись, кровавили, о ней мечтали, и мы должны ее вновь обрести. Довольно нам (в возрасте 30 и более лет) отказываться от ответственности и уступать нашу землю буйной молодежи. Сила у нас есть. Не хватает лишь силы воли». Не только молодежи надо поставить барьеры, но и радикал-гуманистам, воительствующим пацифистам, идиотопрогрес-

систам, заумным либералам и т.д.

Профессор Конрад Лоренц (Германия) считает: «Надо воспротивиться неимоверной коллективной глупости людей, замешательству суждений, вызванному нашей переоценкой собственной способности судить».

Все это - интеллигентские мнения людей, блуждающих в психологических потемках и не постигающих, что на войне, в бою решительность, решимость должны доминировать над психологическими деликатесами. Si vis pacem, para bellum[29].

* * *

Человечество в тревоге из-за взрыву подобного увеличения населения Земли, что грозит всеобщим голодом, всемирным недостатком питьевой воды - это от природы, и даже нехваткою кислорода - это от человека, так как нижние слои атмосферы до ядовитости загрязнены испарениями бешенствующей техники-комфорта, заполнены «смогом». Но есть нечто губительнее надвигающегося голода, планетарной жажды и до ионосферы растущего смога (мглы): это - страх атомного уничтожения всего живого - животного и растительного - на Земле. Страх этот обоснован Хиросимой, не то что статистикой и футурологами предсказываемые голод, жажда и всеобщее удушие. Страх этот давит сознание, убивает стремление к идеалам и даже - желание жить и делает все ничем (Nihil). «Ничто не ценно, раз завтра - атомка!»

К этим нестерпимым ужасам добавляется у людей высокого интеллекта ощущение, которое можно выразить словами: Мы не можем понять, что происходит на белом свете: государства стали беспомощными, безвластными; общественность разорвана в клочья, воинственно враждующие между собой, причем часть этой общественности, еще недавно одушевлявшаяся пацифизмом, охвачена культом насилия; народы стали смело требовательными в отношении рыхлых правительств; семья разрушена: нет больше извечной проблемы отцов и детей, а есть проблема отцов и какой-то новой расы, состоящей из молодежи и имеющей невиданные, неслыханные мышление, систему чувствований, манеру реакций; мораль уступила свои права грубейшему разврату; Церкви разваливаются и их духовенство заменяет Христову любовь проповедью насилия, антихристианством.

Попробуем разобраться в творящемся на Земле. Но для этого надо подняться выше негодования на отчуждавшихся детей и особенно внуков: подняться выше обывательского ужаса перед возрастающей силой насилия; подняться выше презрения к развратителям в духовенстве, политике, школе всех рангов; подняться выше вздохов о «добром старом времени», когда всё было так чудесно и мы были чудесны (надо еще подняться выше уверенности, что мы остались по-прежнему чудесными).

Надо припомнить миллион фактов и событий минувших десятилетий, сгруппировать их по категории, по общности свойств, по смыслу их. Охвативши их взглядом своего духа, выроним из своего кругозора местное, проходящее, лично ощущаемое. Увидим то, что является переходом от всемирно-прошлого к всемирно-будущему. Увидим завершение двухтысячелетней эры. Увидим такой же перелом всего, какой произошел, когда на место эллино-римской эры возникла эра Христианства. Увидим, что в XX в. происходит:

разрушение гуманизма, который духовную дисциплину Средневековья хотел заменить свободой человеческого духа, творчества, - это не удалось;

---

29 «Если хочешь мира, готовься к войне» - слова древнеримской государственной мудрости. Сейчас не столь мудро, но зато пацифистки говорят: «Si vis pacem. para pacem» («если хочешь мира, готовься к миру»).

разрушение социализма (в том числе и коммунизма), намеревавшегося подобно Средневековью - но более тиранически и более всеобъемлюще - дисциплинировать дух человеческого коллектива и душу человека, - и это не удается;

разрушение демократии, рожденной Французской революцией и в XIX в. оформившейся в буржуазный строй, - теперь одряхлевший;

разрушение культуры, достигшей изумительной высоты в XIX в. - не удается культуре отразить натиск снижающих буржуазных понятий и стремлений;

разрушение доминирования Европы в мире - не удалось европейской культуре, государственности, нравам сдвинуть неподвижные тысячелетние культуры, государственности, нравы Азии, подчинить себе (не колониально, а духовно) Африку;

разрушение Христианства, отошедшего от Божественного Духа Христа и впавшего в формальную церковность, в неофарисейство и неоталмудизм - не удались обращенные к людям слова: «Вы - боги».

Что остается неразрушенным, не разрушаемым? Ничего.

Что придет на место разрушенного?

Предсказать немыслимо. Но мы видим, что все разрушается до самой сути разрушаемого, кроме Христианства - Христианство разрушается лишь формально, внешне, потому что немыслимо разрушить величие этой Божественной Истины, две тысячи лет тому назад в маленькой Иудее провозглашенной всему миру, провозглашенной на арамейском языке всем языкам (ударение - на «ы») мира. Делаем логический вывод: нынешнее формальное разрушение Христианства приведет к новому озарению Христианства. И будет Христианством охвачено, одушевлено человечество во славу Божию.

«Мы живем в эпоху величайших сдвигов, эпоху борьбы людей и целых народов; масштабы этих событий так грандиозны, что человек не в состоянии охватить их», - писал Говард Фаст[30]. Не претендую на то, что мне удалось охватить их - я лишь понял их как Всемирную Мятежевойну в эпоху смены культур.

Разрушительный потоп произошел в начале Христианской эры, когда под действием закона о смене культур распадалась Эллинская культура, уступая место Христианской, и когда стал распадаться Imperium Romanum. То был процесс медленный и не вполне радикальный; эллинизм не был истреблен до остатка, как показали два факта: 1) возникновение Ренессанса (в XV и XVI вв.) и 2) живучесть идеи Священной Римской империи, вновь получившей государственную форму с 962 г., как германская мечта о всемирном государстве (в пределах тогдашнего «всего мира»).

Так же тихо уступила египетская культура место эллинской культуре, продолжая влиять на эллинизм и даже на последовавшее за ним Христианство.

Но бесследно исчезли в Америке древние и высокие культуры инков и ацтеков, и исчезновение их было быстрым и абсолютным, так как их стерли с лица Земли и из памяти человечества завоевательные инвазии европейских варваров, конквистадоров из Испании и Португалии.

Так и сейчас, в постхристианскую эпоху, культура Христианства подвергается опасности абсолютного исчезновения вследствие сочетания двух процессов: эволюционного, то есть замены старого, отжившего, и революционного, то есть Мятежевойны. Оставляем в стороне вопрос чрезвычайной важности: ощущаемое людьми (способными такое великое ощущать) завершение Христианской эры и предчувствование людьми (способными к такому предчувство-

30 Говард Фаст, «Голый бог».

ванию) наступления постхристианской эры (какой именно? - надеюсь: неохристианской) отягчено действиями людей Мятежа, ничего вышесказанного не ощущающими и не предчувствующими, людей слепой силы («падающего толкни!»), ускоряющими и в анархию превращающими эволюционный распад; или же неизвестно, как и почему нахлынувшая на человечество мятежность сама по себе (без всяких ощущений и предчувствований) крушит Христианскую эру?

Во всяком случае Мятежевойна хронологически или метафизически связана с крушением эры; Мятежеинвазии надо воспротивиться, чтобы смена двух эр не была абсолютной ломкой богатств завершающейся эры.

На войне генерал не выясняет, чем вызвана воинственность некоторых вражеских полков - племенными ли, унаследованными свойствами их состава, энергией ли, внушенной воспитанием, пропагандою ли или просто алкоголем, потребляемым перед вступлением в бой. Генерал, не вдаваясь в эти «тонкости», берет факт, каков он есть - повышенные боевые качества некоторых полков, - и ставит против них свои лучшие войсковые части.

Два тысячелетия тому назад за упразднением отжившего эллино-латинизма (верований, богов, искусств, социальных и государственных форм) следовало провозглашение нового: Евангелие дало верование в Единого Бога, смягчило взаимоотношения между людьми проповедью любви, дало искусствам начатки нового содержания. Теперь же вместо упразднения - разрушение, и притом без всякого благовествования: война, всемирная Мятежевойна скомкала, изувечила процесс смены культур.

Вдумавшись в это, нельзя не понять огромности (вширь и вглубь) Мятежевойны и ее ураганности: этот тайфун носится не только над всеми континентами, но и над законом о естественной смене культур, производя неестественную ломку размалывания остатков одряхлевшей культуры. «Bellum omnium contra omnes»[31].

Ныне процесс смены культур идет в темпе галопа, потому что с этим естественным процессом смешался и частично слился процесс Мятежевойны.

Бороться против смены культур человеку, человечеству невозможно, бороться же против ломки, размалывания культуры можно и надо, если мы еще хотя бы немножко принадлежим к нашей прекрасной умирающей культуре.

У Клаузевица (его тоже нельзя дать размолоть без остатка) есть мысль: «Время - Ваше! Каким будет Время? Оно через Вас будет»[32].

Эллинизм творил будущее время, время Христианства, помогши ему, его искусству создать стили византийский, романский, готический[33]; Империум Романум творил будущее время, время Христианства, давши ему римское право, основу всех государств от Раннего Средневековья до наших дней и давши ему убеждение, что государство есть высшая форма общественной жизни, и даже внушивши Ватикану, что он - государство. Нельзя предоставить творить будущее время Человечества ни мерзким хиппи или детям чекистов, ни последователям сверхциника Шоу (фабианцам), ни сионистам, ни коммунистам. Нельзя перед инвазией разрушительных сил в Мятежевойне капитулировать.

Месснер Е. Всемирная Мятежевойна.
- Буэнос-Айрес, 1971.

---

31 Слова английского философа Томаса Гоббса (1588-1674).

32 «Оно через Вас будет» означает: Вами будет сотворено.

33 Стили эти возникли в эпоху возрождения античного искусства.

ВЬЕТНАМСКАЯ ЗАГАДКА

Государство в 200 миллионов человек с величайшим в мире финансовым, промышленным, военно-промышленным и военным потенциалами, богатое сравнительно высокой культурой, - не может на протяжении четырех лет победить Северный Вьетнам с его 14 миллионами примитивных людей, примитивных воинов, с его, как государства, ограниченными силами капитала, промышленности, войска (первые два года войны эти силы не были подкрепляемы мощной помощью Советского Союза и довольствовались немощной поддержкой со стороны Краснокитая). Двух врагов, сражающихся в Юго-Восточной Азии, нельзя сравнить с Давидом и Голиафом - о них можно было бы сказать: Супер-Голиаф и Мини-Давид. И праща этого Давидика в борьбе с Голиафищем оказывается равносильной летающим сверхкрепостям последнего. А победы США нет.

В чем дело? Каково объяснение этой загадки силы слабого и малосилия мощного? Ответить на этот вопрос нелегко. Ответ состоит из суммы ответных слагаемых (и все же эта сумма не будет исчерпывающим ответом - так многосложна конструкция Вьетнамской войны). Укажу на несколько слагаемых, не располагая их в порядке их ранга, значительности.

Американцы слишком цивилизованы, привычны к комфорту, а комфорт ослабляет человека. Привычка к лифту делает отвратительной лестницу; автомобиль почти атрофирует ноги; привычка быть обслуженным чистильщиком ботинок, официантом, всякого рода машинами (пылесос, компьютер и т.д.), социальным страхованием и прочее ослабляет способность к жизненной борьбе; опека со стороны государства, партии, телевизии, газеты, уменьшающая необходимость и потребность думать, ослабляет волю. И такого полного дефектами цивилизации человека противопоставляют в джунглях полудикарю, вытренированному в борениях с жизнью ради собственной жизни.

Американцы слишком культурны. Мы, сражаясь в турецких войнах против башибузуков, не противопоставляли их свирепости свою свирепость - противились им в силу сознания своего воинского долга. Американцы свирепости вьетконгов могут противопоставить ущербленный культурностью гражданский долг - ведь нынешняя культура сугубо пацифична, противоположна воинственности, потребной на войне.

Американцы пленены техникой. На их фабриках работают автоматы-машины, а рабочий стоит при машине. На войне американец хочет быть человеком при боевой машине и не сознает, что воюет человек, имея при себе машину (танкист, хотя и сидит в машине, но все же - не он при машине, а машина должна быть при нем, воине).

Американцы слишком богаты. На выстрел снайпера-вьетконга в джунглях они высылают огнедышащий вертолет или самолет; на ракетчиков, взобравшихся на крышу сайгонского дома, посылают не патруль пехотинцев, а эскадрилью аэропланов, которая разбомбит целый квартал; красные потеряют снайпера и несколько ракетчиков, а янки потратят, со своими вертолетами и эскадрильями, тысячи долларов (сайгонцы потеряют десятка два домов и столько же жизней, но это - не в счет), и в результате война оказывается невыносимо дорогой; ее успехи не оправдывают расходов, а это понижает дух граждан в Нью-Йорке и генералов в Сайгоне.

Американцы слишком политически самоуверенны: «Наша конституция - лучшая в мире; она должна быть образцом для каждой конституции». В Южном Вьетнаме, по тысячелетней

традиции, держал государственный порядок азиатского типа диктатор Дием; его убили не без ведома высокопоставленных американцев, там находившихся, которые стали реорганизовывать политический строй на американский лад. В результате - ограниченная властность сайгонского правительства, ограниченное к нему доверие южновьетнамцев, ограниченная способность создать боеспособное туземное войско.

Кроме этих специфически американских затруднений в ведении войны во Вьетнаме, есть и основное затруднение: малая способность регулярных войск к борьбе неклассического стиля, к борьбе против партизан. Регулярные войска ведут ее оборонительным способом, а это требует, по теоретическим подсчетам, семикратного, если не десятикратного, превосходства в численности над партизанами. Никогда американо-южно-вьетнамское войско такой численности не имело (сейчас, например, 180 тысячам вьетконгов и северовьетнамцев противятся 550 ООО американцев и столько же южновьетнамских солдат - соотношение 1:6).

А теперь от затруднений местных, тактических, оперативных перейду к великой трудности стратегической, существующей не на театре войны, а над театром войны, над войной в ее совокупности. Начать надо издалека.

Веками велись «войны королей» - короли и их полководцы определяли цель войны и руководили военными действиями (в 1811 г. Император поручает Кутузову не только вести войну против Турции как найдет нужным, но и заключить с нею мир, какой найдет выгодным). Французская революция придумала «народную войну», т.е. войну, потребность которой сознает не король, как встарь, а народ. И Клаузевиц, философ военного искусства, придумывает формулу: «Война есть продолжение политики, но только иными средствами» (ему следовало бы сказать «продолжение дипломатики», т.е. внешней политики). Тогда начался спор между дипломатами и генералами и даже спор между генералами: стратегия ли есть служанка дипломатики или дипломатика становится во время войны служанкой стратегии? В начале этого века преобладало мнение: дипломатика определяет цель войны, сообразуясь с возможностями стратегии, а стратеги ведут войну, получая от дипломатов помощь в сфере дипломатики.

Первая Всемирная война упразднила эту гармонию. Причиной этого послужила полная неспособность английских генералов к воеванию и их тупоголовость, препятствовавшая понимать, что интенсивность и способы должны быть согласованы с интенсивностью и возможностями экономики, индустрии. Напористый Черчилль старался быть суперстратегом и при хороших генералах и адмиралах (он придумал бессмысленную попытку прорваться флотом через Дарданеллы). Ллойд Джордж же увидал необходимость «штатского» (правительства, дипломатов, экономистов, промышленников) контроля над стратегами потому, что генерал Френч показал свою неспособность в сражениях 1914 г., генерал Китченер не сумел (1915 г.) оказать помощь сербской армии, отброшенной к албанской границе и т.д.; Ллойд Джорджу приходилось бороться с адмиралами и генералами, чтобы они усвоили пользу «конвоев» для отражения подводных лодок; необходимость увеличения числа пушек и пулеметов для стояния на уровне создавшейся «войны машин»; полезность новоизобретенных танков. Оба упомянутых государственных деятеля заставили генералов согласиться на подчинение генерала Хайга французскому генералу Фошу ради согласования действий союзников (генералы желали сохранить самостоятельность, хотя она вела к оперативному разнобою в воевании англичан, французов, бельгийцев, русских, итальянцев).

В результате правительство Англии взяло в свои руки контроль над стратегами. Во Франции «штатские» с интересом глядели на борьбу Ллойд Джорджа и Черчилля с английскими генералами, и им показалась очень демократичной мысль установить и во Франции свой кон-

троль над генералами, хотя те и были талантливы, не в пример английским с Острова. Предлог дал генерал Нивель, который, ставши главнокомандующим, придумал новый вид позиционного воевания - «операции с ограниченными целями»; первое сражение по этой Нивельевой системе дало ничтожную выщербинку в германской позиционной системе и огромное число потерь во французском войске. Тогда Клемансо установил «контроль». Его решение было таково: война слишком сложная вещь, чтобы доверить ее генералам. Он решил, что войну можно доверить только парламентам, т.е. правительству, поставленному парламентом, т.е. ему, г-ну Клемансо.

После войны и сами генералы увидали, что Мольтке, Фалькенгайм, Гинденбург с Людендорфом и великий князь Николай Николаевич, а затем Алексеев не довели войну до победы потому, что не было у них связи с экономикой, политикой, дипломатикой. Выдвинута была мысль о «коллективном стратеге» из представителей трех упомянутых сфер государственной деятельности и военного стратега; руководство войной во всей ее совокупности принадлежит «коллективному стратегу», а ведение военных действий (воевание) остается в руках генерала-стратега. Так велась (с вариациями в разных государствах) Вторая Всемирная война: «коллективным стратегом» были: военный кабинет (Британия), политбюро (СССР), трест мозгов (Рузвельтовы Соединенные Штаты).

Другой опыт 2-й войны остался не учтенным. Во второй половине XIX в. военное искусство прозевало новое понятие о войне, которое выдвинул военно-образованный Энгельс и во всех отношениях недоумок Маркс: война есть продолжение политики (внутренней), но иными средствами - средствами революционными, выходящими на поверхность или действующими в подполье. Ворошилов-Брежнево партизанство и организованные ими в оккупированных областях провокация и вредительство, Резистанс во Франции, Армия Крайова в Польше, Титовщина в Югославии и т.д. были внесением элементов революционной войны в систему классического воевания. После войны к этой революционности отнеслись, как к специфической особенности Второй мировой; кое-где приготовили ничтожные кадры для отражения партизанства, но войскам не дали способности действовать в обстановке того, что Энгельс называл «революционной войной», а я предложил именовать «Мятежевойной». Незнание, неумение американцев воевать в Вьетнамской мятежевойне - одна из причин малого успеха их там воевания.

Трумэн во время Корейской войны стал извращать систему, «коллективный стратег», вступив в борьбу с генералом Макартуром в сфере воевания, - борьба закончилась увольнением генерала, считавшего необходимым не ограничивать боевые действия 38-м градусом, а распространить их до р. Ялу. Самоуверенность Джона Кеннеди и послушность Джонсона своим советникам, профессорам Гарвардского университета и иным таким же невеждам в военном искусстве, привели к крушению в США системы «коллективного стратега» потому, что в этом коллективе не стало слышно голоса профессионального стратега-генерала - ведь этим голосом нельзя было считать лепетание военного министра Макнамары, полагавшего, что война это некий вид фабрики - «Дженерал Мотор», директором которой он прежде был. Можно было бы считать штатского министра обороны выразителем мнения стратегов-генералов, если бы он к их мнению прислушивался, но он был на ножах с Пентагоном, в результате чего Верховный главнокомандующий вооруженными силами США, президент вторгается в область ведения главнокомандующего на театре войны генерала (в чисто военную сферу, в воевание), слушаясь советов не Пентагона, а заседающих в Белом доме профанов, по-видимому, мнящих себя стратегами. Они придумали три абсурда: 1) при возможно меньшем напряжении воевания до-

казать врагу, что он не в силах победить (это не доказуемо, ибо противник, если он воинствен - а коммунисты весьма воинственны, - не утратит надежды на победу, пока поражениями не сломлены его дух, его воинственность); 2) воевать карательно, но не победительно, т.е. отбитием вражеского нападения карать противника за его агрессивность, но самому агрессивности не проявлять, не брать в свои руки наступательную инициативу (законы стратегии, оператики и тактики предписывают слабейшему из борющихся прибегать иногда к обороне, но, в принципе, рекомендуют наступательное воевание); 3) не добиваться, ни в коем случае, окончательной победы (кто открывает торговое предприятие с намерением не иметь прибыли?), потому что окончательная победа создала бы рискованную международную ситуацию.

Основным дефектом штатского по военным вопросам совета в Белом доме (помимо его невежественности в военном деле) является опасение военного риска или дипломатического риска, связанного с военными действиями. В европейской военной литературе люди, близкие к советникам президента Джонсона, разъясняли недоумевающим европейцам основную идею стратегического руководства войной в Вьетнаме: оказывается, что, при обсуждении каждого плана главнокомандующего в Сайгоне, не выясняют (в противоположность профессиональным, обученным стратегам) шансы успеха и неуспеха намечаемого предприятия, а тщательнейшим образом, детальнейше и с максимальным пессимизмом учитывают рискованность предприятия, обращая внимание не на боевой риск, а на то, как успех операции отразился бы на настроениях южных вьетнамцев, на поведении Хо, на решениях Пекина и Москвы, на мнениях в Европе и в мире, на психике народов Ю.-В. Азии, на поведении северо-американских пацифистов-голубков. Всегда оказывается, что малейшая активность воевания чрезвычайно рискованна и главнокомандующий получает распоряжение «не задираться», а оборонительно дремать. Если бы Суворов перед каждым боем учитывал риск, он не стал бы стопобедным. Да и каждый рядовой генерал, не суворовского класса, знает, что надо не от риска воздерживаться, а от чрезмерного, непосильного для войска риска.

Разительный пример ошибочности такой рискобоязни дает проблема бомбежек территории Северного Вьетнама. Советники решили - первая там упавшая бомба вызовет вступление в войну Краснокитая и даже, пожалуй, СССР; после колебаний разрешили бомбить только несколько целей; потом на протяжении месяцев малыми порциями сокращали запретную для бомбардировщиков территорию; бомбежки придвинулись к самой границе Краснокитая, а он не шелохнулся, Москва же только слабо протестовала, когда осколки бомб попали на советские пароходы, поставщики оружия для Хо. Воевать, будучи в страхе (перед риском), нельзя. А США, Белый дом воюет в страхе. Потому и воюет без успеха.

* * *

Есть еще две причины непобедности Джонсона над Хо: США думают, что идет Вьетнамская война. Между тем идет Третья Всемирная война, свойства которой я в 1960 г. изобразил в книжке «Мятеж - имя Третьей всемирной». На стороне Хо «воюют» мятежом североамериканские негры во главе со Стокли Кармичелем, «голубки» в конгрессе, анархо-студенты Европы, предводительствуемые Дучке, Тойфелем, Коон-Бендитом, пацифисты множества стран, возглавляемые Папой Римским. Всемирным Советом Церквей и лордом Расселем, 81 коммунистическая партия и СССР, к которому не дотягиваются Джонсоновы «мосты дружбы». Все эти силы и бессилия разыгрывают сражения, атакуя дух Белого дома всемирным мятежом и ослабляя воинственную волю США.

Во-вторых, дипломаты США не сделали союзниками по происходящей войне ни одно государство Европы и трех Америк. А вести в почти одиночку (помогают 5 стран азийско-австралийской зоны) Всемирную Мятежевойну трудно.

И тем не менее, США могут быстро победить, если примутся воевать воинственно, а не робко, воевать генеральским, а не белодомовым воеванием.

Наши Вести. - 1968. - №269.

ВОЕННОЕ УТОМЛЕНИЕ

Война заканчивается решительным поражением одного из враждующих или его сознанием, что он не может победить или хотя бы продолжать сопротивляться. Но бывали войны, завершавшиеся не на театре войны, а в кабинетах дипломатов, находивших «политическое решение». В 1878 г. России не дали победить турок и войти в Константинополь, а махинациями «честного маклера» Бисмарка добились «политического» решения и Россию, побеждавшую в сражениях, сделали побежденной. В Русско-японскую войну политически вмешался Рузвельт (старший) и изнемогавшую от военных усилий Японию избавил от военного поражения. Сейчас ищут политического (дипломатического) решения двух войн - Вьетнамской и Палестинской. Поэтому обе войны уснули. Устали воюющие, финансово устали финансирующие эти войны (США в Сайгоне и Тель-Авиве, СССР в Ханое и Каире).

Красномосква тратилась во Вьетнаме не так самоистощительно, как Вашингтон, потому, что ханойцы, прикрываясь джунглями, а вьетконги - местным населением, не нуждались в роскоши военной техники. Все же Ханой понес такие потери в людях, что только азиатское упрямство удерживает его от поисков мирного решения на Парижской немирной неконференции (удерживает его еще и надежда, что возобновится и даст победу генеральное сражение Вьетнамской войны, сражение между североамериканскими пораженцами - пацифистами и мужественным президентом Никсоном).

И в сайгонском стане устали от длительной войны и устрашились последствий девьетнамизации (один генерал Ки, вице-президент, делает вид, что не устрашился). Эти утомление и тревога возобновили активность в Сайгоне буддийского духовенства и якобы демократического студенчества, тяготеющих к красному.

Армия США девьетнамизируется не так поспешно, как демилитаризируется под действием предательских «Черных пантер» и не менее преступных конгрессменов.

Уснувшая Вьетнамская война может закончиться печальным пробуждением, которое сделает явным, что великая держава проиграла маленькую войну из-за того, что пресловутое «молчащее большинство» оказалось мычащим ничтожеством.

В другой уснувшей войне утомление обоесторোннее: Гольда Мейер устала сопротивляться генералу Даяну, требующему военного решения, и оппозиции, требующей решения дипломатического (с отходом на границы если не 4 июня, то на «благоразумные»); забастовки в Израиле и демонстрации показывают, что тамошнее «молчащее большинство» утомлено военным напряжением, начавшимся эффектной победой 1967 г., которую использовать не было сил у Даяна.

Арабы устали больше израильтян, и «Арабский фронт» развалился потому, что части его больше заняты устранением короля Хусейна, чем устранением Израиля, В этой междоусобице палестино-партизаны так фанатичны, что сдаются в плен не армии Хусейна, а армии Даяна.

Красномосква тратится в Израильской войне сильнее, чем США, т.к. там нет «союзных» джунглей и поэтому приходится изобильно снабжать египетское войско усовершенствованнейшим оружием, многими тысячами инструкторов и летчиков и ракетных, радарных армейцев; приходится еще и бороться с Мао Цзэдуном, все сильнее внедряющимся в души палестинцев и северных арабов; приходится дипломатически бороться с проарабской Францией, произраильской Северной Америкой и пронефтяной Англией. Утомление Красномосквы так

велико, что СССР втихомолку капитулировал перед еврейством и стал ежемесячно выпускать в Израиль тысячи советских иудеев.

Об утомлении США Израильской войной говорит долларовый кризис, потрясший мир от Бенилюкса до Японии и до Огненной Земли. Дипломатическое решение Израильской войны так же проблематично, как и войны Вьетнамской: там такому решению препятствует азиатская неспособность к компромиссу (а дипломатическое решение - всегда компромисс), тут же препятствует в Библии упоминаемая «жестоковыйность» израильтян.

Хотя две местные войны и уснули, но Третья Всемирная война (Мятежевойна) продолжается: в Аргентине, в США, в Италии, в Западной Германии, в Ватикане «разрушение структур» не ослабевает.

Наши Вести. - 1972. - №307

БЕЗГРАНИЧНЫЙ ТЕРРОР

Испокон веков совершались террористические акты. Они имели, так сказать, местный характер: русские (кружок «Народная воля») убили русского императора Александра II; сербы («Црна рука») убили короля Сербии; босниец (по имени Принцип) убил австрийского престолонаследника; эти акты, как бессудные убийства, вызывали всеобщее омерзение, но опять-таки имели местные последствия: вместо либерального царя Александра II царем стал консерватор Александр III, вместо австрофильской династии Обреновичей в Сербии стала править преданная России династия Карагеоргиевичей; только Сараевское убийство вышло за «местные» рамки - им воспользовались Вена и Берлин для начала Великой войны.

В нынешнее время терроризм изменился в объеме, в сути, в своем характере. Он стал, во-первых, безграничным: партизанская группа палестинцев «Черный сентябрь» за тридевять земель, в Германии, похищает израильских олимпийских атлетов; она же в Триесте взрывает трансальпийский нефтепровод; пять североамериканских негров («Черные пантеры») за Атлантиком, в Европе, «умыкают» самолет аэротранспортного общества «Дельта» и летят на нем с заложниками в Алжир.

Во-вторых, террористические акты стали изобильно многочисленными, сделавшись главнейшими операциями всемирной Мятежевойны: в Гватемале за 2 года убито 50 полицейских; в Германии находится 200 000 преступников-иностранцев - французских гангстеров, персидских контрабандистов опиума, греческих карманщиков, югославских террористов, торговцев оружием из Турции и венских мошенников - все они используются стратегами Мятежевойны.

В-третьих, современный терроризм отлично организован: в Германии два года не удавалось ухватить кого-либо из террористической банды Баадер-Майнхоф; в Мексике террористы успешно напали на военный конвой и убили при этом 10 солдат; в Аргентине 20 экстремистов освободили из тюрьмы Равсон десяток своих коллег, обезоружив 45 тюремщиков, и на вызванных по телефону такси уехали к аэродрому Трелев, где захватили пассажирский самолет и улетели, сделавши пассажиров заложниками, в Чили.

В-четвертых, терроризм стал весьма интеллигентским: в Колумбии, например, в составе «Освободительного войска» состояли студенты, журналисты, кинозвезды, ксендзы и даже государственный прокурор; новизной, по сравнению с прежними временами, является широкое участие женщин во всех террористических эскападах: в старину женщины ради эмансипации делались безобидными, безвредными суфражистками, а ныне, эмансипируя, становятся террористками; душой вышеупомянутой банды Баадер-Майнхоф были женщины - половина банды состояла из женщин, а вожаками были Ульрика Майнхоф, Гудрун Эслинг и Ильза Стаховяк; им примером служили русская анархистка Биценко, убившая генерал-адъютанта Сахарова, посланного Государем в Саратов для прекращения аграрных волнений, и испанка Долорес Ибаррури, прославленная во время Гражданской войны в Испании под именем Ла Пасионария; мечтают ли нынешние террористки о такой славе? Или просто эмансипированный темперамент влечет их к террору?

В-пятых, современный терроризм не просто революционарен, анархичен, как в старину, а многолик: в Испании организация басков ЭТА стремится к воссоединению в одну независимую нацию басков, поделенных между Испанией и Францией; в Тегеране убит полицейский генерал Саид Тахери потому, что он сильно мешал партизанщине в Персии; в США Эндрю

Топпинг замыслил убить президента Никсона, чтобы помешать его вторичному избранию.

В-шестых, терроризм сейчас, вместо прежнего всеобщего отвращения, вызывает к себе почтение: Анжела Дэвис, оправданная (?!) американским судом, была с большим почетом встречена в Москве, где ее приветствовала космонавтка Валентина Терешкова; не меньше почести ей оказали на Кубе и в Чили; бежавшим из Аргентины экстремистам (из тюрьмы Равсон) Чили не только дала возможность улететь на Кубу, но и на энергичные протесты Буэнос-Айреса ответила угрозой отозвать всех чилийцев, работающих в аргентинских рудниках (среди аргентинских рабочих нет желающих стать на такой тяжелый труд).

В-седьмых, терроризм почувствовал себя правозаконным, имеющим права, как всякое иное общественное явление: родственники убитого при ликвидации банды Баадер-Майнхоф шотландца Яина Маклеода требуют от Боннского правительства денежного возмещения за утрату Маклеода; пять аэропиратов-негров - «Черных пантер», приземлившихся в Алжире, требуют от алжирского президента Хуари Бумедьена возврата им миллиона долларов, полученного ими при аэропиратстве как выкуп за пассажиров-заложников; они говорят: «Мы захватили самолет и взяли миллион отступного ради поддержки афроамериканцев в их борьбе против их угнетения в США; мотивы нашего действия были чисто политическими - мы хотели захватить часть того, что американцы уворовали у негров в США»; в Аргентине Лига прав человека обеспечивает арестованным экстремистам адвокатскую защиту. Характерно для нынешнего всеобщего вывиха сознания и понятий, что эта сама Лига прав человека не задумывается о праве гражданина не быть убитым, как случайный прохожий при террористическом акте (сколько сейчас в Ольстере погибает детей, женщин, стариков от бомб, бросаемых террористами АЙРА[1] в рестораны, полные публики!).

Наконец, в-восьмых, терроризм интернационализовался, образовавши интерконтинентальное сотрудничество: японец прилетел из Токио в Тель-Авив, чтобы там, на аэродроме расстрелять ни в чем не повинных людей; АЙРА в Ирландии получает помощь (оружием и инструкторами) из Германии; колумбийские экстремисты обучаются у террористов в Уругвае; последние сотрудничают с монтеросами в Аргентине; все террористические организации в Латинской Америке получают деньги, оружие, инструкторов не только от Фиделя Кастро, но и от КГБ, от маоистов и от троцкистов.

Словом, Всемирная Мятежевойна развивается всюду, где она уже годами ведется, и расширяется, врываясь в новые театры (Филиппины, Новая Гвинея, Бурунди, Танзания, государство Центральная Африка). А противодействие этой агрессии по-прежнему ничтожно: лишь в сентябре этого года Белый дом приказал на всех аэролиниях производить детальнейший осмотр пассажиров и их багажа; в других странах этого контроля не вводят, чем облегчают аэропиратство; Вилли Брандт дал возможность палестинцам улететь с тремя ими освобожденными террористами, участниками злодейства в Мюнхене во время Олимпийских игр; германский премьер-министр сказал, что для него дороже всего было сбережение жизней увезенных палестинцами заложников. Он не понимает, что происходит Мятежевойна, т.е. война, а на войне обстреливают города, где засел противник, не заботясь о сбережении жизни жителей этих городов.

Вздумает ли когда-либо обороняющаяся сторона в Мятежевойне воевать по-настоящему без Вилли Брандтовых сентиментальностей? Есть признаки, что агрессия разрушителей Структуры усилится в скором времени. Структура (государственная, общественная, финансовая и, главное, моральная) погибнет под новым натиском, если не станет по-военному обороняться.

---

1 ИРА - Ирландская республиканская армия. - *Сост.*

Месснер Е. Террор // Наши Вести. -
1972. №318.

НЕФТЬ - ОРУЖИЕ

Арабы жили на своих песках, не зная, что живут так же на нефти, лежащей под песками, а если бы знали, не могли бы дать этой нефти употребления. Пришли европейцы и американцы, обнаружили нефть и стали ее добывать. Чья, в сущности, нефть? Того ли, у кого под песками лежала нефть? Или того, кто дал этой нефти жизнь, извлекши ее на поверхность? Белка считает своими орешки, произрастающие на дереве, на котором она живет, хотя ничего не делает, чтобы от корней по стволу поднялись соки к ветвям, плодоносящим орешки.

Добыватели нефти не стали спорить с арабской белкой и за добытую нефть решили платить арабам. Арабы благоденствовали и богатели неимоверно.

Нет никаких оснований уважать арабов: они - не воины, защищающие оружием свою землю (во всех вспышках Палестинской войны: 1948, 1967 и 1973 гг. - они терпели поражения; зато искусны оказались в бомботерроре и аэропиратстве; но это - не война, а разбой). Но к разбою их принудили Великие державы, 27 лет не заставившие Израиль выполнить постановление некогда существовавшей Лиги Наций о разделе Палестины на арабское и израильское государства и 6 лет не решившиеся побудить Израиль подчиниться постановлению ООН об отводе войск на линию, существовавшую до «шестидневной войны» 1967 г., арабов - начать мирные переговоры.

Доведенных до отчаяния арабов кто-то надоумил, что нефть - не только дурно пахнущая и хорошо оплачиваемая жидкость, но и оружие против промышленных, нуждающихся в нефти государств.

Нефти добывается много (цифры после названия государства означают миллионы тонн добываемой нефти: Саудовская Аравия 222, Кувейт 145, Ирак 33, Абу-Даби 44, Катар 20, Мускат и Оман 14, Дубай 6, Бахрейн 4). Вывозилась эта нефть в Европу, США и Японию, как и в малых количествах в иные страны Азии и Австралию[1].

Объявив свою нефть оружием, арабы сделали всемирный «шурум-бурум»: в Европе воспретили воскресные автомобильные поездки и государства Бенилюкса запретили вообще автомобилям развивать скорость свыше 100 км/ч, а Германия - свыше 80 км/ч. Испания, живущая в мире с арабами, не пострадала от нефтебойкота, и поэтому в этом году, как и минувшем, на испанские пляжи могут приехать 22 миллиона туристов; а Италия, тоже подрабатывающая на туристах, останется в этом году без иностранных гостей и доходов.

Особенно туго пришлось Голландии: арабы совершенно прекратили снабжение ее нефтью потому, что это государство по какой-то причине проявляло симпатии к Израилю; попытка Западной Европы снабдить Голландию из своего импорта или из своих запасов нефтью, вызывала угрозу арабов подвергнуть западноевропейские страны такому же режиму, как Нидерланды. Тут запротестовали и еврогруппа НАТО, и ЕЭС; торопливо объединяющуюся Европу нельзя делить на государства двух категорий. К нефтеэкспортерам помчались переговорщики; но переговоры затруднены не единодушием арабов: в то время как султанаты и эмираты хотят усиливать нефтебойкот, как реальное оружие войны, ливийский мин. президент А. Джалуд и правитель Ливии Каддафи готовы в обмен на европейское оружие поставлять Западной Европе нефть. (Каддафи хочет купить в Париже 50 боевых чудо-самолетов «Мираж». Он считает,

1 Итого 489 миллионов тонн без Ливии, данных о которой у меня нет под рукой.

что Палестинская война может быть выиграна только оружием.)

Нельзя не отметить два курьеза: первый - наиболее покровительствующее Израилю государство, США, наименее страдает от нефтебойкота, так как с Ближнего Востока ввозило не много нефти. Второй курьез - наиболее покровительствующее арабам государство, СССР, намеревается сорвать арабский нефтебойкот, передавая Западной Европе советскую нефть.

Вашингтон попытался контрмерами (не объяснив, какими именно) воспротивиться нефтебойкоту; Генеральный секретарь ООН был откровеннее, сказав, что арабов можно лишить необходимого им сырья всякого рода. Угрозы не подействовали и, во-первых, Бахрейн потребовал, чтобы США ликвидировали свою военно-морскую базу у бахрейнского берега; во-вторых, король Фейсал требовательно пожелал, чтобы Япония заняла антиизраильскую позицию. Япония не смогла себе позволить поссориться с США, но она вышла из положения образцово дипломатично: объявила, что требует от Израиля выполнения постановления ООН об отводе войск из оккупированных арабских земель.

О том, каково действие арабской нефти-оружия, говорит факт, что во Франции на военном параде, по случаю национального торжества отсутствовали (ради экономии бензина) танки и бронеавтомобили.

Теперь появилась новая угроза мировой экономике: арабы угрожают бросить на рынки Европы и Америки те 20 миллиардов долларов, которые они копили в годы своего благоденствия.

Что станет с долларом?

Наши Вести. - 1974. - №331.

ГЛАВНАЯ УГРОЗА

Процесс превращения биполярного Мира в триполярный (наследство 71-го 72-му) ляжет бременем на 73-й, 74-й и последующие годы. Поездка президента Никсона в Москву не завершит его: Красномосква уже высказалась за сохранение двух Китаев, т.е. сталинист Брежнев стал на сторону Чан Кайши, которого ненавидел Сталин. Если пекинское паломничество Никсон-Киссинджера дало какое-то, реально еще не ощутимое, соглашение между Первым и Третьим Полюсами (единственная пока обнаружившаяся реальность - североамериканская полуизмена Тайваню), то отношения между Вторым и Третьим Полюсами обострились. Правда, Краснопекин не стал так решительно на сторону своего друга, Пакистана, как Красномосква стала на «защиту» своего нового вассала Индии, но в новорожденной Бангладеш сталкиваются интересы Пекина и Москвы. В то время как шейх Мухибур Рахман поспешил посетить Кремль, оппозиционные шейху наксалиты-маоисты стараются стать влиятельными (но Краснокитаю послушными) в Дакке, столице Бангладеш: впервые с начала раскола между СССР и Краснокитаем эти два коммунистических великана явно столкнулись на территории третьего государства.

Переход к трехполярной системе усложняется предвидением возникновения 4-го и 5-го Полюсов (Япония и Европа уже дают о себе знать). А тут де голлист Помпиду, воспринявший от де Голля манеры enfant terrible Запада, лансирует иную схему мира: полюсами станут США, СССР, Краснокитай, Япония, Индия и Бразилия (о Европе ни слова, потому, что Европа вольется в коннационал от Атлантики до Урала); европеец Помпиду с озорной легкостью отворачивается от Европы, фантазируя об альянсе императора Александра III и об Антанте Феликса Фора и английских тори.

Неблагополучно обстоит дело и с другими частями наследства 71-го. 1) Застопорилось решение проблемы ограничения безумной гонки вооружений - САЛТ - переговоры зашли в тупик. 2) Проблема недоедания двух третей человечества, которую пытаются решить оказанием помощи «развивающимся нациям», наткнулась на неодолимую лень этих «наций», что иллюстрируется таким анекдотом: «Благодетель спрашивает туземца:

- Мы вам прислали отличное удобрение. И что?
- Да, оно мне удвоило урожайность.
- Значит, вы теперь вдвое сытнее?
- Нет, ведь я обработал только половину моего поля».

3) Проблема загрязнения природы (рек, морей, даже океанов, воздуха, который в городах образует «смог», опасный для физического и душевного состояния горожан, а вне городов загрязненный воздух убивает леса) так взволновала североамериканцев, что было решено созвать Всемирную конференцию по защите природы. Но эту конференцию мирового и многовечного значения срывает Сов. Союз, отказываясь в ней участвовать, если на нее не будет допущена Германская народная (коммунистическая) республика, никем еще, кроме Брежнева, Косыгина и Вилли Брандта, не признанная.

Крах этой конференции оставит в руках проклятого «Технического Прогресса» созданное им «потребительское общество», и «потребительское общество», обжираясь комфортом, будет повышать энергию промышленности, жадной до оборота, до дивиденда, и будет повышать энергию могущественной антиприроды, т.е. Технического Прогресса.

4) Проблема приостановки взрыву подобного увеличения народонаселения (количество испокон веков «голодающих индусов» увеличивается ныне ежегодно на 25 миллионов голодных ртов и животов) наткнулась на два препятствия: в цивилизованном обществе, где хотели от Zweikindersystem перейти Keinkindersystem, женщины испугались анти-бэби-пилюль, когда недобросовестная фармацевтика выпустила на мальтузианский рынок «Талитомид», от которого женщины рожали детей без верхних или нижних конечностей; а в нецивилизованном обществе никакое мальтузианство не возможно и Zweikindersystem процветает: в результате примитивные народы множатся во много раз быстрее, чем цивилизованные, и последние могут быть вскоре буквально задавлены дикарями и полудикарями.

5) 72-й унаследовал от своего злосчастного предшественника Всемирную Мятежевойну, самую страшную из опасностей, висящих теперь над миром, проникших в мир. Правда, интенсивность Мятежевойны несколько уменьшилась в США, Германии, Франции потому, что фабианизм ищет новые лозунги взамен выдохшихся, ищет заместителя проф. Маркузе, идеологу разрушения структуры государства, общественных отношений, быта, морали, культуры. Зато в Латиноамерике от Мексики до Огненной Земли (главным образом в Колумбии, Эквадоре, Венесуэле, Боливии, Уругвае и особенно в Аргентине) Мятежевойна ширится и приобретает все большую интенсивность. Фабианизм, идущий собственным путем к сознанию всемирного, бесклассового, бесчеловечного, безбожного государство во главе, конечно, с фабианцами, не поддерживает претендентов на мировое господство, ни коммунизм, ни сионизм: вероятно, не без участия фабианизма распадается Тито-Брозова коммунистическая Югославия, а в Израиле развивается борьба между сионистами и национал-империалистами (генерал Даян).

Как вынесет на своих плечах эти проблемы уже с первых своих дней утомленный ношею 72-й год? Ему не удастся разрешить ни одной из них, и он их передаст своему наследнику, 73-му.

А мне думается, что разрешение их следовало бы начать с Мятежевойны: если стратегически, политически и дипломатически отразить вторжение в Мир и в мир структуроразрушения, то откроется возможность к возвращению мира и мира на исторический путь культуры и на Христом указуемый путь Богопочитания и любви к ближнему.

Месснер Е. 72-й - наследник 71-го //
Наши Вести. - 1972. - №311.

НЕО-НАТО

В апреле 1974 г. Киссинджер оповестил весь мир, что необходима выработка новой Атлантической хартии (а следовательно, и Нео-НАТО), так как пакт, созданный сознанием общей опасности, должен стать пактом общих желаний и стремлений (любопытно было бы знать, как себе Киссинджер представляет общность стремлений таких двух партнеров НАТО, как огромные США и крошечный Люксембург?).

В июне президент Никсон сказал, что нужна общая программа обороны, экономики и дипломатии. Еврогруппа НАТО взволновалась и на трех заседаниях ее главных органов обсуждала проблему обороны, лишь мимоходом коснувшись экономики и дипломатии (эти проблемы имели в те дни драматический характер из-за борьбы США за доллар и за торговый оборот с Европой и борьбы Европы за новую всемирную денежную систему).

Никсон, почти вылезший из индокитайской трясины, объявил «год Европы» и сильно запутал вопрос, сказавши - туманно, но многозначительно, - что все построения прежних времен приходят к концу: упомянув о мысли де Голля о личности народов Европы, американский президент говорил о «личности Европы», против чего решительно возражал Помпиду при свидании с Никсоном в Рейкьявике, не признавая экономической и дипломатической «личностей Европы».

Хотя и трудно понять слова Никсона о конце построений прежних времен, но все же надо признать, что за последнее время наступили в мире значительные изменения: военные силы Востока и Запада уравнялись и мир убедил себя в том, что создалось всемирное «разнапряжение»; во-вторых, наступил кризис технической энергии.

Заявления Никсона и Киссинджера внесли смятения в НАТО: Скандинавия сочла нужным теснее прижаться к США, а французский генерал Бофр заявил (по-видимому, с согласия своего правительства), что нужно готовиться к защите Западной Европы без Америки; отсюда вывод: надо создавать европейскую атомную силу.

В Еврогруппе сильно обвиняли Никсона за его соглашение с Брежневым без предварительного совещания или хотя бы уведомления Западной Европы - такая дипломатия Белого дома может привести к «второй Ялте» (Рузвельтова «Ялта» отдала Советам пояс сателлитов, Никсонова «Ялта» может отдать Красномоскве всё до Ламанша и Бискайского залива).

Англия, при всей своей сдержанности в отношении США, высказалась в том смысле, что пакт, созданный взаимной опасностью, не может быть превращен в пакт взаимных интересов; надо улучшить всё хорошее в НАТО, а не создавать второе НАТО.

Япония, которую Киссинджер включил в новый Атлантический пакт, хотя она лежит на севере Тихого океана, отмежевалась от американского сверхдипломата (боясь быть пактом втянутой в европейские трения), ссылаясь на то, что конституция японского государства запрещает применять силу для разрешения международных трений. При встрече с Никсоном Танака говорил о желательности тесного единения (по-видимому, экономического) с Европой, но на большее не шел: ведь мирный договор с СССР не подписан из-за нежелания Краснокремля возвратить Японии Курильские острова. Танака и Никсон договорились: Япония будет помогать Южной Корее и Южному Вьетнаму, а США остаются «угрожающей силой» в Азии.

Намеченный приезд президента Никсона в Европу имеет целью убедить Еврогруппу в том,

что Белый дом не уступит изоляционистским тенденциям американского Конгресса, но Европа должна уплатить два миллиарда долларов за содержание американской армии на Рейне, иначе Америка вообще уменьшит свои расходы по этой армии. Чтобы «избежать экономической катастрофы», Голландия сказала, что не даст ни доллара, чтобы не делать американских солдат наемниками Европы (весьма удачное маскирование скупости!).

Снова заговорил Киссинджер: об изменении психологического климата в Европе; рекомендовал стратегию «гибкого ответа» (ее придумал президент Кеннеди - такой же, как Киссинджер, стратегический невежда. Какая может быть гибкость, раз советские танковые массы могут в 24 часа достичь Бельгии?).

Не создал ли Киссинджер эту всемирную сумятицу для дарования Советам успеха на конференции Европейской безопасности? Он - человек способный; так, в ноябрьскую поездку к Чжоу Эньлай отменил обещанную Никсоном в 1972 г. в Пекине помощь Национальному Китаю (Тайвань) в безболезненном присоединении к «Демократическому Китаю»: Киссинджер говорил с Чжоу Эньлаем о едином Китае и отменил пребывание американского VI флота в проливе между Тайванем и материком - полуизмену Чан Кайши сменил на полную измену!

Часовой. - 1974. - №571.

ПОЛУВСЕМИРНАЯ ВОИНА[1]

После победы Советов над США во Вьетнаме Красномосква достигла поставленной ею стратегической цели: без непосредственного участия в вооруженном конфликте истощить главную государственную фигуру Запада[2]; та же стратегия применена на Ближнем Востоке[3]. Но тут победа не далась Советам, потому, во-первых, что на стороне США оказался сионизм (или, вернее, на стороне сионизма и всемирного еврейства оказались США) и, во-вторых, потому что поддерживаемые Советами арабы оказались и никуда не годными воинами и неспособными к единению: например, Бургиба (Тунис) посреди войны в Палестине заговорил о желательности встречи арабов с израильтянами для выяснения возможности мирного решения конфликта; король Хуссейн (Иордания), правитель страны, очень тяжело пострадавшей не только от израильского войска, но и от бунта палестинцев-террористов и от враждебной интервенции Сирии и Ирака, наконец произошел раздор между Каддафи (Ливия) и Садатом (Египет).

Усложнению войны способствовало и расширение ее пространства на Красное (Чермное) море и на Персидский залив, который шах Персии счел внутренним морем своей империи, откуда он должен вытеснить проникшие туда советские военные корабли (к непостижимым курьезам Палестинской войны относится факт, что США, щедро снабжающие оружием Израиль, стали вдруг снабжать им Персию и арабские Саудовскую Аравию и Кувейт).

Еще больше усложнило войну косвенное вмешательство в нее Красного Китая, поставившего своею целью вытеснение СССР с Ближнего Востока: Краснопекин снабжает оружием палестинских партизан-террористов и побудил Танзанию и Замбию (в Африке), им финансово и технически поддерживаемые, к разрыву дипломатических отношений с Израилем. И наконец, во всемирный хаос превратилась война, когда арабы, поставщики миру нефти, обратили это черное золото в оружие против высокопромышленных стран, бедствующих сейчас от малого количества получаемой нефти и от больших цен на нее, установленных арабами.

Война началась в 1948 г., в то время народившийся Израиль изгнал из Палестины вечно живших там арабов. Наиболее яркими эпизодами войны были «шестидневная война» 1967 года, когда израильтяне дорвались до Суэцкого канала, и «кипур война»[4] 1973 г., когда арабы перешли на восток от этого канала, прорвав израильскую «неодолимую позицию Бар-Леви»

1 Заголовок этой статьи можно понимать двояко: и полувсемирная и полувойна, ибо ведут военные действия с огромнейшими бездействиями.

2 Истощение США произошло по вине штатских стратегов Белого дома (то есть не стратегов), которые крошечными порциями (не слушая мнений генералов-стратегов) увеличивали напряженность воевания.

3 Можно ли говорить о Ближневосточной войне, если адмирал Горшков, пользуясь сосредоточенностью США в помощи Израилю, проникает советским флотом в Индийский океан, а Брежнев - в душу Индиры Ганди?

4 Не только «штатская» пресса, но и военные журналы называют это войнами, когда это - лишь операции. Ведь в Японскую войну никто не говорил «Тюренченская война», «Ташичаоская война», «Ляоянская», «Мукденская».

В 1930 г. я, на основании опыта войны 1914-1918 гг., стал писать в военной прессе, что традиционную двухъярусную военную науку (стратегия и тактика) надо превратить в трехъярусную (стратегия, оператика и тактика). Только в 1965 г. эта мысль проникла в сознание германских офицеров и журнал «Wehrkunde» писал: «Мы не можем обойтись без трех понятий: стратегии, операции и тактики». «Шестидневная война» 1967 г. была шестидневной операцией.

(египтяне прошли через канал сперва по двум понтонным мостам, а затем - по двум из камней и щебней насыпанным запрудам); контратакой израильтяне достигли на западном берегу канала 101-го километра Каирской дороги; тут чуть ли не весь мир потребовал установления перемирия, ООН дала отряд «голубых касок». Тогда - снова парадоксальный курьез: не установивши перемирия, сели заседать в Женеве на Мирной конференции.

Займемся подсчетом: в войне прямо и косвенно участвуют 3 000 000 израильтян, 100 000 000 арабов, 200 000 000 североамериканцев, 250 000 000 населения СССР и 800 000 000 краснокитайцев: итого почти 1 350 000 000 человек - чем не Всемирная война?

И она может продолжиться долго, потому что ни Голда Меир с генералом Даяном, ни полковник Каддафи (Ливия), ни Арафат (палестинцы) не желают мира, рассчитывая каждый на победу.

Часовой. - 1974. - №573.

БРЕЖНЕВ/СОЛЖЕНИЦЫН

Мы не экспортируем революций»[1], - сказал Брежнев в Гаване тамошнему красному диктатору, чтобы успокоить президента Никсона, своего благодетеля[2], встревоженного ростом мятежевойны в Латиноамерике; правда, к этому он добавил[3], что СССР не допустит, чтобы империализм придавил где-либо стремление народов к социалистической свободе (читай: коммунистической).

Мятежевойна тревожит Северную Америку: вытесненная Японией с азиатского рынка, сама становясь рынком Европы, все усиливающейся в промышленном потенциале, она нуждается в латиноамериканском рынке, где под действием мятежевойны растет отталкивание от США: Перу приобрела оружие в СССР, Аргентина - военные корабли в Англии, а нефть - в Ливии.

Вопрос о взаимоотношениях между США и странами Латиноамерики стал очень заостренным. Южане жаждут североамериканских вложений для развития промышленности, но эту экономическую зависимость от США называют колониализмом янки; чинят североамериканским предприятиям всякие затруднения и стараются не допустить вывоза этими капиталистами барышей к себе домой. Острый кризис переживает объединение государств Америки (ОЕА): латиноамериканцы хотят выключения США из ОЕА, но включения в ОЕА Кубы, которую США держат под дипломатической и экономической блокадой. Особенную остроту приобрел в эти дни Панамский вопрос: американский капитал соорудил Панамский канал и, отобрав у Колумбии кусок территории, образовал маленькое государство Панаму (в населении - 6% белых); теперь Панама требует передачи канала в ее собственность (что ОЕА, кроме США, считает и справедливым и необходимым); США не могут отдать канал в руки неуравновешенных туземцев, но предвидят, что к этому будут принуждены, а поэтому замыслили соорудить другой канал, в другой стране, но сверхмодерным способом: атомными взрывами прорвать горы до уровня обоих океанов, чтобы избежать сложной системы шлюзов, усложняющей и удорожающей прохождение кораблей нынешним Панамским каналом...

* * *

Не будучи мистиком, я пренебрежительно отношусь к тем предвещаниям светопреставления, которые толкователи Апокалипсиса делали на протяжении 19 веков: ближайшему к нам прорицанию была установлена дата 18-VII-1816, а когда светопреставление не состоялось, то

1 Журналисты могли ошибочно записать эту знаменательную фразу, которую можно понимать как отказ от всемирной революции, но чешский коммунистический орган «Руде Право» точно такими же словами передала речь Брежнева.

2 Никсон благодетельствует Советскому Союзу, идя путем конвергенции, которую десяток лет тому назад придумал академик Сахаров, как способ спасения режима СССР от экономического краха; конвергенция ныне выражается в том, что СССР открывает за границей свои банки и разрешает в своих городах учреждать представительства западных, капиталистических торговых и промышленных предприятий; Никсонова же конвергенция выражается в том, что он на советский манер приобретает симпатии Красномосквы предоставлением кредитов, посылкою промышленных оборудований и продовольствия.

3 Добавил для всех компартий мира, для которых хотя бы косвенный отказ от всемирной революции был бы ударом по их мессианству.

прорицатели объяснили, что оно отложено «по техническим причинам». Однако ныне и без Апокалипсиса можно было бы предсказывать конец Мира: Природа нарушила свои законы: появилась двухвостая (!) комета; в Аргентине небывалых размеров пожары лесов и агрокультурных плантаций, а в то же время в других частях страны - чудовищные ливни и наводнения; землетрясениями разрушены города Оризаба (Центральная Америка) и Напиер (Новая Зеландия); в Перу и землетрясения, и наводнения; штормы у берегов Германии, Франции и Португалии; ливни в Боливии, а смертоносной засухой охвачены Мавритания, Сенегал, Мали, Обер-Вольта, Нигер, Чад; голод в Дагомее и Эфиопии.

Однако не прорицаю на основании всего этого светопреставление, но делаю иной вывод: раз Природа «взбесилась», то и человек, как часть Природы, тоже если не взбесился, то умопомешался. От этого - всемерный, всеобщий экстремизм: и Watergat-скандал, и гражданская война во Франкфурте, и уверения Мобуту (Конго), что Йом-Киппурская победа египтян над Израилем есть победа и Африки, и террористическое сотрудничество ИРА (ирландцы) с ЕТА (баски) и с арафатцами (палестинцы). От этого (одновременно с затуханием Палестинской войны) возникновение нового театра войны - в Персидском заливе, который Иран (Персия) хочет сделать действительно персидским заливом. Персидский шах Мохамед Реза Пахлеви остался ныне единственным в мире государем, который властвует: он преодолел сопротивление аристократов с их латифундиями и демократов с их реакционностью[4] и раздал земли крестьянству, превратил свою армию во всенародную школу общего развития, овладел двумя островками, закрывающими вход в Персидский залив, энергично отбил вооруженное нападение Ирака, вассала Советского Союза, и блистательно отпраздновал 2600-летие Персии; он превращает Иран в мощное азиатское государство.

Наряду с подъемом мощи и значения Персии народилось новое объединение мирового значения - Ислам. В Луксоре (Луксор и Карнак - два городишка на развалинах древних Фив) состоялась 19-II-1974 Панисламская конференция, в которой участвовали делегации 36 мусульманских государств и возглавитель палестинцев Ясир Арафат. Создан Исламский секретариат; вынесено осуждение государствам, поддерживающим Израиль; Иерусалим не должен быть интернационализован, но возвращен Иордании; организация Ясира Арафата признана единственной легальной представительницей палестинского народа; участники конференции пришли к убеждению, что «сила Ислама больше атомной бомбы», впервые на мусульманских съездах участвовали Габон, Гамбия, Камерун, Уганда, Обер-Вольта (все - африканские) и Йемен (Аравийский полуостров). Проблемы Ближнего Востока стояли в центре всех заседаний.

* * *

Когда Брежнев так умалил себя в Гаване, когда стало очевидно, что его деятельность минувшего года состояла в шагании путем конвергенции, опубликовано в лондонском «Sunday Times» письмо Солженицына, посланное им 5-IX-1973 (то есть задолго до его насильственной высылки из СССР), адресованное правительству в Кремле. В нем выявляется до сего времени неведомая часть Солженицыной духовности: не гениальный писатель-антисталинист, не великий мастер бытописания с философской и религиозной характерностями, а гениальный госу-

---

4 Демократические идеи, порожденные Французской революцией, показали во второй половине XX в. свою совершенную несостоятельность: военные диктатуры возникли в Испании. Португалии (впрочем, тут военные были только опорой Салазара), Греции, Парагвае, Боливии. Чили, Уругвае: если в Аргентине одряхлевший Перон не порвет с демократизмом, то военные во главе с офицерами флота порвут перонизм.

дарственный мыслитель.

Он предостерегает Красномоскву и от атомной войны против Краснокитая, и от войны против него конвенциональным оружием (так как она, по мнению Солженицына, протянется 11 лет и вызовет гибель 60 миллионов советских людей). Обращаясь мыслями к будущему, Солженицын утверждает, что промышленный прогресс не только не нужен, но и губителен. Для спасения человечества технология должна в ближайшие 20-30 лет быть приспособлена к стабильной экономике (хозяйству), и этот процесс должен быть начат немедленно. Он высказывается против делания революций за границей и против политических потрясений в СССР.

Солженицына «рецепт» для СССР таков: восстановление реальной власти Советов в стране, восстановление конституции, свободное соревнование и некоммунистических организаций, свобода литературы и искусства без запрещения марксизма, правительственное запрещение пропагандирования марксистской догмы.

Несомненно, что наше Зарубежье кинется в «штыки» на этот рецепт, но, вдумавшись, можно, кажется, признать и реальность, и государственную мудрость письма Александра Солженицына.

Часовой. - 1974. - №574.

ПЛАНЕТАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Речь в этой статье будет не о революциях, родоначальницей коих была английская 1640-1649 гг., за которой последовали «Великая» французская, «бескровная» февральско-октябрьская и Мао-Цзэдунская. Речь будет о планетарном событии, состоящем из: 1) ломки природы на земном шаре, 2) развала по всей Земле государств, смысл которых в объединении людей, 3) всемирно-террористическом разрушении структуры семьи, общественности, государственности, веры в Бога - разрушение, имеющее целью разъединять людей.

Мы помним (кто постарше), как в летнее время газеты, за отсутствием событий политических или природных, пускали утку о рождении двухголового теленка (непременно в Венгрии) или о поимке живой сирены (непременно в Греции или Италии). А в этом году на страницах газет не хватает места для сообщений о стихийных явлениях во всем Мире: в Аргентине горит пампа и сгорают скудно существующие леса; в то же время небывалые ливни вызывают наводнения во многих городках, сопровождаемые невиданными штормами; в соседнем Уругвае - ливни и наводнения; в Мексике, где недавно было сильное землетрясение, часть страны залита дождями, а другая часть страдает от такой засухи, что гибнет домашний скот (его отправили в США, где он был продан за бесценок); небывалая жара покрыла Европу, вызвав огромные пожары во Франции и Италии; в то же время в приатлантической части континента свирепствовали сильнейшие бури; Центральная Африка и Мали вымирали от засухи, сменившейся наводнениями, в африканских странах голодают миллионы людей; в Индии перемежаются засуха и наводнения; в Бангладеш миллионы людей лишились крова из-за наводнений; в Японии - жара, какой не запомнили в истории этой страны.

Все это, нагромоздившееся в течение одного года, дает основание не только религиозным мистикам, но и серьезнейшим публицистам (журнал «Ревиста», Мексика) говорить о несомненных знамениях приближения Конца Мира. Не принадлежа ни к мистикам, ни к этим серьезнейшим публицистам, я просто думаю, что Мир вступает в какую-то новую эпоху, как некогда вступил из ледниковой эпохи в ту, которую консерватизм науки продолжает считать современною.

* * *

Если Земля переходит от многотысячелетней Эпохи, которую можно назвать Историческою, то должны начать изменяться и формы общения людей, давным-давно выразившиеся в форме государств. И они уже стали видоизменяться: возникли профсоюзы (почтовых служащих, моряков и т.д.), которые, не считаясь с государственными границами, объединяют людей разных континентов, национальностей и рас. Не будут ли такие планетарные единения характерными для грядущей послеисторической Эпохи? Они уже ослабляют мощь исторически сложившихся государств и затрудняют развитие государств деколонизационного происхождения.

Независимо от смены Эпох организация человечества в форме государств поколеблена, до некоторой степени, почти одновременной сменой людей, направлявших жизнь населения Земли. Важнейшая смена произошла в США, игравших первую роль в мире. Измена там демократическим традициям побудила Демократическую партию США провести Уотергейт-штурм на

законно (и огромным большинством голосов) избранного в президенты Никсона. Долго он мужественно боролся за свое право быть президентом. Но он изменил традиции демократической системы: президент может лгать парламенту, избирателям, всему народу, но сознаться во лжи он не смеет; Никсон же признался, что в Уотергейт-деле он говорил неправду; его партия отвернулась от него, и он был вынужден уйти в отставку. Его заменил Форд, вице-президент, не выбранный, а Никсоном назначенный (в республиканском государстве!). При Форде остается министром иностранных дел Г. Киссинджер, автор признания Краснокитая Великой Державой, автор ложного мира во Вьетнаме и Камбодже, автор шествия США по пути конвергенции с СССР, Форд обещает следовать его политике, дипломатике и стратегии. Мрачные обещания!

По воле Бога - без видимой связи с изменением Эпохи - сменились или сменяются люди, в той или иной мере направлявшие жизнь человечества: умер президент Франции (полу-деголлист) и на его место избран Жискар д'Эстен (четверть-деголлист); свалился по шпионскому делу Вилли Брандт (который совсем не Брандт), одряхлел генерал Франко; восставшие офицеры отнимают власть у «царя царей» негуса Хайле Селассие; Тито пока еще правит, но из последних сил; в Греции своего рода керенские опрокинули военное правительство; в Краснокитае одновременно одряхлели и Мао и Чжоу Эньлай; в Португалии - военный переворот и главою стал генерал де Спинола (керенского типа); умер Перон (Аргентина), и его сменила его жена (в прошлом танцовщица).

Эта эпидемическая смена властей побуждает перейти от предположений о будущей смене эпох к тревоге (может быть, необоснованной) о завтрашнем дне: какими путями направят человечество новые властедержатели?

А направлять нынешнее человечество трудно. Оно стало темпераментно (например, крошечный кипрский конфликт претенциозно называют «Позором для человечества», не признают условий уровня жизни, проистекающего от различия культур, трудоспособностей и от климатов, в которых люди живут и трудятся; средний заработок - США - 5160 долларов в год, Швейцария - 3460, Польша - 1350, Аргентина 1230, Албания - 480 и т.д.); в каждом народе - разнобой мнений; так в Португалии ныне 48 партий, а де Голль говорил, что трудно править народом Франции, который ест 143 сорта сыра.

В народах, после веков христианского или культурного подъемов, возникли группы своевольного насилия: по Италии катится волна бомбонасилия, в Никарагуа убит посол США, в Иерусалиме арестован архиепископ, доставлявший оружие бомбовщикам-палестинцам, рвутся бомбы в Англии, во Франции, в Токио; одновременно с маленькими войнами на Кипре и в Мозамбике применяется примитивный бомботеррор.

Не вполне восстания обнаружились в Анголе (Африка) и в Эфиопии (где постепенно свергают «царя царей», негуса); в Бретани восстали прибрежные селяне, избивая наводнивших пляжи нудистов; всегда пассивные крестьяне стали ныне восставать, оберегая свои экономические интересы (в Голландии, Бельгии и Франции селяне блокировали дороги, добиваясь повышения цен на продукты их производства).

Много затруднений вызывают советские провокации, например, на острове св. Маврикия (Индийский океан) Советы сооружают опорный пункт, яростно протестуя против того, что Пентагон строит военно-морскую и воздушную базу на острове Диего Гарсия. Красномосква требует увода американских войск из Южной Кореи, чтобы облегчить проникновение туда северокорейцев. Советы снабжают оружием палестинских бомботеррористов. И Краснопекин шлет инструкторов всюду, где можно спровоцировать «Третий Мир» на притязания к капита-

лизму.

Знаменитейший полководец 2-й Всемирной войны фон Манштейн (сын генерала Ливиского, усыновленный ген. Манштейном) писал, что не пацифисты, болтающие о вечном мире, а генералы стали антимилитаристами, потому что хорошо знают ужас современной войны. Между тем Мир идет к войне: так, Марокко требует от Испании Сахару и государства Магреба (Сев. Африка) поддерживают в этом короля Хасана II; Португалия хочет запретить НАТО пользоваться Азорскими островами; Советы недавно явно провоцировали войну против Израиля, угрожая послать свои воздушно-десантные дивизии в бой на Голанских высотах.

Мир вооружается. Франция запродала оружия на 3, 5 млрд. долларов. США удвоили в этом году экспорт своего оружия. Нефть стала не оружием, но причиной вооруженных конфликтов: в водах у Кипра обнаружили нефть - отсюда борьба за Кипр. Сайгон обнаружил подле своих берегов нефть, и Краснокитай захватил несколько островков.

Дипломатия не устраняет военные конфликты, но подготовляет их: сотворенная США Панама требует от США передачи ей технического предприятия Панамского канала; несколько латиноамериканских стран творят конфликт с США, требуя включения коммунистической Кубы в организацию американских наций (ОЕА).

Давно уже не было на Земле столько войн одновременно, как ныне: война Палестинская, наступления виетконгов в Южном Виетнаме и ханойцев в Камбодже; Советы приказали своему вассалу Ираку напасть на Персию; в Аргентине - гражданская война (банды численностью до 1500 человек нападают на военные казармы); в Ольстере если не война, то террористический хаос; войной против Португалии создано государство Гвинея-Бисау.

Мир вооружается свирепо: собственные атомки создают Индия, Индонезия и Персия; многозначительно молчит Аргентина о своем «индустриальном атомном центре» в Барилоче (Анды), где на 1000 км нет ни одного промышленного предприятия... Злодеи-ученые не могут открыть средство против рака, но открыли крайне упрощенный и дешевый способ изделия атомок: вскоре всякий бандит и даже просто обыватель будет в портфеле носить собственную атомку...

* * *

Так или иначе все (или многое из этого) разрушает современную структуру. Жесточайший удар по структуре нанесла Германия, по этичной, брачной, семейной структуре: новый закон разрешает порнографию всякого рода (Краснокитай зарабатывает на этом ежегодно во всем мире 15 млн. долларов) и разрешает детям от 14 лет половые акты (цитировано у Эстебана Агила, журнал «Реплика», Мексика). В Дании разрешено (с ведома врачей!) давать школьницам противозачаточные средства!

Методистская церковь, входящая в Экуменический союз в США (центр в Сан-Франциско), потребовала легализации, наравне с другими профессиями, проституции, как самой древней профессии в мире. Создается профессиональный союз членов этой «почтенной» профессии. В прокламации этой церкви сказано: «Call off your old tired ethics» (Боритесь против ваших наскучивших принципов!).

Психология нынешнего духовенства более чем странная. Так, например, во Франции до 70% молодых католических священников поддерживают крайние левые партии вплоть до коммунистов, забывая их дикие зверства над служителями Церкви во время русской революции и испанской Гражданской войны.

Как ни мрачна эта статья, не могу не закончить ее оптимистично: несмотря на грубейшие советские провокации (маневры красного флота у берегов США, провозглашение Красномосквой Средиземного моря «маре нострум», поддержка - в прошлом году - Исландии в ее намерении закрыть для США аэродром Кефавик, уход Греции из НАТО), НАТО в переговорах KZSE о сокращении вооружений упорно противится стремлению СССР распространить свое влияние до Бискайского залива и тем разрушить всю структуру Европы. <...>

Часовой. - 1974. - №580.

ИСКУССТВО ВОЙНЫ

ГОРЕ И ПОБЕЖДЕННЫМ И ПОБЕДИТЕЛЯМ

Первое сражение может привести к немедленному окончанию войны в том случае, если победа одной из сторон будет совершенно катастрофичной для другой стороны или если одна из сторон вступила в войну без особенной охоты воевать и рада поскорее заключить мир. Но если этих условий не окажется, то столкновение «армий прикрытия» будет лишь началом серии больших битв. На помощь этим уже скрестившим оружие армиям прикрытия поспешат второочередные корпуса, быстро мобилизованные на всей территории страны, и поспешат армии союзников. Как солома в костре, будут сгорать дивизии за дивизиями, и на фронт десятками поездов будут идти пополнения, и в тылу мобилизация будет в свои сети захватывать все большее число возрастов.

В великую войну было мобилизовано 70 миллионов человек, причем в некоторых странах до 40 процентов мужского трудоспособного населения было призвано на службу отечеству. В будущей войне процент этот, если можно так выразиться, превысит 100, потому что часть женщин сойдет за мужчин и тоже будет привлечена к работе на войну. Война будущего - это введение крепостного права (хотя и временного, но все же тягостного), это постановка под знамена половины граждан и принудительный труд для другой половины.

Война это взятие на учет и рациональное использование всего: и сырья, и продуктов, и товаров, и людей со всеми их физическими силами и духовными способностями. Да, со всеми духовными способностями, ибо во время войны ни свободного творчества, ни свободной мысли - все будет взято на службу государству. Изобретатель, организатор, проповедник, поэт - все будут «трудообязанными» и будут изобретать средства войны, организовывать военную форму социальной жизни и хозяйства, проповедовать воинственность и воспевать величие подвига. Это государственное рабство не будет тягостно тем, в ком сильно сознание национального долга, но для многих оно будет невыносимо. <...>

Ужасы кровопролитных сражений станут давить сознание народа, расстройство экономической системы будет раздражать народ, а подневольный труд будет его озлоблять. И тогда начнется расслоение народа при деятельном участии эгоистических партий и платных агитаторов враждебной страны.

Сто лет тому назад английский министр Каннинг заявил в парламенте: «Если нам придется участвовать когда-либо в войне, мы соберем под наши знамена всех мятежных, всех основательно или без причин недовольных в своей стране, которая пойдет против нас». Это «собрание под свои знамена» было испокон веков одним из вспомогательных средств войны в эпохи социального мира и одним из главных средств войны в эпохи социальных сдвигов. Сейчас человечество переживает период социального катаклизма, и поэтому сейчас каждая воюющая сторона имеет самую широкую возможность вербовать себе многочисленных союзников в стане врага. Вследствие этого война будет заключать в себе не только элементы, свойственные внешней войне, но и элементы, свойственные гражданской войне: саботаж, забастовки, волнения, восстания будут потрясать государственный организм, так нуждающийся в правильном функционировании в момент смертельной борьбы с внешним врагом. Вражда войдет в сердца

людей, и не только вражда к иноплеменникам, с коими ведется война, но и к соплеменникам, и настанет раздвоенность в душе народа и раздвоенность в душе каждого человека, не знающего, кого больше ненавидеть - врага внешнего или врага внутреннего. Раздоры будут подтачивать силы народа и отравлять душу, делая еще более трудным выполнение сурового долга войны.

Призрак гражданской войны будет тем явственнее обрисовываться на горизонте, чем печальнее будут становиться экономические обстоятельства в стране. А они будут резко ухудшаться по мере удлинения продолжительности войны. <...>

Горы снарядов, горы пороха, горы колючей проволоки, лопат, масок, сапог, одежды, хлеба, мяса и т.д. подают ежедневно на фронт неутомимые поезда. Чтобы эти горы создать, приходится истощать богатейшие рудники, срубить необъятные леса, истребить неисчислимое количество скота и отнять у населения все запасы хлеба. Полуголодный народ обрекается на нужду во всем необходимейшем - в одежде, в топливе, в гвоздях, в плугах, - чтобы снабдить прожорливое чудовище - армию.

Но из всех жертв самой тяжелой жертвой народа является не жертва денежная, не жертва насущными своими потребностями, не жертва свободой своих граждан, ограничиваемых ради военной или трудовой дисциплины, а жертва кровью. Марс всегда был кровожаден, но теперь он обезумел от жажды крови. Шестнадцать лет Наполеоновских войн обошлись Европе в 5 миллионов убитых и раненых, все войны XIX в. во всем мире стоили 11,5 миллиона убитых и раненых, а 4 года Великой войны потребовали жертвы почти в 10 миллионов одними убитыми. Будущая война будет не менее кровопролитной, наоборот, есть все основания полагать, что она будет еще более жестокой, потому что арсенал орудий уничтожения обогащается каждый год все более усовершенствованными образцами. <...>

Война никогда не была желанным для народа событием - на нее можно решиться только тогда, когда нет никакого иного выхода. Но теперь она стала для народа синонимом всеобщих физических страданий, всеобщей душевной муки. В разгар Русско-японской войны меня спрашивал крестьянин в селе: «Правда ли, что наш царь воюет?» Та война прошла мимо многих, не задевши их. Война нашего времени не может не затянуть в свой грязный водоворот весь народ. Всеобщее горе, всеобщая мука - это война современности. В этом великом событии не может быть ни уклонившихся, ни безучастных, ни благоденствующих.

«Горе побежденным», - говорили в прежние времена, в наше время надо сказать: «И победителям горе».

Сегодня. - 1931. - №71.

ВОИНА ИЗОБРЕТЕНИЯМИ

В 1139 г. на Втором Латеранском соборе обсуждался вопрос о том, что незадолго перед тем изобретенные стрелы «Матрас» являются недопустимым, жестоким, «безбожным» (тогда слово «негуманный» не было в употреблении) средством войны: эти стрелы - длинные и тяжелые, будучи выпущены из арбалета, пробивали собой любой панцирь и делали храброго могучего рыцаря жертвой хилого, трусливо стрелявшего издалека арбалетчика. Собор воспретил применение этих стрел, и властитель мира, папа, строго осудил это «чудовищное» оружие. Но и власти и влияния наместника Петра оказалось недостаточно - стрелы «Матрас» по-прежнему применялись. Не подействовало и вторичное постановление последующего собора, и «незаконное» средство войны получило широкое распространение.

Сейчас Лига Наций, подобно папе и соборам встарь, выполняет трудную и неблагодарную задачу противиться применению негуманных средств войны - трудную потому, что не существует критерия для разделения оружия на жестокое и не жестокое, - неблагодарную потому, что нелегко побудить воюющего отказаться от того боевого средства, которое ему сулит победу. И, тем не менее, Лига Наций должна стремиться к осуществлению известных ограничений, так как в противном случае будущая война превратится в нечто совершенно безумное. Об ужасах грядущей войны имеют некоторое представление те, кто читает газеты, т.е. все. Говорю «некоторое представление», потому что даже величайшие специалисты военного дела, даже при самой пылкой фантазии, не могут во всем объеме вообразить чудовищность войны нашего времени, полной неожиданных ужасов. Тем более неожиданных, чем они ужаснее, тем более ужасных, чем они неожиданнее.

Читающая публика знает, что произойдут налеты сотен аэропланов на столицы и города, что будут пожары тысяч строений одновременно, будут эпидемии, посеянные рукою врага, будут облака газов, в которых мгновенно найдут смерть тысячи и тысячи людей, будут революции, вскормленные на средства неприятеля, будут битвы, в которых миллионы снарядов будут рвать грудь земли и миллионы солдат будут мечтать об аде загробном, чтобы вырваться из ада земного. Но мало кто представляет себе, что ужасны будут не только эти выдающиеся моменты войны, эти «ближайшие дни» войны, но ужасною будет и повседневность ее, потому что сейчас до высокого совершенства доведены все виды оружия - от «Берт», стреляющих только в чрезвычайных случаях, до ружей, стреляющих всегда, т.е., если можно так выразиться, от предметов боевой роскоши до предметов боевого обихода. <...>

Однако есть в современной войне нечто, что страшнее и танков, и пулеметов, и других средств массового истребления: это быт поля сражения.

Прежде жизнь на поле боя являлась чередованием периодов опасности с периодами отдыха от нервного напряжения; прежде каждый знал, где и когда он должен быть настороже и где он может себя считать в безопасности, благодаря надежности прикрытия; и прежде, входя в сферу опасности, каждый знал, какая его ждет опасность, потому что враг располагал определенными, свойственными эпохе средствами борьбы: копье и лук, меч и арбалет, пушка, ружье и штык.

Теперь для войска на поле сражения не существует ощущения безопасности, потому что нет никакой возможности предвидеть, какое средство убиения применит враг: и близко, и далеко, на земле, над землею, днем и ночью воина стережет смерть: свинец, газ и невидимый луч несут ему гибель и он не знает, что вокруг него безопасно, а что смертоносно. Никогда, нигде, ни на секунду он не смеет ослабить настороженность: за каждым кустом и каждым камнем таится пулемет, прижавшись к земле, и в небесах за облаками несутся пулеметы на крыльях аэропланов; шагу нельзя сделать, не озираясь, глотка воды нельзя выпить из реки, не опасаясь отравы, и нельзя набрать воздуха в легкие, не принюхиваясь к этому воздуху - не ядовит ли он.

Есть люди, которые сохраняют полное спокойствие перед лицом опасности, но нет, кажется, человека, способного не волноваться пред невидимою, неизвестною опасностью. А опасность современного боя неизвестна. У вас есть противогаз, но вы не знаете, не придумал ли враг новый газ, и поэтому, надевая маску, вы не знаете, спасет ли она вас; вы сидите в бетонном блиндаже, но вы не знаете, надежен ли он, потому что враг мог изобрести новые снаряды, пробивающие и этой толщины бетон. Ваши нервы всегда напряжены, и ужас неведомой опасности не покидает вас ни на минуту - таков быт современного сражения, тянущегося неделями.

Человек выдерживает безнаказанно некоторое количество ужасов - достигши этого предела, слабый духом дезертирует, сильный волею сходит с ума. В будущей войне тысячи людей будут сходить с ума вследствие чудовищной длительности и непрерывности нервного напряжения в обстановке неведомых опасностей. А опасности будут неведомы потому, что война нашего века - это война изобретениями. На протяжении тысячелетий военное изобретательство шло черепашьим шагом: изобретя артиллерию, армии в течение столетий не удовлетворялись все теми же гладкостенными пушками. Теперь никакое изобретение не удовлетворяет армию в течение нескольких месяцев и она требует все новых и новых средств борьбы. Этот бешеный прогресс военной техники создает такие условия войны, при которых нервное напряжение бойцов достигает силы, не переносимой для человека. Война изобретениями, война неожиданностями - это самый чудовищный вид войны: в ней все знания, все науки состязаются в своем служении Марсу, в ней совершеннейшее оружие создает массовую смерть, а ужас постоянной неведомой опасности вызывает массовое безумие.

И нет средств против этого вида войны - войны ужасами, потому что она есть детище нашего века, века бешеного технического прогресса. Допустим, что можно воспретить применение газов, аэропланов, подводных лодок, но можно ли воспретить военное изобретательство, остановить творчество изобретающего ума? Войну надо сделать менее ужасною, войну нужно несколько обезоружить, но для этого надо обезоружить мир, потому что мирный технический прогресс создает военный технический прогресс, величайший из ужасов современной войны.

Сегодня. - 1932. - №24.

ВОИНА МЕЖДУ КОНТИНЕНТАМИ

Трудно сказать, будет ли грядущая война «нефтяною» или «резиновою», но несомненно, что она будет вестись не между государствами, а между группами держав. Сейчас уже намечаются такие группы: США с зависящими от них государствами Центральной Америки; европейский континент, или Пан-Европа, как называют творцы объединения европейских государств; Великобритания, составляющая с доминионами как бы искусственный континент; в дальнейшем сольются в мощный союз сотни миллионов желтолицых и южно-американский континент как одно целое выступит на мировую арену. Но ни в одной из этих групп нет места России, ни с одной из них ее не связывают такие интересы, чтобы для нее было бы естественным вхождение в одну из континентальных групп. Россия - «не государство, а часть света» - сама составит «континентальную группу», образовавши Соединенные Штаты из своей территории и территорий, тяготеющих к ней государств восточной Европы и западной Азии. Россия считала себя самым восточным из европейских государств, европейцы считали ее самым западным из азиатских государств, географы считают ее лежащею на задворках двух материков - Европы и Азии; фантасты видят в ней какой-то мост между востоком и западом - Евразию. Но истинное значение России станет ясным, когда создастся Пан-Европа и когда на побережьях Тихого и Индийского океанов заговорят о Пан-Азии: тогда Россия окажется одною из тех 5-6 мировых сил, на какие поделится человечество, одной из участниц соперничества континентов; она окажется, если не с географической, то с военно-политической точки зрения, отдельным континентом. И в качестве такового ей придется вступать в вооруженные конфликты с другими континентами, борясь за сырье, за рынки, за «место под солнцем».

Период этих войн между континентами близок. К нему уже готовятся: Америка уже созывала Пан-Американский конгресс, миролюбивый Бриан, творя Пан-Европу, готовит Старый Свет к грядущему конфликту с Новым Светом. И Россия с первых же шагов своего возрожденного существования будет вынуждена готовиться к великим войнам будущего, направляя соответствующим образом и свою внешнюю политику, и строительство своих вооруженных сил.

Суровые железные века наступают для человечества, чрезмерно уплотнившегося на земле. Не к миру идет Мир, а к войнам, к невиданной еще борьбе за жизнь. Как потерпевшие кораблекрушение сбрасывают из перегруженной лодки всех слабых, так и сильные народы будут стирать с лица земли слабых, чтобы обеспечить себе возможность жить. В этой борьбе на долю России, зажатой между Пан-Европой и Пан-Азией, выпадут тяжелые испытания. Россия должна быть мощной, чтобы выжить; и на нас, военных, лежит долг выковывать военную мощь России. Богатые знанием, крепкие волею должны мы возвратиться на Родину, чтобы на этих двух камнях заложить здание российского могущества. <...>

Вестник Военных Знаний. - 1930. - №6.

ВОЙНА ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Найти в себе силы не сдаться под конец боя, длившегося целый день (Ватерлоо), - это героично, но отказаться сдаться после пяти-шести дней боя (Чапей) - это еще более героично. Для этого надо иметь нервы, каких, пожалуй, не имели в древности. В эпосе о Нибелунгах мы читаем описание боя между мстителями за Зигфрида и Гагеном с товарищами. Из осажденного зала выходит то один, то другой боец для единоборства с кем-либо из врагов. Стычка на жизнь или на смерть длится несколько минут; она требует от бойца огромного морального напряжения, но напряжения кратковременного. Между тем каждый из современных воинов часами, днями находится в положении смертельной опасности под огнем артиллерии и пулеметов. Моральное напряжение может быть менее интенсивно, но в сотни, в тысячу раз более длительно.

<...> Пример Абиссинии подтверждает эту мысль: африканские нервы сдали прежде, чем войска были разбиты в бою. Героизм абиссинцев выражался, как и у древних воинов, в способности бросить вызов смерти, но не переходил в способность длительно сопротивляться ледяному дыханию смерти. Героизм-вспышка; героизм-выдержка. Вот прежняя и современная формы героизма.

Героизм-выдержка требуется ныне не только от войск, но и от всего населения. В давние времена население подвергалось непосредственной боевой угрозе только в момент прорыва вражеского отряда в данную область к данному городу. Население бралось за оружие, присоединяя свои усилия к усилиям войска или само образуя войско. Вопрос жизни или смерти решался обыкновенно в короткий срок. Теперь же ни географические препятствия, ни даже удаленность от театра войны не оберегают население от постоянного пребывания во время войны в состоянии смертельной опасности. Это ощущают сейчас жители Нанкина и сотни китайских городов, уже подвергшихся или могущих подвергнуться воздушной бомбардировке. Пусть эти бомбардировки не столь действенны, как предсказывали теоретические вычисления, все же они требуют от населения такой способности к владению нервами, какой не требовала от него никогда война прежних времен. Неописуемые сцены у французской концессии в Шанхае, где колючая проволока, неумолимые солдаты и бездушные власти преграждали путь к спасению десятков тысяч обезумевших от страха китайцев, дают нам ясное представление о том, какова судьба населения в дни войны.

В древности победители вырезали весь побежденный народ (очень редко) или превращали его в рабов, и поэтому нервы населения, ждавшего результатов боя, подвергались тяжелому испытанию. В течение последних столетий положение улучшилось - войны стали «сентиментальными» (Суворов учил солдат: «Жителя не обижай»), и поэтому война перестала быть столь ужасной для мирного населения. Но сейчас мы возвратились к временам варварским. Покоренных не истребляют, не обращают в рабство, но смягчение по сравнению с древностью результатов войны обесценивается крайней суровостью самой войны. «Мы курские, до нас немец не дойдет», - теперь повторить нельзя - если не дойдет, то долетит, а долетая, посеет смерть среди городов и сел. Прежде война несла населению далекого тыла в худшем случае дурные вести с фронта; сейчас она несет смерть.

<...> Тяжелая артиллерия и авиация действуют всерьез, не то что катапульты древности с их камнями или пушечки Средневековья с их ядрами. И не только каждый выстрел сейчас в тысячу раз ужаснее выстрела прежних времен, но и число выстрелов в тысячу раз больше. А если к этому добавить действие газов или хотя бы страх перед газами, то можно себе представить, каким может быть нервное истощение жителей города, подвергшегося осаде.

После Великой войны казалось, что война больше невозможна - не потому, что дипломаты сделались искренними, как Гамлет, а народы кроткими, как Офелия, а потому, что военная техника упразднила войну. Создавалось впечатление, что авиация, газ и танки делают невозможным пребывание войсковых масс на поле боя. Но фантазерство и прожектерство не оправдались, - военная техника несколько усложнила войну, но не отменила ее. Армии приспособились к новым условиям войны - это было не очень трудно. Но населению трудно, почти невозможно приноровиться к современной войне.

Было бы преувеличением утверждать, что современная война это поголовное истребление населения. Но можно утверждать, что она - не только частичное истребление населения, но и поголовное истощение нервов населения, истощение, приближающее народ к повальному сумасшествию. Если Великая война породила чудовищное сумасшествие - коммунизм, то новая война породит еще нечто более чудовищное.

Сегодня. - 1937. - №330.

О ВОЙНЕ «ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗЦА»

Обыкновенно в гражданской войне водительствуют на одной стороне генералы, а на другой стороне - «генералы от политики». И обыкновенно, и те и другие водительствуют плохо.

Генералы делают две ошибки - политическую и военную. Политическая ошибка состоит в том, что они рассматривают враждебное движение как бунт и поэтому почти не пользуются медикаментами из аптеки социального оздоровления, а прибегают к хирургии - в их представлении гражданская война есть не что иное, как большая карательная экспедиция.

Их военная ошибка - в том, что они, на протяжении многих годов учения и службы усвоившие методы войны внешней, пытаются этими же методами вести гражданскую войну.

Герои Великой войны, как Юденич, А. Драгомиров и другие, весьма бесславно водительствовали в дни гражданской войны, а никому дотоле неизвестные Марков, Манштейн, Туркул, Тимановский оказались виртуозами искусства гражданской войны, потому что, свободные от рутины, постигли природу этого вида войны.

Что же касается «генералов от политики», то они, предводя борющимися силами, делают не две, а только одну ошибку, но зато большую: они передоверяют управление народной стихии. Привыкшие (в большей или меньшей степени) к демагогии, они не в силах направлять взявшиеся за оружие толпы, а непривычная для них обстановка вооруженной борьбы заставляет их очень осторожно расходовать свой авторитет, оспариваемый в делах резни каждым авантюристом.

Таким образом, вожди этой категории руководят военными событиями так же, как начинающий кавалерист управляет взбесившимся конем.

Конечно, обуздание стихии революционной борьбы нельзя признать задачей легкой, но она значительно облегчается, если понять природу гражданской войны, если отказаться от генеральской мысли, что это - «испорченная» разновидность войны, и от «штатской» мысли, что это особая стадия революции: гражданская война, как сочетание войны и революции имеет свои стратегические законы, соблюдение которых даст наиболее полный, наиболее быстрый и наиболее легкий успех.

Война вообще является комбинированной борьбой меча и рубля, слова (пропаганда) и дипломатической хитрости; в гражданской же войне слову принадлежит первая роль, потому что в ней борются за принципы. Принципы эти могут проистекать из идей или из интересов, но важно то, что принципы не перерубаются мечом - их перешибают принципы же.

Поэтому никакие успехи на военном театре гражданской войны не дают того результата, что успех на, так сказать, социальном театре. Удачно объявленная политическая или экономическая реформа, иногда только обещание реформ, иногда эффективный лозунг перевешивают на весах войны даже такую солидную тяжесть, как выигранный бой.

Если на войне тот имеет больше шансов на успех, кто лучше вооружен, то в гражданской войне побеждает тот, кто лучше вооружен социально. Ведь в этой борьбе только две сравнительно небольшие группы людей - частью величайших идеалистов, частью величайших негодяев в каждом из двух лагерей - целиком отдаются борьбе. Они играют крупно, ставя ставкой свою жизнь и, нередко, жизнь и достояние своих близких; подавляющее же число граждан

или играют мелко, или только осторожно примазываются к играющим: большинство населения не проявляет ни революционного, ни контрреволюционного фанатизма.

Привлечение этих колеблющихся масс на свою сторону должно составлять главную заботу борющихся сторон. Поэтому в гражданской войне борются не только ружьями и пушками, но и реформами, мероприятиями в народно-хозяйственной области, политическими тезисами и т.д.

Устрашение (террор) является излюбленной формой распространения своей воли на широкие круги населения в дни междоусобицы, но террор, даже осуществляемый достаточно многочисленной и достаточно кровожадной группой, не может быть средством конечной победы - не страх, а согласие населения дает конечную победу в гражданской войне.

В коллекции способов получить это согласие народа на властвование той или иной партии видное место занимает военный успех. Победа импонирует - победителю не только подчиняются, но к нему и присоединяются идейно под гипнозом победы. И хотя победы в гражданской войне могут не привести к овладению душой народа, но они приводят к власти, а обладание властью иногда приводит и к обладанию душой народа.

Боевые победы в гражданской войне должны носить особый характер - овладевать стратегическими пунктами и рубежами не столь важно, как административными центрами: массы не содрогаются при известии о занятии той или иной переправы, того или иного железнодорожного узла, но их потрясает весть о занятии центра провинции.

Для войны изучается военная география, но в гражданской же войне огромную роль играет психологическая география, согласно которой борьба около, с военной точки зрения ненужного Сан-Себастьяна гораздо важнее борьбы на перевалах Сьерра- Леоне, имеющих первостепенное стратегическое значение.

Действовать на психику надо во всякой войне, а в гражданской войне это особенно благоприятная задача: впечатлительность наспех организованных войск и нервность масс, втянутых в распрю, делает то, что последствия боевого успеха или неуспеха принимают размеры неизмеримо большие, нежели реальный результат боя.

Первым последствием каждого движения весов военного счастья является резкое изменение численности борющихся армий, - текучесть военных сил в гражданской войне такова, что под ее влиянием расстраиваются все планы и диспозиции: энтузиазм вливает в полки тысячи бойцов, уныние сразу обезлюживает дивизии.

Поэтому полководцам приходится беречь свои войска от уныния, как следствия поражения.

Осторожность была бы лучшей гарантией целостности духа армии, но осторожность в гражданской войне воспринимается массами как слабость. Поэтому наиболее благоразумным методом является неблагоразумное наступление.

Риск, граничащий с азартом, дерзновение, граничащее с авантюризмом - вот что необходимо полководцу гражданской войны.

Крайняя пестрота войск, включающих часто разнообразнейшего качества от образцового до минусового, заставляет командование пренебрегать шаблонами, устанавливаемыми военной наукой для тактических действий и импровизировать самые неожиданные строи, порядки, тактические формы.

Поэтому ведение операций в гражданской войне надо признать более тонким искусством, чем в войне внешней - во внешней войне знание противника и его боевых уставов позволяет предугадывать, что он учинит в ближайшее время; в гражданской же войне «правил» не соблюдают, и поэтому предугадывание действий врага крайне затруднительно.

Вследствие этого в войне внешней преуспевают обычно начальники, обладающие большими военными познаниями: в войне же гражданской - те, которые обладают военным инстинктом.

Хитроумные планы, сложные и минутами расписанные продвижения не по плечу войскам гражданской войны; поэтому стратегия и тактика упрощаются. Неналаженность снабжения, разруха в стране, быстрые перемещения войск делают невозможным обильное питание в бою огнестрельного оружия. Поэтому боевые схватки кратковременны и мало кровопролитны.

Зато расправа после боя бывает кровопролитнее боя. Десятилетиями накапливавшаяся злоба вырывается наружу в дни гражданской войны; а нервный подъем в бою доводит ненависть до пароксизма - отсюда жестокость и зверство междоусобиц.

В войне внешней дерутся без особой ненависти - больше по долгу, чем по злобе: во время народной расприи дерутся беспощадно: столкновения мировоззрений страшнее столкновения государств.

Ум человеческий способен во все внести организованность - даже в хаос, - поэтому и хаос гражданской войны постепенно заменяется известным военным порядком, когда возникают более или менее рациональные боевые действия и когда после первого разрушительного вихря обе стороны спешно организуют жизнь на занятой ими территории. Но эта жизнь похожа на положение человека, поднятого на штыки - в междоусобице борцы подымают на штыки родную страну, мечтая каждый по-своему поднять ее на высшие ступени благоденствия.

Можно, будучи зрителями такой расприи, склоняться в симпатиях на ту или иную сторону, но нельзя не пожалеть народ, за свою неспособность к мирному разрешению проблем вынужденный пройти через ужасы ужаснейшей из войн - гражданской войны, бессмысленно-жуткой и жутко-бессмысленной.

Месснер Е. Столкновение мировоззрений страшнее столкновения государств // Русское слово. - 1969. - №412.

УЛИЧНЫЙ БОЙ

В нашу эпоху социальных потрясений, когда вспышки гражданской войны оказываются не редким явлением, изучение уличного боя, как боевых действий между войсками и вооружившимся населением, представляется совершенно необходимым. Для войск подобный бой представляет много трудностей, из которых главнейшими являются: а) невозможность применить обычные навыки и использовать полностью оружие и б) невозможность точного установления границ между врагом и нейтральным населением. Первая трудность возникает от того, что войска, привыкшие к действиям на просторе полей, оказываются зажатыми в уличных дефиле, где необходимы совершенно своеобразные боевые порядки, приемы разведки, связи и т.д.; эта необычайность обстановки усугубляется еще тем, что солдаты-крестьяне, составляющие главную массу в боевых линиях, с большим трудом ориентируются в городском лабиринте и делаются совершенно беспомощными во входах и переходах больших домов. На боеспособности войск не может не отразиться и то обстоятельство, что драгоценное качество пушки и пулемета - дальнобойность - не имеет никакого значения: в городской тесноте дальние дистанции почти отсутствуют.

Второе затруднение получается вследствие того, что восставшая часть горожан не пользуется какими-либо форменными одеждами или далеко заметными знаками, позволяющими отличать их от мирных людей. Поэтому, с одной стороны, войска не знают, против кого именно надлежит обращать оружие, а во-вторых, войска находятся под постоянным моральным нажимом врага, который, сливаясь с мирными гражданами, имеет возможность вести агитацию среди солдат. Это последнее обстоятельство усложняет задачу командования, которое, ведя уличный бой, должно бороться с врагом не только в плоскости чисто боевой, но и в политической плоскости, защищаясь от политических воздействий врага и политически нападая на врага с целью политически изолировать восставшую часть населения от прочих слоев и классов населения.

Все эти трудности побудили, говорят, французские военные власти на случай вооруженного возмущения в Париже принять оригинальный план борьбы за город: вместо боя - блокада, т.е. вывод всех войск на окраины и обложение города в целях, во-первых, локализации восстания, а во-вторых, для одоления восставших голодом. Если положение в стране допускает столь пассивный способ действий правительственных войск, то такой прием с военной точки зрения может быть оправдан; политически он не вполне безопасен: если из города хлынут толпы голодных женщин и детей, то они прорвут блокаду и нанесут сильный удар устойчивости войск, которые поймут, что начальство понуждает их воевать против беспомощного населения; с моральной точки зрения трудно сказать, что лучше - подвергнуть жителей ужасам боя в городе или же обречь их на голодовку и оставить их на произвол разъяренных восставших толп.

Хотя город и является западней для войск, но все же обстоятельства обычно повелевают не избегать борьбы в нем. И вот при этой борьбе командование, учитывая и моральное и тактическое преимущество нападательных действий, оказывается между тем вынужденным дробить свои силы для пассивных задач охранения, удержания, обеспечения, в противоположность полевому бою, где приходится считаться только с тактическими пунктами. В уличном бою всякого рода побочные соображения доминируют над требованиями тактики, и войска вынужде-

ны занимать не только тактически важные пункты, сколько пункты, важные в административном, хозяйственном или в ином отношении. Им приходится назначить гарнизоны в учреждения, муниципальные предприятия, в центры связи и путей сообщения, в районы, где расположены банки, даже в районы, где проживают ценные для правительства личности. Помимо борьбы с вооруженными отрядами, на войска ложится и предотвращение грабежей, что требует большого наряда. В силу всего этого командование оказывается обычно в затруднении: как согласовать выполнение охранительных функций с сохранением достаточного количества войск для активных задач? А между тем только максимум активности может обеспечить быстрое овладение обстановкою.

Согласование этих двух требований - охранять важные районы и вести нападательные действия - можно или при изобилии войск (случай, редко имеющий место), или при возможности привлечь к участию в борьбе и на стороне войск часть населения. Создавая дружины, наскоро их вооружая, надлежит возлагать на них функции охраны порядка и обеспечения пунктов второстепенного значения. Организация такой милиции требует от командования не только проявления военно-административных способностей, но и политического опыта, потому что центр тяжести этого дела лежит не в вооружении дружин, не в сколачивании их, не в вербовке отдельных добровольцев, а доведение политической активности благорасположенной части населения до стремления взяться за оружие.

Немалую трудность для командования предоставляет разрешение вопроса об объекте операции. Если восставшие, совершая грубую ошибку, сосредоточат свои силы в одном каком-либо районе города (Московское восстание 1905 г.), то окружение этого района и концентрический удар по нему являются естественным способом действия. Если восставшие, хотя и разлились по всему городу, но принадлежат обитателям одной какой-либо части города, пригорода, слободы, то захват этой части города окажется выгодною целью действий, потому что, беспокоясь о своих семьях, восставшие или покинут ряды отрядов, или целыми отрядами сконцентрируются для защиты своей «семейной базы», подставляя себя таким образом под удар войск.

Но если этих двух обстоятельств не оказывается, если отряды восстаний формируются по всему городу, то командование за отсутствием важного объекта действий может оказаться вынужденным применить «дезинфекционный метод борьбы», т.е. постепенное овладение районами города и очищение их от враждебных элементов. К этому его побуждает не только отсутствие географических, так сказать, объектов действий: летучие отряды восставших не представляют собой той «живой силы», на которую рекомендует обрушиваться теория военного дела. Противник слишком текуч, чтобы ему можно было дать бой в прямом смысле этого слова. Поэтому и формы боевых действий в уличном бою совершенно отличны от нормальных форм: одна сторона применяет «партизанство», а другая «контрпартизанство». Надо признать, что ни в одной армии (кроме Красной) этой «малой войне» не уделяется внимание - не разрабатывается ни теория ее, ни практические навыки.

Вестник Военных Знаний. - 1931. - №4(12).

К ВОЗРОЖДЕНИЮ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Всякий общий принцип до крайности прост и поэтому кажется, что доступен самому ограниченному пониманию, но в практическом деле сущность не в том, чтобы знать, а в том, чтобы уметь применять». Эти слова М.И. Драгомирова, как нельзя более, приложимы к явлениям Великой войны, доказавшей, что принципы военного дела в нынешних армиях применять не умеют. Действительно, фраза Наполеона, что «победа принадлежит армиям, которые маневрируют», была у всех на устах, но претворения этого завета в дело мы не видим. Уже в схеме развертывания армий к началу враждебных действий выявляется, какое значение все (а особенно французы) придавали прикрытию всего протяжения границы, вследствие чего армии крайне растянулись, ограничивая себя в возможности предпринять один из тех маневров, которые основываются на умении сосредоточить силы на важнейшем операционном направлении, заранее мирясь с потерею пространства на второстепенных направлениях. Лишь немцы, собрав кулак против Бельгии, рискнули обнажить русский фронт, но через несколько дней испугались своей смелости и, в жадном стремлении все удержать, кидают резервы в Восточную Пруссию, ослабляя свою маневренную массу. С первых дней войны стала намечаться кордонная система, которая началась «бегом к морю» и перекинулась на все фронты, вылившись в форму позиционной или полупозиционной войны.

Кажется совершенно непонятным, как люди, считавшие себя последователями идей Наполеона (а таковыми считали себя все), могли додуматься до восстановления в модернизированном виде той кордонной системы, о которой Наполеон писал в одной из своих директив, «что это за проект движения маршала Бесьера на Фриас, протягивая свой правый фланг на Бильбао или Сантандер? Разве уже принята кордонная система? Может быть, хотят не пропустить контрабандистов к противнику?.. И кто это мог посоветовать королю выставить кордон? Неужели можно делать такие глупости после десятилетнего опыта войны?»

В течение четырех лет Великой войны, вследствие панического страха иметь обнаженный фланг и непреодолимой боязни пред отдачею врагу клочка земли, армии были вытянуты в нитку, хотя вожди великолепно знали, как должно действовать - «держать свои силы соединенными, не быть нигде уязвимыми, быстро переноситься на важные пункты» (Наполеон). Они не умели применить это знание в усложнившейся обстановке современной войны; постепенно сокращая амплитуду маневра, они пришли к тому, что маневром стали называть простое расстояние на месте: ведь по нынешней терминологии безыдейные силовые приемы кампании 18-го г. именуются маневренными действиями. Если прежнее понятие о маневре заключало в себе представление о некотором вдохновенном замысле, то теперь маневр понимается как синоним сильного удара, и ценного своим механическим действием и могущего (но не обязательно) усилиться действием моральным. Так во Франции слушателям Высшей военной школы внушают: «моральный фактор не только ускользает от нас, но и все, что есть чисто морального в достигнутом успехе, не всегда окончательно приобретается», «мы используем моральный эффект, когда он будет образовываться в нашу пользу, но... мы будем действовать так, как будто бы он не должен был произойти, и так, как если бы мы должны были действовать, имея в виду полное уничтожение противника».

Эта теория боя на уничтожение, родившаяся на полях технических битв, приведет нас в бу-

дущем к техническим битвам, к борьбе на истребление, имеющей смысл при значительном материальном перевесе одной из сторон, но совершенно бессмысленной при однокачественности и разноколичественности вооружения обоих противников. Техническая война, требующая чудовищных средств, не может не быть затяжною, т.е. и кровопролитною, и крайне разорительною - война принимает форму осады государств, форму, при которой истребление врага становится главною целью, становится почти самоцелью. Бой-бойня является характерным для технической войны видом боя, ибо борьба машин развивается медленно; обороняющийся, пользуясь совершенством средств сообщения, быстро уравнивает силы на атакованном участке, лишая таким образом врага надежды на стратегические успехи. Поэтому и Верден, и Сомма 17-го г., и немецкие удары 18-го г., и все почти сражения на французском театре были боями на уничтожение. При такой системе действий маневру на войне не было места - остались лишь интенсивные перевозки грузов и людей. <...>

Этот упадок маневренного творчества, как в тактике, так и в стратегии, является характернейшею особенностью Великой войны, которая прошла под знаком отказа от маневра и искания решения в материальном, а не моральном действии. Это обстоятельство приходится поставить в связь с загрузкой армий машинами и техническими усовершенствованиями - за все эпохи войска теряли маневроспособность с введением тяжелого вооружения. Сейчас тяжесть вооружения армии (то есть общее количество поглощенной ею «техники») достигла небывалых размеров, потому что правильный принцип беречь, по возможности, кровь, расходуя материалы, был в дни Великой войны подменен другим принципом - заменить в бою людей машинами. Формула «артиллерия завоевывает, пехота занимает», обращение пехоты в пулеметное войско, безграничное увлечение танками, - все это проявление характерного для нашего времени стремления воевать, не дерясь, сражаться не сходясь, побеждать, не рискуя собой.

Не касаясь пока вопроса о том, «правильна» ли с точки зрения военного искусства техническая война, мы не можем не указать на то, что она с практической точки зрения абсурдна. Как уже упоминалось выше, техническая война не может не быть медленной как в отдельных эпизодах (сражения), так и в общем своем развитии; вследствие этого она катастрофически изнуряет силы: моральные, физические и материальные, - борющихся государств и в одинаковой мере разоряет и побежденного, и победителя: победитель может залечить свои экономические раны, только взыскавши громадную контрибуцию с побежденного, но последний оказывается в результате войны неплатежеспособным. По вычислению проф. Водовозова, сумма, потребованная Антантою в возмещение всех военных убытков, почти в 3 раза превышает мировые запасы золота в монетах и изделиях. Чтобы несколько иллюстрировать дороговизну технической войны, можно указать на то, что бой у Maimaison (1917 г.) обошелся французам в 500 миллионов франков, а их контрнаступление у Вердена - 700 миллионов франков!

Эта дороговизна технической войны, ее изнурительность в моральном и физическом смысле и полное несоответствие между ее результатами и тяжестью жертв, которых она требует, заставляют нас решительно осудить ту сторону войны, какая была принята в 1914-1918 гг. на западном театре и которой старательно подражали на прочих театрах.

Великая война могла сделаться техническою лишь потому, что она стала позиционною; стабилизация фронта является необходимым условием возникновения технической борьбы. Но почему она стала позиционною?

По немецкой версии, «позиционная война возникла из-за ослабления сторон (Fuhrung und Gefecht...)», по французским объяснениям - из-за недостатка снарядов. В этих утверждениях кроется крупная ошибка: так возникла приостановка войск на известной линии, приостановка

боев, но вовсе не позиционная война. Ведь в Русско-японскую войну ни ослабление сторон, ни недостатки снабжения не вызывали позиционной войны, а создавали лишь периоды затишья на фронте. Почва для позиционной войны стала создаваться, когда французское и германское командования без всякой нужды принялись состязаться в выигрыше фланга. В результате «бега к морю» образовался непрерывный фронт от Швейцарии до моря. Но и это еще не была позиционная война - это была лишь благоприятная обстановка. Для зарождения позиционной войны: отсутствие флангов требовало лобовой атаки, а лобовые атаки внушали страх после кровопролития первых боев, вызывавших убеждения, что без могущественной артиллерии атаковать нельзя; войска решили зарыться в землю в ожидании артиллерии - так создалась у французов позиционная война. У немцев мысль о ней пришла не снизу, а сверху: Фалькенгейн решает фортификацией и артиллерией удерживать французов и англичан, а тем временем обрушиться на русских.

Таким образом, причина позиционной войны лежит гораздо глубже, нежели в явлениях внешнего порядка - отсутствии снарядов или резервов; она лежит в стремлении привлечь к широкому участию в бою машины с целью экономии людского материала. Это стремление вызвало нагромождение боевых машин и привело армию к позиционной борьбе, то есть к применению в поле осадных методов. А затем - L'appetit vient en mangeant - желание помочь людям машинами обратилось в желание заменить людей машинами, и тогда позиционная война обратилась в позиционно-техническую, в утрированно-позиционную.

Борьба духа претворилась в борьбу техники, и это вышло не случайно - люди сами пожелали придать ей такой характер: «со второго месяца войны утвердилось убеждение, что победа, долженствовавшая быть в конечном итоге результатом победы морали, могла быть подготовлена и достигнута только предварительною победою материальной части» (L. Guillet et J. Durand). <...>

То умаление значения маневра, выродившегося в простое усиление передовой линии для фронтального боя на измор, которое мы видим ныне, имеет своим первоисточником психологическую особенность современных культурных народов - веру в материальные факторы и пренебрежение к факторам моральным. Пышно разрастаясь в обществе, позитивизм и в армии пустил глубокие корни. Симптомы этого уже подметил Шарнгорст, писавший: «Мы начали военное знание оценивать выше, чем воинские добродетели. Это являлось во все времена падением народов, ибо моральные свойства никогда не находятся в состоянии покоя; они понижаются, лишь только перестали стремиться к возвышению». Военному знанию придается ныне исключительное значение, значение воинских добродетелей недооценивается - таково следствие проникновения позитивизма в армию.

Возвеличивая знание, ставя науку выше искусства, позитивизм убивает искусство. Из фразы Наполеона: «своими духовными очами, целокупностью своего разума, своего рода наитием главнокомандующий видит, познает и решает» - позитивист вычеркнул бы упоминания о духовных очах и наитии и всю творческую работу вождя приписал бы лишь разуму. Подобная тенденция с легкой руки немцев проникла в военную среду уже давно, но теперь после войны сделалась всеобщей, несмотря на то, что несостоятельность чисто позитивного мышления в военной области достаточно, казалось бы, наглядно выявилась в годы минувшей войны: слишком умственное, подчас ремесленное понимание военного дела имело своим прямым следствием безотрадную шаблонность операций, как в деталях, так и в общих очертаниях, а это, конечно, привело к падению искусства маневра.

Позитивизм развивает, как выше сказано, пренебрежение к воинским добродетелям: пре-

клоняясь лишь пред реальными ценностями, он очень сдержанно относится к духовным ценностям. Поэтому позитивист, не задумываясь, отдаст предпочтение двум плохим солдатам перед одним хорошим - реальное, осязаемое количество он предпочитает трудно улавливаемому качеству. Весьма характерно в этом отношении заявление военного комиссара Украины: «Красная армия будет преобразована в милицию, и хотя при этом солдаты будут хуже подготовлены, но зато будет лишний миллион их».

Вот в этом доверии к количеству безотносительно качества и даже вопреки качеству кроется главное зло позитивизма с точки зрения военного дела. Зло это предвидел ген. Михневич, писавший: «В настоящее время начинает крепнуть слишком большая вера в значение численного превосходства во что бы то ни стало, утверждая, что теперь масса значит больше, чем качество войск... Вредное поклонение числу может повести к тому, что при столкновении с противником начальники начнут подсчитывать его силы, не рассчитывая победить своим искусством и доблестным напряжением сил своих войск».

Поклонение численности привело к созданию многомиллионных армий, импозантных своею величиной, - но качественно весьма слабых. Такие армии к маневру мало пригодны, ибо маневр базируется на стойкости и дерзновении другой части. Все эти качества слабо развиты в современных армиях, набираемых без всякого отбора, наскоро обучаемых и не получающих сколь-нибудь глубокого воинского воспитания. Мы были свидетелями того, как быстро понижалось во время войны качество Русской армии по мере ее развертывания и разжижения ее кадров запасными старших сроков, ополченцами и молодежью досрочного призыва, то есть людьми, сомнительными в отношении физической годности и, безусловно, слабыми в смысле воинского воспитания и обучения, давно забытых или же слишком краткосрочных.

Не лучше, чем у нас, дело обстояло и в других армиях. В июне 1917 г. неповиновение во французских войсках приняло такие размеры, что большая часть конницы была направлена для усмирения; накануне французской атаки 20-X-1917 из 206-й германской дивизии перебежало к противнику 102 человека; в первой половине 1918 г. немецкие матросы бунтовали в Киле, Вильгельмсхафене и Катарро; осенью 1917 г. итальянцы в Альпах братались с австрийцами и в результате - Капоретто, где произошла повальная сдача итальянских солдат, обошедшаяся Италии в 335 000 пленных и в 3000 орудий, а через год австрийская армия в течение нескольких дней потеряла пленными 400 000 человек при 6860 орудиях. Эти факты подтверждают мнение, что нынешние армии в качественном отношении стоят на очень низкой ступени, потому что при формировании их внимание уделяется исключительно вопросу о количестве. А так как «могущество вооружения должно быть тем большим, чем слабее военная ценность войск» (ген. Серриньи), то естественно, что параллельно с возрастанием количества войск, выставляемых страною, возрастает и пропорция снабжения этих войск предметами военной техники. И это делается тем охотнее, что машинизация армии вполне соответствует духу позитивизма с его увлечением реальными ценностями: как численный перевес есть реальный фактор, так реальным фактором является технический перевес.

Сколь велики были количества машин, поглощенных армиями во время Великой войны, какое количество материалов пришлось доставлять на фронт для питания этих машин, как возрастало число машин по отношению к числу штыков, известно всем, поэтому ограничимся лишь следующим интересным подсчетом генерала Мэтр: в 1914 г. 850 бойцов батальона в 5 минут могли выбросить 1170 килогр. металла, теперь 450 бойцов батальона в то же время выбрасывают более 4000 кило металла, то есть каждый боец - в 7 раз больше прежнего. Этот небольшой пример показывает очень ярко, насколько возросло в армии потребление боевых

средств, насколько, следовательно, увеличился тоннаж грузов, требуемых армиею, и насколько армия стала зависимой от налаженности работы органов снабжения и средств сообщения. Последнее обстоятельство делает маневр, то есть более или менее значительное перемещение (поступательное или обратное, а особенно - боковое) чрезвычайно затруднительным.

Вышеизложенное укрепляет нас во мнении, что позиционная система борьбы не была явлением случайным, что она своею причиною имела неманевроспособность миллионных армий, перегруженных техникой, а первопричиною имела - господство в армиях позитивного мышления, выдвигающего на первый план количество, массу (а не качество) и рассудочное творчество (а не духовное).

Выяснив таким образом, какому психическому поветрию мы обязаны возникновением безманевренной доктрины позиционной войны, мы тем самым определили путь, по которому следует идти для возрождения военного искусства. Но прежде чем перейти к провешиванию этого пути, следует остановиться на следующем вопросе: если мы нынешний период жизни военного искусства называем регрессивным и если мы эпоху Наполеона, несомненно, должны считать прогрессивным периодом в истории этого искусства, то где же был поворотный пункт, в котором восхождение сменилось снижением? Действительно, возрастание размеров армий шло на протяжении веков, не служа признаком регресса; теперь же оказывается, что громоздкость нынешних армий - упадочный факт: когда же размеры армий перешагнули норму, допускаемую военным искусством? Развитие технических средств войны наблюдается в течение всей военной истории и рассматривалось как симптом прогресса; теперь же оказывается, что обилие и сложность техники способствует упадку военного искусства: когда же произошла эта перегрузка армий техникою? На эти вопросы и другие, подобные им, можно ответить, но не с математической точностью, а с известным приближением, вполне достаточным для выяснения, где начинается склонение военного искусства к упадку.

Когда увеличение массы стало вести к упадку военного искусства? Когда было потеряно равновесие между мощностью армии и силами страны: при невозможности мощи отечественной промышленности и заграничных закупок удовлетворить своевременно все запросы фронта, война сделалась затяжною, то есть потеряла все выгоды быстротечности кампании, осуществлявшейся маневром не столь громоздких армий. В 1913 г. германский императорский канцлер, требуя дополнительных ассигнований на увеличение армии, сказал в парламенте: «История не являет нам народа, который пал бы под тяжестью вооружения, но являет много наций, погибших потому, что они помышляли лишь о роскоши и благополучии и пренебрегали своей защитой». Однако история последних годов являет нам пример: как нации, как целый континент - Европа - были раздавлены под тяжестью вооружения, безрассудно надетого во время войны. В 1918 г. французская артиллерия развернулась до такой численности, что все силы орудийной промышленности, страны уходили на фабрикацию стволов взамен прогоревших, и, тем не менее, положение стало таким, что тяжелую артиллерию пришлось уведомить, что на дальнейшую замену стволов она рассчитывать не может - следовательно, величина армии далеко превзошла ту максимальную нагрузку, какую в состоянии выдержать страна.

Когда именно усиление военной техники перестало способствовать прогрессу военного искусства и двинуло его по пути регресса? - Когда количество всякого рода машин сделалось таким, что обслуживание этих машин стало неудовлетворительным за невозможностью выучки достаточного числа специалистов: машина, использованная полностью, полезна армии, машина, дурно использованная, - обуза для нее. Каждая американская дивизия в 1918 г. имела 936 пулеметов (168 тяжелых и 768 легких); трудно сказать, на каком именно пулемете - на двухсо-

том или на трехсотом достигается предел возможности выбрать в состав дивизии людей храбрых, толковых и сильных, какими должны быть пулеметчики, но совершенно несомненно, что цифра 900 лежит за этим пределом и что при таком числе пулеметов значительная часть их, лишь загромождая дивизию, не дает пользы, кроме звукового эффекта.

Когда именно стратегия в своих приемах перестала усовершенствоваться и пошла по нисходящей ветви эволюции? - Когда в основу стратегических комбинаций стало полагаться убеждение, что в бою 2 всегда больше 1, когда пришли к решению базировать успехи исключительно на нагромождении сил и средств, отказавшись от гибкого маневра. По этому поводу можно привести остроумную мысль полк. Камбюза: «Муха, сидящая на стекле, может быть убита ударом молотка; удар платком причинил бы ей такое же зло, но стекло осталось бы целым».

Когда именно тактика стала клониться в сторону упадка?

Когда пехоту лишили способности к удару, сделав бой материальным состязанием в огне вместо состязания в волевом стремлении сойтись с врагом. В 1914 г. половина пехотинцев была вооружена винтовкою, а в 1918 г. - лишь одна десятая часть (А. Геруа. «Полчища»), поэтому, за отсутствием надлежащего количества штыков, пехота стала годной лишь к удару «растопыренными пальцами». Знаменитая формула Петена: наступление - это огонь, который продвигается, оборона - это огонь, который стоит на месте, - кажется теперь высшим откровением и лишь очень немногие решаются сказать, как сказал на последних маневрах один французский генерал: «Огонь - это очень хорошо, но нужна же и решимость действовать». Пехота лишилась своей ударной силы и вследствие этого тактика удара выродилась в тактику инфильтрации с ее полустремительностью и полурешимостью.

Военное дело пошло по пути упадка, когда военные увлеклись численностью, увлеклись техникою, когда реальные факторы победы стали казаться важнее иррациональных, когда поэтому бой-стрельбу, бой-уничтожение стали предпочитать бою по психике врага.

Возрождение военного искусства может быть достигнуто при том условии, если будет положен известный предел влиянию позитивизма на военные умы, на армейскую массу. Речь идет не о полном изгнании идей позитивизма - это и неосуществимо, и неполезно, - а лишь о свержении гегемонии этих идей.

Для этого надлежит прежде всего бороться против чрезмерного увлечения знанием, наукою, ибо наука, созданная господствующей сейчас культурою, обладает таковою способностью удушать искусство, способностью создавать вражду между умом и духом. В египетской культуре наука и религия (ум и дух) жили в полной гармонии; в эллинской культуре наука и искусство отлично уживались, а наша культура есть непрерывный конфликт между запросами духа и запросами ума, занявшего воинственное положение. Подобно религии, подобно всем искусствам, ограждающим себя от непримиримости разума, и военное искусство должно восстать против тенденции обратить военное дело в одну лишь совокупность знаний.

Невежество на войне недопустимо, знание, «сокращающее нам опыты быстротекущей жизни», необходимо на войне, где эти опыты оплачиваются дорогою кровью. Как писал в древности Полибий, «благодаря достигнутым в наше время успехам в точных знаниях и искусствах, человек любознательный имеет возможность как бы подчинить все, что от времени до времени случается, определенным правилам». Но применение этих правил на войне открывает такое громадное поле действий для интуиции, для вдохновения, для неоправдываемого логикой разума наития, что натуры рассудочные при самом богатом запасе знаний обычно пасуют

пред натурами артистическими, если они не соединяют в себе достаточные знания со способностью к действию по логике чувств. В этом отношении австрийский Hochkriegsrat и наш Суворов олицетворяют собою два полюса.

И не следует думать, что логика чувств, способность к, так сказать, художественному вдохновению нужна лишь полководцу, лишь высшим начальникам - она нужна и младшему начальнику, и всякому, на чью долю выпадает самостоятельное решение какой-либо боевой задачи. Поэтому никоим образом нельзя согласиться с полк. Камбюза, который полагает, что подготовка к войне состоит из трех видов изучения - науки, ремесла, искусства; первая - в кабинетах, лабораториях, комиссиях; второе - в школах, штабах, войсках, мастерских; третье - в персональных трудах отдельных личностей. Ремесленником может быть мастеровой - машина при машине, но воин, обращенный в ремесленника, годится лишь для мирного времени. От мастерового требуется знание техники работы и автоматизма в работе, от кустаря требуется знание техники работы и вкус - поэтому воин может быть сравниваемым не с рабочим, не с ремесленником, а с кустарем, ибо и он должен обладать знанием дела и вкусом, тем более развитым, чем выше стоит он на иерархической лестнице.

Развитие этого вкуса к военному делу (совершенно несовместимого с ремесленным пониманием этого дела) составляет основную задачу военного воспитания и обучения. «Читайте, перечитывайте кампании Александра, Ганнибала, Цезаря, Густава-Адольфа, Тюренння, Евгения и Фридриха; равняйтесь на них. Вот единственное средство стать великим полководцем и постичь секрет военного искусства», - писал Наполеон, указывая нам способ выработки военных способностей - это развитие воображения. Мы же сейчас предпочитаем точные науки, иссушивающие воображение и потому враждебные искусству. Ограничив строго необходимым изучение точных наук, мы должны центр тяжести военного образования переместить в сторону теории военного искусства и его истории, эстетики, философии, психологии. Эти занятия в связи со спортом и охотою выработают вкусы и инстинкты, необходимые воину и непостижимые для того, кто, загрузив ум математическими знаниями, убил в себе фантазию, основу всякого искусства.

Отказавшись, таким образом, от перегрузки армии знанием (необходимо подчеркнуть - не от знания, а от перегрузки им) и от чрезмерного увлечения точными науками, мы поставим военную науку на приличествующее ей место относительно военного искусства, твердо установив, что первая занимает служебное положение относительно второго: военная наука есть умовая выработка средств и приемов борьбы, военное искусство есть вдохновенное их применение.

Начав борьбу с позитивизмом в военном деле, мы восстановим правильное понимание значения моральных факторов на войне. Основываясь на том, что «военное искусство выражается в умении пользоваться различными силами (духовными и материальными) для достижения победы на войне» (Михневич), мы придем к разумению, что базирование на одном лишь материальном действии, как это ныне принято, является грубой ошибкой. Исходя из того что «успех войны и боя зависит не от количества материальных потерь, которые мы нанесли противнику, а от того, в какой степени мы поселим в нем веру в невозможность нам сопротивляться» (М. Драгомиров), мы придем к выводу, что основной принцип позиционной войны - неправилен, ибо моральное ослабление противника добивается дешевле и затраты на него окупаются сторицею. Таким образом мы действительно, а не на словах только (как ныне), направим умы армии в сторону подвижной войны, единственной формы войны, какую признавали военные гении.

Первым следствием признания господства на войне моральных факторов будет отказ от возвеличивания значения числа в бою. История войн полна примеров одержания победы над численно сильнейшим противником. Для человека, не исповедующего культа множества, нет никаких оснований думать, что в наши дни нельзя рассчитывать победить без численного перевеса. Справедливо пишет один французский автор: «...современная эпоха, благодаря успехам, уже достигнутым, так и тем, которые могут быть предусмотрены, дает, кажется, удивительные средства для маневра. Эти успехи действительно уполномочивают крошечку освободиться от увлечения числом, подчас так мало согласуемым с удобоуправляемостью масс».

Проникшись той истиною, что нереальное на войне значит больше, нежели реальное, мы откажемся от безрассудного нагромождения реальных сил и будем искать способы использования нереальных сил. Одним из таких способов является развитие моральной упругости войск, о которой генерал М. Драгомиров писал: «Если в армии нравственная упругость не только не подорвана, а, напротив, по возможности развита, можно решаться на самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачу». В целях усиления духовной мощи армии необходимо комплектовать ее по принципу отбора, а не заполнять ее кадры толпами сознательных и бессознательных антимилитаристов, толпами людей, не имеющих представления о патриотизме, о долге, о красоте подвига, о славолюбии. Осуществление принципа отбора поведет к уменьшению армии в количественном отношении, что будет компенсироваться повышением ее качества.

Улучшение качества армии может быть достигнуто и такою организацией службы в ней, чтобы возможно большее число чинов ее возможно больше находилось под непосредственным воздействием того этического кодекса, который составляет воспитательную базу армии. Модные сейчас утверждения, что «национальное сознание», «демократическое сознание», «пролетарское сознание» делают излишним воинское воспитание, могут иметь успех лишь среди людей, ненавидящих армию, и среди тех, кто не в состоянии понять, что между гражданским и воинским долгом такая же разница, как между жертвой денежной и жертвою кровью. К сожалению, приходится сознаться, что и в среде военных находятся люди, верящие в возможность замены воинского воспитания насаждением в народе гражданских добродетелей и не считающиеся со следующим важным обстоятельством: христианская проповедь милосердия и социалистическая проповедь братства не производят в массах такого нравственного перерождения и, чтобы сделать невозможным возникновение войн, делают эти массы морально мягкими для сурового подвига войны, иными словами говоря, войны не упразднены, а люди становятся для войны не годными. Весь уклад жизни современного государства с его полицией и судами, делающими ненужным и запретным отстаивание своих прав с оружием в руках и развивающими склонность не бороться, а жаловаться, - весь уклад жизни способствует понижению воли к вооруженной борьбе, и никакие вспрыскивания милитаризма не в состоянии устранить это печальное (с военной точки зрения) явление.

Лишь одному народу - германскому - удалось в течение последнего полувека пробудить в себе до известной степени дух милитаризма. Этого они достигли потому, что незлобливое христианство подменили у себя религией, пропитанною духом древнегерманских верований. Вспомним постоянные упоминания императора Вильгельма II о «нашем старом, немецком Боге», вспомним проповедь Ницше: «Вы слышали, что было сказано в древние времена - "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю", а я говорю - блаженны храбрые, ибо они сделают землю троном своим, престолом. И вы слышали людей, говоривших вам - "Блаженны нищие", а я говорю - блаженны великие духом и свободные умом, ибо они войдут в Валгалу. И вы слы-

шали людей, говоривших - "Блаженны миролюбцы, ибо они нарекутся сынами Божьими", а я вам говорю - блаженны творящие войну, ибо они будут названы если не детьми Иеговы, то детьми Одина, более высокого, чем Иегова».

Не каждый народ способен на подобную подмену религии, и поэтому нельзя рассчитывать, что начала здорового милитаризма могут быть поддержаны в массах на должной высоте путем общегражданского воспитания, отсюда вывод: воинское воспитание необходимо и военная система страны должна быть такова, чтобы воинское воспитание было не поверхностным, а глубоким. Глубокому, то есть длительному и напряженному, воздействию воинского воспитания не могут подвергнуться все граждане - тем более сильному воздействию должна подвергнуться та группа граждан, которая будет предназначена для восприятия этого воспитания. При интенсивности, но не экстенсивности воинского воспитания армия, ослабленная количественно, будет усилена качественно.

Придя к решению отбирать в армию только морально годный элемент и не расточать педагогической энергии армии на забавы со всеобучем и подобными затеями, мы создадим армию не на принципе количества, а на принципе качества или, точнее говоря, на принципе гармонического сочетания качества и количества. Если количественный признак перестанет служить для нас мерилом мощи армии, если таким мерилом будет служить наличие гармонического сочетания между качеством духа и количеством материи, то мы получим армию, в которой качество будет подкреплено возможно большим количеством и где количество будет строго соображено с возможностью выработать максимальное качество. Такая армия, менее громоздкая, нежели современные армии-чудовища, ищущая решения не столько в материальном, сколько в моральном действии, отвергнет нынешние теории позиционной войны и восстановит теорию маневренной войны.

Если армия проникнется убеждением, что моральный эффект важнее материального, если она поэтому будет стремиться не столько к нанесению врагу материальных потерь, сколько к моральному потрясению его, то эта армия не будет верить в чудодейственное значение нагромождения на поле сражения убойных машин. Если эта армия будет воспитана в уверенности, что увеличение качества легко компенсирует уменьшение количества, если она поэтому будет знать, что эффект удара может быть повышен не только увеличением массы, но и улучшением качества удара (его точность, скорость, своевременность) то эта армия ограничится принятием в свой состав такого количества убойных машин, какое может быть обслуживаемо с полным совершенством. Таким образом, в противоположность современным армиям, где машины, выставляемые в большом числе, не дают надлежащей рентабельности за недостатком опытных мастеров для работы у машин (артиллеристов, пулеметчиков, летчиков и т.д.), - в армии, организованной на здоровых началах, количество машин будет сравнительно меньшим, но сумма их действий от этого не уменьшится, ибо каждая машина в руках опытных мастеров дает максимум рентабельности, а мастера будут опытны, потому что количество машин будет сообразовано с возможностью отобрать годных для специализации людей, с возможностью обучить их и воспитать.

Такая армия, не перегруженная техникой, будет менее громоздка, нежели современные полчища, а поэтому и более приспособлена к маневру, к подвижной войне.

Итак, мы пришли к следующим выводам: господство в военной среде позитивного мышления привело к тому, что современная военная доктрина придает чрезмерно большое значение материальным элементам войны, в результате чего: 1) война приняла характер борьбы на ис-

тощение материальных средств, а бой перестал быть маневром и сделался взаимоистреблением и 2) армии создаются с принесением качества их в жертву величине, а возрастание армий как в смысле увеличения их численности, так и в смысле накопления средств военной техники создает условия невозможности маневрировать. Возникшая таким образом позиционная форма борьбы истощает обе воюющие стороны до катастрофической степени и дает результаты, не соответствующие затраченным усилиям.

От этого несовершенного вида войны можно избавиться, вернувшись к осуществлению основных принципов военного искусства. Для этого надо признать (de facto et non de jure) преобладание на войне духа над материею, постичь, что военное искусство доминирует над военною наукою, развить в армии вкус к артистической стороне военного дела и построить армию на принципе гармонического сочетания качества и количества. Такая армия, менее громоздкая, нежели современные армии, и обладающая высоким духом, будет способна к ведению маневренной войны, единственного вида войны, допускаемого принципами военного искусства.

Каково же практическое значение этих выводов? Возможно ли приложение их на практике в условиях современности? Если точкою опоры рычага, долженствующего повернуть военное дело на путь истинного искусства, признается освобождение военной мысли от гнета позитивизма, то не следует ли мысль о восстановлении военного искусства считать утопиею, не осуществимой в наш век материализма?

Весьма возможно, что в Западной Европе, которая ныне проявляет несомненные признаки одряхления, позитивизм пустил столь глубокие корни, что смягчить его влияние на военное мышление более чем трудно. Но если мы рассмотрим возможность подобного поворота в военном деле на нашей родине, то мы придем к выводам, весьма оптимистичным.

Не входя в исследование свойств русской души и не занимаясь анализом особенностей русского мышления, мы можем (без необходимости доказывать это) утверждать, что позитивизм не свойствен русскому человеку. В силу этого в Российской армии не могли привиться современные позиционные теории - они принимались по форме, а не по духу, принимались из подражания и вследствие неумения создать свою национальную военную доктрину. Поневоле мирясь с насаждением западных рационалистических теорий (мирясь - за отсутствием других), русское офицерство в глубине души чувствовало, что они не подходят для армии того народа, где искание духа во всех проявлениях жизни составляет своего рода потребность. Наличие этого инстинктивного протеста против европейской доктрины, возросшей на позитивизме, позволяет верить, что Русская армия без всякого усилия может перейти к доктрине, отмежевывающейся от позитивизма. Благоприятствующим этому обстоятельством будет и то, что годы изолированности от Европы тех, кто оставался в СССР, и годы ознакомления с Европою теми, кто скитался в эмиграции, ослабят до некоторой степени нашу обычную подражательность. Национальный подъем, долженствующий родиться по освобождении государства от интернациональной власти, также будет способствовать исканию своеобразных путей в военном деле.

Итак, мы можем считать, что в России имеется психический фундамент для создания доктрины с духовным, а не материалистическим пониманием принципов военного дела. С такою же уверенностью мы можем сказать, что имеется и материал для построения армии в духе такой доктрины. Качества русского солдата всегда были высоки, и Великая война не опровергла правильности подобной оценки: если мы часто уступали качественно немцам, то причину надо искать в резком несоответствии огневых средств сторон, в чрезмерно коротких сроках обучения, не дававших возможности надлежаще обработать сырой материал, который, будучи не-

отесаннее немецкого, нуждался в более длительной шлифовке, и - главным образом - в неумении командного состава освоиться с приемами войны, предписываемыми заимствованной, чуждою доктриною. Нет оснований опасаться, что за годы революции русский человек стал менее годным к обращению в отличного солдата: в нем, правда, ослабели кое-какие из его нравственных качеств (религиозность, послушание), но зато он приобрел другие качества, также необходимые солдату (энергия, чувство собственного достоинства).

Во всяком случае несомненно, что, как бы сильна ни была пронесшаяся над народом буря, консерватизм природы, закон сохранения вида обеспечивает незыблемость основных черт народа, поэтому можно быть уверенными, что и ныне качество русского солдата, при умелом использовании его природных свойств, будет высоким, обеспечивающим возможность формирования армий на принципе качества, а не количества.

Таким образом, имея и солидный фундамент в психике народа, и отличный строительный материал в виде русского солдата, можно воздвигнуть здание русской военной мощи по принципам, выдвинутым в настоящем труде. Можно, но нужно ли? Не проще ли, избегая «рискованных» экспериментов, следовать по дорожке, проторенной государствами Западной Европы? И не грозит ли этой «новомодной армии» катастрофа в случае ее столкновения с громадною и технически богатой армией современного образца?

Отвечая на первые два вопроса, необходимо сказать, что для Русской армии нет другого выхода, как отказ от проторенных путей и искание новых. Россия, страна земледельческая, ни в коем случае не может при создании своей вооруженной силы пользоваться образцами, созданными государствами промышленными. Она никогда не будет в состоянии выставить столь же богатую техникою армию, а без этого подражание не будет иметь цены и армия «под француза» или «под немца» будет жестоко разбита французом или немцем. Отсутствие в настоящее время у России общих границ с великими державами не должно вселять уверенности, что война с таковыми невозможна: если американская армия могла переплыть океан, то перевозка какой-либо европейской армии на территорию одного из соседних с Россией государств должна при нынешних средствах сообщения рассматриваться как вполне осуществимая комбинация. Поэтому России надо быть готовой к большой войне с большими государствами, стоящими за спиною наших маленьких соседей. А раз это так и раз мы не в состоянии состязаться с ними в готовности к технической войне, то, будь мы даже поклонниками этого вида войны, мы вынуждены избегать ее и выработать такие приемы борьбы, чтобы уравновесить шансы на успех в схватке с промышленно богатым врагом. Древняя Греция, воюя с Персиею, понимала, каким преимуществом на стороне персов является наличие многочисленной конницы, но, усилив маневроспособность своей фаланги придачею ей кавалерийских флангов, греки и не пытались состязаться с персами в развитии конницы - этого не допускали конные ресурсы страны, - а нашли правильный путь в поднятии качества пехоты. В 1812 г. русские, отвергнув тогдашнюю военную доктрину, применили «скифскую стратегию», и эти противопоставления европейскому методу войны азиатского дало победу в безнадежной, казалось бы, борьбе. Так и сейчас абсолютная невозможность следовать западным образцам требует выработки своего собственного образца; противопоставив изощренное качество утрированному количеству, мы создадим такую армию, которая будет в состоянии бороться с современными полчищами.

Количественное сокращение армии с одновременным поднятием ее качества должно иметь исходные границы. Стотысячным войском атаковать пятисоттысячное можно лишь в исключительных случаях (идеально выгодная стратегическая или тактическая обстановка, громадная разница в настроении сторон или в талантливости вождей), но, имея 100 000 хороших сол-

дат, атаковать 200 000 плохих солдат можно при всех обстоятельствах. Если наша армия в $1^{1}/_{2}$ раза лучше армии противника, то мы можем считать силы равными, если противник выставит в $1^{1}/_{2}$ раза большее количество войск. Но как же определить этот коэффициент? Человек математического склада, для которого всегда 1=1, не в состоянии допустить возможность такого коэффициента, но человек, сколь-нибудь одаренный артистическими способностями, поверит, что путь интуиции может привести к результатам более верным, чем математические исчисления.

Мы знаем множество примеров, когда военачальникам приходилось решать подобные «иррациональные» задачи, учитывая при определении потребных для операции сил разницу вооружения обучения, крепость духа. Ведь не по формуле 1=1 определялись силы наших отрядов в азиатских наших войнах; и не по этой формуле буры вели свою войну с англичанами; и в нашу Гражданскую войну варьировавшийся коэффициент качества принимался в расчет при оперативных соображениях; и немцы в Великую войну сообразовали плотность своих войск на фронтах не с абсолютной численностью противников, а с их численностью, умноженной на качественный коэффициент, причем этот коэффициент слагался из активности французов и из тактической малограмотности их войск, из качества английского вооружения и из вялости английского командования, из доблести русского солдата и из неповоротливости русского командования. Нельзя согласиться с одним выдающимся русским военным писателем, который при определении размера потребной России армии возражает против «признания прирожденного качественного превосходства наших войск» и потребное России число дивизий исчисляет в предположении, что качество наших и вражеских войск одинаково. Ужели можно считать Русскую и румынскую армию 1914 г. равноценными? Или нынешнюю сербскую и греческую? Или французскую и испанскую? Нет, эти армии по качеству не равны и сила их не может рассчитываться по формуле 1=1; при расчете сил необходимо взять поправку на качество.

Вышеизложенное отнюдь нельзя понимать как отказ от точных исследований, расчетов, подсчетов: но в военном искусстве, как и в каждом искусстве, расчет должен быть дополнен угадыванием. Как художник, независимо от правил симметрии и асимметрии, угадывает наивыгоднейшее место для главной фигуры в своей картине и многое другое, что не может быть точно регламентировано законами пропорции, перспективы и т.д., - так и вождь интуицией определяет то, что не может быть измерено по методам точных наук, в том числе и качественный коэффициент. Элементы «угадывания» всегда существовали в военном деле: выбор между доктриною «я так хочу» и доктриною «посмотрим, что сделает противник» - это угадывание, ибо доказать превосходство той или иной нельзя; выборы между вооружением пехоты легкими пулеметами или автоматическими ружьями (что приводит к различным типам организации пехоты) - это угадывание, ибо никаким неопровержимым аргументом не доказать преимуществ того или иного оружия и связанного с ним устройства роты. А раз люди с математическим дисциплинированным складом мышления не возражают против такого «угадывания», то некоторое расширение сферы «угадывания» не покажется недопустимым тем, кто освободился от шор рационализма.

Избавившись от ига позитивизма, мы, дав известный простор интуиции, сумеем построить армию, откинув формулу 1=1, и, приняв во внимание качественный коэффициент, создадим такую армию, которая, компенсировавши ограниченность своей численности высоким качеством, выдержит бой с многомиллионною ордою вооруженного народа. Система вооруженного народа должна быть отвергнута и заменена другою системою, базирующейся на гармоническом сочетании количества и качества.

Пословица «клин клином вышибают» применима не всегда и не всюду. Лечить зло, причиненное одним увлечением, противоположным увлечением не рекомендуется. Поэтому мы считаем нужным еще раз подчеркнуть, что основною нашею мыслью является не необходимость перехода от одной крайности к другой крайности, а необходимость гармонического сочетания элементов военного дела. Увлечение знанием, заучиванием приводит к шаблонизации мыслей; увлечение «артистичностью» приводит к верхоглядству; поклонение одной технике влечет за собой забвение духа; поклонение одному лишь духу вызывает катастрофические явления при столкновении с реальной обстановкой; безграничная погоня за количеством делает армию слабой, но и полное пренебрежение численностью - абсурдно.

Древние недаром называли середину золотою: по середине между двумя крайностями или вблизи этой середины обретается правда.

Памятуя это, мы, отвергнув нынешнее увлечение количеством и не поддавшись соблазну удариться в противоположную крайность, изберем средний путь, путь гармонического сочетания духа и материи в соответствии с их относительным значением на войне.

Уверенность в возможности подобного переворота в военном деле основывается на законе повторяемости событий и явлений в мировой истории, на законе периодичности подъемов и упадков военного искусства. <...>

Мы можем с уверенностью сказать, что, гармонически сочетав использование на войне духа и материи, количества и качества, вдохновения и знания, мы возродим войну - не только теоретически наиболее совершенный вид войны, но практически для нас, русских, наиболее приемлемый, ибо в такой войне мы техническому богатству громоздкого полчища противопоставим нашу подвижность, а его множеству - нашу качественную мощную отборную армию.

Месснер Е. Качество или количество //
Военный сборник. - 1930. - Книга XI.

О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

Война на измор - детище декаданса - есть самая несовершенная из войн, так как она приводит к истощению побежденных и победителей.

Война не только стала дорогой к самоубийству - она стала совершеннейшим абсурдом, так как современная военная система приняла абсурдные формы и размеры. Для иллюстрации приведу два примера: по словам генерала Цытовича, план промышленной мобилизации Северо-Американских Соединенных Штатов на случай войны предусматривает, что развертывание промышленности и доведение производства до требуемых войной размеров осуществится в следующие сроки: изготовление снарядов - через 12 месяцев, патронов через 22 месяца, автоматических пистолетов через 24 месяца, хирургических инструментов - 9 месяцев, радиоприборов - 12 с половиной месяцев. Разве не абсурдна война, которая лишь на третьем году получит полное развитие?

Другой пример: если, как полагает генерал Головин, считать, что России необходимо содержать в мирное время 80 пехотных дивизий и что на дивизию должно иметь 150 орудий, и если согласиться с французским мнением, что на орудие надо 5000 снарядов, то окажется, что нам придется хранить 60 000 000 снарядов; запас этот необходимо освежить максимум через 20 лет, поэтому в год надо расходовать 7 000 000 снарядов; считая каждый снаряд в среднем в 40 руб., мы получим, что лишь на освежение запаса снарядов придется России ежегодно тратить 120 000 000 рублей.

Разве эти примеры не доказывают, что современное государство является рыцарем, надевшим непомерно тяжелое вооружение, под тяжестью коего он не только не может драться, но и дышать не может.

При нынешней военной системе государство похоже на человека, страдающего чудовищной гипертрофией кулака, развившегося за счет других частей тела и за счет головы, причем голова-то пострадала больше всего, иначе человек этот увидел бы всю вопиющую абсурдность этой системы.

Эта система, будучи негодной с точки зрения и военной, и экономической, опасна еще и с политической точки зрения. Ведь современная армия есть милиция или, вернее, становится милицией во время войны, когда кадры сверхсрочной и срочной службы растворяются в океане мобилизованных крестьян, рабочих и граждан. А будучи милицией, армия является жуткой угрозой существующему социальному строю и государственным порядкам. К этому выводу пришел и генерал Геруа в своей замечательной книге «Полчища», и советский военный писатель С. Белицкий, говорящий: «Империалистическая буржуазия, мобилизующая и толкающая в бой массы рабочих и крестьян, уподобляется тому кудеснику из старинной французской легенды, который вызвал подземные силы, но не учел этих сил и погиб от них».

Генерал Геруа полагает, что «психология милиции отличается почти женской нежностью. Ее психологические переживания отличаются иной раз такой неожиданностью, как у слабого пола». Эта неуравновешенность делает милицию легкой игрушкой в руках демагогов. На это рассчитывал Жорес, настаивая на обращении армии в милицию чистого образца. На это еще до Жореса рассчитывал Энгельс, который писал: «Война 1871 года заставила все континентальные державы ввести у себя всеобщую воинскую повинность, а вместе с последней нало-

жить на государство военное бремя, под тяжестью которого они в течение немногих лет должны погибнуть. Армия сделалась главной целью государства, сделалась самоцелью. Народы уже только для того и существуют, чтобы поставлять и содержать солдат. Милитаризм охватывает и пожирает Европу. Но этот милитаризм несет в себе также зародыши собственной гибели... Милитаризм, научая весь народ употреблять оружие, дает народу возможность в известный момент проявить всю волю против командующей иерархии».

Если это пророчество Энгельса сопоставить с обстоятельствами последних лет, то мы с совершенной ясностью увидим, что современная скрыто-милиционная армия является той силой, которая под руководством злонамеренных лиц может в любой момент войну между нациями обратить в войну между классами. И это является еще одним аргументом в пользу признания современной военной системы порождением мышления упадочного, декадентского. О тлетворном влиянии декаданса на военное искусство, на военную науку, на все отрасли военного дела можно было бы сказать еще много, но, не задерживаясь дальше на этой теме, я перехожу к вопросу - в чем сущность этого декаданса, в чем его природа.

Сущность военного декаданса легко определяется в нескольких словах: декаданс есть увлечение реальными элементами войны в ущерб элементам нереальным. Это увлечение проявляется в преклонении перед количеством, массой и в засорении умов рационализмом.

Преклонение перед количеством, массой приводит к ненасытному стремлению применять в борьбе неисчислимые массы людей и неимоверные массы технических средств.

Нагромождение человеческого материала достигло астрономических размеров, и, несмотря на все проистекающие от этого неудобства и даже катастрофы, никто не желает понять, что в этом множестве - не сила, а слабость. Забыты слова Великого Петра: «Больше разумом и искусством побеждают, нежели множеством», забыт суворовский афоризм: «Воюют не числом, а умением», и все, поддавшись гипнозу множества, возвели преклонение перед численностью в культ. Это трусливое стремление завладеть толпою, толпами толп, нашло себе выражение в стихах большевика-поэта Вяткина, восклицающего: «Нас много, нас много, так будем смелее...» Апофеозом стада является нынешняя военная система, возродившая орды Ксеркса и Дария. Каким диссонансом звучат сейчас слова Суворова, внушавшего своим солдатам: «Подавай нам десяток на одного - всех побьем, всех повалим!»

Теперь же, формально принявши слова Наполеона, что «большие батальоны всегда правы», мы убедили себя, что численный перевес - единственный верный способ одержания победы. А так как мы не уверены в своем умении оказаться в решительном пункте сильнее врага, то мы стремимся быть всюду сильнее - отсюда и проистекает тот военный ажиотаж, то лихорадочное увеличение армий, которое вот уже несколько десятилетий давит государства налоговой и натуральной повинностями.

Наполеон говорил: «Вести войну теперь - это значит учитывать вероятности». Мы же стараемся упростить дело и от неблагоприятных случайностей хотим застраховаться множеством. Поэтому не совсем, пожалуй, ошибаются советские новаторы, утверждая, что мы со всей нашей многолетней военной наукой способны вести войну только огромными массами.

Эти массы губят военное искусство. В самом деле, можно ли фехтовать, взявши в руки дышло? Можно ли писать картину метлою?

Наполеон учит: «Победа принадлежит армиям, которые маневрируют». Но нынешние миллионные армии к маневру неспособны. Посадите Карсавину в шкаф и заставьте ее танцевать - танца не получится. Миллионная армия это та же танцовщица в шкафу - ей негде двинуться. Современным армиям тесно в Европе, поэтому, пока такие армии существуют, мечты о манев-

ренной войне надо оставить как несбыточные, пустые бредни. В недалеком будущем, когда неугомонные европейцы втянут в орбиту своих распрей всех чернокожих, всех желтых, тогда для армий будет тесна Европа, тесен будет земной шар.

Миллионные армии неспособны к подвижной войне и по целому ряду других причин. Они тащат с собою такое безумное количество повозок боевых и небоевых, что при движении своем без остатка пожирают все дороги, как саранча пожирает растительность на своем пути. Сложность тыла, сложность управления также весьма решительно парализует подвижность армий-чудовищ. Таким образом, увлечение количеством приводит к войне неподвижной, войне позиционной, войне извращенной, то есть приводит к упадку военного искусства, к декадентству, пренебрежению качеством. Да оно и понятно - создать 2 плохие дивизии легче, чем одну хорошую: первая задача выполняется известным количеством исходящих и входящих бумаг, вторая же - кропотливой, самоотверженной, продуманной работой над выработкой качества. Не мудрено поэтому, что все народы своей первейшей задачей ставят не улучшение, а увеличение армий и создают корпуса числом побольше, ценою подешевле. Объем армии теперь громаден, но их удельный вес ничтожен, ибо армии отливаются ныне не из благородных металлов, а из легковесных.

Современный воин и не воинственен, и не умеет воевать. Прежде воина вытачивали на станке воспитания и обучения, а теперь его штампуют в сотнях тысяч экземпляров. Уже во второй половине прошлого века Ардан дю Пик писал: «Человек в бою наших дней - это человек едва умеющий плавать, неожиданно брошенный в воду». Теперь же, когда, с одной стороны, усложнились условия боя, а, с другой стороны, сокращение сроков службы и социальные обстоятельства еще более ухудшили солдата, - меткое замечание Ардан дю Пика сказывается весьма справедливым.

Но это ухудшение качества бойцов никого, кажется, не пугает - с азартом зарвавшегося игрока руководители армий яростно повышают ставки, не думая о последствиях. Сейчас считается вполне соответственным взять черного дикаря из глубины Конго, сказать ему, что он гражданин прекрасной Франции, дать ему в руки винтовку и немедленно кинуть в кровавый бой. И это делают люди, которые на страницах военных журналов вещают, что человек - единственный из всех элементов боя является носителем духа!

В других армиях до черных еще не добрались, но и белые в их рядах по своим качествам не намного белее этих черных, так как солдаты нынешних скрыто-милиционных армий к войне не годны, будучи плохо обученным сбродом.

Но в этом мы, военные, не хотим сознаться, или если сознаемся, то утешаем себя тем, что у соседей, мол, не лучше. Мы, военные, коим вверяется забота о безопасности государства, идем вот уже десятки лет по пути, который ведет военное дело к гибели. Мы, хранители аристократизма духа, оказались демократичнее любых демократов и гостеприимно всем без разбора открыли путь к командным должностям, делая каждого интеллигента офицером независимо от его моральных свойств, и теперь дантист, купец, либеральный учитель, добродушный буржуа облекаются в офицерскую форму и вдруг становятся носителями волевого импульса. Мы, представители здорового консервативного начала, оказались социалистичнее социалистов и самым радикальным образом осуществили идею всеобщего равенства: и ныне суровый охотник, сильный волей землепашец, и городской апаш, сутенер - все считаются равно подходящим элементом для перештамповки в воина.

Мы смешали в одну кучу и добродетельных и развращенных, и мягкотелых и закаленных, а сделавши этот винегрет, мы изобрели ужасающее слово (средний солдат) и все наши рассуж-

дения, все наши выводы приноравливаем не к образцовому солдату, а к этому упрощенного типа «среднему солдату». Все более и более забывая, каков должен быть солдат, мы понижаем наши требования и, спускаясь со ступеньки на ступеньку, мы и пришли к современному типу мобилизованного горе-воина. Теперь о наших армиях можно сказать то же, что Геродот сказал о персидских: «В армиях персов было слишком много людей и мало солдат».

Таковы результаты погони за множеством. Этой погоне способствует система комплектования, изобретенная Шарнгорстом - система понравилась ремесленникам военного дела, и они без всякой осторожности стали растягивать кадры армии в 5-10-15, чуть ли не 20 раз, обращая армию в скопище крестьян и рабочих с винтовками. В минувшую войну эти армии сохраняли тень боеспособности, пока сидели в глубине окопов - корсет позиций стягивал и поддерживал их дряблый стан, но лишь только в 1918 г. им случалось выплеснуться из траншей, они, не чувствуя опоры корсета, становились беспомощны и жалки. Главные квартиры метали громы и молнии, требуя возрождения маневренной способности армии, но тщетно: как распухшее от водянки чело, веко неспособно двигаться, так и армия, разжиженная миллионами и миллионами крестьян, обречена на неподвижность.

Таким образом, снова приходится сделать выводы, что погоня за количеством в ущерб качеству приводит к войне неподвижной, то есть приводит к декадентству.

Культ численности процветает и расцветает параллельно с культом техники - оба они черпают свои догматы из общего источника, из фанатической веры в то, что победа добывается реальными элементами войны.

Последователи этой веры требуют широкого использования на войне техники - этого самого реального из реальных факторов боя. Великая война показала нам, какую роль играют на войне всякого рода машины, она показала нам также, какую роль получат машины в будущих войнах, когда удастся осуществить все те пожелания, какие были высказаны многочисленными апостолами машинизации военного дела. Количество этих машинизаторов крайне велико, ибо идея заменить в бою человека машиною соблазняет всех безграмотных в военном отношении людей - а ведь в современной мобилизованной армии на одного грамотного, то есть кадрового офицера, приходится до 500 безграмотных, то есть офицеров и вооруженных крестьян и рабочих. Психика этих штатских дилетантов противоположна нашей психике, ибо мы верим в силу духа на войне, а они поклоняются идеалу техники.

Бороться с этими материалистами трудно, так как мы лишь в мирное время являемся хозяевами в армии, в военное же время она заполняется толпою, и толпа эта диктует свою волю, находя могущественных союзников в лице парламентариев, общественных деятелей и прессы. Поэтому, пока существует современная военная система, неизбежно будет происходить то, что наши голоса о всепобеждающем духе будут тонуть в реве толпы - «давай технику!». Напрасно будем мы ссылаться на Наполеона, говорившего: «Моральная сила в военных успехах исходит на три четверти, тяга же реальных сил входит лишь на одну четверть». Напрасно будем мы приводить слова полковника Гравдмезона: «Моральные факторы не являются наиболее важными; они единственные, с коими приходится считаться на войне». Напрасно мы будем цитировать других авторитетов - штатские, с их инстинктом самосохранения, двинут события на путь технической войны. <...>

Искусство военное согнулось под бременем техники, армия загромождена техникой, боец задавлен техникой. Современный пехотинец тащит на себе в бою винтовку и массу патронов для этого боевого прожорливого товарища, тащит гранаты, противогаз, лопату, шлем, полотнища для опознавания цепи летчиками и сверх того либо ракеты сигнальные, либо светящие-

ся, либо перископ, либо ножницы для резки проволоки и т.д., тащит запас консервов и, конечно, весь свой гардероб. В этом виде солдат похож на коммивояжера универсального магазина, нагруженного образцами разнообразнейших товаров.

Современный полк - это передвижной музей убойных машин. Без большого преувеличения можно сказать, что пехота перестала существовать как пехота, а сделалась одним из видов технических войск.

Конечно, трудно отрицать необходимость большинства этих боевых машин, равно как и целесообразность значительного числа всякого рода технических усовершенствований, но теперешняя дозировка этих машин и усовершенствований совершенно недопустима. Зонтик очень нужен человеку под дождем, но два зонтика сразу были бы обузой. Чрезмерное употребление целительных веществ может привести человека к тяжким заболеваниям; так и чрезмерные порции техники привели армию к параличу.

Но тот паралич, в котором пребывал франко-германский фронт в течение почти всей войны, не смутил нынешних законодателей военной моды, и они идут все дальше и дальше в своем увлечении техникой. Сейчас, например, для ведения боя высокого стиля необходимым считается иметь на 1 километре 35 батарей, то есть 140 орудий; если к этому добавить орудия полковые, противотанковые и противосамолетные и если все эти 160-180 орудий поставить на уставных интервалах в 30 шагов, то на этом километре артиллерия не уместится и в 5 сплошных линиях.

Этот пример иллюстрирует ту техническую вакханалию, которая свирепствует в нынешних армиях, и он подтверждает уже высказанную мною ранее мысль, что увлечение техникой неизбежно приводит к технической войне, то есть к глубокому упадку военного искусства, к декадансу. <...>

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать следующее: стремление побеждать множеством, побеждать техникой приводит к декадансу, то есть к извращению военного искусства, к гегемонии в военном деле реальных ценностей над моральными; а это стремление базируется на обуявшем человечество рационализме, первопричине военного декадентства; осуществление военного декаданса делает современную военную систему непосильной для государств и влечет за собой создание абсурдной формы войны, т.е. войны на измор.

Военное декадентство зародилось в XIX в., во время Великой войны оно получило всеобщее признание, прочно овладело умом и душой военных масс, и сейчас, в послевоенный период, оно продолжает углублять и расширять свои тезисы, грозя окончательно выкорчевать истинное военное искусство. Судьба этого искусства не может не волновать нас, военных, ибо, даже отказавшись от чисто теоретического взгляда на него («искусство для искусства!»), мы не можем не признать, что с практической точки зрения декадентство есть явление отрицательное, приводящее государство к разорению.

Каким же образом избавиться от пут декаданса? На этот вопрос гораздо труднее ответить, нежели констатировать наличие декаданса. Но все же постараюсь ответить на него.

Во-первых, в целях возрождения военного искусства необходимо отказаться от существующей военной системы, известной под именем вооруженного народа. Нам, воспитанным на догматах этой системы, кажется чудовищным подобный революционный акт, но он будет признан и необходимым, и благодетельным всеми, кто проникнется убеждением, что корень зла в Вооруженном народе.

Нам, подавленным грандиозностью этой системы, покажется немыслимым свержение ее, но способ свержения легко может быть найден теми, кто ясно постигнет, что причина дека-

данса - в Вооруженном народе. И этот способ уже указан; указан, как ни странно, одним из апостолов идеи Вооруженного народа - генералом фон дер Гольцем, который как-то высказал предположение, что в один прекрасный день небольшая, хорошая армия во главе с талантливым вождем разгромит миллионные армии вооруженного народа.

Нам нужно, подобно Жоресу (но из других, конечно, побуждений), проникнуться мыслью, что «современная военная организация есть система незаконнорожденная - полунациональная, полупрофессиональная, полудемократическая, полуолигархическая» и нам необходимо объединиться в одном кличе: «Долой вооруженный народ!»

Мы должны отказаться от миллионных армий, армий громадных, но хрупких, и тем более хрупких, чем они громаднее. Мы должны обратиться к системе постоянной, профессиональной армии, так как при этой системе военное искусство пойдет по правильному пути, освободившись от нынешних уродливых наслоений.

Мы, отвергнув вооруженный народ, должны принять противоположную систему - профессиональную армию. Для этого нам не только надо теоретически проникнуться убеждением, что на войне качество ценнее количества, но и нужно решиться осуществить это убеждение на практике, отказавшись от миллионных орд. Нам нужно вместе с генералом Геруа признать, что «одним из главнейших оснований будущей военной доктрины должно быть осуждение массы как главнейшего фактора победы». Избавившись от увлечения массой, мы проведем равнодействующую между количеством и качеством так, чтобы гармонически сочетать эти два элемента. И мы увидим, что сочетание возможно лишь в профессиональной армии, где качество может быть доведено почти до идеала и где вопрос о количестве разрешается тем легче, чем больше возрастает качество.

Профессиональная армия - это хорошо закаленный клинок, современная скрытно-милиционная армия - это чугунный топор. Первая из них - прочна и надежна; скрытно-милиционная - полна микробов разложения. Первая - это строй, вторая - это толпа. Мы знаем свойства толпы впечатлительной, трусливой и способной на высокое лишь в состоянии аффекта. Но, говорит генерал Геруа: «Массовый аффект лишь аффект, не более. Нельзя поддерживать дух армии взрывами. Один только стоицизм долга да профессиональная стойкость способны противостоять, не уступая, не сгибаясь, под тяжестью ударов военных невзгод».

Впрочем, кажется, нет нужды доказывать качественные преимущества профессионального солдата над мобилизованным - все мы помним, каким великолепным военным материалом были наши сверхсрочные. Но возникает серьезный вопрос: можно ли качество противопоставить количественному перевесу? И в какой мере качественное превосходство может компенсировать отсутствие количественного преобладания. По первому вопросу ответ может быть лишь положительный - это аксиома, доказательств не требующая. Отвечая на второй вопрос, я бы сказал, что армии равны в силе, если равны произведения их качества на количество, то есть армия качественно вдвое лучше другой, то последняя будет ей равна в силе лишь при двойном превосходстве в численности. Доказать эту теорему нельзя, но поверить в истину этого положения можно. Ведь верил же каждый из нас в эпоху Гражданской войны в то, что 3 кадровых корпуса разогнали бы всю Красную армию. А кто из нас не мечтал во второй половине Великой войны о том, чтобы явилось 10-12 корпусов кадрового качества и смели миллионные полчища врагов, составленные из мобилизованных пацифистов? Эта глубокая вера в великое могущество качества бойца блестяще подтвердилась на наших глазах: мы видели, как в армии ген. Деникина юнкерские роты наносили поражения фанатично настроенным красногвардейским полкам, мы видели, как офицерские полки разбивали большевистские дивизии. В

этих примерах с красноречивой яркостью выступило превосходство профессионального воина над милиционными, хотя бы и полными энтузиазма.

Если профессионал всегда и всюду сильнее дилетанта, то в военном деле, где большинство дилетантов становится ими из-под палки и где пред бледным лицом смерти бледнеют все знания, наскоро выхватанные, бледнеют чувства долга и самопожертвования, не успевшие стать компасом души, - в военном деле профессионал неизмеримо ценнее дилетанта, наскоро засунутого в военный мундир. Поэтому можно с глубочайшим убеждением утверждать, что профессиональная армия справится со скрыто-милиционной армией, превосходящей ее численностью в несколько раз. В этом случае повторится та картина, которая развертывается перед глазами историка при изучении греко-персидских войн: у одной стороны - сказочные силы, страшное превосходство в числе воинов, вооруженных метательным оружием, у другой - относительно небольшие дружины, привыкшие к бою вкупе, обученные стройным движениям.

Как греки превосходили персов и силою духа, и изощренностью выучки строевой, тактической и стратегической, так и профессиональная армия будет обладать преимуществами и в моральном отношении, и в отношении обучения.

Путем отбора профессиональная армия может быть составлена из людей, одаренных силою духа, энергией, удалью; путем длительного воспитания в профессиональной армии качества эти могут быть развиты до высокой степени и они могут быть дополнены величайшей из военных добродетелей - готовностью к самопожертвованию, жаждою самопожертвования. Возможность накопления этих духовных богатств делает профессиональную армию идеалом армии. Она обладает высоким иммунитетом против микробов пораженчества, развивающихся в воюющей стране естественным образом или культивирующихся врагом. Вместе с тем она обладает и надежной сопротивляемостью против «врагов внутренних» - в этом убедились англичане за время Ирландского восстания, в этом убеждены большевики, возлагающие все свои упования на наемные войска.

В смысле обучения военному делу профессиональная армия стоит на высоте, совершенно недосягаемой для современных армий, где контингенты сменяются с кинематографической быстротой! Поэтому профессиональные войска являются безукоризненным орудием маневренных действий, орудием негромоздким и гибким. Поэтому же она может быть и орудием напряженнейшего огневого действия, так как высокие качества бойца позволяют снабдить ее усовершенствованными средствами боя.

Надо еще принять во внимание, что, будучи носителями высокого духа, профессиональные войска в величайшей степени пригодны для действия ударом штыковым или сабельным.

Таким образом, профессиональная армия, как никакая другая, может осуществить гармонию в военном искусстве, ибо она равно способна к маневру, огню и удару.

Громадным преимуществом профессиональной армии является то, что она более отвечает принципу экономии государственных ресурсов, нежели современные орды. Об этом принципе еще 23 века тому назад писал Ксенофонт, говоря: «Скажи мне, друг мой, пришло ли твоему учителю стратегии в голову сказать тебе, что экономия входит в обязанности полководца?» Экономия забыта в наш век, но ее может воскресить профессиональная армия, которая, во-первых, удовольствуется сравнительно небольшим количеством людей для ведения войны и не потребует постановки под знамена 65% трудоспособного населения, как было в Германии за время Великой войны.

Во-вторых, профессиональная армия будет воевать, пользуясь сравнительно меньшим количеством технических средств, что будет обусловливаться как ее моральными свойствами,

так и подвижным характером ее операций, так и виртуозностью ее выучки, позволяющей решать боевую задачу меньшим числом батарей или пулеметов, меньшим количеством снарядов или ружейных патронов.

Все вышеприведенные соображения заставляют решительно стать на сторону профессиональной армии, отвергнув существующую систему вооруженного народа и приняв другую систему, которую я назвал бы военно-организованным народом. Не останавливаясь на деталях этой системы, скажу о ней лишь следующее.

Государство должно быть готово к тому, что с началом войны весь народ обязан стать на свою защиту и обязан разделить со всей армией тяготы войны, поэтому одновременно с приведением армии на военное положение должна быть произведена всеобщая трудовая мобилизация, т.е. принудительный призыв к станкам и плугам; государство обращается в осажденную крепость, где каждому рту соответствует пара рук, работающих на снабжение армии и на обеспечение жизненных потребностей народа. Мобилизация промышленная и сельскохозяйственная имеет целью организовать производство в государственном масштабе, сообразно увеличенным потребностям войны; мобилизация административная и коммерческая имеет задачею национализировать распределение предметов производства, подчинив личный эгоизм велениям государственной необходимости; мобилизация финансовая создает единый экономический фронт, мобилизация интеллектуальная ставит в распоряжение правительства фаланги людей, способных поддержать в народе волю к борьбе и победе. Таковы задачи устройства тыла.

Но народ должен взять на себя и ряд задач на фронте.

Уже в мирное время небольшой процент граждан должен быть обучен военному делу, образуя резерв кадровой армии, с началом войны несколько младших возрастов резерва вливаются в армию в количестве, не могущем существенно понизить качество армии. Старшие возраста резерва, а если нужно, то и некоторое количество необученных молодых людей призываются для обслуживания армий, то есть для сформирования обозов и тыловых учреждений.

Таким образом, система военно-организованного народа состоит из небольшой профессиональной армии, из небольшого резерва армии и громадного трудового ополчения. Эта система обеспечивает армии изобильное снабжение, и она не требует от страны ломки всех взаимоотношений мирного времени, ибо большая часть населения, не привлекаясь, как ныне, в войско, остается при своих обычных занятиях, приступая лишь к более интенсивному труду для удовлетворения потребностей фронта и тыла.

При этой системе страна не будет изнемогать в непосильных усилиях напитать и снабдить прожорливое чудовище - миллионную армию, а полководец в своем творчестве не будет связан ее неповоротливостью и громоздкостью. При этой системе будет разрушен культ множества, и вследствие этого явится возможность возрождения чистого военного искусства, ибо не будет препятствий к гармоническому сочетанию средств страны с запросами фронта, моральных элементов войны с материальными, стратегии силы со стратегией хитрости, тактики огня с тактикой движения и тактикой удара.

Одним из первых следствий перехода к профессиональной армии будет свержение ига техники, что будет вызвано тремя причинами: 1) Профессиональная армия, воспитанная вне влияния штатских масс и дерущаяся вне их влияния, будет застрахована от раболепства перед техникой, ибо она будет сознавать, что человек, возложивший все упования на машину, - трус и что его победит воин, верящий в себя, в свои силы. 2) Профессиональная армия не будет нуждаться в чудовищных количествах технических усовершенствований, так как десяток вир-

туозов летчиков справятся с несколькими эскадрильями желторотых авиаторов, так как один виртуоз пулеметчик одной лентой уложит больше врагов, чем это сделает пулеметный взвод, обслуживаемый едва обученными людьми, и т.д. и т.п. 3) Профессиональная армия фактически не будет в состоянии таскать за собою громоздкую технику: побуждаемая своей сравнительной малочисленностью к активной подвижной войне, она возьмет с собой лишь ограниченное количество машин. Этот подвижной характер войны заставит и многомиллионного противника отказаться от технических пут, подобно тому как рыцари были вынуждены отказаться от очень тяжелого панциря, вошедшего было в моду, но делавшего воина неповоротливым и потому беспомощным против легкоэкипированного, подвижного рыцаря. Говоря о свержении ига техники, я отнюдь не думаю об отказе от техники и о противопоставлении силы техники и силы духа. Я никак не могу согласиться с теми, кто думает, что машину можно заменить доблестью. Те, кто это проповедуют, получают в мирное время репутацию героев, но на войне их называют мясниками. Они забывают, что сознание беспомощности вызывает либо страх, либо мужество отчаяния. Страх - это предтеча поражения, но и мужество отчаяния тоже не залог победы, ибо залогом победы и длительного ряда побед является лишь мужество, проистекающее от сознания своей силы, от доверия к своему оружию.

Поэтому, как бы отлично ни была воспитана армия в духе всех воинских добродетелей, она должна быть снабжена всеми усовершенствованиями современной техники, но в этом снабжении должно быть проявлено чувство меры, дабы установилось гармоничное сочетание между моральными и материальными факторами боя.

В профессиональной армии эта гармония легко осуществима, потому что ее приспособленность к подвижной войне, и только к подвижной войне, дает ей правильный критерий для определения допустимой дозировки техники. Таким образом, и с этой точки зрения переход к профессиональной армии представляется необходимым в целях устранения тех уродливостей, коими характеризуется современное состояние военного дела.

Но этот переход может быть совершен только в том случае, если нам удастся излечиться от рационализма, заставляющего нас верить исключительно в мощь реальных обстоятельств и приводящего поэтому к переоценке значения множества, с одной стороны, а с другой стороны - к переоценке значения знания.

Торжествующий рационализм требует от нас замены силы духа силою множества и замены искусства знанием.

Эта проповедь всепобеждающего знания является увлечением, гибельным для всякого искусства, в частности для военного искусства. Против нее мы должны восстать решительным образом и объединиться в твёрдом убеждении, что военное знание, военная наука при всём их громадном значении занимают служебное положение относительно военного искусства. Эта азбучная система настолько очевидна, что никто не решается ее опровергать явным образом, но истину эту затирают, затушевывают, и в результате в военной среде крепнет мысль, что военное дело должно быть построено исключительно на точных науках.

А между тем точные науки отнюдь не исключают искусство. Леонардо да Винчи с увлечением изучал механику, перспективу и анатомию, дабы эти знания использовать в своем служении искусству. Военное искусство не может обойтись без глубокого знания, но и вся совокупность военных знаний без искусства - это мертвый капитал. В военном деле наука и искусство занимают вполне определенные сферы: военная наука есть умовая выработка приемов и средств борьбы, военное искусство - есть вдохновенное их применение.

Каждый военный должен обладать большим запасом знаний, ибо это поможет ему подчи-

нить себе реальные факторы войны, но он должен верить в силу вдохновенного творчества, позволяющего овладеть и ирреальными факторами войны. Военное искусство проявляется не только в проведении стратегической операции - оно может быть проявлено в бою и роты, и взвода. Артистом в скульптуре называется тот, кто сумеет вдохнуть душу в холодный мрамор; артистом военного искусства является тот, кто в стычку, бой, сражение, кампанию вдохнет душу, то есть оживит мертвый шаблон дыханием вдохновения.

Сейчас, в эпоху диктатуры гордого разума, искусство изгнано на задворки. Военное искусство подавлено военной наукой. Если мы хотим стряхнуть бремя военного декаданса, мы обязаны правильно постичь, каковы должны быть соотношения между искусством и наукой в нашем деле, мы должны понять следующее: наука исследует материю и дух; изобретение воздействует на материю, искусство воздействует на дух.

Таким образом, религия, поэзия, музыка, изобразительные искусства, педагогика, политика, военное дело - все это искусства, потому что они имеют исключительной или главной целью привести в то или иное движение дух, создать те или иные эмоции.

Архитектор может строить сараи, но он остается артистом, ибо он приводит в движение и души.

Искусство пользуется услугами знания, науки, но искусство, подчинившееся науке, становится ремеслом, так как оно лишается живительной силы вдохновения. Мы забыли о вдохновении, об этой божественной части военного дела, потому что мы заняты механикой, химией и прочим. Говоря словами Бальмонта:

Люди солнце разлюбили.
Надо к солнцу их вернуть!

Нам, военным, надо сойти с пути ремесла и двинуться по пути искусства, то есть поверить, что в военном деле вдохновенный талант выше совершенного знания.

Чтобы не быть превратно понятым, я должен пояснить, что я не склонен переоценивать значение таланта. Я вполне согласен с тем, что говорил военный писатель Рюстов: «Мысль, что теория и изучение войны не могли бы дать положительных результатов, соблазняет ленивцев, которые охотно воображают, что, не работая, можно иметь успех, если быть талантливым, и которые, конечно, считают себя тем более талантливыми, чем более они ленивы».

Несомненно, что талантливый неуч в своих достижениях не больше бездарного ученого. Но нужно стремиться к совмещению таланта и знания, так как при этих условиях артист того или иного искусства достигает крайнего совершенства. Ученый - это высшая, последняя степень человека; артист, обладающий талантом и знанием, - это первая степень бога.

Каким же образом развить в военной среде эту способность к вдохновенному творчеству? Таким воспитанием, которое являлось бы непрестанной тренировкой души, таким образованием, которое, питая ум, не иссушало бы душу. Перед Великой войной военное воспитание и образование стояли почти на правильном пути, но сейчас они рванулись в сторону рационализма.

В программе образования не должны преобладать точные науки; военные школы должны приближаться к типу классическому, а не реальному. Эту мысль в конце прошлого столетия проводил немецкий военный писатель Хениг, сформулировавший ее так: «Все полководцы, к какой бы нации они ни принадлежали, были в высшей степени эстетами, людьми, обладавшими пониманием искусства, тонким чувством, сильным критерием, светлым и острым умом,

все они были артистическими натурами, и в нашем военном воспитании заслуживает полного сожаления совершенное отсутствие стремления к пробуждению и развитию любви к искусству, эстетического чувства - ввиду этого у большинства не существует стремления к возвышенному; к призванию своему относятся поверхностно, не размышляя никогда об артистической стороне своей специальности. Знакомство с эстетикой, в особенности с разумно преподаваемой философией, было бы в сто раз полезнее многих нынешних наук».

Необходимо обратить громадное внимание на ту отрасль знания, которая в классификации наук, сделанной Огюстом Контом, озаглавлена словом социология. Одна из наук, входящая в эту рубрику, - психология - сейчас заинтересовала многих преподавателей, и это нельзя не приветствовать в надежде, что мы получим, наконец, серьезные познания из области психики человека и толпы; эти познания облегчат задачу вождения войск и ведения войны. Но и другие отрасли социальной статики и социальной динамики должны быть в большой мере включены в курс военного образования, так как они ведут к познанию человека, главного элемента войны, и ведут к правильному пониманию преобладания духа над материей, искусства над знанием.

Месснер Е. Декадентство в военном искусстве //
Военный Сборник. - 1928. - Кн. IX.

СТРАТЕГИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ГЕНЕРАЛА ФУЛЛЕРА

Генерал Фуллер является одним из диктаторов современной военной мысли. Его фантастической уверенности, что «научные» средства войны (самолеты, танки и пр.) перевернули военное искусство в дни Великой войны, следует в значительной мере приписать коренную, можно сказать, революционную реорганизацию английской армии в направлении механизации и моторизации. Начав с роли проповедника великого боевого значения танка, Фуллер постепенно, по мере роста его влияния, переходил из узких рамок специальности в более и более обширные области военного дела, пока не дошел до всеобъемлющей сферы стратегии - науки о ведении войны в широчайшем смысле. Ведение войны - это не только перестановка боевых фигур на доске войны, но это и использование всех духовных и материальных сил государства для войны, а в мирное время эта наука дает указания не только по формированию, обучению и дислокации армии, но и по подготовке войны в дипломатическом, внутриполитическом, финансовом и вообще хозяйственном, в частности в военно-промышленном, отношении.

Ободренный успехом своей пропаганды танкового войска, Фуллер развертывает теперь перед английским общественным мнением свои взгляды на войну, взгляды, заслуживающие интереса, хоть, конечно, не бесспорные. Он весьма резко критикует творцов современной Европы, авторов Версальского мира и осуществителей Версальского договора. Они не только насильно навязали договор побежденной стороне, но и проводили его в жизнь способом, совершенно устранявшим возможность духовной ликвидации войны. Побежденным странам были навязаны формы правления; в их среде поощрялись сепаратические движения; они были разорены непомерными контрибуциями, причем, конечно, разорение в первую очередь подрывало силы демоса; им было предписано иметь профессиональное войско.

Непродуманно перегнувши палку версальских репрессалий, союзники стабилизировали революцию в Германии, где к власти пришли социалисты, пришла немощь, пришли 30 партий, и это несоответствующее немецкому духу положение вызвало реакцию. Пропаганда коммунистов и сепаратистов возымела обратное действие и вызвала к жизни крайний национализм. Всеобщее обнищание, вследствие тяжелых репараций и отчасти из-за отторжения Рура, оставили Германию с ее множеством безработных перед такою опасностью, что коренной переворот стал необходимостью.

Если бы Германия имела народную армию, то последняя повернула бы страну в сторону крайней левизны; но версальцы навязали ей профессиональную армию и последняя всем своим поведением способствовала (к ужасу версальцев) повороту Германии в сторону национализма. Генерал Фуллер восторженным образом отзывается о государственной мудрости рейхсвера - его верность Германии и нейтральность по отношению к партиям являются прекраснейшими фактами в истории этого государства. Диктаторский Версальский мир неизбежно привел к диктаторскому режиму. Гитлер при помощи конституционных средств и легальных методов (по оценке Фуллера) ввел автократию и стал духовным фюрером нации, глубоко мистической по своей сути. Он дал национал-социализму религиозный характер и потребовал от народа дисциплины. Он восстал против борьбы классов и против интернационализма, и это дало ему основание и возможность повести Германию по пути автократии. Этот путь требует

мира, а не войны, поэтому Гитлер войны не хочет - так утверждает английский генерал. Но к войне он готовится, и притом готовится с величайшей мудростью: он учел полностью опыт Великой войны.

В войне будущего успех дается тем, кто быстр в движениях. Поэтому до секунды рассчитанная мобилизация должна быть так подготовлена, чтобы народ походил на бегуна, который в согнутой позе стоит на линии старта и ждет только выстрела стартера, чтобы пуститься в бег. Мирная политика - это та же подготовка, только иными средствами.

Война теперь обрушивается первым делом на население, поэтому весь народ должен подготовить свои нервы к перенесению боевых ударов: суровая всенародная дисциплина необходима народу. Государство должно быть готово к совершенно самостоятельному существованию во время войны, потому что продолжительность войны невозможно предвидеть и, следовательно, немыслимо обеспечить себя запасами ввозимых предметов потребления: автократия есть необходимейшая основа военного государства.

Народ должен иметь две армии: постоянную и мобилизуемую. Ничего нового Фуллер не сказал этими словами, но дальше он садится на своего любимого конька и скачет только ему и некоторым новаторам в военном деле известными путями: армия постоянная - это авиация; армия мобилизуемая - это земные войска.

Постоянная армия - авиация - предназначается для сеяния паники во вражеской земле. Мобилизуемая сухопутная армия завоевывает вражескую территорию по мере ослабления и сопротивления под действием воздушных сил; она же защищает свою землю от вражеской авиации; а в мирное время она имеет высокое назначение воспитывать народ. Народ и армия - такого деления больше не может существовать: народ стал армией. Того требует современная тоталитарная война.

Надо признать, что Фуллер, имевший возможность в личном общении с Гитлером хорошо уяснить себе сущность его государственной деятельности, дает верное, насколько можно судить, изложение стратегических мыслей германского генерального штаба. Сомнительно только, чтобы немцы придавали такое значение авиации и так ограничивали бы роль своей сухопутной армии. Фуллер, фанатик новшеств, смотрит на германскую стратегию через очки своего фанатизма и видит действительность в некотором искривлении. <...>

Но, конечно, генерал Фуллер прав, что война понимается немцами как война тоталитарная. Между тем, по мнению Фуллера, государства-победители совершенно отошли от поучений Великой войны. А эти поучения таковы.

Необходим большой авторитет при ведении войны. В Англии в 1914-1918 гг. правительство было первое время столь немощно, что не решалось воевать с должной энергией: лорд Китченер в должности государственного секретаря армии предписал генералу Френчу не слишком рисковать своей армией, помогая союзникам. Ллойд Джордж отстранил партии, ввел олигархию, создал имперский военный кабинет и властвовал почти диктаторски, но все же единого руководства войною не признавал. Только тяжелые потрясения 1918 г. привели, наконец, к передаче всего управления войной одному человеку - генералу Фошу.

Необходима строжайшая народная дисциплина во время войны. Германия потеряла все, когда потеряла дисциплину.

Необходима независимость воюющей страны от заграницы в смысле снабжения. Войну выиграли не армии, а более богатые источники снабжения. Во время Великой войны наиболее решающими операциями были не бои за те или иные пункты или рубежи, а те операции, которые стояли в связи со снабжением: британская блокада берегов Германии и немецкая подвод-

ная война. На воде, а не на суше решилась война, утверждает Фуллер, по-видимому, любящий парадоксальные утверждения.

Эти три поучения Великой войны, думает английский генерал Фуллер, совершенно забыты государствами, победившими Германию. Победители стали строить дальнейшую безопасность на идеалистической диктатуре, которую назвали Лигой Наций. Они вернулись к дореволюционному парламентаризму, который оказался таким немощным в дни войны. Они сняли со своих народов дисциплину, которая дала им победу. Они возвратились к довоенной системе экономической жизни.

И все это потому, что уверовали в Лигу Наций. По мнению автора, создатели этой институции отбросили несомненные данные и стали строить замок в воздухе. Они не поняли, что мировому равенству должна предшествовать мировая мораль. Поэтому пришел хаос. А тогда, вместо того чтобы приводить в порядок свой дом - этим способом порядок распространился бы на все человечество, - великие державы потратили много усилий на бесполезное стремление навести порядок в чужих домах.

Противник Лиги Наций, генерал Фуллер приписывает ей вину в том, что, кроме трех вышеперечисленных, и четвертое поучение войны совершенно забыто. Это поучение гласит, что роль массовых армий крайне уменьшилась, потому что новое - научное - вооружение упраздняет массовые армии. Под научным вооружением генерал понимает авиацию, танки и, может быть, газы. Версальцы лишили германскую армию массового характера и лишили ее научных средств войны, себе же оставили массовые армии. В результате они не добились предотвращения всякой войны, в которой противник мог бы опереться на научные средства войны. Победивши массами, бывшие союзники стали обеспечивать себе будущую победу массами же, для этого лишили Германию возможности создать массовую армию и не подумали о том, что развитием научных средств боя можно самим сократить свои вооружаемые массы. Победители оказались пленниками тех военных идей, с помощью которых они победили - они не были в состоянии проникнуться идеями, которые наметились во время войны. Поэтому авиация, подводные лодки, танки, удушливые газы не заняли после войны в стратегии победителей той роли, какую должны были бы занять.

Идея тоталитарной войны возникла не только в Берлине, она возникла и в Женеве, но только совершенно в ином виде. Лига Наций готовила войну всех против одного - нападающего, - система коллективной безопасности и логическое следствие ее - система санкций может считаться тоталитарной в том смысле, что она обращала бы вооруженные силы всех государств в международную политику. В Женеве понимали тоталитарную войну в отношении пространства - надо защитить все существующие на земном шаре границы, надо блокировать все непослушные побережья, надо всем навалиться на дерзновенного. В Германии тоталитарную войну понимают в смысле полноты подготовки, полноты осуществления и полноты достижений войны: полная неожиданность нападения, полное напряжение силы, развитие полной паники у врага, достижение полной победы.

Генерал Фуллер считает, что Германия сделала логические и до конца продуманные выводы из рассмотрения печального для нее опыта Великой войны, а ее бывшие противники прозевали военно-научные поучения этой войны. Поэтому Германия, по его мнению, готова к войне современной, а бывшие союзники - к войне того типа, какой осуществлялся в первом десятилетии этого века и который теперь уже совершенно устарел.

В мыслях Фуллера слишком много категоричности, чтоб их можно было признать целиком правильными, слишком много азартности, чтобы можно было счесть вполне продуманными,

наконец, слишком много тенденциозного, чтобы быть безоговорочно убедительными для не принадлежащих к секте поклонников «научного вооружения». Но и не соглашаясь со всеми утверждениями, со всеми выводами и рецептами английского генерала, все же надо признать, что его мысли должны быть продуманы каждым военным и государственным деятелем: если не для усвоения их, то для того, чтобы под углом зрения этого незаурядного новатора пересмотреть свои взгляды, нередко много теряющие в своей ценности вследствие не проветривания их. Пессимизм Фуллера в отношении западных стран столь же преувеличен, как и оптимизм в отношении Германии, пренебрежение к стратегии вчерашнего дня столь же рискованно, как и увлечение стратегией послезавтрашнего дня. Однако стратегия сегодняшняя и завтрашняя должна прислушаться к фантастическим проповедям глашатая стратегии будущего. Потому что в нашем темпе жизни и техники не следует забывать, что смелые фантазии на будущее могут оказаться реальностью в самом близком времени. Стратегия сейчас может применять столь неожиданные и смелые методы и средства, что к словам утописта надо относиться со вниманием.

Месснер Е. Сегодняшняя и завтрашняя стратегия в представлении выдающегося английского военного деятеля // Сегодня. - 1938. - №117.

ВОЕННАЯ АВИАЦИЯ, КОТОРАЯ НЕ ПОБЕЖДАЕТ

В военном деле существует много спорных вопросов. Они дебатируются громко - в специальной прессе или шепотом - за закрытыми дверьми в военных министерствах и генеральных штабах. Больше всего споров возникает при появлении новшеств, значение которых по-разному схватывается консерваторами, новаторами, материалистами и духопоклонниками в военном искусстве.

Вынесение этих дебатов в толпу приносит вред. Никогда тактика не была в таком упадке, как во второй половине XVIII в., когда мода потребовала, чтобы все судили о тактике, и когда очаровательнейшие парижские дамы света и полусвета в своих будуарах и спальнях щебетали со своим любовниками о фортификации, логистике и прочих умностях теории.

Даже и участие военных специалистов в публичных обсуждениях военных вопросов не может способствовать правильному разрешению этих вопросов. Известный русский моряк - журналист капитан Кладо взбудоражил русскую общественность в дни Русско-японской войны требованием посылки эскадры на Дальний Восток на помощь Порт-Артуру. Адмиралы противились этой затее не только вследствие трудности такого большого похода с боем в конце его, но и потому, что Балтийский флот не имел достаточного числа современных кораблей для состязания с японским флотом. Но Кладо при помощи каких-то коэффициентов подсчитал боевую силу старых, музейных кораблей вроде «Ослябя» и установил, что совокупность сил флота Балтийского моря превосходит силы японцев. Адмиралы отказывались вести флот, общественное мнение настаивало. Рожественский взялся командовать эскадрой и в результате - Цусима, где выявилась ошибочность кладовских коэффициентов, русские старые корабли на версты не добрасывали снаряды до японских, а последние расстреливали их, как учебные мишени.

Памятуя об этом примере, я далек от мысли выносить на обсуждение общества один из труднейших вопросов современного военного дела - вопрос о значении авиации, но все же позволяю себе коснуться этого вопроса: не для возражения военным новаторам, а для некоторого успокоения публики, потрясенной эффектом действий авиации в Абиссинии и Испании.

В Абиссинии и Испании авиация экзамена не выдержала: новаторы в военном деле надеялись, что она выдержит экзамен на аттестат зрелости, а она выдержала только за 4 класса. Она выявила себя вспомогательным родом войск, а не главным, как о том мечтали Уэлсы и Жюль Верны с эполетами.

Авиация обладает свойствами конницы в удесятеренной степени: подвижность, стремительность, способность к удару и неспособность что-либо удержать в своих руках. От последнего недостатка конница наших дней почти избавилась, очень приблизившись к «ездящей пехоте», она стала орудием и обороны, а не только орудием наступления, каким была на протяжении всей своей истории. Авиация же в ее нынешнем состоянии не способна ни завоевать, ни удерживать завоеванное. В Красной армии, а по ее стопам и во французской, пытаются этот огромный дефект устранить путем создания летающей пехоты, которая, высаживаясь на землю или прыгая с парашютами, даст способность подражать коннице, которая, применяя спешивание, имеет возможность проявить пехотное упорство в бою. Но если морской флот на протяжении столетий не научился преодолевать трудности десантных операций, то и воздуш-

ный флот еще не скоро окажется способным к крупным десантным действиям. Мелкие же высадки с эскадрилий, к которым вскоре приноровится авиация, не создадут переворота в военном деле: благодаря им воздушный флот не станет главнейшим оружием.

Если оборонительная слабость, вернее, бессилие авиации очевидно даже для фанатиков самолетного войска, то недостаточность ее ударного действия не так бросается в глаза. Между тем даже в Абиссинии, где черные дикари не имели решительно никаких средств борьбы с авиацией и не имели решительно никакого понятия о мерах спасения от авиации, действительность бомбежек по войскам была чрезвычайно ограниченной. Маршал Бадольо был вынужден перейти к «тотальной войне», приказать бомбами и газами уничтожать население, чтобы добиться морального успеха. И он добился. Это послужило для поклонников авиации доказательством могущества воздушных сил при действии по тылам. Однако испанская война показала, что и воздушные действия по тылам не дают тех результатов, каких от них ожидали офицеры, увлеченные новаторством, журналисты, ищущие сенсаций, и обыватели, склонные к панике. Ни в одном из испанских сражений авиация не сыграла решающей роли и ни в одной из фаз испанской войны действия авиации по тылам, по городам не отразились сколь-нибудь сенсационно на ходе операции.

Было бы противным здравому смыслу отрицать значение, большое значение авиации, но и на основании теоретических рассуждений, и на основании фактов из испанской войны можно утверждать, что в нынешнем ее состоянии авиация и как наступательное оружие не имеет первенствующего значения.

Фантасты, особенно из итальянцев, видели уже армии совершенно оторвавшимися от земли, превращенными в воздушные войска, которые призваны совсем упразднить земные войска, конницу, артиллерию и даже пехоту. Действительность показывает, что до этого еще очень и очень далеко: авиация может работать только в связи с земными войсками, как вспомогательное войско, облегчающее тактические и стратегические задачи, возлагаемые на пехоту, по-прежнему главный род войск.

Сотрудничество авиации с земными войсками сулит развитие возможностей земных войск, но пока еще это сотрудничество слабо налажено. В старину существовало правило: «артиллерия скачет, куда хочет», что означало, что артиллерия сама выбирает себе цели действия, независимо от пехоты и конницы. Потребовалось полтора столетия на то, чтобы достичь полного согласования действий пехоты и артиллерии, почти полного слияния этих двух видов войска. Авиация в нынешнем ее состоянии еще не доросла до такого сотрудничества, а поэтому и результаты ее боевой работы не могут соответствовать ее теоретическим возможностям.

Все это позволяет сказать, что в будущей войне, если она возникнет в ближайшие годы, авиация не сыграет роли миротворца - ужасом своего действия не упразднит войну. Она только несколько усложнит войну против прежнего и несколько ожесточит ее, не ставши, как надеялись ее апологеты, оружием мести и устрашения, орудием психического воздействия на население и войска вражеской страны. Но и в этом отношении ее роль ограничена. Ограничена тем, что выражено в одной из аксиом военной теории: чем дороже род войск, тем больше его берегут. И Наполеон, проигрывая сражение, не пустил в дело старую гвардию - приберег. А полководцы средней руки и того меньше способны на израсходование дорогого войска: страх преждевременно лишиться этого войска заставляет беречь его, как англичане берегли свой броненосный флот в Ютландском бою, упустив случай разгромить немцев.

Авиация очень дорогое и громоздкое оружие. Что оно дорогое, это понятно каждому - обучение летчиков, постройка аэродрома, сооружение самолетов и непрестанная замена их более

усовершенствованными стоит больших денег. Менее понятно, почему авиацию можно назвать громоздким родом войск: один летчик с пулеметом и десятком бомб заменяет ведь собою чуть ли не целый эскадрон в сто всадников. На самом же деле это не так. Эскадрон может драться целые сутки и много суток подряд; летчик же способен летать в боевой обстановке лишь несколько часов в день и такого усилия в течение многих дней кряду не выдержит: следовательно, надо много летчиков, чтобы заменить в боевой работе эскадрон. А каждого летчика обслуживает до 15 человек техников и солдат, поэтому авиационные войска поглощают большое число людей. Эти люди обучены трудному делу, заменить их, в случае убыли, нелегко, а следовательно, всякое командование непременно будет беречь свою авиацию от больших потерь и от большого риска. В этом заключается главная надежда на спасение населения от ужасов воздушных нападений: нападения будут, временами будут большие бомбежки, но пока самолеты дороги, истребления с помощью авиации не будет. Самолеты и летчики дороги - покуда они из Роллс-Ройсов не станут Фордами, массового истребления городов ждать не приходится (кроме отдельных случаев), в этом нас убеждает пример испанской войны.

В этом нас убеждает и наблюдение за развитием авиационных войск в современных армиях: нигде авиация не развивается в ущерб другим родам войск; следовательно, ни одно командование не намерено перенести войну в воздух. Война и в будущем будет вестись с помощью пехоты, будет вестись главным образом на фронте, а не в тылу, потому что большие полеты в тыл врага связаны с риском потерять свой воздушный флот. И чем сильнее развивается этот флот, тем менее он способен к большим операциям в глубоком тылу противника: чем больше будет количество летчиков, тем ниже, в среднем, будет их качество и тем, следовательно, меньше будет способность воздушных эскадр к полетам в опасные глубокие рейды.

За 30 лет своего существования авиация выросла в мощный род войск. Ее возможности огромны. Она нависла смертельной опасностью над войсками, она нависла жуткой угрозой над населением городов и промышленных районов. Войска уже до известной степени приноровились к этой опасности. Население же еще не только не защищено, но, наоборот, психически приготовлено к способствованию усиления опасности и увеличения числа жертв возможных бомбежек: преувеличенными страхами оно подготовлено к панике - величайшему врагу безопасности и ценнейшему сотруднику врага.

Населению надо знать, что возможности авиации велики, но ограничены, что предусмотрительность в дни мира и благоразумие в дни войны уменьшает опасность от авиации. Авиация пугает, авиация ранит, авиация убивает, но она не истребляет.

Сегодня. - 1937. - №15.

КРЕЙСЕРСТВО В ОКЕАНЕ

Соединенные Штаты посылают несколько своих военных судов в Сингапур, чтобы продемонстрировать свою солидарность с Англией, решившей энергично отстаивать статус-кво на Дальнем Востоке. Этот жест делает повод пофантазировать на тему: что бы было, если бы две державы - Англия и Америка - вооруженною рукою воспротивились хозяйничанью Японии?

Обе эти державы имеют маленькие армии и исполинские флоты. Естественно, что они попытались бы расправиться со Страною восходящего солнца при помощи флота. Но Великобритания, увязшая в европейских трясинах, не может сосредоточить в Сингапуре большой силы флот, а Америка не имеет в прилегающих к Азии водах ни одной гавани, могущей послужить базою для тихоокеанского флота. Потребуются огромные и длительные усилия - для Англии дипломатические, для Америки портостроительные, - чтобы создалась возможность собрать в Азии флот достаточной силы для открытого столкновения с японским.

А пока этого не будет, англо-американские морские силы будут стремиться прервать плавание на путях, ведущих в Японию.

В Японском море, почти ставшем внутренним японским морем, возможны лишь эпизодические нападения подводных лодок. Желтое море и, следовательно, пути в Северный Китай, будут прикрыты японским флотом, и здесь возможны лишь случайные успехи его противников. Восточно-Китайское море будет театром частых стычек, и здесь торговое мореплавание будет крайне затруднено. В Южно-Китайское море будут прорываться японские подводные лодки и крейсеры, почему и там торговые суда белых народов, а равно и китайские, не будут в безопасности.

Весьма интересными будут действия на просторе Великого океана - по нему будут плыть в Японию корабли с грузами нейтральных стран; по нему будут крейсировать легкие суда англичан и американцев; охотясь за этими кораблями, по нему будут скользить быстроходные крейсера японцев и их подводные лодки, имея задачею нападать на пароходы Англии и Соединенных Штатов на океанских путях.

В связи с этим интересно припомнить, как развивалась во время Великой войны борьба на океанах, где немцы занимались каперством и где союзники энергично охраняли безопасность мореходства.

Дивизия адмирала фон Шнее находилась в начале войны в Циндао (в гавани немецкой колонии Киа-Чао на китайской земле). Он с лучшими из своих судов вышел в море - с крейсерами «Гнайзенау», «Шарнгорст», «Дрезден», «Айтель-Фридрих» и «Нюренберг». То собирая всю эскадру вместе, то разбрасывая ее по океану, адмирал появлялся повсюду и всюду наводил ужас на торговые суда и на прибрежные города. Ему удалось потопить около 80 коммерческих судов. Его крейсера нападали на колониальные владения держав Антанты. Между прочим, два крейсера бомбардировали Папеете, главный порт французского Таити, потопили там канонерку «Зела», команда которой заблаговременно свезла орудия на берег и с берега дала отпор немцам.

Три месяца продолжался этот террор на океане. Англичане послали значительные силы, чтобы изловить эскадру фон Шнее. Но он был неуловим. В конце октября его встретил у берегов Чили (у Коронеля) английский адмирал Краддок, располагавший тремя устарелыми крей-

серами - у противника было пять кораблей более современных и со значительно более сильной артиллерией. Но верный завету Нельсона «атаковать при всех обстоятельствах» - Краддок бросается в бой. Он теряет два корабля («Гуд Хопи» и «Монмут»), только «Гластоу» удается спастись.

Через месяц англичане отомстили. 8 декабря эскадра адмирала сэра Фредерика Стюрда из семи боевых судов (в том числе два сильных крейсера «Инвисибль» и «Инфлексибль»), набирая уголь в Порт-Стеней на Фолклендских островах, увидала всю флотилию адмирала фон Шнее, направлявшуюся в ту же гавань. По-видимому, немцам уже трудно было оставаться в Великом океане и они, обогнув Южную Америку, направились в Атлантический океан.

Адмирал Стюрд немедленно вышел в море; немцы, заметив его, пустились наутек, но их утомленные долгим плаванием суда не могли соперничать в быстроте с английскими. Те их догнали, и завязался бой. Фон Шнее сопротивлялся с большим упорством, но, почуяв гибель, попытался спастись бегством врассыпную. Однако английский флотоводец не дал себя обмануть - он распределил свои суда преследования так, что каждый корабль немцев имел преследователя, превосходившего его в силах.

Из боя вышли только «Дрезден» и «Айтель-Фридрих», прочие суда погибли.

Преследуемые повсюду врагом, не смея заходить в нейтральные порты, не имея нигде германских портов (все колонии, все острова были захвачены Антантой), остатки эскадры фон Шнее продолжают все же каперствовать. Но в январе 1915 г., т.е. после полугода беспрерывных опасностей, «Айтель-Фридрих» заходит в порт Соединенных Штатов, чтобы там интернироваться. «Дрезден» сдается англичанам после боя у острова Туан-Фернандес (невдалеке от Чили).

В Индийском океане крейсировали два германских корабля - «Кенигсберг» и знаменитый «Эмден», поставивший мировой рекорд количества потопленных пароходов. На ловлю этих двух крейсеров были брошены огромные морские силы. Лишь 7 ноября, после трех месяцев исполинской облавы, австралийскому крейсеру «Сидней» удалось потопить «Эмден» в Бенгальском заливе у Кокосовых островов.

Что же касается «Кенигсберга», то он крейсировал до последней тонны угля, почти до последнего снаряда, а потом взорвался в какой-то бухте; его команда продолжала воевать на суше.

Немцы посылали на морские пути Антанты и торговые корабли, приспособленные для боя. Из этих судов наиболее прославился пароход «Вольф», который в ноябре 1916 г. прорвал блокаду германских берегов вокруг Англии, прошел в океан и пятнадцать месяцев нападал на пароходы в Великом и Индийском океанах. В феврале 1918 г. он возвратился в Киль, имея список 50 потопленных им судов.

Энергичный флот, как видно из этих примеров, может вести крейсерскую войну даже при полном отсутствии баз. Японцы же, располагающие Марианским, Маршальским и Каролинским архипелагами близ Австралии и Филиппин, могут развить оживленную деятельность на океанских путях. И ее фантастически предполагаемые противники тоже имеют много портов для базирования своего флота, который будет и сам вести крейсерскую войну и истреблять японские крейсера.

Конечно, сейчас условия во многом изменились по сравнению с 1914 г.: радио и аэроплан создали и новые возможности, и новые трудности в крейсерской войне. При помощи радио легко обнаружить местопребывание вражеского крейсера: с помощью радио подвергшийся нападению пароход может крикнуть о помощи. Но с помощью радио можно условиться о ранде-

ву с угольщиком, который везет топливо провалившемуся крейсеру; с помощью радио шпионы на берегу и на нейтральных пароходах могут предупреждать крейсер о передвижениях жертв и ищеек.

Самолеты могут оказывать неоценимую помощь и крейсерам, и охотящимся за ними эскадрам, поэтому трудно сказать, уменьшились ли в настоящее время, по сравнению с прежним, возможности крейсерской войны.

То обстоятельство, что все морские державы строят легкие быстроходные крейсера с большим запасом топлива, свидетельствует о том, что морские штабы намерены широко применить крейсерскую войну. Поэтому можно предполагать, что на путях пересекающих Великий океан, будет очень «оживленно», если этот океан станет театром войны.

Сегодня. - 1938. - №31

«БОЕВЫЕ СЛОНЫ» XX ВЕКА

Английская армия изгнала коня из своего состава, - лошади сохранены только для парадов и спорта. Италия почти упразднила конницу. Франция свела ее до минимума. Германия, как говорят, возлагала большие надежды на свои механизированные дивизии, дивизии молниеносного удара. Моторизованными, механизированными войсками заменили свою конницу Англия, Италия, Франция. Таким образом современные военные державы или совсем отказались от рода войск, еще со времен римских всадников бывшего наиболее привилегированным, или за счет уменьшения этого рода войск создали новое, более современное.

Широкая публика мало знает об этой знаменательной реформе. На смотрах и парадах она восторженно приветствует дефилирующие броневые части, если не зная, то, во всяком случае, чувствуя, что эти стальные чудовища составляют одну из сильнейших опор военной мощи ее страны. Поэтому, может быть, было бы читателям интересно хотя бы бегло ознакомиться с этой новой моторной «конницей».

Самое название - мотомеханизированные войска - показывает, что в их состав включены единицы, передвигающиеся на моторных повозках (автомобили, мотоциклы), и единицы механизированные, передвигающиеся по принципу танка и трактора. Такие дивизии чрезвычайно сложны по своему составу. В каждой армии они сконструированы разно, и в каждой армии они непрестанно переконструируются, потому что накопление опыта и развитие техники требует внесения изменений. Поэтому трудно привести для иллюстрации состав какой-либо дивизии без риска, что приводимые данные окажутся уже устаревшими. Впрочем, если не гнаться за совершенной точностью, то можно описать состав такой дивизии, взявши французский штат.

Французская легкая дивизия состоит из штаба, моторизованной бригады, механизированной бригады, полка дальней разведки и артиллерийского полка.

Моторизованная бригада имеет полк пехоты на вездеходных автомобилях. Этот полк состоит из двух батальонов, причем каждый из них имеет эскадрон стрелков с ружьями-пулеметами, эскадрон тяжелых пулеметов, эскадрон минометов и малокалиберных пушчонок и сверх того 20 разведывательных танков. Второй полк этой бригады состоит из двух батальонов: разница в том, что он не имеет танков и что его пехота посажена на обыкновенные грузовики, а не на автомобили, могущие двигаться по всякой местности. Вследствие того, второй полк может драться только подле дорог, а первый способен к бою в бездорожной местности.

Если эта бригада может быть названа пехотной (она имеет 1200 стрелков), то другая бригада, механизированная, является танковой. Она состоит из полка ближней разведки и полка боевых танков. Полк ближней разведки имеет 3 эскадрона по 20 легких танков и 1 эскадрон мотоциклистов (80 машин). Столько же мотоциклистов имеет и полк боевых танков; три танковых эскадрона этого полка располагают 60 танками средней тяжести.

Начальнику дивизии подчиняется и полк дальней разведки, состоящий из двух эскадронов бронированных автомобилей (40 штук) и двух эскадронов мотоциклистов. Артиллерию дивизии составляет артиллерийский полк из 12 гаубиц: все орудия на тракторной тяге. При полке имеется и зенитная батарея на механизированных лафетах (6 орудий).

Этим состав дивизии не исчерпывается. Она имеет авиационный отряд: эскадрон-мастер-

скую, дивизионный лазарет, инженерный батальон из телеграфной, понтонной и саперной рот, полевую хлебопекарню, артиллерийский парк и обоз. Все передвигаются на камионах.

Такая дивизия имеет вдвое меньше людей, чем пехотная дивизия (всего лишь 340 офицеров и 6500 солдат), но по своей ударной, огневой силе не уступает пехотной дивизии; моторизованная дивизия имеет 40 броневых автомобилей, 168 танков, 30 тяжелых пулеметов, 172 легких пулемета и 700 ружей-пулеметов. Ее артиллерия сравнительно слаба - 24 орудия, не считая зенитных, и 4 миномета, но для танкового боя, для борьбы против танков она располагает 116 малыми пушками.

Такая дивизия, в противоположность дивизии кавалерийской, не обладает никакой силой в ударе холодным оружием - две с половиной тысячи стрелков на огромном фронте развертывания мотомеханизированной дивизии не способны к сильному штыковому удару. Но огневая сила и подвижность такой дивизии во много раз больше, чем у конницы. По дорогам такая дивизия мчится со скоростью 25 км в час и может уйти на 200 км от своей базы без необходимости пополнять свои запасы горючего.

Коннице в Великую войну не раз приходилось играть роль резерва главнокомандующего - ее перебрасывали за 150-200 км спасать положение на фронте. Но такое перемещение, длившееся несколько дней, расстраивало ее силы и уменьшало ее боеспособность. Мотомеханизированная дивизия может за сутки покрыть расстояние в 200 км и в стройных рядах вступить в бой.

Однако этот бой она может дать не на всякой местности. Если конница может драться почти всюду, то мотомеханизированные дивизии сильно привередничают в выборе местности. Начать с того, что камионы требуют для себя хороших дорог, вездеходные автомобили не любят пересеченной местности, а на подходящем терене движутся без дорог со скоростью не большей 10-12 км, то есть медленнее конницы. Эта зависимость от местности и послужила причиной разгрома итальянской механизированной дивизии в Испании у Гвадалахары.

Огромным недостатком этих дивизий является их растяжка на дорогах. При необходимости на средней скорости держать между автомобилями дистанцию в 50 м, а между мотоциклами - в 20 м (на больших скоростях дистанции возрастают) колонна каждого полка растягивается на 8 км. Таким образом, длина всей колонны достигает 60 км. Если с этой чудовищной цифрой сопоставить число противосамолетных орудий (6 на дивизию), то станет совершенно ясным, что дивизия на походе совершенно не защищена от воздушных нападений. Правда, зенитная батарея, имеющая гусеничные лафеты, может перемещаться не по дороге, а параллельно дороге и перегонять дивизию, устремясь к точкам, где надо организовывать оборону от самолетов, но шести пушкам не разорваться, чтобы на всей длине защитить эту автомобильную змею.

Эта уязвимость с воздуха тоже сыграла огромную роль у Гвадалахары, где механизированные дивизии получили свое боевое крещение.

Сильной стороной дивизии является то, что она имеет множество пулеметов, передвигающихся на мотоциклетках: по всякой не слишком тяжелой местности пулеметы могут быть с огромной скоростью переброшены к той или иной точке боя. Но мотоциклет в его нынешнем состоянии не внушает к себе большого доверия, - слишком он хрупок для работы на войне. Но как средство связи он, хотя и капризный к местности, оставляет далеко позади вечного друга войны - лошадь.

Вопросы связи очень интересовали формирователей мотомеханизированных войск. При огромной подвижности элементов дивизии связь между этими элементами и командованием мо-

жет быть достигнута с большим трудом. Поэтому частям и штабу дивизии придано 22 автомобиля для радиосвязи. Это делает задачу управления огромной колонной на походе и всем боевым порядком в бою весьма облегченною: начальник может быть всегда в курсе обстановки и подчиненный всегда может своевременно получить указания для действий.

В малых подразделениях танковых частей связь достигается с помощью специальных сигнальных снарядов. Само собою разумеется, что дивизия богато снабжена и средствами проволочной связи.

Возвращаясь к радиосвязи мотомеханизированной дивизии, надо сказать, что радиоавтомобили поддерживают связь не только стоя на месте, но и на ходу. Будучи неподвижной, такая станция делает связь на 20-100 км в зависимости от ее назначения (связь в дивизии, связь в бригадах), но на ходу ее дальность уменьшается вдвое; она еще больше сокращается, если от радиотелеграфа перейти к радиотелефону. Радиотелефон дает максимальную быстроту передачи донесения или приказания, но невозможность сохранения сообщения в тайне от противника заставляет быть очень осторожным в разговорах. Да и радиотелеграфирование в дивизии нельзя не считать рискованным, - в полевых условиях невозможно применить сложный шифр, а простой шифр легко может быть раскрыт противником.

Подвижность танков, их бронированность, их огневая сила делают их страшным оружием, но техническая сложность, а главное, их способность только на ходу решать боевые задачи (для танка остановка - смерть, потому что он, неподвижный, будет немедленно уничтожен артиллерией) весьма сокращают применение этого «боевого слона» XX в. Про конницу говорили, что она может все завоевать, но ничего удержать не может. В равной мере это относится и к танковым войскам. Их огневая мощь огромна, они могут прорвать любую позицию, но оборонять захваченное пространство они не могут. Поэтому мотомеханизированная дивизия - это дивизия особого назначения: обход фланга неприятельской армии, прорыв его фронта при наступлении, контрудар по прорвавшемуся врагу при нашей обороне - вот задачи панцирного войска.

Современную армию нельзя себе представить без мотомеханизированных войск. Но и не следует думать, что современная армия может быть целиком мотомеханизирована. Англичане это сделали, и это делает их армию совершенно неспособной к самостоятельным действиям большого масштаба - это не армия, а только ударная часть армии. Ей необходимо придать или ее надо придать немеханизированной армии, тогда она получит полный стратегический смысл. Только в тесном содружестве с какой-либо союзной армией или только дождавшись мобилизации и сформирования большой армии, предусматриваемой английским военным планом, механизированный английский экспедиционный корпус может сыграть роль на континенте в большой войне.

Английское увлечение механизацией тем более неосновательно, что даже немцы, так верившие в исключительное значение механизированных войск, сейчас несколько охладели к новому средству войны, убедившись на испанском опыте в ограниченности роли этих войск.

Но если не поддаваться увлечению заманчивыми новшествами войны, если каждое новшество поставить на принадлежащее ему место в ряду иных средств борьбы, то нельзя не признать, что мотомеханизированные войска не только необходимы каждой армии, но и составят на войне одно из главнейших орудий воли командования.

Это панцирное войско, как в старину тяжелая конница, будет оружием решающего момента на решающем участке поля боя. Но это только в том случае, если отбор людей в это войско будет столь тщателен, как и подбор машин: машина сокращает потребление людей, но зато она

требует от приставленных к ней людей особо высоких качеств; что же касается боевых машин, то к ним люди не только приставлены, но и соединены с ними, как душа с телом. Это тело - машина - даст надлежащее действие, если его душа - человек - будет на высоте всех самых строгих требований воинской доблести.

Сегодня. - 1938. - №207.

ПРОКЛЯТИЕ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

Подпоручиком будучи, значит, в давние времена, прочел я рассказ А. Аверченко такого содержания: к морскому министру одной страны пришел человек и предложил купить чертежи броненосца, который не может повредить ни одна существующая пушка.

- Сколько?

- Миллион. - Министр заплатил миллион. Тогда человек говорит:

- Не хотите ли чертежи пушки, которая потопит этот непотопляемый броненосец?

Министр возмутился:

- Не смеет же тот же человек продавать и военное средство и противосредство!

- Хотите, чтобы я вышел из кабинета, навязал другой галстук, причесался иначе и тогда предложил бы вам мою пушку?

Министр смирился:

- Сколько?

- Миллион! - Миллион был заплачен. А человек вынимает из портфеля формулу такой стали, что не уязвима для купленной пушки.

- Послушайте: это наглость!.. Но вы опять предложите сменить галстук... Сколько?

- Миллион! - Получив миллион, человек предложил бронебойный снаряд, пробивающий и эту, только что проданную сталь.

- Миллион?

- Да, миллион!

Этот шарж соответствует действительности нашего времени. Прежде новые оружейные изобретения годами добивались признания и десятилетиями ждали своего широкого распространения. А теперь: изобрели трансконтинентальную ракету, а вскорости придумали антиракету; тогда усовершенствовали ракету: вместо одной взрывной головки несколько взрывных снарядов - их не уловит антиракета; антиракета, усовершенствовавшись, приспособилась; а сейчас американцы ввели контрантиракету, которая делает бесполезной ту антиракетную стену, которую сооружают советчики и с сооружением которой опоздала Америка потому, что Макнамара ничего не смыслил в военном деле и не слушал смыслящих людей.

Эта галопирующая смена средств вооруженной борьбы опустошает бюджеты военно-мощных стран и делает малые государства безнадежно отстающими в современном военном состязании. Военные в этом не виновны - виноваты те гражданские, невеждостратеги, которые всюду захватили власть над генералами: они заменили формулу «воевать людьми при поддержке военной техники» противоестественной формулой «воевать техникой, обслуживаемой людьми». Отсюда - не только качественное, но и количественное усиление военных средств. Когда изобрели привязные шары (для наблюдения с высоты за противником), то мы соорудили десятка полтора этих «пузырей» и удовлетворились, а теперь Соединенным Штатам кажется необходимым существование их 17 больших и 1000 мелких военных баз по всему свету (не считая плавучих «баз» - VI и VII флоты и не считая оборонных и нападательных пунктов на собственной территории).

В древнерыцарские времена были изобретены стрелы «Мадрас», которые пробивали любой доспех рыцаря. Тогда говорили: «Проклят будь тот, кто первым стал стрелять из лука - это был

трус, который не решался приблизиться». Теперь перестрелка с континента на континент (подготовка к такой перестрелке) не считается позором: солдаты предпочитают не сближаться с врагом - штык, сабля не нужны, раз можно и в ближнем бою, не сближаясь грудь к груди, бить ручной гранатой, автоматом или мерзостным огнеметом.

Впрочем, что вспоминать времена рыцарских войн. Живем повелителями и в то же время рабами техники, поэтому войско и война стали рабами техники, а повелителями военной техники и технической стратегии стали Макнамары вместо Макартуров, которые принимали бы военную технику в дозах и пользовались бы ею в методах, основанных на вековой военной науке, а не на практике «Дженерал Моторс» (Макнамара был до назначения его военным министром одним из директоров этой фабрики).

Военное дело попало в исполинскую и все разрастающуюся спираль технизации, которая связана с неимоверным ростом расходов и с тревожащим военных умалением воинственности войсковой массы и народа, эту массу поставляющего. Атомное воевание уже стало абсурдным, ибо привело бы к взаимоистреблению, и притом тотальному (об этой абсурдности писали мы, военные авторы, когда все верили в единственный вид войны - «Нажми кнопку!»). Теперь приходит к абсурдности и война техническая: если 70 лет тому назад для убийства одного вражеского воина надо было швырнуть столько кило стали, сколько весил воин, то теперь смерть одного противника покупается расходом тонн и тонн стали и бассейном бензина. Приходится признаться, что и войско становится абсурдом, раз его и в мирное время приходится перевооружать каждые несколько лет (нового типа танки, самолеты и проч.), превращая устаревшее оружие в железный лом или, в лучшем случае, продавая его за бесценок финансово слабосильным и военно-примитивным друзьям.

В армиях «по Клаузевицу» этого абсурда не сознают, в армиях «по Энгельсу» намерены ограничивать свое воевание войсками, предпочитая воевание мятежами, что мы и видим во Вьетнаме, где партизанство, террор, пропаганда почти упразднили бои войсковых частей, и в Израиле, где, по советскому внушению, Египет бряцает оружием, а Иордания и Сирия атакуют подпольно. В армиях «по Клаузевицу» это, конечно, заметили и даже обучили небольшие части оборонительному противопартизанству, но к мятежевойне не готовятся. И за это могут поплатиться.

Наши Вести. - 1969. - №275.

ИСПАНСКИЙ ПОЖАР

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ У МАДРИДА

Альфонс Доде в своем «Тартарене из Тараскона» указал на то, что горячее южное солнце создает склонность ко лжи. В Испании солнце очень горячо, а поэтому неудивительно, что сведения с испанского театра войны вдесятеро более лживы, чем обычные сведения с театра войны. Можно сказать, что в Испании сейчас ведется главным образом борьба ложью, а не борьба оружием.

Есть некоторая разница между ложью красных и белых испанцев: первые врут о достигнутых ими успехах, а вторые врут о предстоящих успехах. Сведения об успехах красных оказываются потом «не подтвердившимися», а хвастливые заверения белых («починю себе сапоги кожею малагского коменданта») оказываются не осуществившимися.

Разобраться в этом наводнении хвастовства трудно, тем более что и нейтральные осведомители не нейтральны: корреспонденты в стане красных сами красноваты, корреспонденты в лагере белых коричневаты. Однако рентген генералштабного анализа проникает до некоторой степени через покров лжи и позволяет увидеть события не так, как их хотят представить воюющие.

Он позволяет, во-первых, увидеть, что больше никакой борьбы за Мадрид нет: Мадрид, как таковой, перестал интересовать воюющих. Захват столицы крайне важен, покуда город является столицей: между тем Мадрид перестал быть центром управления страной - все чиновничество эвакуировано, а, следовательно, овладение городом не даст никаких преимуществ Франко. Захват большого города бывает выгоден и в том отношении, что победитель приобретает власть над торговым и промышленным аппаратом города, связанного экономическими связями с округой, и приобретает влияние на культурные и общественные группы населения города, что повышает социальные возможности победителя; между тем Мадрид стал скорлупой без содержимого - ценные общественные слои добровольно или насильственно эвакуированы. Наконец овладение столицей имеет часто большое моральное значение. Между тем и это не приложимо больше к Мадриду: вымученная победа (если она и придет) не создаст большого психологического действия.

Для красных тоже Мадрид не имеет значения. Традиции вообще не играют роли в глазах левых экстремистов, поэтому они не дорожат Мадридом как традиционным центром страны. А как административный и общественный центр он и для них потерял значение.

Поэтому борьба за Мадрид стала борьбою за престиж - обе стороны не находят в себе мужества оттянуть войска, боясь урона престижа. Миаха и Горев не раз уже предлагали оставить город, но валенсийское правительство не разрешает. И германский генерал Штерле, командующий на Мадридском фронте, рекомендовал, говорят, прекратить атаки города.

Картина борьбы у Мадрида сейчас ясна: красные не могут удержать города, а белые не могут его взять, пока не переменят тактику. Это парадоксальное положение объясняется тем, что красные защитники, несмотря на усилия советских инструкторов, находятся в состоянии некоторого морального и большого организационного расстройства. С другой стороны, испано-германские войска не располагают достаточными средствами для овладения столь сильной позицией, как город с его стенами домов и как верки, созданные у города подневольными усилиями его несчастного населения.

Франко и его генералы не понимали этого. Германский генерал Фаупель и Гильберг поняли это, и они, собственно говоря, почти отказались от идеи овладения лобовыми атаками: они стремятся взять Мадрид измором и окружением.

Если бы вместо этих немцев войсками командовали Врангель, Кутепов или Май-Маевский, знакомые с ведением гражданской войны, то судьба Мадрида была бы решена в скором времени: они бы не остановились перед уводом войск с западного мадридского сектора (университетский поселок и др.), но энергичным маневрированием отрезали бы Мадрид от красной Испании. Подобное маневрирование напрашивается само собой, потому что мадридские войска организованы, как гарнизон, то есть не имеют ни обоза, ни технических средств (например, телефонов) для выхода в поле - они сильны, пока находятся вблизи своих кухонь, складов и больниц, но они «безноги».

Конечно, это обстоятельство известно белым штабам, и если они не воспользовались преимуществом своих войск в подвижности, то это можно объяснить неспособностью испанских полководцев к ведению маневренной войны и рутинностью германских полководцев в Испании, которые продолжают осуществлять теории, усвоенные ими в годы Великой войны: бой на истощение был на германо-французском театре наиболее употребительной формой борьбы. Верден - величайшая в истории войн «мясорубка» - повторяется сейчас у Мадрида.

Впрочем, немцы, можно предполагать, не удовлетворяются результатами боя на истребление и готовят, по-видимому, более гибкую операцию, чтобы перерезать последние пути из Мадрида в тыл. А пока эта операция, которая может решить судьбу города, подготовляется, жители Мадрида продолжают переживать трагедию, страдая от террора поработителей и от бомбежек медлительных освободителей.

Вообще мадридская эпопея заслуживает глубокого осуждения. Генерал Франко имел право (с точки зрения военного искусства) предпринять наступление на Мадрид, но он не имеет права мучить его, раз наступление окончательно не удалось. Красные имели право дать отпор на окраине Мадрида, но они не имеют права терзать город, раз не обладают возможностью отодвинуть боевой фронт от города на безопасное расстояние. Иными словами говоря, ни та, ни другая сторона не смеет превращать город в позицию - для этого существуют поля и горы.

Какое же правило военного искусства запрещает им это?

То, которое гласит, что генерал ответственен не только за пролитую кровь врагов - победы должны добиваться с наименьшими жертвами, а бесцельное истребление врага, а тем более беззащитного населения города, недопустимо. Кто нарушает это правило, заслуживает название не полководца, а мясника.

Правда, сторонники «тотальной войны» проповедуют необходимость подвергнуть бомбардировке крупные населенные пункты. Но и они не говорят о бессмысленном истреблении, о жестокости ради жестокости: их бомбежки должны быть направлены против масс, которые своим страхом могут повлиять на дух враждебного правительства и войска. Между тем ни страх, ни стоны, ни слезы мадридцев не могут повлиять на благоразумно эвакуировавшееся красное правительство, ни на гарнизон Мадрида, состоящий из иноземцев и из интернационалистически настроенных фанатиков.

Бои у Мадрида так же отвратительны, как отвратительна была бы дуэль на людной площади, где случайные прохожие были бы жертвами ярости дуэлянтов.

Сегодня. - 1937. - №33.

МАДРИДСКИЕ КЛЕЩИ СЖИМАЮТСЯ

Мадридский фронт все больше стягивается к предместьям столицы. Зимнее бездорожье сделало непригодным для военных передвижений все дороги в тыл, кроме нескольких более или менее сносных дорог от Алкала, от Гвадалахары и от Ториха. На эти дороги (первоклассных шоссейных дорог, не говоря уже о железных, не осталось в распоряжении мадридского командования) легла вся тяжесть подвоза к осажденному городу, на них легла бы тяжесть отступательного марша красных в случае оставления Мадрида.

Эти дороги и стали объектом вожделения националистического войска, предпринявшего сейчас наступление от Сигуенцы. Националисты прилагают все усилия, заняв Гвадалахару и захватив вышеперечисленные дороги, затянуть отверстие мешка. Тогда мадридская армия была бы окружена. С захватом в плен мадридской армии началась бы агония красных, потому что, кроме международных бригад, обороняющих столицу, в распоряжении левого правительства сейчас не имеется сколько-нибудь надежной армии.

Операция от Сигуенцы была выполнена как широко задуманный прорыв: ударная группа националистических войск без труда прорвала сравнительно слабые силы красных, и в прорыв были брошены колонны, которые в два дня продвинулись на 50 км в направлении Мадрида и подошли к Гвадалахаре. После этого продвижение приостановилось и началось расширение бреши: почти вся ширина полосы между реками Хенарес и Тахунья была заполнена белыми войсками.

Приостановка наступления испано-итальянцев отнюдь не была вызвана контрдействиями красных. Она явилась неизбежным следствием удаления колонн от исходного положения. Существует правило, старинное, но до сего времени не отмененное ни появлением железных дорог, ни успехами автомобильного движения: после пяти переходов армия должна остановиться, чтобы наладить свои коммуникации к исходным базам.

Конечно, «пять переходов» нельзя понимать буквально и как непреложное правило - если дорожные условия очень плохи, если армия очень прожорлива в артиллерийском и техническом отношении, если местные средства продовольствования недостаточны, если очертания захваченного пространства таковы, что противник может угрожать коммуникациям, то остановка оказывается необходимой и раньше, нежели через пять переходов.

Думается, что остановка белых должна быть в известной степени приписана и одному психическому дефекту, свойственному современным армиям, и тем более свойственному, чем современнее армия, - робости. Как ни странно, но чем быстрее становятся средства боя, тем медлительнее становится темп операций. Сейчас целая дивизия может быть в течение дня переброшена за полторы сотни километров, перевернув ситуацию на фронте, где ее ждали и куда она по прежнему способу пешего хождения доплелась бы на седьмые сутки. Для смелых полководцев это открывает чрезвычайно интересные возможности, но для рядовых генералов это создает затруднения, спутывающие их планы: опасение сюрпризов пробуждает их больше заботиться об обеспечении положения своей армии, чем об использовании дефектов положения вражеской армии. Испанские генералы доказали, пока они сами вели операции, что дерзновение отсутствует в списке их качеств: немецкие генералы, часто умеющие дерзать, не успели проявить своих способностей, как оказались оттесненными итальянскими генералами на

второй план. А итальянские генералы являются слишком горячими поклонниками моторизованных и механизированных средств войны, чтобы быть в состоянии вести операции со ставкой на героизм, а не только на техническое превосходство.

Красные воспользовались приостановкой националистов и бросили международный отряд к Гвадалахаре, сняв часть войск с западной окраины Мадрида. Этот отряд оттеснил авангард белых от Гвадалахары, в результате чего паника в Мадриде слегка улеглась.

Тревога защитников столицы довольно основательна: противник занял Торихо, находится в нескольких километрах от Гвадалахары и в 50 км от Алкала до Хенарес, следовательно, из трех путей отступления один уже пропал, другой находится под непосредственной угрозой, а до третьего не так далеко.

Между тем полкам из-под Робледо надо идти 120 км, чтоб проскочить на дорогу от Алкала до Хенарес.

Красные испанцы хвалятся, что они, поставив в окопах громкоговорители, ведут пропаганду среди неприятеля и в результате ее сотни белых переходят на их сторону. Мы пока не имеем доказательств, что эти нападения словом имели существенный успех, но мы на примере Мадрида видим, что оборона словом дает блестящие результаты: оптимистические сообщения красного командования создают оптимистические настроения в войсках. Сообщения эти часто лживы, но они настолько умно лживы, что кажутся правдоподобными: умелая пропаганда делает то, что красная испанская армия, не имевшая с начала войны ни одной победы, продолжает надеяться на победу.

Эту пропаганду организовали выученики Москвы, - военная секция Коминтерна широко пользуется теорией и практикой советской армии. Всем странам надо обратить самое серьезное внимание на успехи военной пропаганды, включенной красными в орбиту военного искусства, в арсенал средств войны: испанская война показала, что это не «штатская» затея большевиков, навязавших военспецам свои революционные трюки.

Однако одними успокоительными радиоречами Мадрида не отстоять, поэтому анархо-коммунистическое командование принимает и другие меры к тому, чтобы не быть вынужденным оставить столицу.

Весьма интересно, что германские войска не соперничают с итальянскими в боевых успехах: видимо, Рим и Берлин так поделили «инвестиционные» расходы и будущие испанские прибыли, что немцам нет нужды вести соревнование за первенство на фронте. Впрочем, немецкий отряд у Арганды проявляет активность, чтобы не дать красным снять отсюда свои лучшие войска для переброски к Гвадалахаре.

Борьба за Мадрид в последние дни снова переменила свой характер: сперва это был налет, затем бой на истощение, потом обход с юга с целью окружения Мадрида - сейчас ведется обход с севера, чтобы окружить не только Мадрид, но и всю мадридскую армию. Чтоб эта конечная цель была достигнута, нужен или новый молниеносный успех белых (Гвадалахара или у Араганды), или постепенные их малые успехи, сочетаемые с большими ошибками красного командования, которое должно в этом случае прозевать момент своевременной отдачи приказа об отступлении из мешка.

Сегодня. - 1937. - №77.

БОРЬБА В ГЛАВНОЙ КВАРТИРЕ ГЕНЕРАЛА ФРАНКО

В одном из предшествовавших обзоров я говорил, что из всех видов войны наиболее трудным является коалиционная война, вследствие крайней затруднительности согласования возможностей и желаний коалировавшихся армий. Сейчас в ставке генерала Франко эти трудности выросли, как еще никогда с начала интервенции фашистских держав.

В предшествовавшие месяцы трения происходили между испанскими и германскими генералами - разница темпераментов неизбежно усилила противоречия, возникающие во время ведения операций, в которых участвуют войска двух наций; с итальянцами, близкими по крови и сходными в особенностях южной психики, споров не возникало. Спор начался в тот день, когда оказалось, что итальянский солдат выронил из рук блестящую победу у Гвадалахары: отсюда в рядах националистического командования был сделан вывод, что и итальянским генералам нельзя безоговорочно доверить вопрос победы. Смятение умов в ставке после гвадалахарского поражения привело, по-видимому, к серьезным несогласиям между итальянскими генералами, желавшими продолжать влиять на стратегию, и испанскими, оспаривавшими за ними право на это. Тогда немецкие военные советники сделали попытку снова взять в свои руки руководство войной. В результате - сумятица на верхах военной власти в лагере белых. Эта сумятица усилилась еще вследствие того, что часть офицерства, до сего времени оставшаяся в тени, подняла голову и пытается вернуться к политической активности и подобраться к рычагам управления войной. Испанское офицерство делится на две неравные части: на офицеров-воинов и офицеров-политиков. Первые - это те, которые воспитаны на полях марокканской войны. Вторые - в политических клубах.

Марокко, предоставленное Испании, было в течение десятилетий обузой для Испании. Дошло до того, что Прима-де-Ривера серьезно намеревался отдать эту свирепую страну другому государству. На протяжении годов и годов в обладании испанцев была узкая полоса на берегу Средиземного моря: понесшая несколько мелких и одно крупное поражение испанская армия могла держаться против туземцев только под прикрытием дальнобойных орудий флота. С 1907 по 1914 г. с крайней осторожностью и крайней медлительностью испанцы овладевают западной и восточной частями Марокко. Завоевание центральной части страны потребовало детальных усилий - с 1914 по 1924 г., но и после этого остались здесь островки в руках рифанцев, ушедших в горы. Их, ставший легендарным, вождь Ускуити, укрепился на хребте Баддон, имея 2000 воинов и 15 000 овец (сколько он имел немецких поставщиков оружия при себе, неизвестно). Несколько лет оборонялся он с исключительным героизмом на своем горном массиве - естественной крепости, неприступной и для современной военной техники, но в конце концов жажда заставила горсточку рифанцев сдаться. На окончательное овладение южной частью Марокко ушли годы с 1924-го по 1934-й.

Испанцы сперва воевали - и воевали неудачно - при помощи своих регулярных войск. Затем создали Иностранный легион наподобие французского, из искателей приключений всех национальностей. Несколько лет тому назад, командуя этим легионом, генерал Франко заменил иностранцев испанскими добровольцами и создал из них отличную воинскую часть (сейчас Иностранный легион, в сущности, является полуиностранным), давшую Испании окончательную победу над рифанцами.

Как полувековое завоевание Кавказа создало в Русской армии своеобразный тип кавказского офицера и офицерские кавказские традиции, сохранившиеся до конца существования армии, так и на «испанском Кавказе» - в Марокко - выработался тип офицера волевого и полного сознания своего долга перед родиной.

Карьеру в Марокко делали быстро - генерал Франко уже в 37-летнем возрасте надел генеральские эполеты, - поэтому и в высших чинах эти офицеры не теряли энергии. Их энергия не могла быть больше прилагаема на полях боев, - боев больше не было, - и она направлялась в другую сторону: генералы-марокканцы решили спасти страну от перманентной смуты и подняли восстание. С этого момента отошли на задний план те офицеры и генералы, которые до того времени играли видную роль в политической жизни страны. Участники заговоров и заговорчиков, переворотов и «недоворотов», эти политико-военные утратили военные качества, а вследствие этого утратила военные качества и испанская армия, ставшая орудием внутренней политики и переставшая быть оплотом нации. Дисциплина в этой армии стояла на самой низкой ступени: шушуканье офицеров с солдатами при подготовке очередных заговоров в дележе между офицерами и солдатами политических выгод по осуществлении заговора нарушили одну из основ существования армии: армия должна быть вне политики. Этого не было больше в испанской армии.

С началом восстания политическое офицерство было принуждено пойти в окопы, а его места у вершин власти заняли офицеры из марокканских окопов. Сейчас неудачи на фронте колеблют положение марокканского общества и придают офицерству армии метрополии смелость снова стремиться к участию в руководстве государством и армией.

Понятно, что в условиях борьбы четырех сил - двух категорий испанских офицеров и двух групп интервенистов - работа главного командования не может идти нормально: в результате частичный переход стратегической инициативы в руках красных.

Последние ведут операции в районе гор Сьерра-Морена. Если бы их наступление в общем направлении на город Бадахос увенчалось полным успехом, то южная группа националистических войск оказалась бы отрезанной от мадридской группы и снабжение мадридской группы военным снаряжением из-за границы могло бы тогда продолжаться только через Португалию вследствие перерыва железнодорожных линий от Кадикса на север.

Впрочем, подобная перспектива не представляется сейчас реальной: темп и размах наступления красных не дает пока оснований полагать, что столь большой стратегический успех может быть осуществлен. Но, во всяком случае, эта операция красных заслуживает серьезного внимания, как их первая большая операция в поле: до сего времени их войска предпринимали наступления только поблизости больших городов, опираясь на городские перевозочные, санитарные и продовольственные средства. Сейчас, по-видимому, часть красной испанской армии приобрела некоторую способность к маневрированию в поле, получив соответствующую организацию.

Менее интересны усилия красных отобрать кое-какие позиции в Мадриде и к западу от него - здесь уже не раз коммунисты переходили в наступление за время чуть ли не полугодовой борьбы на окраине столицы. Примечательно лишь то, что националисты отдали несколько участков, которые они упорно обороняли на протяжении месяцев. Может быть, отсюда можно сделать вывод, что они отказались от мысли продолжать борьбу за Мадрид. Однако можно высказать и другое предположение, что они сняли еще часть войск с вышеупомянутых участков, чтобы сконцентрировать силы на другом секторе мадридского фронта, где они, по некоторым признакам, готовили новое наступление.

Все эти маневры лишний раз доказывают, что гражданская война - трудное предприятие.

Сегодня. - 1937. - №105.

КТО ПОБЕДИТ В ИСПАНИИ?

Год длится гражданская война в Испании. Для истории это не много, но для людей, эту историю творящих, это большой срок. В течение этого года не только испанский народ переживал великую трагедию, но и вся Европа жила нервами, опасаясь, что из Испании огонь перебросится на весь континент.

Прошел год, и еще не видно конца войне, еще нельзя сколько-нибудь определенно предсказать результат ее.

Вначале, когда возникла вооруженная борьба, шансы сторон были не одинаковы: можно было предвидеть, что победит генерал Франко. Его победа казалась вопросом времени. Действительно: на одной стороне была регулярная армия, на другой - толпа; на одной стороне - твердая власть, на другой - грызня экстремистов разных толков; на одной стороне - творческие силы патриотизма, религии, личности и чувства собственности, на другой стороне - неспособные к творчеству социализм, коммунизм и анархизм.

Казалось, что препон продвижению националистических войск не может быть. И красная власть не могла организовать немедленную оборону - она ради своего спасения выпустила на волю стихию. Бедноте были розданы на руки все запасы оружия, и эта дикая, хаотическая, но огромная масса вооруженных людей остановила победный марш белых войск к столице. Как голландцы, открывая плотины, защищаются от врага водной стихией, так республиканское правительство спасалось за наводнившей страну стихией вооруженной бедноты.

Это была безумная мера. Ее последствия ощутили мадридские министры, когда оказалось, что нет оружия для вооружения формируемой армии, но этой безумной мерой положение было на время спасено. Белые не проявили должного порыва, не рискнули прорваться к вершине власти через страну, загрохотавшую сотнями тысяч винтовок и тысячами пулеметов в неопытных руках: они вместо прорыва приступили к завоеванию.

Это спасло красных, они выгадали время, то есть самое ценное на войне. Они стали организовывать армию из своих единомышленников, они получили десятки, сотни высококвалифицированных инструкторов для формирования этой армии, они, наконец, получили тысячи и десятки тысяч добровольцев из разных стран.

Но и белые приобрели союзников, и к белым стали прибывать военные, железнодорожные, промышленные специалисты для организации борьбы и тыла по последнему слову военной науки, слову, недостаточно известному испанцам. И снова, казалось бы, шансы белых были благоприятны.

К ним прибывали добровольцы в военных формах из стран, где военное обучение отлично поставлено, а к красным стекались люди, которых националисты презрительно называли международным сбродом; к ним шла помощь из стран, которые открыто взялись помогать им, а красным помощь оказывалась втихомолку и поэтому не так организованно.

И вот, несмотря на то, что в лагере белых знали, как надо организовать войну, и организовали ее на основании этого знания, а в лагере красных, кроме иностранных специалистов, никто не знал, что надо делать для создания обороны, но многие «в порядке революционного творчества» делали обратное тому, что надо было делать, - все же красная вооруженная сила доросла до белой силы и стала теперь бороться, как почти равный противник.

Над этим явлением стоит призадуматься. Сторонники демократии могут объяснить этот феномен тем, что многодушная воля демократии способна к большему усилию, чем единовластная воля диктатуры. Сторонники социализма и коммунизма объясняют это тем, что инстинкт трудящихся классов сильнее сознания буржуазных. Мне же думается, что на примере Испании (как и на примере русской Гражданской войны) можно установить, что ярость дает большую силу, чем разум; фанатизм крайне левых приводит в движение столь большие силы, что, даже при всех исполинских внутренних трениях при самой нерациональной расточительности усилий, образующая всех приложенных сил достаточно мощна, чтоб противостоять умело организованной, тщательно построенной, умно рассчитанной силе противоположной стороны, силе, которую творит не бешенство, а разум, не фанатизм, а долг.

Вот почему при самых неблагоприятных условиях красная Испания успела сравняться в силах с белой, пока эта белая Испания топталась на полях сражений, не умея рискнуть на дерзновенные операции.

Если красные расточали свои силы в междоусобной, подчас кровавой борьбе за доминирование в правительстве и растрачивали силы в неумелых стараниях штатских людей стать вдруг военными командирами, белые расточали время: их боевые операции предпринимались с крайней медлительностью и выполнялись с еще большей медлительностью. В Русско-японскую войну о пресловутом кавалерийском набеге генерала Мищенко на Ипкоу говорили, что это был не набег, а наполз; наползами же можно назвать громадное большинство операций, предпринятых националистами, совершенно забывающими, что в гражданской войне успех принадлежит дерзновенному...

По-видимому, школа войны в Марокко (а ее прошел ген. Франко и его славные сподвижники) дает себя знать - вечный страх быть вырезанным в тылу появившимися рифанцами диктует испанским генералам самые осторожные решения боевых задач - риска они не признают и поэтому всегда рискуют потерпеть неуспех и терпят неуспех там, где другие военачальники и другие войска одерживали бы легкие победы.

Единственный раз ген. Франко отважился на решительный план (впрочем, план ему навязали из Рима) и бросил в глубокий прорыв моторизованные части на Гвадалахарском фронте. Замысел заслуживал искреннего восхищения, но выполнение было скандальным - строевые штабы запутались, войска растерялись, и красные неожиданно для них самих оказались блестящими победителями. Этот урок усилил медлительность Франко, и его дальнейшие операции (на Бильбао) являют пример осторожности, граничащей с беспомощностью.

Здесь дело не только в малых военных дарованиях - дело в боязни крови. Ген. Франко бережет немногочисленные кадры своих легионеров и марокканцев, осторожно проливает кровь фалангистов и членов прочих формаций. Немцы, помогающие националистам, хотят воевать без потерь, потому что в Германии народ неохотно несет жертвы. Итальянцы тоже берегут людей, чтобы вид вдов и сирот не сделал окончательно непопулярной войну, в которую Италия ввязалась сейчас же после абиссинской войны, ставшей популярной только по завершении ее.

Красные жалости к людям не проявляют: для них чужая жизнь ценности не представляет; для прибывших с севера военспецов никакие потери в людском материале не кажутся чрезмерными: для социалистов, стоящих у власти в Валенсии, вопрос о бесцеремонном использовании международных бригад решается просто: фанатиков-добровольцев находится достаточно, а отчитываться за их смерть не приходится, - безответственные люди их вербуют, безответственны эти люди и в случае истребления навербованных.

Иными словами говоря, одна сторона воюет, деликатничая, другая же не жалеет сил для победы. И еще одно важное обстоятельство делает неравными боевые возможности сторон: красные платят золотом за военное снаряжение и за помощь, белые же воюют в кредит. Это большая разница. Не в том только дело, что купленное будет лучшего качества и своевременно доставлено, а взятое под аванс может быть со всячинкой, но в том дело, что советники в красной главной квартире держат себя советниками, а советники в белой главной квартире держат себя нетерпеливыми кредиторами и диктуют свою волю. Нелегко было в Валенсии согласовать точки зрения испанских военачальников, советских и французских, пока французские не взяли верх и не стали негласными, но главными руководителями операций. Но во много раз труднее согласовать в Саламанке три военные теории, три темперамента, три государственных престижа.

Нельзя упускать из вида еще и то обстоятельство, что международная обстановка, вообще говоря, более благоприятствует красным, чем белым. Недавний опыт международных санкций хотя и показал, что сговор миролюбивых не может сломить воли воинственного, но он же доказал, что координация действий миролюбивых государств чинит известные препятствия своеволию отдельных стран. Франция - может быть, она в этом когда-нибудь жестоко раскается - взяла под свое покровительство левую Испанию, потому что там анархия объединилась с демократией. Благодаря Франции ценности красной Испании котируются на международной политической бирже выше, чем стоят, а ценности национальной Испании почти не котируются. Естественно, что Саламанка воюет в более трудных условиях, чем Валенсия.

Поэтому и еще по многим другим причинам белые, имевшие и все еще имеющие больше шансов на конечную победу, топчутся то в университетском поселке, то у Аморбиети, имея множество побед и не имея такой победы, которая сделала бы несомненным их превосходство.

Надо сказать, что время работает на красных добросовестнее, чем на белых. Белые с начала войны имели армию, красные ее не имели; красные создали армию и увеличили ее, белые же только увеличили. Националисты в первый период войны приобрели авиацию, красные ее не имели; красные сейчас имеют авиацию, которая ничуть не слабее и не хуже крайне увеличившейся националистической авиации. Через несколько месяцев от начала войны белые стали располагать хорошей артиллерией и танковыми войсками, у красных же была, в сущности, только пехота: сейчас красные почти сравнялись с белыми в артиллерийских и танковых средствах боя.

Таким образом, сейчас, к годовщине войны, соотношение сил таково: авиация почти одинакова по качеству и количеству: артиллерия белых лучше, чем у красных; танки националистов более активны, чем у левых; пехота ген. Франко способна и к обороне, и к наступлению, пехота же противной стороны годна только для обороны и для небольших наступательных боев; штабы националистов более умелы в выборе целей для наступления, чем штабы красных.

С момента начала восстания и до сего дня националисты никогда не обладали разительным превосходством в силах - они всегда были несколько сильнее врага. Такое соотношение сохраняется и теперь. Поэтому, с чисто военной точки зрения глядя, можно по-прежнему утверждать, что ген. Франко имеет больше шансов на победу.

Будь эта война войною между двумя странами, прогноз был, несомненно, благоприятным для ген. Франко. Но в катавасии, в которую замешались многие страны, трудно увидать конец. Усилия Англии сводятся к тому, чтобы не дать фашистскому блоку оказать Саламанке помощь большую, чем оказывает Валенсии антифашистский блок. Если Англия не удержит чашки ве-

сов в равновесии, то успех склонится на сторону тех, кому друзья окажут большую помощь. Но талантливейшая работа Англии по сохранению равновесия интервенционных грузов в Испании приводит к тому, что, несмотря на международное вмешательство, не упразднено значение того фактора, который в гражданской войне играет главнейшую роль: говорю о воле народа. Мне уже не раз случалось утверждать на страницах «Сегодня», что в гражданской войне окончательная победа принадлежит не тому, кто имеет боевой перевес, а тому, на чью сторону - активно или хотя бы пассивно - стал народ. Вмешательство интернационалистов и иностранных националистов в дело, касающееся испанской нации, могло привести к тому.

что воля интервентов сведет к нулю значение воли испанского народа. Но достигнутое равновесие в иностранной помощи и ограничение этой помощи, а, следовательно, и влияния иноземцев делает для народа Испании возможным определиться за ту или иную сторону.

Несомненно, что в Испании народ или крикнет, или прошепчет свою волю, но этот крик или шепот будет услышан сквозь грохот орудий. Еще немыслимо сказать, на чью сторону станет, в конечном счете, народ, но в этом отношении пока шансы ген. Франко стоят выше, чем шансы его врагов. Об этом можно судить по тому, что в Саламанке всего в изобилии, а в Валенсии и Барселоне полуголод. Значит, в белой Испании правительство налаживает жизнь, а в красной не умеет этого сделать; или это значит, что в белой Испании крестьянство верит городу, а в красной не верит: оба предположения приводят к неблагоприятному для красной стороны диагнозу.

Впрочем, воля народа штука капризная, и Франко, на чью сторону как будто бы эта воля склоняется, должен быть очень осторожным, чтобы не потерять симпатии, а с симпатиями - и конечную победу.

Резюмируя в нескольких словах положение на испанском театре к концу года войны, можно сказать, что белые испанцы постепенно побеждают, но красные испанцы все более замедляют темп этих побед: не без основания германцы требуют, чтобы Франко поторопился с «фриденофензиве» - медлительность националистов может им стоить симпатий народа и, следовательно, - победы.

Сегодня. - 1937. - №167.

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ НА ВОЙНЕ СЕНСАЦИОННЫХ НОВШЕСТВ

Во время вооруженной борьбы военное творчество создает новые формы в области тактики, техники и организации. Во времена мира творчество это не прекращается, но существенно отличается от того, которое выявляется в буре войны. В мирное время, во-первых, увядает свежесть боевого опыта, и увядает тем сильнее, чем больший срок отделяет последний бой от нового изобретения. Во-вторых, в мирное время отсутствует немедленная поверка качества изобретения в реальных условиях войны, потому что поверка на полигонах и на учебных полях ведется в обстановке искусственной, далекой от боевой обстановки, где над всем доминирует смертельная опасность. В-третьих, - и это самое главное, - в мирное время притупляется сознание ответственности за жизнь людей: на войне предписать новую форму наступления - это значит рискнуть десятком тысяч жизней. На маневрах придумать новую форму наступления - это значит рискнуть ввязаться в полемику на страницах военной прессы. Риск не одинаков.

Вот поэтому творчество военного времени, по мере удаления закончившейся войны в прошлое, превращается в кабинетные мудрствования, где политика человека и его фантазия преобладают над логикой боя и его реальностью. Кабинетные мудрствования заводят иногда военное дело на опасные кручи, а потом армия расплачивается кровью за фантастику творчества мирного времени.

Русско-японская война показала значение современного огня, и на полях Маньчжурии создавалась тактика огневого боя, а после войны «штыколюбы» постепенно оттеснили на второй план «огнепоклонников», и Русская армия стала обучаться и воспитываться в сознании, что штыковая схватка решает бой, в то время как надо было ей внушать, что победу дает сочетание огня и движения. Сотнями тысяч жертв заплатила Русская армия в 1914 г. за то, что кабинетными фантазиями был извращен опыт маньчжурской войны. Столь же дорого обошлось французской армии чрезмерное увлечение наступательной тактикой, вследствие чего французы вышли на войну со слабосильной артиллерией. Потери войны стоило немцам шаблонизирование военной мысли, доведенное творчеством мирного времени до рискованных пределов.

После Великой войны фантазерство в военном деле достигло огромных размеров, - чудеса современной техники создавали материал для построения причудливых замков в военной теории. Смелые новаторы стремились опровергнуть накопленный военным искусством опыт и подгоняли опыт минувшей войны к своей новаторской мысли. Новаторство всегда было необходимо в военном деле, и новаторам всегда приходилось бороться с косностью и недоверием. Вероятно, тот первобытный воин, которому впервые пришла в голову мысль использовать лошадь для боя, был признан своими сородичами безумцем и должен был на опасном опыте доказать ценность своего изобретения. И тот полководец, который первым придумал танки древности - боевых слонов, встретился, вероятно, с нежеланием войска пользоваться этой неизвестной предкам затеей.

Но есть разница между тем, чтобы вводить новое, и тем, чтобы доводить новое до абсурда - боевые кони были нужны, но нельзя было всех пеших бойцов превратить во всадников; боевые слоны были нужны, но фантастично было бы упразднить все роды войск и воевать лишь «слоновыми» лучниками. Между тем подобная фантастика пышно расцвела после Великой

войны: в Италии стали авиацией заменять артиллерию, в Англии проповедовали устройство чисто танковой армии, в Германии увлекались моторизацией. Во Франции - фортификацией.

Испанская война дала возможность проэкзаменовать на боевой практике большинство теорий послевоенного времени. Результаты оказались совершенно неожиданными: все сенсационные теории провалились. Оказалось, что ни авиация, ни танки, ни новые тактические и стратегические формы не перевернули военного дела, оказалось, что военное дело нормально эволюционирует, и ни Людендорфы, ни Фуллеры революции в нем не вызвали.

Начнем с авиации. Говорили, что теперь бой с земли поднимется к небу, что на земле сражаться больше не будут, что войну будет решать столкновение двух авиаций. Фантасты предвидели упразднение земных армий, а более сдержанные новаторы намечали для авиации задачи столь огромного значения, что пехота, артиллерия и, в первую очередь, конница должны были сильно стушеваться. Между тем испанская война показала, что дорого стоящую авиацию нельзя растрепывать зря, что ее надо употреблять экономно и поэтому давать только такие задания, которые другие роды войска не могли бы выполнить столь удачно, как она. Иными словами говоря, авиация не упразднила других родов войск, а нашла себе соответствующее место среди них. Правда, она с 1918 по 1936 г. сделала большие успехи и научилась решать крупные задачи, - она на некоторое время не раз захватывала инициативу в свои руки не только в воздухе, но над сушей и даже над морем (при транспортировании Франковых войск из Африки). Но все же она остается вспомогательным родом войск. При максимальном к ней почтении ее можно счесть одним из главных родов войск, но могущим добиться серьезных результатов только при тесном сотрудничестве с другими войсками.

Авиация не оправдала еще надежд фанатиков летного дела не только в силу своих специфических особенностей, но еще и потому, что противоавиационные средства прогрессируют не только вровень с развитием качеств самолетов, но даже несколько обгоняют это развитие. Артиллерия научилась сбивать самолеты и делает это с большим успехом, а затем и истребительная авиация прогрессирует технически и тактически, вследствие чего действия воздушных сил по земным целям бывают подчас очень затруднены.

«Танкисты» теперь разочарованы еще сильнее авиаторов. Их мечта заменить танком артиллерию, конницу и пехоту не выжила под ударами испанской действительности. Не в том дело, что советские танки слишком тяжелы, а германские недостаточно прикрыты бронею - это дефект, устранимый в сравнительно короткий срок, а в том дело, что танки не могли доказать свою способность доминировать на поле боя. Танк беспомощен против самолета, его разбивает пушка, его простреливает пулемет, его, наконец, сжигает или взрывает ручной гранатой хладнокровный пехотинец. Танк способен к выполнению только некоторых тактических задач. Многие задачи для него нелегки - атака с далекого расстояния, разведка, а иные и совсем не под силу - оборона, сторожевое охранение. Танк хотел заменить собою артиллерию, но он даже не упразднил батальонную артиллерию. Танк хотел заменить собою конницу, он не упразднил всадников. Танк хотел заменить собою пехоту - он стал всего-навсего помощником пехоты.

Испробована на полях испанской войны еще одна новинка в военном деле - моторизация армии. Под влиянием обстановки, создавшейся в Великую войну, когда закопавшиеся и прикрывавшиеся бетоном войска неподвижно месяцами и месяцами простаивали на одном месте и при этом стоянии пользовались для подвоза всего необходимого изобильно сооруженными шоссейными дорогами, в армиях возник культ моторной тяги. Италия позже упразднила свою конницу, посадив всадников на мотоциклеты и на грузовики. Франция и Германия моторизо-

вали часть своих дивизий. Английская армия почти распрощалась с конем, заменив его мотором. Ожидали, что моторизованные войска перевернут и тактику, совершенно изменив характер боя.

Испанская война внесла изрядный корректив в эти ожидания. Стратегия действительно много приобрела от автомобиля, трактора и мотоцикла - стали возможны импозантные переброски отрядов на большие расстояния и с большой скоростью: так называемая «игра резервами» сделалась чрезвычайно оживленной. Но тактика скорее потеряла, чем выиграла от использования мотора: на поле боя конь и пешеход передвигаются хоть и медленнее, но надежнее, чем моторная повозка всех видов, останавливающаяся перед каждым овражком, канавой, зарослью. Стрекочущие моторные колонны представляют собой далеко видимые цели для вражеской артиллерии и самолетов. Если бы моторизованные части пользовались моторами только для маршей в тылу своей армии, то они имели бы большое преимущество в стратегической подвижности перед немоторизованными войсками. Но, будучи так организованы, что и на поле боя они не могут далеко уйти от своих моторов, моторизованные войска оказываются в трудном положении, если им приходится принять бой в неподходящей местности. Разгром итальянцев у Гвадалахары показал, что моторизованный кулак не только может наносить поражения врагу, но и сам несет в себе элементы развала.

Еще очень многое надо усовершенствовать в материальной части моторизованных войск, в их организации и тактике, чтобы они могли стать столь же универсальными войсками, какою была конница и какою осталась пехота. Испанский опыт низводит современные моторизованные войска с пьедестала, на который их поставили фантасты, думавшие, что наступил век войны машинами, и ставит их на соответствующее им место - как есть специальные горные дивизии, десантные войска и т.п., так могут быть для решения специальных задач и моторизованные дивизии. Совершенно несомненно, что мотор вытесняет лошадь из армии, но пока он ее не настолько вытеснил, чтобы можно было отважиться на полную моторизацию армии, как о том мечтали увлекающиеся новаторы. Старушка-пехота продолжает оставаться царицей полей битв и снова доказала, что из всех моторов наилучшим для боя является человек.

Человек снова доказал, что его способность к перенесению тягот войны превосходит все, что может изобрести гений разрушения. Маленькая репетиция тотальной войны, учиненная над Мадридом, показала, что месяцы психологического массажа над населением с помощью бомб и снарядов не приводят нервы этого населения в такое состояние, которое лишает его нервной силы. Теория тотальной войны говорит, что нападение на население и уничтожение его ломят дух народа и принуждают его к прекращению борьбы. В Мадриде это не оправдалось. Правда, население испанской столицы не принимает решающего участия в борьбе: правда, его настроения в какой-то степени влияют на решение валенсийского правительства и на его дух, но все же мадридская эпопея наносит удар теоретикам тотальной войны, доказывая, что эта новейшая военная теория не поколебала пока устоев традиционной военной теории, считающей, что центр тяжести войны находится на фронте, а не в тылу.

Итак, четыре новинки в военном деле потускнели под влиянием испанского опыта. Не испробованными остались фортификации и газы - тоже два послевоенных увлечения. Но весьма возможно, что и эти два пугала тоже не столь решающие, как думают французы, увлекшиеся газами.

Война стала более сложной за годы после 1918-го, война стала более грозной. Но ничто не придумано, что давало бы какой-либо из армий непреодолимое преимущество над врагом - ни танки, ни самолеты, словом - ничто не упраздняет прежней теории войны: новое только видо-

изменяет старое. Испанская война с ее ценным опытом поставила все новое на соответствующее место в ряду старых средств войны. Сенсации мирного времени не оправдали себя на полях сражений.

Месснер Е. Что дал испанский опыт применения на войне сенсационных новшеств // Сегодня. - 1937. - №203.

АГОНИЗИРУЕТ ЛИ РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИСПАНИЯ?

Темп современной жизни приучил людей относиться к мировым событиям как к происшествиям и требовать от них кинематографического развертывания актов. Правда, некоторые события разыгрываются с кинематографической быстротой, но, вообще говоря, война имеет свой темп, могущий варьироваться в зависимости от театра и от фазы ее, но никогда не могущий превращаться в темп уличного происшествия. Между тем нетерпеливая публика, открывая утром газету, ждет телеграмм, подтверждающих ее прогнозы, в которых событиям дается галопирующий темп.

Сейчас, например, когда стало почти очевидным преимущество генералу Франко над республиканской Испанией, многие готовы утверждать, что последняя уже агонизирует и что окончательная ликвидация республиканцев на Пиренейском полуострове - вопрос нескольких дней. Число этих дней определить не трудно: надо измерить расстояние от передовой линии националистов до берега Средиземного моря, разделить это расстояние на величину суточного перехода, скажем на 20 километров, и дата сдачи республиканцев установлена.

Конечно, так делать прогнозы нельзя. Если бы генералу Франко и удалось в несколько дней достичь моря, если бы ему таким образом и удалось разрезать на две части республиканскую Испанию, то и тогда еще могло бы не быть немедленного конца войны. Один факт занятия выгодного стратегического положения не предопределяет победы: победа создается в результате действия различных факторов. Несомненно, что выдвижение националистов к морю поставит республиканское командование в чрезвычайное положение. Морская блокада берегов провинций Валенсия и Мурсия настолько действительна, что никакое регулярное снабжение южной и центральной Испании боевыми припасами невозможно. Оно шло в последнее время только сухопутьем из Каталонии, и оно совершенно прекратится, если пути из Каталонии будут перерезаны. Однако нельзя быть уверенным, что это приведет к немедленному сложению оружия защитниками Мадрида, Толедо и Альмерии: если воля вожаков к борьбе покроет собою безволие падающих духом войск и жаждущего мира населения, то борьба может продолжиться еще в течение некоторого времени, тем более что ген. Франко, не располагая большим численным перевесом на всем протяжении фронта, был вынужден для удара по Каталонии сильно ослабить свои силы на центральном и южном секторах театра войны.

Что касается Каталонии, то на примере Баскии, а также Астурии мы видим, что и отрезанная отовсюду и изолированная провинция может долго сопротивляться, если изоляция не распространяется на ту таинственную руку, которая щедро дает снаряжение извне Испании.

Таким образом географическая ситуация нынешних дней на испанском театре не дает права утверждать, что республиканская Испания агонизирует. Красная Москва тоже, казалось, агонизировала, когда белые армии наступали со всех сторон, а генерал Деникин дошел до Орла. Усилием воли тех, кто сейчас объявлен «изменниками», «наймитами капитализма» и расстрелян, красная Москва освободилась от вражеского кольца. Если сподвижники Негрина способны к большому волевому напряжению, то левая Испания может еще надолго затянуть свой конец. Следовательно, весь вопрос в том, способна ли левая Испания к такому усилию.

С одной стороны мы видим, что националистам достается малое количество пленных - республиканцы отступают без особенного беспорядка: видим, что отряды, вынужденные во

избежание уничтожения уйти в пределы Франции, позволяют себя вновь отправить в распоряжение каталонского командования - левые не потеряли еще охоты воевать. С другой стороны, мы не наблюдаем нигде сколько-нибудь серьезного отпора продвижению колонн националистов. Поэтому трудно судить о том, в какой степени способны к сопротивлению войска, находящиеся на территории Каталонии. Но есть несомненное доказательство того, что боеспособность республиканской Испании сильно понизилась. Заключается оно в том, что даже смертельная опасность для Каталонии не побуждает левое командование предпринять сколько-нибудь серьезную диверсию на другом фронте, чтобы попытаться отвлечь силы националистов с опасного участка.

Правда, левая стратегия, если она вообще существовала, никогда не отличалась гибкостью и инициативностью, но бездеятельность в нынешних обстоятельствах уже переходит в неспособность действовать. То небольшое наступление, которое предприняли республиканцы в районе Теруэля и которое дало им в руки несколько брошенных сел в альбарасинском направлении, - это не есть соответствующий ответ на наступление националистов, по крайней мере, оно пока не приобрело характера такого ответа. В этом бездействии левых нельзя не усмотреть наличия тяжелого кризиса, который легко может перейти в катастрофу, если инъекции извне не придадут сил тяжелобольному, тяжело израненному левому воинству. Не изменение соотношения сил на театре войны дало последние победы националистам, а изменение настроений в кругах, владычествовавших над Европой. Новые и совершенно недвусмысленные заявления Гитлера и Муссолини, что уничтожение коммунизма в Испании является императивной необходимостью, побудили британский кабинет признать, что для умиротворения Европы надо перестать противиться победе Франко. Этого, правда, никто не сказал, но это сделано. Промелькнувшая в голове Франции мысль вооруженно воспротивиться торжеству националистов была, по-видимому, отброшена под давлением английского предостережения. В результате генералу Франко дана возможность побеждать в темпе более быстром, чем до сего времени. Таким образом, как мы и предвидели, не генералы, а дипломаты ускорили темп событий в Испании.

Как в дальнейшем разовьются эти события, никто в Европе сказать не может, - слишком много противоположных сил толкает политику и стратегию, - но в настоящий момент можно констатировать, что еще никогда за годы войны Франко не был так близок к конечной победе, как сейчас. Если ничто не изменится в международной политике, если генеральный штаб националистов не сделает крупной ошибки - он их уже не раз делал, - то конечная победа это только вопрос времени: несколько дней, если сломлена воля республиканских руководителей, несколько недель, если надорван дух левой испанской армии, несколько месяцев, если ее технические ресурсы близки к исчерпанию. Первое предположение кажется сейчас маловероятным: второе и третье вполне правдоподобны.

Агонии красной Испании еще нет, но она приближается и она наступит, если чудо не спасет республиканцев, как оно их не раз спасало у Мадрида.

Сегодня. - 1938 . - №97.

ГЕНЕРАЛ ФРАНКО «МЕДЛЕННО ТОРОПИТСЯ»

Шестнадцатого апреля в руки генерала Франко перешел город Виньярос, лежащий на берегу Средиземного моря. Связь между Барселоной и Валенсией, практически прерванная десятью днями раньше с занятием Виньяроса, была ликвидирована столь убедительно, что даже самые горячие сторонники республиканцев вынуждены были признать этот факт.

Этому важному событию предшествовали многочисленные бои. Войска генерала Франко после перехода через реку Гвадалупа вели наступление в восточном направлении, но после захвата Гандезы распределились на две колонны: итальянцы продолжали нажим на восток и стремились выйти к городу Тортозе, а испанцы повернули к юго-востоку на Морелу. Операция испанской колонны сперва натолкнулась на горные позиции республиканцев, но потом пала Морела - для выхода на берег моря оставалось прорвать последнюю позицию по высотам, тянувшимся вдоль берега. На это потребовалось несколько дней, и, наконец, Виньярос пал. Победители направили часть сил на юг в целях расширения прорыва: этой колонне без всякого труда удалось достичь городка Алкала де Уисберт - валенсийские войска не давали отпора.

Другая колонна направилась из Виньяроса вдоль берега на север, чтобы помочь своим движением итальянцам, застрявшим у Черты. Этот маневр увенчался отличным успехом - республиканцы бежали за реку Эбро, и бежали столь поспешно, что взорвали мосты до отступления всех своих полков: в руки националистов попало много пленных. В конце апреля фронт проходил по берегу Эбро до места, где в реку вливается река Сегре. На этом рубеже фронт стоит и сейчас. Между Эбро и французской границей, где проходили главные бои, на путях к Барселоне, националисты продвигались вдоль дороги Хуэска-Лерида и овладели в начале апреля этим последним городом, выйдя, таким образом, на линию нижнего и среднего течения реки Сегре. Им не удалось переправиться на восточный берег этой реки, а там, где удалось, пришлось уйти снова за реку. Только у Белагера они удержались на восточном берегу и вот уже две недели отбивают слабые атаки республиканцев. Последние пытаются, впрочем, очень вяло, вернуть себе этот город, в районе которого, как известно, находятся электрификационные сооружения, обслуживающие большинство каталонских фабрик. Вялость их атак, как можно предполагать, объясняется сознанием, что, даже отбросив националистов за Сегре, даже взявши обратно Белагер, каталонцы не обеспечат свою индустрию электрической энергией. Надо настолько продвинуться к западу от реки, чтобы прикрыть силовые станции от артиллерийского огня противника, - для этого нужны большие силы, чем те, которыми располагают в Барселоне.

Итак, и на Сегре фронт стабилизировался, как и на нижнем течении реки Эбро. Дольше всего был в движении участок, примыкающий к французской границе. Здесь националисты не занимались трудным и неблагодарным делом выбивания республиканцев из горных «орлиных гнезд». Они захватили среднее течение речки Синка, где сходятся все горные дороги, обслуживающие крайний правый фланг республиканских войск. Благодаря этому, Франко без боя отбросил X корпус на французскую территорию, - республиканский генерал Гало, спасая свои войска от голодной смерти и плена, увел свои дивизии во Францию. В результате этой бескровной чистки Пиренейских гор и ущелий националисты выдвинулись на линию речки Па-

ларес от ее впадения в Сегре и почти до границы республики Андорра. Трудно сказать, действительно ли Франко решил покончить с валенсийско-мадридским театром, оставив пока в покое барселонский, или он только отвлекает внимание республиканцев от каталонских позиций, а в то же время готовит удар на Барселону. Будь Франко Наполеоном или Суворовым, он бы собрал все силы для наступления - последнего и решающего - на Барселону. Он сократил бы до минимума число войск на всем протяжении от Альмерии до Кордовы, Мадрида и Теруэла и смял бы сопротивление каталонцев, имея в своем распоряжении ресурсы, несравненно большие, чем противник. Но Франко - полководец типа Фоша или Алексеева, действующих по принципу «все надежно обеспечить, а потом остатком сил можно рискнуть». Поэтому не приходится ждать от него рискованных действий. Франко не проявляет смелости: благоразумненько, осторожненько разделив свои войска между валенсийским и барселонским театрами, он пользуется каждой возможностью нанести удар на том или ином театре. Сейчас он наносит его у Теруэла. Завтра может опять возобновить действия в барселонском направлении, если почувствует, что возможен успех на каком-либо из участков.

Он может позволить себе роскошь быть нерешительным, потому что инициатива находится на протяжении всей войны почти без перерыва в его руках: вследствие крайней вялости неприятельского командования он не бывает вынужден ни торопиться, ни чрезмерно напрягаться. Теперь ему еще меньше, чем когда-либо, надо торопиться: раз в Риме договорились с Лондоном, что национальные испанцы победят республиканцев, то можно к победе идти постепенно, не суетясь. В суете можно сделать ошибку, которая чего доброго поставит под вопрос то, о чем договорились в Риме. Поэтому для Франко сейчас более чем когда-либо, ценно поучение латинской пословицы: «торопись медленно».

Сегодня. - 1938. - №136.

В СОСТЯЗАНИИ ДВУХ НАСТУПЛЕНИЙ ПОБЕЖДАЮТ НЕРВЫ

Если испанцы повоюют еще годика три, они научатся воевать по правилам военного искусства. Такое доверие к их школьным способностям основывается на факте усвоения ими прописей стратегического букваря. После двух лет практического обучения военной премудрости они уразумели, что на наступление врага можно не только отвечать бросанием резервов к атакованному участку, но и контрнаступлением на другом участке фронта с целью парализовать вражеские успехи. Уразумев это, республиканские испанцы приостановили переправой через Эбро наступление генерала Франко к Валенсии, развиваемое ими на протяжении многих недель.

Прошло около полугода, и те же республиканские испанцы поняли еще одно правило - контрнаступление должно разразиться не тогда, когда враг уже почти добился своей цели, а в тот момент, когда он, развивая первоначальный успех, настолько «увяз» в операции, что ему трудно освободить силы для парирования контрнаступления. И вот генерал Миаха предпринимает на кордовском секторе крупное контрнаступление, чтобы выручить каталонскую армию. Заслуживает большого одобрения, что это боевое предприятие было начато без обычного до сего времени запоздания, а как раз вовремя. И цель была выбрана неплохо - националисты стремятся к Барселоне, расположенной в 120 км от исходного пункта, Лерида; республиканцы стремятся к удаленному на 200 км Кадиксу, важнейшему снабжающему порту националистической Испании. <...>

Схематичная обрисовка сложнейшей работы командования не дает представления о том огромном напряжении - подсчет, расчет, предвидение, - какое требуется от командования, но и из такой схемы становится ясным, что сражение превращается в состязание в скорости приближения к конечной цели.

Однако дело не в километрах и не в днях, а в нервах. Можно с уверенностью установить, что у нас есть два дня преимущества перед противником, и все же прервать состязание, подчинить свои решения решениям противника, отказаться от своего плана и заняться только парализованием плана противника простым отталкиванием его победоносных отрядов - это случается тогда, когда сдадут нервы, а нервы сдадут независимо от карты, циркуля, километров и дней. В августовские дни 1914 г., когда лавина германских войск докатилась почти до Парижа, а русская армия генерала Ранненкамфа вступила в пределы Восточной Пруссии, и Самсоновская армия приближалась к Мазурским озерам, - в Берлине могли подсчитать, имея совершенную уверенность в точности подсчета, что фон Клук будет в Париже месяцем раньше, чем Ранненкамф дойдет до Берлина, и что, следовательно, есть возможность и время взять Париж, а потом повернуть часть сил против русских, что и являлось сутью германского стратегического плана. Победа русских у Гумбинена ничего не меняла - расчет расстояний и подсчет сил позволили продолжать выполнение плана, но нервы не позволили того: нервы заставили снять корпуса с французского театра и перебросить их на русский. Контрнаступление таким образом сорвало наступление немцев, шедших к полной и, казалось, несомненной победе. В состязании двух наступлений побеждают нервы. Нервам принадлежит решающая роль и в нынешнем состязании между Франко и Миахой. Впрочем, здесь есть обстоятельство, усложняющее обычно в таких случаях психологическую обстановку: как бы отчаянно ни оказалось положе-

ние националистов у Кордовы, они вынуждены играть ва-банк под Барселоной, потому что удаленность кордовского театра не дает практической пользы от снятия войск с каталонского фронта и направления их на эстрамадурский - они опоздали бы, вследствие слабой провозоспособности железных дорог. Точно так и катастрофичность положения республиканцев на каталонском театре может не ослабить у Миахи потребности сыграть ва-банк у Кордовы, потому что прекращение наступления на эстрамадурском фронте не дало бы практической пользы - из Испании Миахи нельзя перебросить войска в Испанию Негрина - их разделяет территория, занятая националистами. Поэтому, если нервы не сдадут, наступления Франко и Миахи могут привести каждого к поставленной цели. Если нервы сдадут у одной из сторон, наступление ее остановится, выдохнется духовно и остаток психической энергии пойдет на осуществление попыток остановить противника. <...>

Месснер Е. Кровавая борьба под Барселоной //
Сегодня. - 1939. - №23.

МОГУТ ЛИ РЕСПУБЛИКАНЦЫ ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ?

Проявление твердости воли на воине всегда импонирует, поэтому нельзя не признать Негрина, дель Вайо и генерала Миаху людьми, выявившими сейчас героическую решимость бороться, невзирая на понесенное страшное поражение. Совершен ли подвиг другом или недругом - он всегда подвиг. Поэтому даже ожесточеннейшие враги республиканской Испании должны признать, что во главе последней стоят люди большого мужества.

Нетрудно решиться продолжать войну, если есть значительные шансы на победу; можно на это отважиться и при наличии малых шансов. Но решиться на это при отсутствии возможности победить - это или безумный героизм, или героическое безумие.

В распоряжении республиканского правительства осталось всего 100 000 км^2 территории, в то время как ген. Франко распространяет свою власть на 275 000 км^2 метрополии и 347 000 км^2 колониальных владений. Около 6 миллионов человек находятся под управлением республиканского правительства и около 18 миллионов (не считая 1,5 миллиона колониальных иногородцев) под управлением националистической власти.

Ресурсы страны тоже распределены неравномерно. Испания, как известно, страна земледельческая. Только 10% ее поверхности негодно для земледелия или скотоводства. 40% поверхности использовано для разведения скота, причем районы с наиболее развитым скотоводством находятся под властью ген. Франко, поэтому его народ обеспечен мясом, а шерсть знаменитых мериносов претворяется им в валюту. 40% поверхности обрабатывается земледельцами (по производству пшеницы Испания стоит на 4-м месте в Европе), и в этом отношении Франко имеет большие преимущества - почти все пшеницeносные земли охвачены границей национальной Испании. Рисом богата та часть страны, что осталась под властью республиканцев, и фруктами она более богата, нежели националистическая. По виноделию Испания стоит на 3-м месте в Европе, причем почти вся продукция экспортировалась, поэтому вино играет большую роль во внешней торговле государства; этот валютный ресурс распределяется сейчас почти поровну. Производство оливкового масла (1-е место в Европе) сосредоточено главным образом в районах, принадлежащих республиканской власти.

В общем, националисты значительно богаче республиканцев дарами земли, что обеспечивает им не только снабжение продовольствием, но и дает кое-что для вывоза.

В отношении добывающей промышленности преимущества ген. Франко еще более значительны. Он распоряжается 4 миллионами тонн меди, добываемой ежегодно в Рио-Тинта (по добыче этого металла Испания стоит на первом месте в мире), и 40 тоннами ртути - ежегодная добыча, ставящая Испанию на первое место на свете и в добыче этого ценного ископаемого. Из 7 миллионов тонн угля около 80% приходится на долю националистов и только 20% на долю республиканцев. Миллионов 5 тонн железной и мангановой руды добываются в национальной Испании, и только 1 миллион тонн - в республиканской. Серебро, свинец и цинк (320 тысяч тонн) поделены примерно поровну. Калийные соли (Каталония) перешли сейчас к Франко.

Таким образом, ген. Франко располагает столь большим количеством военного сырья, что может совершенно свободно покрывать все свои потребности и вывозить его в огромных ко-

личествах - это более надежный залог дружбы снабжающих государств, нежели золотой запас, быстро тающий в руках республиканского правительства.

Что же касается обрабатывающей промышленности, то сейчас, с падением Каталонии, все преимущества совершенно бесспорно перешли на сторону националистов.

Это, конечно, не значит, что экономически республиканцы беспомощны - они только значительно слабее националистов. В военном отношении эта слабость еще более разительна. Уже из соотношения численности населения в двух разделившихся частях государства видно, что Франко может при одинаковом с республиканцами напряжении выставить армию в три раза большую. Или же он может иметь армию в полтора раза большую республиканской при напряжении вдвое меньшем, чем напряжение республиканской части страны.

Ген. Миаха располагает сейчас приблизительно 300 тысячами бойцов. Можно предполагать, что такое же количество воинов-националистов стоят против них на фронте в 1 300 км от Кастеллона к Мадриду и далее на Альмерию. Около 200 тысяч бойцов, завоевавших Каталонию, отдыхают сейчас после ратных трудов. Когда они наберутся сил и когда их ряды будут пополнены, шесть армейских корпусов будут брошены против центральной Испании и тогда равновесие сил там будет резко нарушено в пользу националистов.

Конечно, и борьба 300 тысяч против 500 тысяч солдат вполне возможна, - военная история знает победы малочисленной стороны и при более тяжком соотношении сил. Но опыт 30 месяцев борьбы в Испании показывает с совершенной убедительностью, что в руках республиканских командиров испанцы дерутся значительно хуже, чем под водительством националистов, и что помощь людьми и генштабными мозгами, получаемая националистами, значительно сильнее помощи, получаемой республиканцами. <...>

Конечно, республиканские дивизии, разоруженные сейчас во Франции, после небольшого отдыха снова будут годны к борьбе, и тогда несколько десятков тысяч солдат могут усилить собой армию генерала Миахи, если их удастся перебросить морем в Валенсию. Такое возвращение интернированных бойцов на театр войны стало обычным явлением. Прецеденты этому были в русскую Гражданскую войну: армия ген. Бредова, интернированная в Польше, была перевезена через Румынию в Крым, когда нужно было усилить ген. Врангеля, вследствие наступления советских войск на Варшаву. Разбитые под Варшавой большевистские корпуса были частью интернированы немцами в Восточной Пруссии, - и их перебросили в СССР до заключения мира между Москвой и Варшавой.

Прибытие многих тысяч бойцов в Валенсию (удастся ли транспортом проскользнуть мимо националистического флота?) не выровняет сил сторон, тем более что итальянская помощь так реальна и так плодотворна, что победа Франко над Миахой представляется совершенно несомненной - вопрос только во времени.

Нельзя доверять сведениям о массовых отказах воевать, якобы наблюдающихся в войсках центральной Испании - это скорее пропаганда, чем информация, - но некоторое нарастание пессимизма в этих войсках было б теперь естественным. Если оно будет очень сильным, то разгром республиканской армии будет неожиданно быстрым, но если психическая депрессия будет устранена, то сопротивление у Мадрида и на путях к Валенсии может продолжаться несколько месяцев. Генералу Миахе придется, возможно, сократить свой фронт отдачей маловажных или для обороны неудачных участков. Можно думать, что он охотно отказался бы от обороны мадридского мешка в его нынешнем начертании, но огромное политическое значение этого боевого сектора затрудняет ему принятие стратегически правильного решения.

Основной стратегической задачей республиканского командования теперь будет выигрыш

времени, потому что оно не может ставить ни на силу войск, ни на искусство вождей, ни на победоносный подъем духа, а только на чудо - на войну в Средиземноморском бассейне.

Поэтому демократическим странам нужно было бы точно знать требования и намерения Муссолини, прежде чем будет ликвидирована республиканская Испания. Поэтому же Муссолини не должен торопиться с раскрытием своих карт: сперва надо уничтожить республиканскую Испанию как важный стратегический фактор в случае нового конфликта.

Таким образом, темп развития военных событий в Испании может сильно влиять на темп развития дипломатических событий в Европе. В этом, вероятно, и черпает свой оптимизм и свое мужество Негрин, решивший продолжать неравную борьбу.

Месснер Е. Могут ли республиканцы продолжать войну против ген. Франко? // Сегодня. - 1939. - №49.

ФРОНТ
ОТ КИТАЯ
ДО ГИБРАЛТАРА

ГОД ВОЕННЫХ ЗАРНИЦ

Военная гроза еще не грозит миру, но в течение всего 1936 г. военные зарницы освещали небосклон, вселяя трепет в души людей.

Этот самый бурный из всех послевоенных годов год народился под грохот бомб, разрывавшихся над несчастной Абиссинией. Там разыгрывался последний акт «оборонительной» войны, предпринятой Муссолини. Войска дуче победили своих черных противников (никто не предвидел иного результата войны), и победили в короткий срок (многие, в том числе и я, предсказывали более длительное сопротивление абиссинских войск и абиссинских гор, пустынь бездорожья). Германские военные обозреватели полагали, что потребуется 30 лет на овладение страной негуса. Муссолини и Бадольо опрокинули все расчеты.

Впрочем, расчеты эти, скорее, опрокинули Болдвин и Идеи - они увидали бессилие Англии в Средиземном море и уклонились от реальной помощи негусу в должном размере.

Англичане вовремя почуяли безнадежность негусова дела и признали, что первый раунд англо-итальянского бокса на средиземноморско-красноморском ринге закончился в пользу Италии. После этого итальянцам нетрудно было овладеть Аддис-Абебой.

В непосредственной связи с абиссинскими событиями стояла кровавая борьба в Палестине. Эта маленькая война имеет большое значение и для еврейского, и для арабского мира, и для всей Европы, потому что и она является сражением в исполинской борьбе Англии за господство на пути в Индийский океан, господство, оспариваемое Италией.

Одновременно с партизанщиной в Палестине нервы человечества взвинчивала в минувшем году партизанщина на Дальнем Востоке, где Москвой и Кантоном поддерживаемое антияпонское движение выливается в форму партизанских действий в Маньчжурии. Напряженность обстановки на Дальнем Востоке, где уже на протяжении нескольких лет народы живут «накануне войны», лучше всего иллюстрируется теми пограничными стычками между советскими и японскими войсками, которые временами принимают большие размеры.

Борьба между Москвой и Токио ведется и на китайской территории - сейчас принято сводить кровавые счеты на чужой земле: Испания на себе испытывает тяготы этой моды; гражданская война, как перемежающаяся лихорадка, то и дело потрясала расслабленное тело Китая в минувшем году. На севере страны в муках рождается «независимая» Внутренняя Монголия: вооруженные неизвестно откуда взявшимися танками дикари-монголы ведут операции с японским дерзновением и монгольской трусостью. На Востоке нет войн, но Восток воюет.

В Европе идет война, но Европа делает вид, что она не воюет. Шесть государств участвуют в испанской войне. Это те, которые снабжают борющихся деньгами, оружием, добровольцами и регулярными войсками. И шесть (а может быть, и больше) государств заинтересовано в продолжении этой войны, потому что их граждане - фабриканты и рабочие, пароходовладельцы и матросы - имеют выгоды от торговли с воюющими партиями.

Усилия если не прекратить, то хотя бы локализовать борьбу в пределах Пиренейского полуострова затрудняются тем, что во всем мире государства, а во всех государствах граждане поделились на два лагеря, идейно непримиримых и политически не согласуемых.

Испанская война довела тревогу в Европе до апогея. Последние дни года слегка успокоили народы, с ужасом ждавшие начала общей свалки. Успокоение пришло не из Женевы, откуда

оно должно было бы прийти, а из Рима, откуда его меньше всего можно было ждать. Лига Наций записала на доску своих успехов, что ей удалось не ввязаться в испанские дела, а Италия может радоваться результатам своей новой дипломатии: один месяц флирта с Берлином дал Риму возможность взять с Лондона хорошее отступное за прекращение этого флирта.

От этого Европа получила передышку, если только Германия не кинется на отчаянную авантюру, чтобы прекратить невыносимое одиночество.

Передышку Европа использует для еще более интенсивного вооружения, для еще более грандиозных приготовлений к приближающейся военной грозе. 1936 г. был для человечества годом строительства армий и флотов. Можно написать книгу о том, что сделано за год в смысле повышения боеспособности государств. Ограничимся лишь беглым обзором, - и он даст картину достаточно потрясающую.

Греция ввела допризывную подготовку молодежи, Болгария с помощью немцев завела военную авиацию, запрещенную ей договорами. Румыния и Югославия подписали конвенцию о снабжении югославского войска румынским бензином, а румынской военной промышленности - югославской медью; военные приготовления идут полным ходом. Австрия всосала в свою армию партийные формации и тем значительно усилила свои мобилизационные возможности. Венгрия вполне подготовила переход к системе всеобщей воинской повинности.

Чехословакия, чувствующая себя под угрозой со стороны трех соседей, разработала закон о военной подготовке молодежи. По этому закону дети до 14 лет будут проходить военную муштру в школах, от 14 до 18 лет - в гимназических обществах, а от 18 лет должны будут обучаться военному делу под руководством офицеров. Чехия, опасаясь вторжения германских моторизованных дивизий, усиленно переводит свои войска на моторную тягу. Она построила несколько аэродромов специально для приема, в случае войны, французских и советских эскадрилий; эти воздушные базы уже сейчас обслуживаются персоналом французской и Красной армий.

Германия увеличила срок военной службы и этим повысила до 800 000 человек состав армии мирного времени. Она формирует офицерский кадр с интенсивностью, словно война уже идет. Ее армия постепенно подползает к границам: все больше и больше полков перемещается из внутренних округов в пограничные, что свидетельствует о продолжающейся эволюции планов германского генерального штаба в направлении активизации этих планов. Одновременно с продолжающимся развитием мощи армии (за минувший год сделано много в смысле моторизации и в деле развития авиации) предпринята организация промышленности для войны.

Италия продолжает держать под ружьем свыше миллиона человек: из числа военнообязанных каждый восьмой итальянец находится в казарме - ни в одной стране мира этого еще не бывало. Может быть, Муссолини этим способом устраняет безработицу - изъятие миллиона трудоспособных людей из народного хозяйства - это хороший способ уравнять предложение и потребление труда, - но большевики, по прекращении Гражданской войны, «перемотали» часть армии на катушку «трудармии», итальянцы же не перематывают: видимо, Риму нужно, чтобы его миллионная армия висела дамокловым мечом над Европой.

Франция с величайшим напряжением усиливает свою армию. Даладье потребовал от парламента кредитов на увеличение кадра сверхсрочных солдат и унтер-офицеров на 160 000 человек; потребовал разрешения и кредитов на то, чтоб призвать резервистов на учебные сборы не раз в год на 21 день, а дважды в год в общей сложности на 30 дней; потребовал введения всеобщей допризывной военной подготовки. Надо сказать, что в минувшем году сила Франции

потерпела некоторый ущерб: во-первых, при попустительстве социалистов в казармы ворвалась коммунистическая пропаганда в невиданных размерах; во-вторых, заводы, работающие на армию, сильно запоздали с поставками, потому что «без ведома правительства» продавали свою продукцию в Испанию. Сейчас военное командование усиленно борется с коммунизмом в армии и нажимает на промышленность (кстати сказать, запаздывающую отчасти и из-за забастовок), требуя скорейшего выполнения поставок в армию.

Военный министр Франции получил огромные кредиты для продолжения укрепленной линии Мажино от Валансьена до Дюнкирхена фронтом против Бельгии. 5 миллиардов франков ассигновано в чрезвычайном порядке на развитие французской авиации: на эти средства число офицеров воздушного флота будет увеличено на 1000 человек, число солдат - на 10 000 человек, а число самолетов вдвое. По примеру Красной армии создается «воздушная пехота» для десантов с самолетов.

Бельгия перегруппировала свою маленькую армию в целях лучшего отпора внезапному набегу моторизованных вражеских войск; она ее усилила техническими средствами и значительно укрепила свои крепости.

СССР в минувшем году в полтора раза увеличил численность своей армии при помощи понижения призывного возраста. Москва почти отказалась от милиционной системы - большинство территориальных дивизий, которые были, в сущности, школами для милиции, превращено в нормальные дивизии с нормальным штатом солдат. Красный Генеральный штаб прилагает огромные усилия к тому, чтоб в случае войны «разбить врага на территории врага» - усиливается маневроспособность Красной армии. При этом наряду с созданием моторизованных частей - последнего крика военной моды - создаются новые конные корпуса. Интересно отметить, что одна, а может быть, и две новые конные дивизии составлены из казаков: видимо, казаки получили прощение за свою «контрреволюцию» 1917-1920 гг.

Англия за минувший год сделала военно-строительное усилие, почти равное тому, что она осуществила в первый год Великой войны. Она уже создала 13 гражданских авиационных школ и завершает создание еще 20 школ. Ей нужно догнать другие страны, далеко ушедшие вперед (например, СССР имеет уже около 100 000 пилотов). Англия феноменально развивает свою военную промышленность и, не довольствуясь этим, пытается заказывать самолеты в Америке, где заводы дают более короткие сроки изготовления, нежели британские фабрики. Англия производит перемещение промышленных районов в безопасные от воздушных налетов края и усиливает противосамолетную оборону.

Ее усилия увеличить свою армию путем вербовки добровольцев, не дают должного успеха и потому правительство подготовляет форменный переворот - введение всеобщей повинности. Это противно традициям и духу англичан, но военная опасность кажется Лондону столь большой, что подобная организация армии представляется необходимой.

Египет получает новую армию, доминионы усиливают свои военные силы: по всему пространству империи идет военное строительство.

Британские морские базы на острове перемещаются на север, подальше от германских и французских воздушных баз; в Средиземном море, в восточной его части, строятся базы для морского и воздушного флотов вне действительности боевой работы итальянских гидроаэропланов.

На протяжении всего исполинского пути от Темзы до Гонконга укрепляются опорные пункты для флота (интересно, что СССР создает свой собственный путь на Дальний Восток, затрачивая сотни миллионов рублей на организацию плавания вдоль северных берегов Сибири - ес-

ли будут побеждены климатические трудности, этот водный путь сыграет известную роль в случае войны на далекой восточной окраине). Сингапур - последняя опорная точка на британском водном пути - сделан сильнейшей в мире морской базой.

На британское строительство отвечает Северная Америка такою же деятельностью: создана огромная военная и воздушная база на Аляске; все базы на западном берегу материка усилены; укреплены остров Гуам, который Америка обязалась не укреплять на Вашингтонской конференции.

Последние клочки Вашингтонского договора (и последующих) разорваны в 1936 г.: все великие морские державы приступили к чудовищному строительству флотов. В этом отношении мир отброшен на три десятилетия назад, и идея международных соглашений, если не о разоружении - где уж! - то об ограничении разоружения, получила в минувшем году такой удар, что для ее выздоровления, кажется, нужна новая хирургическая операция в виде войны: Великая война не научила человечество ничему. К концу 1936 г. флот СССР, по сравнению с 1933 г., увеличился: подводный на 715%, гидроавиационный на 510%, боевой на 300%.

На первом месте среди всех вооружающихся народов стоит Япония, которая снова в этом году довела свой военный бюджет до 46% всего государственного бюджета. В эту цифру не вошли затраты Квантунской армии, пожирающей огромные суммы на проведение своей «политики» в Китае.

В течение 1936 г. многие стали сильными, - мир как будто приблизился к войне. Человечество это сознает и с трепетом ждет военной грозы, глядя на сверкающие зарницы.

В этот тяжелый момент можно надеяться только на то, что не всегда нахмуренное небо приносит грозу - иной раз гроза проходит мимо. Но эта надежда не должна усыплять. Надо, не переставая, взывать к человеческому благоразумию и противиться военному психозу, охватывающему человечество - в нем, а не в накоплении оружия главная опасность.

Сегодня. - 1937. - №1.

ОПАСНЫЕ «ПЕРЕКРЕСТКИ» ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

В 1929 г. «Сегодня» предприняло анкету на тему «Возможен ли серьезный европейский конфликт?». Отвечая на этот вопрос, мой коллега Ю.И. Галич предсказывал передышку 25 лет, я же утверждал, что «опасная зона» может начаться уже к сороковым годам этого столетия. Иного мнения были политические деятели, среди которых особенно оптимистичным оказался Бенеш, ответивший «Сегодня», что столкновение неправдоподобно.

Сейчас президент Чехословацкой республики не повторил бы этих слов. Отсюда нельзя делать вывод, что мы, двое военных, оказались проницательнее государственного человека с мировым именем. Не следует думать, что мы, пессимисты, были реалистами, а он, оптимист, был мечтателем и идеалистом. Он, по-видимому, действовал по мудрому военному обыкновению: «говори воинам, что они уже герои, и они станут героями». Он внушал своему народу и народам Европы, что столкновение невозможно, для того, чтобы оно стало невозможным.

Однако эти пацифистские усилия оказались недостаточными, чтобы устранить вековечное зло - «опасная зона» снова подползла к Европе. Уже на конференции по разоружению, превратившейся в «конференцию по довооружению», выявилось, что мировая обстановка неблагополучна, и тогда, сперва стыдливо и втихомолку, а затем открыто, государства стали готовиться ко всяким возможностям. Сейчас эти приготовления приняли размеры, невиданные в истории человечества. Размер усилий, приходящихся на долю граждан, можно сравнить до некоторой степени с героическими примерами древности. Тогда, бывало, женщины жертвовали свое украшение - косы - для плетения луков; сейчас женщины кос не жертвуют, потому что кос нету и потому что и луков больше нет, но граждане многих государств отдают в году свой месячный заработок государству на вооружение. Это не преувеличение - так обстоит дело в целом ряде государств, где военный бюджет давит на государственную кассу.

Приготовления Германии и Италии, Франции и Англии, а также СССР не оставляют ни малейшего сомнения, что правительства этих стран считаются с возможностью столкновения. Можно обольщать себя надеждой, что столкновение более вероятно в отдаленном будущем: раз министры объявляют четырехлетний план вооружения, значит, на протяжении четырех лет ничего серьезного не случится.

Но, с другой стороны, никто не хочет допустить, чтобы противная сторона успела выполнить свой план вооружения, и потому могут быть попытки вызвать конфликт прежде, чем этот план будет осуществлен. Взрыв произошел в 1914 г. в значительной мере потому, что немцам было важно не дать России провести огромный план артиллерийского перевооружения армии.

И притом предлогом может быть любой пустяк, раз есть причины. А причин немало.

Ведь теперь уже создались разные «идеологические фронты» - испанский опыт показал, что люди способны отдавать свою жизнь за цели, стоящие выше личных и национальных. Однако возможность возникновения чисто идеологической войны устранена с того момента, когда Лондон, засучив рукава, принялся ковать огромный меч, чтобы стать арбитром мира и войны: русский мессианизм, французский романтизм, немецкое ницшеанство, итальянская восторженность могут вести к конфликтам из-за идеалов и идей, но англичанам такие «ненужные» конфликты не нужны. Если они их бы допустили (или если не будут в состоянии предотвратить), то они под донкихотские слова подведут санчопансовские цели.

Многие думают, что цели конфликтов - политические цели: марксисты полагают, что в основе всех столкновений лежат экономические причины; известный германский профессор Вегенер, погибший в Гренландии, утверждает, что причиной причин надо считать географические причины, потому что и экономические обстоятельства и политические намерения поддаются изменениям, географические же условия неизменяемы волей людей и они создают неустранимые условия для столкновений.

Профессор Вегенер, как и каждый специалист, ставит в голову всего свою специальность - в данном случае географию, - но с ним нельзя не согласиться, что под политическими или экономическими конфликтами, где-то в глубине кроются противоречия, проистекающие от географических условий. <...>

Чтобы быть понятым, начну с наиболее простого примера. В район Восточной Пруссии Германия не может не тяготеть с запада на восток, чтоб через коридор получить непрерывность территории, разделенной Версальским миром; но здесь Польша тяготеет с юга на север, чтобы обеспечить себе выход к морю. Перекрещивающиеся под прямым углом эти два стремления создают Прусский географический перекресток, создающий основу для конфликтов. Столкновение интересов наблюдается здесь между Германией и Польшей, но оно может произойти и в другом месте, если ради устранения «перекрестка» будет поднят вопрос о ликвидации коридора и компенсации на другой из ее границ тоже с выходом к морю.

Германия, зажатая между славянским массивом, с одной стороны, и латинским массивом, с другой стороны, может направлять свою экспансию также и вдоль Дуная (по профессору Вегенеру, народ, осевший на реке, географически вынужден стремиться к овладению всем течением реки, то есть всем географическим объектом). Следовательно, немецкое устремление направлено на юго-восток. Между тем в силу географического закона (по профессору Вегенеру), гласящего, что народ, обладающий частью географического объекта, как море, географически вынужден стремиться овладеть этим объектом целиком, Италия не может не иметь стремления к противоположным берегам Адриатического моря и соответствующему «хинтерланду». Это стремление Италии на северо-восток создает на территории Балканского полуострова географический «перекресток», значение которого несравненно более велико, чем людьми сконструированная сейчас ось Берлин-Рим.

Линия германского устремления на Балканы переходит далее Малую Азию и направляется к южно-азиатским рынкам. Этот, хотя и не географией, а экономикой предуказанный путь пересекается на Босфоре с географическим путем России к линиям мировой торговли: здесь создается еще один «перекресток». Далее немецкий путь пересекается с географически естественным направлением английских устремлений: упрочившись на берегу Персидского залива, англичане в силу географической неизбежности не могут не стремиться в сторону этого географического объекта.

Вследствие той же «географической логики» Германия имеет интересы на берегах Балтийского моря. Здесь создается географический «перекресток», потому что если бы Россия, вопреки географической логике, и не имела особых балтийских устремлений (правда, она сейчас, в сущности, перестала быть балтийской державой), то она не может не иметь тяготения в юго-западном направлении, куда лежит путь от Финского залива к океану.

Одной из главнейших особенностей географической структуры Франции является то, что она состоит из двух частей - европейской и африканской. Между тем линия Марсель-Алжир пересекается пучком линий, исходящих из Рима и направляющихся к западным и южным берегам Средиземного моря, что говорит о географической потребности для Италии сделать

своим весь этот географический объект. Реальность существования этого географического «перекрестка» доказывается испанской войной.

Такой же пучок линий из Рима к малоазиатским берегам Средиземного моря перекрещивается с уже упомянутым русским путем из Черного моря на юг.

Средиземное море вообще изобилует географическими «перекрестками». Важнейшее из всех географических направлений - стержень Британской империи, начинающийся в Лондоне и кончающийся в Сингапуре, пересекается географической линией Марсель-Алжир, пересекается всеми линиями, исходящими из Рима, и пересекается русским направлением из Черного моря на юг.

Таковы главнейшие из географических «перекрестков», предопределяющих возможности конфликтов. Кроме них, имеются еще более мелкие «перекрестки», создаваемые географическими условиями существования великих и более малых держав. Если к этому добавить экономические «перекрестки», которых тоже накопилось немало, то можно будет понять, почему европейская дипломатия вынуждена проявлять теперь такую активность.

Правда, не все из географических «перекрестков» имеют в настоящий момент судьбоносное значение. Например, франко-британский «перекресток» на Средиземном море не создает пока трудностей: полицейский, называемый политическими интересами, руководит движением на этом перекрестке - до поры до времени ему это будет удаваться. Но на иных из перечисленных перекрестков происходят уже более серьезные заторы.

В вышеприведенном рассмотрении отсутствует указание, каковы географические причины враждебности между Францией и Германией, враждебности столь давней, столь традиционной, что нельзя не заподозрить наличия причин, более глубоких, чем переменчивые политические и экономические причины. Между тем с большим трудом можно усмотреть наличие «географического перекрестка» на французских и германских путях: с географической точки зрения естественное стремление Германии выйти через северную Францию и Бельгию на берег океана не столь очевидно, чтобы оно могло создавать «перекресток», тем более что народы перестали довольствоваться морями, а стали нуждаться в океанах недавно, а германо-французская вражда исчисляется столетиями. Географическая причина ее существует, и состоит она в отсутствии ярко выраженного географического рубежа между расселением галлов и германов. Народ, владевший частью равнин или плато, стремится если не в сознании своем, то в подсознании к овладению этим географическим объектом целиком, поэтому существует на протяжении столетия нажим галлов на севере и германов на юге: где-то на Рейне эти взаимно противоположные движения образуют географический «треугольник», географическую причину конфликтов бывших и грядущих.

Географические причины рождают экономические причины конфликтов и психические их причины; только породив достаточное количество тех и других, география создает столкновения. Поэтому в каждом отрезке истории то одни, то другие из географических причин выползают на передний план и становятся актуальными. Сейчас только несколько из всех существующих географических «перекрестков» приобрели более серьезное значение, и в числе их средиземноморские играют в данный момент первую роль: вооружение Франции и Англии - доказательство того, что «перекрестки» на Средиземном море стали непроходимыми без толчеи и что эта толчея грозит превратиться в давку. Все последние напряжения европейских дипломатов и направлены к тому, чтобы не дать этой давке превратиться в столкновение.

Месснер Е. «Оси», идеологические «фронты» и

опасные «перекрестки» европейской политики // Сегодня. - 1937. - №257.

БОРЬБА ВООРУЖЕННЫХ ИДЕОЛОГИЙ

На фронте в 12 000 километров от Татарского пролива на Дальнем Востоке до Гибралтара идет борьба, борьба ожесточенная, свирепая. Половина этого фронта уже охвачена пламенем сражений, на другой половине нет еще кровопролития, но и там происходит хотя и скрытый, но напряженный поединок. Только поверхностный наблюдатель может не увидеть связности борьбы на отдельных участках фронта. Только невдумчивый наблюдатель может эту связность объяснить империалистическими целями той или иной державы, той или иной группировки держав. Не нужно особенных усилий ума, чтобы понять, что сейчас на трех материках идет борьба между двумя идеологическими фронтами.

Гражданская война, повстанчество, восстания, «карательная экспедиция», массовый террор - все это разнообразие методов поглощается единообразием целей. Монголы, славяне, индусы, арабы, евреи, абиссинцы, берберы, англосаксы, германские и латинские народы втянуты в эту борьбу на трех континентах и при всем своем разноязычии говорят сейчас на языках двух идеологий. Борьба столь огромна, что охватить ее совокупность не можем мы, рядовые обыватели. Мы можем лишь пытаться разобраться в отдельных явлениях этой борьбы.

У Татарского пролива в далеком Приморье идет подпольная борьба между красными и некрасными (в эту категорию входят и белые как идейные противники красных, и желтые как империалистические и идейные противники красных). Стычки, нападения, убийства и разрушения ценных объектов создают обстановку войны под покровом мирного положения. Реваншируясь за все эти тягостные для большевиков события, красные широко использовали революционные и националистические элементы в Маньчжурии и питали там повстанческое брожение. Сейчас они довели его до напряженности, которую уже можно охарактеризовать словом восстание. <...>

По последним сведениям, дальневосточный конфликт расширился вглубь Азии, и в него отчасти втянулся СССР, начались военные действия в Китайском Туркестане, или, как его иначе называют, Восточный Туркестан, или Синкианг. Японцы сделали много, чтобы затруднить Советам овладение этой страной. Вот уже три года, как в Кабуле (Афганистан) находится специальная японская миссия, задачей которой, по-видимому, была организация антисоветских сил в Синкианге. Ближайшее будущее покажет, удалась ли этой миссии задача или Советы без труда реваншируются в Центральной Азии за потерю Маньчжурии. Для Москвы проникновение в эту страну весьма заманчиво. Дело в том, что занятие Синкианга красными войсками привело бы к созданию русско-индийской границы - кошмар, душащий англичан еще со времен Петра Великого.

Как известно, афганская территория имеет нечто вроде червеобразного отростка - придаток в 300 километров длиной и 20-40 километров шириной, тянущийся по вершинам Гиндукуша. Этот придаток был дан Афганистану только для того, чтобы Русский Туркестан не мог соприкоснуться с северными землями Индии. Теперь этот барьер становится бесполезным, если советские пограничники на протяжении пятисот километров расположат свои посты по горам Каракорум. Военное значение этого нового положения (если оно осуществится) весьма невелико - пустыни равнинные и пустыни исполинских гор делают невозможной сколько-нибудь серьезную войну между Москвой и Лондоном на этом пространстве. Но эта новая и единст-

венная русско-английская граница могла бы послужить исходной базой для поддержки немирных элементов в Индии.

Вооруженная борьба, далее, захватила сейчас и всю Аравию. Если арабские государства еще и не включились в вооруженную борьбу, то все же в них происходит напряженнейшее соперничество между странами, которые претендуют на звание покровителей мусульманского мира. Авангард арабов - палестинские арабы (а к этому авангарду все время присоединяются добровольцы из других земель) ведут в Палестине борьбу, которая из борьбы двух народов в одном государстве постепенно превращается в вооруженную борьбу двух великих государств, при посредстве этих враждующих народов. Пропаганда, которую проводит на арабском языке итальянская радиостанция в Бари, свидетельствует с полной очевидностью, что палестинская проблема стала не только арабо-еврейской проблемою, но и проблемой британо-итальянской. Бомбы, бросаемые на палестинских дорогах, и выстрелы в палестинских городах говорят об активности в Аравии, активности, которая является ответом на иностранную активность в Абиссинии. Последняя, как ни далека географически, втянута в борьбу двух фронтов, потому что державам этих фронтов не пришло еще время сразиться в открытой борьбе, - они сражаются при помощи черных, желтых, оливковых народов. <...> Подготовка ко включению Туниса и Алжира в предстоящую вооруженную борьбу идет столь интенсивно, что французский министр обороны нашел необходимым принять энергичные меры к ограждению безопасности этих французских владений.

В них еще льется кровь, но они уже вовлечены в идеологическую борьбу, и соперничество двух идеологий (преломленных в призме расовых и религиозных особенностей Северной Африки) развивается при полном напряжении пропагандистских аппаратов Италии и Франции. <...>

Левый фланг исполинского фронта борьбы - Испания - переживает сейчас события чрезвычайной важности. Франко овладел последними остатками северного театра и принудил красных к сдаче. <...>

Надо поражаться необыкновенному упорству республиканского командования в Испании, ведущего борьбу на протяжении 450 дней без единого радостного дня. Если это упорство не ослабнет, то борьба может затянуться еще на месяцы и месяцы. Ускорит ли отозвание добровольцев приближение конца войны или его затянет - сказать сейчас невозможно.

Уйдут ли иностранцы из Испании - вопрос, стоящий в центре внимания всего мира. Он совершенно незаслуженно получил такую популярность: его разрешение не очень резко отразится на судьбе Испании и весьма мало повлияет на положение в мире, и в Европе в частности. Он является только одним из вопросов, стоящих перед расколовшимся на две части человечеством, только одним из эпизодов происходящей в мире борьбы.

Рассматривать этот вопрос с военной точки зрения сейчас еще преждевременно. Ему в газетах сейчас место в рубрике «шахмат», потому что происходящие переговоры весьма напоминают шахматную игру: мастерские ходы той и иной стороны очень занимательны, но лондонская игра, как и шахматная игра, есть только игра, а не жизнь. Жизнь же идет своим чередом, и никакие словесные и письменные соглашения не могут устранить той помощи враждующим в Испании, какую им оказывают

идеологически враждующие государства. Демократические земли не перестанут помогать красным в Испании, как и фашистские земли - белым в Испании.

Если даже 60-100 тысяч иностранцев двух лагерей уйдут из Испании, народам не станет легче - борьба между двумя фронтами продолжится: она может превратиться в более широ-

кий конфликт или же может прекратиться в результате всеобщей нервной депрессии, которая сменит нынешнюю взвинченность нервов - тогда борьба уляжется за исчезновением бойцов.

Месснер Е. Борьба двух идеологий на фронте от Китая до Гибралтара // Сегодня. -1937. - №298.

УРОКИ 1937 ГОДА

Год 1937-й изрядно потрепал нервы человечества: каждый день приносил волнующие известия с театров вооруженной борьбы и еще более волнующие комментарии к этим известиям, комментарии, полные предположений, что местные конфликты втягивают в себя великие силы и тем самым могут превратиться в всеобщую войну. Эти комментарии основывались на теории о неделимости мира, выдвинутой для укрепления идеи коллективной безопасности. Уроки 1937 г. показали, однако, что пока не существует единого неделимого мира, а есть неделимые миры в сфере интересов каждой великой державы.

В истекшем году особо большой аппетит проявили японцы. Предпринятая ими дружелюбная война (дружелюбная потому, что ее цель - «защита истинных интересов Китая») ведется с успешностью, неожиданною для всех, кто, сопоставляя только численность - 70 миллионов и 450 миллионов, - не учитывает коэффициента боевого качества. В Европе есть еще много людей, которые продолжают, веря Жересу, думать, что милиция, т.е. наспех созданное в случае войны войско, может состязаться с регулярной армией, сильно изощренной организованностью. Китайская война наносит еще один удар сторонникам милиционной системы и убеждает в необходимости иметь сконструированную армию.

Правда, китайское воинство сейчас не является чистой формой милиции, но оно имеет чисто милиционный характер. Только при соотношении сил 20 на 1 китайские отряды оттесняют японские авангарды, но при менее подавляющем соотношении численности японцы неизменно и без труда разбивают противника. В обороне китайцы иногда дают отпор, вызывающий вспышки надежд у тех, кто симпатизирует Китаю, но это - не отпор китайцев, а отпор современного оружия, которое дает возможность даже слабейшему несколько замедлять победу сильнейшего. <...>

Единственная страна, которая помогает Китаю всерьез, не ведя за его спиною переговоры с агрессивной Японией, - это СССР, который спасает свои жизненные интересы в Азии.

Испанская война, ярко, но опасно горевшая в течение большей части 1937 г., сейчас тлеет, медленно приближаясь к естественному концу - победе националистов. Последние владеют сейчас двумя третями Испании. Овладение провинциями, прилегающими к Бискайскому заливу, дало им не только возможность усилить войска на главном театре войны, но и позволило сосредоточить весь свой флот в Средиземном море для блокады республиканского побережья. Испанские войска обеих сторон показали выдающуюся способность к обороне. Пословица «горд, как испанец» оправдалась - так горд, что не сдается в самых отчаянных положениях. Впрочем, гордости не хватает для неудержимых атак, поэтому только те атаки удаются, где испанцы идут на буксире у иностранцев. Иностранцы сейчас буксировать перестали, и поэтому Франко вынужден усвоить стратегию измора. В течение всего года баланс мелких и крупных побед был исключительно благоприятен для националистов. Только «под занавес», в последние дни года, республиканцам удалось сорвать аплодисменты Европы удачным наскоком на Теруэль.

Тенденции динамических стран остались, конечно, прежними, неуступчивость статических стран остается почти прежнею, но первые почувствовали, что неуступчивость не есть только упрямство, но и сознание своей силы. Отсюда вывод - мир в Европе нарушить нелегко. Для

его нарушения надо, чтобы агрессивные или ощутили прилив энергии, какого сейчас еще не имеют, или почувствовали упадок духа в противоположной группировке, какого сейчас еще не наблюдается.

Таким образом, убивавшие, казалось бы, всякую надежду на мир события 1937 г. создают некоторую надежду на то, что мир не будет нарушен, пока не исчерпаются все средства бескровного разрешения роковых вопросов международной политики.

Возникнет ли война в 1938 г.? «Может быть, - может быть, а может быть - не может быть», - как говаривал с азиатской хитростью покойный генерал Баратов. Страдания Мадрида и Шанхая усилили в людях отвращение к войне. Если б войны возникали только по воле людей, то войны сейчас не будет. Но войны возникают и помимо воли людей, толкаемых в войну силою непреодолимых обстоятельств. Поэтому надо в 1938 г. беречь мир с еще большею тщательностью, чем в 1937 г.

Месснер Е. Нарушить мир в Европе нелегко // Сегодня. - 1938. - №6.

СВЕРХСТРАТЕГИЯ АНГЛИИ

Полковник, ведущий свой полк в бой, или генерал, руководящий боем дивизии, пребывает в сфере понятий и познаний, которые охватывает та из военно-научных дисциплин, которая именуется тактикой. Командир корпуса и командующий армией, направляющие боевую работу больших воинских масс и, кроме того, несущие заботу об огромном воинском тыле, переходят в область следующей, более сложной военной дисциплины, которая еще не получила общепризнанного наименования (ее называют некоторые «Большой тактикой»), но которую можно было бы назвать оператикой: оперативное искусство - это больше, чем искусство ведения боя, это - искусство ведения крупных операций, каждая из которых состоит из множества боев и множества мероприятий по снабжению войск для боев.

Трудно провести грань между военизированными и невоенизированным отраслями: генералы хотели бы во время войны все военизировать (не ради властвования, а в целях осуществления единства воли), министры хотели бы отделить жизнь фронта от жизни страны, поручить фронт Верховному главнокомандующему, подчинить себе этого главнокомандующего и без его вмешательства вести жизнь стран. Получается то же, что уже столетиями наблюдается во взаимоотношениях между генералами и дипломатами. «Стратегия есть продолжение дипломатии», - говорят дипломаты, «дипломатия есть авангард стратегии», - говорят генералы.

Теперь, когда война перестала быть делом армий, а стала всегосударственной, всенародной обузой, стратеги, силою обстоятельств вовлеченные в государственную деятельность, желают иметь если не решающий, то довлеющий голос в этой деятельности в дни войны, полагая, что во время войны все решительно в государстве должно рассматриваться под углом зрения потребностей армии, а они, стратеги, одни в состоянии знать эти потребности. Администраторы же не уступают военным водительствам страны, потому что полагают, что для интенсификации народной жизни в дни войны не требуется милитаризации управления: страна во главе со своей администрацией ведет войну, армия же во главе с генералами ведет сражения.

Но сейчас мы наблюдаем зарождение чего-то нового в военном деле - зарождение сверхстратегии. Ее вводит Англия, создавая свой план защиты Британской империи. В нем идет речь не о подготовке одного государства - как, скажем, во французском или американском планах, - и не о согласовании военной деятельности армии двух или нескольких государств при сохранении обособленности жизни этих государств, как, скажем, в германо-итальянском плане; речь идет о согласовании всей совокупности военной и государственной деятельности союза государств, каким является Великобритания. Семь государств - Англия, Ирландия, Канада, Южная Африка, Австралия, Новая Зеландия и Индия - на пяти материках должны иметь общий военный, хозяйственный и политический план. <...>

Великобритания сейчас объединяется общим смыслом и общим делом на случай войны. Распад империи короля Георга останавливается. Распад этот происходил в результате Великой войны: Англия нуждалась в помощи доминионов, и те поэтому почувствовали свое значение; Англия не могла снабжать доминионы товарами, как делала до того времени, и доминионы стали создавать свою промышленность, переставши в прежней мере зависеть от метрополии. В результате Великобритания превратилась в лигу народов под главенством короля: прежнего единства не стало. Сейчас, под влиянием военной опасности, восстанавливается единство - не

формальное, но деловое - и его осуществляет сэр Томас Инскип, стоящий во главе министерства координации обороны.

Это самое маленькое из всех министерств земного шара выполняет самую крупную на земле задачу: согласовать в военных целях военные и народно-хозяйственные силы метрополии пяти доминионов, Индии, Ирландии и нескольких десятков колоний, мандатных земель, протекторатных государств - в общей сложности 450 миллионов человек, живущих на трех с половиной миллионах квадратных километров территории, разделенной всеми океанами и всеми противоречиями интересов, проистекающих от дальности расстояний, разности вер, языка, географических условий, экономических особенностей.

Такое согласование было бы невозможным (как невозможно было бы и создание в свое время Британской империи), если бы не было всеанглийского племенного сознания - пожалуй, наиболее действенного из всех сознаний современного человечества. Это сознание заставляет сейчас жаться к Лондону и благоденствующую Оттаву, и будирующую под влиянием буров Преторию, и далекую Канберру в Австралии, и даже географически близкий, но духовно далекий Дублин.

В Дублине понимают, что без британского морского и воздушного флота Ирландии не отбиться от нападающего. В Оттаве, Канберре, Претории и Веллингтоне понимают, что их незначительные флоты и армии не могут защитить их интересы, а может быть, и их границы, если бы произошло нападение. <...>

В задачу сэра Инскипа входит заботиться о повышении боеспособности каждого из членов британского кооператива. Для этого приходится не только убеждать доминионы повышать свои военные бюджеты, но и из военного бюджета Англии отделять значительные суммы для усиления строительства военных сил отдельных частей империи. Делается это независимо от того, в какой степени правительство того или иного доминиона симпатично Лондону - даже неприятный ген. Смутс выхлопотал усиление фортификации мыса Доброй Надежды: и «самостийнику» дают деньги потому, что знают, что в дни войны английское сознание будет сильнее политических тенденций.

Вторая задача сэра Инскипа - координация будущих военных усилий. Здесь приходится думать о четырех вещах: объединении государственного сознания разрозненных элементов, составляющих империю: о создании в каждой из частей государства способности к оказанию сопротивления нападающему, сопротивления, достаточного для прихода помощи от других частей империи: о накоплении военных, военно-технических и хозяйственных резервов в каждой из частей государства, чтобы была возможна переброска сил со всех материков к зоне, подвергшейся удару; о создании плана таких перебросок.

Единство государственного сознания создается многими путями, всем воздействием всех англичан на каждого англичанина: создается оно и величайшей осторожностью английской внешней политики, базирующейся на принципе, что обязательства перед империей, с ее многогранностью, сильнее обязательств в отношении чужих народов и лиги народов. <...>

Сегодня. - 1938. - №112

БУРНОЕ ЛЕТО

Лето в этом году выдалось бурным: две войны, одна крупная потасовка, судетская ссора, обошедшаяся пока без боев, но в своей напряженности несущая Европе много грома и молнии, одна учебная мобилизация великой военной державы, палестинская распря, перемены в положении на Балканах, признание за Болгарией права на вооружение и только что удовлетворенное признание права на вооружение и за Венгрией.

Бури проносятся над государствами и над континентами, но миллионы людей их не замечают. Принято вообще считать, что летом напряженность международной обстановки ослабевает. Испанцы в начале своей гражданской войны тоже считали, что в полдень бой должен приостанавливаться для обеда и отдыха. Так воевали в старину, - вспомним в пушкинском описании Полтавского боя: «как пахарь, битва отдыхает». И дипломатия в старину позволяла себе разряжаться на летние каникулы. Сейчас темпы не те, - сейчас и лето так же годится для ссор, как и осень.

В ссорах и спорах этого лета наиболее нервирующими были не те, которые, казалось бы, должны были давать особенно сильные удары по нервам, не войны, где гибнут тысячи и даже сотни тысяч людей, а дипломатические и полувоенные-полудипломатические передряги. Войны, во-первых, уже приелись, растянувшись на сроки, не сочетаемые с современным темпом жизни, а во-вторых, войны, вопреки военно-теоретической логике, перешли на пиано вместо обычного летнего форте.

В Китае японцы после завоевания занялись овладеванием: завоевав в конце весны огромные пространства в результате завершения борьбы за Лунгхайскую железную дорогу, они стали овладевать этим районом, насаждая там свои порядки и взращивая новые власти китайского происхождения, но античанкайшистского мышления. Необходимость крепко взять в руки оккупированные провинции в гораздо большей степени, чем вызванные китайцами и раздутые европейцами в телеграммах наводнения, требовала длительной приостановки продвижения японских войск на театре, лежащем к северу от Шанхая. Центр тяжести боев был перенесен на Шанхайский фронт - наступление вдоль Янцекъянга к Нанкину ползет с настойчивостью, которая могла бы вконец расстроить нервы противника, не будь эти нервы китайскими.

На китайском театре японцы имеют в настоящее время не более 20 пехотных дивизий, из которых 5 или 6 стоят гарнизонами в завоеванных областях и только 14-15 дерутся на исполинском фронте в 2000 километров. По-видимому, все эти дивизии принадлежат к запасным второй и третьей очереди - первоочередные дивизии и лучшие из второочередных оставлены частью на японских островах, а большей частью переброшены в Маньчжурию для уравновешивания сил дальневосточных красных армий.

Занятые больше оккупационными, чем боевыми, заботами и дерущиеся при помощи слабейших своих дивизий, японцы, естественно, не проявляют большой резвости на войне. И чем обширнее захваченные ими районы, тем меньше эта резвость - отсюда летнее затишье.

Затишье на испанском театре не может быть объяснено так просто. После выхода генерала Франко к Средиземному морю и расчленения красной Испании на два ломтя, не только многие стратеги из кафе, не только многие военные обозреватели, но даже сам Невилль Чемберлен считали неминуемой скорую ликвидацию испанской Гражданской войны. Всех их испан-

цы подвели, а больше всех Чемберлена. Существующее мнение, что отсрочка конечного поражения красных испанцев вызвана тем, что их друзья запиренейские, заокеанские и закадычно-большевистские снабдили их таким количеством людей и военных материалов, что разлагавшаяся красно-испанская армия ожила и вновь приобрела боеспособность. Конечно, приток сил, наблюдаемый совершенно независимо от закрытых или открытых границ, помог Негрину организовать дальнейшую борьбу после потрясений зимы и весны. Но вследствие неограниченных возможностей шпионажа в условиях «революционной дисциплины» друзья белой Испании имеют возможность оказывать ей помощь в дозах, до мелочей соответствующих дозам красной помощи, поэтому соотношение сил, неизменно благоприятное для Франко, сохраняется каждый день и час.

И если, несмотря на неизменное преимущество в возможностях, генерал Франко не побеждает с ожидаемой интенсивностью, то это надо объяснить совершенной неспособностью испанцев к наступлению. Эти мои неоднократно высказываемые догадки находят себе подтверждение в ряде фактов боевой действительности, ставших мне известными, - могу утверждать, что испанский солдат великолепен в обороне и бездарен в наступлении. Поэтому весь темп испанской войны так томительно тягуч, поэтому так медленно приближается националистическая Испания к конечной победе. Итальянцы, естественно, берегут своих людей, а без их людей националистические наступления - это такие же топтания на месте, как и наступления республиканские.

Может быть, чтобы сгладить тягостное впечатление от долгой жвачки, может быть, чтобы овладеть ртутными рудниками, богатейшими в мире, националисты предприняли удар на Эстремадурском фронте и имели там эффектный, но местный успех. Столь же эффектные, но столь же местные успехи, превратившиеся в кровавые неуспехи, имели красные на реке Эбро и на реке Сегре. Последние боевые эпизоды нарушили монотонность войны в Испании, но ничего не изменили в боевой ситуации: фаворитом остается по-прежнему Франко, но еще много засохнет уготовленных лавровых венков, пока, наконец, богиня Победы взденет венец на его голову.

Но если монотонно воюющие в Испании и Китае не дали летом никаких хороших «постановок», то не воюющие преподнесли миру замечательный батальный фильм: неизвестно по чьему желанию, неизвестно для чего разыгранное сражение на сопках Заозерной (Чанг-Ку-Фенг) и Безымянной (Шао-Цао-Пинг) дало изрядную встрепку нервам народов. Этот бой, в котором участвовало с обеих сторон в общей сложности до двух дивизий, не дает серьезных данных, чтобы судить о качестве армий, произведших боевое учение с применением боевых припасов. Число потерянных красными танков и бездеятельность авиации желтых побуждает поддаться соблазну сделать вывод, что у СССР неблагополучно с танками, а у японцев неблагополучно с самолетами, но лучше воздержаться от частных выводов и сделать общий вывод, что у кого-то там на Дальнем Востоке неблагополучно с логикой: кто-то хотел спровоцировать войну, хотя война эта нежелательна сейчас ни Москве, ни Токио.

Кремль за последние полтора года (по данным известного французского генерала Нисселя) уничтожил - расстрел или тюрьма - 193 человека из высшего состава армии, в котором по штату числится 279 человек. Иными словами, 65% маршалов,

командармов, комкоров, комдивов и армейских комиссаров убраны из армии. О числе убранных офицеров и унтер-офицеров точных данных нет, но все же можно утверждать, что командный состав Красной армии так основательно прочищен, что армия нуждается в длительных годах лечения после этой чистки, - ясно, что Москве воевать сейчас не соблазнительно. В

Токио тоже не рвутся в бой против Москвы, потому что китайская трясина еще не осушена. Трудно поэтому думать, что по приказу из одной из столиц завязался бой у залива Посьет.

Возможно другое предположение. В начале этого столетия полковник российской армии С. решил, что наступил отличный момент, чтобы дать России победоносную войну с Китаем, и он двинул в пределы Китая свой полк, стоявший на китайской границе. Пока узнали о его походе, полковник с полком углубился на целый переход на китайскую землю. К счастью, «неприятельских» войск там не оказалось. Полк был возвращен, а полковник отчислен от командования (впрочем, он потом сделал отличную карьеру). Вспоминая об этом мало кому известном эпизоде, чтобы подкрепить ссылкой на него мое предположение, что «Заозерная» битва может быть приписана частной «инициативе» кого-либо из войсковых начальников с советской или японской стороны, учитывая существующие в обеих странах порядки, трудно допустить, чтобы самочинное провоцирование войны с соседом мог учинить какой-нибудь полковник - такое дерзновение должно было исходить от высокопоставленного военного чина.

Совершенно бесполезно углубляться в вопрос, с чьей стороны шла эта провокация, и стараться установить это путем логического исследования, какой из сторон столкновение было бы полезно. Во-первых, оно сейчас обеим сторонам бесполезно, а во-вторых, нервы по обе стороны границы так взвинчены, что логика и целесообразность не могут быть единственными мерилами событий: психоз начинает доминировать, а поэтому можно ждать на Дальнем Востоке самых нецелесообразных, самых нелогичных действий.

Боевой психоз доминирует сейчас и в другой части Азии - в Палестине, где смертельные враги соединены в ненависти к плану раздела, придуманному англичанами, старающимися сочетать в нем справедливость с максимальным извлечением стратегических выгод для себя. Психоз борьбы затрудняет отыскание сколько-нибудь толкового решения спора, и люди занимаются самым бестолковым делом: междоусобицей без ясно определенных целей. В этой боевой борьбе, ведущейся обеими сторонами с достаточным умением, неумелою является третья сторона - англичане, административное и военное мышление которых, основанное на колониальном опыте, где фигурируют бунтарь и покоритель, теряется в обстановке, где фигурируют два бунтаря и где вместо самоуверенного покорителя есть оглядывающийся на еврейство, на арабство, на Европу, на Женеву утешитель страстей. Военное дело оглядки не должно знать. В результате английских оглядок палестинская буря разрослась в ураган внутренней войны, которую англичане не могут загасить, потому что нарушают одно из важнейших условий успеха: если политическая и боевая деятельность разумно сплетаются, то успех будет, если же они одна другую спутывают, то успеха не будет.

Рядом с окровавленной Палестиной происходят события, которые свидетельствуют, что не весь еще мир воюет или скользит к войне: Турция без применения насилия получила отнятые у нее права на Александреттский санджак и на Адрианополь; рядом с нею Болгария сговорилась со своими соседями и стала политически равной соседям; а невдалеке и Венгрия полюбовно разрешила острые вопросы, отделявшие и отдалявшие ее от соседних стран. Правда, все эти соглашения привели к восстановлению прав на содержание армий, на введение войск в отнятые или нейтрализованные земли, но эта милитаризация является, в сущности, умиротворением, потому что в основе согласия на вооружение соседа лежит моральное разоружение обеих сторон, ликвидация ненависти, созданной Великой войной и законсервированной мирными договорами.

Получается удивительная вещь - государства, гордые многовековой культурой, переживают пароксизм ненависти, а малые государства Балканского полуострова и прилегающие к ним

страны дают пример миролюбия и реальной способности к мирному сожительству. До последнего времени Балканы были сферой влияния трех или иных западных держав; не мешало бы, чтобы сейчас Европа стала сферой влияния Балканских государств - может быть, они научили бы практическому миролюбию.

Подводя баланс минувшему лету (вопрос о германских маневрах и о «предвоенном» положении на германо-чехословацкой границе пока отложим), можно сказать, что оно, при всей его бурности, не принесло сколько-нибудь существенных изменений ни на одном из военных или неблагополучных по войне районов. Но, за исключением маленькой области Юго-Восточной Европы, оно способствовало нарастанию нервности, накоплению взрывчатой энергии. Не дай боже, если осень пойдет так же, - тогда можно будет серьезно опасаться за ход событий.

Сегодня. - 1938. - №240.

МОЖЕТ ЛИ ЧЕХОСЛОВАКИЯ РЕШИТЬСЯ НА ВОЙНУ ПРОТИВ ГЕРМАНИИ?

Политика - это реализм. Идеалы и принципы служат лишь гарниром к этому реализму. Такое утверждение можно считать печальным утверждением; можно его считать и аморальным, но полностью его опровергнуть трудно. Когда политика упрется в безысходность, начинается война. Стратегия продолжает политику.

Стратегия - это уже совершенно несомненная реальность. Коль скоро стратегия отходит от реальности, она открывает путь к самоубийству страны. Стратегические замыслы Людендорфа (не в вопросах ведения войны, а в постановке стратегических целей войны) переходили в фантастику, и поэтому Германия упустила возможность добиться мира на реальной базе: стратегическая фантастика привела к катастрофе.

Сейчас в Европе все вопросы, прежде всего, решаются с точки зрения реальной политики, с точки зрения реальной стратегии. Я не берусь разобраться в сложном вопросе, что надо считать более реальной политикой - сохранение ли целостности демократического государства или сохранение демократического права на самоопределение народов. Поэтому жуткую проблему войны и мира попытаюсь осветить только с точки зрения реальной стратегии.

Если Чехословакия не примет мирного предложения Чемберлена-Даладье, можно себе представить две возможности: судетские немцы возьмутся за оружие и Гитлер даст им обещанную помощь до некоторой степени замаскированно - война не будет объявлена, будет, следовательно, новая гражданская война на манер испанской.

Вторая комбинация - Германия вмешается вооруженным образом в чехословацкий спор и в центре Европы возгорится война.

Тяжелое географическое положение

В первом случае Чехословакия попала бы в трудное положение: из 3800 км ее границ 3700 км приходятся на германскую, польскую и венгерскую. Трудно рассчитывать, чтобы Карпаты стали вторыми Пиренеями, через которые идут в республиканскую Испанию богатые военные дары - строгая нейтральность Польши сделает польско-чехословацкую границу безнадежной в смысле оказания помощи правительственной стороне в гражданской войне. Границу венгерско-чехословацкую можно считать тоже суровою по отношению Праги. Таким образом, только Румыния может помочь Чехословакии своими средствами (что сомнительно) или пропуском военной помощи из СССР.

Надо отбросить мысль, что Дунай, как международный водный путь, может послужить друзьям Чехословакии для доставки помощи - эту реку закроют немецкие мониторы прежде, чем ее заморозит зима. Германия, соприкасающаяся с Чехословакией на протяжении многих сотен километров, имеет возможность самым широким образом снабжать людьми и материалами судетских повстанцев. Сопоставим число километров от Мюнхена и Дрездена до Карлсбада с числом километров от Киева и Одессы до Праги: сопоставим десятки рельсовых и шоссейных путей, ведущих из Германии к Судетским областям, с единственной колеей, тянущейся из СССР через Румынию в Чехословакию, и мы совершенно ясно себе представим, что объ-

ем советской помощи должен будет быть меньшим объема германской помощи. Что касается соотношения сил внутри страны, то наличие 1,5 миллиона венгров, русских и поляков уменьшает силы правительства до 9 миллионов чехов и словаков, которым придется бороться с 3,5 миллиона немцев, поддержанных многочисленными дружинами немцев из Германии.

Не берусь предсказать, что такая гражданская война завершилась бы победой повстанцев - в борьбе, где замешано множество дружественных, коварно-дружественных, враждебных явно и враждебных тайно, нейтральных и ложно нейтральных, возможны самые неожиданные результаты. Но можно предсказать, что, если бы в Чехословакии вспыхнула гражданская война, она затянулась бы, и, что особенно важно, она, через несколько дней, была бы перенесена с территории немецких уездов в чешские уезды: об этом постарались бы друзья Германии. В течение недель и недель, а может быть, и месяцев богатые чешские земли опустошил бы ураган междоусобицы. Пострадали бы, конечно, от правительственной и от советской авиации и судетские города, но бои на земле, в которых уничтожается сельскохозяйственная культура, промышленность, добывающая и обрабатывающая, жилища людей и красота, накопленная дедами, будут вестись в пределах, населенных чехами, - об этом позаботится немецкая стратегия, и чешская стратегия этому воспротивиться не может.

Если Прага проиграет борьбу, она потеряет все; если она ее выиграет, она потеряет почти все: сотни тысяч людей и миллиарды крон народного достояния.

Военная мощь Чехословакии

Если события повернутся иначе и конфликт разрешится не междоусобицей, а войной между Чехословакией и Германией, то создастся весьма трудная для Праги стратегическая обстановка. Допустим, что на защиту границ с одинаковой готовностью пойдут и чехи, и живущие в Чехословакии словаки, и венгры, и поляки, и карпато-руссы, мы получим массу в 11 миллионов человек, которой придется бороться с 75-миллионным германским народом. Ни Польша, ни Венгрия не дадут, вероятно, таких гарантий Праге, которые позволили бы последней снять все войска, расположенные на границах этих государств, - следовательно, некоторая оттяжка сил от театра войны будет. Минимально около 10% сил уйдет на охрану этих двух границ.

Правда, что далеко не вся 75-миллионная сила Германии может быть направлена против Чехословакии. Если от 40-миллионной мощи Франции Италия оттянет на свою границу только силы 20 миллионов, то немцем придется мощностью 20 миллионов охранять свою западную границу. Для пассивной обороны не требовалось бы и этого числа, но остановимся все же на числе в 20 миллионов, потому что надо предвидеть и маловероятный случай высадки английской экспедиционной армии. Что же касается всей мощи Великобритании, то развертывание ее требует столь большого времени, что за это время может быть ликвидирован чехословацкий театр войны.

Военная мощь Германии

Нельзя упускать из виду, что Германии придется оставить часть сил на польской и датской границах (декларировавшие свою нейтральность Швейцария и Бельгия в комбинацию не входят), - отметим их в той же пропорции, что и для Чехословакии, то есть в 10%. Сделаем теперь подсчет: 75 миллионов минус 10% на польской и датской границах составляют 67,5 мил-

лиона; отнимаем отсюда 20 миллионов на французской границе - остается для действий против Чехословакии почти 48-миллионная мощь страны. Добавим сюда 3,5 миллиона судетских немцев и получим в результате человеческую массу в 51 миллион, которая может дать боевой материал для борьбы против Чехословакии. Чехословакия же имеет 14,5 миллиона жителей, за вычетом 3,5 миллиона немцев, останется 11 миллионов; отнимем 10% на северную и южную границы, получим резервуар в 10 миллионов, из которого Прага может черпать силы для борьбы. 51 против 11!

Если бы Румыния оказалась вынужденной выступить на стороне Чехословакии, то это привело бы к изменению соотношения мощностей - 51 против 26, если бы можно было допустить чудо: возможность подачи на чехословацкий театр войны боевых сил всей Румынии, пользуясь почти бездорожными Карпатами.

Надежды на союзников

Сознательно я не беру в расчет сил третьего члена Малой Антанты - Югославии, - потому что не допускаю возможности ее активного выступления на стороне чехов. Правительственных намерений я, конечно, не знаю, но о настроениях в народе могу сказать следующее: существуют симпатии к чехам, как к славянам, существуют в демократических кругах симпатии к Чехословакии, как к демократической республике, существует известное замешательство при мысли, как быть, если русские вступятся за Прагу - следовало бы, мол, идти в ногу с русскими; но, с другой стороны, существует глубокое и в трех войнах этого столетия взращенное нежелание воевать иначе, как за совершенно несомненные личные интересы. К этому пацифизму «навоевавшихся» присоединяется и понимание практической трудности выступления на стороне Чехословакии: Албания, Италия, Германия, Венгрия, а может быть, и Болгария близки, а Чехословакия далека, ее же друзья еще дальше.

Итак, военный потенциал Чехии даже с ее соседом, Румынией (что, повторяю, сомнительно), нельзя оценить ни в каком случае выше, чем в 26 очков (правильнее будет значительно меньшее число), потенциал же сил Германии определяется 51 очком. Для определения потенциала я взял только численность населения, то есть емкость резервуара, откуда черпаются силы для фронта и для работы на фронте.

Для простоты считаю равными военные качества, мощность индустрии и т.д. Существует и другое мерило - экономическое. Но оно оказалось столь неточным перед Великой войной («война может длиться не дольше шести недель»), и в период борьбы СССР за существование («большевики - накануне экономического краха»), и в начале японо-китайской войны («финансовая петля удушит мгновенно Японию»), что как-то трудно прилагать эту мерку при прогнозе возможной войны. Франция с друзьями несравненно богаче Германии, но та же Франция во время войн, революции была «санкюлотной» по сравнению с враждебной коалицией, а между тем французские войска овладели всеми столицами на европейском материке. Остановившись на мериле малой точности - численности населения - и отказавшись от мерила совершенно неточного - экономических возможностей страны, получаю хотя и приблизительную, но все же до некоторой степени правдивую картину соотношения мощности врагов. Война едва ли будет молниеносной, но занятие германской армией многих жизненнейших центров Чехословакии может быть выполнено в сравнительно короткий срок - тогда всякая помощь извне будет не усилением потенциала Чехословакии, а частичным восстановлением теряемых долей потенциала, теряемых вследствие вторжения неприятеля в ценнейшие области. <...>

Всякий исход лучше, чем новая безумная война

Независимо от наших симпатий к той или иной из нащетинившихся стран, независимо от наших склонностей к пацифизму или милитаризму, независимо от интересов наших личных или наших земель, мы можем желать мирного разрешения конфликта. Никакая любовь к справедливости, никакая вера в демократию, никакая надежда, что коммунизм станет на защиту демократического порядка в Европе, - не должны закрывать от нас стратегической реальности. А реальность эта такова - и в гражданской войне, и в войне внешней Чехословакия может только потерять. Потеряет она много или потеряет все - это предсказать трудно. Но и неопределенного прогноза достаточно, чтоб искренно желать мирного разрешения спора. Всякое, даже малоразумное, но мирное решение будет лучше безумного решения воевать.

Сегодня. - 1938. - №261.

ДЕРЖАВЫ ВОЕННЫЕ И ДЕРЖАВЫ ВООРУЖЕННЫЕ

Лет десять тому назад, когда Европа переживала эпоху необузданного идеализма, считалось аксиомой, что война невозможна. А сейчас оказалось, что война была более чем возможна, - ее удалось избежать только потому, что одна из сторон - Чехословакия - капитулировала за несколько часов до начала неприятельского вторжения. Мир был спасен, но война не стала невозможной. Версальская карта Европы претерпела изменения, - создан прецедент, сулящий иным народам радость, иным горе, а всей Европе - много волнений. Соглашения важнейших держав по важнейшим вопросам международной политики еще нет, - следовательно, тяжелые кризисы весьма возможны. Недаром главы правительств этих стран призывают к усилению военной мощи, основываясь на опыте драматических дней конца сентября. В чем же заключается почерпнутый опыт? Можно считать установленным, что в Германии предвоенные настроения не вылились в форму всенародного военного задора; немцы не рвались в бой и не проявили «любви» к войне. Но с другой стороны они высказали совершенно очевидную решимость не остановиться перед применением оружия, если того потребует судьба или фюрер (для Германии это почти одно и то же). Можно считать несомненным, что, несмотря на отсутствие характерного для немцев 1900-1914 гг. военного фанатизма, Германия психологически подготовлена к войне. Организационно она готова, поскольку можно вообще быть к войне готовым - конечной готовности не бывает, потому что всегда возникают новые потребности, в связи с новыми ситуациями. В узко военном смысле она организована так, что ее армия сейчас является одной из сильнейших в Европе. Точность работ ее мобилизационной машины проверена и выявлена. Поэтому уверенность Германии в своих силах, несомненно, возросла после недавней «генеральной репетиции».

С меньшей убежденностью можно сказать примерно то же и об Италии. Воинственности там больше, чем в Германии, но это надо скорее отнести к экспансивности, чем к потребности. В организационном отношении страна фашизма стоит высоко. Если военная готовность Германии доказана тем, как она мобилизовалась, то военная готовность Италии доказана тем, что она не мобилизовалась - только страна с совершенной готовностью может спокойно бездействовать, когда половина Европы лихорадочно укомплектовывает свои армии. Установленная с начала абиссинской войны повышенная готовность итальянской армии и уверенность дуче, что доведение армии до полной готовности обеспечено в кратчайший срок (а может быть, интуитивное предчувствие, что Франция не ввяжется в войну), позволили Муссолини удовольствоваться весьма ограниченными мероприятиями мобилизационного характера. В этом спокойствии можно усмотреть уверенность. А от такой уверенности можно ждать требовательности на международной арене.

От Франции ждать требовательности сейчас не приходится, если только она не почувствует необходимости реваншироваться за две дипломатические неудачи - венскую и пражскую. Миролюбие Франции выявилось в трагические «судетские» дни с исключительной импозантностью. Правительство вело миролюбивую политику не только потому, что учитывало реальное соотношение возможных боевых сил, но главным образом потому, что учитывало нежелание народа воевать. Однако это нежелание далеко не безусловно - его не будет, если пред народом встанет вопрос о защите осязаемых интересов страны.

Может быть, чехословацкая проблема застала врасплох руководящие круги Франции и они

не успели внушить народу важность проблемы для самой Франции; может быть, властители дум во Франции не могли поднять народ во имя идей, на которых базировалась политика страны, но - факт, что французская нация не оказалась таким инструментом войны в руках правительства, как германская и итальянская. В то же время она проявила высокую дисциплинированность - мобилизация прошла в полном, можно сказать, в «немецком» порядке, и с этой точки зрения Франция выдержала тяжелое испытание.

Не выдержала его Англия. Ей пришлось убедиться, что ее военная готовность стоит на уровне требований первых годов этого века, когда война еще велась в двух измерениях. Но к нынешней войне, при участии взметнувшейся в третье измерение авиации, она пока не совсем приспособлена. Любая европейская страна может в течение часов подготовиться если не к нападению на врага, то к его отражению на суше, на море и в воздухе. Англия же только на море обладает совершенной готовностью; на суше же ее готовность относительна; что же касается готовности к отражению воздушного нападения, то в этом отношении дело обстоит иначе. Вместо заранее налаженной организации Англия вынуждена была прибегнуть к импровизации, всегда сумбурной, когда требуются мероприятия огромного масштаба. Принцип добровольчества показал себя непригодным, потому что при нем мобилизация медлительна и совершенно случайна, находясь в зависимости от царящих в народе настроений.

Организационно Англия оказалась мало подготовленной, психологически же - еще меньше подготовленной, чем организационно: если бы в роковые дни на вершине власти оказались Черчилль или Иден, то они не были бы в состоянии поднять народ на войну так, как это могут сделать правительства тоталитарных государств: вместо безусловной готовности к войне англичане проявили условную готовность - только для защиты своего, только ради потребностей британской политики, но не ради целей идеологических и принципиальных.

Лондонское правительство приняло исключительные меры безопасности. Но неясным остается вопрос, были ли эти меры предложены Деф-Купером, сторонником войны, или Хором, сторонником мира во что бы то ни стало. Иными словами говоря - рытье окопов в Гайден-парке и обкладывание мешками правительственных зданий и банков сделано было, может быть, для создания в населении чувства безопасности или же, пожалуй, для создания чувства обостренной опасности: первое нужно было бы для помощи армии, второе нужно было для поддержки чемберленовского пацифизма. Зенитные батареи на площадях Лондона не поколебали решимости Берлина добиваться желаемого, но создали в душах лондонцев такую тревогу, что и королева и работницы плакали от радости, когда через тучи блеснул луч мира.

Подводя итог сказанному, приходим к заключению, что, как показала великая репетиция, три нации из четырех чувствуют себя хорошо вооруженными для войны, что две нации из четырех достаточно подготовлены психически для следования за своими руководителями, на какие бы опасности те их ни повели. Слова Болдвина о странах, имеющих силу на сцене и о демократических странах, имеющих силу в глубине сцены, как-то не оправдались: силы из глубины сцены не дружно пошли на авансцену, когда они потребовались.

Говорят, что в результате аннексий Австрии и ампутирования Чехословакии нарушено равновесие в Европе. Нарушено оно не этим, а тем, что демократические страны оказались мало подготовленными к великим военным событиям. Кое-кто радуется этому обстоятельству, кое-кто скорбит, но факт остается фактом - в Европе оказались военные державы и вооруженные державы и военные державы как будто одолели сейчас вооруженные державы, потому что одного вооружения мало: нужна еще решимость применить оружие в надлежащий момент.

Каковы же в этой ситуации виды на будущее? Если успех не побудит бескровных победите-

лей к сильному повышению своих требований, то не слишком большие их требования будут, возможно, удовлетворяться без вооруженного сопротивления. Если требования окажутся чрезмерными, то великие демократии, несмотря на выигранное положение в смысле военно-психологическом, вынуждены будут принять вызов. Но для этого им надо основательно подготовиться, подготовиться не столько военно-организационно, сколько психически. Это первое практическое следствие опыта тяжелых дней.

Месснер Е. Нарушено ли европейское равновесие? // Сегодня. - 1938. - №294.

СЛУГИ ОТЕЧЕСТВА

ЦАРЬ И ОФИЦЕР

Царский офицер в пятилетие, предшествовавшее Великой войне, находился - неприметно для общественности - в состоянии высокого духовного подъема. Опыт Японской войны уже был достаточно изучен и уложен в параграфы уставов и наставлений, в книги, издававшиеся Березовским, в статьи, новизной мысли оживлявшие военные журналы. Армия - офицеры в первую голову - училась, переучивалась, стремясь к восстановлению военной мощи России, которая была поколеблена не столько неудачными для нас сражениями в Маньчжурии, сколько фактом, что бой у Тюренчена наши храбрые полки вели в стиле XIX в., в то время как японцы шагнули в своем военном искусстве в XX в.

В национальном, в военно-национальном порыве молодежь устремилась в военные училища, чтобы, ставши офицерами, творить основу будущей славы России. Эта молодежь отказывалась от возможности стать инженерами, юристами и избирала военную карьеру, обрекая себя на полунищенство. Уже в последние десятилетия XIX в. обнаружившийся наплыв в корпус офицеров так называемых разночинцев усилился, и перед войной в нем было лишь 40% дворян потомственных. В область преданий отошел тот стиль офицерской жизни, когда дворянско-помещичье сословие содержало своих детей-офицеров. Теперь 90% офицерского состава - и дворяне, и разночинцы - довольствовалось скудным офицерским жалованьем и вело тяжелую жизнь, отдавая все свои силы, все свое время службе царской. Гордилось этой службой, любя Царя и Россию.

И еще гордилось офицерство тем, что оно своей Верой и Верностью помогло Государю подавить революцию 1905-1906 гг. Не поколебавшись в своей преданности Верховному Вождю Армии, не смутившись от оскорблений со стороны общественности и прессы и некоторых ораторов в Государственной думе, офицер был тверд и в строевых действиях по охране или по восстановлению порядка, законности, и в военных судах, каравших революционное, террористическое противозаконие. Были офицеры, с колыбели в доме отца-воина получавшие воинское воспитание, и оно продолжалось в кадетских корпусах и военных училищах; но большинство офицеров было «со стороны», то есть из гимназий и даже из университетов, поступившие в военные училища, не подвергшись, как кадеты, семилетнему воспитанию. Обе категории были равны в сознании офицерского долга, в преданности Царю: крепко было военно-училищное, полковое воспитание. Преданность эта становилась естеством офицера.

В злой эпиграмме на Аракчеева Пушкин назвал временщика - «преданный без лести, просто фрунтовой солдат». Офицеры не были аракчеевыми, но были «фрунтовыми солдатами», преданными без лести, без аффектации, без позы Его Императорскому Величеству Государю Николаю Александровичу.

Земной бог

На наших скромных офицерских пирушках мы пели песню кавказских полков:

Когда наш Гость Отец Державный -

Земному богу кто не рад? -
Подъемлют кубок свои заздравный
Казбек, Эльбрус и Арарат.

Для кавказцев, как и для нас, прочих армейцев, чистой фантазией звучали слова «наш Гость» - гостем в армейских полках, насколько известно, Император не бывал. Мы завидовали гвардейцам, в офицерские собрания которых приезжал Царь, чтобы провести время с офицерами. Лишь потом из произведений генерала Краснова (отлично знавшего гвардейскую службу и быт) стало известным, что на этих пирах создавали обстановку, не соответствовавшую присутствию «Земного бога». Не зная этого, мы считали естественной близость Царя к Его офицерам, хотя бы только гвардейским, - а армейские полки были разбросаны на всем пространстве необъятной России, - где Ему быть «нашим Гостем»,

Не часты бывали царские смотры армейским дивизиям. Наша 15-я артиллерийская бригада удостоилась смотра - при возвращении Государя с торжеств в Кишиневе - в составе Тираспольского артиллерийского сбора: 14-я и 15-я артиллерийские бригады, 4-й стрелковый артиллерийский, 8-й моторный и 8-й конноартиллерийский дивизионы; кроме того, на смотру был 8-й драгунский Астраханский полк и местные Тираспольские команды. <...>

Тщательно готовились мы к смотру. В батареях капитаны, заведовавшие хозяйством, вместе с фельдфебелями, каптенармусами и портными дни и ночи подгоняли солдатское обмундирование. Фуражечники Одессы, Тирасполя и Кишинева придавали солдатским фуражкам безупречный вид. У нас в бригаде купили сукна на пятьдесят офицерских кителей и на пятьдесят галифе, чтобы из однообразного материала все офицеры бригады заказали портным новое обмундирование. Лучшему одесскому фуражечнику было заказано пятьдесят офицерских фуражек одного сукна и одного кроя. Офицер от офицера стоит в строю на известном расстоянии и поэтому разнообразие цвета кителя, фуражки или покроя галифе не было заметно, но мы хотели, чтобы было полное однообразие: Царю представиться в совершеннейшем виде.

В лагерном районе производилась, под окрики фельдфебелей, подпрапорщиков и взводных фейерверкеров, окраска всего, что поддавалось окраске, мытье всего, что поддавалось мытью, и свирепое подметание всюду и везде. Один подпоручик задал неуместный вопрос фейерверкеру, заставлявшему канониров подбирать каждую соринку на лагерных линейках (дорожках): «К чему так усердствовать? Ведь Государь не приедет в наш лагерь». В ответ он получил: «Ваше благородие, на Пасху Господь к нам в казармы не пришел, а уборку мы сделали на весьма». Действительно, мы все, офицеры и солдаты, ждали смотра, как в те годы православные люди ждали Светлого Праздника.

С раннего утра построены батареи. Каждого солдата осматривает фельдфебель, потом взводный командир, затем старший офицер и, наконец, командир батареи. Все в порядке, и тогда идем - заблаговременно - на плац. Припасены щетки платяные и сапожные, чтобы всем почиститься. Прибывает начальство, генералы озабоченно и придирчиво смотрят, все ли в порядке. Десяток раз подаются команды «Смирно!» и «Вольно!». Со станции Тирасполь сообщают, что царский поезд отошел от станции Бендеры. Теперь окончательно выравниваются шеренги.

Поезд остановился изумительно точно: площадка Царского вагона пришлась как раз у заранее разостланного на рампе коврика-дорожки. Два конвойца стали у площадки. В дверях появился Государь, оглядел строй и сошел на рампу. Начальник Артиллерийского сбора подошел с рапортом. Император подошел к правому флангу войскового построения и при этом глянул

на трибуну для публики, сооруженную позади батарей 14-й артиллерийской бригады. На трибуне, рассчитанной на шестьсот человек, было душ двести: полицейские и жандармские власти не пустили почти никого из горожан и помещиков; сидели почти исключительно офицерские семьи.

Царь здоровался со строем, не форсируя голоса, но Его слова были слышны. Чеканный ответ пятисот голосов первого дивизиона 14-й бригады и затем «Ура!»; как только Царь минует батарею, она присоединяется к этому кличу. Уже три дивизиона ответили на царев привет. Я стоял во второй шеренге, в затылок моему полковнику, командиру 2-го дивизиона. Между нами двумя и левым флангом 1-го дивизиона было шесть шагов промежутка, и поэтому взгляд Государя долго - всего несколько мгновений, но мне казалось, что долго - лежал на моем командире и на мне. В строю всем казалось, что Император на каждого посмотрел. Неизвестно, как Он создавал это потрясающее впечатление. Мы, старый полковник и я, юный подпоручик, его адъютант, внутренне задрожали от восторга, потому что Император действительно посмотрел на нас. Задрожали внутренне - обнаженная шашка в правой руке, склоненная острием к земле в строевом салюте, напоминала, что мы - в строю, что мы строй, где нет выявлений личных чувств. Будучи недвижим, я был вне себя, я был в радостном плену этих глаз, этого милостивого взгляда, этого ласкового лица, этой величественной поступи, этого величия России, воплощенной в Императоре... Потом много раздумывал я над вопросом, как мог я, человек без сентиментов, оказаться охваченным больше чем сентиментами - ураганом восторга и преданности. Самовнушение? Внушение, исходившее от пятитысячной воинской массы? Обстановка ли? А обстановка была необыкновенной для каждого из нас: обычные звуки военных оркестров перемешивались с необычным «Ура!»: это не был крик, это не был вой, это было море звука, и этот звук дышал, как спокойное море дышит приподнимающимися волнами зыби.

Когда Царь миновал нас, я мог восстановить в себе способность наблюдать и думать. Первое, что меня поразило и возмутило, - это некоторая небрежность чинов Его свиты: тот шел не в ногу, тот держал руку не у козырька фуражки, а у уха - так удобнее, - а тот временами вовсе чести не отдавал. Я стал глядеть на царский поезд: на рампе стояли или ходили четыре великие княжны; с ними шалил маленький Матросик - Царевич - под присмотром матроса-дядьки; время от времени подымались занавески одного из окон вагона и тогда было видно лицо Государыни.

Император обошел всю линию строя, взошел на рампу, оглядел весь строй, отдавши нам честь поднятием руки к козырьку, и пошел к вагону. Матрос поймал маленького Матросика и понес Его в вагон, туда же поспешили и Княжны; Царь взошел на площадку. Поезд тронулся, конвойцы на ходу вскочили в другой вагон. Государь стоял у открытых дверей площадки, пока не миновал весь смотровой плац.

Сказка кончилась. Былина кончилась. Буднично прозвучали команды для построения батарей, и мы пошли в лагерь в полуверсте от смотрового плаца. Солдатам было объявлено: от Государя на три дня освобождение от учебных занятий. Офицеры, помывшись, собрались в зале офицерского собрания на обед. Все были возбуждены и делились впечатлениями. Радовались, что так безукоризненно прошел смотр, что представились Его Величеству должным образом. Но поручики, командиры третьих и четвертых взводов в батареях ворчали: «Чтобы не утомить Государя, сократили до предела длину строя и построили батареи во взводные колонны, то есть в восемь шеренг; Императора могли видеть первая и вторая шеренги; третья и четвертая могли его мельком увидеть, а прочие четыре шеренги не видели ничего и, конечно, разоча-

рованы, огорчены». Но поручики оказались не правы: после смотра, во всеобщем возбуждении, видевшие Царя солдаты с восторгом говорили о виденном, и тут произошло замечательное внушение: в не видевших проник восторг видевших и в этих не видевших создалось убеждение, что они тоже видели Царя. К вечеру ВСЕ были в восторге, потому что ВСЕ удостоились лицезрения Его Величества.

<...> Тираспольский смотр запомнился мне на всю жизнь, как запомнился, я уверен, всем пятидесяти офицерам нашей артиллерийской бригады и сотням офицеров артиллерии и конницы, участникам смотра. Еще сильнее запоминались дни, когда Государь принимал по какому-нибудь случаю группу офицеров и с каждым здоровался, с каждым разговаривал. Так, в январе 1917 г. в Царское Село прибыли из Петрограда полтораста офицеров, прослушавших академический курс; они были построены в зале дворца по старшинству экзаменационных баллов. Когда вошел Император, офицерами овладело волнение - сейчас Он со мною поздоровается за руку, Он мне задаст два-три вопроса, - хорошо ли отвечу на них? Волнение было так сильно, что правофланговый офицер, ответив на вопросы Царя и услышав всемилостивейшее поощрение за успехи в науках, упал в обморок.

Перед такой аудиенцией офицерам внушали, что на вопрос Государя ни в коем случае нельзя ответить «Никак нет!». Например, вопрос Царя: «Вы прибыли с Северного фронта?» - Ответ: «Так точно, Ваше Величество, с Юго-Западного». Императору не говорят «Нет!». Император безошибочен. И слово Императора крепко.

Офицер знал и верил, что слово Царя крепко.

В 1914 г., в день Георгиевского праздника в Ставку были вызваны по одному Георгиевскому кавалеру-офицеру от дивизии для представления прибывшему в штаб Верховного главнокомандующего Императору. Государь обошел фронт, сказавши несколько слов каждому кавалеру, и затем обратился к строю со словами: «Всех здесь находящихся Георгиевских кавалеров поздравляю с производством в следующий чин». И добавил, обращаясь к стоявшему на правом фланге офицеру: «А мы с вами, полковник, останемся полковниками». Когда стали в штабе составлять список офицеров, которых Государь повысил в чине, то бывший в составе Ставки капитан Генерального штаба дю-С. потребовал, чтобы и его включили в список. В первые дни войны этот офицер, летя с летчиком на аэроплане, произвел первую в русской военной истории воздушную разведку и определил движение германских колонн, вступавших в Царство Польское; за это он был награжден орденом Св. Георгия. Он сказал: «Я, в числе чинов Ставки, был в зале, когда Его Величество поздравил с производством ВСЕХ присутствующих георгиевских кавалеров - я принадлежу к этим ВСЕМ». Пришлось - царское слово крепко - признать его правым, и он получил подполковника.

Возвращаясь к Тираспольскому смотру, к приготовлениям к этому царскому посещению, надо сказать, что проявленная офицерами тщательность в приготовлениях к их явке пред очи Царя была присуща не только тем, кто редко - может быть, раз в своей жизни - удостаивался чести предстать перед Императором: и те, кто по своему служебному положению были сравнительно близки к Верховному Вождю, были тщательны в выполнении того, что касалось Царя - все должно быть сделано совершеннейшим образом. Однажды мой дядя, тогда полковник Генерального штаба, сидел в Главном штабе в кабинете полковника Генерального штаба Архангельского, ведавшего производствами и назначениями офицеров (полковники Архангельский и Месснер были однокашниками); в кабинет вошел штабной капитан и вручил Архангельскому тетрадку - приготовленный для подписания Императором приказ о производстве ряда офицеров в следующий чин. Текст был каллиграфически написан (не полагалось давать

на подпись Императору тексты, напечатанные на пишущей машинке, - полагалось от руки), и тетрадка была аккуратно сшита в полутвердом переплете. Архангельский все осмотрел, и вдруг на его лице изобразилось крайнее недовольство; он молча указал капитану на нитку, которой была сшита тетрадка. Капитан пришел в такой ужас, что даже сгорбился, схватил тетрадь и почти выбежал из кабинета. «В чем дело?» - спросил мой дядя. «Да, подумайте, тетрадку сшили простыми нитками, а не шелковыми!»

Акцент этого рассказа не в том, что сшивали шелковыми нитками, а в том волнении полковника и ужасе капитана, когда увидали, что сделанное для Царя небезупречно... Офицер считал своей обязанностью для Императора все делать безупречно.

В наше мерзкое время, когда появилось выражение «культ личности» и когда такой «культ» действительно возникал и возникает, может показаться, что возмутившийся полковник и испугавшийся капитан, и что упавший в обморок офицер академического курса, и что потрясенные лицезрением Царя старый полковник на смотру у Тирасполя и его молодой адъютант, и что солдаты четвертых взводов батарей, вообразившие, что они, низкорослые, через спины высокорослого первого взвода видели Государя, что все это - адепты культа личности. Нет! Между культом личности и почитанием Царя разница такая же, как между модным культом «неизвестного солдата» и вековечным почитанием великих героев-полководцев. Глядя на Императора, каждый видел в Нем сто семидесятимиллионную Россию, отчизну от Либавы до Владивостока. Не обожествляя, каждый видел в нем - говоря словами кавказской песни - Земного бога России, мощь России, ее величие, ее славу. Таково было отношение офицера к каждому из Предшественников Николая Александровича. Но к земно-божескому почитанию Николая Александровича добавлялась еще и особая любовь, возникавшая при лицезрении Его, хотя бы при мгновенном общении с Ним, любовь, которую пробуждали очевидные, ощутимые свойства этого добрейшего из Царей России - его милостивая улыбка, его ласковые глаза, его святительская душа.

Отец державный

«Заболев сего числа, службу Его Величества нести не могу» - такова была установленная формула рапорта офицера, когда заболевание временно препятствовало выполнению им своей должности. Этими словами «служба Его Величества» определялись и смысл офицерского служения - царская, - и положение офицера в обществе, в государстве, в жизни - служба Царю, как Верховному Вождю Вооруженных сил и как Верховному Водителю государства.

Офицера производили в чины Высочайшим приказом. Как к источнику правды и милости, офицер подавал прошение на Высочайшее Имя в тех исключительных случаях, когда по нормальной служебной линии упирался в неправду или в немилостивый закон. Офицера, награжденного всеми боевыми наградами, награждали за дальнейшие подвиги «Высочайшим Благоволением». Если для народа - «до Бога высоко, до Царя далеко», то для офицера (даже при географически наиболее удаленной от столицы стоянке на границе Афганистана или на берегу Японского моря) до Царя не было далеко, ибо Он, по титулу Высочайший, был для офицера Отцом, любившим своих 35 000 сыновей с золотыми или серебряными погонами, любившим, независимо от числа звездочек на погонах. Старые генералы, прослужившие трем Императорам, говорили иной раз (в минуты неуставной близости и откровенности) нам, молодым офицерам: Государи Александр II и Александр III благоволили к офицеру, а Государь Николай II любит офицера. Эти генералы были преданы двум Александрам, а Николаю Александровичу

они были любовно преданы.

На офицере лежит страшный укор: офицер дважды в 1917 г. предал своего Царя - не защитил его в февральско-мартовские дни и не спас его из заточений царскосельского, тобольского, екатеринбургского... В конце марта 1917 г. повстречался я с одним старым полковником, любившим меня с моего детства. Он, во исполнение приказа отрекшегося Императора, привел свой полк к присяге Временному правительству, но сам не присягнул. Это осталось незамеченным. На мой недоуменный вопрос он мне - с глазу на глаз - сказал: «Для выполнения моего долга перед Родиной достаточно моей присяги, данной Царю». На другой день он мне сказал: «Сегодня выслушал я упрек одной дамы - "Вы, офицеры, покинули Императора". Не мог же я ей ответить, что Царь покинул офицера, отдавши его на растерзание матросне и солдатне, на унижение и на муки. В моих словах нет упрека, - сын не упрекает отца, но жалуется ему; офицер и подавно не упрекает Отца-Царя, но ему мысленно жалуется. Жалоба же наша в том, что Император, по великой своей благости не желавший кровопролития, не позвал любого из офицеров-конвойцев или любого из вблизи находившихся офицеров - тот, не задумываясь, снес бы шашкой голову и Рузскому, и Гучкову с Шульгиным».

Сохрани нас, последних в живых царских офицеров, от упреков Его Величеству и даже от жалоб Царю Небесному на Царя Земного. То, что произошло в Пскове, не было актом слабодушия, усталости от властвования или разочарования в своем народе - это было великим жертвоприношением и Себя, и Своих, и Своего офицерства, и верной части Своего народа, жертвоприношением по Божьему предначертанию предсказанному и св. Серафимом Саровским, и св. Праведным Иоанном Кронштадтским в их предвидении обреченности России.

Вторая часть обвинения, лежащего на офицере, - не спас Государя из заточения - легко опровергается. Не было в 1917-м и в первой половине 1918 г. гарнизона в России, в котором скопились офицеры на службе или не у дел по причине выраженного «недоверия» солдатскими комитетами в действующей армии, не было гарнизона, в котором группами офицеров не обсуждался вопрос о спасении Царя. Были группы, конкретно приступившие к делу и выславшие разведывательные щупальца в Тобольск и Екатеринодар (в Царском Селе Государю было сделано офицерами предложение вывезти Его и Семью за границу - Император отказался). Но все обсуждения, все подготовительные действия упирались в невозможность освобождения Императора; в невозможность офицеру уподобиться поручику Мировичу, который в 1764 г. попытался освободить из Шлиссельбургской темницы свергнутого и заточенного императора Иоанна Антоновича и добившегося лишь того, что узник был умерщвлен стражею. Если обычный тюремщик убил Иоанна во исполнение инструкции, данной из Санкт-Петербурга, то слуги двух дьяволов - Сатаны и Ленина - не остановились бы перед убиением Царя и Его семьи при малейшей возможности, что будут освобождены ворвавшимися в Ипатьевский дом офицерами. Попытка стать цареосвободителями неминуемо привела бы к цареубийству.

Царь, рожденный в день памяти Иова Многострадального, был обречен, Россия была обречена, и офицер, верно несший «службу Его Величества», был обречен - судьба лишила его этой службы, лишила его Его Величества и лишила его возможности послужить, хотя бы собственной смертью, освобождению Его Величества.

Офицер русский не оправдывается, - перед Богом оправдается или будет осужден, - мы только восстанавливаем в памяти то, что нам кажется исторической правдой, и что забывают люди короткой памяти, и чего не знают люди, возмужавшие после страшного года России.

В тот год для офицера началось роковое сиротство. Офицер ярче и сильнее, чем принадлежавшие к прочим группам и категориям населения России, чувствовал в Царе Отца Держав-

ного и с большей мукой, чем все прочие, пережил уход из жизни Державы Отца Державного.

Невзирая на всю, если можно так выразиться, черствость офицерской службы, нормированной до мельчайших подробностей уставами, приказами и от предков унаследованными традициями, офицер видел, сознавал и тепло ощущал в Царе Отца. Офицерские дети воспитывались в кадетских корпусах и институтах для благородных девиц, воспитывались на казенном иждивении, а офицер считал - на царский счет, на иждивении Отца Державного. Верхом на коне Государь объезжал полки, идущие в действующую армию, и благословлял их иконою - благословение Отца. Государь посещал военные госпиталя, полные раненых, доставленных с полей битв, и разговаривал с выздоравливавшими и умиравшими - слезы видны были на глазах Отца Державного, и эти слезы делали его в этот момент как бы родным отцом этого раненого воина.

<...> В одном госпитале Император остановился у постели тяжелораненого офицера. Спросил его, при каких обстоятельствах был ранен. Тот рассказал, как вел свой батальон в атаку, прорвался через окопы, взял несколько пулеметов. «Какую награду вы за этот бой получили?» - осведомился Государь. «Только Высочайшее благоволение», - искренно, но бестактно ответил офицер. Государь же улыбнулся... Эту награду офицеры, конечно, ценили, но «популярностью» она не пользовалась - ее на грудь не нацепишь, ею не удлинишь колодку полученных боевых орденов. В Великую войну было столько сражений, столько подвигов, что уже к 1916 г. кадровые офицеры получили все существовавшие боевые орденские знаки (тем более что награждали не только за отличие, но и за участие в боях того или иного периода). Вместо учреждения новых орденов или новых степеней старых орденов стали награждать Высочайшим благоволением, наградой почетной, но невидимой: офицер, получивший два-три Высочайших благоволения, имел на груди не больше орденов, чем тот, кто этой награды не получил. Поэтому раненый сказал «только», на что Государь отечески ласково улыбнулся. <...>

Неправдой было бы сказать, что система, на которой базировалась наша армия, была порочна, плоха, но в ней не были - за недостатком времени или за недостатком надлежащих людей - устранены все дефекты, обнаруженные Японской войной. Офицер верил, что Император методически и настойчиво шел к усовершенствованию этой системы. Поэтому остававшиеся в ней дефекты не создавали ни малейших дефектов в нашей офицерской любви и преданности Отцу Державному, царю Николаю Александровичу.

Державность царя

В разгар Русско-японской войны (в 1905 г.) меня - тогда юношу спросил пожилой крестьянин, работавший в нашем имении: «Панычу, а чи правда, що наш Цар с опоньцями воюе?» - «Да, Опанас, воюет, сильно воюет». «Боже, помагай!» - сказал Опанас с таким же спокойствием, с каким он эти самые слова произносит, проезжая в поле мимо пахаря или мимо косаря: раз человек пашет или косит, значит, пришла пора пахать, косить, а Божия помощь не минует этого пахаря или косца. Раз наш Царь воюет, значит, надо воевать (а почему и для чего, Он знает, на то Он и Царь), в Божией же помощи Царю не может быть сомнения.

Ровно через десять лет я был в числе офицеров дивизии, наиболее отличавшейся и наиболее пострадавшей в страшных оборонительно-отступательных битвах против «фаланги» Макензена: на восточный берег Западного Буга (где удалось на несколько недель задержаться) ее четыре пехотных полка отошли в численности, меньшей одного полка; а эти отошедшие, уцелевшие офицеры и солдаты были до духовного и физического бессилия измотаны сражениями

у Перемышля, Мосциски, Вишеньки Бельке, Бонува, Желдеца, Жолкиева, где вражеская артиллерия живьем засыпала на дне наших окопов целые взводы, а наша легкая артиллерия отвечала жиденьким огнем, вследствие недостатка снарядов. Из нас никто не произносил слова «Конец!», никто не говорил, что война проиграна, но потухший блеск наших глаз и без слов говорил это.

И вдруг приходит весть: «Его Императорское Величество изволил вступить в Верховное командование»... Раз Сам Царь пришел к нам, чтобы воевать, то - «Боже помогай» и Бог, Царь Царей, поможет нашему Царю.

Что сходного между тем Опанасом из деревни у истоков речки Кодымы и мною, штабс-капитаном великолепной 15-й артиллерийской бригады? Почему я так же уверен в правильности решения Государя продолжать войну, как Опанас был уверен, что война с «опоньцями» была нужна. Бедному, темному Опанасу, лишь на второй год войны узнавшему, что идет война (всеобщей мобилизации тогда не было и поэтому многие уезды не чувствовали войны), легко было произнести с надеждой и уверенностью свое «Боже, помагай!». А мне? Надо мною уже пронеслись недели нашей беспомощности против боетехнической мощи германцев; я уже был у предела сил и даже за пределом надежды на победу; кроме того, я знал, что Государь - не стратег, что Он откомандовал батальоном, не больше, поэтому у него нет навыка в руководстве армейскими массами; по высшим этажам военной науки Он прошел только теоретически и не упражнялся в практическом приложении принципов оперативного, стратегического искусства... И, тем не менее я, с обновленной силой воинской души, с воспрянувшей надеждой произнес Опанасово «Боже, помогай!».

Произнес, поверил, уверился, окреп, не анализируя - почему и отчего? Лишь потом, спустя годы, стал анализировать.

Император Николай Александрович не прибег к какой-либо позе, как Александр I, произнесший фразу: «Отрощу себе бороду... но мира не заключу» (смешновата была эта поза: для сплошь бородатого, кроме аристократии, народа не было геройства в отпускании бороды). Нет, наш Царь просто объявил, что стал Верховным главнокомандующим, и это психологически подействовало на армию и на народ: в них возродился дух. Потому возродился, что армия, и я, маленький в ней офицер, и, вероятно, тот Опанас в нашей деревне, и весь наш русский народ ощутил в решении, в поступке Царя державность.

Сейчас в некоторых кругах подчеркивают, что российские Императоры - Помазанники Божьи. Мне кажется, что народу не очень понятна была такая высокая мистика режима. Народ понимал его проще: народ не сомневался, что «Бог правду видит», Божескую, а Царь правду скажет, Свою царскую. Правда же царская заключалась в Петровых словах «а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии».

Пусть ряд наследников Великого Петра не держался этих слов, пусть Екатерина II и Александр I были несколько эгоцентричны, чтобы вполне держаться этих слов, но последующие императоры могли правдиво сказать: «О Николае ведайте»... «Об Александре ведайте», «Об Александре ведайте...», «О Николае ведайте»... От всех их, от каждого их поступка, от каждого их слова веяло державностью, то есть полной слитностью Царя и Державы, полным самоотречением Царя ради службы, служения Державе. Отжило свой век понятие, что государство - собственность царя, как бы его вотчина. Цари не стали собственностью государства подобно конституционным королям. Цари слились с государством своим служением ему: Царь и Держава слиты державностью Царя.

Это ощущалось в торжественных словах манифестов, в тоне указов и рескриптов, в речах

государевых, обращенных к являвшимся депутациям или сказанным тем, кто удостаивался аудиенции. Как ни различны были внешние облики и характеры, уровни державной воли и ее направления Императоров Николая I, Александра II, Александра III, Николая II, но от них веяло державностью. Это чувствовала армия на Высочайших смотрах, народ, издалека съезжавшийся, сходившийся, чтобы приветствовать Государя в Его путешествиях по Земле Русской.

Интеллигенции внушали хулители, что Николай Александрович всего-навсего «маленький полковник», но и вольнодумные интеллигенты с изумлением ощущали при встречах Царя с народом, что этот небольшого роста в военном мундире офицер величественен походкою, сдержанностью жестов, вескостью слов и лучезарностью глаз, обладавших способностью одновременно многих воинов в строю или многих людей в толпе озарять ласковым взглядом. Этот взгляд сливал душу народа, душу Державы с душой Царя. И войско и толпа, с интеллигентами в ее толще, приходили в восторг, в экстаз, восхищенные Царем, его зримым ореолом царственности и незримым слиянием державности.

Может быть, легко, может быть, трудно было царям XIX в. нести бремя державности, но для Императора Николая II оно было исполинским, если верно, что Государь уже смолоду был под впечатлением недоброго знака - рождением в день памяти Иова Многострадального: если верно, что Ему, Наследнику, какой-то отшельник в Японии напророчил трагическое царствование и трагический конец; если верно, что Ходынка в коронационные дни стала для Его Величества предвещанием бедствий в годы правления; если верно, что преподобный Серафим оставил письмо, адресованное «Царю, который посетит Саров» и врученное Императору Николаю Александровичу в Его пребывание в Саровской пустыни, - в письме было, говорят, прорицание бедствий, надвигающихся на Россию; если верно, что на Государя сильное впечатление производили грозные предупреждения о. Иоанна, Кронштадтского провидца. Все это не могло не создать в Императоре сознания обреченности. А при этом сознании выполнять на протяжении десятилетий долг царского служения России было, несомненно, мучительно. Сейчас Государю Николаю II зарубежье дало наименование Мученик за мученический конец Его жизни, Его царствования. Но Он был мучеником, был Великомучеником с первого дня царствования (с Ходынки) и до последнего дня (отречения во Пскове).

Каково величие души: царствовать в сознании обреченности и под мученичеством безнадежности выполнять свой царский долг, нести бремя державности!

История займется перечислением ошибок, сделанных или якобы сделанных Государем: дальневосточная дипломатия, приведшая к войне с Японией и преждевременное прекращение этой войны; дарование Государственной думы, под натиском Первой революции, и десятилетний конфликт между Властью и Думой, вследствие противоречия между самодержавием и конституцией; аннулирование договора, лично заключенного в шхерах с императором Вильгельмом II и вступление, под давлением общественности, в Тройственное согласие - дружба с Германией сулила России мир, связь с Англией толкала Россию в войну. Но оценят ли историки двадцатилетнее мученичество на троне с несением долга державности, с сохранением в глазах подданных Своего ореола державности.

Когда Император Николай Александрович усомнился в Своей державности, не стало ни Царя, ни Державы.

Государь дал Своему Сыну имя Алексей. Не потому что Его сердцу мил был Царь Алексей Михайлович, Тишайший? Николай Александрович тоже был Тишайшим - Он был кроток, добр, милостив. Таким Он был на протяжении всего Своего царствования, таким хотел остаться в дни революционного вихря в феврале-марте. Николай I во главе войска пошел бы усми-

рять взбунтовавшийся Петроград - Император Николай II послал туда генерала Иванова с приказанием избегать кровопролития. Александр III твердо руководил бы из Ставки сражением за режим, разыгравшимся в столице, - Император Николай II уехал из Ставки и оказался во Пскове. Там он, усомнившись, по наговору Рузского и Родзянко, в Своих силах, продолжать выполнение царственного труда, не арестовал Рузского, не казнил Гучкова с Шульгиным. Надлом державности, слом Державы!

Пусть упрекают Государя люди, не способные оценить подвиг мученичества на троне, подвиг, совершавшийся на протяжении двадцати и двух лет. Мы же благоговейно склоняем головы перед этим подвигом, перед царским подвижничеством, перед красотой державности Императора Николая Александровича.

Месснер Е. Царь и офицер // Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. - Нью-Йорк, 1968.

О ПОДГОТОВКЕ ОФИЦЕРОВ-«АКАДЕМИКОВ»

Излишне и даже вредно открывать перед слушателями все бездны премудрости, поднимать их на высочайшие вершины человеческого знания: чрезмерная теоретичность программы налагает печать академичности, нежизненности на всю дальнейшую деятельность человека. Так ген. Kraus («Die Ursachen unserer Niederlager») пишет об австрийской армии: «Обучение командования было несоответствующим. Мы были тактически переобучены, единство мысли было утеряно... Обучение было слишком разносторонним, впадающим в подробности... Мы были тактически перегружены. Многие от громких тактических идей не могли обратиться к пониманию простейших истин».

Программа Академии должна быть соображена так, чтобы в ней не доминировали науки точные и, так сказать, полуточные (статистика и подобные) - они иссушают душу и развивают знания в ущерб искусству. В подтверждение этой мысли позволю себе привести цитату из книги Хенига, германского военного писателя конца прошлого века.

«Все полководцы, к какой бы нации они ни принадлежали, были в высшей степени эстетами, людьми, обладавшими пониманием искусства, тонким чувством, сильным критерием, светлым умом; все они были артистическими натурами, и в нашем военном воспитании заслуживает полного сожаления совершенное отсутствие стремления к пробуждению и развитию любви к искусству, эстетического чувства. Ввиду этого у большинства не существует стремления к возвышенному, к призванию своему относятся поверхностно, не размышляя никогда об артистической стороне военной специальности. Знакомство с эстетикой, в особенности с разумно преподаваемой философией, было бы во сто раз полезнее многих нынешних предметов».

Старая русская Академия грешила чрезмерным увлечением стратегией, что способствовало наполеонизации офицеров Генерального штаба: привычка быть на близкой ноге со стратегией приучала их мысли к высокому парению, и вопросы тактики не захватывали их. Академии можно поставить в упрек то, что она уделяла много внимания упражнению памяти, то есть способности повторять чужие мысли, вместо того чтобы развивать способность творить свои мысли. В результате этого далеко не все офицеры Генерального штаба у нас были способны к творческой работе, на что, между прочим, указывает ген. В. Драгомиров в своей статье «Подготовка русской армии к Великой войне»: «Французское командование (в минувшую войну) обладало способностью наблюдения и ясного мышления на основе первоисточников. С грустью следует признать, что русское командование не было подготовлено к такой работе».

Не в том цель Академии, чтобы нафаршировать мозги слушателей известным количеством статистических, исторических, географических и других данных, а в том, чтобы, углубляя познания своих питомцев, приучить их к творческой работе, поставить вехи на пути их дальнейшей деятельности.

* * *

Вопрос об этих вехах - вопрос сложный; он приводит к рассуждениям о единой доктрине.

Единая доктрина - вещь заманчивая, но она имеет и свои плюсы, и свои минусы; она имеет ярких противников и убежденных сторонников.

Нельзя, кажется, не согласиться с взглядами ген. Цурлиндена, приведенными в статье ген. Баиова «Несколько мыслей по вопросу о военной доктрине»: «Необходимо, чтобы на всех ступенях воинской иерархии говорили одним языком, были приучены оценивать обстановку с общей всем точки зрения, придавать одинаковую степень важности известным требованиям и предписаниям. Одним словом, необходима общность доктрины сверху донизу во всей армии».

Но, с другой стороны, прав и ген. Gascouin («L'Evolution de l'artillerie pendant le guerre»), говорящий, что «в некоторые исторические эпохи нет ничего более опасного, нежели единая доктрина»; действительно, в эпохи появления новых, исключительных по своему значению боевых факторов, опрокидывающих общепризнанные поучения тактики и стратегии и требующих поэтому коренного пересмотра этих наук, - в подобные эпохи единая доктрина может направить обучение и воспитание армии по ложному пути, ибо она устраняет обсуждение и критику, а ведь только в критике, в обсуждении, в столкновении мнений выявляется истина. В подтверждение этого можно указать на то, что те чудовищные парадоксы военной мысли, те противоестественные извращения военной идеи, которые мы наблюдали во французской армии 1915-1917 гг. (машинная война), возникли потому, что творчество и самостоятельность были подавлены под пятой единой доктрины, не допускавшей критики и лишенной самокритики. И тут, по мнению генерала Gascouin'a, во многом виновата французская Военная академия, которая с 1914 г. перестала быть «школой военной критики», перестала быть фактором фактического прогресса, очагом новых идей.

Единая доктрина имеет еще тот недостаток, что для проведения ее нужен Петр Великий или, по меньшей мере, Мольтке: либо деспот, повелевающий в силу своей власти, либо диктатор мысли, импонирующий глубиною знаний и ясностью ума. А если за отсутствием даровитого поводыря военной мысли возьмутся за внедрение единой доктрины посредственные люди, то вместо своего рода «просвещенного абсолютизма» получится азиатский деспотизм, и единая доктрина послужит обоснованием общего нивелирования по уровню посредственности, подавления живого духа, изгнания «беспокойного» элемента - получится доктрина кладбищенского покоя.

Много писалось у нас о единой доктрине, многие пытались формулировать ее: кто в пространных статьях, кто в старом афоризме (например, «помни войну!»), а между тем сущность той доктрины, которая проводилась у нас, определяется одним словом - «слушаюсь!». Чем иметь такую доктрину, лучше ее совсем не иметь и полагаться на здравый смысл каждого отдельного руководителя и начальника в армии.

Если нет лица, которое помощью своего авторитета в армии могло бы провести единую доктрину и сделать ее обязательною, то вместо тиранического вколачивания какой-нибудь доктрины надо допустить свободное соревнование доктрин в литературе и в диспутах, дабы привлечь к творчеству все лучшие умы армии и в дебатах и полемике создать если не тождество взглядов, то согласованность их. В этом случае Большой штаб, тщательно изучая все течения военной мысли в верхах армии, в ее толще, в военной литературе, формулирует доктрину и проводит ее всеми доступными ему способами (уставы, военная печать, маневры игры, направление преподавания в военно-учебных заведениях и т.д.); в противоположность обязательной, безапелляционной единой доктрине, эта доктрина будет, если можно так выразиться, рекомендуемой, ибо будет допускать свободную критику, свободное творчество. При этом Военная академия не будет «рупором» Большого штаба, послушно промульгирующим офици-

альные теории - она станет прибежищем чистой науки, а поэтому то единомышленником, то его оппонентом. Не беда, если доктрина Академии несколько разойдется с доктриной Большого штаба: в этой коллизии уцелеют здравые мысли и погибнут безжизненные мудрствования.

На примере французской Академии, которая «проводила определенную военную доктрину в мирное время» (Патронов. «Действия VI арм. кор-са»). Мы видим, что некоторая «автономность» Академии только увеличивает ценность ее сотрудничества с Большим штабом.

* * *

В стенах Академии собирается цвет офицерства в лице профессуры и слушателей. Опыт и вдумчивость первых, пытливость и пыл вторых создают условия, при которых Академия становится очагом не только изучения военных наук, но и разработки их. Крайне необходимо, чтобы духовная и умственная связь между Академией и ее воспитанниками сохранялась и по окончании слушателями курса наук. Академики не должны терять связи со своей alma mater, которая остается для них высшей руководительницей их военного развития на всех этапах их служебного пути.

Возможность движения по этому пути обусловливается непрерывным усовершенствованием академиками своих познаний. «Горе молодому офицеру Генерального штаба, который, выйдя из школы, вообразит, что его заслуги ученика могут уравновесить двойное величие командования и годов и могут сравниться со знанием людей, опытом в делах, привычкой к победам, чувством воинского долга» (генерал Blondel). Окончание Академии не дает патента на полководца; офицер, надевший значок, вправе считать себя вступившим твердой ногой на дорогу в маршалы: чтобы продвигаться вверх, надо не только служить, но и непрестанно учиться, ибо власти достоин *знающий.* Эту мысль уже проводил генерал Rustow («L'art militaire an XIX siecle»): «Идея, будто теория и изучение войны не могли бы дать положительных результатов, соблазняет ленивых, которые охотно воображают, что можно, не работая, преуспевать, если обладаешь гениальностью, и которые, конечно, считают себя тем более гениальными, чем они ленивее».

Припоминая слова Montesquieu, что «в римских армиях больше боялись бездействия, нежели противника», нельзя не согласиться с генералом Chanzy, писавшим: «Необходимо во всех родах развить вкус к интеллектуальной работе и к размышлению, которые одни только могут дать офицерам знание, необходимое для выполнения обязанностей, возлагаемых благородной военной карьерой». Этот вкус к интеллектуальной работе должен быть особенно присущ офицерам-академикам: его должна развить Академия и Академия же должна следить, чтобы в усыпляющих условиях будничной службы он не заглох, не атрофировался.

Для этого необходимо, чтобы академики в течение всей своей службы оставались в сфере влияния Академии - последняя ежегодно требует от всех академиков представления сочинений на заданные или произвольные темы, она производит им периодически экзамены, выдержание которых обусловливает достижение известных служебных этапов. Таким образом, вместо одного года занятий на дополнительном курсе академики будут вынуждены работать хотя и не столь интенсивно, но постоянно, вследствие чего от военной науки не отстанут и те, кто мог бы поддаться соблазну отпустить свою пытливость в бессрочный отпуск.

Требуя от своих бывших питомцев работы, Академия должна направлять эту работу, держа их в курсе тех идей, которые приняты Академией. Для этого она рассылает им свои бюллетени, являющиеся органом распространения доктрины, выработанной Академией; во-вторых,

она командирует в округа своих профессоров для прочтения сообщений на съездах академиков; она принимает меры к напечатанию тех из трудов офицеров-академиков, которые признаются заслуживающими широкого распространения. Таким образом, питаясь от одного общего источника знания, академики приобретут если не общность, то сходность идей, а это послужит крепким связующим звеном между всеми офицерами с высшим образованием, на каком бы поприще они ни работали.

Эта необходимость постоянного пополнения своих научных познаний касается не только штаб- и обер-офицеров, - и генералы должны освежать свой умственный багаж на «курсах маршалов», дабы к личному каждого из них опыту, накопленному за долгие годы службы, присоединился коллективный опыт военной науки.

Незнающий капитан быстро «научится знать», когда в первых боях его рота окажется по его вине в тяжелых положениях; не знающий полковник имеет хорошего советчика - «ощущение боя», - который ему подскажет, как исправить свою ошибку на поле битвы; но не знающий генерал, обычно не могущий ощущать пульса боя и руководствующийся поэтому лишь своими ошибочными идеями, не корректируемыми внешними восприятиями боевых впечатлений, может погубить свои войска. Прав епископ de Noe, писавший: «Подобно тому как чиновник должен знать правила юстиции, священник - религию, доктор - искусство врачевания наших болезней, так воин должен в совершенстве знать военное дело. Он отвечает за кровь своих братьев, которой он дал пролиться по своей необразованности или небрежности, и за кровь также своих врагов, которую он мог бы сберечь при большем знании и умении».

Генеральские погоны не избавляют от необходимости по временам от роли руководителя и учителя переходить к роли руководимого и обучаемого, дабы не отстать от новейших достижений в области военного знания, развивающегося положительно кинематографическим темпом. К сожалению, война показала, что отставших было много и что немало лиц могло бы присоединиться к чудовищному заявлению, сделанному (как говорят) ген. Сухомлиновым - «со дня окончания Академии я не прочел ни одной военной книжки».

Нет нужды распространяться о том, как гибельно для армии существование генералов с одеревеневшей, парализованной мыслью, можно лишь привести полные глубокого смысла слова полковника Henry: «"Как вы открыли законы притяжения?" - спросили Ньютона. "Думая о них непрестанно", - ответил тот. Такое же направление мыслей должен усвоить тот, кто действительно хочет стать полководцем: надо об этом думать беспрерывно!» То есть надо, откинув дремотность мысли, непрестанно думать, обдумывать, усваивать и развивать идеи, выдвигаемые военным искусством, военной наукой, военной теорией, военной практикой.

* * *

Значение корпуса академиков громадно: оно будет господствовать в армии и в определенном отношении влиять на работу всего государственного организма, беря на себя ответственность за подготовку страны к войне и за успех войны. Естественно, что подбор этих офицеров должен быть сделан с особой тщательностью.

Не останавливаясь на том, какими качествами должен обладать офицер с высшим военным образованием - это общеизвестно, - необходимо лишь указать, что главной трудностью этого подбора является то, что «характеры сильные и крепко закаленные обычно выявляются способом, который в мирное время не благоприятствует их выдвижению. Без революции Бонапарт и Карно, вероятно, закончили бы полковниками. Фридрих Великий, не родись он на ступенях

трона, был бы, пожалуй, уволен в отставку лейтенантом» (фон дер Гольц). Обычно в мирное время предпочитают, чтобы офицеры были вышколенными чиновниками, послушными и смиренными, и хотят, чтобы на войне они обратились в людей волевых, деятельных и полных инициативы. Подобные метаморфозы редки, поэтому, кто хочет иметь в военное время энергичных офицеров, тот должен и в дни мира спокойно относиться к существованию «беспокойных» офицеров - из них часто вырабатываются Корниловы.

При правильном подборе академиков они будут в умственном и нравственном отношении превосходить остальных офицеров, и это, больше нежели все прерогативы власти, будет способствовать поднятию на громадную высоту престижа корпуса академиков, ибо, как еще в древности говорил Ксенофонт, «наилучший способ заставить себе подчиниться и иметь успех состоит в том, чтобы во всем обнаруживать себя более способным, чем те, коими командуешь, потому что обыкновенно, если существует уверенность, что кто-либо знает дорогу лучше нас, то не колеблемся следовать за ним».

Возникший таким образом престиж будет гораздо прочнее и ценнее того престижа, который поддерживается обособлением себя в касту, обращением себя в недоступных небожителей. Талантливый Pierrefeu, в двух своих книгах описывающий закулисную жизнь французской главной квартиры, не совсем не прав в своем ожесточении против секты brevetees, и его мнение об этой секте (мнение хотя и «штатское», но глубоко правильное) заслуживает внимания, ибо действительно обособление влечет за собою разрыв органических связей с армией. Академики должны, сохраняя свою спайку, слиться с армией, тогда их влияние на армию будет громадно - это будет влияние человека сильной воли и сильного ума над людьми обыденными, это будет влияние, основанное на непререкаемом авторитете высокого интеллекта. При этом условии корпус академиков с полным правом будет носить наименование души армии.

Месснер Е. Мысли о Генеральном штабе // Военный Сборник. - 1925. - Кн. 7.

МОЯ СЛУЖБА С ГЕНЕРАЛОМ СКОБЛИНЫМ

Близ деревни Верхний Рогачик (Северная Таврия) боковой отряд Корниловской ударной дивизии атакован конною армиею Миронова. Генерал Скоблин приказывает мне самым спешным образом направить туда 2-й Корниловский полк. Поднятый по тревоге полк немедленно выступает, а Скоблин, я, его конный конвой и мой штаб скачем на угрожаемый участок.

Там идет жестокий пулеметный бой. Нам надо ориентироваться, но подняться на холм с мельницами, откуда открывается вид, почти немыслимо. Сберегая людей, генерал Скоблин приказывает всех оставить у подножия возвышенности, и мы вдвоем идем к мельницам. Там - жутко: большевистские пулеметы поливают землю. Не успел я поднести бинокль к глазам, как услыхал звук, словно со страшной силой палкой ударили по подушке: стоявший в полушаге от меня Скоблин сказал спокойно, как посторонний свидетель: «Я ранен». Пуля попала ему в верхнюю часть ноги. Идти он не мог. Подхватив его, я его понес; на полугоре нас увидал конвой, и солдаты подбежали, чтобы отнести раненого начальника дивизии.

С тех пор я не имел случая видеться с генералом, но в моей памяти остался о нем глубокий след: не долго я был у Скоблина начальником штаба, однако и за короткое время я убедился в его совершенно исключительной храбрости и в редких военных дарованиях, которые были так велики, что даже его военная малограмотность не препятствовала ему быть отличным начальником дивизии.

Уважение, созданное на поле боя, уважение солдата к храброму солдату не может легко исчезнуть, и поэтому я не могу поверить в то, что генерал Скоблин как агент большевиков увез генерала Миллера. Чтобы поверить этому чудовищному обвинению, нужно нечто большее, чем порою явно фантастические сообщения французских газет и неясные обстоятельства, могущие оказаться просто случайным сцеплением обстоятельств.

Но если б оказалось, что знаменитый «корниловец» стал агентом ГПУ, то это было бы страшным ударом по русской эмиграции, ударом гораздо большим, чем самое похищение генерала Миллера: похищение - «боевой эпизод», предательство же молодого генерала - измена, большая, чем в свое время всех потрясшая измена генерала Достовалова и бегство генерала Слащева.

Я не потому не верю в предательство генерала Скоблина, что оно невозможно - на свете все возможно, - а потому, что оно противоречит моему представлению о Скоблине. Я его, очень смелого, немного легкомысленного, считаю способным «украсть» человека, но только - ради ему близкой политической цели, а не по заданию большевиков.

Большевики ли увезли генерала Миллера - вопрос тоже не из тех, на которые можно дать ответ с полным убеждением. Во Франции сейчас развилась столь разнообразная террористическая «деятельность», что каждый террористический акт легко приписать полудюжине «интересантов». Если в кутеповском деле все 300 изученных следов вели в конечном итоге к одному основному - красному - следу, то в деле ген. Миллера не может не быть соблазна искать, кроме красного следа, и коричневый, и белый, и испанский (не знаю, каким цветом его обозначить) следы.

Похищение генерала Кутепова было вполне понятно - необходимость освободиться от

опасного, энергичного врага побудила к совершению преступления, взволновавшего всю Европу. Но между ген. Кутеповым и ген. Миллером разница огромна. Уже внешний облик выявляет эту разницу: один - крепкий молодой, сильный, немного мужиковатый, несомненно волевой человек; другой - седой, интеллигентного вида человек с умными глазами и нерешительным взглядом. Один вызывает представление о поле боя, а другой - о штабе. Кутепов многим казался вождем, Миллер кажется администратором. Соответственно с этим и различна их роль в русской эмиграции: в Кутепова верили, Миллеру доверяли; верили, что Кутепов может привести белых к победе, доверяли Миллеру, что не выдаст Белого дела.

Кутепов с его неукротимой энергией и с его склонностью лично участвовать в подпольной борьбе против коммунизма был опасен коммунизму. Миллер не представлял для него столь серьезной опасности. Дело не только в разнице темпераментов, но в том, что генерал Миллер, кроме своего долга перед своей родиной, ощущал в весьма сильной степени свой долг перед массой эмигрантского русского офицерства, объединенного в русский общевоинский Союз. Этот союз представляет собой организацию двойного назначения: как содружество эмигрантов он стремился к упрочению бытового благополучия эмигрантов; как содружество политических эмигрантов он ведет работу национальную и антикоммунистическую. Заемные капиталы, бюро по приисканию труда, правовая защита офицеров и солдат-эмигрантов и другие средства служат для бытового обслуживания своих сочленов. Для того чтобы это обслуживание было возможно более продуктивным, надо в каждой стране эмигрантского рассеяния показать правительству и народу, что эмигранты ищут куска хлеба и никаких хлопот политических, а тем более дипломатических своим гостеприимным хозяевам причинять не желают. Но «отметка в поведении» неизбежно понижается, если отдельные люди или группы людей среди эмигрантов выявят сколь-нибудь энергичную деятельность на политическом поприще: «беспокойные» люди вредят бытовым интересам мирной эмиграции.

Во все времена политическая эмиграция образовывала в своей среде сообщества для энергичной борьбы против изгнавшего ее режима. Такие сообщества, имеющие исключительно политические цели, свободны в своей деятельности. Политическая же деятельность Общевоинского союза весьма ограничена тем, что он не партия, а «народ»: хотя все его члены антикоммунистически настроены, но обывательская психика доминирует в их среде, а интересы обывателя идут подчас вразрез с действиями фанатиков той или иной идеи.

Генерал Миллер, человек старшего поколения эмиграции, осторожный и осмотрительный, считался очень сильно с этим бытовым характером своего союза, и поэтому он в гораздо меньшей степени, чем ген. Кутепов, привлекал внимание большевиков и к союзу, и к себе.

Вследствие этого и его личная безопасность не казалась угрожаемой: для него опасность была не больше, чем для любого выдающегося русского эмигрантского деятеля. Сын Миллера заявил по этому поводу сотруднику болгарской газеты, что по вступлении генерала Миллера на пост председателя Общевоинского союза его сперва охраняла французская полиция и всегда сопровождал дежурный офицер, но потом было признано, что опасности нет, и поэтому эти меры предосторожности были отменены.

Однако оказалось, что опасность была: похищение это доказало. Исчез ли ген. Миллер безвозвратно? Подобного вопроса не возникало, когда увезли ген. Кутепова, - тогда было для всех совершенно ясно, что он погиб - в автомобиле ли, на территории ли Франции или за ее пределами, это вопрос второй, но что он погиб, сомнений не было. В настоящем же случае это не так несомненно, - слышатся голоса, что Миллер, пожалуй, увезен не для убийства, а для того, чтобы изменить ход жизни в Общевоинском союзе. Среди живущих в Белграде русских офи-

церов эти слухи основываются не на фактах, а только на ощущении давнего неблагополучия в парижском центре Общевоинского союза, где с первых же дней председательствования генерала Миллера шла борьба между различными струями русской военной эмиграции.

Эти слухи совершено не вяжутся с наличием в этой эмиграции дисциплины, не вяжутся и с тем, что никакие «умыкания» не могут внести расстройства в союз, потому что как всякий начальник на поле боя всегда назначает себе двух последовательных заместителей, чтобы в случае гибели обеспечить преемственность власти, так и в Общевоинском союзе всегда есть два заместителя председателя, старший из которых автоматически вступает в исполнение обязанностей председателя, когда исчезает возглавитель.

Сейчас возглавление союза перешло в руки генерала Абрамова. Донской казак, бывший командир корпуса, он пользуется большой популярностью в офицерской среде. На него в этой среде возлагаются надежды - ждут, что он уменьшит бюрократизм в Общевоинском союзе и объединит различные струи в среде союза, где существует дифференциация по возрастам и по степени темперамента. Первым распоряжением нового председателя было назначение себе двух заместителей: он вступил на опасный пост и поэтому, как на войне, обеспечивает немедленно преемственность управления.

Сегодня. - 1937. - №269.

ТУХАЧЕВСКИЙ - НЕ НАПОЛЕОН

Насколько припоминаю, Тухачевский при личном общении производил впечатление человека энергичного, но несколько неуравновешенного. Это мне подтверждали и его товарищи по плену: в своих неоднократных попытках к бегству из плена он всегда проявлял огромную волю в начале предприятия и известную растерянность, когда бегство становилось неудачным.

И в величайшем из дел своей жизни - наступлении на Варшаву - он, но уже в большем масштабе, проявил то же: исполинскую волю при начале операции и непростительную растерянность с момента, когда боевое счастье повернулось к его войскам спиною.

Об этой интересной кампании существует много трудов, а из них наиболее примечательными надо считать книгу Тухачевского «Поход за Вислу» и ответ Пилсудского на эту книгу, изданный в виде объемистого труда под заглавием «1920 год». По ним можно составить себе довольно ясное представление о личности расстрелянного маршала.

Поход за Вислу в 1920 г. был поручен Тухачевскому; ему были даны 21 дивизия пехоты, объединенные в две армии (между прочим, во главе одной из них стоял казненный вместе с Тухачевским Корк). Тухачевский оставил две дивизии для наблюдения за более северным участком, опасаясь оттуда удара, 7 дивизий растянул в Полесье, а 14 дивизиями обрушился в середине мая на северное крыло польских армий. В этом бою, по данным Тухачевского, приняло участие 53 000 русских и 56 000 поляков, а по сведениям Пилсудского - 124 тысячи русских и 72 тысячи поляков. Шапошников, ныне выдвинувшийся на вершину военной власти, дает такие данные: 82 тысячи красных и 75 тысяч поляков или, по другому подсчету, 92 тысячи красных и 93 тысячи поляков. Эта неразбериха с цифрами показывает, что каждый штаб располагал другими сведениями не только о численности врага, но и о численности своих войск.

Маршал Пилсудский, например, признается, что в его армии до трети солдат в войсковых частях отвлекались из строя для хозяйственных надобностей.

План Тухачевского был сложен, почти безграмотен. Увлекаемый своим наступательным духом, молодой полководец запретил начальникам дивизий иметь резервы и сам их не имел: все в первую линию, все для сокрушительного удара. Но удара не произошло: красные дивизии мялись, а у главнокомандующего не было резервов для подталкивания вялых. В красных войсках неоднократно случалась паника. Контрнаступление подоспевших к угрожаемому району польских войск свело почти к нулю результаты наступления красных. Последние понесли большие потери - до 27 000 человек.

Войска Тухачевского пали духом, но больше всех пал духом он сам. Он потребовал от московского Генерального штаба присылки ему 300 тысяч солдат и затем ежемесячно еще по 80-90 тысяч, а также присылки ни больше ни меньше чем 500 офицеров Генерального штаба (во всей Красной армии в то время не было и тысячи офицеров Генерального штаба).

Однако уныние испаряется из души главнокомандующего, и он с исключительной энергией принимается за подготовку новой, более грандиозной операции. Он организовывает три новых армейских штаба (понял, что два командарма не могут управиться с двумя десятками дивизий). Формирует обозы для дивизий. Принимает энергичнейшие меры к поднятию морали войск. В эти дни по всей территории России шла пропаганда идеи патриотической войны, -

тысячи офицеров во главе с Брусиловым пошли в ряды армии, 100 тысяч дезертиров возвратились добровольно в войска. В одну лишь XVI армию на фронте Тухачевского за один месяц прибыло 24 тысячи возвращенных дезертиров - из них половина пришла добровольно.

Этот патриотический подъем использовал Тухачевский и действительно сделал войска боеспособными. Но вождение этих войск не было лучшим, чем в первую операцию. Убожество стратегической мысли проявилось в том, что план наступления не был изменен: в июле Тухачевский наступает почти так же, как наступал в мае.

Однако на этот раз красные побеждают: благодаря двойному численному перевесу (на главном участке 160 тысяч красных штыков против 95 тысяч польских). Красные берут Вильно, берут Минск.

Отход поляков получает такой темп, что Тухачевский изобретает новый способ преследования: в каждой из его армий дивизии идут в три линии, одна за другой - головная преследует и опрокидывает слабо сопротивляющегося врага, а прочие следуют в затылок; каждые два-три дня головные дивизии сменяются.

Впрочем, этот патент Тухачевского существовал только в его мемуарах, - официальные исследования кампании не подтверждают этого: хвастливость не отсутствовала в числе качеств Тухачевского.

Верно, что Тухачевский напрягал все силы для того, чтобы еще больше ускорить темп наступления. В состав его войск влилось 30 тысяч белорусов, взявшихся за оружие, когда красные войска завоевали эту область. Польские коммунисты сообщали, что в Польше все готово для революции. Надо было торопиться, чтобы не дать вздохнуть отступавшим. Лорд Керзон предложил начать переговоры о перемирии, но Москва, зараженная оптимизмом Тухачевского, отвергла предложение. Тухачевский взял уже и Гродно - Москва приказывает взять Варшаву.

Тухачевский не может ее взять прямым наступлением - не хватает сил. Он решает взять ее обходом с севера - в этом замысле скрывалось и намерение отрезать польскую столицу от Данцига, откуда шло французское снаряжение, откуда прибывали французские штабы и офицеры.

Но и для такого маневра сил было мало: Тухачевский, главнокомандующий, вел к Висле свои армии с азартностью корнета, очертя голову бросающегося в атаку во главе своего разъезда. Его армии оторвались от своих, к слову сказать, примитивных органов снабжения; его дивизии остались без обозов, измученные безостановочными маршами; его полки потеряли до двух третей своего состава от пуль, недоедания и натертых ног.

Между тем поляки подняли весь народ на защиту страны. Пилсудский сменил растерявшихся генералов во главе с Шептицким, взял себе в помощники генерала Розвадовского; они вдвоем и при энергичном сотрудничестве военного министра Сосновского и генерала Рыдз-Смиглаго остановили развал армии, создали резервы, нагромоздили огромную артиллерию для непосредственной обороны столицы, перегруппировали дивизии и составили план контрнаступления.

Молва приписывает этот план французскому генералу Вейгану, поспешившему в Польшу в качестве высшего военного советника. Пилсудский в своей книге это отрицает.

Эта победа была достигнута неожиданным для Тухачевского наступлением польских дивизий в разрез между его войсками у стен Варшавы и теми, которые он направил в обход столицы с севера. Судьба кампании была решена в три дня: красный фронт был прорван и красная лавина, до того времени неудержно катившаяся к Висле, покатилась вспять с той же и даже

большей скоростью.

Замечательнее всего то, что главнокомандующий опередил свои армии в быстроте падения духа: Тухачевский был уже разбит, когда его войска только почувствовали польский нажим. Как и в майскую операцию, он с необыкновенной для полководца поспешностью перешел от уверенности к растерянности, от дерзости к робости, от настойчивости к полному безволию. Он, замышлявший создать для поляков «Седан», сам оказался в положении «Седана», - часть его армий была прижата к германской границе и вынуждена была сложить оружие.

У него хватило еще выдержки немного обождать с общим отходом в ожидании, не удастся ли спастись отрезанным дивизиям, но он ничего не сделал, чтоб спасти их, а когда дальнейшее ожидание показалось бесцельным и опасным, то войскам было предоставлено бежать по системе - спасайся, кто куда.

Колонны отступавших дивизий перемешивались, на одну дорогу выскакивали сразу две армии - более хаотическое отступление трудно себе представить - полководец выпустил из своих рук управление войсками. Стихийно неслись красные армии к Висле, стихийно же они кинулись назад при первой боевой неудаче.

Тухачевский приводит много причин катастрофы, оправдывая себя. Не будем касаться вопроса, кто больше виноват - войска, начальники или главнокомандующий. Не будем даже задумываться над тем, мог ли бы более талантливый начальник в лучшем состоянии довести армии до Вислы и в лучшем состоянии отвести их назад, когда обнаружился перевес сил у противника. Для нас сейчас важно лишь то, что Тухачевский не довел дело до конца, что у него не хватило воли для преодоления неудачи - как всегда, он был смел, пока его ободряли удачи, и он сразу размяк, когда вырисовывался призрак неудачи.

Это его качество проявлено им, по-видимому, и в последний период его бурной жизни: он шел в Наполеоны со свойственной ему настойчивостью и энергией, но когда он оказался разоблаченным, он не нашел в себе мужества решительным ударом повернуть колесо своей судьбы. Трудно сказать, что сделал бы Наполеон на месте Тухачевского, но двух вещей бы он не сделал: он не становился бы в гордую позу, если бы не был уверен, что за ним есть серьезная сила, и не медлил бы, пока сыск опутает его сетью улик, а разорвал бы сети.

Тухачевский погиб или потому, что не имел за собой приверженцев в должном числе - следовательно, он не Наполеон, - или он погиб потому, что при приближении опасности впал в бездеятельность - следовательно, он не Наполеон.

Его прославили превыше его способностей. Он был, несомненно, даровитым военачальником Гражданской войны, но Наполеоном он не был.

Сегодня. - 1937. - №179.

МАРШАЛ БУДЕННЫЙ - «РУССКИЙ МЮРАТ»

Буденного принято называть русским Мюратом. Сходство между ними есть: оба они простого происхождения, оба выслужились из солдат, оба командовали конными массами и прославились как водители конных масс. Наконец, и дарования обоих сходны. О талантах Мюрата Наполеон сказал, что «королю Неаполитанскому» можно приказать свалить столько-то и столько-то тысяч врагов, и он это непременно исполнит со своей конницей, но от него нельзя ждать сложного тактического плана. Мюрат обладал качествами корнета, умноженными в тысячу раз - ему Наполеон и давал корнетские задачи, умноженные в размере в тысячу раз: врубиться, опрокинуть, довершить уничтожение.

Буденный тоже не стратег, - для него конная армия не больше, чем огромный разъезд, который ему доверяли в бытность его вахмистром. Он не может сам нацелить свою армию, - кто-то другой должен нацелить его с его армией и выстрелить им: он не пушкарь, он снаряд. В этом он схож с Мюратом.

Но он симпатичнее Мюрата: он не жаждет титулов и отличий, как Мюрат, выклянчивший у Наполеона королевство. Буденный живет в тени: поручат инспекцию конницы - инспектирует, поручат ведать коневодством - ведает. Мюрат рядился в перья и ленты, как шантанная дива, Буденный не украсил себя даже упразднением вахмистрских подусников - он не позер, не актер, не павлин, как Мюрат.

Но Мюрат более крупная личность с военной точки зрения, чем Буденный. Мюрат был годен для великих сражений войны высокого стиля. Буденный же справлялся лишь в обстановке боев «малой» войны, войны гражданской; уже в Польскую кампанию, где стиль отличался от «гражданского», хотя и очень был далек от современного большого стиля, командарм I конной не оказался на высоте. Нечего и говорить, что в случае внешней войны СССР Буденный полководцем не будет. Это видно уже из того, что ему сейчас поручили не Украинский военный округ, где по-мобилизационному плану сосредоточится огромная конная масса для вторжения или в Галицию, или в северную Румынию, а Московский военный округ, который никогда воевать не будет: это округ для формирования резервов и для обеспечения столицы от внутреннего врага. Ясно, что и Буденному дали высокий пост не за стратегические дарования, а за верность и стопроцентное отсутствие бонапартизма.

Военные дарования Буденного - это не наитие, не знание. Это - инстинкт. В русскую Гражданскую войну выдвинулось немало начальников с огромным военным инстинктом. Помню казачьего генерала Бабиева: он водил свою дивизию сомкнутой массой, потому что умел командовать ею, но не управлять. Но командовал он изумительно - всегда умел ощутить слабое место врага и всегда умел почувствовать наступление момента для атаки. Таким же поразительным инстинктом обладал генерал Тимановский, выслужившийся из вольноопределяющихся до начальника дивизии, ныне покойный, а также здравствующий и сейчас генерал Пешня, из морских лейтенантов ставший начальником дивизии. Я был одно время на должности начальника штаба Корниловской ударной дивизии, которой командовал генерал Скоблин. Последний часто вызывал во мне восхищение: я знал тактику гораздо лучше его, но он давал мне сто очков вперед в способности ощутить тактическую обстановку - его инстинкт был вер-

нее моего знания. Инстинктом этим Буденный обладает в сильнейшей степени. Это он доказал всей своей боевой карьерой. Впрочем, мои личные впечатления не говорят о безошибочности буденновского инстинкта.

В середине октября 1920 г. конная армия Буденного прорвала фронт генерала Врангеля у Каховки и устремилась к перешейкам, соединяющим Крым с материком. Наше положение было отчаянным. Донцы к северу от Мелитополя отбивались от превосходных сил врага. На наш 1-й корпус с севера, кроме пехоты, обрушилась и конная армия Миронова, а от II армии мы были отрезаны конной массой Буденного.

17 октября 1-й корпус (корниловцы, марковцы и дроздовцы) и конный корпус генерала Барбовича сбились в кучу в районе деревни Серогозы. Командующий армией генерал Кутепов примчался к нам без своего штаба, чтобы лично вывести войска из окружения - редкий пример выполнения полководческого долга. Пробиваться на Перекоп, как приказывал генерал

Врангель, было немыслимо, и Кутепов решает пробиваться через ряды буденновцев на Сальково. Дроздовцы опрокидывают 1-ю дивизию, которая нас сильно теснила, и мы благополучно идем на юго-восток. У деревни Адайман нам преграждает путь Буденный.

Генерал Барбович пускает против его 6, 11 и 14-й дивизий несколько бронеавтомобилей и 20 полутонных грузовиков Форда с пулеметами, для этих «фордов» - это боевое крещение: впервые в истории военного дела небронированные автомобили брошены в бой. Красные испугались вида несущихся по полю и стрекочущих пулеметами «фордов» и поспешно отступили: путь к перешейку приоткрылся. Измученный боем 1-й корпус насчитывал лишь 2500 штыков. Мы окружили своими слабыми батальонами артиллерию и обозы: нас окружили конные полки генерала Барбовича, и эта многоверстная колонна пошла к Сальковскому перешейку. Мы шли по местности, где буденновцы во время своего прорыва вырезали наши тыловые обозы, многим из нас казалось, что та же участь ожидает и наши дивизии. Но Буденный не решился атаковать нас на походе, а ночью мы, корниловцы, атаковали его на ночлеге и заночевали в хатах, которые обогрели для себя буденновцы. Утром к Буденному присоединился и Миронов - две конные армии окружили нас со всех сторон. Атакуя, красные временами дорывались до штаба корпуса с генералом Кутеповым, но мы отбились. На следующий день мы, без сил и без патронов, продолжали отход, отбиваясь на все стороны, - Буденный не почувствовал, что мы не можем сопротивляться, он лишь пугал нас атаками, но не атаковал. К вечеру мы укрепились за сальковскими укреплениями, - инстинкт не подсказал Буденному, что нас можно было уничтожить. Еще более крупную ошибку сделал он во время Польской кампании. Его конная армия была переброшена с юга на польский театр. Поляки не встревожились этим. Меньше всех встревожился маршал Пилсудский. Он в 1916 г. отбил со своими легионерами атаку русской конницы у Костюковки и поэтому вообще не боялся конницы; во-вторых, он не верил в возможности конницы в век пулеметов и артиллерии; в-третьих, он считал дивизии Буденного беспомощными после изнурительного марша с Южного фронта. Но Буденный прорывает у Казатина польский фронт и оказывается в тылу III армии (генерала Рыдз-Смиглаго), занимавшей Киев. Приходится принимать меры - польское главнокомандование делает несколько попыток зажать Буденного, но ни одна из них не дает результата. Когда IV армия атакует Буденного в Ровно, II армия уходит на север, когда II армия, возвратившись, занимает Ровно, IV армия отступает на Дубно. Тиски никак не сжимаются, потому что командованию не удается координировать действия войск. Не удается, потому что неожиданные перемещения конной армии создают панику в тылу польского фронта - войска, а особенно штабы, теряют голову и тревожно ждут Буденного, кажущегося вездесущим. Польский фронт трещал по

всем швам, паника докатилась до глубочайшего тыла и под ее действием начал создаваться в стране «пораженческий фронт», государственный фронт стал давать большие перебои. Я имел случай убедиться в том, как велика была паника: поезд, которым я ехал из Варшавы в Румынию, был остановлен на станции Станиславов потому, что конница Буденного якобы угрожала прервать путь к югу. Как ни убеждал генерал, с которым я ехал, комендантов станции и города, что находящаяся в 20 км конница не может оказаться вдруг у Станиславова, нас продержали два дня на месте и мы наблюдали картину подготовки властей к бегству. Буденный, в сущности, почти не дрался, - он только заскакивал в тыл польским армиям, и в результате Киев был спешно оставлен поляками, весь фронт от Румынии до Полесья откатился на 1200 верст, северный польский фронт, отбивавшийся от Тухачевского, получил приказание ускорить темп отхода из-за неблагополучия там, где действовал Буденный. Но Буденный не воспользовался достигнутыми результатами. Он при прибытии на польский фронт обещал своим войскам дать им на разграбление Львов, и поэтому стратегической целью всех его маневров был этот богатый город. Напрасно Тухачевский, в подчинение которого был отдан Буденный, настойчиво требовал от конной армии движения на северо-запад, чтобы помочь овладению Варшавой, - Буденный толкался около Львова: не мог его взять и не мог заставить свои полки отказаться от заманчивой добычи. Пренебрегши важнейшими стратегическими целями ради добычи, I конная армия дала отдышаться полякам. Поэтому в неудаче похода на Вислу и в поражении Тухачевского сильно виноват Буденный: стратегия была выше его понимания.

Вероятно, и сейчас, после полутора десятков лет мирного пребывания на высоких постах, Буденный не стал более знающим, чем он был в годы своих боевых успехов. Трудно сказать, сохранил ли он былой военный инстинкт, сохранил ли силу воли, сделавшую ему имя. Но свое имя он сохранил - с этой его ценностью, видимо, и считались при назначении на пост московского командующего.

Сегодня. - 1937. - №173.

ДУШИ В КАНДАЛАХ

Военная история полна имен людей, прославившихся победами над вражескими армиями. Иные вошли в Историю, потому что дали врагу разгромить свою армию. Сталин войдет в Историю как человек, разгромивший собственную армию. Подвиг, единственный в своем роде. Разгром этот - военное поражение страны в дни мира - вызвал крик изумления и гадливости во всем мире, но иностранцы обратили внимание только на один эпизод этого беспримерного сражения властителя с собственным войском. Правда, этот эпизод чрезвычайно эффектен: расстреляны маршал и высшие генералы. Высокая чиновность истребленных создала сенсацию; романтичность же личности Тухачевского, этого «почти победителя» у Варшавы, этого «почти Наполеона», усугубила ее. Сенсациею скрыта от глаз заграницы гораздо более глубокая трагедия Красной армии, гораздо более жестокий ее разгром - истребление тысяч командиров, заподозренных в сочувствии сов.-генеральским заговорам. Увольнение, ссылки, расстрелы разредили командный состав, как не разрежает кровопролитнейшее сражение. Красная армия стала сейчас действительно красной от залившей ее собственной крови. Ее силы подорваны, ее дух надломлен.

При помощи Ежова, взяв армию в ежовые рукавицы, Сталин добился того, что войско ему послушно, но оно перестало быть войском - стало партийной вооруженной силой. Любить Родину можно, но не слишком (расстреляют или сошлют), не любить партию нельзя (расстреляют или сошлют); слушаться командира надо - но осмотрительно, а слушаться политрука надо безусловно; в командира надо верить, если ему начальство верит; а если начальство относится к нему подозрительно, то не доверять командиру благоразумно, а может быть, и полезно: на своевременном доносе можно сделать карьеру.

Сделавшие карьеру на доносах не спокойны за свою жизнь - во время осенних маневров немало шпионо-выдвиженцев погибло от пуль красноармейцев. Не спекульнувшие на доносах чувствуют себя некрепкими на своих местах - не проявили, мол, преданности - и поэтому опасаются быть требовательными: небезопасно раздражать подчиненных, среди которых немало кандидатов в выдвиженцы.

Всю эту мерзость внес, в и без того-то нездоровую жизнь армии, Сталин. Он не только убил людей, он убил святейшее в каждой армии: веру в себя и веру в своих, властность и послушность, духовную единость и целостность.

Вот результат кровавого для армии 1937 г.

* * *

В эмиграцию проникло известие о том, что в Туле на квартире военного инженера Астахова покончили с собою сам Астахов, Генерального штаба майор Войткевич, капитан Одинцов и капитан Пономарев. Причина: невыносимое положение красного офицерства, оплетенного сыском, доносами, травлей, угрозами кар за преступление, ни в каком законе не предусмотренное, но тем не менее самое карательное из всех - неугождение ком-самодурам.

Впечатление от этого самоубийства по сговору было таково, что тела мучеников ежовского

режима в Красной армии были погребены без присутствия даже ближайших родных. Впечатление тем более сильно, что протест уходом из жизни был выявлен не старыми, бывшими царскими офицерами, затравленными подозрительностью власти, а офицерами советской формации, благонадежность которых не должна была бы внушать опасений.

Самоубийство одного офицера, по причинам выше изложенным, вышло бы из рамок происшествия и стало бы многозначительным выявлением общественного зла. Но групповое самоубийство показывает, что это зло приняло чудовищные размеры. Красное офицерство, не бунтовавшее, понесло кару большую, чем в свое время понесли бунтовавшие стрельцы: каждый двадцатый командир расстрелян, каждый десятый сослан в ссылку, каждый третий уволен от службы, 40 тысяч командиров и старшин попали в одну из этих трех рубрик: одни приговорены к мягкому наказанию - расстрелу, другие к милостивому: медленной смерти в лагере: а третьи - к высшей мере наказания - изгнанию в категорию бесправных, отверженных, обреченных на муки голода и отчужденности: никто не смеет им помочь, проявить к ним участие.

Уцелевшие в рядах командирства делятся на две группы: кандидаты на карьеру и кандидаты на расстрел. Карьера - за донос, расстрел - в результате доноса. Доносительство в армии вещь чудовищная, разрушающая моральную основу армии, но доносительство, введенное Сталиным-Ежовым, превосходит все степени чудовищности. Против доносительства существует обычно надежная броня в виде законности: выполняй честно закон и никакой донос тебе не страшен. Но в стране Сталина карают не столько за нарушение законов, сколько за несоответствие настроениям держателя власти. Дозволенное вчера становится преступлением сегодня, но эта перемена воззрений не опубликовывается - горе тем, кто не догадался о перемене. Но и догадавшиеся не обеспечены от опалы: их могут обвинить в том, что они не дозволенное сегодня приветствовали вчера, когда оно было дозволено.

И в этом «генеральном лабиринте», который заменил никогда не существовавшую «генеральную линию», можно было бы найти спасение: ни в чем себя не проявлять и тем самым не рисковать быть через несколько лет обвиненным в контрреволюции за то, что раньше одобрялось как проявление верности революции. Но и тот обезличивающий, принижающий способ не может быть применен, потому что коммунистические тираны требуют непрестанного выявления преданности и созвучности.

Акробаты в Кремле с легкостью обезьян перебрасываются с одной трапеции на другую. Маленьким, далеко от них стоящим людям не угнаться за ними в этой акробатике. Проявишь созвучность Тухачевскому, когда он в милости, попадешь в «штаб Тухачевского», когда его прикончат в вагоне на запасном пути заброшенной станции. Проявишь созвучность Буденному, когда его выволокли в командующие войсками, попадешь в концлагерь, когда маршала-вахмистра сволокли с высокого поста на Лубянку.

Перевернешься - бьют, недовернешься - бьют. В таких условиях живет офицерство Красной армии. Может ли в этих условиях развиться воля, пробуждаться способность к инициативе, крепнуть вера, возвышаться душа верностью служения государству? Души взяты в кандалы. Офицеры, как колодники, волокут духовные цепи, и эти цепи делают их неофицерами: офицерское призвание требует развития всех чистейших ценностей души - без этого нет офицерства.

Месснер Е. Кровавый год // Русский Инвалид. - 1938. - №111;
Души в кандалах // Русский Инвалид. - 1938. - №116.

ПОЛУИНТЕЛЛИГЕНТНОЕ ОФИЦЕРСТВО

Существует статуя, если не ошибаюсь, Леонардо да Винчи, изображающая полководца в доспехах; великий скульптор-философ назвал эту статую - «Мыслитель». Нелегко понять, почему мыслитель изображен со шлемом на голове, почему человек меча, человек твердой руки назван художником тем именем, на которое имеет право наивысший интеллект. Однако эта загадка разъяснена: своей статуей Леонардо хотел сказать, что искусство полководца находится в области мыслительного творчества, что талант полководца - это не столько сила, не столько храбрость, сколько мысль: управлять хаосом, каким является война, может только великан мысли.

Все великие полководцы были людьми высокой культурности, а не только узкими специалистами военного дела. И офицерство испокон веков комплектовалось из наиболее интеллигентных слоев общества потому, что от офицера требуется нечто большее, чем знание артикула, - требуется способность к быстрому творчеству в бою, где нет шаблона, нет справочников, нет совещаний, а есть правильная оценка, ясное провидение, изощренная находчивость.

В наше время особенно высокие требования предъявляются к офицерскому составу армии осилить все разнообразие средств войны - оружия, боевых машин, транспорта, связи - овладеть тактикою боя, где находит себе применение и примитивный штык, и чудо техники - зенитное орудие, где ползание пехотинца комбинируется с бешеной скоростью танка, где таят смерть и земля, и небо, и подземелье, где надо уберечь своих воинов и от пули-пчелы, и от воющего снаряда - чемодана.

Все армии повышают образовательный стаж своих офицеров. Старики-генералы садятся за парты и в «школе маршалов» учатся военной и государственной мудрости. Получение чинов сопряжено с выдерживанием экзаменов. Специальная и общеобразовательная программы военных училищ расширены. Для поступления в эти училища требуется законченное среднее образование, причем уровень этого образования сильно повышен в послевоенное время.

Только в СССР этот уровень понизился - десятилетка выпускает юношей с развитием не выше шести классов европейской гимназии (если не ниже). В военные училища принимаются молодые люди, завершившие восьмилетку, то есть четыре класса гимназии в западных странах. Военные училища, считаясь с уровнем развития своих воспитанников, имеют жиденькую программу, не идущую в сравнение с программами военных школ Европы. Состав преподавателей в военных училищах таков, что эта куцая программа не осуществляется - в офицеры выходят полуинтеллигенты.

Зло увеличивается тем, что и эти полуинтеллигенты имеют ограниченный доступ к ответственным должностям - совершенно безграмотные герои Гражданской войны в силу своих прежних заслуг идут быстрее этих полуинтеллигентов к вершинам иерархической лестницы: Федько, Буденный и Дыбенко взобрались на верхнюю полку; столь же яркие «мыслители», но в меньших чинах заняли следующие полки в служебной галерее, армией владеют лица, которые в анкетах заполняют графу «общее образование» словами «в объеме начальной школы»; «в объеме» это означает, что и начальной школы не окончил. Полуинтеллигентам остаются вторые роли, но и здесь отбор производится не столько с точки зрения мыслительных способ-

ностей, сколько по степени преданности партии и Сталину. Особенно в последние годы быстро скакали через чины шпионо-выдвиженцы: крикнувший «слово и дело» немедленно получал повышение по службе. Сейчас много должностей командиров полков занято 26-27-летними шпионо-выдвиженцами. Командный состав Красной армии сполз в своей интеллигентности на уровень средний между европейским и китайским - евразийцы могут быть довольны.

Ворошилов недавно, говоря о своих офицерах, похвалил их за то, что они хорошо стреляют из винтовки и преданы компартии. При Бироне тоже требовалось, чтобы офицеры умели хорошо фехтовать и хорошо танцевать, то есть вращаться в избранном обществе. И красные офицеры умеют хорошо фехтовать - винтовки вместо шпаги - и умеют вращаться в избранном коммунистическом обществе.

Нарком обороны, потрясенный статистикой об общем образовании офицерства - 30% с гимназией, 40% с неполной гимназией и 30% с начальной школой, - предписал в кратчайший срок всем неучам получить среднее образование. При полках были созданы курсы, и получился конфуз - процент переползающих из класса в класс не достиг и 10. Тогда стали переводить в следующий класс без экзамена - приказом по полку: и при этой «системе» оказалось 47% неуспевающих.

Это не значит, что эти недоучившиеся - плохие солдаты; это не значит, что красные командиры не храбры, не обладают волею, не знают свое ремесло. Это не значит, что Красная армия не может воевать.

Это значит, что она не может воевать «малою кровью». Неопытный пахарь замучит себя и коней - и все же выпашет меньше, чем искушенный крестьянин; плохой косарь перепортит покос и изломает свою несчастную поясницу; бестолковый кучер загонит лошадей и не даст той скорости езды, что кучер - мастер своего дела. Так и в военном деле: офицерство знающее и - это самое важное - офицерство интеллигентное проливает кровь бережно, как искусный хирург, офицерство же неинтеллигентное «пущает кровь» без меры, как цирюльник.

Инженер, не нашедший правильного решения в сложном случае, кооператор, не осмысливший сделки в закупке или продаже, причиняют лишь денежный убыток. Офицер же с недостаточно развитой способностью быстро и находчиво мыслить, льет бесцельно, а, следовательно, преступно человеческую кровь - кровь своих солдат или кровь вражеских. Это одинаково позорно с точки зрения военного искусства.

Красная армия, пока она будет руководиться нынешним офицерством, будет армией кровавых боев - может быть победа, может быть поражение, но во всяком случае кровавые.

Знамя России. - 1938. - №2-3.

СОВРЕМЕННЫЕ ОФИЦЕРЫ

Командиры хаоса

Человеку цивилизация подарила войну с ее тактикой и стратегией, с войсковой организацией и с систематизацией военных замыслов и действий. Удальство, храбрость стали в таком почете, что только отборному слою населения досталось право на владение оружием, право на храбрость. Создалось рыцарство и создался кодекс военной морали. От первобытной борьбы против слабейших (захват женщин и рабов) перешли к борьбе против равных: рыцарь против рыцаря, воин против воина. Цивилизованность войны повышалась и снижалась вместе с переломами линии подъема общей цивилизации. Появились армии из простолюдинов, рыцаря сменил офицер-дворянин, а потом - офицер-разночинец, но кодекс военной морали оставался, вообще говоря, неизменным: борьба против сильных, против равных: воина против воина, армии против армии. Исключение допускалось в колониальных войнах: здесь захватнический интерес устранял кодекс. «Идеологическое» обоснование такой борьбе против слабейших (почти безоружных туземцев колоний) дал в 1516 г. англичанин Т. Мор.

Англичане же низвели войны между культурными народами на уровень столкновений примитивных племен: блокадой Германии в Первую Всемирную войну было положено начало войнам против слабейших: против женщин, детей, стариков. Вторая война изорвала в клочья офицерский кодекс. Офицер стал командиром хаоса, ибо вместо борьбы армии против армии война стала столкновением воинов и партизан, рыцарей и подпольщиков. Война стала борьбой стратегии, дипломатии, политики в государствах, в партиях, борьбой промышленностей, торговли, финансов, социальных проблем и всевозможных идеологий. Глядя на этот «лик современной войны», нельзя не предсказать, что «мятеж - имя Третьей Всемирной».

Командиры хаоса должны готовиться к такой именно войне. Естественно, что они не «российские офицеры», не офицеры такого типа, какой был в нашей Императорской армии, в армии Рейха, в армии Французской Республики. Подражаниями этому типу в разнообразнейших и не всегда удачных вариациях были офицерские корпуса всех цивилизованных народов. Эти офицеры-рыцари сохранились только в мемуарных описаниях: очень непохожи на них нынешние командиры хаоса.

Последние делятся на несколько видов вследствие национальных особенностей народов, специфических свойств политических режимов, различия военных доктрин и пр. Не детализируя классификации, можно установить наличие нижеперечисленных шести видов.

Вид партийный. Офицер дисциплинирован, втянут в суровую учебу и службу; ремесло свое любит, но зажат в своей духовной жизни бдительной партийной опекой и сыском; изолирован от граждан и его привилегированность побуждает гражданство чуждаться его; в нем проявляется «катастрофическое падение уровня общего интеллигентного развития» по сравнению с «той невероятной для современного общества эрудицией, которая присуща интеллигенции дореволюционной формации» (Предтеченский). Таков советский офицер и таковы, в менее рельефных оттисках, офицеры коммунистических стран. Офицеры партийного типа нередко в своей ненависти к врагу безудержны и беспощадны...

Вид демократический. При слабой дисциплине поведения дисциплина духа крепка; выносливость ослаблена привычкой к удобствам и комфорту даже в военных обстоятельствах; офицер служит с интересом и широко пользуется правом проявления инициативы, а это право основывается на достаточно высоком уровне умственного и духовного развития; живет в гражданской среде и мало чем отличается от нее своим мышлением и чувствованием. Основным импульсом боевой энергии является чувство долга, а моральные свойства составляют причудливую смесь гуманизма и варварства: совесть во всех отношениях гуманного офицерства США не очень отягощена ни «ковровыми бомбежками» населения неприятельской стороны, ни вступлением в эру атомного воевания. От кодекса офицерской морали осталось мало, и сознание демократического офицера уже не противится войне против слабых с ее такими вершинами, как Хиросима и Дрезден. Опять-таки и демократический вид офицера имеет подвиды сообразно особенностям отдельных государств.

Вид традиционный. Этот вымирающий вид сохранился в государствах, в которых Всемирная Революция не весьма углублена. Однако такого вида офицеры не могли удержать в себе свойств, какими отличались российские офицеры и им подобные. Не могли потому, что политические и социальные сдвиги повсюду поколебали основу офицерского кодекса - аристократизм духа, всюду принудили пиджаком прикрывать свою офицерскую сущность, раздражающую пацифистское сознание граждан. А современная военная теория примиряла с мыслью, что война против равных - это пережиток старины и что воевать надо против слабейших.

Вид преторианский. У некоторых народов с буйным политическим темпераментом офицерство, подобно преторианцам Рима, возводит если не цезарей на трон, то диктаторов на пьедестал. В других армиях это преторианство не имеет столь авантюристического характера: там офицерство втянуто или втянулось в политику и даже в партийность, и оно, считая себя носителем национального идеала, берет в критические моменты власть в свои руки или вручает ее тому, кого считает достойным. И партийность, и авантюризм дробят офицерство в государстве, лишая его той монолитности, которая служит основой стратегии, оператики и тактики, беспомощных при отсутствии или недостатке единства духа и единства мышления офицерского корпуса.

Вид конъюнктурный. Качества офицера, вообще говоря, слагаются из наследственности, воспитания, образования, служебного опыта, но в чрезвычайных обстоятельствах - а ныне обстоятельства часто бывают чрезвычайными - государство не может или не хочет офицерства с вышеперечисленными качествами: ему нужны «скороофицеры», люди решительные и существующему режиму преданные, нужны атаманы наподобие партизанских возглавителей. В Конго Касавубу напялил мундир генерал-лейтенанта, фельдфебель Лундула стал генерал-майором и главнокомандующим, партиец Мобуту сделался полковником и начальником Генерального штаба, а сержант Мпола получил генеральский чин, так как был назначен министром спорта. Это не смешно. Это трагично, потому что военное искусство страдает от таких Касавубу не меньше, чем живопись - от Пикассо. Американский генерал Стилвел, посланный в сороковых годах для обучения армии гоминьдановского Китая, писал: «Недостаточно дать армии оружие - надо ее научить сражаться; но научиться стрелять или пилотировать - это не значит научиться сражаться: чтобы уметь сражаться, офицеру надо перестать быть трусом, перестать красть и перестать солдатам резать уши за провинности». Такие требования трудно выполнимы офицерством конъюнктурного вида.

Гражданский вид. В милиционной армии Швейцарии офицеры, даже и профессионалы, столь же милиционны, как и граждане «клятвенного товарищества», то есть государства. Это -

граждане в мундире. Но теперь и в армии регулярного образца, в германской, создается новый тип кадрового офицера: гражданин в мундире. В Швейцарии вышло естественным образом. В Германии (из опасения возрождения «прусского духа») хотят, чтобы вышло принудительно, то есть противоестественно. Естественные свойства народов весьма различны: таблички на рамах окон железнодорожных вагонов во Франции вежливо просили не высовываться в окно, в Италии объясняли, что высовываться опасно, в Германии же лаконично приказывали не высовываться. А нынешнему германскому офицеру приказывают не приказывать, но склонять солдата к выполнению обязанностей и долга. Конечно, войско должно быть без битья, без брани, без ученья-вымучивания, но оно не может быть без четкого приказа и точного послушания. И офицерствовать гражданским образом так же трудно, как трудно было бы игумену монастыря превратиться в председателя монастырского коллектива. Можно предвидеть, что гражданский вид офицера - неустойчивая форма и что она претерпит изменение: или в прусскую, или в американскую сторону.

Ограничивая вышесказанный беглый, поверхностный и неполный обзор существующих офицерских видов, надо подчеркнуть, что все это - *нынешние* офицеры, но не *современные* офицеры. Нынешние офицеры еще не узрели лика современной войны во всей его «страховидности» и не уразумели полностью, что мятеж - имя Третьей Всемирной. Современного офицера еще нет, но его облик (так сказать, идеальный облик) можно попытаться обрисовать. Этому и посвящен настоящий труд.

Конечно, портрет этого идеального современного офицера претерпит при проецировании на экран каждого отдельного государства большие изменения и искажения в зависимости от обстоятельств данного места и данного времени. Но ведь и идеальный тип полководца национально разнообразен: «беспрерывное изощрение взгляда сделает великим полководцем» - это Суворов, изощрявший свой «взгляд» накоплением опыта и «наукой из чтениев»; «принципы военного искусства светят, как солнце на небе» - это Наполеон, сын вдохновения; «гений - это прилежание» - это Мольтке, требовавший от своих подчиненных не столько дарования, сколько трудолюбия.

В уверенности, что на полях Третьей Всемирной советскому офицеру предстоит переучивание, как пришлось на полях Второй войны переучиваться красному командиру - коммунистическая военная доктрина не выдерживает тяжести войны - и в уверенности, что не коммунизм с его тиранией дает подходящую почву для взращивания идеального офицера, но Свободный Мир, рассмотрим, каким может и должен стать идеальный офицер этого мира.

Сто лет назад слово «офицер» было обозначением особой категории людей - тех, которые посвятили свою жизнь вооруженной борьбе за государство. Сейчас понятие офицер охватывает и идейный кадр профессионалов, и массу молодежи, которая во время войны воодушевленно спешит в краткосрочные военные школы, чтобы отдать себя отечеству, и принудительно мобилизованных граждан с достаточным общим и недостаточным военным образованием, но все же получающих обер- и даже штаб-офицерские погоны, и, наконец, авантюристов (в худом или хорошем значении этого слова), проникающих в офицерский корпус через партизанские и диверсантские ряды.

Но мы сосредоточим свое внимание на профессиональном офицере. Во-первых, он сохраняет свое значение остова армии даже при ее милиционности и всенародности. Во-вторых, он возрастает теперь в своем значении: технические средства войны требуют образования в воинстве, сильной прослойки профессионалов: солдат, унтер-офицеров и в особенности офицеров, а потому становится очевидным, что ни волонтерные младо-офицеры, ни мобилизован-

ные зауряд-офицеры не могут так легко заменить кадровых офицеров, как это было в минувшие полвека. Поэтому в современном воинстве дух и ум концентрируются в кадровом офицерском корпусе. Вопреки обманчивой видимости роль кадрового офицера увеличивается.

Галопирующая эволюция военного дела

Марс оказался вынужденным отказаться от качественного отбора, от выделения лучших из народа в воюющий организм, как то: дружина, рыцарский орден - и пришел к убеждению, что «всеобщая воинская повинность - это истинное дитя демократии» (Theodor Heuss). Но государства, вверяющие только квалифицированным специалистам такие отрасли, как медицина, юриспруденция, горнопромышленность и т.д., сочли возможным в воинстве на базе всеобщей воинской повинности пренебречь не только качеством материала, но и качеством инженеров: со времени Первой Всемирной войны непосредственное руководство солдатской массой переходит в руки непрофессиональных офицеров. Но инженеры военного дела, профессиональные офицеры, не придумали, как приспособиться и приспособить к этой новизне тактику, психику и этику воинства (поэтому в годы Первой Всемирной войны на Западе воинства обеих сторон не умели одолеть фортификацию, а на Востоке воинства обеих сторон дали небывало высокий в военной истории процент потерь пленными). А между тем военное дело сделало новый эволюционный скачок: во Вторую Всемирную войну и в локальных войнах после нее система «вооруженного народа» превратилась в систему «тотально воюющего народа»: народ уже воюет не только теми военнообязанными из его среды, которых он вооружил, но и всей своей массой; воюет партизанством, диверсией, террором, вредительством, саботажем, пропагандой. Эта новизна опрокидывает традицию в тактике, психике, этике воинства. Вдумчивые офицеры растерялись, а менее вдумчивые делают вид, что не замечают катастрофического новшества.

Консерватизм - одно из основных свойств военного сословия, офицерства. Но консерватизм не должен превращаться в реакционность, в стремление вопреки эволюции втискивать новшества в старые понятия. В 10-х годах этого века французское офицерство было под влиянием одаренного капитана Grandmaison'а, отрицавшего значение военной техники и утверждавшего, что «моральные факторы являются не только важнейшими, но единственными важными на войне»; в результате - разгром Франции в 1914 г. Затем французская армия подпала под влияние мысли Benaret'а: «Силу нации составляют не люди в казарме, а сверхдеятельность промышленности»; в результате - разгром Франции в 1940 г. Мы вышли в поход 1914 г. с драгомировским пренебрежением к «огнепоклонникам» (хотя сильно обожглись на японском огне), и результатом было истребление нашей кадровой армии в первые месяцы войны. Офицер Первой войны оставался при убеждении, что армия есть государство в государстве, не считаясь с тем, что повторные мобилизации разорвали духовную обособленность и административную самостоятельность армии. Офицер Второй войны оставался в убеждении, что воюет мобилизованное воинство, и не обратил внимания на то, что и народ активно воюет, сопротивляясь врагу и даже нападая на него... И нынешний офицер не уяснил еще, какие коренные изменения внесла Всемирная Революция в военное дело. Современный офицер должен это понять.

Техническое воевание. Взвод из 30 стрелков шел в атаку всем своим составом. 30 человек на аэродроме в безопасности обслуживают одного летчика, и он один летит на врага, подвергая свою жизнь опасности. Понятно, что все воины с невоенной душою предпочитают авиационное воевание пехотному... И все граждане требуют, чтобы воинство воевало не людьми из на-

рода, а техникой, добытой от промышленности. <...>

Офицерская этика нелегко мирится с навязанной воинству обязанностью не воевать, а истреблять. Летчик Роберт Люис, сбросивший первую атомную бомбу (на Хиросиму), пошел в монахи. Может быть, офицерская этика ограничит применение народоистребительных приемов воевания; может быть, народы, испугавшись народоистребительного возмездия, скажут воинствам не применять средства массового уничтожения населения врага. Но немыслимо себе представить, чтобы в эпоху всеобщей и всесторонней технизации войско не пользовалось бы наиусовершенствованной техникой для способов воевания, допущенных воинской этикой.

Французская академия заменила старое толкование слова кавалерия («войска, которые выполняют свою службу на конях») новым: кавалерия есть «род войска более быстрого, нежели иные войска; оно выполняет следующие задачи: разведывать, маневрировать и преследовать; она передвигается с помощью машин». Пусть некоторые государства для некоторых театров войны содержат некоторое количество кавалерии на конях, но, в принципе, кавалерия теперь - моторизованный род войска. И пехотинец из «серой скотинки» превращается в мастера военной техники. В скором времени американский стрелок будет защищен броней, прикрывающей от ружейного, пулеметного и артиллерийского огня, от взрывов ядерных бомб и их атономной радиации, и снабжен шлемом с биноклем, позволяющим при помощи инфракрасных лучей видеть в самую темную ночь; в шлеме находится кратковолновый радиоаппарат для приема и передачи, то есть для связи с командиром и с соседними бойцами; пояс солдата снабжен зарядом, который может его перебросить через проволочное заграждение, ров или речушку; к поясу прикреплены взрывчатые цилиндры для разрушения окопов; лицо бойца прикрыто маской, предохраняющей от боевых газов и радиации; вооружен он автоматической винтовкой; все снаряжение (включая и патроны) весит 22 фунта. Это кажется невероятным. Но всадникам Ганнибала тоже показалось невероятным, что можно драться, с ног до головы заковавшись в железо.

В старину требовались чуть ли не столетия для перевооружения новинками военной техники. Сейчас на это требуются годы: то опустошение, которое в 1945 г. производил налет 900 самолетов, в 1955 г. могло быть достигнуто одним средним бомбардировщиком. Сохраняет свою силу старое изречение «новое оружие - новая тактика», но теперь изменения оружия и изменения тактики и весьма часты, и подчас весьма радикальны. Это держит современного офицера в состоянии напряженного умственного бодрствования, устраняющего рутинность и «немогузнайство».

Считая полезным пользоваться всем наилучшим, что может дать военная техника, надо, однако, избегать трех ошибок.

Первая: мысль, что людскими телами можно возместить нехватку техники. Прославленные советские маршалы гнали в атаку дивизии, не снабдив их надлежащим количеством пушек и танков - «всех ведь немец не перебьет» - и штрафными батальонами протаптывали минные поля - «штрафные должны смертью искупить свои вины». (Раймонд Л. Гартхофф в книге «Как Россия ведет войну» говорит, что Иван - отличный военный материал, что Иван неустрашим и что варварское командование расходовало его чудовищным образом.) Машине должна быть в бою противопоставлена машина, но не храбрость и самопожертвование воинов, если они против этой машины беспомощны, если они не вооружены машиною для борьбы против вражеской машины.

Вторая ошибка: чем больше военной техники, тем лучше. Не говоря о военных расходах, о прикреплении к военной промышленности огромного процента людей призывных возрастов,

о перенагрузке транспорта доставкой громоздкого и тяжелого технического снаряжения и снабжения, нельзя упускать из вида, что война - в наступлении и в обороне - требует подвижности. Подвижности же может препятствовать военная техника как чрезмерной своей тяжестью, так и чрезмерной сложностью. «Заряжание» ракеты, действующей на базе жидкого горючего, требует часов, а поэтому ракетометам не вытеснить артиллерийское орудие: хотя оно и менее совершенно технически, но оно быстро становится на позицию и незамедлительно открывает огонь по появившейся цели. Некоторое ограничение технизации воинства ставит и степень подготовленности людей данного народа к овладению техникой: техничность английского войска была бы непосильна для армии республики Гана. Степень технизации войска должна определяться не военно-технической «модой», а стратегическим, оперативным и тактическим благоразумием.

Третья ошибка: воюют машины, а человек руководит ими и обслуживает их. Разве сердце танка в его моторе? Разве сердце его водителя, его пушкаря и других чинов его команды не является сердцем танка? Кто ведет самолет B-36 к цели: его моторные и ракетные двигатели в 40 000 лошадиных сил или маленькое, но бесстрашное сердце его пилота? Ответ ясен: воюют бойцы, а машины усиливают действие храбрых воинов с отважными сердцами и искусными умами. Чем усовершенствованнее военные машины, тем совершеннее должны быть воины, чтобы, с одной стороны, полностью использовать машину, а с другой стороны, быть в состоянии выносить удары, наносимые вражеской машиной. Если наша машина не столь совершенна, как неприятельская, то большее совершенство нашего воина уравновесит шансы в борьбе; если машины обеих сторон одинакового качества, то преимущественное качество нашего воина даст нам успех в бою. Война машин - пустая выдумка романистов: какими бы ни стали военные машины, война останется борьбой людей. <...>

Иррегулярное воевание. Офицер соприкасается с иррегулярным воеванием, когда вражеские иррегулярные воюют против его воинства. <...>

Всем офицерам придется наступательно или оборонительно участвовать в борьбе против вражеских иррегулярных сил. Ни в глубоком резерве, ни в поезде вдали от фронта, ни в высоком штабе, ни раненым, лежа в лазарете, воин не будет в безопасности от нападения или террористического акта, от лукавого яда или коварного кинжала. Не только на оккупированной территории, но и на своей придется бороться против вездесущего и обычно невидимого врага. Еще не найдены такие средства борьбы против него, которые не навлекали бы на офицера упреков в бесчеловечности со стороны гуманистов и осуждения как военного преступника со стороны какого-либо беззаконного международного трибунала. Однако если таких средств нет и если нельзя добиться пересмотра понятия «военный преступник» (понятия уже потому преступного, что в результате его применения карают побежденного за вынужденные действия и не карают победителя за произвольные жестокости), то офицер в дополнение к своим обязанностям перед Родиной должен взять на себя и ответственность за свои действия в борьбе против иррегулярных, то есть тех, кому все дозволено. Предел суровости противомер должен быть установлен офицерским сознанием и в каждом отдельном случае - военной потребностью. Офицеру надо знать и накрепко запомнить написанное Наполеоном на о. Святой Елены: «...в политике, как и на войне, всякое зло только тогда извинительно, если оно абсолютно необходимо; все, что сверх этого, - преступление».

И еще один вид борьбы ложится на плечи офицера - борьба против принципиального внутреннего разложения воинства. Поветрие пацифизма рождает в душах людей отвращение к военным обязанностям и даже стремление вредить воинству.

<...> Независимо от этого болезненно-идейного поветрия в воинствах существует и безыдейное. «Нынешняя молодежь, - пишет Рильке, - не признает удивления и почтения, не хочет, чтобы ей импонировали, и она лишена дара коленопреклоненно восторгаться». Такая молодежь, заполняя ряды воинства, не осознает своего воинского долга, не признает авторитета офицера и противится наложению на нее уз дисциплины. <...>

Если все эти явления сейчас только в Западной Германии весьма интенсивны, то можно быть уверенным, что в случае войны они станут повсеместными. А потому на офицере лежат обязанности: 1) чрезвычайно внимательным наблюдением за подчиненными предупреждать шпионаж, вредительство и дезертирство и 2) моральному разложению солдатской души противиться ее моральным вооружением: офицер должен уметь дать солдату исчерпывающее и крепкое национально-политическое воспитание... Воинство во главе с офицерами защищает государство, а офицер защищает воинство от аморального воздействия как со стороны вражеского иррегулярства, так и со стороны вредоносного антинационализма.

Регулярное воевание. По сравнению с первым десятилетием века, сейчас во всех регулярных воинствах снизился градус регулярства. Власть офицера и его авторитет урезаны. Если в прежние времена рекрут естественным образом становился под дисциплинарную власть и под авторитетность офицера, то теперь этому последнему приходится своим духовным воздействием, профессиональным знанием, достойным поведением приобретать и потом непрестанно поддерживать свою авторитетность в глазах солдат и свое моральное (а не только формальное) право на власть. Войско было: красотой духовной и внешней; щеголеватостью на параде и в бою; благородством в собственной среде и вовне и в отношении врага; порядком в боевом построении, в поле (поход, бивак), в казарме; дисциплиной (дисциплиной залпа, конной атаки, артиллерийского огня, дисциплиной часового у амбразуры и у батарейного сенника, дисциплиной в строю, на учении, на обеде, на улице, в театре, в гостях). *Ныне* же общественная атмосфера, окружающая воинство, психическое состояние солдатской массы, сокращение сроков военной службы и, с другой стороны, увеличение учебной программы во всех родах войск побудили офицера от прежнего высокого идеала воинства обратиться к значительно упрощенному, реально достижимому. Но офицер должен помнить: если нет возможности приобрести «роллс-ройс» и надо довольствоваться «фордом», то и этот «форд» надо держать в полнейшем порядке, не беря примера с политики, общественности, обывательщины, ездящих на небрежно отрегулированных, расхлябанных автомобилях.

Войско изменением тактики приноравливается к совершенствуемой технике. Воевание регулярного воинства требует ныне от офицерского интеллекта способности своевременно приспособляться к новым тактическим требованиям, предъявляемым частыми и подчас весьма значительными новшествами вооружения. Со времен Корейской войны Краснокитай отвечает на военно-технические новшества возможного противника тактической системой, называемой «наступление океаном». Это значит - наступать ночью несчетными массами солдат, приобретая успех ценой огромных потерь, но для шестисотмиллионного народа неприметных. Такие методы годны лишь для коммунистических армий с их «заградительными отрядами», смершами и ленинским хладнокровием в приношении в жертву десятков миллионов человек. Воинства Свободного Мира умно приноравливают свою тактику к требованиям, предъявленным появлением новых военно-технических средств: «базука», артиллерийский и пехотный радар, ракетный самолет, управляемая ракета, ядерное оружие. Изменяются тактические приемы, производится ломка организационных форм; «Наш полк, наш полк - заветное, чарующее слово» (из стихотворения К.Р.) - становится анахронизмом. Прежде войсковая организация не

терпела импровизации. Теперь организация войсковых соединений приспособлена для импровизации боевых построений. Вследствие этого офицер должен быть точным, как хронометр, чтобы к моменту нанесения удара командование могло на широком пространстве дислоцированные войсковые соединения и подразделения почти мгновенно собрать в кулак. И в то же время офицер должен быть тактически творческим, чтобы после полученного атомного удара уцелевшие клочки войскового соединения или подразделения продолжали борьбу, инициативностью возмещали гибель организационных связей.

Однако недостаточно приспособления к новой военно-технической форме войны - надо приноровиться офицеру к характерной для эпохи военно-политической сущности войны. Атомная бомба перевернула многое в военном деле. Но политика перевернула все: политика поднимает против воинства миллионные массы иррегулярно воюющих врагов, поднимает в тылу воинства часть собственного народа, иррегулярно борющуюся против власти и воинства, поднимает в самом воинстве идеологическое дезертирство, измену, неповиновение. Оперативные «котлы» и «ежи» ничто по сравнению с тем состоянием окружения физического, в котором могут теперь оказываться регулярные войска на территории, кишащей иррегулярством, и окружения морального, в собственном народе бушующем политическими страстями. И воинство, борясь против «комаров» иррегулярства, должно в то же время беречься от «паразитов» политики, проникающих в его организм. Беречься от пропаганды врага и от духовного расслоения в своей стране. Некоторая часть офицеров-непрофессионалов может не иметь в себе надлежащей «антибиотики», а поэтому на профессиональном офицере лежит тяжелая обязанность, руководя военной силой воинства, беречь и его политическое здоровье.

Психологическое воевание. Испанец Antonio A. Perez считает, что так называемая «холодная война» требует употребления всех духовных, хозяйственных и военных средств. Редкостью является сейчас постановка духовного перед материальным (хозяйственным). Офицер всегда понимал, что на войне, то есть в борьбе двух народных, государственных воль, надо признавать первенствующее значение духовных факторов. И, тем не менее, в Русско-японскую войну, по мнению полковника П.Н. Краснова (впоследствии генерала), «все было сделано для тела солдата и ничего для души». То же можно сказать и о Первой Всемирной войне. Вторая Всемирная была идеологической, то есть такой, в которой воля воюющего народа могла стать либо молотом, либо наковальней (выражение Шиллера). И, тем не менее, стратег Гитлер совершенно пренебрег своим восточным врагом как психологической силой. В идеологическую войну в Корее американская армия пошла без духовного, политического багажа. Война требует не только от стратегов, но и от каждого офицера в каждый момент его деятельности психологического подхода к решению каждой проблемы, перед ним возникающей. Офицер должен непрестанно следить за психикой вверенного ему соединения или подразделения. Российские офицеры действующей армии были 28 февраля уверены в преданности и послушании им их солдат, а 1 марта вышел приказ №1, и оказалось, что под внешним благополучием крылись буйство и кое-где ненависть. Война является перманентным плебисцитом, выявляющим солдатскую и народную готовность бороться и жертвовать собой: это выявляется в числе легкораненых и в строю не остающихся, в числе дезертиров, перебежчиков, в числе сдающихся в плен. Слова Andre Gide'а «я ставлю на дезертиров, на дезертиров долга» говорят о том, каково в идеологических войнах значение опасности отпадания от долга. Устрашения и кары удерживают от такого отпадения, но в нынешнюю эпоху к этим мерам прибегать или воспрещено, или не рекомендуется. И офицер должен, держа в резерве устрашения и кары, пользоваться психологическими мерами для обращения худых подчиненных в исполнительных, а исполни-

тельных в отличных. Школа военная и школа военной жизни делает офицеров психологами-практиками, психоаналитиками и психоцелителями. <...>

Политик-демагог следит за психическим состоянием народной массы, чтобы иметь возможность держаться над потоками настроений. Стратег же следит за психическим состоянием своего народа и воинства, чтобы, учитывая настроения, подчинять волю воинства своей воле. И каждый офицер в рамках своей деятельности ищет способы сделать для подчиненных охотно исполнимым полученный сверху приказ. И этот способ состоит в психологическом анализе настроений, чувствований и в психологическом же воздействии на них с целью их выправления, в смысле желательном для вящей пользы дела, офицеру порученного. В книге «Социальные войны» Рудольф Штайнметц писал: «От силы сопротивления, а не от силы оружия зависит кровопролитие и размер военной жертвы». Переводя на военный язык: предел моральной упругости войскового соединения или подразделения зависит не от качества его оружия, а от крепости воли к победе, то есть от психического состояния бойцов и от психологического офицерского водительства.

Психологическое воевание требует и психологического подхода к воинству противника (в оператике и тактике) и к вражескому народу (в стратегии). По словам генерала Хольмстона, 80% германских офицеров, ведших разведку на восточном театре, не имели понятия о русской истории, политике, психике.

И сейчас штаб НАТО, насчитывающий в своем нынешнем составе 14 028 человек, не имеет такого отдела психологической разведки, который изучал бы российский народ и коммунизм с иных точек зрения, кроме военных. В результате маниакальности Гитлера и неправильного подбора адмиралом Канарисом руководителей разведки на Востоке были Германией допущены в стратегии такие психологические промахи, которые сдававшуюся Красную армию превратили в фанатически боровшуюся национальную армию. Можно задать вопрос, что получится в результате непредусмотрительности Верховных главнокомандующих НАТО, начиная от генерала Эйзенхауэра и кончая генералом Норстэдом, не постигших, что, воюя против сильного противника, надо знать не только его вооруженные силы, но и его культуру в прошлом и настоящем, его государственность, его социальную структуру. Надо знать не столько хронологически, статистически и т.п., сколько психологически. Только такое знание даст возможность предвидеть, поскольку на войне можно предвидеть реакции вражеского воинства и народа на наши военные действия.

И это касается не только стратегов. Каждый офицер в боевой зоне и в тыловой должен не только чувствовать психологические процессы в ему подчиненных воинах, но и присматриваться к психологическому состоянию окружающего населения: первое необходимо, чтобы водительствовать своей регулярной единицей, второе - чтобы обезопасить ее от иррегулярных козней. Командовать - это не значит уметь приказывать. Это значит ощущать, что надо приказать, что можно приказать и каким образом следует приказать.

Военная техника и офицерское образование

Еще полвека тому назад офицерское звание украшало, возвеличивало человека, а теперь человеку приходится украшать, возвеличивать офицерское звание. Ношение офицерского мундира было гарантией наличия и подобающих качеств, и надлежащих званий. Ныне же мундир - не гарантия. Во-первых, его надевают всякие проходимцы... Во-вторых, офицеры нередко оказываются вынужденными с национальной высоты спуститься в низину партийности... В-

третьих, гражданин не мог конкурировать с офицером в тактических познаниях, а теперь от офицера требуются и технические познания, чтобы импонировать действительным знанием дела, чтобы быть авторитетным в глазах граждан... Офицер должен быть высокообразованным человеком, чтобы импонировать гражданам вне воинства и чтобы доминировать над гражданами, призванными в воинство.

Общее образование. Широте общего образования офицеров надо поставить разумный предел. По этому поводу Лиддель Харт пишет, что германские генералы во Вторую войну были бы еще лучше, «если бы имели более широкие горизонты и более глубокое понимание. Но если бы они стали философами, они перестали бы быть солдатами».

Специальное образование. Специализация означает увеличение глубины познаний на уменьшающемся пространстве знания: чем совершеннее специалист, тем он уже. К техническому оборудованию войска предъявляется требование: заменяемость частей. Поэтому желательно иметь, скажем, пулеметы одного образца, чтобы пулеметчик при поломке бойка мог взять у другого пулеметчика запасной боек. То же требование предъявляется и к офицерству: каждый офицер в роте, независимо от специальности, должен по своим познаниям быть в состоянии заменить убывшего командира роты. Здесь не может быть разобщения специальностей.

Но по мере удаления от наименьшей тактической единицы, роты, в сложную систему командования специальности разделяются непроницаемыми переборками: чтобы в большом штабе быть специалистом по разведке, нельзя загромождать свой ум познаниями по передвижению войск. <...>

Одной лишь категории офицеров не должно быть - политруков, комиссаров. За командиром идут, идут в бой, идут на смерть, если он командир. Но не идут за сочетанием двух полукомандиров: тактически-строевого и психологически-политического. Современный офицер должен быть и офицером, и психологом, и пропагандистом. <...>

Образовательный уровень обер-офицеров должен быть таков, чтобы в обществе ни в коем случае не считали их ниже инженеров, получающих образование в полувысших учебных заведениях типа «техникум». Как это ни курьезно, но присвоенное в России военным школам наименование «училища» снижало интеллигентный ранг офицеров, потому что существование ремесленных, сельскохозяйственных, коммерческих и реальных училищ вызывало по ассоциации представление у граждан, что окончивший артиллерийское училище такой же «недоучка», как счетовод, бухгалтер, ограничившийся прохождением коммерческого училища. Роль офицера в казарме и роль офицера в обществе, в государстве не может иметь должного значения, если удельный вес чина подпоручика не будет равен весу звания инженера: общественность не сомневается, что инженеры достаточно подготовлены, чтобы развивать промышленную мощь страны - она должна не иметь сомнения, что офицерство имеет подобающее образование для развития военной мощи государства.

Высшее образование. Офицерство - это инженеры, а руководящий слой в нем - дипломированные инженеры, то есть люди с законченным высшим образованием. В обществе признавали офицера с академическим значком - артиллерийским, инженерным, юридическим и, конечно, военно-академическим (Генерального штаба) - равным по образованию с юристами, докторами, инженерами. <...>

В начале XIX в. офицеры России по своему образованию были цветом тогдашнего малообразованного общества; к началу XX в. на всех руководящих постах в государственной власти, в судебном мире, в промышленности, в торговле и т.д. стояли люди с законченным высшим

образованием, а офицерство, хотя и значительно поднявшее за сто лет свой образовательный уровень, оказалось отставшим от общего прогресса просвещения: большинство штаб-офицерских и генеральских должностей предоставлялось офицерам без законченного высшего образования, потому что число таковых возрастало медленно - в России менее 200 офицеров в год получало академический значок.

Военное дело сложнее медицины, юриспруденции, технологии и т.д., и им должны руководить офицеры с неменьшим, с таким же высоким образовательным цензом, как медики, судьи или адвокаты, технические директора фабрик и т.п. Это необходимо для авторитетности командного состава воинства в глазах общественности, народа. И это нужно для служебной пользы офицерства. Подполковник, командующий трансокеанскими ракетными установками, должен быть высокообразованным офицером, чтобы уметь использовать такое сложное оружие и, во-вторых, чтобы импонировать своим подчиненным, среди которых, кроме караульной команды и хозяйственного персонала, нет людей без очень большого технического образования и стажа. Подполковник, командующий гренадерским батальоном, должен иметь высшее образование не только для понимания всей многосложности движений и боя моторизованных частей, но и для того, чтобы быть авторитетным в глазах подчиненных ему мобилизованных офицеров из адвокатов или студентов, из инженеров или техников. Прежде любой строевой обер-офицер мог заведовать разведкой в полку и в штабе дивизии, а любой офицер Генерального штаба - в высших штабах и в наивысшем. Теперь войсковая разведка включила в себя знание телефонного и радиотелефонного подслушивания, технические познания для быстрого обнаружения мельчайших новинок вражеского вооружения и снаряжения, навыки в психологическом разведовании неприятеля, собственных воинов и окружающего населения. Поэтому уже на низшей ступени разведки нужны квалифицированные разведчики. А на высших нужны столь разносторонние знания, что руководить разведкой могут лишь высокообразованные специалисты при помощи высококвалифицированных экспертов во всех видах техники, технологии, знатоков экономики, политики, социальных вопросов, психологии масс и так далее. Существует мнение, что ныне все офицеры должны быть инженерами, физиками, натуралистами и, во всяком случае, математиками, потому что математика научает логично и точно мыслить, а без привычки к такому мышлению не может быть ни надлежащего использования военной техники, ни правильного приложения тактики, базирующейся на технике. Идея технократии не привилась в политике, не привьется и в военном деле, потому что офицер должен быть больше психолог, чем математик, больше властелин солдатских душ, чем знаток военных машин. Однако необходимо, чтобы мышление всех офицеров формировалось под действием математических наук; чтобы, во-вторых, значительный процент офицеров имел техническое образование ранга инженера; чтобы, в-третьих, кроме оперативного Генерального штаба существовал и технический Генеральный штаб из офицеров с техническим образованием ранга дипломированного инженера. Технический Генеральный штаб имел бы своим назначением: из общей техники отбирать для нужд военной техники все идеи, конструкции, методы, средства, которые могут быть полезны воинству; следить, чтобы типы и количество военной техники воинства соответствовали способностям промышленности страны (в мирное и военное время); чтобы тактические и оперативные идеи в воинстве находили себе поддержку в военно-техническом изобретательстве; чтобы воинство наилучшим образом использовало технику, поставленную в его распоряжение.

Война перестала быть искусством, основывавшимся на специальном военном знании: теперь оно базируется на всестороннем знании. В развивавшейся усложнившейся науке исчезли

энциклопедисты, не может быть энциклопедистов и на высших ступенях военно-иерархической лестницы. Теперь Ломоносов не мог бы равняться целой Академии наук, а Суворов не мог бы с тактических должностей перейти в фортификаторы и строить в Финляндии укрепления: невозможно сочетание в одном лице специализаций при их нынешней сложности и объеме.

В прошлом веке гусар мог петь: «Я верю в славное призванье, я верю в храбрый эскадрон», но и тогда офицеру нужна была не только вера в эскадрон, но и умение вести его. Теперь же и вера эта стала не столь простой и естественной, как встарь: эскадроны сделались психологически гораздо более сложными, и познания требуются в размере, какого нельзя было представить себе полвека тому назад. Артиллерия и саперы считались «учеными» родами войск - сейчас все роды войск стали учеными и высоко учеными. Образованным и высокообразованным поэтому должно быть кадровое офицерство как остов воинства.

Дух офицера в материалистическую эпоху

Генерал М.И. Драгомиров писал, что война вызывает напряжение всех духовных свойств человека и показывает меру его воли, как никакая другая деятельность. То же выразил и штатский писатель Штайнмитц в книге «Социологические войны»: «Ничто не могло больше развить дарование человека, как борьба с себе подобными». Это относится прежде всего к тем, кто, посвятив себя военной службе, унаследовал через воинское воспитание дарование предшествовавших офицерских поколений и развил их в себе военной боевой деятельностью и подготовкой к этой деятельности.

Это не относится к тем, кто получает ныне офицерское звание, не воспринявши офицерской духовной наследственности. Хрущев стал без всяких к тому оснований кавалерийским генералом, а аргентинский анархист Гевара (д-р Че) сам себя на Кубе наименовал майором. Такие паразиты офицерского корпуса могут обладать командными способностями и тактическим чутьем, но не могут быть обладателями истинно воинского Духа беззаветного самопожертвования во имя долга. «Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов» - эти слова солдатской песни были нерушимым «верую» для офицеров. И остались, как бы ни врывались машины в военное дело, как бы ни принижал военное искусство материалистический подход к пониманию войны.

Если в конце прошлого века такой почитатель военного разумения, как генерал Мольтке, мог утверждать, что «на войне особенности характера имеют больший вес, нежели особенности разумения», то и сейчас при воевании ракетами, джетами, Радарами и электронными мозгами свойства офицерского духа доминируют над техникой и техническим знанием. В минувшем веке офицер не нуждался в обширных технических познаниях; в начале этого века он, не желая стать «огнепоклонником» (по драгомировскому выражению), осторожно расширял свой технический кругозор, но теперь он должен быть во всеоружии военно-технического знания, сохраняя в то же время военно-духовное сознание.

Офицерский дух. Американский генерал Брэдли утверждает, что солдат Соединенных Штатов - наисовершеннейший индивидуалист в мире, то есть что он отвечает современному требованию, предъявляемому к каждому воину: быть самостоятельным бойцом. Германский солдат в конце своего обучения проводит 7 дней в лесу, где учится ориентироваться без компаса, маскироваться и бесследно передвигаться, питаться тем, что есть в лесу годного в пищу; затем его высаживают в незнакомой местности километрах в 100 от казармы, и он, выполняя в пути

тактические задания, должен за трое суток достичь казармы. Так развиваются индивидуальные военные способности. А склонность к их развитию не исчезла в народах. Хотя и кажется, что ее больше нет, но 10 000 молодых немцев ежегодно поступают во французский Иностранный легион, повинуясь охоте к военной жизни.

Если каждый солдат должен быть самостоятелен и инициативен, то офицер и подавно. «Активность, деятельность есть важнейшее из достоинств воинских», - писал Суворов. Офицеру нужна деятельность и самодеятельность, то есть активность и инициативность для командования и выполнения задания, во-первых, и, во-вторых, для указания примера подчиненным. «Идя за офицером, Иван неустрашим», - пишет о советском солдате Гарткопф. А генерал Манннштейн требует и от генералов, включая и корпусных командиров, чтобы они в бою были со своими войсками - тогда боец не будет о них говорить презрительно: «Те, там позади...»

Офицер не должен бояться ответственности, должен любить ответственность. Бессмертны для офицеров слова, которые сказал генерал Зейдлиц в Цорндорфском бою, получив от Фридриха суровый окрик: «Пусть король располагает моей головой после битвы, а в битве пусть мне позволит пользоваться ею». Ответственность и инициатива ходят в паре. В офицере они неразделимы. И современному офицеру они в большей мере необходимы, нежели в прежних войнах с их сомкнутыми строями и в недавних войнах с регламентированными боевыми порядками: в Мятежевойне, полной беспорядка, импровизация боевых построений и действий будет законом.

Однако, как ни огромна разница между прежним выполнением приказа и нынешним творчеством в рамках приказа, остается и сейчас в силе суворовский завет офицеру: «Отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение». Последние три слова включены великим полководцем и психологом на основании опыта, добытого им в двух гражданских войнах и одной революционной (против Пугачева, против поляков, против революционных французов в Италии). И эта часть его завета весьма годится для мятежа-войны. А что касается инициативности, то Суворов был революционером в глазах генералов того времени, поучая: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный». В современной войне каждый местный командир будет часто иметь случай лучше судить, нежели его высокий, но отдаленный начальник.

Возрождение поучений Суворова не означает, что офицер должен возвратиться к духу XVIII в., - оно лишь означает, что Суворов на два столетия опередил свой век.

Без риска впасть в ретроградство офицер должен блюсти завет еще более отдаленных времен и иметь, как учил Петр Великий, «любление чести». Честь - драгоценнейшее свойство офицерского духа.

8 января 1943 г. генерал-полковник Рокоссовский предложил окруженному у Сталинграда генералу Паулюсу «прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать». Немецкий генерал отказался, и по этому поводу генерал-фельдмаршал Манннштейн пишет: «Армия не смеет капитулировать, пока она еще как-нибудь в состоянии бороться. Отказ от этого взгляда значил бы конец воинского сознания вообще... Пока будут солдаты, должно быть сохранено это сознание воинской чести».

Полвека тому назад честь, как и встарь, была синонимом достоинства и гордости. Достоинство требовало соответствующего поведения в бою, в службе, в жизни. Гордость побуждала к дуэли при малейшем умалении чести. Бутафорские дуэли политиков перед объективами фоторепортеров сделали дуэли смешными, а гражданские законы воспретили и военным лицам ду-

элировать. И гордость офицера стала в условиях нынешней общественной жизни менее вызывающей, сдержаннее реагирующей: за невозможностью надлежаще реагировать на непочтение приходится, чтобы не дать повода к непочтению, вести себя с безукоризненным достоинством. Достойно жить, достойно служить и достойно умереть. Припоминаются слова философа Сенеки: «Достойно умереть - это значит избежать опасности недостойно жить». Офицер избегает опасности недостойно жить своею постоянною готовностью достойно умереть, повинуясь своему священному долгу. На памятнике спартанцам, погибшим в неравном бою у Фермопил, стояло: «Путник, коли придешь в Спарту, оповести там, что видел ты нас здесь полегшими, как того требует Закон». Закон долга от времен Спарты и до сего дня остался неизменным для воина-офицера.

Гражданский дух в офицере. Консервация традиционного офицерского духа необходима и в условиях современности. Но эти условия требуют и воспитания в офицере гражданского духа. «Войско есть средство, а не самоцель, оно подчинено государству, из него взято», - говорит Штайнмитц, исследуя социологию войны. Кастовое офицерство давно исчезло, исчезло и сословное офицерства, а внесословное офицерство перестало быть изолированным организмом в обществе, в народе.

Перестало по двум причинам: во-первых, профессиональный офицер перестал быть существом особенным, предназначенным для геройства и смерти ради родины; теперь такими же защитниками родины становятся сотни тысяч обывателей, мобилизованных для выполнения офицерских обязанностей; во-вторых, воинство перестало быть государством в государстве, и офицерство перестало быть абсолютным властелином воинства, ответственным только перед главою государства; воинство - в особенности во время войны - всенародно и поэтому живет и действует, мыслит и чувствует вместе с народом, находясь под наблюдением ведущего слоя народа, общественности, а поэтому и корпус кадровых офицеров погрузился до известной степени в общественность.

Священник, офицер, педагог, литератор, политик формируют душу народа. Отличие офицера от прочих четырех воспитателей состоит лишь в том, что те учат, как достойно жить для родины, а он учит, как достойно умирать за родину. Борьба с себе подобными, то есть война и подготовка духа народа к войне развивает не только воинские качества, но и многие социальные добродетели: например, самопожертвование, подчинение своего «я» национальному «мы», бескорыстное сотрудничество ради государственной пользы. Общество может этого не сознавать или не признавать, а если признает, то не дозволяет офицеру выделяться выше среднего общественного уровня. Не дозволяет ему даже выделяться внешне и воспрещает ношение военной формы вне службы. Это причиняет огорчение офицерам старого закала, считающим, что внешний вид воина влияет на его мораль и что прежнее обязательное ношение формы побуждало офицера всегда быть на высокой моральной высоте. Однако объективные условия службы и жизни современного офицера побуждают считать естественным принятие офицером гражданской внешности во внеслужебное время: форма выделяет его из среды граждан, препятствует гражданам считать офицерство всенародным и затрудняет офицерству чувствовать всенародность своего призвания. <...>

Однако, не отмежевываясь от различных социальных слоев, офицерство должно среди этих слоев составлять образцово-этичную группу: если иные группы граждан могут в своей среде терпеть своекорыстие, шкурничество, беспринципную изворотливость, циничный эгоизм, то в офицерском корпусе такие болезненные явления не могут быть терпимы: офицерство должно быть доблестным, а «истинная доблесть проистекает только из чистого источника» (генерал

Головин). Генерал Омер Брэдли считает большим счастьем для американского воинства, что в нем, как и во всех прочих деятельностях, каждый гражданин имеет возможность стать ведущей личностью. Таково сознание демократического полководца демократической страны: офицер - не какое-то особенное существо: офицер - особенный вид гражданина.

Офицер, ставши гражданином, лишился своей традиционной привилегии: не участвовать в политической жизни народа, не пользоваться избирательными правами. Эта привилегия давала ему возможность и возлагала на него обязанность стоять на страже только основных национальных интересов, не снижаясь до участия в борьбе временных, или частных, или антинациональных интересов. Отсюда проистекала возможность для офицера брать на себя роль арбитра при обострении в стране партийной борьбы, при опасности нарушения основных законов государства или ломки национального единства народа. Политическим партиям мерещился призрак бонапартизма, макмагонизма, и они всеми силами боролись за снижение роли офицерства в государстве. Самым действительным средством в этой борьбе было предоставление офицерству избирательных прав: кто голосует и тем самым втягивается в партийность, тот не может быть надпартийным арбитром. Однако жизнь оказывается сильнее политического фантазирования, и в последние годы во многих землях - Франция, Аргентина, Египет, Иордания, Судан, Пакистан, Турция, Индонезия, Сиам, Лаос, Южная Корея и т.д. - офицерство увидало себя вынужденным взять власть в свои руки или своей мощью поддержать власть. И людям, приходящим в отчаяние от всеобщей неустойчивости властей в наше время, перестает казаться недопустимым прекращение «военщиною» партийной распри в народе. В июне 1960 г. заседавший в Берлине «Международный конгресс культурной свободы» продебатировал тему «Интеллигенция и военные в современном государстве», причем докладчиками были колумбийский дипломат Г. Арсиньегас, американский профессор социологии М. Бергер, пакистанский высокий комиссар Брохи; была принята резолюция о совместимости власти военных со свободолюбивыми принципами демократии. «Такое властвование, - сказано в резолюции, - должно вести к социальным реформам, народу желательным, к отмене тоталитарных методов и к установлению работоспособной парламентской демократии».

Здесь спорны понятия «демократия», «работоспособный парламент», «тоталитарные методы», «желательные народу социальные реформы», но бесспорно и разумно признание, что бывают случаи, когда военные должны подпереть государство и когда государство вынуждено опереться на военных. Известна фраза Кавура: «Штыки кое для чего годятся, но только не для сидения на них». Но Кавур глубоко заблуждался, думая, что власть, нашедшая опору в войске, сидит на штыках, - нет, она стоит на моральном основании, на верности офицерства государственной идее. Офицер, перестав быть обособленным существом, приблизившись к иным группам граждан, даже (есть и такие государства) ставши гражданином-военным-специалистом, остается гражданином образцовым в смысле сознания своего долга перед государством и только перед государством, но не перед какой-либо социальной, партийной, племенной и т.д. частью его. Как бы демократична ни была структура государства и общества в нем, как бы современно и демократично ни было его офицерство, оно остается наиболее ярким, по сравнению с иными группами, выражением государственного мышления и служения.

Этическая база офицерского духа. На пушках Фридриха Великого стояли слова «Ultima ratio regis» - последний довод королей в международных спорах. Последним доводом государственной идеи бывали и будут офицеры. Но не преторианцы, по своему буйному хотению низвергающие и возносящие правителей, не авантюристы, пытающиеся во главе одного полка или только батальона совершить переворот в свою пользу, не офицеры-политиканы, ставящие

себя в распоряжение партии, рвущейся к власти. Только такие офицеры имеют право в революционной обстановке нынешнего времени вступиться за державу, которые исполнены державного сознания и рыцарской этики.

Вот облик офицера-рыцаря: «...в нем не было фальши. Скромен, доброжелателен, всегда готовый помочь; серьезен в своих понятиях, но в то же время весел; без эгоизма, но с чувством товарищества и более того - любви к людям. Его ум и его душа открыты всему доброму и красивому. В нем было наследие многих поколений солдат; но потому именно, что он был воодушевленный солдат, он был в то же время и носителем благородства в полном смысле этого слова, был человеком и христианином» (Ф. Манннштейн, «Проигранные победы»). Было время, когда все или, во всяком случае, многое благоприятствовало выработке рыцарства в офицерах. Сейчас если не все, то многое не благоприятствует этому: Всемирная Революция нивелирует всех по уровню средних и ниже средних, старается упразднить духовно высших. Поэтому культивирование рыцарства, не требовавшее прежде больших усилий, стало теперь требовать от каждого рыцаря большой и непрестанной работы над собой, а от рыцарства в целом - заботливого и скрытного сбережения рыцарского духа. Скрытного потому, что массу ныне раздражает чье-либо духовное превосходство: его надо влагать в дело, не выставляя его напоказ. *«Больше быть, чем казаться»* было лозунгом офицеров Генерального штаба. Быть рыцарем, не нося знаков рыцарского достоинства, - лозунг современного офицерства. В этом - одна из трудностей офицерской профессии в современных условиях. <...>

В те времена, когда меч казался единственным оружием, Суворов мог возгласить принцип: благородством побеждают. В нынешнюю эпоху, когда идея стала мощным оружием, офицер не должен пренебрегать благородством как средством достижения победы. Если даже такое абсолютное учение, как христианское, не могло уберечь христианский дух от колебаний (были века подъемов и века снижений), то рыцарский дух и подавно не может быть абсолютом: как бы высок или низок ни был моральный уровень данного народа в данную эпоху, рыцари этого народа, офицеры, должны стоять на более высоком моральном уровне, нежели лучшие группы или слои народа. Платон сказал в древности: «Существуют более красивые безумства, нежели мудрость». Нет сомнения (во всяком случае. Для офицеров нет сомнения), что краше мудрости, краше всех прочих «безумств» рыцарское «безумство» - честь. <...>

Заключение: приказ и совесть

Генерал М.И. Драгомиров с предельной ясностью указал солдату, где лежит граница между подчинением приказу и выполнением велений совести: «делай, что начальник прикажет, а против Государя ничего не делай». Устав дисциплинарный предписывал: если приказание незаконно, доложи об этом приказавшему, но коль скоро приказание будет, тем не менее, повторено, оно подлежит выполнению, причем ответственность ложится на приказавшего. Но если приказ преступен, его исполнять нельзя. 12 августа 1945 г. японский император повелел капитулировать перед врагом; группа офицеров в Токио сочла приказ преступным, убила командира гвардии, сожгла дом премьер-министра и пыталась арестовать божественного Тено, но императору удалось избежать ареста; тогда восставшие пошли на холм Атагояма и совершили харакири; их примеру последовал генерал Танака, военный министр Анами и множество высших офицеров, не могших подчиниться приказу. Шведский полковник, получивший приказ насильственно посадить на советский пароход беженцев из Прибалтики, выдачи которых потребовала Москва, выполнил приказание (хотя люди перерезали себе вены и ослепляли себя,

чтобы избежать отправки в СССР), а после этого подал в отставку. Панцирный генерал фон Мантейфель велел в 1944 г. расстрелять дезертира: приказ фюрера требовал расстрела каждого солдата, покинувшего свою позицию; 15 лет спустя германский суд приговорил генерала к 18 месяцам ареста за выполнение незаконного приказа, то есть признал его «военным преступником».

Понятию «военный преступник» было дано самое широкое толкование в подлейшем Нюрнбергском трибунале: адмирала Денница засудили за то, что он в мирное время готовил германский военный флот к нападательным операциям. 10 лет спустя перед американским военным судом в том же городе предстало 13 германских полководцев по обвинению во всемирном заговоре (организация германских вооруженных сил для войны) и в ведении злодейской войны. Военные судьи оправдали генералов, потому что при нынешнем состоянии цивилизации война не может быть признана злодеянием и всемирным заговором, а, во-вторых, воинство является законной принадлежностью государства, и поэтому возглавление воинства не есть наказуемое деяние.

Если бы поступки военных подвергались рассмотрению в военных судах, то, как во втором Нюрнберге, приговоры были бы согласованы с законами и жизненной реальностью, но ничто не дает гарантии, что не повторится первый Нюрнберг, где за спиной судей стояли не юстиция, а месть или пацифический, фантастический антимилитаризм. Но и опасность предстать перед судом мести ни в коем случае не должна побуждать офицера нарушать закон долга, чтобы избежать закона мести: в современных условиях разрушения здравых понятий и господства болезненных эмоций офицер должен мужественно предвидеть, что он может стать либо геройской жертвой боя, либо невинной жертвой палача.

Но, с другой стороны, установление понятия «военный преступник» способствует более строгому, чем встарь, выполнению законов войны и велений рыцарской этики. Ныне не могут остаться безнаказанными (во всяком случае, для офицеров побежденной стороны) такие действия в отношении вражеского воинства или населения, какие иногда имели место на войне в результате непродуманности, самодурства или кровожадности. Когда разыгрывается стихия войны, не может не быть некоторого произвола в действиях, но и должна быть граница произвола - за нею лежит военное преступление.

Приказ, выполнение приказа - это краеугольные камни существования воинства и выполнения им своего государственного назначения. Вышеупомянутые генерал Мантейфель поступил воински законно, а шведский полковник - воински корректно (к сожалению, не было слышно, чтобы подали в отставку английские офицеры по выполнении ими приказа о выдаче казаков в Лиенце). Японские же офицеры не подчинили свои рыцарские чувства воинскому приказу и только самоубийством искупили свою вину - в легенду войдут, наравне с «камикадзе» оружия, эти «камикадзе» самурайского духа.

Во все времена строгому выполнению военного приказа противились небрежность, строптивость, малодушие, сейчас же антимилитаристы, гуманные идеалисты и партийные спекулянты стараются противопоставить военному приказу совесть воина. Если рассуждать в либеральном стиле, что государство - это власть и что свобода граждан есть источник государственной власти, то можно додуматься до абсурдного вывода, что свобода совести гражданина-воина есть источник власти в воинстве. Вывод абсурден потому, что вступление в воинство - добровольное для кадрового офицера и для волонтера либо принудительное для военнообязанного - непременно сочетается с обязанностью к послушанию своих действий действиям вышестоящего, своей воли - его воле, своей совести - его совести.

<...> Сейчас, в эпоху всеобщей бессовестности (политической, партийной, общественной, юридической и т.д.), носятся с совестью гражданина-воина как дурень с писаной торбой. Легализуют дезертирство тех, кто из побуждений совести или якобы из побуждений совести отказываются от военной службы; поощряют неповиновение в воинстве разрешением противопоставлять совесть приказу; запугивают воина угрозой счесть его «военным преступником», коль скоро он выполнит воинский приказ, противоречащий его гражданской совести. Со всем этим не может мириться офицерство. Для него должно быть незыблемым правило: совесть воина - в выполнении приказа, а иная совестливость преступна. <...>

Мы, офицеры прошлого времени, шли особым путем, путем выполнения воинского долга и по нему вели тех, кого народ вверял нам для воспитания и в дни войны - для вождения. Современный офицер не может идти нашим обособленным путем: его путь соприкасается, перекрещивается с путями гражданскими. С этим офицер обязан считаться в своем поведении, в обращении с подчиненными ему воинами, в методах их воспитания, обучения и втягивания в воинские навыки, в приемах командования солдатами и властвования их душами, в применении тактических, оперативных и стратегических форм воевания, в установлении организационной структуры воинства, в своей установке относительно общественности, партийности, политики. Со всем этим современный офицер обязан считаться и поэтому осторожно отступать от устаревшего в традиционном, делать разумные уступки требованиям времени. Но он обязан быть неуступчивым в вопросах рыцарской чести, офицерского долга. И в нем не должно быть ни малейшего сомнения в величественности его офицерского призвания, в высоком значении его милитаризма. Японский поэт Ногучи писал Рабиндранату Тагору: «Пусть милитаризм - преступление, но если подумать о жизни, из которой гуманизм вынет все кости и создаст из нее мягкотелое животное, то невольно скажешь: нет, гуманизм - еще большее преступление!»

Буэнос-Айрес, 1961.

ИЗ АРХИВА ПАМЯТИ

ЛУЦКИЙ ПРОРЫВ

Непростительна вина наша, офицеров - участников Великой войны 1914-1917 гг., и наших генералов, что мы в Зарубежье не написали истории военных событий 1914-1916 гг. Правда, архивы войсковых частей и соединений были нам недоступны, потому что находятся в СССР, а разрешение на пользование военными архивами наших бывших союзников и врагов было нелегко получить, но у нас в 20-х, в 30-х гг. был великолепный архив памяти - по свежим воспоминаниям сотен, тысяч капитанов, полковников, генералов (особенно их, как видевших события с высоких башен) можно было с достаточной точностью нарисовать бои, сражения, битвы, успехи наши, неуспехи, победы и поражения. Мы бы создали письменный памятник славы армии Императора Николая II. А славы она заслуживает, потому что была величественна в своих победах и была мужественна в перенесении тяжелых боевых испытаний, подчас весьма трагичных.

В университетских архивах и, вероятно, в личных чемоданах лежат воспоминания отдельных «письменных» офицеров, а сколько пожелали остаться неписьменными и ничего не записали для истории о пережитом ими, о виденном ими на войне. Опубликованы были десятки, может быть, сотни статей и несколько книг, но даже самые основательные из них, как труды генералов Головина и Данилова, дают лишь представление об исторических событиях, но (за недостатком данных) не могли стать историей этих событий.

Наиболее примечательным из них надо признать Луцк-Черновицкую битву, потому что в этой битве русское оружие добилось того, чего не могли достичь ни германское, ни франко-британское: они не могли ни пробиться, ни прогрызть вражескую фортификационную систему, а мы рванули нашей русской солдатской храбростью, нашей русской духовной силою и прорвали позиционные полосы и у Луцка и у Черновиц[1].

К 50-летию Луцк-Черновицкой битвы пишется эта книга, пишется не как историческое исследование (где взять исторические материалы? где достать достоверные свидетельства?), а как мемуары на основе главным образом тех заметок, какие автор делал - припоминая пережитое, и услышанное, и прочитанное, - когда память его была молода, а воспоминания свежи. Весьма возможно, что некоторые факты будут изображены не так, как они представляются иным еще живым участникам описываемых событий или тем, кто в иных мемуарах прочли описания тех же событий. Но всякий бывший на войне знает, что реляция командира полка о происшедшем бое кажется офицерам этого полка не точной, потому что каждый офицер видел бой в свое оконце и не видел того, что было видно в другие оконца. Из сопоставления свидетельств и мнений рождается истина, а автор книги может лишь надеяться, что его свидетельства и мнения не далеки от истины.

Мемуаристы нередко впадают в грех самопрославления. Но чем может себя прославить автор этой книги, во время описываемой им битвы маленький офицер, ничтожная песчинка в трехмиллионной массе русских воинов, в битве участвовавших? Их, этих воинов, хочет прославить книга, ибо велик их боевой подвиг, велика была их храбрость, велики были их жерт-

---

1 Ни завершающее сражение на французском театре, когда франко-американо-англичане гнали армию Германии, раздавленную тяжестью войны, ни победы австро-венгро-германцев над совершенно небоеспособными итальянцами нельзя считать прорывами фортификационного фронта - это были прорывы духовного фронта, у немцев выдохшегося, а у итальянцев вообще не существовавшего.

вы, прославить три миллиона героев, смертью или кровью, храбростью, и упорством, и воинским искусством добывавших победу в победные дни и своими ударами потрясавших врага в дни, когда победа не давалась.

Надо ли их славить с пафосом? Державин с пафосом прославил Суворова:

Станет на горы, горы дрожат,
Ляжет на воды, воды кипят,
Града коснется, град упадает,
Скалы рукою за облак кидает.

А некий суворовский чудо-богатырь, когда катафалк с телом генералиссимуса Суворова застрял в воротах Александро-Невского кладбища и начальство совещалось, не надо ли надломать катафалк, крикнул: «Всюду проходил - и тут пройдет!» Катафалк тронулся и, треща, прошел в ворота. «Всюду проходил» - лучше, чем «ляжет на воды, воды кипят». Прославим же российское войско за Луцк-Черновицкую победу без пафоса, русскому военному обычаю не свойственного и с русской храбростью, с русской доблестью не сочетаемого. Русский воин - капитан Миронов у Пушкина, Максим Максимыч у Лермонтова - красив в своей простоте, - в простоте, а не в выспренности надо писать о нем.

Из крошечных, крошечных по сравнению с размерами исполинской битвы, - деяний сотен тысяч храбрецов-солдат, из доблести тысяч прапорщиков, подпоручиков, поручиков, шедших впереди своих солдат, из мужества и уменья сотен штабс-капитанов, капитанов, подполковников, полковников, командовавших батальонами и полками, из воли и разума генералов сотворена ВЕЛИЧАЙШАЯ ПОБЕДА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.

Боевой период 1914-1918 гг. мы называли Великой войной, теперь называют Первой Мировой. Старое название лучше - в нем есть душа, тогда как в новом - только регистрация: Первая, Вторая, Третья Мировая... Возвратимся к старому названию: Великая война.

Александр Македонский блистательно разбил персов при Гранике, при Иссе, при Арабелах, но ни одна из этих битв не названа Александровой; Ганнибал разгромил римлян у города Канны, и эта классическая операция называется в военном искусстве Каннами, а не Ганнибаловым маневром: знаменита победа Наполеона под Аустерлицем, однако называется она Аустерлицкой, а не Наполеоновой. Мы не говорим «Кутузовская битва», но - Бородинская, не называем Полтавскую баталию Петровой баталией, а победу на Неве над шведским орлом Биргером мы не наименовали именем великого князя Александра, а, наоборот, князя назвали Невским, потому что битва называется Невскою. Но вот, вопреки традиции исторической, и нашей военной, и нашей народной, боевые операции 1916 г. на Юго-Западном фронте получили наименование Брусиловского наступления. Почему Брусилову оказана такая нигде и никогда не виданная честь?

В России либеральные пресса и общественность бывали очень энергичны, когда находили нужным прославить какого-либо масона или же человека, возвеличение которого было сопряжено с уничижением царизма. Масоном генерал Брусилов, по-видимому, не был. Едва ли можно считать намеком на принадлежность его к масонству такой эпизод (о нем писал в «Перекличке» полковник Б.Н. Сергеевский): «...Через 2-3 дня после отречения Императора Николая 2-го от престола Его генерал-адъютант, генерал от кавалерии Брусилов, будучи главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, пригласил к себе на чай политических деятелей

левых группировок. На этом чае его супруга утверждала, что ее муж уже давно состоит в партии эсеров». Вероятно, и даже почти несомненно, что это - ложь неумной женщины (ложь эту, впрочем, генерал не опроверг), и потому эти слова не могут быть доказательством ни левизны Брусилова, ни его принадлежности к масонству.

Но прославление Брусилова ради нанесения ущерба режиму - такое предположение правдоподобно. Когда, вскоре по принятии Императором на Себя Верховного главнокомандования, произошло удачное сражение у Тарнополя и Трембовели, то официальная пропаганда, почти не упоминая имени победительного генерала, внушала народу, что победа одержана по той причине, что во главе действующей армии стал Царь. Когда обнаружился успех Луцкого и Черновицкого прорывов и рождалась надежда, что битва примет вид победы решающей и войну завершающей, то в оппозиционных кругах не могло не возникнуть опасение, что победа эта тоже будет приписана Царю, а это укрепит монархию, режим. Чтобы этого не случилось, было только одно средство: всю славу возложить на главнокомандующего - тогда она не ляжет на Верховного главнокомандующего. И Брусилова стали возносить до небес, как не возносили Иванова за Галицийскую битву, ни Плеве за Томашев, ни Селиванова за Перемышль, ни Юденича (Суворову подобного, по мнению генерала Штейфона) за Сарыкамыш и за Эрзерум. В безмерном восхвалении Брусилова битву назвали Брусиловским наступлением. По тем же антимонархическим побуждениям такое наименование битвы понравилось союзникам России в ту войну, и в мировую литературу прочно вошло название «Брусиловское наступление».

Однако мы должны остаться при традиционном наименовании битв и сражений по географическим названиям. Можем сделать лишь одно исключение: сохраним за операциями 1917 г. установившееся название «Наступление Керенского» - так ему и надо: пусть позор Калуша лежит не на войске, а на Главноуговаривающем.

Итак, боевые операции 1916 г. на Юго-Западном фронте, начавшиеся победными прорывами у Луцка и Черновиц, будем называть Луцк-Черновицкой битвой.

В книге будет речь преимущественно о сражениях у Луцка и о Луцком прорыве, совершенном 8-й армией генерала Каледина. Это не означает пренебрежения к заслугам 9-й и 7-й армий генералов Лечицкого и Щербачева. Но они действовали - храбро, с великим порывом, с огромным успехом - на оперативном направлении не первостепенном, на направлении, которое выводило в оперативный тупик, в малопроходимую часть Карпатского хребта, в то время как направление Луцк-Ковель открывало огромные оперативные возможности. По этой причине, в равной мере учтенной и нашим и вражеским командованиями, в Луцкий район были брошены огромные силы и тут, подле Луцка, разыгрались сражения неимоверной напряженности. Не в ущерб славе Черновицкой группы наших победоносных армий, надо признать, что центр тяжести Луцк-Черновицкой битвы лежал у Луцка и что на группу армий у Луцка легла наиболее трудная роль в этой исполинской битве. Но в воинском подвиге не должно быть местничества в заслугах и почести. Истинный герой не кичится ни своим подвигом, ни своим орденом, потому что верит, что каждый из его боевых товарищей, очутись он на том же месте и в тех же обстоятельствах, совершил бы такой же подвиг. Всем - слава! Всем - благодарность Отечества.

Но... Луцк-Черновицкий подвиг совершен, а Отечества нет. Когда возродится Отечество, будет и благодарность, увы - посмертная, и слава, а сейчас да будет эта книга маленьким прославлением воинов величайшей битвы и величайшей победы в Великую войну.

Стратегическая обстановка

«Греми, слава, трубой!» - поется в солдатской песне времен завоевания Кавказа. «Греми, слава, трубой!» - поем и мы, завоевывая Царю Галицию. Нужды нет, что оплошностями генерала Жилинского[2] погублена 2-я армия несчастного генерала Самсонова - но зато спасен Париж от сокрушительного удара молотом, который сконструировал перед своей смертью генерал Шлиффен и которым мы помешали ударить до конца генералу Мольтке-Младшему, начальнику штаба кайзера. Нужды нет, что наша 4-я армия генерала барона Зальца была потрепана у Красника, зато 5-я армия несокрушимого генерала Плеве превратила почти поражение в блестящую победу у Томашева и тогда 3-я армия генерала Рузского взяла Львов, столицу Галиции, а 8-я армия генерала Брусилова овладела крепостью Миколаев на Днестре. «Греми, слава, трубой!» - армии генерала Иванова (Юго-Западный фронт) шагают, словно в семимильных сапогах, к реке Сан, запирают в крепости Перемышль 120-тысячную австрийскую армию, - к обложению Перемышля приступает Блокадная армия генерала Селиванова - и идут: 3-я армия[3] к Кракову, а 8-я к Карпатам. На Северо-Западном фронте происходит катастрофа у Августова, но зато блестяще проведены оборонительные бои на Раве и Бзуре, и немцы отброшены с огромными потерями от Варшавы. Мы же, 8-я армия, преодолевая горы, метровый снег, леденящую стужу (в России кричат: «Холодно в окопах!» - и женщины шлют нам теплые вещи и благословения), преодолевая оборону австро-венгров, лезем на Карпатские вершины. «Греми, слава...» Но умолкает песнь, хотя слава на нас остается, умолкает потому, что войско наше обезоружено: у пехоты нет патронов, у артиллерии нет снарядов... Чья вина? Военного министра генерала Сухомлинова? Начальника Главного артиллерийского управления генерала Маниковского? Генерального штаба, неверно предвидевшего, какова будет огневая напряженность войны? Но если в таком предвидении точно так же ошиблись во Франции, Германии и Австро-Венгрии, то надо сказать: раз везде ошиблись - значит, невозможно было предвидеть, как нельзя предвидеть, сколько домов и деревьев свалит ураган. Уже после войны появилось мнение, что великий князь Николай Николаевич, увидав, как огромен расход огнеприпасов в первых боях, должен был не форсировать оперативку, не слать армии из сражения в сражения, но замедлить темп действий в ожидании, пока военная наша промышленность развернется для достаточного снабжения прожорливого фронта огневой войны.

Но Николай Николаевич был генералом от кавалерии и на посту Верховного остался генералом кавалерии - он не мог не мыслить по-конному, ставя задачи пешим армиям. В войске великий князь пользовался уважением, в солдатской массе о нем рассказывали легенды - и не

2 Первая оплошность генерала Жилинского была в том, что, ведя в 1913 г. в Петербурге переговоры с генералом Жоффром (будущим Верховным главнокомандующим Франции в 1914-1916 гг.), он опрометчиво обещал, что наши армии перейдут в наступление против немцев на 15-й день мобилизации. Оптимизм в стратегии и оперативке очень похвален, но нельзя из оптимизма пренебрегать такими почти математическими данными, как цифры провозоспособности железных дорог. Цифры эти говорили: на 15-й день к нашим армиям, сосредоточивающимся у границ, еще не будут подвезены армейские обозы, без которых немыслимо наступать. Второй оплошностью генерала Жилинского было, что он крепко держался своей первой оплошности, своего обещания Жоффру и, ставши, по мобилизации 1914 г., главнокомандующим Северо-Западным фронтом, форсировал наступление своих 1-й и 2-й армий и привел к беспомощности первую (она остановилась после победы у Гумбинена) и к гибели подле Сольдау вторую.

3 Генерал Рузский получил в командование Северо-Западный фронт (его следовало дать герою - Плеве, но у него фамилия немецкая, а у Рузского, хотя и поляка, звучит как русская). 3-ю армию получил болгарин Радко-Дмитриев; он прибыл добровольцем из Болгарии и отличился, командуя VIII армейским корпусом, в боях августа 1914 г.

винили его за чрезмерную активность в 1914 г., доведшую до снарядного голода.

Впрочем, не один, так сказать, кавалеризм побуждал Николая Николаевича форсировать оператику; принцип смелых нападательных действий был привит Императорской армии генералом Драгомировым Михаилом Ивановичем.

Как установлен столетний срок для причисления к лику святых, так - кажется - должно пройти столетие, чтобы у нас, в России, по-настоящему оценили полководца. Например, потребовалось 100 лет, чтобы наши военные историки обратили внимание на слова из донесения генерала Кутузова Императору Александру о Бородинской битве: «...Ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить». Это свидетельствовало о том, что к концу дня битвы отступил Наполеон, что Кутузов, следовательно, одержал победу и, простояв на позиции полночи, велел отходить. 100 лет мы верили французской версии о победе Наполеона у Бородина и лишь в начале XX в. сообразили, что победил там Кутузов. То же и с Суворовым: его «Наука побеждать» пролежала 100 лет в архиве и лишь в конце XIX в. генерал Драгомиров, в дополнение к Суворову - в битвах победителю, открыл Суворова - военного мыслителя и его идейное богатство раскрыл перед нашим генералитетом. Не все генералы им обогатились, но Николай Николаевич зачерпнул много - может быть, слишком много - из этого богатства и, богатый им, расточал военное имущество, снаряды, доведя войско до снарядного голода.

Мы снарядно голодали, но отпор врагу давали великолепный: в Карпатах австро-венгры предприняли отчаянное наступление, чтобы прорваться к Перемышлю и деблокировать его. На горе Козювка 4-я Стрелковая дивизия генерала Деникина, не ощущая страшного горного холода, в жарком бою отбила в сутки 24 атаки; 14-я и 15-я Пехотные дивизии отбили за три недели десятки атак; противник был отбит, Перемышль пал, и мы взобрались на Карпатский хребет, готовясь спуститься в Венгерскую низменность, идя к великой победе и громкой славе...

Но 1 мая (18 апреля по старому стилю) 1915 г. триумфальный период войны сменился катастрофичным: «фаланга» генерала Макензена, но не из тяжеловооруженных гоплитов, воинов древности, а из батарей тяжелой и тяжелейшей артиллерии, смела легкие позиции 3-й армии у Горлице (под Тарновом) и пошла громить наши корпуса и армии, по-прежнему бесснарядные, беспатронные. Всякое другое войско, не исключая и великолепного германского, побежало бы от такого артиллерийского чудовища, превращавшего окопы в могилы, пулеметы и пушки в стальной лом. Но мы не бежали, мы, цепляясь за каждый рубеж, оборонялись с мужеством отчаяния, с отчаянным мужеством. Перечисляю, глядя в мой послужной список, оборонительные бои 15-й Пехотной дивизии со дня, когда она, вследствие катастрофы у Горлице, скатилась, в составе 8-й армии, с Карпатских высей и стала на позицию у Перемышля (даты здесь, как и вообще в книге - по старому стилю): 4-20 мая бои у деревни Плещавице подле группы «Седлиска» Перемышлянских фортов; в ночь на 21 мая - отход, вследствие отступления 3-й армии после многодневных страшных боев у Родымно на реке Сан; стали на позицию у городка Мосциска; 22-24 мая противник атакует нас у Мосциски и, разбомбивши ключ позиции, фольварк Юзефовку, принуждает нас к ночному отступлению; 27 мая - 2 июня идет тяжелый бой у деревни Бонув; соседи наши отброшены, и поэтому дивизия, отбив все атаки врага и дождавшись ночи, отступает; наши потери уже достигли 30% состава дивизии; 5-6 мая крепко обороняемся у дер. Вишенька-Велька, но наш сосед слева опрокинут, немцы заходят нам в тыл, и мы отступаем, потеряв 7 орудий (в первый и последний раз за всю войну приходится нам донести о потере пушек); 8-9 июня обороняемся под г. Жолкиев; потери дивизии возросли до 60%; приказано отступить; 10-14 июня деремся у г. Желдец и по приказу уходим за реку За-

падный Буг; дивизия потеряла за полтора месяца 80% своего состава.

Подобным образом дрались и иные дивизии 8-й и 3-й армий, а затем и дивизии Северо-Западного фронта, где Гинденбург предпринял массивное наступление, сбивая наши войска с позиций, захватывая наши крепости, истребляя русское войско, нанося артиллерийские удары нашим бесснарядным армиям. За 116 дней битвы (начиная от удара Макензена 1 мая/18 апреля) мы потеряли 500 000 квадратных километров территории Прибалтики, Польши, Волыни, Галиции, Буковины, мы потеряли 2 000 000 воинов. Но воинского духа мы не потеряли. Поэтому мы можем, не стыдясь, сказать: техническим перевесом в битве враг разбил наше войско, но духа его не разбил.

Нас на боевых позициях беспокоило не наше тактическое или оперативное положение - беспокоила Россия. Она была потрясена грандиозным отступлением войска. В нее хлынули шесть миллионов беженцев (русские чиновники из Польши и Галиции и евреи, поголовно выселяемые из прифронтовой полосы, как считавшиеся неблагонадежными по шпионажу), которые сеяли уныние. Уныние давно уже сменило в городах воинственность августа 1914 г., и поэт Игорь Северянин осмелился в своих стихах советовать «не торопиться в шрапнельный дым», а в Государственной думе депутат Шингарев произнес речь о благодетельных последствиях проигранных войн (после них, мол, обновляется режим): пораженчество стало шириться. Образовался внутренний фронт, противоправительственный - Прогрессивный блок партий в Думе, - требовавший «министерства доверия»; в Военно-промышленный комитет представители рабочих вошли с лозунгом «защита отечества есть лишь прикрытие хищнических притязаний правящих классов» (это было в сентябре, а в декабре ими было заявлено, что их цель - «борьба с нашим страшным внутренним врагом - самодержавным строем»).

Конечно, не все это доходило до действующей армии, однако она чувствовала, что Россия устала воевать. Но 23 августа Государь взял на Себя Верховное командование, и это было войском понято так: Россия не побеждена, Россия будет воевать до победы.

Дошли до нас слухи, что Императора отговаривали от возглавления войска, мотивируя династическими, политическими, государственно-административными соображениями, а министр Кривошеев заявил, что «народ считает Государя несчастливым и незадачливым» и будет встревожен, что в Его руках окажется управление военными действиями. Офицеры знали, Царь прервал свою военную «карьеру» на командовании батальоном, что хотя он и прослушал курс военных наук (преподавателями были знаменитые генералы Г. Леер и М. Драгомиров), но опыта в командовании войсковыми массами не имел. Все же переход Ставки в руки Его Величества (и генерала Алексеева) произвел на войска бодрящее действие: раз Царь, то значит: врагу не сдаемся, раз Алексеев, то значит: будем побеждать (он ведь помогал побеждать старенькому генералу Иванову, при котором был начальником штаба Юго-Западного фронта).

И тут стало рождаться великое чудо: разгромленное войско крепло духом не по дням, а по часам, приводилось в порядок, воспитывало себя и обучало, воспитывало прибывавшие пополнения (а пополнения всю войну прибывали из запасных батальонов в виде сырого материала - от этих запасных батальонов и Россия погибла: они превратили в Петрограде хлебный бунт в социальную революцию). Радовали этикетки с надписью «Патронов, снарядов не жалеть!» на ящиках с огнеприпасами[4]. К началу зимы чудо совершилось: Россия снова имела

---

4 Производство огнеприпасов организовало Главное артиллерийское управление, а этикетки наклеивали Военно-промышленные комитеты. Они кричали на всю Россию, что ими развернута военная промышленность, но когда в Думе депутат Марков крикнул: «Военно-промышленные комитеты не дали ни одного снаряда!», то Милюков мог только ответить: «Но мы заставили правительство дать их».

боеспособную действующую армию. И это чудо тем примечательнее, что осенние и зимние приготовления войска к победам 1916 г. производились на фоне роста пораженчества в стране.

В тот самый день - 23 августа 1915 г., когда в Ставку прибыл Венценосный Верховный главнокомандующий, чтобы в армии и стране укрепить дух борьбы, в деревню Циммервальд в Швейцарии съехались 33 социалистических злодея, чтобы сговориться о разложении духа войны, особенно в России (на Россию нацелились Ленин и Зиновьев, социал-демократы большевики, Мартов и Аксельрод, меньшевики, Натансон и Чернов, социал-революционеры, а также Троцкий, Берзин, Радек и Раковский). Конференция объявила целью пролетариата - немедленный мир, а Ленин поставил своей целью - немедленную революцию в России. Циммервальдские тезисы всеми подпольными каналами потекли в России к фабричным рабочим, к железнодорожникам, к солдатам в запасных батальонах, к студентам, к «земгусарам», В декабре 1915 г. Горький стал издавать журнал «Летопись» для осторожной пропаганды циммервальдских тезисов. Циммервальдцы, немецкие агенты, думский Прогрессивный блок всюду распространяли слухи об измене, заражая Россию недоверием к власти. Войско они не заразили.

К осени 1915 г. в России уже было (с начала войны) мобилизовано 10 000 000 человек. Из них мы потеряли убитыми и ранеными в 1914 г. 1 500 000, а в 4 месяца отступления 1915 г. - 1 200 000; кроме того, в плен попало в 1914 г. 800 000 и в 1915 г. - 800 000. Общая сумма потерь достигла 4 300 000. Обращает на себя внимание огромное количество попавших в плен - 1 600 000. Но надо сказать, что и Австро-Венгрия в Великую войну потеряла пленными 1 737 000 человек, Германия 159 000. Сдача в плен стала массовым явлением со времени Русско-японской войны, первой войны на базе системы «Вооруженный народ». Эта система с ее короткими сроками военной службы, с призывом под знамена запасных солдат, у которых выветрилось воинское воспитание, давала в ряды воюющих армий много людей недостаточной воинственности. В австро-венгерском случае массовый характер сдачи надо приписать и политическим причинам - славяне не хотели умирать в борьбе против славянской России. В русском случае политических причин сдачи в плен не было (в 1914 и 1915 гг.), но были иные причины: 1) неимоверное форсирование темпа операций в 1914 г., когда солдаты, доведенные до предела человеческих сил, нередко теряли способность сопротивляться или даже отступить - впавшие в пассивность сдавались; 2) в 1915 г. апокалипсическая мощь германских бомбардировок: оглушенные, полузасыпанные в обвалившихся окопах люди не могли уйти; при огневом истреблении целых батальонов нельзя было вынести раненых, и они попадали в плен; 3) количество офицеров в действующей армии было недостаточным (больной вопрос нашего войска на протяжении всей войны!), вследствие чего более слабые духом солдаты, не чувствуя над собой офицерской командной воли, сдавались в трудных обстоятельствах. К чести их надо сказать, что сдавшиеся и потом опомнившиеся пытались бежать из лагерей для военнопленных. Так, из германских лагерей бежало 259 972 пленника - бегство удалось 60 316 воинам.

Возвращаясь к цифрам мобилизованных и убывших из строя, мы видим, что к началу 1916 г. у нас было в действующей армии и в тылу (в запасных батальонах) 6 700 000 воинов. Этого было недостаточно; потребовались призывы новобранцев и ополченцев. Число офицеров было совершенно недостаточным. В полках оставалось не более 15-20 кадровых офицеров; выбывших заменила полная энтузиазма молодежь, вступавшая в военные училища в 1914 г.; а их поредевшие ряды пополняла молодежь последующих выпусков из военных училищ и школ прапорщиков, уже носившая в себе элемент усталости от войны, появившейся в России в 1915

г. Некомплект офицеров был велик: командир роты мог радоваться, если у него было 2 взводных командира - часто бывал только один; на прочих взводах стояли унтер-офицеры.

Некомплекта патронов в пехоте и снарядов в артиллерии уже не было. В полках постепенно увеличивалось количество пулеметов, минометов, бомбометов. Все армейские корпуса получили батареи гаубиц (полутяжелые орудия).

Армии получили дивизионы тяжелых мортир; в распоряжении Ставки появился мощный артиллерийский резерв ТАОН (тяжелая артиллерия особого назначения). Но наша артиллерия оставалась по преимуществу пушечной, легкопушечной, а между тем условия войны, по сравнению с 1914 г., коренным образом переменились: по примеру западного театра войны, где с осени 1914 г. германцы и франко-англичане ушли в землю, засели в позиционные линии и полосы, прикрылись бетоном и сталью, мы и наши противники стали осенью 1915 г. сооружать фортификационную систему такой прочности, что легкая пушка не могла ей причинить серьезного ущерба, как вследствие малой силы ее гранаты, так и вследствие настильности ее траектории. Для разрушения мощных укрепленных позиций требовались гаубицы и мортиры, чьи бомбы падают на цель отвесно и несут в себе большой заряд взрывчатого вещества. Но наша военная промышленность не могла удовлетворить потребности действующей армии в этих тяжелых и полутяжелых орудиях, а союзники не торопились с присылкой нам такой артиллерии.

Приходится признать, что на верхах нашей армии сохранились понятия, подобные пресловутому «шапками закидаем!». Существовала мысль, что недостаточное снабжение нашего войска огневыми машинами можно отчасти компенсировать превосходством над противником в численности пехотинцев. К наступлению 1916 г. роты в ударных дивизиях были доведены до 250 штыков (и это при наличии трех офицеров на роту, из коих два малоопытны, если не совсем неопытны, еще даже не обстреляны). Мы по-прежнему оставались при дивизиях в 16 батальонов, в то время как враги наши и союзники перешли к дивизиям в 9 батальонов. Мы по-прежнему имели в дивизии 6 легких батарей по 6 пушек и по 1 батарее из 6 гаубиц - это составляло 42 орудия на 16 батальонов. А германские 9 батальонов в дивизии имели 72 и более орудий, из коих значительная часть были полутяжелыми и тяжелыми. Наши батареи (кроме тяжелых) по-прежнему состояли из 6 орудий, хотя опыт союзников и врагов показал, что мощность огня артиллерийской массы не столько зависит от числа жерл, сколько - от числа стреляющих командиров: поэтому в армиях французской, германской и других увеличили число командиров батарей, раздробивши батареи на четырехорудийные.

Эти организационные дефекты, эти указания на недостаточную артиллерийскую мощь действующей армии, на большой некомплект офицеров и, наконец, на дувшие из тыла, из России ветры усталости духа, оппозиционности к правительству и пораженчества[5] приведены не ради критики и упреков, а для подчеркивания, что в кампанию 1916 г. войско вступало в условиях, не вполне благоприятных, не дававших, казалось, уверенности в возможности от тяжелых неудач 1915 г. перейти к победоносному наступлению в 1916 г.

Если войско все же перешло в наступление и добилось победы, тем большей славы заслу-

---

5 Окнами, в которые эти ветерки и ветры проникали в изолированную от тыла воинской дисциплиной действующую армию, были те учреждения Земсоюза и Земгора (питательные пункты, библиотеки, бани, санитарные обозы и т.д.), которые все более густой сетью покрывали тыл армий и руководители которых, так называемые земгусары и горуланы, вели разрушительную пропаганду. Мало того что эти молодые люди, поступив в Земсоюз или в Земско-городской союз, избежали опасности быть взятыми в офицеры, они пытались еще мешать фронтовым офицерам, развивавшим в солдатах чувство воинского долга и подымавшим в них воинский дух.

живает это войско.

План генерала Алексеева

Центральные державы вступили в 1916 г., имея весьма благоприятный баланс стратегии 1915 г.: русское войско разбито и отброшено далеко на восток, сербское войско разбито, Сербия завоевана, и таким образом создана прямая связь с союзной Турцией; правда, изменившая Тройственному союзу Италия выступила на стороне Тройственного соглашения, но беспомощному итальянскому войску Берлин и Вена придавали мало значения: зато на Салоникском фронте против англичан, французов, сербов и греков появился боеспособный союзник - болгарская армия.

Возглавитель австро-венгерской стратегии генерал Конрад-фон-Гетцендорф предлагал Берлину зимой 1915-1916 гг. разгромить итальянцев, весной сбросить в море Салоникский фронт, а летом докончить победу над Россией. Но начальник главной германской квартиры генерал фон-Фалькенгайн предоставлял Вене самой расправиться с Италией, не считал нужным заниматься Салоникским фронтом (где, под влиянием англичан, противник был совершенно пассивен), был убежден, что Россия не может восстановить свою военную силу, и задачей на 1916 г. наметил победу над Францией. Для этой победы была разработана новая система боя: бой на истощение. Надо избрать такой участок фронта, с которого противник, по тем или иным соображениям, не считает возможным отступить, уклоняясь от боя; упорствуя в обороне этого участка, он будет вынужден подводить туда новые резервы, а нападающий будет их истреблять сверхмощными артиллерийскими ударами и массивными пехотными атаками - враг будет взят на измор. Германские стратеги, в их числе и кронпринц, возражали против применения такой «мясорубки», но Фалькенгайн настоял на своем и для атаки избрал Верден на изломе французской фронтовой линии, где можно было, атакуя, занять охватывающее положение. Крепость Верден была построена во второй половине XVII в. знаменитым маршалом Вобаном, а в 1871 г. была перестроена по требованиям современной фортификации. Тут генерал Жоффр не мог уклониться от боя и должен был принять бой на измор.

8-21 февраля немцы начали невиданной силы канонаду; на следующий день 3 армейских корпуса кинулись в атаку; через три дня в жестоком бою были взяты форты Дуомон, Во и высоты «Мертвый человек» и 304. Жоффр кинул резервы и обратился к Ставке с просьбой-требованием предпринять наступление на немцев ради спасения Вердена. Повторилась история 1914 г., когда мы кинулись спасать Париж. Наша Ставка импровизирует мощные удары, и 5-17 марта две армии Северного фронта атакуют вдоль железной дороги Поставы-Свенцяны и у озер Нарочь и Вишневское; атакует и одна армия Западного фронта. Мы потерпели, вследствие совершенной недостаточности артиллерийских средств, кровавую неудачу. Ходили слухи, что масса в 264 000 наших солдат не могла сломать сопротивление 62 000 германцев, прикрытых мощной фортификацией. Успехом было лишь то, что генерал Фалькенгайн, встревоженный активностью русских, на несколько дней ослабил напряженность Верденского сражения, пока не убедился, что русское наступление захлебнулось в крови. Во всяком случае, французы получили передышку, использованную ими для организации обороны Вердена.

Наступление у озер Нарочь и Вишневское было внеплановым, не предусмотренным планом, который разработал генерал Алексеев для операций 1916 г. План его был таков: усилить Юго-Западный фронт резервами Северного и Западного фронтов и от базы Ровно-Проскуров предпринять энергичное наступление на запад - на Галицию, на Карпаты; одновременно с

этим англо-франко-сербо-греческие войска должны от Салоник повести наступление на север через Македонию и Сербию; пунктом встречи этих двух армейских масс будет Будапешт. Говорили, что одной из деталей этого широко задуманного плана было: собрать в тылу Юго-Западного фронта всю нашу кавалерию и, по прорыве пехотой укрепленных полос австро-венгров, кинуть эту конницу вперед, чтобы стотысячной массой коней растоптать вражеское сопротивление на пути к венгерской столице.

В Великую войну уже один раз было выполнено оперативное массирование конницы: в сентябре 1915 г., полагая, что русские армии уже настолько потрясены, что на них можно пустить конницу, генерал Гинденбург приказал собрать несколько кавалерийских дивизий и они прорвались у станции Ново-Свенцяны в тыл русских, дойдя до Молодечно; но оказалось, что русская пехота на колесах поездов передвигается быстрее, чем германская конница на ногах своих коней - подоспевшими пехотными отрядами (и кавалерийскими) немцы были остановлены, потеснены и принуждены к отступлению. Рассчитывал ли генерал Алексеев, что его конница не будет остановлена в Галиции, в Карпатах или в Венгрии потому, что огромна сила и натиск 25 кавалерийских дивизий?

План генерала Алексеева имел целью занятием столицы Венгрии побудить эту страну к отделению от Австрии и заключению сепаратного мира; это заставило бы и Австрию капитулировать; в результате Германия была бы изолирована и к дальнейшему сопротивлению не способна.

Если бы общестратегические проблемы Антанты решали англичане, они бы воодушевились этим планом, потому что их стратеги вообще склонны оперировать на второстепенных театрах, чтобы не делать больших боевых усилий на главном театре (Австро-Венгрия, конечно, считалась противником второстепенным, по сравнению с Германией). Но в Антанте дирижерская палочка была в руках французов, а они, наследники идей Наполеона, считали правилом ударять главными силами на главном участке главного театра войны. Они начисто отвергли план Алексеева, как на протяжении войны опротестовывали каждое намерение Ставки вести операции в направлении Вены - они требовали русского похода на Берлин.

Насчет Наполеонова наследства у французов дело обстояло плохо. На протяжении целого века никто не унаследовал его гения (вообще, гений не наследуем ни в семье, ни в народе - примеры: Виктор Гюго, Гете, Пушкин, Мюрат, Фридрих Великий, Суворов), но и в наследование гениальными стратегическими и оперативными идеями Наполеона никто по-настоящему не вступил. Перед Великой войной только капитан Гранмэзон проповедовал в военной печати Наполеонову стремительность, а генерал Фош в Военной академии учил осмотрительности, которую тоже черпал из «Корреспонденции» Наполеона; в Генеральном же штабе генерал Жоффр, оставив Наполеона великолепно лежать во Дворце инвалидов, разрабатывал - противоположно принципам Великого Корсиканца - план войны на базе: посмотрим сперва, что предпримет германское командование. Во время войны Жоффр, Нивель, Петен, Фош, пренебрегая заветами Императора, оперировали в духе «посмотрим сперва...». И почитали они «главный театр войны» не потому, что это был принцип Наполеона, а потому, что, ссылаясь на авторитет Наполеона, могли требовать от своих союзников, чтобы все помогали им защищать территорию Франции.

Военная конвенция, которую в 1892 г. подписали от имени России и Франции генералы Обручев и Буадеффр, рассматривалась французами как страховой полис: они застраховали победу над немцами - Россия поможет, застраховались и от поражения - Россия выручит. Россия выручала. Россия выполняла требования Франции. Это послушание русской стратегии было -

воспроизвожу мнение, услышанное в Петрограде, но, может быть, и ошибочное, - следствием двух комплексов, которыми страдал Петроград: дипломатия болела комплексом виновности - когда в Европе, после вспышки воинственности в августе 1914 г., ощутили тяжесть войны, то стали винить Россию, что она своим заступничеством за Сербию втянула почти всю Европу в вооруженный конфликт; общество же наше и так называемые сферы, восторгаясь Францией, болели комплексом неполноценности, давним, наследственным; эти два комплекса якобы и побуждали нас слушаться Франции в вопросах стратегии.

На Всесоюзном военном совещании весной 1916 г. в Париже Россия была представлена Извольским, уволенным с поста министра иностранных дел за его постоянные «Извольте-с!» перед иностранными державами, и генералом Жилинским, уволенным с поста главнокомандующего Северо-Западным фронтом за его оперативное «Извольтесь!», за преждевременное наступление в Восточную Пруссию по мольбам Франции. Этим двум уступчивым людям пришлось на совещании состязаться с такими запряжными, как генерал Жоффр и динамичный Бриан, как английский премьер Асквит и знаменитый генерал лорд Китченер (представители Италии, Саландра и генералиссимус Кадорна, Бельгии, де-Броквиль и барон Баян, Сербии, королевич Александр и премьер Пашич, Японии, посол Матсуи, были на этой международной стратегически-дипломатической сцене на малых ролях). На этом Парижском совещании подтвердили решение франко-русско-англо-бельгийского военного совета в Шантильи (в предшествовавшем декабре), которое отвергло план генерала Алексеева. Решено было, что союзники и Россия одновременно поведут наступление на Германию, но не на Австро-Венгрию, которая французами признавалась величиной незначительной.

Генералу Алексееву пришлось разработать новый план операций 1916 г., план наступления на Берлин, а не на Будапешт. Можно думать, что генерал Алексеев скрепя сердце согласился на это. Пробыв полгода начальником штаба Юго-Западного фронта, он убедился, что австрийцев мы можем бить при всех обстоятельствах. Сменивши в начале 1915 г. заболевшего генерала Рузского на посту главнокомандующего Северо-Западным фронтом, генерал Алексеев убедился, как велик огневой перевес германских дивизий над русскими и как трудно нам поэтому одолеть немцев. Генерал Алексеев, надо думать, был уверен, что решения в Шантильи и в Париже лишают нас возможности одержать победу, может быть даже решительную, над австрийцами. Луцк-Черновицкая битва подтвердила правильность такой мысли.

Против наших Северного и Западного фронтов стояли 2 армии генерала Гинденбурга - от Рижского района до Немана - и 2 армии Леопольда Баварского - от Немана до Пинска; к югу от Полесья тянулся фронт эрцгерцога Иосифа-Фердинанда из 6 австро-венгерских армий, в которые - на севере и на юге - были вкраплены германские пехотные и конные дивизии. В общей сложности противник имел против нас 127 пехотных и 21 кавалерийскую дивизии. Нельзя не указать, что французы, англичане и бельгийцы притянули на себя всего лишь 83 дивизии пехоты и 1 кавалерийскую. Такое - за малыми изменениями - соотношение тяжестей на российском и французском театрах существовало на протяжении всей войны. Считая каждую дивизию - пешую или конную - оперативной единицей, получим, что враг имел на востоке 161 оперативную единицу, а на западе всего лишь 84.

Союзники наши считали это совершенно естественным. И с арифметической точки зрения это казалось естественным: у Царя 170 000 000 подданных, они и держат 1200 километров фронта от Балтики до границы Румынии (фронт на Кавказе не в счет), а 80 000 000 франко-англичан стоят на фронте в 600 километров от Ла-Манша до Швейцарии (350 000 000 внеевропейских подданных короля Великобритании и императора Индии не в счет). И тяжесть вра-

жеского войска, с точки зрения союзников, тоже распределена справедливо - 84 оперативные единицы (дивизии) на западе против 80 000 000 франко-англичан и 161 оперативная единица на востоке против 170 000 000 русских. Но мы, офицеры, считали это несправедливым и нечестным: «союзнички» держали свой фронт огнедышащими машинами-гаубицами, пушками, пулеметами, а мы его держали солдатскими телами, потому что крайне различен был наш и их промышленный и, следовательно, военно-промышленный потенциал.

Впрочем, насчет солдатских тел у «союзничков» было мнение, что их у нас большой избыток. Уже в самом начале войны Лондон обратился к Петербургу с просьбой присылать ежемесячно 40 000 русских солдат для усиления английской армии во Франции. Эта возмутительная просьба была повторяема и каждый раз отклоняема. А в конце 1915 г. Париж прислал в Петроград весьма высокопоставленное лицо - это был будущий президент республики Поль Думер - просить об отправке во Францию 40-тысячного корпуса, который бы символизировал военное единство Антанты (не была предложена присылка французских и английских полков в Россию тоже для символики). Государь согласился послать несколько бригад. Не без труда были завербованы фронтовые офицеры для формирования этих бригад: ни выплата жалованья золотом, ни возможность украситься французскими орденами, ни длительный отдых от боевой страды (сперва формирование бригад, а потом во Франции переучивание владению французским оружием) не соблазняли - таково было раздражение в офицерстве против бессовестных союзников.

Итак, наши 137 пехотных дивизий противостояли 127 пехотным и наши 24 кавалерийские - 21 конной. Некоторый перевес в количестве оперативных единиц не имел большого значения. Значение имело то, что вражеские дивизии были в огневом отношении сильнее наших - больше пулеметов и артиллерийских орудий. Поэтому можно утверждать, что не мы, а противник был сильнее нас на театре нашем, восточном.

Качеством возрожденного нашего войска мы могли быть довольны. Кавалерия и артиллерия, понесшие в 1914-1915 гг. сравнительно небольшие потери, были отличны. К качеству столько раз обескровленной пехоты нельзя было предъявлять требований, как к артиллерии и к кавалерийским дивизиям. В пехоте не все корпуса были равнокачественными. Были дивизии, которые удовлетворяли таким же высоким боевым требованиям, как и в начале похода 1914 г.; были дивизии, понесшие в боях такие потери, что невозможно было полностью восстановить их первоначальное качество; второочередные дивизии, вообще говоря, были несколько слабее качеством, нежели дивизии, существовавшие в мирное время; были, наконец, дивизии, густо наполненные ратниками ополчения, которые обычно не могли сравняться в воинских способностях с запасными солдатами или с новобранцами. Но - и это надо поставить в большую заслугу офицерам - за месяцы, когда война была в зимней спячке, они так подняли дух и дисциплину, что от тягостных психологических последствий катастрофы 1915 г. ничего не осталось. Войско возродилось организационно, возродилось и духовно и имело, по выражению Суворова, «на себя надежность». А «на себя надежность есть основание храбрости», - учил великий наш, стопобедный полководец.

На Северном фронте (генерал Куропаткин) стояли 12, 5 и 1-я армии из 13 армейских корпусов. На Западном фронте (генерал Эверт) - 2, 10, 4, 3-я армии в 23 армейских корпуса. На Юго-Западном фронте (генерал Брусилов) располагались 8, 11, 7 и 9-я армии из 19 армейских корпусов. Ставка резервов не имела.

Это были те фигуры, которые должен был расставить на шахматной доске стратегии генерал Алексеев, разрабатывая второй план кампании 1916 г., соответственно решению Общесо-

юзного военного совета. 1 марта в Ставке собрались главнокомандующие фронтами и их начальники штабов. Рассказы участников этого военного совета и офицеров Ставки, которые можно было прочесть или услышать после войны, рисуют такую картину совещания стратегов под председательством Императора.

Генерал Алексеев читает директиву, по которой 4-я армия генерала Рагозы наносит 28 или 29 мая мощный удар от Молодечно в направлении на Вильно; слева его поддержит 3-я армия (генерал Леш); одновременно с этим наступлением двух армий Западного фронта (генерала Эверта) произведет атаку и Северный фронт (генерала Куропаткина), действуя из района Двинска на Вильно. Это был новый вариант уже не раз намечавшегося «Южного похода на Берлин». Такая идея родилась (не знаю, где именно - в Ставке ли или во французской главной квартире) в начале осени 1914 г., когда гибель армии генерала Самсонова показала, как труден «Северный поход» через Восточную Пруссию. Под «Южным походом» понимали движение через Русскую Польшу на Торн, на Познань, на Берлин.

Генерал Куропаткин, только что (за две недели перед военным советом в Ставке) переживший кровавый неуспех атаки своими двумя армиями, был настроен весьма пессимистично и говорил, что прорыв германской фортификационной системы невозможен, пока нет мощной, многочисленной тяжелой и тяжелейшей артиллерии. Великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, доложил, что все еще не известно, когда англичане намерены выполнить свое обещание о доставке бомб для тяжелой артиллерии.

Генерал Эверт не только согласен был с Куропаткиным в крайне пессимистической оценке наших возможностей в позиционном воевании (по причине нехватки батарей тяжелых мортир и гаубичных), но глянул глубже в дело и высказал мнение, что нам - пока мы не довооружимся артиллерией всех типов и пулеметами и вообще всеми видами военной техники, необходимой для позиционного воевания, не следует вообще наступать. Зачем проливать кровь сотен тысяч солдат ради спасения Вердена, раз эти защитники Вердена не кинулись в 1915 г. спасать Осовец и Новогеоргиевск, Ивангород и наш Перемышль? Главнокомандующий фронтом занимает столь высокий пост в действующей армии и в государстве, что имеет право «свое суждение иметь» не только по вопросам оператики и стратегии, но и по проблемам дипломатической стратегии, а отношение союзников к воюющей России представляло сложнейшую, деликатнейшую и роковую для нашего Отечества проблему. Мы, строевые офицеры, мало зная, мало видя (не далек был наш горизонт), чувствовали все же, что союзнички - иначе как союзничками мы их не называли - эксплуатируют Российскую армию. В конце 1916 г. мы прямо говорили, что они решили воевать до последней капли русской крови. А в начале 1916 г. мы были полны негодования на тех горе-воителей, которые только в сентябре 1915 г. раскачались немного ударить по немцам у Арраса и в Шампани, а мы к тому времени уже потеряли Тарное, Львов, Станиславов, Варшаву, Ковно, Гродно... всего не перечесть.

Вопрос о пролитии крови был больным вопросом стратегии Великой войны. Англичане за первых 8 месяцев войны потеряли 139 347 человек, т.е. 17 500 в месяц, а мы в каждый из тех 8 месяцев теряли по 140 000 убитыми и ранеными. Забегая несколько вперед, можно дать такие цифры: серия Верденских битв, начавшаяся в феврале 1916-го и закончившаяся в октябре 1917 г., обошлась германцам в 600 000 убитых, а французам в 400 000; это значит, что Франция теряла по 20 000 солдат в месяц убитыми на протяжении этих 20 месяцев. Россия же на протяжении 31 месяца войны (до Февральской революции), теряла убитыми 50 000 воинов, потеряв в общей сложности 1 650 000 человек. А французский главнокомандующий генерал Жоффр имел дерзость сказать в декабре 1915 г. генералу Жилинскому: «Войну ведет только

одна Франция, остальные лишь просят у нее содействия».

Слова генерала Жоффра - это Франция легкомысленная, самовлюбленная, эгоистичная.

Слова генерала Эверта - это русское офицерство, спрашивающее себя в негодовании на французов и англичан: в военном союзе надо ли быть честным в отношении бесчестных союзников?

Ответом русской воинской чести на эти слова было повеление Верховного главнокомандующего: наступать.

Тогда генерал Брусилов, жаждавший, конечно, проявить себя в новой для него должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом, доложил, что вверенные ему войска будут считать себя оскорбленными, если им не дозволят участвовать в наступлении. Странно звучало это заявление: никогда армии не включают в сражение, чтобы не обидеть их неучастием - сражение не званый пир, банкет; включают же по оперативной потребности. По плану генерала Алексеева, такая потребность в отношении Юго-Западного фронта не возникала. Начальник штаба Верховного главнокомандующего дал это понять ответом, что генералу Брусилову не может быть дано в его подкрепление ни одного полка, ни одной батареи - все будет отдано ударным группам Западного и Северного фронтов. Генерал Брусилов отпарировал уверением, что он справится и без подкреплений, но при условии, чтобы наступления трех фронтов были одновременными. Так военный совет и порешил: Юго-Западный фронт произведет наступление демонстративного характера с целью не дать противостоящим вражеским армиям послать свои резервы для отражения атак Западного и Северного фронтов.

В тактике и оперативке существуют такие термины: лобовой удар, охват и обход. Лобовой удар - это прямая атака на противника с целью прорвать или опрокинуть его боевую линию. Если одно из крыльев нашего боевого развертывания наносит удар во фланг врага, то - это охват. Если одна из наших наступающих колонн нацелится на вражеский тыл, то такой маневр называется обходом.

Первый план генерала Алексеева был основан на изумительном замысле: нашей лобовой атакой прорвать неприятельскую линию к югу от Полесья и, идя на Будапешт, тем самым совершать глубокий обход вражеских сил к северу от Полесья; союзные войска Салоникского фронта прорывают там лобовой атакой линию неприятеля и, по занятии Будапешта, идут в глубокий обход вражеского фронта во Франции. Этот план большого стратега был отвергнут мелочными стратегами Запада (предлогом их несогласия была выставлена нехватка якобы тоннажа для доставки подкреплений в Салоники).

Брусиловское предложение давало возможность совершить красивый и победный маневр охвата: по прорыве линии противника у Луцка идти на Ковель и, обходя болотистое Полесье, двигаться на Брест-Литовск, охватывая таким образом германские силы, противостоящие Эверту. Но прорыв у Луцка надо было произвести не двумя, а двенадцатью армейскими корпусами, усиливши Брусилова за счет Куропаткина и Эверта. А дать Брусилову десяток корпусов значило бы ослабить силу того удара (пресловутый «Южный поход»), которого так желало Всесоюзное совещание.

Обход через Будапешт отвергнут, охват через Ковель был бы опротестован Парижем - остается лишь лобовой удар, то есть второй план генерала Алексеева с незначительной поправкой генерала Брусилова.

План генерала Брусилова

На военном совете в Могилеве, получив разрешение наступать войсками Юго-Западного фронта, генерал Брусилов стал излагать свою собственную теорию позиционного воевания. Все неудачи французов, англичан и немцев в попытках прорвать фортификационную полосу происходят, мол, от того, что ударяли они в одном пункте и противник сразу знал, куда надо притягивать резервы, притягивал их и затыкал дыру - получалась не дыра, а выщербина.

Это рассуждение противоречило нашему мартовскому опыту: мы атаковали в трех пунктах и в трех пунктах были отбиты подоспевшими вражескими резервами. Но есть люди, которые не позволяют фактам противоречить выдуманной этими людьми теории. «Факт не согласуется с теорией - тем хуже для факта».

«Я, - говорил генерал, - намерен атаковать во многих пунктах. Этим я собью противника с толку. Он не будет знать, куда направить резервы. Только такой способ действий может дать успех».

Участники военного совета возражали Брусилову. В литературе нет изложения этих возражений, но нетрудно догадаться, какие аргументы выдвигали наши серьезные, опытные главнокомандующие и их начальники штабов, возражая на легкомысленные рассуждения Брусилова.

Опыт позиционных сражений показал, что атакующие дивизии сгорают в огне жестокого боя, как солома в костре. Дивизии первой линии могут овладеть только первой фортификационной полосой. Для штурма второй полосы надо кинуть дивизии из резерва. И эти сгорят, и потребуются еще и еще дивизии, чтобы не затухал костер. Показательно в этом отношении было сражение у Арраса, начавшееся 17-30 сентября 1915 г. Англичане атаковали на фронте в 7 километров, а французы на участке в 16 километров, израсходовали 3 миллиона снарядов и продвинулись вперед: «томми» на 3 километра, а «пуалю» на глубину от 1,5 до 4 километров. В сражении приняло участие шестьдесят дивизий. Сперва израсходовали дивизии первой линии, потом сожгли дивизии приготовленного резерва, затем стали потрепанные дивизии ставить на пассивные участки фронта, а смененные ими свежие войска бросали в сражение у Арраса. На боевом участке могли развернуться не более 8 дивизий, а 52 дивизии вступили в дело в течение сражения, чтобы оно не заглохло. И все-таки заглохло с единственным результатом - 25 000 пленных (пленных немцев было так много потому, что германское командование еще не поняло, что в передовом окопе надо держать лишь сторожевое охранение, а обороняться надо ротами и батальонами, стоящими в глубине позиционной полосы; при густой заселенности переднего окопа солдаты там оказываются во время вражеского наступления под крышкой из вражеских снарядов и не могут ни обороняться, ни отступить и попадают - кто уцелел - в плен).

Генералу Брусилову, вероятно, возразили на военном совете простой арифметикой: если вы имеете для наступления 20 дивизий, то, ударяя в одном пункте, развернете в первой линии 4 дивизии, а за ними будете держать 16 дивизий для замены ими сгоревших в бою; но если вы будете атаковать в 5 пунктах и в каждом развернете, скажем, по 2 дивизии, то каждая такая ударная группа будет иметь резерв только в 2 дивизии и бой ваш заглохнет через несколько часов после начала штурма. Но Брусилов помнит, как он атаковал на Гнилой Липе (16-17 августа 1914 г.) и в Карпатах (в январе 1915 г.) без резервов и имел успех. На основании этих успехов в непозиционном воевании он строит свою теорию позиционного воевания, и военному совету не удалось убедить его в ошибочности его оперативного плана.

Против Юго-Западного фронта стояли войска эрцгерцога Иосифа-Фердинанда: армии генералов Линзингена, Ботмера, Бем-Эрмоли, Пфланцер-Балтина и других силою в 45 пехотных и 7 кавалерийских дивизий (в числе тех и других были и германские). По описанию генерала Брусилова (его «Воспоминания»), вражеская фортификационная система состояла из трех укрепленных полос - каждая последующая в 3-5 километрах позади предыдущей; в каждой полосе не меньше трех линий окопов, отстоящих одна от другой на 150-300 шагов. Перед каждой линией траншей лежали проволочные заграждения - до 21 ряда кольев, т.е. до 21 забора из колючей проволоки; местами было несколько таких проволочных полос, устроенных одна за другой шагах в 20-50; на некоторых участках проволока была такой толщины, что ее нельзя было разрезать специальными ножницами; местами по проволоке был пущен электрический ток. Были участки, защищенные еще и рядами закопанных в землю мин-фугасов. Это описание относится к максимально оборудованным секторам неприятельского фронта; в северной его половине они были оборудованы почти так, как описывает Брусилов; в южной половине - несколько слабее. Во всяком случае, вся линия вражеского фронта была укреплена по правилам позиционной войны и для прорыва ее надо было приложить усилия многочисленных артиллерии и пехоты. Этой многочисленности на Юго-Западном фронте не было. А Брусилов, во власти своей теории, раздробил те силы, которые были в его распоряжении.

Правофланговой армии - 8-й, генерала Каледина, он приказал атаковать двумя ударными группами. Главный удар наносит Сарненская группа из XLVI армейского, IV и V Кавалерийских корпусов; действуя в направлении Сарны-Ковель, она должна прорваться к Ковелю. В резерве I пехотная дивизия.

Вспомогательный удар наносит Ровненская группа 8-й армии, составленная из XL и VIII армейских корпусов; ее задача: наступлением на Ковель взять в клещи вражеские войска, расположенные между оперативными направлениями обеих групп 8-й армии[6]. Резерв составляла I кавалерийская дивизия.

Влево от 8-й армии стоявшая 11-я армия генерала Сахарова[7] будет в готовности к наступлению, но в первой фазе битвы ограничивается лишь усилением артиллерийского огня.

Далее к югу стояла 7-я армия под командою генерала Щербачева. Ее XVI и II армейские корпуса с I Кавалерийским корпусом будут наступать на Бучач и далее на Львов, имея в резерве I конную дивизию[8].

Левофланговая армия генерала Лечицкого (9-я) получила задание атаковать в пространстве между реками Прут и Днестр в направлении Черновицы и на Коломею, что предстояло выполнить XI, XII армейским и III Кавалерийскому корпусам[9]. Резервом служила конная дивизия.

Образованы были ударные группы так: пассивные корпуса растянули свои участки фронта, а в пунктах удара сконденсировались корпуса, предназначенные для атаки. Сила четырех атакующих масс равнялась 7 армейским и 4 Кавалерийским корпусам, позади которых стояли I пехотная и 3 конные дивизии.

Сказано: «победителей не судят», но нигде не сказано, что победителей не критикуют, а потому позволительно сделать несколько критических замечаний об этом оперативном плане ге-

---

6 8-ю армию составляли корпуса (перечисляем в том порядке, в каком они стояли на линии фронта, начиная от правого фланга к левому): XXIV армейский, IV Кавалерийский, XLVI арм., V Кав., XXX арм., XLIX арм., XL арм., VIII арм. Итого 6 армейских и 2 кавалерийских корпуса.

7 Ее состав: XXXII, XVII, VII, VI, XVIII армейские корпуса; в резерве армии I конная бригада.

8 В армию входили корпуса: XXII арм., XVI арм., I Кав., II арм.

9 XXXIII, XLI, XI и XII армейские корпуса и III Кавалерийский корпус составляли 9-ю армию.

нерала Брусилова.

Прорыв фортификационной системы - дело артиллерийско-пехотное; коннице, неогневому роду войск, тут делать нечего. Ее можно приберечь для завершения битвы, когда пехота прорвется через всю фортификационную систему противника. Брусилов же забывал всю войну, что он общевойсковой (генеральный) полководец, и думал, как и в бытность свою корнетом, кавалерийским образом. Это - отличный образ военных мыслей, но для главнокомандующего фронтом он не годится. Если в Черновицком сражении конница атаковала неприступные окопы, то это не значит, что план Брусилова был хорош - хороша была, изумительно хороша была конница.

Нельзя также не удивиться постановкой конных дивизий в резерв Ровненской группы 8-й армии и ударных групп 7-й и 9-й армий. Их немыслимо было применить для поддержки атакующей пехоты, потому что коню не пройти в лабиринте траншей и ходов сообщения да еще под напряженнейшим вражеским огнем. А если употребить эти конные дивизии в спешенном виде, то их огневая и ударная сила будет так незначительна, что в позиционном сражении роли большой не сыграет.

Лишь Сарненская группа 8-й армии имела в резерве одну пехотную дивизию - можно ли было считать это достаточным подкреплением для сгорающих в огне боя дивизий первой линии?

В сражении у Арраса 8 дивизий для удара и 52 в резерве, а в сражениях у Луцка и Черновиц 15 пехотных и 8 конных дивизий для удара, а в резерве 1 пехотная и 3 конные дивизии. Такой план битвы не сулил успеха, а победа была достигнута

неописуемой доблестью войск, несмотря на абсурдность брусиловского плана.

Еще одно замечание: для удара (атакующие соединения и резерв) было назначено 16 пехотных дивизий, т.е. 42% всей пехоты на Юго-Западном фронте. По понятиям позиционного воевания, это чрезвычайно высокий процент (на французском театре процент не превышал 10-15 в начальный момент сражения). Но эту внушительную массу - 16 дивизий пехоты - главнокомандующий раздробил на 4 ударные группы. Силу свою расплескал на пространстве в 400 километров. Сделал, чтобы не победить, а победил. Победил потому, что был удачлив в военных предприятиях, и потому, что войска его были годны для самых невероятных, невозможных военных предприятий. Войска эти, герои Луцк-Черновицкой битвы, заставляют усомниться в правильности изречения: и для героев есть невозможное.

В штабе Юго-Западного фронта, расположенном в Житомире, советниками и помощниками главнокомандующего были генералы: Клембовский, начальник штаба, Дидерихс, генерал-квартирмейстер (ведавший оперативным руководством), Марвин, начальник снабжения, и Величко, военный инженер.

Штаб позаботился о сокрытии от шпионских взоров сути предстоявших операций. В войска было пущено дезинформирующее объяснение предписанных наступательных приготовлений: ожидается большое германское наступление к северу от Полесья, а потому Юго-Западный фронт должен быть готов к нанесению удара, чтобы выручить генерала Эверта. Для введения противника в заблуждение было приказано всем без исключения корпусам окопными работами превратить свою позицию в плацдарм для атаки, всем корпусам было сказано, что они будут наступать. Надо делать вид, что ударим в 20 пунктах, говорил Брусилов своим командующим армиями.

Немалое значение имели те указания, которые рассылал войскам штаб фронта в дополнение к «Наставлению для борьбы за укрепленные полосы». Мы, строевые офицеры, с антипа-

тией отнеслись к этому «Наставлению», к «французской моде». А указания штаба фронта, что неудача мартовского наступления имела причиной пренебрежение к «Наставлению», заставили нас отнестись очень серьезно к правилам позиционной тактики. Так, артиллеристам было указано, что в марте батареям ставили задачу: столько-то часов стрелять по такой-то цели, но конкретного задания не давали; снаряды просто разделили по числу батарей, не считаясь с важностью целей, порученных той или иной батарее; командиры батарей вели ураганный огонь, когда надо было подготовлять атаку, стрелять методически; не было предусмотрено перемещение артиллерии вперед вслед за продвинувшейся пехотой. Словом, было много ошибок, но главнейшей оказалась та, что руководство артиллерийским боем поручали артиллеристу, старшему в чине, а не способнейшему. В германском войске таким способнейшим оказался полковник Брухмюллер, гениальный организатор системы артиллерийских огней перед прорывом и во время штурма позиции (его в шутку прозвали Дурхбрухмюллером - от слова «дурхбрух», означающего «прорыв»), У нас таким гением на Юго-Западном фронте был подполковник Кирей, которому было поручено проверить правильность артиллерийских планов во всех четырех ударных группах.

Навсегда, вероятно, останется тайной, как мог генерал Клембовский, рассылавший в войска такие ценные и правильные руководящие указания в связи с подготовкой ударных групп к наступлению, как мог он согласиться с планом генерала Брусилова, который хочется назвать невежественным[10] уже потому, что главнокомандующий, располагая 13 кавалерийскими дивизиями, все 13 включает в ударные группы для атаки мощной и глубокой фортификационной системы, непосильной, может быть, и для пехоты.

* * *

Генерал Брусилов знал, что Ставка прикажет начать наступление 28 или 29 мая. Для противника же - через шпионов - он приказал закончить к 19 мая все приготовления: окопные и дорожные работы, пристрелку батарей и т.д. Но случилось непредвиденное. Генерал Конрад-фон-Гетцендорф повел из Южного Тироля наступление на итальянцев, сбросил их с гор в долину реки По и, тесня темпераментно бегущих барсальери и прочих горе-воинов, шел к окончательному разгрому войска Италии. Париж послал несколько дивизий, чтобы подпереть итальянцев, и, конечно, обратился к Ставке с настойчивейшей просьбой немедленно ударить на врага, чтобы спасти Италию. И, конечно, Ставка сочла себя обязанной спасать худосочного союзника.

Приготовления Западного и Северного фронтов к битве еще не были закончены, а к тому же было логичнее бить не по германцам, а по австрийцам, чтобы австрийцев заставить перебросить часть своих войск с итальянского театра войны на русский. 20 мая главнокомандующий Юго-Западным фронтом получает приказ начать наступление 22-го числа. Было бы трудно предпринять операции на 6 дней раньше предполагавшегося срока, если бы генерал Брусилов благоразумно не приказал армиям быть готовыми к 19-20 мая. Но все же создавалась непредвиденная и для Юго-Западного фронта весьма неблагоприятная обстановка. На вопрос, будут ли одновременно наступать и прочие фронты, как было договорено на военном совете в Могилеве, генерал Алексеев с некоторой уклончивостью ответил, что Эверт будет готов к 28 мая, а что до того дня Брусилову придется наступать одному и самостоятельно. Выполнение

---

10 Критика распоряжений генерала Брусилова не имеет решительно ничего общего с политикой (с оценкой поведения этого генерала после революции) и делается исключительно с точки зрения военного искусства.

самостоятельной задачи не входило в расчеты Брусилова - он ведь на военном совете пожелал участвовать в битве как второстепенный, подсобный участник.

В Великую войну не было ни Суворовых, ни Наполеонов, ни фон-Мольтке (победителя австрийцев и французов), дерзавших атаковать превосходящие силы противника. В Великую войну повелось - почти как правило - нападать, имея хотя бы небольшое превосходство в силах. На Юго-Западном же фронте не мы, а противник имел численный перевес: у него 45 пехотных дивизий, а у нас всего лишь 38. При совместном наступлении трех наших фронтов это могло не иметь значения, но если Куропаткин и Эверт будут продолжать копать и копаться, - думали в Житомирском штабе, - то против Брусилова появятся не только австрийские дивизии из Италии, но и германские из-за Полесья, присланные на помощь Иосифу-Фердинанду.

Но приказ Верховного главнокомандующего был категоричен, и генерал Брусилов был вынужден рискнуть на самостоятельное наступление. Командующие 8-й и 9-й армиями получили распоряжение: вступить в бой 22 мая (у Каледина - только Ровенская ударная группа). Прочим ударным группам быть в боевой готовности.

Брусилова ждала еще одна неожиданность. В ночь на 21-е число (пишет он в своих «Воспоминаниях») его вызвал к прямому проводу генерал Алексеев и передал ему повеление Царя вести наступление не на четырех участках, а на одном, всеми предназначенными для операций силами. Взволнованный Брусилов ответил: доложите Государю, что я не могу в 24 часа сделать перегруппировку корпусов и армий. Алексеев ответил: Его Величество спит; доложу завтра. Это был очень дипломатичный ответ: завтра Верховный главнокомандующий увидит, что остается мало времени для перестроения всего фронта - фронт не рота.

На том и осталось: 22 мая начинают наступление Ровненская группа генерала Каледина и армия генерала Лечицкого, чтобы отвлечь на себя резервы врага; затем генерал Щербачев подопрет 9-ю армию и, наконец, пехота Сарненской группы 8-й армии откроет дорогу двум кавалерийским корпусам, которые прорвутся к Ковелю... Так представлял себе ход битвы генерал Брусилов.

Генерал Брусилов

Известно, что генерал Алексеев, приступив к формированию Добровольческой армии, обратился к генералу Брусилову с просьбой слать в эту армию офицеров с севера. Брусилов обещал, но обещания не исполнил, потому что он ушел во время Гражданской войны в нейтральность, не ставши в строй белых, но и не заразившись совкарьеризмом от зигзагопогонных подло-авантюристов, как Гутор, Бонч-Бруевич и другие.

Общеизвестно, что он вышел из этой нейтральности в 1920 г. и помог походу Тухачевского на Варшаву тем, что, по предложению или по приказанию Кремля, обратился с воззванием к офицерам на ленинской территории, приглашая их вступать в Красную армию для борьбы с внешним врагом. Этим он положил основание тому совпатриотизму, который возник на Родине нашей в 1942 г. и который расцвел в зарубежье в 1944-1946 гг. В противоположность презренным совкарьеристам, совпатриоты заслуживают скорее сожаления, чем осуждения: в совпатриотизме есть любовь к Родине, наивная вера в эволюцию коммунистической власти и затем трагическое разочарование, горестное сознание своей ошибки.

Зарубежье возненавидело Брусилова за его совпатриотизм и не хочет слышать о его полководческих заслугах. Но припоминается такой эпизод из «1793 года» Виктора Гюго: матрос плохо закрепил пушку на батарейной палубе и орудие стало во время качки метаться, грозя

пробить борты корабля, но матрос, с опасностью для жизни, принайтовал пушку; за смелость ему дали медаль, за небрежность - виселицу. За совпатриотизм можно Брусилова осуждать, но его полководческие заслуги должно признавать.

Впрочем, заслуги Брусилова-полководца не велики.

* * *

Отцом генерала Брусилова был генерал, в возрасте 68 лет женившийся на девушке на 45 лет его моложе и приживший с нею нескольких детей, в том числе и будущего полководца. Последний родился 19-VII-1853 г. и, как сын генерала, был, подросши, принят в Пажеский корпус. По окончании в нем курса в 1872 г. он вышел в 15-й драгунский Тверской полк, стоявший на Кавказе, и в составе этого полка принял участие в войне против турок 1877-1878 гг. Наскучив службой в Богом забытых кавказских гарнизонах, он добился перевода его в постоянный состав Офицерской кавалерийской школы (в Санкт-Петербурге), где с увлечением занялся преподаванием тонкостей верховой езды кавалерийским офицерам, командируемым в школу для усовершенствования их тактического и строевого образования. Состоя в школе, Брусилов был зачислен лейб-гвардии в Конно-гренадерский[11] полк. Успехи Брусилова в школе и состояние в гвардии дали ему возможность сделать блестящую карьеру, потому что он стал любимцем великого князя Николая Николаевича, будущего Верховного главнокомандующего. С его помощью Брусилов становится начальником Офицерской кавалерийской школы, а затем начальником 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. В 1908 г. он получает пост командующего XIV армейским корпусом со стоянкой в Люблине. Корпусом он командовал недолго: был скоро - к общему в офицерской среде удивлению - назначен помощником главнокомандующего Варшавским военным округом и предназначен, на случай войны, к командованию 2-й армией, той армией, которая в августе 1914 г. погибла в Восточной Пруссии вместе со своим командующим генералом Самсоновым. Такой трагической участи Брусилов не подвергся, так как не вступил в командование 2-й армией: он перессорился в Варшаве со всеми чинами штаба округа и был переведен в Киевский военный округ, где получил в командование XII армейский корпус. Счастье всегда сопутствовало Брусилову. Обладать счастьем - необходимое условие, чтобы стать полководцем-победителем. Брусилов стал им.

В Генеральном штабе очень косо смотрели на выдвижение генерала, не имевшего, во-первых, высшего военного образования и, во-вторых, не получившего строевой командной основы, какая создается при командовании полком: Брусилов сразу от теории (но не практики) тактики в Офицерской школе и от кратковременной тактической практики во 2-й дивизии конной гвардии вскочил в оператику. Его презрительно называли берейтором и были правы: берейтором был в манеже школы, берейтором остался на войне, предводительствуя армией, а затем фронтом.

Книга воспоминаний Брусилова и исторический роман о Брусилове советского писателя Юрия Слезкина рисуют духовный облик этого баловня судьбы.

Он умел быть благодарным за сделанное ему добро: своего благодетеля, великого князя Николая Николаевича, в книге своей превозносит до небес (а это было нелегко сделать - ведь книгу редактировали и цензурировали коммунисты, которым Николай Николаевич весьма одиозен).

Он умел ценить заслугу людей, с которыми соприкасался. Данные им в воспоминаниях ха-

11 Характерно-традиционный порядок слов применительно к гвардейским частям

рактеристики генералов Ломновского (драгоценного для него начальника штаба 8-й армии в бытность Брусилова командующим этой армией), Деникина (хотя он и возглавитель белых), Драгомирова Владимира, Ханжина до мелочей совпадают с мнением о них подчиненных им офицеров VIII армейского корпуса, 8-й армии.

Но под влиянием личных симпатий и антипатий Брусилов бывал несправедлив, необъективен до безобразия. Ему нравился генерал Орлов, профессор Военной академии, «прославившийся» в бою у Янтайских копей в Маньчжурии, где он и его дивизия так резво бежали от врага, что их прозвали «Орловскими рысаками». Осенью 1914 г. он командовал нашим VIII армейским корпусом, и мы его ненавидели за то, что он стеснялся бывать под огнем; Брусилов же пишет о нем, что его войска не любили потому, что он давал мало наград. А в декабре 1914 г. Орлов трусом бежал в тыл, его корпус был окружен, и мы едва пробились. Орлова отрешили от командования, а Брусилов вины в Орлове не видит и считает его лишь незадачливым. Таким благосклонным бывал Брусилов, но умел он и люто ненавидеть. Ненавидит он генерала Корнилова и обвиняет его в неисполнении боевых приказов и в том, что очертя голову лезет со своей дивизией вперед и потом несет большие потери (впрочем, Брусилов признает, что дивизия любила Корнилова). Можно было бы подумать, что ненависть к Корнилову вписана в «Воспоминания» Брусилова коммунистическими редакторами, но они разрешили Брусилову сказать о другом белом генерале, Алексееве, что он умен, что он сообразительный стратег (дано еще и третье определение: слабовольный). Таким образом, не в политической установке Брусилова-мемуариста или редакторов его мемуаров надо искать причины ненависти Брусилова к Корнилову. Нетрудно их найти: Брусилов пишет, что Корнилов, ставши в 1917 г. командующим 8-й армией, интриговал против главнокомандующего фронтом генерала Гутора, которого свалил и сел на его место, а сделавшись главнокомандующим фронтом, принялся интриговать против Верховного главнокомандующего, генерала Брусилова, и тоже, сваливши его, занял его должность. Мысль об этих воображаемых интригах мешает Брусилову судить объективно о таком крупном военачальнике, как генерал Корнилов.

Брусилов всюду видит интриги против него. Генерал Иванов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом в 1914-1915 гг., человек, по мнению Брусилова, преданный военному делу, но узкий, мелочный, бестолковый, чрезвычайно самолюбивый, чинил якобы всяческие препятствия Брусилову, как командующему 8-й армией: например, не подбрасывает в 1914 г. два-три корпуса для усиления его, Брусилова, армии (Брусилов не понимает, что на войне всегда недостает этих «двух-трех корпусов»); неполучение в 1915 г. подкреплений считает злым против него умыслом и едет крупно объясняться в штаб генерала Иванова. В 1915 г. ему «нарочно не давали» артиллерийских снарядов («Я не верил, что нет снарядов», - пишет он в «Воспоминаниях»); в том же году якобы нарочно присоединили к его армейскому участку крепость Перемышль - защитить ее было немыслимо, а поэтому на верхах кому-то хотелось, чтобы позор сдачи врагу Перемышля лег на 8-ю армию и на него, Брусилова. В 1916 г. Государь и генерал Алексеев якобы умышленно не подкрепляют резервами Юго-Западный фронт: «Пусть Брусилов сам выкручивается», - злорадно думала Ставка, по убеждению Брусилова; а генерал Эверт (Западный фронт) умышленно не переходил в наступление, которое облегчило бы положение Юго-Западного фронта и увеличило бы размер Брусиловской победы. Эверт, видите ли, «не хотел наступать, чтобы не работать во славу Брусилова» (цитирую это чудовищное обвинение из «Воспоминаний» Брусилова).

В злобе на Эверта Брусилов пересылает ему якобы полученные в штабе Юго-Западного фронта анонимные письма, в которых кто-то неизвестный обвинял Эверта в государственной

измене. И после этого Брусилов удивляется, что высший генералитет относился к нему без симпатии.

Брусилов чрезвычайно обидчив, обидчиво и его честолюбие. После взятия Львова в 1914 г. Ставкою была объявлена благодарность «доблестным войскам 3-й армии и войскам 8-й армии». Брусилов вознегодовал: почему его армия не названа доблестною? Мы, офицеры 8-й армии, были огорчены, что нас, нашу армию, не назвали доблестною, но мы тогда не знали причину этого, а Брусилов знал: в то время как 10 дивизий 3-й армии дрались и разгромили 8 австро-венгерских дивизий, 8-я армия из 8 дивизий вела легкие бои против 5 всего лишь дивизий врага (в число этих пяти входили ландштурменные и даже маршевые формирования); это значит, что 8-я армия совершала поход ко Львову, опрокидывая слабые вражеские заслоны, а 3-я армия сражалась с сильным противником, за обладание Львовом, почему и была названа доблестной. По этому же поводу Брусилов обиделся и в другой, раз, обиделся на Государя: в начале 1915 г. Царь посетил 8-ю армию и наградил Брусилова генерал-адъютантством «в память Моего пребывания в вашей армии», а Брусилов считал, что ему эту награду следовало дать за победы Львовскую и другие. Этой обиды он не простил Императору.

В 8-й армии не любили Брусилова. В 1914 г. он гнал свои корпуса, дивизии вперед, не жалея сил людей, не разрешая дневок для отдыха, не считаясь с тем, что обозы отстали и солдаты остаются без хлеба и мяса. А в 1915 г., когда войска его армии были уже у предела сил человеческих и на грани полного их уничтожения мощной артиллерией Макензена, он отдает приказ: «Пора остановить и посчитаться с врагом, как следует, и совершенно забыть жалкие слова о превосходстве врага и об отсутствии у нас снарядов». Мы вознегодовали: «посчитаться, как следует» было равносильно требованию самоубийства армии - настолько силы врага превосходили наши; а отсутствие артиллерийских снарядов - это не «жалкие слова», а трагично-жалкий факт, и отрицать его значило издеваться над войсками, принужденными без выстрела - нечем было стрелять пехоте и артиллерии - ждать под барабанным вражеским огнем момента, когда можно будет этому врагу показать, что значит «русский штык удалый».

Такие приказы не способствовали популярности Брусилова в войсках, но они были полезны для самого Брусилова: в высших сферах восхищались полководческой волей этого генерала и выдвинули его в главнокомандующие и (при Временном правительстве) в Верховного. Силой воли Брусилов обладал. Он, не колеблясь, отчислял от командования генералов, провалившихся на боевом экзамене. Отчислил начальников 2-й Сводно-казачьей и 12-й Пехотной дивизий, и начальника штаба XXXIII армейского корпуса, и командира IX корпуса. Очень хотел отчислить командовавшего гвардией генерала Безобразова, но не в его власти было отчислять гвардейского генерала (немного спустя Царь отчислил Безобразова, погубившего гвардейские дивизии на Стоходе).

Будучи офицером волевым и энергичным, Брусилов умел заражать своей энергией подчиненных - свойство очень ценное в полководце - и умел сам, так сказать, впрягаться в ту оперативную идею, которая его одушевляла: решив прорваться к Ковелю в начале июня 1916 г., он, вопреки стихиям боевой реальности и вопреки оперативной логике, пытался прорваться на протяжении всего лета. В оперативной логике он не был силен, потому что, ставши генералом от кавалерии, остался корнетом, которому дорог лозунг конницы: «Скачи, лети стрелой». В дипломатическом ли мозгу Сазонова, министра иностранных дел, в кавалерийском ли мозгу Николая Николаевича (но не в артиллерийском мозгу генерала Иванова) или в корнетском мозгу генерала Брусилова возникла в самом начале весны 1915 г. мысль совершить 8-й армией Юго-Западного фронта пехотный набег на Венгрию: если русские полки с Карпатских вершин

спустятся в долину Тиссы, в венгерскую житницу, то, мол, утомленная войной Венгрия отложится от Австрии и попросит мира. Брусилов отдал приказ для Венгерского похода, распорядившись, чтобы каждая батарея - вследствие катастрофической нехватки огнеприпасов - шла в составе из двух орудий; это значило, что каждой русской дивизии в этом походе предстояло, имея всего-навсего 12 пушек, драться против венгерских дивизий с полусотней орудий каждая. Удар Макензена по 3-й армии помешал Венгерскому походу 8-й армии: она спустилась с Карпатского хребта, но не на запад, в Венгрию, а на восток, в Галицию. Вскоре после этого, отступив к Перемышлю, генерал Брусилов приказывает своему штабу разработать план контрнаступления от этой крепости в западном направлении, не считаясь с тем, что его армия бесснарядна, беспатронна и малолюдна - опять авантюра.

Трудно провести границу между оперативной энергией полководца и оперативным авантюризмом, но не будет, вероятно, ошибкой сказать, что в воевании Брусилова часто преобладал авантюризм. Полководческий авантюризм обычно бывает сросшимся с честолюбием. Честолюбие полководца не греховно и не преступно - большинство знаменитых военачальников было честолюбиво, и оправданием тому служит афоризм: кто не честолюбив, тот не любит трудного пути, который ведет к почестям. Но должна быть мера в честолюбии. Брусилов не всегда умерял свое честолюбие. Он в своих «Воспоминаниях» утверждает, что остановил Макензена на Западном Буге, а в действительности Макензен, дойдя победно до Буга, повернул на север, направляясь на Польшу; Брусилову не удалось прорваться к Ковелю, а он винит в этом ни в чем не повинного генерала Каледина. Уже упомянутый (во Введении) полковник Сергеевский пишет о таком факте: в сентябре 1915 г. «генерал Брусилов, тогда Командующий 8-й армией, донес Государю Императору, что он отрешает от должности командира XL армейского корпуса за такие-то и такие-то действия, поставившие корпус в катастрофическое положение. Между тем эти действия предписаны были им самим, и даже когда командир корпуса доложил о крайней рискованности предписанного, то Брусилов повторно и детально повторил свой приказ. Отрешенный командир корпуса послал жалобу Главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу Иванову... главнокомандующий признал жалобу правильной и объявил генералу Брусилову выговор».

Заканчивая на этом словесный портрет Брусилова, видим, что он как человек - неуживчив, обидчив, мнителен к интригам, не объективен. Как офицер был карьеристом, позером, плохим товарищем (заслуги - себе, промахи - другим), обладал твердой волей для отстаивания своего мнения и для жертвования в бою солдатами. Как полководец он, не имея под собой основательной базы военного знания, не был разборчив в выборе оперативной идеи и не жалел на походе пота солдат, а в бою - их крови. Но он был любимцем военного счастья, а потому был победителем.

Счастье было ему благосклонно и в карьере, и в воевании. Он был из Варшавского военного округа переведен для командования корпусом в Киевский военный округ как раз тогда, когда при пересмотре мобилизационного плана было осознано, что формируемая (в случае войны) Киевским округом 3-я армия слишком перегружена корпусами и что поэтому ее надо разделить на две армии - 3-ю и 8-ю; запланировавши создание 8-й армии, предназначили, в обход старших в округе генералов, Брусилова в командующие этой армией (можно думать, что его кандидатуру поддерживал великий князь Николай Николаевич).

Первые оперативные шаги генерала Брусилова - во время Галицийской битвы - были ошибочно направлены. Он вышел в поход, будучи уверен, что его 8-я армия столкнется со 2-й австрийской армией, которая, по данным шпионажа, развернется на Днестре. Армия же эта ока-

залась на Дунае, чтобы напасть на Сербию; когда же в России объявили мобилизацию, Вена стала перевозить свою 2-ю армию не на Днестр, а к Перемышлю, к реке Сан. Брусилов же продолжал опасаться, что 2-я армия ударит, перейдя Днестр, в его левый фланг. Поэтому он боялся оторваться от Днестра и идти на Львов (как требовал генерал Иванов), а продолжал терять время на опрокидывание слабых вражеских заслонов, вместо того чтобы брать Львов. Счастливчик Брусилов на этих ошибках поднялся на вершину славы. Но взятие Перемышля - заслуга Брусилова. Зимою 1914-1915 гг. он так упорно отбивал в Карпатах бешеные атаки австро-венгерских войск, стремившихся деблокировать Перемышль, что принудил генерала Кусманека, перемышленского коменданта, потерять веру в помощь из-за Карпат и сдать крепость блокадной армии генерала Селиванова.

Во время нашего катастрофического отступления 1915 г. Брусилов, с одной стороны, проявляет великолепное упорство в оборонительной оператике, но, с другой стороны, не умеет охватить мыслью, пониманием всю совокупность оперативной обстановки: ему кажется, что враг нападает главным образом на его армию, что его, Брусилова, потребности - важнейшие, что главнокомандующий и Верховный главнокомандующий обязаны в первую очередь его подкрепить двумя-тремя корпусами.

В зиму 1915-1916 гг. вся действующая армия от генерала Алексеева в Ставке до командиров взводов 16-й роты 300-го пехотного полка изучала новую тактику - тактику позиционного воевания, тактику огневого боя, в котором артиллерия играет главную роль. Вероятно, и генерал Брусилов изучал эту новую премудрость - во всяком случае из его штаба исходили весьма толковые инструкции об атаке укрепленных полос. Но «берейтор» остался при своей вере в победоносную конницу и при своем кавалерийском пренебрежении к огню, к артиллерии. Корнет и ротмистр должны доверять сабле, полковник и генерал кавалерийские могут мечтать о «шоке», т.е. о столкновении их конного строя с вражеским конным строем, но главнокомандующий фронтом, составленным главным образом из пехоты и артиллерии, должен думать по-пехотному и по-артиллерийски, а не по-кавалерийски. Брусилов же думал как конник, и это была ошибка, из-за которой Луцк-Черновицкая победа оказалась разительной, но решительной, завершающей войну не стала.

В древности городские стены не прошибали головами воинов, но разбивали их таранам. В 1916 г. и устав и сознание генералов и офицеров говорили, что от артиллерийского удара падают укрепленные позиции; если же их атаковать без мощной артиллерии, то не позиции падают, а воины, посланные на убой. Брусилов часто посылал своих солдат не в бой, а на убой. Этот упрек был убийственным, если бы только один Брусилов его заслужил, но этот упрек в каждой войне делали многим полководцам, потому что в сложной обстановке сражения бывает трудно определить, где проходит граница между боем и убоем.

Брусилов, при всех своих непривлекательных особенностях, имел ценнейшее для полководца дарование: он верил в свое полководческое счастье и военное счастье было к нему благосклонно, более благосклонно, чем к иным генералам, более умным, более знающим, более вдумывающимся в свои боевые планы. Не родись богатым, а родись счастливым - говорит пословица. Не родись мудрым, как, скажем, Куропаткин, а родись счастливым. Брусилов родился счастливым.

Велика его заслуга, что он на военном совете добился разрешения атаковать Юго-Западным фронтом. Останься главнокомандующим генерал Иванов, не было бы Луцк-Черновицкой битвы, не было бы Луцк-Черновицкой победы.

Победу эту одержали предельно доблестные войска генерала Брусилова, и поэтому Бруси-

лов войдет славным в русскую военную историю, хотя его наступление было «Брусиловским-наоборот»: разыгралось оно противоположно замыслу Брусилова.

Сражения у Луцка и Черновиц

На рассвете 22 мая/4 июня 1916 г. многомесячную дремоту боевой линии нарушил залп всех наших батарей на 19 штурмовых плацдармах, выкопанных по приказанию генерала Брусилова всеми его 19 армейскими корпусами. За залпом последовал ураганный огонь по вражеской позиции. Так началась Луцк-Черновицкая битва, которая закончилась лишь в октябре месяце, в которой приняло участие 7 миллионов воинов, которая обошлась обеим сторонам в 4 миллиона человек - убитых, раненых, попавших в плен. Гудело и громыхало на фронте в 400 километров в то майское утро, солнце которого осветило и рвущихся в бой русских, и встревоженных австро-венгро-германцев на Юго-Западном фронте.

Битва состоит из сражений, сражения из боев. Луцк-Черновицкая битва состояла из несчетного количества боев, которые вели дивизии и корпуса, и из нескольких сражений, возникавших последовательно или одновременно, как Луцкое сражение 22-25 мая 8-й армии и Черновицкое сражение 22-28 мая 9-й армии.

Армейские корпуса, симулировавшие артиллерийскую подготовку атаки, не могли развить интенсивного огня, потому что часть их артиллерии была передана корпусам, действительно предназначенным к атаке. Но эта повсеместная канонада, как и предшествовавшее ей многонедельное повсеместное рытье плацдармов, ввело противника в заблуждение: такое множество признаков предстоящей атаки лишает возможности догадаться, где будет атака; такое множество признаков атаки может привести к заключению, что атаки вообще не будет: в позиционном воевании широким фронтом не атакуют. Противник смутился, и это было одной из причин, что атака у Луцка и Черновиц так блестяще удалась. Военные хитрости часто способствовали победам. Генерал Брусилов перехитрил эрцгерцога Франца-Иосифа.

* * *

Розенская ударная группа армии генерала Каледина развернулась на фронте деревень Олыка-Пелжа, если можно употребить термин «развернулась» для теснейшего боевого построения XL и VIII армейских корпусов, сжавшихся на участке шириной в 15 километров[12]. У Олыки заняли позицию 3-я Стрелковая дивизия и знаменитая, в последнюю Турецкую войну прозванная Железной, 4-я Стрелковая дивизия (собственно, Железной была названа 4-я Стрелковая бригада, но в Великую войну она развернулась в дивизию и, естественно, это почетное название перешло на нее). Этой дивизией командовал генерал Деникин, прославивший дивизию и прославленный дивизией во многих боях Великой войны. 3-я и 4-я Стрелковые дивизии составляли XL армейский корпус.

У Пелжи стала 15-я Пехотная дивизия во главе с талантливым офицером Генерального штаба генерал-лейтенантом Ломновским. Левее ее была 14-я Пехотная дивизия того же знаменитого в Великую войну VIII армейского корпуса, знаменитого тем, что его слали из боя в бой,

12 Генерал Брусилов знал, что теория позиционного воевания требовала, чтобы фронт атаки был не меньше 30 километров - тогда противник не может атакующую массу поражать перекрестным огнем с флангов. Но Брусилов ни в одну ударную группу не включил более двух корпусов, а потому нигде не могло быть 30-километровой ширины фронта атаки.

поручая ему задачи невыполнимые, а он их выполнял под командой таких генералов, как Радко Дмитриев, Драгомиров Владимир, Деникин.

Командующий 8-й армией правильно выбрал участок для атаки: местность давала возможность хорошего обзора вражеской позиции - это было важно для наших артиллеристов, а позиция врага имела один дефект - это было важно для наших пехотинцев, - а именно: вторая полоса лежала близко от первой, что давало надежду взять обе единым наступательным прорывом.

Позиция противника была изучена с земли и воздуха и путем опроса пленных, которых иногда удавалось выкрасть ночью отважным разведчикам, для добывания «языка» нападавшим на неприятельские выдвинутые сторожевые посты, так называемые «секреты». После тщательной работы разведки, авиации, наблюдения и командования были распределены цели и задачи, выполнена осторожная (чтобы не встревожить врага) пристрелка батарей по целям, были вырыты траншеи, ходы сообщения, укрытые дороги, нагромождены склады огнеприпасов. Словом, не было упущено ничего, что должно было способствовать победе, а победный дух был воспитан в ротах в предшествовавшие месяцы, когда боев не было.

Артиллерийская подготовка атаки - 28 часов методической, прицельной стрельбы - была отлична: проволочные заграждения были сметены (не были в них, как приказано, сделаны проходы, просто они были уничтожены); все важные точки неприятельской позиции разрушены; окопы, убежища обвалены, батареи приведены к молчанию. После этой великолепной, искусной работы артиллерии, которую не могли прервать вражеские батареи, пока они еще действовали, пошла работать пехота: первые ее волны накатились на передовой неприятельский окоп и заполнили его, выбивая, добивая уцелевших от канонады врагов; последующие волны, обогнав первые, кинулись вглубь атакуемой позиции. Впрочем, не похожи они были на морские волны: морская бьет скалу и разбивается, наши же пехотные били врага и разбивали его.

Странное было это сражение и страшное. Только мгновеньями были видны с артиллерийских наблюдательных пунктов и с командных пунктов передвижения по земле наших атакующих частей. И это не потому, что их скрывали дым и пыль от тысяч артиллерийских разрывов, а потому, что значительная часть боя взводов, рот, батальонов, полков велась в земле, в траншеях, где смельчаки, пользуясь ручными гранатами, штыками, прикладами (при поддержке бомбометов и минометов) теснили врага шаг за шагом, зигзаг за зигзагом ходов сообщений.

Пехота противника не успела выскочить с винтовками и пулеметами в те ямы, которые остались от переднего окопа - наша первая волна опередила ее, - но в глубине своей укрепленной полосы враг оказывал упорное сопротивление.

Безлюдие поля боя поражало. Только кучки пленных, торопившиеся в безопасность нашего тыла, свидетельствовали и о том, что, кроме артиллерийского, идет и пехотное сражение, и о том, что сражение это развивается благоприятно для нас - это доказывалось шествием пленных.

Атака началась в 10 часов. Вскоре после полудня была очищена от противника первая полоса. При сравнительно малых наших потерях порыв атакующих полков не ослабел и они пошли брать вторую полосу. Если можно, не обижая пехоты, сказать, что победа на первой полосе фортификации противника на две трети добыта артиллерией, то победу на второй полосе надо признать пехотною: в дивизиях, по взятии первой полосы, создалась такая сложная тактическая обстановка, что артиллеристам пришлось почти отказаться от заранее составленного плана стрельб и действовать по обстоятельствам. Обстоятельства эти были неясны: где наши? где противник? какие вражеские опорные пункты особенно задерживают нашу пехоту? какие

пункты намерена атаковать пехота? Но стрелки XL корпуса и пехотинцы VIII корпуса преодолели все тактические трудности, преодолели и сопротивление противника и где вечером, где ночью выбросили неприятеля и из второй фортификационной полосы. «Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит. Так за Царя, за Родину, за Веру мы грянем громкое ура! ура! ура!» - пели утром 24 мая роты, марширую полями на запад, к Луцку.

Как ни странно, но уже 22-го числа, когда еще не было штыкового соприкосновения пехот, мы взяли много сотен пленных. Это были солдаты, которые, психологически не выдерживая эффекта нашей канонады, сдавались поодиночке, и группами, и целыми ротами. 23 мая пленных мы уже считали многими тысячами, а при подсчете к полудню 24-го числа их оказалось за 20 000[13]. Многочисленны были и трофеи.

Невозможно было установить количество убитых врагов - не разрывать же для этого обвалившиеся под бомбами тяжелых батарей блиндажи и засыпанные лисьи норы. Но, не впадая в ошибку, можно утверждать, что неприятельские дивизии, защищавшие позицию против Олыки и Пелжи, были уничтожены: к Луцку отошли жалкие остатки и были увезены раненые. Наша победа была сокрушающей.

Наши потери были невелики. В глазах не понимающих военного дела людей это снижает величие победы: для них мера победы измеряется тоннами крови, вытекшей из тела победившего войска. Но наш великий полководец Царь Петр учил, что побеждать надо «малою кровью», т.е. ратным искусством, а не самоубийственной яростью. В той части Луцкого сражения, что разыгралась у Олыки-Пелжи, нами было в совершенстве применено ратное искусство: пушкарями - в стрельбе, пехотинцами и стрелками - в бою тысяч одиночных бойцов на изрытой воронками земле и в траншейной тесноте, а командованием полковым и дивизийным - в предвидении хода борьбы, в руководстве ею.

Генерал Каледин счел нужным дать корпусам дневку и поэтому остановил их в нескольких километрах к западу от завоеванной позиции: после такого жестокого сражения войскам необходимо привестись в порядок - переставить офицерство и унтер-офицерство ради замены павших или раненых командиров. Да и солдату надо прийти в себя, успокоиться нервами после ужасов боя и радости победы. В этот день начальников дивизий и командиров артиллерийских бригад ждало огорчение: у них отобрали все те батареи, которые им были приданы для огневого боя у Олыки-Пелжи. Следовательно, третью фортификационную полосу придется атаковать при огневой силе лишь органической артиллерии дивизий. Если отнятие легких батарей можно было объяснить необходимостью возвращения их в соответствующие дивизии, которые при создавшейся теперь обстановке на фронте армии, могли выйти из своей пассивности и вступить в сражение (об этом, вероятно, заботился генерал Каледин), то увод тяжелой артиллерии надо приписать по-видимому, желанию генерала Брусилова усилить ту Сарненскую ударную группу, которая была - в его представлении - главным козырем в игре и которой теперь надлежало показать свою кавалерийскую энергию в победном марше - на Ковель, по прорыве пехотой позиции у Чарторыйска.

Третья вражеская фортификационная полоса в оперативном коридоре, которым шла Ровненская группа, лежала на восточном берегу реки Стырь, прикрывая Луцк и переправу в нем, а также мостовые переправы выше и ниже по течению реки. Укрепления были очень солидны,

---

13 Данные о пленных и трофеях, касающиеся Луцкого и Черновицкого сражений, вместе взятых, таковы: 22 мая - 13 000 пленных; 23 мая - число пленных офицеров достигло 480, а солдат - 25 000, орудий взято 27, пулеметов 50; конечный подсчет к полудню 24 мая дал такие итоги - офицеров 900, солдат 40 000, артиллерийских орудий 77, пулеметов 124, бомбометов 49.

в особенности по сторонам от Ровно-Луцкого шоссе, где предстояло атаковать 4-й Стрелковой и 15-й Пехотной дивизиям. Слабых мест в этой позиции мы не искали, потому что знали, что самым слабым ее местом была подавленность духа остатков вражеских дивизий, отступивших на эту укрепленную полосу. Нам надо было атаковать поспешно, пока противник подкреплен лишь местными резервами, пока не подошли свежие силы из тыла. Начальники двух дивизий - генералы Деникин и Ломновский, не сговариваясь, решают атаковать, что называется, с ходу: развернули свои походные колонны в боевой порядок и дали приказ: пехоте атаковать, а артиллерии поддержать атаку. Бой начался часов в 9 утра 25 мая.

3-я Стрелковая дивизия лицом на северо-запад и 14-я Пехотная дивизия лицом на юго-запад прикрывали оба фланга ударной группы генерала Каледина, ворвавшейся вглубь вражеской позиционной системы. Около полудня 25 мая к противнику из-за Стыри подошла дивизия. Ее направил генерал Линзинген не на Луцкий тет-де-пон, который, вероятно, считал неприступным, а для удара по 14-й Пехотной дивизии. Но резерв этот попал под перекрестный огонь 14-й и 15-й Артиллерийских бригад и, не успев вступить в пехотный бой, бежал, с потерями, за реку Стырь.

Наше наступление на Луцк развивалось с превеликим трудом - сказывалось отсутствие тяжелой артиллерии. Профессор генерал Головин в книге о Галицийской битве писал:

«В такой армии, как старая Русская армия, командный состав был избалован доблестью войск... Эта доблесть войск располагала к умственной лени. Подобно очень богатому человеку, наш командный состав привык слишком нерасчетливо лить офицерскую и солдатскую кровь. А между тем, чем доблестнее армия, тем более она имеет морального права требовать от своего командного состава высшего умения». Отобрание у атакующих корпусов тяжелой артиллерии было следствием избалованности генерала Брусилова доблестью этих двух войсковых соединений, стократно ему доказанной в 1914-1915 гг.

Под вечер 25 мая 4-й Стрелковой дивизии удалось ворваться и прорваться через укрепленную полосу врага. Прорвалась затем и 15-я Пехотная дивизия. Обе устремились вперед: 15-я на Луцк, как ей было заранее указано, а 4-я - к реке Стырь; но и ее, словно магнит, притягивал Луцк и поэтому ее левый фланг захватил одно из предместий города, когда полки генерала Ломновского брали город и мостовую переправу в центре его. Ночью обе победоносные дивизии переправились через Стырь. Враг бежал. 25 мая число пленных возросло до 1240 офицеров и 71 000 солдат, а количество трофеев увеличилось до 94 орудий, 232 пулеметов и бомбометов[14]. Закончилось Луцкое сражение, завершилась Луцкая победа. 8-я армия генерала Каледина своим левым флангом (Ровненской ударной группой корпусов) прорвала всю толщу вражеской позиционной системы и вышла на оперативный простор. Ни разу никем во время Великой войны не осуществленная мечта пробиться сквозь тесноту позиционного воевания к воеванию маневренному осуществлена нами, русскими воинами. «Слава Богу, слава нам!» - донес Суворов о взятии Измаила. Генерал Каледин должен был о взятии Луцка тоже донести словами: «Слава Богу, слава нам!»

4-я армия генерала Линзингена потерпела катастрофическое поражение. Остатки разбитых

14 Во всех сообщениях Ставки о взятых трофеях обращает на себя внимание малое, сравнительно с числом захваченных орудий, количество пулеметов. Объяснение этому таково: испытывая «пулеметный голод», полки ставили в свой строй добытые в бою вражеские пулеметы и не показывали их в числе трофеев, потому что трофейные полагалось сдавать высокому артиллерийскому командованию. Поэтому в донесениях о трофеях полки показывали малое число пулеметов - лишь бы начальство не заподозрило, что полки утаивают пулеметы. Так пехота разрешала проблему своего довооружения огневыми машинами - пулеметами, бомбометами, минометами, которых у нас недоставало.

дивизий ушли далеко в тыл (большая их часть ушла в наш тыл военнопленными). Мы продвинулись на запад от Стыри километров на десять. Линия фронта, которая была прямолинейной у Олыки и Пелжи и равнялась 16-17 километрам, стала теперь дугой, протяжением в 90 километров. По этой дуге тонкой линией батальонов растянулись четыре дивизии XL и VIII армейских корпусов. Генерал Каледин мог подкрепить их всего лишь одной кавалерийской дивизией, бывшей в резерве Ровненской группы. Мы вышли на простор и остановились перед этим простором, потому что шагать по нему четырьмя пешими и одной конной дивизией было бы безумием: челнок не выплывает в океан.

Генерал Брусилов в своих «Воспоминаниях» упрекает генерала Каледина, что он упустил случай захватить Ковель, остановившись за Луцком. Этот упрек сделан не для исторической истины, а для самозащиты: им Брусилов хочет отвести от себя укор - справедливый и неотвратимый - в неразумном планировании битвы, в невежественном намерении сражаться без резервов, в образовании ударных групп, бессильных использовать результаты своей жертвенности, доблести и умения, результаты своей победы.

Имей генерал Каледин не две группы - Сарненскую и Ровненскую, а одну, и имей он у Олыки-Пелжи два армейских корпуса, а в резерве у Ровно один армейский и два Кавалерийских корпуса (те, которые 22-25 мая бездеятельно стояли против Чарторыйска, по плану Брусилова), мы бы Луцкую победу обратили из оперативной в стратегическую, в победу, которая была бы сокрушительной для Австро-Венгрии и, следовательно, роковой для Германии. История войн есть история упущенных возможностей, но это не оправдывает полководцев, упускавших возможности.

Противник, рассуждая оперативно грамотно, не мог думать, что мы - Брусилов - оперативно неграмотны, что мы шагнули в оперативный простор, не имея кем шагать в нем. Противник - генералы Конрад-фон-Гетцендорф и Фальккенгайн - встревожился известием о поражении Линзингена и кинул резервы к району катастрофы. С Двины и верховьев Немана, с Уазы и Мааса, с Пияве и Изонцо спешат германские и австро-венгерские дивизии на Стоход, Стырь, Серет, Прут. Генерал Конрад-фон-Гетцендорф смещен, генерал фон-Гинденбург получает под свою команду сперва все германские армии к северу от Полесья (так взволнованы немцы возрождением нашей способности к победам после поражений 1915 г.), а вскоре - и все австро-венгерские армии, будучи назначен главнокомандующим на востоке.

Наша Ставка, обрадованная победой у Луцка, шлет генералу Каледину два армейских корпуса из резерва генерала Эверта. Луцкая блистательная победа должна быть использована - это понимает Ставка, понимает наше командование, понимаем мы, делатели этой победы, офицеры и солдаты.

Выше было сказано, что неприятельские резервы поспешили к рекам Серет и Прут, т.е. на участок, где дралась 9-я армия генерала Лечицкого. Эта армия также одержала великолепную победу в дни 22-28 мая.

Четыре армейских корпуса 9-й армии были растянуты на широком фронте вдоль Днестра и в пространстве между Днестром и Прутом. По замыслу генерала Брусилова, она должна была атаковать двумя армейскими и одним Кавалерийским корпусами. Но для того чтобы эти два корпуса пехоты собрать в крепкий кулак, пришлось не только предельно растянуть фронты двух прочих корпусов, но и посадить в окопы, спешивши, Кавалерийский корпус генерала графа Келлера, предназначенный также для участия в сражении. Это не противоречило распоряжениям главнокомандующего фронтом, который считал, что сидящие в окопах войска надо рассматривать резервом тех, которые ведут сражение.

Подготовка к майскому сражению была сделана в 9-й армии основательно. Хотя фортификационная сила вражеской позиции была на участке армии не столь значительной, как у Олыки и Пелжи, но все же надо было тщательно разработать план артиллерийского боя с максимальным использованием того минимального (ниже норм позиционного воевания) количества артиллерии, какою располагала армия. Подполковник Кирей (офицер, окончивший две академии - Артиллерийскую и Генштаба) отлично расположил батареи и дал им задания, объединенные его планом артиллерийской подготовки пехотного штурма (и в соседней, 7-й армии артиллерийский бой был планирован тем же подполковником Киреем). Решение его было своеобразно: вместо слабого артиллерийского удара по всему фронту пехотной атаки нанести мощный огневой удар на участке подле Хотина, чтобы тут сломать вражеское сопротивление - если прорвемся здесь, прорыв расширится на соседние участки.

Канонада наша 22 мая была столь мощной, что целые роты австрийцев, с платками, привязанными к стволам винтовок, сдавались в плен; местечко Окна, опорный пункт неприятельского сопротивления, было разрушено до основания всех его домов. Когда артиллерия смела позиции противника, пехота овладела ими без больших потерь. Этот прорыв у деревни Юрковцы и железнодорожной станции Окна (23 мая) решил исход сражения: на фронте двух наших корпусов позиция была прорвана. В прорыв была генералом Лечицким брошена Уссурийская конная дивизия. Победный восторг был так велик, что командир конно-горной батареи капитан Омельянович-Павленко, увидав отступающую вражескую тяжелую батарею, посадил своих пушкарей на коней и в конном строю захватил эту батарею. Разгром врага был бы еще грандиознее, если бы в момент победы были брошены для преследования врага не только уссурийцы, но и дивизии генерала Келлера, но они сидели в окопах пассивного участка.

Генерального штаба полковник Слезкин, участник этого сражения (тогда - молодой командир эскадрона, георгиевский кавалер), пишет мне: «Конный корпус генерала графа Келлера, в котором я имел честь служить, в то время входил в 9-ю армию генерала Лечицкого и, посаженный в окопы, занимал самый левый участок всего Юго-Западного фронта, упираясь левым флангом в реку Прут». На время Черновицкого сражения «корпусу была дана пассивная задача: обеспечение левого фланга 9-й армии. Графа Келлера не удовлетворяла такая пассивная роль, особенно когда обнаружился успех прорыва наших войск правее (севернее) нас, на реке Днестре, в Черновицком направлении. Граф Келлер три раза посылал генералу Лечицкому телеграммы, прося разрешения "рвать" корпусом на его участке. Два раза генерал Лечицкий отказывал, считая эту задачу для конницы, не имеющей тяжелой артиллерии, невыполнимой (перед нами были долговременные бетонные позиции австрийцев). На третий раз генерал Лечицкий ответил: "Разрешаю, но вся ответственность ляжет на вас". Генерал Келлер отдал приказ о наступлении, но начальник штаба корпуса генерал Сенча, считая задачу невыполнимой, отказался подписать боевую диспозицию, за что был графом Келлером отрешен от должности».

«Ночью 10-я кавалерийская дивизия, имея в авангарде Ингерманландский гусарский полк, в пешем строю, по горло в воде, форсировала реку Прут. Наступая по другому берегу Прута, она должна была взять несколько линий австрийских окопов. Впереди шли гранатометчики с офицерами - они должны были забросать передний окоп ручными гранатами. Под страшным минометным, пулеметным и артиллерийским огнем (до 6 дюймов включительно) гусары взяли передний окоп, но дальше продвинуться не могли. Из 23 офицеров, бывших в тот день в строю, полк потерял 10 (3 убитых, 7 ранены). Переправиться через Прут успели только ингерманландцы и Оренбургский казачий полк».

«В то время как конница так безрезультатно, не имея артиллерии, выполняла пехотную задачу, на участке главного прорыва 9-й армии, где был успех, не было конницы для развития успеха и преследования... Эта битва обнаружила полное неумение старших военачальников использовать свою конницу: вместо того чтобы держать ее за участком главного удара, конницу графа Келлера посадили в окопы на пассивном участке. Когда штаб 9-й армии, спохватившись, отдал приказ графу Келлеру поспешить с корпусом для преследования отступающих австрийцев, момент был упущен. Если это объясняется тем, что генерал Лечицкий был пехотинцем, то это непростительно для его начальника штаба, генерала Санникова[15], который числился по кавалерии». Несомненно, этими словами полковника Слезкина передаются негодующие мысли тогдашнего штаб-ротмистра Слезкина, который не мог знать, что корпус генерала Келлера сидел в окопах по плану, предписанному генералом от кавалерии Брусиловым, и что генерал Лечицкий не мог держать конницу в резерве: если бы он, вместо нее, посадил в окопы на левом фланге дивизию пехоты, он бы ослабил свою ударную массу и прорыва, победы не добился бы.

«Во время своего марша по территории удавшегося прорыва - продолжает полковник Слезкин - мы могли видеть, какие основательные разрушения произвела наша артиллерия: что называется, камня на камне не оставила. Австрийцы были потрясены огнем нашей артиллерии: было много сошедших с ума и сидящих на земле с безумными глазами. Развивая успех, наши войска легко взяли город Садогуры и почти без боя вошли в Черновицы». Это случилось 4 июня.

«Предмостное укрепление у города Садогура, - пишет мне сын генерала Санникова, - было (подобно местечку Окна) сровнено с землей, но в городе Черновицы не было ни одного артиллерийского попадания. Говорили, что таково было желание Верховного командования, якобы из-за того, что в Черновицах было место пребывания православного митрополита. Наши войска (дивизия генерала Лукомского) форсировали реку выше по течению и обошли город с тыла, вынудив этим австрийцев оставить Черновицы».

Черновицкое сражение было великолепно выиграно доблестью пехоты, искусством артиллерии, прорывом кавалерии (в завершающей фазе) и командным дарованием генерала Лечицкого, помощниками которого были: генерал Санников - начальник штаба армии, генерал Келчевский - генерал-квартирмейстер, подполковник Кирей, организатор артиллерии, и военный инженер полковник Нилус. По словам полковника Слезкина, попытка атаки спешенной конницей бетонных укреплений «была за всю войну единственным "неудачным" боем графа Келлера, вызвавшим большие, лишние потери». Неудачи приходится признать, но нельзя не признать и высокий боевой Дух и генерала Келлера, считавшего необходимым атаковать, и ингерманландцев, атаковавших неприступную позицию.

Пехота же генерала Лечицкого атаковала успешно и храбро, довершая победу, начатую артиллерией. Описание, более подробное и точное, Черновицкого сражения войдет блестящей страницей в историю российского воинства.

Луцк-Черновицкая победа в двадцатых числах мая 1916 г. вызвала такой развал духа авст-

---

15 Выписка из послужного списка генерал-лейтенанта Санникова: «Высочайшим приказом, состоявшимся 8 октября 1916 г., Государь Император Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Св. Великомученика Георгия 4-й ст.: за блестяще разработанный план прорыва сильно укрепленной позиции противника между реками Днестром и Прутом и нанесения ему главного удара на фронте Миткеу, Онут и Добронауцы... Результатом отлично разработанного плана был ряд ударов, нанесенных противнику, давший возможность завершить овладение всей Буковиной и частью Галиции и нанести решительное поражение 7-й австрийской армии генерала Пфлянцера».

ро-венгерской армии, что императору Вильгельму пришлось объезжать ее дивизии, чтобы поднять в них бодрость. Это, может быть, наилучшим образом определяет значение этой победы.

Достигнута она была несмотря на то, что генерал Брусилов неправильно, неразумно раздробил свои силы; несмотря на то, что он не создал ни одной мощной ударной группы, а группы создал, не дав им резервов; несмотря на то, что количество артиллерии было значительно ниже норм, предусмотренных «Наставлением для борьбы за укрепленные полосы»; несмотря на то, что артиллерии было дано лишь 30 часов на выполнение многочисленных задач по подготовке штурма позиций пехотою.

Победа была достигнута потому, что артиллерия свою малочисленность компенсировала изумительно искусной стрельбой; потому, что пехота наша, отдохнувшая за зиму, окрепшая духом, проявила не только храбрость, но и умение в ведении позиционного боя; потому, что командующие армиями и их штабы своими распоряжениями, пехота же доблестью, а артиллерия искусством исправляли ошибки главнокомандующего; потому, что, наконец, противник был застигнут врасплох, он не верил в наступление, которое инженерно-саперно, а потом и артиллерийски подготовлялось на всем 400-километровом фронте - в этом заключается и заслуга генерала Брусилова в одержании Луцк-Черновицкой победы.

Сраженье за сраженьем

«Славно мы врага разбили! Трубач, труби отбой!» - такой сигнал с давних времен давал военачальник по окончании боя. В наше время он был устаревшим: современная тактика не признает прекращения действий - после боя надо преследовать побежденного врага. Но генералу Каледину пришлось 26 мая дать сигнал «Отбой!» (не через трубача, конечно, но приказом, который останавливал победоносные XL и VIII армейские корпуса верстах в десяти к западу от реки Стырь). Так великолепно добытую победу надо было развивать, использовать, так как она открывала разнообразные оперативные возможности: наступая на Ковель, глубже и глубже вбивать клин в стратегическую линию австро-венгерских армий, или повернуть на север и утопить левое крыло армии Линзингена в болотах Полесья, или повернуть на юг и взять Львов, столицу Галиции.

Генерал Каледин вышел в 1914 г. в поход начальником 12-й Кавалерийской дивизии, а в начале 1916 г. он уже был командующим 8-й армией. Такую быструю карьеру сделал он потому, что показал себя большим мастером тактики и оператики. И вот теперь этот мастер должен был прервать блестяще начатую операцию, потому что ему не дали резервов. Досада усугублялась еще тем, что в этот оперативный момент, который мог стать переломным для хода войны, в бездействии стояли 3 армейских и 3 Кавалерийских корпуса (на севере против Чарторыйска и на юге против Бучача).

Изумленный успехом Луцкого сражения, таким успехом, который и во сне никому из стратегов не виделся, штаб в Житомире принимает меры к подкреплению Луцкой группы корпусов 8-й армии. И Ставка в Могилеве находит нужным, не прекращая подготовки наступления на главном - Западном фронте, подкрепить победоносную 8-ю армию вспомогательного - Юго-Западного - фронта. Но провозоспособность железных дорог того района не велика, проходоспособность нашего тяжело навьюченного пехотинца ограничена силами человеческими (войска Суворова делали «Суворовские переходы» потому, что полководец приказывал ранцы везти на повозках, да и уставшим разрешал подсаживаться на телеги - в Великую войну таки-

ми нежностями пехоту не баловали). Целых 6 дней простояли 4-я Стрелковая и 15-я Пехотная дивизии в 10 километрах к западу от Луцка, и лишь 1 июня им, вместе с подошедшими резервами, приказали возобновить наступление.

Потеря шести оперативных дней - потеря невозместимая. За эти шесть дней германские и австрийские железные дороги подвезли на помощь генералу Линзингену отборные дивизии из-под Вердена - за 2000 километров (некоторые из участков железных дорог, по которым мчались к Ковелю германские корпуса, были четырехколейными). Поэтому 8-я армия могла продвинуться 1 июня только до линии деревень Затурцы-Блудов (на полпути от Луцка к Владимиру-Волынску) и соприкоснулась с германскими авангардами. 2 июня началось Второе Луцкое сражение, но обратного характера: противник хотел взять Луцк.

Генерал Брусилов, получив приказ Верховного наступать, не дожидаясь готовности к битве прочих двух фронтов и имея все основания опасаться за результат своего наступления, если оно будет самостоятельным и изолированным, спросил генерала Алексеева, когда же будет атаковать генерал Эверт. Ему было отвечено: 28 мая. Но когда генерал Брусилов повторил 22 мая свой вопрос, ответ был иным: 1 июня Эверт и Куропаткин начнут действия. Значит - еще четыре дня отсрочки, для Юго-Западного фронта тягостной, а может быть, даже опасной. В конце мая оказалось, что генерал Эверт попросил отсрочить его наступление до 5 июня, а когда приблизился этот срок, доложил Верховному, что наступать по оперативной линии Молодечно-Вильно невозможно и что он намерен атаковать по направлению Барановичи-Гродно. Ставке пришлось ему разрешить это с тем, что он всю перегруппировку войск и инженерную подготовку на участке наступления завершит к 20 июня. Это создавало совершенно новую стратегическую обстановку: на протяжении целого месяца - с 22 мая по 20 июня Брусилов должен в одиночку сражаться против Австро-Венгрии и Германии. Это налагало на Ставку обязанность поддержать Юго-Западный фронт, чтобы противник его не раздавил. И с фронтов к северу от Полесья стали следовать поездами подкрепления для Брусилова.

Брусилов же, будучи полководцем энергичным, не глядел трагически на свое положение, но настойчиво требовал от генерала Каледина настойчивого продолжения наступления. Однако последний должен был сперва постараться отбить контрнаступление немцев, которые 2 июня стремительно и мощно атаковали нас на линии Затурцы-Блудов.

Для наших войск это сражение было неожиданностью в том смысле, что после семи позиционных месяцев, после переучивания новой тактике, тактике борьбы за укрепленные полосы, пришлось из архива памяти вытащить тактику полевых боев, пришлось заученный автоматизм в планированных действиях отбросить и возвратиться к действиям инициативным, импровизированным в соответствии с требованиями боевой обстановки. Кадровые офицеры и их заместители почувствовали себя в родной стихии, но для офицерской молодежи эта метаморфоза тактики была трудноусваиваемой. К счастью (если уместно в данном случае сказать «к счастью»), наши роты, имевшие накануне Пелжинского боя по 250 штыков, несколько поредели, перестали быть такими громоздкими, трудно управляемыми, и поэтому молодые офицеры могли справляться с задачами, какие на них налагал полевой бой.

Бои рот, батальонов, полков в сражении 2-5 июня были крайне тяжелы: германцы наступали яростно, атаковали повторно, артиллерией, тяжелой и легкой, громили непрестанно. Но мы выдерживали тяжесть артиллерийского огня, повторно отбивали атаки врага и сражались так же яростно, как и он. После четырех дней бесплодных усилий и тяжелых потерь германцы прекратили сражение, отошли на дистанцию ближнего ружейного огня и принялись окапываться. Торжествуя эту оборонительную победу, мы стали спешно готовиться к новому сраже-

нию, к наступательному.

Генерал Гинденбург оказывал помощь пострадавшему в Луцком и Черновицком сражениях австро-венгерскому войску не только тем, что от Риги и Пинска слал дивизии к Ковелю, но и нанесением нескольких не очень сильных ударов по армиям генералов Куропаткина и Эверта. Такие удары были 31 мая нанесены между Неманом и Припятью, а 7 июня на Рига-Двинском участке, у озера Вишневское и у Сморгони. Целью этих наступательных действий было привязать русские резервы к Северному и Западному фронтам. Эти удары, наспех организованные, никакого успеха не имели и всюду были отбиты. Едва ли они достигли и поставленной им цели: если Ставка не очень энергично отнимала у главнокомандующих дивизии для отправки их на Ковельское направление, то эта вялость стратегического маневра не была, вероятно, вызвана опасением, что Гинденбург может от щелчков перейти к ударам и тогда дивизии эти потребуются Куропаткину или Эверту - вялость стратегического маневра Ставки имела, надо думать, иное и очень правдоподобное объяснение: прими наша Ставка, под влиянием Луцкой победы, решение отказаться от Южного похода на Берлин и возвратиться к первому плану генерала Алексеева - поход на Будапешт, то против такого решения решительнейшим образом запротестовал бы Париж, для которого вся стратегическая мудрость и единственная стратегическая мудрость заключалась в согласовании своих осторожных действий по стратегическому направлению Париж-Берлин с нашими интенсивными действиями на стратегическом направлении Минск-Берлин. Для Парижа взятие Луцка Калединым было так же маловажно, как взятие Эрзерума Юденичем, потому что в представлении французов немцы были единственным опасным врагом, а австро-венгры и турки - незначительными величинами в стратегии, в войне.

Как бы там ни было, но после Луцкой победы стратегия Ставки и оператика генерала Брусилова остаются прежними: хотя пессимистичному главнокомандующему Северным фронтом генералу Куропаткину и разрешено отменить предписанное ему военным советом в марте наступление, но не столь пессимистичному главнокомандующему Западным фронтом не была отменена директива о наступлении у Барановичей в конце июня; генерал же Брусилов остается при своем первоначальном плане наступать двумя армиями на юге и группой корпусов произвести главный удар на Сарны-Ковельском направлении. Впрочем, он или перестал этот удар рассматривать главным, когда выяснилась победа у Луцка и ее последствия, или же он, скрывая ошибки своего основного плана, уклоняется от истины в своих «Воспоминаниях», когда пишет, что по его замыслу, главный удар был нанесен у Луцка. Ему, конечно, не хочется признаться в своей книге, что, он просчитался, возлагая главную свою надежду на кавалерийско-пехотную группу корпусов, сосредоточенную перед Чарторыйском, тогда как все надежды превзошла пехотная группа корпусов, ударившая от Олыки-Пелжи Людям свойственно ошибаться, еще римляне говорили, но... признаваться в том не свойственно - всем людям, вплоть до главнокомандующих, когда они пишут свои мемуары.

Никто не сомневался в том, что южный фланг Юго-Западного фронта не мог стать главным сектором Луцк-Черновицкой битвы (по причинам географическим и стратегическим), но с оперативной точки зрения он был весьма ценным. 3 июня войска генерала Лечицкого были уже в 50 километрах к востоку от исходного своего положения, от Окны, взяли Хороденку и подошли к Черновицам; город этот был взят 4 июня; многочисленны были пленные и трофеи. Ко 2 июня 8-я и 9-я армии взяли в плен 2467 офицеров и 150 000 солдат, захватили 163 артиллерийских орудия, 268 пулеметов, 131 бомбомет и 32 миномета, а через два дня - 4 июня - подсчет дал такие цифры: 3350 офицеров, 169 134 солдата, 198 орудий, 550 пулеметов, 189

бомбометов, 119 зарядных ящиков и 25 прожекторов. В мае австро-венгерское войско на восточном театре имело 450 000 воинов; следовательно, к 4 июня 38% этих воинов уже были в русском плену. Но надо принять во внимание, что из шести армий было потрепано лишь две - Лензингена и Пфланцера, - тогда станет ясным, что эти две армии почти целиком были взяты в плен.

3 июня рамки битвы расширяются - перешел в наступление генерал Щербачев. Его 7-я армия называлась профессорскою, потому что Щербачев был в свое время начальником Военной академии (Генерального штаба), а его начальник штаба, генерал Головин, был выдающимся профессором той же академии. Профессора взяли Бучач, отлично разыграли сражение на реке Стрыпе и быстро продвинулись вперед, вступив в Галицкое сражение на подступах к Галичу.

7-я армия выдвинулась от исходного положения на 60 километров, 9-я армия - на 70 километров (к середине июня) и, идя по оперативному простору, теснили противника к Карпатам.

8-я армия недолго давала немцам возможность оправиться от поражения во Втором Луцком сражении (2-5 июня): уже 10 июня она перешла в наступление у деревни Блудов - это было Первое Ковельское сражение 8-й армии. Генерал Каледин разыграл в течение трех месяцев (с 10 июня по середину сентября) шесть Ковельских сражений, пробиваясь, по приказу главнокомандующего, на Ковель от Луцка. Не было забыто и Сарны-Ковельское направление: в десятых числах июня, разыграв сражение у Чарторыйска (тут был разгромлен легион Пилсудского), наши войска подошли к реке Стоход, где были остановлены противником, укрепившимся на этой водной преграде. Тот кавалерийский прорыв к Ковелю, который генерал Брусилов поставил в основу своего плана, не удался: «Стоход остановил наш ход», - говорили солдаты.

Ковельские сражения 8-й армии велись с неимоверным ожесточением. Пленные немцы, из числа тех, которые дрались уже под Верденом, говорили: «Там нам казался ад, но только здесь, в битве с русскими, мы увидали, что такое настоящий ад: русские в атаке это - черти». Здесь - у деревень Затурцы, Шельвов, Корытница, Блудов, Ощев и др., создалось русское Верденское сражение, сражение верденского типа, то есть сражение на истощение.

Получилось это не по чьему-либо плану, а в силу сцепления ряда обстоятельств, которые поразят будущих историков Великой войны. Первым обстоятельством была радость, что, с выходом нашим на оперативный простор, можно воевать просторно, размашисто, а не мелочно, тесно, как учила новомодная французская доктрина[16] - в просторном стиле было разыграно сражение 2-5 июня. Во-вторых, в промежутке между этим сражением и последовавшим 10 июня германцы с непостижимой быстротой возвели укрепленную позицию и прикрыли ее тоннами и тоннами колючей проволоки; правда, эта фортификационная система не имела фортов, подобных Вобановым фортам Вердена, но каждый германский командир оказался маленьким Вобаном и в пределах своего боевого участка сотворил отличную фортификацию. В-третьих, наше фронтовое, а отчасти и армейское командование, которое в мае так старательно обучало нас способам позиционного воевания, сдало в июне «Наставление для борьбы за укрепленные полосы» в архив (потому что победоносные войска уже высвободились из паутины фортификационной системы) и стало приказывать полевым способом атаковать врага, укре-

---

16 Не следует думать, что пренебрежение к французской доктрине позиционного воевания родилось у нас в 1940 г., когда германские танковые армии оказались победителями над французской укрепленной линией Мажино: уже в конце 1916 г. генерал-майор Марков (впоследствии герой Добровольческой армии) отказался в академии, читая курс тактики, говорить о позиционном воевании, потому что «эта спеленутая тактика будет вскоре отброшена».

пившегося позиционным способом.

Сражения на Ковельском направлении велись силами 2, 3, 4 армейских корпусов; корпуса эти всегда строились в одну линию; резерва за ними не было (кроме кавалерии); тяжелая артиллерия придавалась в ничтожном количестве; авиационное фотографирование перестало давать войскам точную картину неприятельской фортификации; инженерная подготовка района атаки делалась наспех, потому что командование, спеша победить, ставило малые сроки для подготовки победы. Этот перечень дефектов не есть обвинительный акт против кого-либо. Вероятно, были основания к торопливости в операциях; вероятно, нельзя было получить тяжелые батареи или же снаряды к ним; вероятно, на верхах, в штабах высокого ранга верили, что Олыко-Пелжинская доблесть может повторяться несчетное число раз. Во всяком случае, получалось так: атакуем недостаточными силами пехоты и с недостаточной силой артиллерии, атакуем артиллерийским искусством и пехотной храбростью («русские в атаке - черти!»), врываемся в германскую позицию, а потом либо враг нас оттесняет в исходное положение, либо мы закрепляем за собою ту выщербинку, которую мы сделали в неприятельской фортификационной линии. В обоих случаях и противник, и мы несем большие, очень большие потери. Раз такими сражениями невозможно было добиться прорыва вражеской позиции, а сражения этого стиля повторялись и массовые потери повторялись, то выходило, что - на манер Вердена - сражения разыгрывались для того, чтобы причинить, ценою собственных потерь, большие потери противной стороне.

Цель эта до некоторой степени достигалась. В одном из сражений (18-19-VIII) немцы для спасения положения бросили в бой все свои резервы, вплоть до конницы. Генерал Гинденбург донес кайзеру: «Находящихся в моем распоряжении войск недостает, чтобы удержать положение, не говоря о том, чтобы его восстановить».

Напряженность битвы все возрастала. Генерал Эверт в конце июня предпринял давно ожидавшееся наступление и получил давно им ожидавшийся результат: кровавую неудачу. Не изменником был он (как его считал Брусилов), не желавшим наступать, но прозорливым полководцем, видевшим, что наши тяжелоартиллерийские средства совершенно недостаточны для прорыва тяжелопозиционной системы противника, которую немцы (не в пример австрийцам) создавали с немецкой старательностью и разумением. Кроме больших потерь, результатом Эвертова наступления было то, что Ставка сочла возможным отказаться от выполнения французского диктата и основательно усилить Брусилова за счет Эверта и Куропаткина. 3-я армия генерала Леша была из состава Западного фронта передана в Юго-Западный, туда же была направлена вся гвардия и ряд отличных корпусов, в том числе и сибирские. Была образована 13-я армия в составе гвардейских и армейских корпусов. Отдавая дань суеверию, ее назвали не 13-ю, а Особою; однако этот псевдоним не сделал армию удачливою - она несла большие потери, вследствие чего генерал Безобразов был отрешен от командования ею (генерал Безобразов стоял во главе гвардии).

Юго-Западный фронт стал состоять из шести армий: 3-я у Полесья, Особая на Ковельском направлении, 8-я на Ковельско-Владимир-Волынском направлениях, 11-я, имевшая целью Львов, 7-я, действовавшая в южной части Галиции, и 9-я, маршировавшая по Буковине.

Генерал Лечицкий одержал победу в сражении на реке Серет (22-23 июля), причем было взято в плен 8000 человек. Эта победительная армия и рядом с нею энергичная армия генерала Щербачева, взяли города: Станиславов, Коломыю, Делятин, Тысманицу, Надворную. Огромны были массы пленных и трофеев. Одна лишь 9-я армия взяла - с начала операции 22 мая и по 30 июля в плен 2139 офицеров, 100 578 солдат и захватила 127 орудий, 424 пулемета и 44

мино- и бомбомета. Армия генерала Сахарова (11-я), растянувшая свои 5 армейских корпусов в ниточку протяжением около 120 километров, получила возможность прийти в наступательное движение, когда выдвинулись вперед 8-я и 7-я армии. 30 июня Сахаров берет Дубно (в этот день 7-я армия атаковала Монастержиско, а авангард 9-й армии достиг Ктшолунга в Карпатских горах). На реке Серет, выиграв сражение, 11-я армия берет в плен 8000 солдат, а в сражении у Звеняч-Лашков - 34 000 солдат с 45 орудиями и 71 пулеметом. Противник оказывает ей упорное сопротивление. Так, Радзивилов (на русской земле) она берет 5 июля, а в 10 километрах к западу от этого города лежащие Броды (на австрийской земле) удается взять только 15 августа.

Глубина продвижения армий определяет размеры двух взаимно противоположных сил: с одной стороны, она говорит о нападательной энергии данной армии, но, с другой стороны, показывает и напряженность оборонительных действий врага против этой армии. От Окны до Кимполунга расстояние в 130 (приблизительно) километров: значит, 9-я армия проявила огромную энергию, а противник не прилагал больших усилий, чтобы защитить Буковину, не имевшую такого стратегического значения, как иные районы, которым мы угрожали. Далее к северу от реки Серет до Станиславова 80 километров, следовательно, на фронте 7-й армии противник сопротивлялся упорнее. Еще крепче была его оборона против 11-й армии: тут его отход равнялся 50 километрам (это расстояние между Дубно и Бродами). А на Владимир-Волынском и Ковельском направлении неприятель, образовав после потери Луцка новую оборонительную линию, защищал каждую пядь земли, потому что здесь мы, приобретая боями пространство, могли обойти Полесье с запада и выйти в тыл германскому фронту между Балтийским морем и Полесьем. Сюда, на северную часть поля Луцк-Черновицкой битвы, были направлены резервы, прибывавшие с французского театра войны. А прибыло оттуда 24 пехотные дивизии.

Примечательно, что битва на Сомме, которую (по весеннему договору с нами) предприняли французы и которую вели в темпе улитки, не помешала германской главной квартире увезти из Франции 24 дивизии. Такова была пресловутая координация действий союзников - России, Франции, Англии и Италии. Мы ведем битву без ограничения целей, усилий и жертв, а новый французский главнокомандующий генерал Нивель предпринимает атаки «с ограниченными целями»: отгрызли у противника «несколько квадратных километров земли и довольно, пауза, опять укус и т.д. Генерал Брусилов, с самого начала наметивший город Ковель главнейшей целью своего наступления, с великим упорством стремился к этой цели в течение всей битвы. Упорство и упрямство - трудно различимые свойства. Упорство - это сложение сильной воли и разума, логики; упрямство не сильно логикой, разумом и может быть присуще слабовольному человеку. И все же различить их бывает очень трудно, а упрямствующий и не желает различать: ему его упрямство кажется упорством. Генерал Каледин, видимо, считал, что Брусилов упрямится, настаивая на повторении ударов в Ковельском направлении. Каледин полагал, что разумнее и логичнее атаковать на Раву-Русску, потому что на этом направлении германские войска перемешаны с австрийскими, а нервы австрийцев так издерганы поражениями на пространстве от Луцка до Черновиц, что войска Франца-Иосифа к крепкой обороне, как германская, не способны». Говорили, что Каледин прямо отказывался наступать на Ковельском направлении. Говорили, что Брусилов в раздражении сказал: «Передайте генералу Каледину, что он трусит и что я не позволю ему быть трусом».

Трус боится за свою жизнь, а если человек не решается что-либо сделать, что может погубить подчиненных ему людей, то в этом трусости нет. Офицеры любили Каледина, всегда гру-

стного, всегда печального, но в боях энергичного и отважного генерала, и вознегодовали, что его сверху обозвали трусом. (Брусилов в своих «Воспоминаниях» с удовольствием вспоминает, как он пришпорил Каледина, назвав его трусом. Генерал Деникин в «Очерках Русской Смуты» говорит, что Каледин страдал душою, будучи принуждаем Брусиловым приносить своих солдат в жертву брусиловского упрямства; Каледин хотел даже уйти в отставку, чтобы не нести ответственности за бесполезно проливаемую кровь - только чувство офицерского долга заставило его остаться на своем посту.)

Спор между генералами сводился к следующему: Каледин считал, что легче и дешевле (в смысле расхода людей-жизней) атаковать по линии наименьшего сопротивления, то есть атаковать не германцев, а австрийцев. Брусилов же хотел атаковать непременно в направлении на Ковель, хотя бы это усилие направлялось по линии наибольшего сопротивления. И генерал Фалькенгайн выбрал пунктом атаки Верден, так укрепленный, что неизбежно было встретиться с наибольшим сопротивлением врага; но он на то и шел, потому что предлагал противнику единоборство на истощение. Едва ли генерал Брусилов сознавал, что он разыгрывает сражение верденского стиля. Едва ли он хотел истощить врага - он просто хотел прорваться к Ковелю. И упорствовал в этом или упрямствовал в этом.

Истощение врага осуществлялось. С 22 мая по 30 июля армии Юго-Западного фронта взяли в плен 8255 офицеров и 370 153 солдат, а с ними: 496 артиллерийских орудий, сотни пуле-мино-бомбометов, а также 100 прожекторов. О нашем истощении данных нет, но оно было велико. Однако обе стороны не только резервами и пополнениями покрывали убыль людей, но и нагромождали на пространстве битвы все большее количество солдат. 22 мая сумма бойцов обеих противников равнялась одному миллиону, а к сентябрю достигла трех миллионов. «Вам не видать таких сражений», - могли мы повторить слова бородинских воинов.

Сражения разгорались за сражениями. Одно из наиболее грандиозных произошло 18-19 августа, когда три армии - 3-я, Особая и 8-я - почти одновременно предприняли наступление, тремя-четырмя корпусами каждая. Генералы Леш и Безобразов взяли 8000 пленных при 40 орудиях, а генерал Каледин в бою у Кошева увел в плен 9000 немцев с 46 орудиями. На участках этих атак удалось немного вдавить вражескую передовую линию.

Наиболее трагичным было наступление тех же трех армий (не столь одновременное) в конце августа, начале сентября. Тут гвардия понесла очень тяжелые потери на реке Стоход.

После этого словом «Стоход» стали обозначать кровавые потери в безрезультатном бою, подобно тому, как словом «панама» называют скверную аферу. Столичная знать, не привыкшая к таким страшным кровопусканиям гвардии[17], виновником гвардейской катастрофы сочла генерала Безобразова, и он был отрешен от командования гвардией и Особой армией.

В это время (вследствие Луцк-Черновицкой битвы и отчасти битвы на Сомме) положение Германии и ее союзника стало столь критическим, что кайзер и общественное мнение стали искать виновного и нашли его в лице генерала Фалькенгайна, начальника главной квартиры. Чудо может предвидеть чудотворец или пророк, Фалькенгайн же, будучи только генералом, но не пророком или чудотворцем, не мог сигналы разведки и шпионажа о возрождении Российской армии понимать как признаки творившегося чуда: нашего перехода от предельного бессилия осенью 1915 г. к беспредельной силе весной 1916 г. Фалькенгайна заменили дуумви-

17 Всю войну гвардия дралась великолепно и подчас несла немалые потери, но после боя ее уводили в резерв на более или менее продолжительный срок, чтобы она могла пополниться и восстановить свою огромную боевую силу. А тут, в Ковельских сражениях, ее бросали из боя в бой, не давая ей времени пополнить свои ряды - отсюда и впечатление в столице, что на Стоходе уничтожили гвардию.

ратом Гинденбург-Людендорф - их считали стратегическими чудотворцами.

На верхах нашего войска положение Центральных держав считали тяжелым, мы же, строевые офицеры, этого не понимали, потому что не видели собственных побед. Ковельские сражения мы мерили луцким метром и, видя, что в каждом сражении мы продвигаемся только на сантиметры, думали, что не достигали победы, раз не было победы луцкого размера. Но французы и англичане, начавшие 24 июня наступление на Сомме и маленькими шажками наступавшие пять недель, считали и провозглашали победой каждую фазу этой битвы, дававшую им надгрызание вражеской укрепленной системы на 2-3 километра[18]. Если эта тактика грызунов считалась там, на Западе, победоносною, то и мы не должны были преуменьшать значение наших боевых успехов только потому, что мы грызли, а не прогрызали. Ковельские сражения были нашими победами позиционного стиля.

Победы эти были совсем не так маловажны, как могут казаться вследствие малости (сравнительной с Пелжей и Олыкой) обломков неприятельской позиции, попадавших в наши руки. Так, в 20-х числах августа вражеский фортификационный пояс был почти прорван и только напряжением последних резервов данного сектора немцы предотвратили катастрофу. В наступлении 2-4 октября левый фланг 8-й армии не только сделал скачок свыше 10 километров, но и побудил к отступлению австрийцев, удерживавших правый фланг 11-й армии невдалеке от Броды. Генерал Сахаров получил возможность продвинуться на запад на весьма значительное расстояние.

Это, только что упомянутое, наступление 8-й армии было триумфом генерала Каледина и его тезиса «бить по линии наименьшего сопротивления». Командующему 8-й армии удалось получить от главнокомандующего разрешение атаковать в направлении на Раву-Русску, где путь преграждали австрийцы. Удар наносил один лишь VIII армейский корпус. Он овладел в несколько часов вражеской позицией и гнался за противником, сколько хватило пехотного дыхания. Конечно, и этот раз резерва не было и некем было развить победу.

В начале октября (числа 8-го) отзвучали последние выстрелы Луцк-Черновицкой битвы. Закончилась борьба, длившаяся 140 дней.

Механики не изобрели perpetuum mobile. Не изобрели и стратеги. Битва не может длиться бесконечно. Как часы идут, пока раскручивающаяся пружина имеет силу, так и битва длится до тех пор, пока закрученная главным стратегом пружина воинского духа и военной материи, раскручиваясь, приводит в движение механизм битвы. В 1915 г. битва, начатая генералом Макензеном у Горлице (18 апреля) заглохла на нашем Юго-Западном фронте в середине августа без какого бы то ни было эффектного завершения. Точно так же, без эффектной сцены «под занавес», закончилась Луцк-Черновицкая битва, полная замечательных эффектов - наших побед. Частных побед, в сражениях, было столько, что вся битва стала великой победой.

Заключение

Чернорабочие победы - строевые офицеры - Луцк-Черновицкую победу созидали на своих и солдатских жизнях, на своей и солдатской крови, на своих и солдатских муках и создали, а победы не заметили, не осознали.

Вышло: из-за деревьев не видали леса. Из-за великих, невообразимых трудностей в одержа-

18 Сражение в Шампани (октябрь 1916 г.) французы тоже считают победным, а между тем, наступая там на фронте в 25 километров, продвинулись флангами на 1-3 километра и только на маленьком участке в центре проникли на 4-5 километров вглубь германской позиции.

нии - на протяжении четырех месяцев - частных побед, больших по затраченному усилию, малых по добытому результату, не могли охватить глазом, сознанием своим величественности победы, суммы побед.

Мы были слишком утомлены своей смелостью, выносливостью, настойчивостью, чтобы видеть то грандиозное, что было достигнуто и что видели наши стратеги со своих высоких постов.

Для нас, после трех грозовых майских дней, когда ослепительные молнии победы освещали весь небосклон битвы, наступили недели и недели ливня крови, глубоко смочившего поле битвы, когда лишь по временам молния частной победы прорезала нависшие над битвой темные тучи. Мрачнее туч были души наши: мы сознавали, что при малости наших артиллерийских средств и при брусиловском постоянном безрезервьи, прорвать германскую позицию невозможно, и мы, раз за разом, шли выполнять приказ: «Прорвать!» Кидаться в атаку легко, когда есть уверенность в победе. Кидаться в атаку нетрудно, когда есть надежда на победу. Но если нет ни твердой уверенности, ни даже слабой надежды, то на какую силу может опереться дух пехоты, идущей в бой? - **На сознание воинского долга.**

Как глубоко, как сильно должно быть это сознание, если после пяти непрорывов к Ковелю выполнять в шестой раз приказ прорваться к Ковелю? Если бы ни малейшего успеха не было добыто в этих шести попытках, то эти шесть подвигов долга, подвигов духа следовало бы рассматривать победой духа, великой и славной. Но частный, местный успех был в каждом из этих боев, а сумма этих успехов равна победе не оперативного только, но стратегического размера. Эту победу одержали, главным образом, калединцы - 8-я армия - и с ними Особая армия и 3-я армия.

В менее трагических условиях побеждали врага героическая 9-я армия, а также 7-я армия и 11-я. Не поддержанные резервами - все резервы направлялись Ставкой и штабом Юго-Западного фронта к Луцку - эти армии, развивая первоначальную победу генерала Лечицкого, теснили, а порой и гнали врага на глубину в десятки и десятки верст, на протяжении месяцев битвы являя миру превосходство русского солдата над австро-венгро-германским.

Истинное значение каждой победы надо определять не потерями, какие понес побежденный, не трофеями, взятыми победителем, не территорией, им завоеванной вследствие победы, но сопоставлением цели битвы и результата ее. Вступая в битву, Юго-Западный фронт имел перед собою цель: сковать противостоящие силы врага и не дать им возможности перекинуться на север для воспрепятствования наступлениям наших Западного и Северного фронтов. Завершая битву, Юго-Западный фронт констатировал, что он не только сковал все дивизии эрцгерцога Иосифа-Фердинанда, но и притянул на себя 31 германскую дивизию из стоявших против Риги и Минска и из дравшихся у Вердена; притянул на себя и австрийские дивизии с итальянского театра. Результат во много раз превзошел поставленную перед битвой задачу. Это значит - большая победа.

Победа эта достигнута: доблестью нашей героини-пехоты, искусством нашей отличной артиллерии, прорывом нашей смелой конницы, умением офицеров Генерального штаба и штабов, старанием саперов, работой летчиков, трудом служб снабжения.

Победа эта достигнута: силой командной воли и полководческим дарованием генералов Каледина и Лечицкого, талантливостью таких военачальников, как генералы Щербачев, Сахаров, затем Безобразов (смененный генералом Ромейко-Гурко) и Леш, мужеством и уменьем генералов, командовавших корпусами, дивизиями, артиллерийскими бригадами; настойчивостью генерала Брусилова и его отважностью: располагая силами для вспомогательных операций, он

не устрашился возложенной на него задачи предпринять операцию главную и самостоятельную.

Луцк-Черновицкая победа есть сумма многих слагаемых успехов, достигнутых на протяжении 140 дней армиями, Юго-Западный фронт составлявшими. Но если бы не было всех этих слагаемых, а было бы только два - Луцкий прорыв и Черновицкий пробой в мае месяце, то и тогда была велика слава победоносных 8-й и 9-й армий. Как Суворов одерживал победы над врагами и над стихиями (Швейцарский поход), так и эти две армии, во главе с генералами Калединым и Лечицким, победили в четыре майских дня и противника и стихию, ту стихию техники, которая в Великую войну затопила военное дело, изгоняя из него искусство и заменяя его подобием фабричных процессов.

Мы же у Луцка и Черновиц стихии военной техники противопоставили издревле славную стихию русской воинской доблести и победили казавшееся непобедимым - насыщенную огневыми средствами фортификацию. Всю войну она для наших союзников и врагов оставалась непобедимою.

Оправдались слова генералиссимуса Суворова, что не слепая храбрость дает победу, но соединенное с нею военное искусство. Великую храбрость проявили наши победительные войска, но и большое военное искусство - потому и победительны, потому и доказали, что для героев нет невозможного.

Месснер Е. Луцкий прорыв: К 50-летию Великой победы. - Нью-Йорк, 1968.

ГРОЗНАЯ ОПАСНОСТЬ ВСЕМИРНОЙ МЯТЕЖЕВОЙНЫ

Вместо заключения

Двадцатый век...
Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люцеферова крыла)...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены.
Все разрушая рубежи.
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

Александр Блок

Сегодня гаси огонь, пока можешь погасить,
Огонь, если поднимется, сожжет весь мир.
Не давай врагу натянуть тетиву лука.
Пока сам можешь пустить стрелу.

Захиреддин Мухаммед Бабур

Надо твердо помнить, что профессиональному солдату мало знать технику боя. Надо еще и глубоко понимать философию войны. Ибо от этого понимания и знания будут зависеть будущая политическая судьба и национальная карта Вселенной.

Б.А. Хольмстон-Смысловский

«ВОЕВАНИЕ В СТИЛЕ МЯТЕЖА...»

«Воевание в стиле мятежа (партизанами, диверсантами, террористами...) примет в будущем огромные размеры». Еще в 60-е гг. XX в. наш соотечественник Евгений Эдуардович Месснер (1891-1974), жизненный путь и творческое наследие которого представлены И.В. Домниным в вводной статье и хрестоматийной части данного выпуска «Российского военного сборника», выдвинул и научно обосновал предположение-предупреждение о том, что мировая цивилизация (Свободный мир) подвергается «нашествию разрушительных сил» (сил зла и террора) и что в связи с этим главной опасностью (историческим вызовом) для всего человечества является «Всемирная мятежевойна» - новый тип тотальной (и к тому же «неправильной», «еретической») войны. Войны, которая характеризуется «воеванием в стиле мятежа»: революциями, переворотами, восстаниями, беспорядками, вредительством, шпионажем, подпольным террором, партизанством (герильей) и повстанчеством, военно-политическим бандитизмом, психо- и тайновоеванием, потаенными нападениями, провокациями, пропагандой и агитацией, Другими всевозможными способами разламывания культур, структур народа, разложения армии и т.д.

В предисловии к своей до сих пор актуальной книге «Всемирная мятежевойна» (1970 г.) Е.Э. Месснер отмечал:

«Десять лет тому назад вышел из печати мой труд "Мятеж - имя Третьей всемирной", в которой я предрек форму и свойства Третьей мировой войны, теперь развернувшейся на глазах незрячего человечества по всему свету... Присматриваясь к иррегулярным военным действиям, стал замечать, что такое воевание сопрягается, перемешивается с ударами из подполья (например, терроризмом) тайных организаций, либо террористических, саботажных групп, либо разрозненных индивидуумов, причем нелегко бывает классифицировать их основные побуждения: месть оккупанту, освобождение страны, политико-социальный переворот и т.д. Такую смесь, путаницу идеологий, безыдейной злобы, принципиального протеста и беспринципного буйства нельзя было не назвать мятежом. Этот термин я стал применять после Второй мировой войны.

Она умолкла в 1945 г., но мятеж не умолкал. Он ширился, развивался и приобретал такую силу, напряженность и повсюдуприменяемость, что я увидел в нем новую форму войны, которой дал наименование "мятежевойна"... Вырисовывался новый тип войны... Обстоятельства во Вьетнаме показали в 1961 г. правильность утверждений книжки "Мятеж - имя Третьей всемирной", что современная форма войны есть мятеж. Обстоятельства во всем мире дали президенту Кеннеди основание сказать: "...во всех частях мира мы стоим в непреклонном бою... субверсия, инфильтрация и множество иных тактик, не дающих нам повода к применению наших вооруженных сил"[1]. А в 1970 г. в серьезнейшем военном журнале Wehrkunde писали:

1 В своей речи перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте в 1961 г. Джон Кеннеди в действительности пророчески отметил: «Это совершенно иная форма войны: новая по интенсивности, но древняя по происхождению. Это война партизан, лазутчиков, бунтовщиков, наемных убийц и террористов. Война быстрых налетов - вместо крупных сражений, инфильтрация - вместо агрессии, стремление к победе путем истощения и расшатывания сил противника - вместо прямого столкновения войск». - Цит. по: Шестаков В. Террор - мировая война. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, Образование, 2003. - С. 16. Судьба уготовила президенту Кеннеди участь пасть жертвой мятежевойны, погибнуть от рук наемного убийцы.

Эрих Форверкер - "развилась всемирная война-герилья"; генерал-майор граф Баудиссин - о "субверсивной войне в мире"; знаменитый немецкий военный обозреватель А.Л. Ратклифф - о модерной, идеологической, всемирной партизанской войне.

Между наименованием "мятежевойна" и наименованием Эриха Форверкера "всемирная война-герилья" разница в том, что первая шире охватывает многовидность приемов, способов этой войны. А оба эти наименования, как и Ратклиффа, как и вышеприведенные слова Кеннеди "во всех частях мира непреклонный бой", говорят о всемирности происходящей войны во взбаламученном мире, где нет места миру, изгнанному, беспризорному...

Мятежевойна есть современная форма войны. Надо отказаться от веками установившихся понятий о войне. Надо перестать думать, что война - это когда воюют, а мир - когда не воюют... Израильтяне и арабы считаются заключившими перемирие, но они весьма интенсивно воюют. Сомали и Абиссиния живут в мире, но уже несколько лет полегоньку воюют... Можно вести переговоры (СССР и США) о ненападении, о разоружении и в то же время воевать: СССР воюет против США, поставляя оружие, инструкторов, деньги, продовольствие тем, кто враждует против Америки, и побуждая к мятежу американцев в Соединенных Штатах. Много происходит в мире непонятного, если смотреть через призму устаревших понятий о войне; но взгляд через новую призму - мятежевойны - прояснит многое. Тогда мы перестанем называть криминальными происшествиями стратегические действия в рамках мятежевойны (например, перенесение арабскими партизанами террористических ударов на аэродромы Германии, Швейцарии, Италии); надо перестать называть беспорядками то, что является оперативными и тактическими эпизодами мятежевойны...

Свободный мир планетарно втянут в Третью всемирную войну, в мятежевойну... Всемирная мятежевойна против Запада есть нашествие, инвазия разрушительных сил, и некому возглавить, организовать борьбу против этой напасти. Никто сейчас на Западе не творит мировую историю...»

Более подробно существо этой оригинальной и чрезвычайно злободневной концепции противоцивилизационной (разрушительной) войны выражают следующие мысли русского офицера, взятые из его итоговых работ «Мятеж - имя Третьей всемирной» и «Всемирная мятежевойна»:

«В мире происходит война, грозящая более тяжелыми бедствиями, нежели вторжения в Римскую империю племен Востока (период перенаселения народов): те варвары разрушали Рим и его культуру, но и перенимали от него, а нынешние культурные варвары разрушают без остатка с такой основательностью, с какой был культурным Римом разрушен Карфаген... Одержимостями загрязнена "атмосфера" духа на земле, как атмосфера природы загрязнена смогом. В смоге духа человеческого, как и на физическом плане его существования, идет война, грандиознее какой и свирепее какой не бывало за все тысячелетия (по Библии, 7479 лет) существования человека на земле...

В двух всемирных войнах и во многих местных родилась и развивалась всемирная революция, войны сплелись с мятежами, мятежи - с войнами, создалась **новая форма вооруженных конфликтов,** которую назовем мятежевойной, в которой воителями являются не столько войска, сколько народные движения. Этот новый феномен подлежит рассмотрению с разных точек зрения, и в первую очередь с психологической: если в войнах классического типа психология постоянных армий имела большое значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и воюющих народных движений психологические факторы стали Доминирующими... Война войск и народных движений - мятежевойна - психологическая война...

Никаких норм, шаблонов мятежевойна не признает... Индивид мятежевойны не признает классических, грандиозных, массовых сражений... Против массовых армий, миллионных, многомиллионных - **тактика комаров:** "Нападайте, как комары на великана, колите, отравляйте, высасывайте кровь, пока не свалится" - так учит Мао... Тактика этой войны весьма гибка. Мао: "На войне избегай того, что сильно, бей по слабому... Отборные борцы наводняют территорию, втягивают в бой вооруженные группы населения и с их помощью ведут партизанскую войну... Партизаны должны менять место своих действий, как вода или быстрый ветер". Все это применимо не только к партизанству, но и к иным приемам мятежевоевания: террору, бандитизму, восстаниям, беспорядкам и даже демонстрациям и манифестациям: всегда и во всем ставить себе посильную цель и застигать противника врасплох, вводить его в заблуждение, "иметь всегда инициативу в своих руках" (слова Мао)... Оператика мятежевойны шагает по таким фазам: деморализация, беспорядки, террор, постепенная вербовка в революционность, перестройка душ (создание "нового человека"), конструирование человекомашинной системы (социальной). Так формулировал Мао Цзэдун. Стратегия мятежевойны имеет конечной целью разрушение структуры, а "разрушенное государство не может быть восстановлено, мертвый не может быть пробужден к жизни" (Сунь-цзы)...

Нынешний мятежехаос нельзя делить на разрозненные серии "происшествий". В этом хаосе отсутствует казовая сторона классических войн - нападений и защит географических объектов, границ, городов, речных переправ. Но за этой казовой стороной всегда было важнейшее - сокрушение духа противника и сохранение в победной уверенности и собственного дела. То же важнейшее имеется и в мятежевойне: субверсивное воевание есть **психологическое воевание** с целью покорения разума и души человека, атакованного народа... Этот хаос творится не хаотически, а весьма систематически, организованно, продуманно со стороны руководящих стратегических центров. Все верховные штабы разрушения держатся правила Сунь-цзы: "Тот победит, кто знает, когда он должен и когда он не должен драться; кто умеет обращаться со своими, превосходящими или недостаточными силами, чье войско сверху донизу окрылено одним духом; кто подготовляется к битве и выжидает, когда враг не подготовлен к битве, кто имеет военные способности и кому государь не мешает действовать"...

Множественность смятений и мятежей говорит о вселенскости явления. Его нельзя назвать всемирной революцией, так как этим термином называется коренной и резкий переворот в обществено-политических отношениях, а явление, наводнившее мир, имеет затяжной характер, имеет видимость и сущность медленно, но планомерно развивающегося вторжения, завоевания... Мятежевойна есть разбой, чудовищный, многообразный, для совести неприемлемый, но для бессовестного разума понятный и нужный как разрушение мировой культуры... Ее оружие универсальное: нет такого оружия разрушения, каким бы она не пользовалась... **Насилие (устрашение, террор) и партизанство - главные "оружия" в этой войне...** В мятежевойне используются и "оружия", никогда до сего века не мыслимые, как "оружие-порнография", "оружие-наркотики", "оружие-промывание мозгов"...

Настоящее свидетельствует, что будущее окажется весьма революционным в дни Третьей всемирной. Уже сейчас классическая дипломатия частично вытеснена агрессодипломатией с ее переворотческими действиями. Уже и сейчас происходят "полувойны". В таких полувойнах воюют партизанами, "добровольцами", подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами. Теперь даже и глупейшее правительство понимает необходимость иметь "пятые колонны" в земле враждебной и нейтральной, а пожалуй, и в союзной...

В эпоху атомного "мира" немыслима война классического типа (массовые армии, их марши-маневры, их сражения), потому что все предвидят: если начать с пулеметов и пушек в большой войне, то, войдя в азарт, ухватишься за ученейшее оружие, которое ученейший Эйнштейн подарил человечеству (атомку)... В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве... **Для мятежевойны нужны нервы, нервы и еще раз нервы.** В нормальной войне воинству приходилось переживать собственные психические кризисы, но оно было своей организационной изолированностью до некоторой степени ограждено от психических кризисов в народе: не каждый из них и не с полной силой докатывался из глубины страны на театр военных действий, где воевало войско. В мятежевойне нет ни организационно-административной, ни психологической границы между страной и театром военных действий, между народом и воинством... В будущей войне воевать будут не на линии фронта, а на всей поверхности территорий обоих противников, потому что позади оружного фронта возникнут фронты политический, социальный, экономический; воевать будут не на двумерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было во времена нарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением. Воюющая сторона будет на территории другой страны создавать и поддерживать партизанское движение, будет идейно и материально, пропагандно и финансово поддерживать там оппозиционные и пораженческие партии, будет всеми способами питать там непослушание, вредительство, диверсию и террор, создавая там мятеж...

Если отказаться от обычных представлений о войске как о стройном организме с регламентированными поступками его молодцеватых воинов, то можно было бы назвать армией и совокупность организаций, колонн, выполняющих в мятежевойне диверсионные и террористические действия на революционной базе (не смешивать их с "партиями", "командосами", которые высылает регулярное войско в тыл врага для диверсий). Но эта армия является криптоармией, тайноополчением. В противоположность человеку из мятежемасс, саботажных и вредительских, способному рисковать собой только в моменты массового аффекта, боец криптоармии находит в себе силы пребывать в смертельном риске не только в моменты действия, но и в перерывах между ними, когда противник выслеживает его, преследует. Это либо люди, одержимые местью, либо фанатики идеи, либо силачи воли, сознательно вступившие в столь опасную службу, либо, наконец, подневольные слуги той власти, которая требует от человека выполнения опасных заданий, держа заложниками его близких. К какой бы категории они ни принадлежали, они в принципе способны на массовые убийства, на варварские разрушения... Меру кровожадности и вандализма мятежных колонн определяет не только военная необходимость: тайноополчение может быть принуждено к умеренности, если на территории своих действий наталкивается на протесты населения, которое гнушается террора-диверсии или опасается возмездия за него... Но если **криптоармия** почувствует моральную поддержку со стороны населения, то **тайновоевание может получить весьма большое развитие.** Таким образом, этот вид военной деятельности зависит от определенных психических качеств бойцов - решимости, жестокости и от психического расположения населения на театре такого воевания. Следовательно, тайновоевание - не только оперативно-тактическое, но и психологическое искусство...

Мятежевойна внесет еще одно важное изменение традиционных военных понятий. Теория военного искусства всегда осуждала **стратегию престижа,** и практика войн подтверждала справедливость этого осуждения. Но мятежевойна - война психологическая. Престиж - штука

психологическая. Поэтому не всегда будет ошибкой, если стратег временно отодвинет на второй план цели военные, географические, экономические и на авансцену поставит поднятие престижа своей стратегии, воинства, страны. Или - спасение их престижа... Рожденные государственным порядком стратеги, как Петр I, Фридрих Великий, пережили Нарву и Куннерсдорф без потери престижа, но рожденные революцией вожди-стратеги гибнут с потерей престижа: после бегства из Москвы Наполеон I не мог победить у Ватерлоо (даже не случись с ним припадок эпилепсии), и результат - отречение; после Седана Наполеон III не мог выдержать осады Парижа, и результат - Парижская коммуна. Гитлер, олицетворение национал-социалистической революции, держался престижем и поэтому не раз прибегал к стратегии престижа на войне.

В мятежевойне часто будут прибегать к стратегии престижа. Это - отклонение от догм классического военного искусства. Это - ересь. **Но мятежевойна - еретическая война.** И будут воевать еретически, пока война не отделится от мятежа, пока ре-революция не выправит перегибов революции, пока жизнь послереволюционного и ре-революционного периодов не возвратится на свой нормальный путь, на путь эволюции»[2].

Важным дополнением к вышеизложенному являются и следующие мысли Е.Э. Месснера из его более ранней работы «Лик современной войны» (1953):

«Государства жили в мире или воевали. Третьего положения не бывало. Его выдумал Троцкий: не мир и не война. Эта формула отказа от заключения мира сейчас приобрела иной смысл: отказ от явной войны. Упразднена определенная, очевидная грань между мирными и военными международными отношениями... **Можно быть в войне, не воюя явно...** Можно мирное сожительство и сосуществование совмещать с тем, что в просторечии называется "холодной войной"... Что ныне большее зло - невыносимо-трагический мир или свирепая война? "Радуйтесь войне, - говорил немцам Геббельс. - Мир страшнее ее!"... Пройдут десятилетия, жизнь оправится от нынешнего безумия. Но сейчас может настать момент, когда "благодать" мира станет людям несносной и они возмечтают о войне, чтобы временным злом устранить длительное зло трагического курьеза: не мир и не война...

Война - одна из форм борьбы за существование. Пока ее не устранят другие формы, она дозволена Законом Жизни. Но не всякий способ воевания дозволен. Не дозволена война в стиле ласки... Стиль современной войны - истребление... Дилетанты-стратеги, невежественные в военном деле, но изощренные в партийно-политической борьбе и поэтому обладающие резиновой совестью, ухватились за Людендорфов термин "тотальная война", и войны пошли путем тотальной свирепости. Однако словами "тотальная война" первоначально определяли войну всеми силами... Но понятие "война всеми силами" подменили другим: "война всеми средствами". Масоны переняли у иезуитов безнравственный принцип "цель оправдывает средства", и вершители судеб современного человечества, стремясь к целям якобы высоким, повелевают применять на войне средства низкие, от которых "земля дрожит, звезда падает" - эти слова говорил Атилла, гордясь учиненными кровопролитиями. Но после Атиллы на протяжении тысячелетия войны были войнами - воины рубили, кололи, стреляли, выполняя свой суровый долг, и Суворов убежденно мог говорить чудо-богатырям: "Бог нас водит, он нам генерал". Русские двести лет воевали против турок, но ни в тех, ни в других не создавалось ненависти.

---

2 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - Жуковский; М.: Кучково поле, 2004. - С. 59, 68-71, 126-127, 135-140, 197-198, 208-213, 299. Обе указанные работы Месснера впервые опубликованы в настоящее время именно в этой книге, сопровождаются комментариями Е.Ф. Морозова и обширным заключением Т.В. Грачевой. В последующих случаях мысли Месснера приводятся по этому интегральному источнику.

Теперь же не долгом, а ненавистью исполнены воины, сражаясь, и сатанинской ненавистью вдохновляются стратеги на низкие, не воинские предприятия, по привычке именуемые войной. Ненавистью полон мир и в дни мира, и в дни войны... Идеологическая исступленность нашего века и повсюду разлившаяся ненависть создали **стиль современной войны** - войны низменной, предельно ожесточенной, апокалипсической...

Истребляют человека массово и мучительно... Конфликты и войны стали постоянным явлением и планетарным бедствием... Сотни миллионов людей находятся под угрозой коммунистической военной инвазии, а другие сотни миллионов людей думают, что им угрожает вторжение войск реакции... Вспышки войны классически регулярной и современно иррегулярной нервируют человечество, и никто на земле не чувствует себя в безопасности от войны-революции или революции-войны...

Теперь немыслимо представить себе войну без Резистанс, без Армии Крайовой в подполье, без партизанских бригад. Теперь надо считаться с тем, что нет больше деления на театр войны и на воюющую страну: совокупность территорий противника - это театр войны. Теперь нет различия между легальными и незаконными способами войны - все способы узаконены если не конвенцией, то явочным порядком. Теперь нет разделения на войско и население - воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют явно, другие тайно, одни непрерывно, другие - при удобном случае. Теперь **регулярное войско лишилось военной монополии;** наряду с ним (а может быть, даже больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации...

Появление иррегулярного войска привело к вульгаризации понятия "войско", а отсюда - снижение военной этики. Этика допускала военную хитрость, но не коварство. Ныне же в штабах разрабатывается тайновоевание: стратегия, оператика и тактика низости - террора, вероломства, измены... Подлость вводится в систему, и арабский способ ведения войны - "грязная война" - становится основной частью каждой войны...

Воевание без войск - воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры, чему порукой факты из недавнего прошлого... Иррегулярная сила стала мощным фактором войны. Кто из офицеров с ней вдумчиво соприкоснется, перед тем открывается новый военно-политический мир, в котором заменены: долг - фанатизмом, храбрость - лукавством, благородство - жестокостью, традиции - импровизацией, порядок - своеволием, иерархия по старшинству - выдвижением энергичнейших, государственная идея - оппортунистическими лозунгами, унаследованная этика - учетом полезности, слово разума - криком буйства. Этот странный для офицерства мир врывается в войну, в стратегию - именно в стратегию, потому что иррегулярные силы за время одной войны от тактики шагнули в оператику, а теперь вступили в стратегию: почти все войско Франции - 450 тысяч - привязано к Алжиру, где партизанят сотни, терророрствуют тысячи, а саботируют миллионы арабов.

На некоторых секторах некоторых театров будущей войны народное сопротивление создаст анархию, на иных диверсии-террор вызовут всеобщее смятение, на третьих партизанство или восстание парализует вражеское общество, а на четвертых все вместе взятое превратит войну в ничем не сдерживаемую борьбу политических фанатизмов, безумствующих в убийствах и разрушениях, на фоне которых хладнокровные бои войск будут казаться актами милосердия к противнику...»[3]

---

3 Месснер Е.Э. Лик современной войны//Российский военный сборник. Вып. 16. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. - М.: Военный университет, Русский путь, 1999. - С. 370-373,

Е.Э. Месснер - великий провидец, блистательно определивший, обосновавший и предсказавший грозную опасность разрушительной мятежевойны, указавший на ее тотальность, на новый тип воевания (в духе Маркса и Энгельса, Ленина и Мао, Зиапа и Че Гевары, всяких прочих глашатаев мятежевойны). Он и его сотоварищи по эмиграции А.А. Зайцов, Б.А. Хольмстон-Смысловский, пережившие опыт двух мировых войн, призвали свободное человечество, а вместе с ним и новую, возрожденную Россию «усвоить особенности мятежевойны», серьезно подготовиться к неклассическим (необычным, мятежным) вооруженным конфликтам, все более и более определяющим геополитическую картину мира: восстаниям, войнам-революциям, различного рода полувойнам и «войнам наоборот», «военно-политическим» малым войнам, разрушительным гражданским войнам, скрытым нападениям, психологическим операциям, партизанству и террору. Месснер не только предупредил мир об угрозе Всемирной мятежевойны - («наиболее жестокой из разновидностей войны»), но и определил основы доктрины «ре-революции и военного сопротивления инвазии мятежа, мятежевойне», стратегию «противостояния иррегулярному воеванию, принявшему планетарные размеры» (об этом речь пойдет позже).

С высоты данного исторического момента следует признать, что концепция «всемирной мятежевойны» Е.Э. Месснера, исходящая из факта противостояния «цивилизация - варварство», представляется более актуальной, реалистичной, жизненно важной (судьбоопределяющей), ориентирующей и мобилизующей, чем популярная и пока еще несколько фантастическая идея «столкновения цивилизаций» американца Самюэля Хантингтона. Последний, принимая во внимание исламское возрождение и азиатский подъем, ведущиеся по линиям цивилизационных разломов войны, всего лишь только указал на возможность конфликтов между группами различных цивилизаций. Американский политолог заявил: «Глобальная война, в которую будут втянуты стержневые страны основных цивилизаций мира, хотя и крайне маловероятна, но не исключена... Наиболее вероятно, что с одной стороны в ней будут участвовать мусульмане, а с другой - не-мусульмане». Не исключил он и того, что в результате изменения расстановки сил между цивилизациями, возвышения Китая (в далекой перспективе эта страна вполне может стать главным мировым лидером), растущей самоуверенности этого «самого крупного игрока в человеческой истории» «США, Европа, Россия и Индия окажутся втянуты в поистине глобальную борьбу против Китая, Японии и большинства исламских стран»[4].

Кстати заметим, что и по поводу китайской проблемы в работах Е.Э. Месснера имеются соответствующие пророчества. Говоря о том, что компартия «Краснокитая» собирается «воевать сверхреволюционно» (по Мао и Линь Бяо, а не по Клаузевицу и Энгельсу), «ширить войну нового типа», автор «Всемирной мятежевойны» замечает, что он немало цитирует Мао Цзэдуна потому, что «предвидит окитаивание мира: уползание США из Азии и намечающийся уход Англии из земель и морей "к востоку от Суэца" создают вакуум, который станет заполнять Китай (нынешний красно-желтый или будущий вечно-желтый, но уже не "недвижный", как встарь, а динамичный, как в азийской древности, более древней, чем наша европейская древность). Попутно он, ведя расовую или расово-идеологическую борьбу против СССР или против будущей России, будет налагать китайское мышление на все континенты, в том числе налагать и свою военную доктрину, как в XIX веке Европа налагала на все континенты (в Азии на Японию, в Южной Америке на Аргентину и Бразилию) военные идеи Наполеона и воен-

---

380-385, 405-406.

4 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: Пер. с англ. - М.: ООО «Издательство АСТ». 2003. - С. 7. 515-520.

ную науку Клаузевица»[5].

К тому же еще за 66 лет до появления книги Хантингтона русский мыслитель предсказал «войну между континентами», в которой «5-6 мировых сил, на какие поделится человечество», будут бороться «за сырье, за рынки, за "место под солнцем"... В этой борьбе на долю России, зажатой между Пан-Европой и Пан-Азией, выпадут тяжелые испытания; и на нас, военных, лежит долг выковать военную мощь России»[6]. Пока же эти перспективы остаются вероятностью, предполагаемой будущей угрозой, а суровая реальность нашего времени - Всемирная мятежевойна, все более приобретающая апокалипсический характер и уже дошедшая в своем дьявольском развитии до «безграничного террора» (термин и обоснование Месснера; см. соответствующую статью в хрестоматийной части данного сборника).

Если последовать совету Месснера и взглянуть на прошедшие два столетия через призму Всемирной мятежевойны, то обнаружится, что в эту эпоху **цивилизованный мир не раз подвергался широкомасштабным нападениям («мятежеинвазии»)** со стороны различных разрушительных сил. Все нашествия-вторжения в общем и целом были успешно отбиты. Некоторые из них - не без непосредственного участия России; но наша же Родина и больше всех пострадала от них, неизменно оказываясь в эпицентре всемирных мятежевойн.

Первым таким нападением следует считать попытку Наполеона, пришедшего к власти во Франции в результате революции, разрушить старый мир, установить мировое господство, по крайней мере, изменить существующий порядок в Европе. В ходе целой серии завоевательных войн погибло свыше 5 млн. человек. Чтобы покончить с этим необычным всемирным мятежом, потребовалась длительная и упорная контрвойна коалиции государств. Для России все это в конечном итоге обернулось победоносной, но и очень трудной Отечественной войной 1812 г., освободительным походом в Европу 1813-1815 гг., неудавшимся восстанием (мятежом) декабристов в 1825 г., николаевской реакцией... По словам несостоявшегося «диктатора» полковника князя С.П. Трубецкого, декабристы, между прочим, всей душой желали «поставить Россию в такое положение, которое бы упрочило благо государства и оградило его от переворотов, подобных Французской революции, и которое, к несчастью, продолжает угрожать ей в будущности»[7].

Именно в процессе этой серии войн, вполне заслуживающих обозначения «мировая война», в борьбе с «Великой армией» Наполеона в качестве эффективного асимметричного средства проявило себя партизанское движение (успешные действия партизан в Испании и России). Сразу же вслед за этим в трактатах о войне и военном искусстве (Клаузевиц, Жомени) появились главы о «малой» и «народной» войнах, а общим обозначением народной партизанской войны стало испанское слово «герилья»[8]. Одним из первых теоретиков партизанской войны

---

5 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 150.

6 Месснер Е. Война между континентами//Вестник военных знаний (Сараево). - 1930. - № 6. - С. 29-30.

7 Цит. по: Гор дин Я.А. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 г.; После мятежа: Хроника. - М.: ТЕРРА. 1997. - С. 53.

8 У Месснера находим определение и этому понятию: «Герилья - вооруженное народное самостоятельное сопротивление; партизанство - такое же сопротивление, но поддерживаемое войском страны, заинтересованным этим сопротивлением. Оба термина применяются сейчас не только к участию народных групп в войне против внешнего врага, но и к революционным восстаниям против режима, правительства своей страны. У нас с 1812 года смешали крестьянское сопротивление французам с действиями "корволанов" (летучих кавалерийских отрядов) Фигнера, Давыдова, Сеславина, атамана Платова и др. и назвали последние партизанскими отрядами, хотя они были войсковыми (кавалерийскими и казачьими). Партизанами же предводили старостиха Василиса, помещик (полковник в отставке) Энгельгардт, коллежский асессор Шу-

(он же и практик, войсковой партизан) стал наш соотечественник генерал и поэт Денис Васильевич Давыдов (1784-1839), оставивший Русской армии в наследие работы: «Дневник партизанских действий 1812 года», «О партизанской войне», «Опыт теории партизанского действия» и другие.

В настоящую Всемирную мятежевойну превратилась более чем столетняя разрушительная работа различного рода коммунистических (прокоммунистических, радикал-социалистических) партий, союзов, организаций и движений, сеявших «смятения и мятежи» (революции, восстания, классовую борьбу, гражданские войны, партизанство и террор) по всему миру. В Европе коммунистическое движение началось с создания Союза коммунистов (1847), принятия «Манифеста Коммунистической партии» (1848), разработанного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Однако ни этой организации, ни созданному в последующем (1864) Международному товариществу рабочих (Первому интернационалу) не удалось «уничтожить капитализм». Революции 1848-1849 гг. во Франции и Германии потерпели крах. Маркс был выслан из этих стран (приютили в Лондоне) за неуплату налогов, подстрекательство к восстанию, призывы к массовому революционному террору, пропаганду гражданской войны, создание вооруженных народных ополчений и организацию комитетов безопасности... После позорно проигранной французским правительством Франко-прусской войны 1870-1871 гг. революционерам на короткое время (с 18 марта по 28 мая 1871 г.) удалось захватить власть и провозгласить Парижскую коммуну. После этого «основоположникам научного коммунизма» стало ясно, что «победоносная пролетарская революция» реально может состояться только в условиях проигранной государством войны, лучше - в хаосе будущей затянувшейся всеевропейской войны (которую русский философ В.С. Соловьев за пятнадцать лет до ее начала по праву назвал «непростительным междоусобием»).

Революционное движение в России оказалось «успешнее», чем в Западной Европе. Почти полвека различного рода радикальные партии и их боевые организации (народовольцы, левые эсеры, большевики, анархисты и т.д.) готовили революцию, упорно боролись (несмотря на казни и военно-полевые суды) с самодержавием - используя террор, политические убийства, восстания, партизанскую войну, агитацию и пропаганду, привлекая народные массы на свою сторону, разлагая армию, запугивая власть и полицию, дезорганизуя экономическую жизнь страны.

В завоевании и разрушении России в конечном итоге преуспела одна из террористических партий - большевики. Причем задачу эту они решили в условиях, когда страна отражала германское нашествие. Причины успеха связаны были со слабостью сначала царского и затем демократического правительств, затянувшейся непопулярной войной и правильно выбранной стратегией длительного действия. Революционные социал-демократы отказались от «мелкого» и ничего не решающего индивидуального террора, сделали ставку на народное вооруженное восстание и массовый террор; выдвинули лозунг поражения своего правительства в империалистической войне, превращения ее в войну гражданскую; осуществили разложение многомиллионной армии (и флота), использовали ее в интересах разрушительной революции. Их стратегия и тактика мятежевоевания - «искусство побеждать» - блестяще представлены в работах В.И. Ленина. Вот только некоторые их названия: «Об уличной борьбе», «Падение Порт-Артура», «Революционная армия и революционное правительство», «От обороны к нападению», «Задачи отрядов революционной армии», «Первая победа революции», «Войско и революция», «Армия и народ», «Уроки московского восстания», «Партизанская война», «Восста-

---

бин и др.» - Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 135.

ния в армии и на флоте», «Война и российская социал-демократия», «О поражении своего правительства в империалистической войне», «Социализм и война», «Военная программа пролетарской революции», «Русская революция и гражданская война» и другие[9].

Используя затяжной характер Первой мировой войны, недовольство народных масс, небольшой кучке политических революционеров-фанатиков фактически бескровно удалось осуществить (в условиях военного времени!) государственный переворот - «Великую Октябрьскую социалистическую революцию», насильственно установить (здесь уже без гражданской войны и большой крови, репрессий и террора не обошлось) свою оккупационную власть на одной шестой части земного шара и с этого плацдарма (с земли русской! - немыслимо!) приступить к раздуванию мировой коммунистической революции. Именно с октября 1917 г. страна наша под названием Советский Союз со всем ее несчастным народом, недоизуродованным и недорасстрелянным опричниками Ленина - Троцкого - Сталина, а потом и Гитлера, стала почитаться-считаться экспансионистским государством, оплотом «сил зла и террора», «империей зла», противостоящей цивилизованному человечеству.

До окончания Второй мировой войны, **успехи коммунистической мятежеинвазии** были более чем скромны. Если не считать, что за это время еще одна большая страна со значительным населением - Китай - подверглась коммунистическому нашествию. Опиравшейся на Красную армию Коммунистической партии Китая во главе с Мао Цзэдуном в ходе двух гражданских и одной национально-освободительной (против японских оккупантов) войн удалось в 1949 г. захватить власть в этой стране и сохранить ее до настоящего времени.

Для того чтобы добиться этой цели, китайский революционный вождь организовал крестьянство для ведения партизанской войны, разработал уникальную концепцию мятежевоевания, идеально подходящую к китайским условиям того времени. Суть ее выражали следующие установки: 1) провозглашение «новой эпохи войн и революций» («мы живем в новую великую эпоху - эпоху мировой революции»; «начиная с 1927 года и вплоть до победы во всей стране, в течение 22 лет, мы непрерывно вели революционные войны, ведя войны мы свергли господство буржуазии и Гоминьдана, конфисковали бюрократический капитал...»; «большая революция не может не пройти через гражданскую войну»; «без революционной войны невозможно уничтожить классы»); 2) рассмотрение коммунистического строительства как военной кампании («наша революция подобна военной кампании: не успели мы завершить победоносное сражение, как тут же выдвигается новая задача»; «наш коммунизм сначала был осуществлен в недрах армии»; «демократия возникает в армии»; «чтобы победить врага, мы прежде всего должны опираться на армию, у которой в руках винтовка; но одной только этой армии недостаточно: нам нужна еще армия культуры...»; «сейчас мы ведем строительство; это тоже жестокая война, ряд лет самоотверженной борьбы»); 3) ставка на затяжную революционную (народную, партизанскую) войну («только народной войной можно одержать победу над национальным врагом»; «в основном вести партизанскую войну, но не отказываться и от ведения маневренных действий регулярными войсками при наличии благоприятных условий»; «широкая и затяжная партизанская война представляет собой нечто совершенно новое в истории войн, которые вело человечество»); 4) главную роль в борьбе социализма с капитализмом выполняет вооруженная борьба, в которой «каждый дерется по-своему», но побеждает тот, кто умеет: «обучаться на поле боя», «превращать малые бои в большие», «сосредоточивать и рассредото-

9 См., к примеру: В.И. Ленин о войне, армии и военной науке: Сборник: В 2 т. - М.: Воениздат, 1957. - (Библиотека офицера); Ленин Н. Стратегия и тактика гражданской войны. Сб. статей и речей Н. Ленина/Вступ. ст. Ем. Ярославского. - Харьков: Гос. изд-во. Украины, 1925.

чивать свои силы», «расчленять и уничтожать противника по частям»; 5) уверенность в собственной правоте и своих силах («мы не боимся изоляции и никогда не будем изолированы; мы непобедимы», а «окончательный развал западного мира неизбежен»)[10].

Вторая мировая война 1939-1945 гг. была одновременно и Всемирной мятежевойной, в которой цивилизованному человечеству (включая и захваченную большевиками Россию) пришлось противостоять фашистской угрозе, завоевательной, агрессивной и направленной на установление мирового господства политике национал-социалистической Германии.

В войне с фашизмом (национал-социалистическим мятежом против всего мира) солидарно участвовали десятки государств со своими вооруженными силами. Сотни тысяч человек по всему миру самоотверженно боролись с коричневой чумой в партизанских отрядах и движении Сопротивления. Если Мао Цзэдуну уже было ясно особое значение партизанской войны - что она может стать не только «широкой и затяжной», но и «независимой и самостоятельной» - то после Второй мировой войны о стратегической роли партизанских действий заговорили не только революционеры, но и бывшие генералы гитлеровского вермахта. Вот что, например, отметил генерал-полковник в отставке Лотар Рендулич:

«История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую же большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне. По своим размерам оно представляет собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на фронтовые войска и на проблемы снабжения, работы тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны... Для немецкого командования партизанское движение и движение Сопротивления были совершенно неожиданными. Ему пришлось уже в ходе самой борьбы изучать формы партизанской борьбы, так как найти какой-либо исторический пример подобной "войны из-за угла" (в которой бойцы маскируются большей частью под обыкновенных мирных жителей, когда удар всегда наносится из засады, а наносящий его постоянно уклоняется от открытого боя и бесследно исчезает) оно не могло... Чем больше места завоевывает себе в современной стратегии маневренная война, чем больше теряют значение государственные границы и чем сильнее развиваются в народах идеологические и политические противоречия, а вместе с ними и классовая борьба, тем сильнее становится опасность того, что **формы партизанской войны наложат свою печать на все конфликты, которые могут возникнуть в будущем.** Поэтому проблема партизанской войны заслуживает самого серьезного внимания...»[11]

Е.Э. Месснер в своей работе «Мятеж - имя Третьей всемирной» счел возможным заметить: «Партизанство дало физиономию Второй всемирной войне, писал германский генерал-полковник Рендулич... В минувшую войну партизанство из засадных банд превратилось в ополчение, отважившееся вступать в единоборство с вражеским регулярным войском. Партизанство признается сейчас единственным способом обороны малых народов против больших. Повстанчество возмужало не только организационно, физически, но и психически, почувствовав себя мятежеополчением, иррегулярным войском, дополняющим регулярное войско государства. Правы предвидящие (как генерал Хольмстон), что **в будущих войнах партизанство будет**

---

10 См.: Мао Цзэдун. Избранные произведения по военным вопросам: Пер. с кит. - М.: Воениздат, 1958; Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1-4: Пер. с кит. - М.: Изд-во Иностр. лит., 1952-1953; Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати: Пер. с кит. - Вып. 5: 1964-1967 годы. - М.: Прогресс, 1976.

11 Ито ги Второй мировой войны: Сб. статей: Пер. с нем. - М.: Изд-во Иностр. лит., 1957. - С. 135-138.

играть огромную роль, соперничая с войском в выполнении стратегических задач»[12].

Вторая мировая война стала самой разрушительной и кровопролитной из войн. В ней погибло свыше 55 млн. человек. Наибольшие жертвы понес Советский Союз, потерявший 27 млн. человек (большинство из них мирные жители). Как и в случае с Гражданской войной, несмотря на победу и приобретенные территории, «война стала катастрофой невероятных масштабов»[13]. Это был самый ощутимый удар по генофонду страны после большевистского обильного кровопускания (в Гражданской войне, а также от голода и репрессий, по разным оценкам, погибло от 13 до 16 млн. наших соотечественников). В сравнении с фашизмом (с его человеконенавистнической расовой теорией) большевизм (с его всего лишь коммунистической утопией и классовой борьбой) был гораздо меньшим злом.

Планируя и развязывая тотальную войну против Советского Союза, Гитлер и его окружение прикрывались фиговым листком «мировоззренческой, идеологической войны», спекулятивным тезисом о необходимости и оправданности борьбы с большевизмом-коммунизмом. (В определенной степени именно это повлияло на выбор в пользу добровольного или вынужденного сотрудничества с вермахтом отдельных групп русской эмиграции, а также некоторой части бывших военнослужащих Красной армии, оказавшихся в плену. В «местных вспомогательных силах», «русском охранном корпусе», «русской освободительной армии» таких коллаборационистов насчитывалось около миллиона человек - цифра, которая заставляет, по крайней мере, задуматься.) На самом же деле курс был взят на «беспощадную ликвидацию России» по принципу «завоевать и уничтожить», пройтись «мечом и плугом». С немецкой педантичностью предусматривалось: расчленить ее территорию (с последующей германизацией и колонизацией, передачей отдельных частей страны Финляндии и Турции); стереть с лица земли (разрушить) Ленинград, Москву и другие крупные города Советского Союза; уничтожить-довести до «примитивизации» (до рабского уровня) население, в том числе и интеллигенцию («снизить огромную биологическую силу русского народа»); использовать все ресурсы страны в интересах германского рейха; «изолировать Россию от Запада», повернув ее лицом на Восток. Реальные действия (насилие, террор, расстрелы, угон в рабство и т.д.) фашистов на территории нашей страны наглядно подтвердили эти установки. Антикоммунистическая риторика не мешает (только помогает) увидеть все это в высказываниях фашистских лидеров, а также во многих официальных документах.

Из протокольной записи совещания Гитлера: «В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли им и, в-третьих, эксплуатировали... Самое основное: создание военной державы западнее Урала никогда не должно снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия...»[14]

Из дневника начальника генерального штаба сухопутных войск вермахта Франца Гальдера, законспектировавшего речь фюрера на одном из совещаний: «Борьба двух идеологий: уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Огромная опасность

---

12 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 70.

13 Война Германии против Советского Союза 1941-1945: Документальная экспозиция. Русский вариант/Под ред. Рейнгарда Рюрупа. - Берлин: Аргон, 1991. - С. 8.

14 Преступные цели - преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). - М.: Экономика, 1985. - С. 48.

коммунизма для будущего... Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника... Эта война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке сама жестокость - благо для будущего» (30.03.1941 г.)[15].

Из речи рейхсляйтера Альфреда Розенберга: «Сегодня же мы ищем не "крестового похода" против большевизма только для того, чтобы освободить "бедных русских" на все времена от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить Германскую империю, навсегда освободить Германию от политического давления с Востока... Война с целью образования неделимой России поэтому исключена. Замена Сталина новым царем или выдвижение на этой территории какого-либо другого национального вождя - все это еще больше мобилизовало бы все силы против нас. Вместо этой, имеющей, правда, до сих пор распространение идеи единой России выступает совершенно иная концепция восточного вопроса...» (20.06.1941 г.)[16].

Из замечаний доктора Ветцеля по генеральному плану «Ост»: «Административное дробление русской территории и планомерное обособление отдельных областей окажется одним из средств борьбы с усилением русского народа... Вторым средством, еще более действенным, служит ослабление русского народа в расовом отношении... Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот германскому руководству. Эта масса расово неполноценных, тупых людей нуждается, как свидетельствует вековая история этих областей, в руководстве... Мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения... Для нас, немцев, важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы он не был больше в состоянии помешать нам установить немецкое господство в Европе»[17].

Из речей рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера: «Я хочу сказать и думаю, что те, кому я это говорю, и без того понимают, что мы должны вести войну и наш поход с мыслью о том, как лучше всего отнять у русских людские ресурсы - живыми или мертвыми? Мы это делаем, когда мы их убиваем или берем в плен и заставляем по-настоящему работать, когда мы стараемся овладеть занятой областью и когда мы оставляем неприятелю безлюдную территорию. Либо они должны быть угнаны в Германию и стать ее рабочей силой, либо погибнуть в бою. А оставлять врагу людей, чтобы у него опять была рабочая и военная сила, по большому счету, абсолютно неправильно. Такое нельзя себе допустить. И если в войне будет последовательно проводиться эта линия на уничтожение людей, в чем я убежден, тогда русские уже в течение этого года и следующей зимы потеряют свою силу и истекут кровью» (24.04.1943 г.). «Надо делать все, чтобы при отступлении с Украины там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни единого грамма зерна, ни метра железнодорожного полотна, чтобы не уцелел ни один дом, не сохранилась ни одна шахта и не было ни одного не отравленного колодца. Противнику должна остаться тотально сожженная и разоренная страна» (сентябрь 1943 г.)[18].

Советский Союз, объявив Отечественную войну против фашистской агрессии, сохранив присутствие духа и проявив твердость и упорство, призвав на помощь примеры великих пред-

---

15 Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. - М.: Воениздат, 1969. - С. 430-431.

16 Преступные цели - преступные средства. - С. 41.

17 Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы, материалы. - М.: Воениздат, 1987. - С. 131-132.

18 Война Германии против Советского Союза 1941-1945. - С. 9, 103-104.

ков и славные боевые традиции прошлого (что, кстати, высоко оценил в своей статье «Опыт войны с Россией» бывший генерал-полковник вермахта Гейнц Гудериан[19]), добился Великой Победы и, несмотря на огромные потери, колоссально увеличил свою мощь и влияние в мире. Но все это было растрачено затем в «холодной войне», которой Е.Э. Месснер, предвидя будущее, предлагал дать более точное название: «Всемирная мятежевойна». В 60-80-е гг. XX столетия наша страна, по сути дела, возглавила все значимые мятежные сражения против «империализма и колониализма», поучаствовала в национально-освободительном движении («интернациональная братская помощь» советниками, вооружением, войсками не менее чем в 40 регионах мира), в небывалой по своим масштабам гонке вооружений и в конечном итоге запуталась-надорвалась в Афганистане, а затем и пала жертвой развязанной самим же советским руководством Всемирной мятежевойны против Запада.

В конце концов, Свободный мир (едва не побежденный этими мятежами), как бы прислушавшись к теории и рекомендациям Месснера и других аналитиков, осознал опасность всемирной революции и коммунистической мятежеинвазии, «завоевал» по-настоящему и в конечном итоге добился победы. Коммунистическая система рухнула. К сожалению, под ее обломками оказался Советский Союз, распавшийся на пятнадцать независимых государств. И надо честно признать, что **«холодная война» как определенная историческая фаза Всемирной мятежевойны** завершилась полной победой США и их союзников по НАТО. В этой войне Советский Союз (оккупированная и изуродованная большевиками историческая Россия) почитался «империей зла», врагом и был полностью уничтожен как государство (не без содействия и прямого участия «дурной» политики советского руководства, целенаправленной работы внутренних разрушительных сил). И вновь никто не испытывал особой жалости к некогда грозному врагу, к «бедным русским» и не желал сохранения «единой и неделимой России». И даже после 1991 г. по инерции (хотелось бы предположить только это) разрушительная работа в духе «холодной войны» продолжалась и против Российской Федерации, которая и до сих пор некоторыми кругами Запада рассматривается не как новая Россия, а в качестве нереформируемого, по-прежнему угрожающего западному миру крупного осколка Советского Союза, который якобы через десять-пятнадцать лет распадется еще на 6-8 частей. По этому поводу известный писатель Герой Советского Союза В.В. Карпов отмечал на страницах «Литературной газеты» летом 2004 г.: «Сейчас, по существу, идет Третья мировая война. Идеологическая, психологическая, информационная. Бескровная, но ее результаты для нашей страны ужасающи. Разрушен Советский Союз, уничтожена советская власть, идет обнищание и вымирание народа»[20].

Примечательно и то, что победа Запада в «холодной войне» достигнута была не открытой военной силой, а в основном подрывными действиями: непрямой стратегией, «небоевым» и полубоевым использованием вооруженных сил, тайными операциями, гонкой вооружений, истощением, смутами, восстаниями, мятежами, «финансово-организационными бомбами», непродуманными реформами и т.д. (т.е. тем же мятежевоеванием, которое успешно использовали коммунистические силы в борьбе против «империализма и колониализма» на протяжении нескольких десятков лет).

Несмотря на «еретический» характер этой войны (не было классических межгосударственных кровопролитных сражений массовыми армиями, велась она в мирных условиях и т.д.), многие современные аналитики (не только западные, но и отечественные) называют ее вслед

19 См.: Итоги Второй мировой войны. - С. 109-110.

20 Литературная газета. - 2004. - №17. - 28 марта-4 мая.

за Месснером Третьей мировой войной, хотя и делают при этом несколько иные выводы. Так, например, на страницах журнала «Военная мысль» В.П. Гулин пишет: «В общем "холодная война" по основным признакам, особенно по ее результатам, может быть названа Третьей мировой войной. Ее итогом стал развал мировой системы социализма, распад Организации Варшавского Договора как одного из мировых центров силы. Произошли крупномасштабные геополитические сдвиги, перегруппировка сил, коалиций и союзов, смена политических режимов, возникло около 30 новых государств. По последствиям смены миропорядка минувшая война не только сравнима с двумя прошлыми мировыми войнами, но и превосходит их. Представляется, что в ходе противостояния держав в многополюсном мире XXI века "бескровная война" займет свое место как средство разрешения противоречий между странами и мировыми центрами силы»[21].

Разумеется, «холодная война» для многих ее участников оказалась не такой уж «бескровной». За 40 лет этого необычного противоборства в многочисленных локальных войнах и вооруженных конфликтах погибло по крайней мере 20 млн. человек[22]. Но даже эта цифра смотрится незначительной по сравнению с теми 110 млн., истребленными коммунистическими режимами в течение XX века. При этом больше всех было уничтожено в СССР - 62 млн. человек; из них на счету Сталина - 42,6 млн. В Китае за 1928-1987 гг. погибло 45 млн. человек; за смерть 37,8 млн. из них ответствен Мао Цзэдун[23]. Именно Мао, а не современные фанатики-исламисты, одним из первых призвал «не бояться большой войны» с капиталистическим миром, не пугаться больших потерь, не страшиться смерти:

«Нужно быть готовыми к встрече со всякого рода неприятностями. Нужно быть готовыми к стихийным бедствиям, к потере посевов на больших площадях. Нужно быть готовыми к большой войне. Как быть, если империалисты сбросят атомную бомбу?.. Война, ну и хорошо. Быстрее можно будет начисто покончить с империализмом... Войны не нужно бояться. Будет война - значит, будут мертвые... Смерть не страшна. Если из 600 миллионов человек половина погибнет, останется 300 миллионов человек. Со времени императора У-ди до эпохи троецарствия, до Северных и Южных династий население Китая с 50 миллионов человек сократилось почти до 10 миллионов... По-моему, атомная бомба не страшнее большого меча... После танских и минских императоров войны велись мечами, и во время этих войн было убито 40 миллионов человек. Если во время войны погибнет половина человечества - это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть населения. Через сколько-то лет население снова увеличится... Если действительно разразится атомная война, не так уж это плохо. В итоге погибнет капитализм и на земле воцарится вечный мир»[24].

Наряду с СССР Китай также участвовал в Третьей мировой войне (во Всемирной мятежевойне) на стороне разрушительных сил. Руководители «Краснокитая» призывали «уничтожить господство империализма», верили в ускорение революционного прогресса, развал западного мира, считали, что «настоящие тигры изменились и стали бумажными». И, тем не менее, они вовремя (с 1979 г.) покинули мировые поля мятежесражений и сосредоточились на сохранении и упрочении своей страны, которая в настоящее время, пусть все еще и под крас-

21 Гулин В.П. О новой концепции войны//Военная мысль. - 1997. - №2. - С. 15.

22 См.: Крупнов Ю.В. Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост. - СПб.: Издательский дом «Нева». 2004. - С. 83.

23 Эти и другие жуткие данные приводятся в книге шведского автора Пера Альмарка «Открытая рана». В данном случае см.: Известия. - 1997. - 30 окт.

24 Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. - Вып. 2: июль 1957-декабрь 1958 года. - М.: Прогресс. 1975. - С. 255-257.

ным знаменем, уверенно шагает в сторону капитализма, а возможно, и к великому будущему. Нам же, россиянам, проигравшим, отставшим, утратившим тысячелетнюю государственность, постоянно теряющим драгоценное время и упускающим возможности, остается только сожалеть о том, что мы не последовали китайскому образцу, винить остальной мир за свои же ошибки и промахи, за нежелание развиваться эволюционным путем.

Но и после устранения коммунистической угрозы в мире не стало спокойнее, мятежевойна никуда не исчезла. Она сохранила форму малой войны (конфликта низкой интенсивности) и подверглась еще большей приватизации. При этом войны стали развязывать не только государства, а просто наемники, отдельные группы боевиков, преступные организации, предводители банд и ополчений, руководители экстремистских организаций. В новой мятежной среде иррегулярное воевание приобрело небывалую популярность, стало использоваться особенно «творчески» и изощренно, при небывалом уровне жестокости и без всяких ограничений (соблюдения международно признанных правил войны). **Партизанство и терроризм из подчиненных тактических и даже стратегических элементов (способов боевых действий) превратились в самостоятельные виды войн.** Разрушительным силам стало окончательно ясно, что мятежевоеванием (особенно партизанско-террористической войной) можно достичь большего, если оставаться на этом уровне (т.е. не доводить дело до регулярства и открытого противоборства со значительно более мощным противником, как то еще имело место при захвате власти коммунистами в России, Китае и Вьетнаме).

Как бы не определялся терроризм, сколько бы не говорилось о его протестной природе, корнях и глубинных причинах, но одно непреложно - это не просто дестабилизирующее насилие-запугивание, направленное против гражданского населения, инфраструктуры, военных, политических и экономических объектов. Терроризм - это уже самостоятельный способ борьбы, качественно новая (изощренная, агрессивная и разрушительная) форма ведения войны, чрезвычайно дешевое и эффективное политико-военное оружие, позволяющее воевать психологически, малыми силами, с очень большой кровью, достигать значительных результатов одним-двумя ударами или серией ударов. (Имеется в виду, конечно, современный терроризм, который стремится превратить весь мир в арену непрерывных сражений.) Подтверждается это не только ужасной действительностью начала XXI века, но и, например, следующим однозначным заявлением знаменитого террориста Ильича Рамиреса Санчеса, больше известного под кличкой «Карлос», отбывающего в настоящее время срок во французской тюрьме. В интервью израильскому журналисту он дал следующее определение терроризму: **«Террор - это война. Террор - это военная стратегия и средство борьбы, призванное победить объект при помощи страха»[25].**

В связи с этим принципиально важно познакомиться с нижеследующими суждениями профессора Херфрида Мюнклера (ФРГ), взятыми из его статьи «Терроризм сегодня. Война становится асимметричной»:

«Постепенно становится ясно: терроризм в его современном виде - это одна из форм войны. Он полностью подпадает под восходящее к Клаузевицу определение войны как акта насилия с целью навязать противнику свою волю. Разумеется тот, кто в теории ограничивает войну определенным видом или способом ее ведения, например обязательным использованием армии, которая сражается за контроль над территорией, будет оспаривать утверждение, что террористические сети, лидеры военизированных формирований и полевые командиры ведут войну. В

25 Цит. по: Рыбаков В. К вопросу о терроризме, или Две стороны одной медали//Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - №3. - С. 50.

крайнем случае их назовут "агентами организованного насилия". Но такой подход упрощает историю войн, оставляя от нее лишь межгосударственные войны в Европе в XVII-XX веках...

Изменение форм войны не позволяет выделить в долгосрочной перспективе четкой закономерности - может быть, лишь с тем исключением, что формы войны, "отработанные" во всех своих возможных вариантах, заменяются другими формами, которые содержат новый потенциал. Представляется, что одной из таких новых форм является транснациональный терроризм, нацеленный на асимметричные действия, посредством которых тот, кто в технологическом и организационном плане бесконечно уступает своему противнику, обретает способность вести долговременные боевые действия. Что же до классической межгосударственной войны, то она вследствие колоссальной силы ядерного оружия и высокой уязвимости современных обществ превратилась в исторически изжившую себя модель...

Терроризм - это одна из новых форм ведения войны, которая, по всей вероятности, будет определять ситуацию с войнами в XXI веке, причем независимо от тесных связей, которые сегодня существуют между терроризмом и радикальным исламом. **Терроризм следует рассматривать не как форму выражения определенной идеологии, а как стратегию применения силы,** которая в принципе доступна любому слабому игроку. В своей первоначальной форме, получившей развитие в России в последние десятилетия XIX века, терроризм был тесно связан с идеей социальной революции и в силу этого рассматривался скорее как форма гражданской войны, нежели мировой...

Терроризм не служит, как это часто утверждается, оружием бедных, **терроризм - способ борьбы слабых.** В этом смысле он заменил партизанскую войну. Но партизанская война - это преимущественно оборонительная стратегия; терроризм, напротив, по сути своей - стратегия наступательная. Партизанское движение возможно лишь при наличии у партизан тесных этнических или социальных связей с местными жителями. Именно отсутствие таких связей привело к провалу проекта Че Гевары по организации наступательной партизанской войны в боливийских джунглях. Без помощи населения неосуществим и классический террор социал-революционеров и национал-сепаратистов.

В то же время новейшие формы транснационального терроризма практически независимы от поддержки местного населения. Террористы новейшей формации гораздо больше зависят от слабых мест в инфраструктуре тех стран, на которые нападают, поскольку используют элементы инфраструктуры как оружие (например, гражданские самолеты в качестве разрушительных снарядов). Таким образом, **терроризм, который долгое время осознавался всеми как одна из форм партизанской борьбы, становится самостоятельным игроком...** При партизанской войне речь идет о господстве на определенной территории. Цель же терроризма - если он является самостоятельной стратегией, а не подчиненным тактическим элементом революции или сепаратистского движения, - нарушить или остановить потоки товаров, услуг, капитала, людей и информации, то есть всего того, что составляет жизнь современного общества... Страх, распространяемый новыми формами терроризма, - это атака на психическую инфраструктуру всего общества. "Заинтересованной третьей стороны" - в том виде, в каком она присутствовала в изначальном варианте терроризма, больше не существует. Таким образом, террористическая кампания более не является этапом в рамках общей стратегии, а представляет собой **самостоятельный уровень борьбы**, где переход к другой форме насилия, например к партизанской войне, вовсе не обязателен...

Террористическая угроза характеризуется, как правило, асимметричной расстановкой сил. В прежние времена терроризм и, конечно, стратегия партизанской войны были формами асим-

метричной войны, но почти всегда асимметрия выражала слабость революционеров или партизан. По мере наращивания ими сил асимметрия постепенно, шаг за шагом, исчезала. Как раз наращивание сил и достижение возможности симметричного ответа было целью почти всех партизанских войн и основой маоистской партизанской доктрины. В новейших формах транснационального терроризма этого нет. Асимметричная конфронтация больше не рассматривается как ступень к достижению желанной симметрии, перспектива достижения равенства сил с противником вообще не рассматривается.

Новейшая стратегия имеет далеко идущие последствия; она показывает, сколь реалистично оценивают ситуацию те, кто планирует и осуществляет террористические кампании. Если Мао Цзэдун имел основания надеяться, что китайская освободительная армия в ходе войны сравняется или превзойдет по мощи японскую оккупационную армию, а затем и гоминьдановские вооруженные силы, то подобного рода ожидания у Усамы бен Ладена или Аймона аль-Завахири были бы полной иллюзией. **Новейшие формы терроризма основываются, таким образом, на том, что рассматривают асимметрию не как временное состояние, а как своеобразный ключ к успеху.** Поэтому открытое военное столкновение с западными державами не предполагается даже в отдаленном будущем. Напротив, делается все, чтобы такого столкновения не произошло. Этому оптимально соответствует организационная структура в виде непривязанных к определенной территории террористических сетей.

Все это позволяет относительно слабым игрокам на международной арене бросить серьезный вызов сильным и богатым государствам».

Херфрид Мюнклер сравнивает современные формы терроризма с опустошительными войнами древности (в том числе 30-летней войной), когда кочующие орды варваров врывались в процветающие центры цивилизации, огнем и мечом наносили им в первую очередь экономический ущерб. Военные операции против такого противника были чрезвычайно затруднены, поскольку он исчезал так же быстро, как и появлялся. Новейшая террористическая «орда» (сеть), преследуя в слабейшей форме сильнейшие цели, также стремится нанести противнику неприемлемый ущерб, действует скрытно, мобильно, проявляется только в момент нападения, не оставляет времени для принятия оборонительных мер, и это дает ей возможность наносить урон во всех отношениях более сильному противнику[26].

По сути дела, немецкий профессор размышляет над проблемой терроризма в рамках все той же теории мятежевойны (только уже применительно к условиям настоящего времени). Своей книгой «Новые войны», опубликованной в 2002 г., целой серией последующих статей он вообще стремится привлечь внимание к феномену неклассических (нетрадиционных, постнациональных) войн, показывает, что последние 20 лет в современной мировой истории абсолютно преобладающее место заняли вооруженные конфликты нового типа (что и предсказывали русские военные мыслители, находившиеся в эмиграции).

В этих новых конфликтах мало логики и много иррационального. И все же они обладают почти всеми признаками, характерными для мятежевойны: существуют в условиях «ни войны, ни мира»; развиваются в рамках малой войны (конфликта низкой интенсивности); характеризуются устранением классических различий между внутренним и внешним, вооруженным на-

---

26 Мюнклер Херфрид. Терроризм сегодня. Война становится асимметричной: Пер. с нем.//Иностранная литература. - 2004. - №9. - С. 218-225. Этот номер журнала посвящен памяти жертв террора. В его содержании представлены и другие интересные статьи по данной тематике. Так, например, публикуются «исповедь» знаменитого в прошлом террориста Карлоса, роман французского писателя Фредерика Бегбедера «Windows on the World».

силием и организованной преступностью, нападением и обороной, цивилизацией и варварством, «ползучим перемещением военных действий от вооруженной силы на гражданское население»; представляют собой чаще всего внутренние (гражданские) войны со своей особой экономикой; не несут в своем содержании культурного, миросозидательного смысла, а, наоборот, являются разрушительными (государства и общества дестабилизирующими, подрывающими) войнами; ведутся асимметрично, чаще всего в партизанском стиле и террористическими методами (при все большем тяготении к тайновоеванию, скрытой изматывающей борьбе); обладают опасным свойством взаимосвязываться, транснационализироваться, приобретать-провоцировать качество неклассической мировой войны (интернационализированной гражданской войны).

По сравнению с эпохой «холодной войны», когда вооруженная борьба осуществлялась в основном по идеологическим или национально-освободительным причинам, **«новые войны»** по преимуществу являются «разгосударствленными», «частными», криминализированными конфликтами. Они возникают на основе религиозных, этнических, племенных противоречий по причине борьбы за власть, ресурсы и территории. Эти конфликты, в которых используются легкое оружие, взрывчатые вещества, гражданская техника и инфраструктура, иностранные наемники, «ополчения» и даже дети, обходятся дешево, служат средством самоутверждения, пропитания и обогащения для участвующих в них игроков (особенно высокого ранга). «Война не по правилам» развилась в них до недопустимых пределов, характеризуется небывалым уровнем фанатизма, насилия, кровавости и жестокости, усиленного к тому же средствами массовой информации, которые превратились в мощное оружие этой действующей вне рамок международного права войны. По всем этим причинам современные войны длятся десятилетиями, причем в них вялотекущие фазы перемежаются всплесками насилия и настоящими боевыми действиями. Как любые гражданские войны с высоким уровнем приватизации насилия и скрытого воевания, порождаемые к тому же целым спектром противоречивых и трудно уловимых мотивов, их сложно победить (умиротворить).

Мюнклер (как и другие исследователи «новых войн») вполне обоснованно опасается, чтобы эти деструктивные войны, которые в последние годы наблюдались в Африке, Афганистане, Югославии и т.д., не стали будущим погруженного в хаос человечества[27].

Опасность таится не только в том, что «новые войны» разрушают государства и подрывают международный порядок, множат ряды фанатиков-террористов, повстанцев-партизан и иностранных наемников. Как отмечает военный исследователь и офицер военной разведки США Ральф Питерс, в атмосфере разрухи и гражданских войн выковывается многомиллионный (!) «класс новых воинов» - наследников средневековых «псов войны», полувоенных воинов-головорезов, жестоких и хорошо вооруженных. Они умеют лишь убивать и потому заинтересованы в бесконечной войне. Для них мир является «наименее желанным состоянием дел». Вне

---

27 См.: Münkler, Herfried. Die neuen Kriege. - Berlin: by Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, 2002. - 286 S. - (Bundeszentrale für politische Bildung. Schriftenreihe: Band 387.) Содержание книги заслуживает того, чтобы опубликовать ее на русском языке. См. также: Münkler, Herfried. Sind wir im Krieg? Über Terrorismus, Partisanen und die neuen Formen des Krieges//Politische Vierteljahresschrift (PVS). - 2001. - Heft 4. - S. 581-589: Münkler, Herfried. Die Kriege des 21, Jahrhunderts//Gewerkschaftliche Monatshefte. - 2003. - Heft 4. - S. 193-204; Münkler, Herfried. Politik und Krieg. Die neuen Herausforderungen durch Staatszerfall, Terror und Bürgerkriegsökonomien//Armin Nassehi, Markus Schroer (Hrsg.). Der Begriff des Politischen. - Baden-Baden: NOMOS Verlagsgesellschaft, 2003. - S. 471-491; Münkler, Herfried. Wandel der Weltordnung durch asymmetrische Kriege//Josef Schroefl, Thomas Pankratz (Hrsg.). Asymmetrische Kriegsführung - ein neues Ph änomen der internationalen Politik? - Baden-Baden: NOMOS, 2004. - S. 85-93.

войны и беспорядка они не видят смысла своего существования. В отличие от «солдат» «воины-боевики» не придерживаются общепринятых правил, не уважают договоры и не следуют приказам, если они им не нравятся. Они не собираются открыто противостоять регулярным вооруженным силам в честном бою, а «воюют только тогда, когда они знают или уверены в своем абсолютном превосходстве». Причем воюют исподтишка, устраивая засады, организуя провокации, применяя снайперов, вербуя предателей в рядах противника (т.е. «в стиле мятежа», если употребить терминологию Месснера). Для достижения своих целей «воины-боевики» готовы пойти на любые подлости и бесчестные приемы, зная что регулярные войска, в силу довлеющих над ними морально-этических норм, не могут ответить им тем же. Ральф Питерс полагает, что Запад в целом, вооруженные силы цивилизованных государств пока что не в состоянии эффективно противостоять «классу новых воинов» и политическим режимам, ими установленным[28].

В «новых войнах» боевиками, террористами и повстанцами доведены до совершенства, искусства и особой изощренности восстания, мятежи, партизанство, диверсии, террор, психологические операции, атаки террористов-смертников (иррегулярное воевание в целом)...

Многие из перечисленных признаков «новых войн» подтверждаются выводами такой солидной научно-исследовательской организации, как Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ).

Всего за тринадцатилетний период после окончания «холодной войны» (1990-2002) в мире произошло 58 крупных вооруженных конфликтов. Ежегодное их количество колебалось от 21 (2002) до 33 (1991). Чаще всего они не были похожи на войны прошлого. Имели в основном межнациональный или этнополитический характер. Ни один из них нельзя было назвать «большой войной» в традиционном значении этого понятия. Вообще конфликт «государство против государства» (когда обе стороны действуют исключительно в собственных национальных интересах) стал редкостью. В своем абсолютном большинстве конфликты происходили внутри государств, имели характер гражданских войн с тенденцией к интернационализации, оказывали дестабилизирующее влияние на соседние государства и целые регионы. (Так, например, 11 из 15 наиболее смертоносных конфликтов 2001 г. выплеснулись за пределы границ одного государства; с территории охваченного гражданской войной Афганистана базирующаяся там группировка «Аль-Каида» даже спланировала и нанесла террористические удары по США; югославский конфликт повлиял на политику многих стран). В пятнадцати из них иностранные государства посылали на помощь той или иной противоборствующей стороне свои регулярные войска[29].

После краха коммунистической системы и окончания «холодной войны» под воздействием модернизационных процессов, глобализации и фрагментации международного режима безопасности, эрозии государственной власти достаточно большое число государств оказалось поражено слабостью, не позволяющей им контролировать ход событий на своей территории; соответственно они стали базами и безопасными убежищами для международных преступных и неформальных террористических структур (сетей). Особо опасную среду, питающую конфликты и поддерживающую их длительное время, создало сочетание слабости государств с наличием природных богатств. Именно от слабых и беспомощных стран и негосударственных

---

28 См.: Попов И. Солдат против «воина». Мир для боевиков означает только одно - смерть//Независимое военное обозрение. - 2004. - №6. - 20-26 февр.

29 См.: Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. - М.: Наука, 2004. - С. 234-237.

субъектов, а не от сильных и богатых государств, как это ни парадоксально, стала прежде всего исходить угроза международной безопасности. Этот факт многократно отмечался на страницах Ежегодника СИПРИ директором СИПРИ (1991-2002) профессором Адамом Даниэлем Ротфельдом. По поводу двух изложенных выше тенденций им же еще при оценке событий 1997 г. замечено:

«Сегодня международная среда безопасности гораздо более сложна, чем в биполярную эру холодной войны... Место резко сократившейся угрозы мировой войны заняли внутригосударственные конфликты, которые подрывают стабильность и безопасность на национальном и региональном уровнях... В анализе внутригосударственных конфликтов, разгоревшихся после прекращения холодной войны, внимания заслуживают два часто недооцениваемых аспекта. Во-первых, под каким бы флагом они ни развивались - этническим, национальным, религиозным или каким-либо другим, - гражданские войны сегодня происходят в основном в государствах, потерпевших крах. Это особенно верно для тех случаев, когда в упадке находятся экономика государства и институты, призванные охранять законность, порядок, и соблюдение прав и свобод человека. Во-вторых, в отличие от "классических войн" в конфликтах постбиполярного периода враждующие стороны не придерживаются правовых принципов или норм гуманитарного права, которые определяют кодекс поведения во время войны. Варварские методы, применяемые участниками конфликтов, сопровождающиеся распространением организованной преступности и пренебрежением к закону, чрезвычайно затрудняют эффективное вмешательство международных институтов с целью мирного урегулирования споров»[30].

Мятежевоевание и «новые войны» велись в 1990-2002 гг. на территориях Югославии, Советского Союза, России (Ингушетия. Северная Осетия, Чечня, Дагестан), Таджикистана, Азербайджана (Нагорный Карабах), Грузии (Абхазия, Южная Осетия), Молдавии (Приднестровье), Афганистана, Алжира, Индии (Кашмир), Израиля (Палестина), Судана, Сомали, Руанды, Анголы, Колумбии и других стран.

Среди современных кризисов и опасностей в исследованиях СИПРИ особо выделена в качестве проблемы на длительную перспективу **угроза международно-организованного терроризма,** который осуществляется различного рода агрессивными и экстремистскими (воинствующими) негосударственными криминальными организациями-группировками в основном исламистского толка. А.Д. Ротфельдом отмечаются нижеследующие особенности данного необычного явления.

Первое. Нельзя недооценивать взаимосвязь глобализации с массовым терроризмом. Именно в век глобализации возникли благоприятные условия для образования международного терроризма - террористического интернационала, безграничной террористической сети или «международного неформального террористического сообщества». И именно вследствие глобализации терроризм превратился из локальной в общемировую проблему. Террористические удары 11 сентября 2001 г. по США явились началом первой крупной войны эпохи глобализации. Они сделали очевидным то, что, хотя во многих регионах мира угроза внешней агрессии отсутствует, национальная безопасность не гарантирована ни одному государству, включая США.

Второе. Но удары, нанесенные террористами, не были актами войны против глобализации, войны бедных против богатых или «войной цивилизаций». Речь идет о конфликте ценностей, а не религий. Поэтому, скорее всего, эти теракты явились частью (детонирующим импульсом)

---

30 Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружения, разоружение и международная безопасность. - М.: Наука, 1999. - С. 19, 21-22.

своего рода гражданской войны в исламском мире с целью дестабилизировать ситуацию, лишить авторитарные режимы в мусульманских странах, где ислам является государственной религией, поддержки США (правительство которых под давлением народа должно было занять неоизоляционистскую позицию), остановить процесс распространения демократии и захватить власть крайними, агрессивными фундаменталистскими группировками[31].

Директор СИПРИ (с июля 2002 г.) доктор Алисон Дж.К. Бейлс придерживается несколько иной позиции, в большей степени соответствующей теории Месснера. Она считает, что человечество столкнулось с новой «разновидностью» терроризма, который не ограничивается целями, связанными с проведением преобразований в родной стране или регионе террористов, или с непосредственно участвующими в судьбе данного региона игроками, такими как колониальные державы:

«Складывается впечатление, что, скорее, он нацелен на уничтожение ценностей, достижений и веры в себя международной системы, как таковой. Такая **философия разрушения** не является чем-то новым в мировой истории, - вспомним хотя бы анархистов XIX века, - однако ее современный вариант гораздо страшнее, поскольку охваченные процессом глобализации общества представляют более широкие возможности для проникновения и доступа к целям. Она опаснее из-за доступа к оружию, во много раз более разрушительному, нежели обычная для XIX века бомба. Именно здесь следует искать логическое объяснение тому, что объектом повышенного внимания стали угрозы со стороны так называемых "государств-изгоев"... Руководящие этими государствами диктаторы уже продемонстрировали крайнюю заинтересованность в приобретении ядерного, радиологического, химического и биологического оружия, а также то, что они могут получать необходимые для этого материалы из самых разных источников. Они далеки от того, чтобы открыто осуществлять свою деятельность и говорить о своих доктринах и намерениях, и могут вести себя безрассудно при использовании такого оружия против населения собственной страны и других государств. В свете всего вышесказанного есть все основания рассматривать транснациональный терроризм, "государства-изгои" и оружие массового уничтожения как единый комплекс угроз демократическим обществам. Такие угрозы экзистенциальны по глубине своего действия; асимметричны в том, что исходят от более слабых или более неуловимых противников, которых невозможно просто нейтрализовать или сдерживать; и, по этим и другим причинам, труднопреодолимы в рамках принципов и норм политики безопасности, сложившихся в конце XX века»[32].

Уже есть все основания полагать, что современные террористы могут и готовы применить оружие массового поражения (химические и биологические агенты уже использовались) в случае, если такая возможность им представится или они сочтут это необходимым. Но, осознавая это, важно иметь в виду и более общие выводы, сделанные, например, руководителем проекта СИПРИ по химическому и биологическому оружию доктором Жаном Паскалем Зандерсом:

«11 сентября 2001 г. террористы направили три гражданских самолета на здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и здание Пентагона, отделенное рекой от города Вашингтона. Эти беспрецедентные теракты радикальным образом изменили представления о безопасности сразу в нескольких направлениях. Во-первых, демократические государства по всему миру ныне чувствуют себя более уязвимыми перед лицом возможной агрессии, особенно если

31 См.: Ежегодник СИПРИ 2002. Вооружения, разоружение и международная безопасность. - М.: Наука, 2003. - С. 1-21.

32 Ежегодник СИПРИ 2003. Вооружения, разоружение и международная безопасность. - С. 4-5.

учесть, что террористы воспользовались открытостью этих обществ при организации своих акций. Во-вторых, события показали, что основная угроза состоит не в том, что по данному обществу может быть нанесен массированный удар с применением современных видов оружия, а, скорее, в возможности неожиданных и непредсказуемых действий, осуществляемых относительно простыми средствами, но тем не менее чреватых чудовищными последствиями для общества, против которого эти действия направлены. В-третьих, стало ясно, что система национальной безопасности, основанная на пассивной обороне и способная смягчить последствия таких ударов, может оказаться не в состоянии обеспечить эффективную и своевременную защиту граждан и жизненно важной инфраструктуры»[33].

Самюэль Хантингтон также отмечает всплеск насилия («нарушение мира») и феномен необычных войн конца XX века («войн вдоль линий разлома цивилизаций», «этнических конфликтов», «националистических мятежей» и т.д.), объясняя их, в том числе, и «мусульманской воинственностью», «предрасположенностью мусульман к насилию, к силовым решениям», «мусульманским антизападничеством». Но сам факт начавшейся (по его мнению) войны между Западом и исламским миром, ему приходится трактовать не только в духе «столкновения цивилизаций», но и в рамках более реалистичной парадигмы Всемирной мятежевойны. Если Месснер для аналогичных случаев применял термин «невойна», «неявная война», то Хантингтон использует понятие «квази-война». Вот что им написано за несколько лет до событий 11 сентября 2001 г.:

«Принимая во внимание то, какие представления друг о друге преобладают у мусульман и народов Запада, и учитывая возросший исламский экстремизм, вряд ли стоит удивляться тому, что вслед за иранской революцией 1979 года между исламом и Западом развернулась **межцивилизационная квази-война.** Квази-войной она является по трем причинам. Во-первых, весь ислам не воюет со всем Западом... Во-вторых, эта война - квази-война потому, что - если не говорить о войне в Персидском заливе 1990-1991 гг., - ведется она ограниченными средствами: терроризм - с одной стороны, воздушная мощь, тайные операции и экономические санкции - с другой. В-третьих, это квази-война потому, что, хотя насильственные действия продолжаются, они также не ведутся без перерыва. Она представляет собой акции одной стороны, которые вызывают ответные действия другой. Тем не менее, квази-война остается войной... Число погибших исчисляется тысячами... Более того, обе стороны признают этот конфликт войной...

Если мусульмане утверждают, что Запад воюет с исламом, а на Западе заявляют, что исламские группировки ведут войну с Западом, то резонно допустить, что война ведется на самом деле. В этой квази-войне каждый участник конфликта использует в своих интересах собственные сильные стороны и слабости другого. В военном отношении это в значительной мере террористическая война против воздушной мощи. Фанатичные исламские боевики, пользуясь открытостью стран Запада, устанавливают начиненные взрывчатками машины у выбранных целей. Западные военные, используя открытое небо ислама, сбрасывают "умные" бомбы на выбранные цели. Исламские террористы составляют заговоры с целью убийства видных деятелей Запада; США строят планы по свержению экстремистских исламских режимов... Действия участников этой войны в отношении друг друга отличаются куда большим уровнем насилия, чем та тактика, которой придерживались Соединенные Штаты и Советский Союз друг против друга в "холодной войне". За редкими исключениями, ни одна из супердержав не убивала целенаправленно граждан или даже военнослужащих стороны противника. В квази-вой-

33 Там же. - С. 815.

не подобное происходит постоянно...»[34]

К настоящему времени, однако, «межцивилизационная квази-война», другие новые войны конца XX века однозначно проявили себя не как «война цивилизаций», а как очередной виток Всемирной мятежевойны, в которой современный международный терроризм (и остальное революционное «партизанство») одинаково угрожает всем (выделенным Хантингтоном) основным мировым цивилизациям: Западной (Европа, Северная Америка, Австралия и Новая Зеландия), Православной (с центром в России), Исламской, Синской, Индуистской, Латиноамериканской, Африканской, Буддийской, Японской.

Таким образом, 11 сентября 2001 г. во время внезапного нападения боевиков «Аль-Каиды» на США, а возможно, и несколько раньше, мир в очередной раз вступил в эпоху Всемирной мятежевойны, имеющей в этот раз тотально-террористический характер. То есть она дошла в своем развитии до глобального террора, пройдя предшествующие исторические стадии: «войны-революции», фашистской «тотальной войны», «холодной войны» и «мировой войны-герильи».

Происходящие сегодня военно-политические события многие исследователи (и отдельные политические деятели) уже однозначно квалифицируют как продолжение Третьей или даже начало Четвертой мировой войны. Вот что пишет, например, В. Шестаков в заключении книги «Террор - мировая война»: «У высших приматов - людей, в отличие от львов или крыс, достижение желаемого места в социальной иерархии уже не связано с физической силой индивидуума. В ход идут все прочие способности и умения. И террор, как высшая форма войны людей, - скрытая, хитроумная, беспощадная и всепроникающая, - на ближайшее время наверняка станет определять судьбы человечества в грядущем столетии. Третья мировая война - ведь она могла сниться нам лишь в кошмарах! Но она уже началась, и простые обыватели не в силах остановить ее, потому что именно против них она и направлена. И эта война не очень похожа на первые две мировые, она - террористическая...

Какова роль террора в нынешнем развитии цивилизации? Террор в самом ближайшем будущем может стать практически единственной формой силового воздействия в отношениях между людьми и большими группами людей (например, странами), поскольку старые формы тотальной войны (фронтовая-окопная, ядерная, химическая или десантная) оказываются гораздо более дорогими и намного менее эффективными. Кроме того, сегодня глобализация привела к тому, что интересы (торговые, финансовые, политические, культурные) уже не локализуются по отдельным странам, а становятся выражением устремлений интернациональных групп, людей и организаций. Иначе говоря, "фронта" больше нет и быть не может. Фронтом можно с некоторой натяжкой назвать только информационные каналы.

Мир вступает в стадию новой мировой войны, о которой пророчески говорил президент США Джон Кеннеди более сорока лет назад. Хотя для него это было, очевидно, случайным пророчеством. Впрочем, он и сам погиб от рук террористов, так до сих пор и не определенных окончательно»[35].

Не случайным это пророчество было, напомним об этом, для русского военного мыслителя Евгения Эдуардовича Месснера, научно обосновавшего в те же 60-70-е гг. XX в. наступление эпохи Всемирной мятежевойны - Третьей мировой войны.

Как считает заместитель директора Института экономических стратегий А.И. Неклесса, **новая мировая война - «хаосусложная», «сетевая», «диффузная», «точечная», «акупунктур-**

---

34 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - С. 340-343.

35 Шестаков В. Террор - мировая война. - С. 308, 313-314.

ная», «всерьез и надолго связанная с нешаблонными видами угроз». По его мнению, она определяется тем, что в мире начинается интеллектуальная, мировоззренческая борьба прежних институтов цивилизации и начал какой-то иной культуры, в которой активно используется такой особый политический инструмент, как «системный терроризм» («новый терроризм»), и все более влиятельной становится **экспансия сетевых организаций,** базирующихся на существенно иных принципах:

«Это гибкие, амбициозные корпорации, выступающие как вполне самостоятельные, динамичные субъекты, и производят они порой чрезвычайно эффективные действия. Сетевые организмы функционируют на основе паутины множества горизонтальных связей. В качестве внятной аналогии я бы сослался на "вирусные" атаки или на поведение "червей", "троянов" в электронном пространстве... По понятным причинам корпорации - образования куда менее инертные, чем бюджетные структуры, к которым относятся и вооруженные силы, и спецслужбы, и общественные системы безопасности в целом. Но теперь им также приходится перенимать **сетевые правила игры,** сравнивать ключевые преимущества/пороки децентрализации и автономии с конкурентоспособностью привычных вертикальных командных линий... В неограниченной моральными и административными препонами деятельности легальных и иллегальных организаций неформальный стиль и гибкость оказываются существенным преимуществом. Именно с этим столкнулось государство и в "феномене 11 сентября", и в трагедии Беслана...

Мир испытывает воздействие весьма диверсифицированных, определенным образом мотивированных организованностей, использующих для достижения своих или чужих стратегических целей террористические методы и широкий спектр средств, созданных высокоиндустриальной/постиндустриальной цивилизацией. Политический и идеологический компоненты, а также концептуальное и стратегическое целеполагание продуцируют максимальные усилия членов подобных организованностей, вплоть до готовности совершать чудовищные с точки зрения человеческой морали деяния...

Цивилизация столкнулась с широким спектром агрессивных действий прямого и косвенного характера, против которых у нее нет адекватной защиты. Нынешние системы обеспечения общественной безопасности были созданы для борьбы с системами нападения государств или их коалиций, по крайней мере с агрессией отчетливо выраженных институтов, с чем-то, что как минимум имеет географически локализуемую институциональную структуру. А против нового класса угроз, против типологически новых, "распыленных" по планете субъектов эти системы не работают, их мощь уходит в песок. На планете возникает феномен "диффузных войн", происходит диффузия временных и пространственных границ конфликтов, их субъектов и объектов, применяемых средств, мишеней и методов ведения боевых действий»[36].

Интересна в связи с вышеизложенным не менее философская, но все же более «приземленная» позиция Джангира Араса - автора информационно-аналитического справочника по негосударственным военизированным системам, вышедшего в свет под названием **«Четвертая мировая война».** Его точка зрения близка по духу к воззрениям Месснера и очень многое проясняет в современной проблеме войны и мира. Во введении к справочнику Джангир Арас пишет:

«Характерной особенностью Первой и Второй мировых войн было прямое вооруженное столкновение противоборствующих сторон с применением ими эксклюзивного инструмента

---

36 Неклесса А. Террор и антитеррор в меняющемся мире. Системы безопасности, основанные на бюрократии и тотальном контроле, оказались неадекватными новым угрозам//Независимая газета. - 2004. - 28 сент.

государственного насилия - регулярных вооруженных сил (в традиционном значении этого понятия). Однако стремительное развитие средств вооруженной борьбы после 1945 г. обозначило фактический конец эпохи многомиллионных армий. Уже на этапе генезиса Третьей мировой ("холодной") войны начала формироваться новая универсальная тенденция. Две глобальные системы, создавшие потенциал многократного уничтожения человеческой цивилизации, в интересах собственного самосохранения перенесли эпицентр взаимного противостояния на мировую периферию.

Именно там, на периферии, и именно тогда, на начальном этапе Третьей мировой, впервые выявилась и очень скоро полноценно реализовалась качественно новая военно-политическая категория - самостоятельные военизированные структуры и системы, не имеющие определенной принадлежности к существующим государственным институтам. Эти структуры и системы, первоначально возникавшие в силу локальных условий, логикой "холодной войны" при поддержке противоборствующих мировых центров силы немедленно вовлекались в многочисленные продолжительные кризисы и ожесточенные вооруженные конфликты практически повсеместно - в песках африканских пустынь и в южноамериканских джунглях, в азиатских горах и на улицах европейских городов. Именно они стали основным носителем формирующейся "культуры Калашникова" - новой массовой тенденции, основанной на силовом нигилизме и решении всех проблем через вооруженное насилие.

В результате поражения одной из противоборствующих систем в "холодной войне" двухполюсная формула мирового устройства прекратила существование. Последствиями явились тектонические геополитические сдвиги, формирование многополюсного мира и децентрализация его военно-политического ландшафта, развертывание процесса глобализации и встречного процесса сопротивления, латентная эрозия национальных государств, вытекающие из этого факта частичное ограничение суверенитета и ликвидация государственной монополии на насилие. Заданные параметры, которые будут определять развитие человечества последующие десятилетия, выдвинули на первый план фактор негосударственных военизированных структур и систем - основных субъектов развертывающейся Четвертой мировой войны.

У каждой войны есть формальная, общепризнанная дата ее начала. Первая мировая началась 1 августа 1914 г.; Вторая - 1 сентября 1939 г.; Третья - 5 марта 1946 г. (речь Черчилля в Фултоне). Четвертая мировая война началась в 08.45 утра 11 сентября 2001 г., когда первый из самолетов, захваченных боевиками организации "Аль-Каида", врезался в северную башню Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Даже поверхностный анализ первых 10 месяцев этой войны, простое перечисление событий, географических направлений и фронтов позволяют оценить пространственный размах и масштабы процесса. Крупнейшие теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне; последующая атака с применением биологического оружия на территории США; боевые действия на территории Афганистана; параллельный конфликт между Индией и Пакистаном (с перспективой взаимного обмена ядерными ударами); локальные военные операции в Йемене, Сомали, Колумбии, Грузии, на Филиппинах; арабо-израильский конфликт; ожидаемая военная кампания против Ирака; усиление военно-политического давления на Иран и Северную Корею с вытекающей высокой вероятностью реализации самых жестких сценариев; глобальные тайные операции спецслужб; другие действия, истинный смысл которых станет ясен гораздо позже...

Следовательно, Четвертая мировая война представляется обширным и многовекторным процессом, в котором реализуются формулы будущих конфликтов, предсказанных в свое время профессором Самюэлем Хантингтоном ("глобальное столкновение цивилизаций"), идеоло-

гом антиглобализма субкомманданите Маркосом ("война между неолиберализмом и человечеством"), бывшим начальником французской разведки графом Александром де Маранш ("противостояние между западной цивилизацией и арабо-исламским миром"), Элвином Тоффлером, полковником Джоном Бойдом, многими другими футурологами.

Четвертая мировая война - доминирующая военно-политическая компонента современного многополюсного мира, характерной особенностью которого является существенное снижение фактора межгосударственных вооруженных конфликтов и боевых действий в их классическом понимании... На первый план выдвигаются иные приоритеты, вытекающие из выявившейся системы глобальных нетрадиционных угроз, повсеместно обостряющихся этнических, конфессиональных, социально-экономических противоречий различного уровня, фрагментации мирового военно-политического контекста, фактора многочисленных "малых войн" (повстанческих войн, "мятежевойн", конфликтов низкой интенсивности). Основными субъектами этих процессов, разворачивающихся на обширных геополитических пространствах от Западной Сахары и Восточного Тимора до Северного Кипра и Южного Судана, являются **негосударственные военизированные структуры и системы...**

Развертывающаяся мировая война по своему практическому содержанию и исполнению является асимметричной войной... Теракты 11 сентября на территории США ("Пёрл-Харбор XXI века") по своим оперативным, техническим и идейным аспектам явились практической, эффективной и эффектной реализацией классической концепции асимметричных боевых действий, отражающей неравноценные военные, экономические, финансовые и технические возможности вступивших в конфликт постиндустриальных и традиционных обществ. Развернутую характеристику такой войны дал полковник Том Спайсер, бывший офицер британских сил специальных операций SAS, ветеран Фолклендского конфликта и действующий директор частной военной организации Sandline International: **"...концепция асимметричной войны** - коктейль терроризма, организованной преступности, обычного регионального конфликта, проблем с природными ресурсами, массовой миграцией, контрабандой людей, заболеваниями..."

Чтобы отчетливо понять суть асимметричных боевых действий, вникнем в детали отдельного эпизода Четвертой мировой войны. Раннее утро 12 октября 2000 г. Акватория морского порта Адена (Йемен). Эсминец ВМС США Cole (бортовой номер 67) - современный многоцелевой военный корабль стоимостью почти миллиард долларов, с уникальными возможностями загоризонтального поражения целей ракетным вооружением, сложнейшими системами управления, средствами радиоэлектронной борьбы, гидроакустического слежения, космической связи, обеспечивающими контакт в реальном режиме времени с любой точкой планеты; с высококвалифицированным экипажем, обучение, подготовка и содержание каждого члена которого обходится в астрономическую сумму, - короче, интегрированная боевая единица огромного флота единственной оставшейся сверхдержавы. И с другой стороны - маломерный рыболовецкий катер с подвесным мотором в пару сотен лошадиных сил, заряд в несколько десятков килограммов взрывчатого вещества, которое можно купить на любом базаре, и два малообразованных фанатика, готовых не только убить, но и умереть сами. Результат - 17 убитых и 46 раненых военнослужащих, материальный ущерб в сотни миллионов долларов, не поддающийся оценкам морально-психологический шок среди личного состава и командования, оперативное напряжение по всему периметру американских зарубежных военных баз, политический удар по дипломатическим усилиям США, и т.д., и т.п. Эпизод в Аденском заливе однозначно раскрывает суть асимметричной войны - практическую реализацию сторонами диамет-

рально противоположной философии ее ведения, экспрессивного вида боевых действий против инструментального вида боевых действий...»

В справочнике собраны данные (название, состав, численность, вооружение, характер деятельности, интернет-сайты и т.д.) по более чем 1000 негосударственных военизированных структур: повстанческо-партизанским вооруженным формированиям и движениям, террористическим группировкам, организованным преступным сообществам, экстремистским партиям и союзам, тоталитарным религиозным сектам, хакерским группам, частным структурам по оказанию военной поддержки на коммерческой основе, структурам обеспечения финансового, политического и иного прикрытия. Главное, что их объединяет: они обладают национальной принадлежностью, но при этом не имеют государственного статуса; организованы по военному образцу (военизированной схеме); применяют насилие или угрожают его применением. Все структуры сгруппированы в трех разделах: первый (ударный) эшелон (боевики, террористы) - вооруженные формирования и террористические группы (в том числе транснациональные), действующие в 135 странах мира; второй (обеспечивающий) эшелон (экстремисты, радикалы) - легальные и запрещенные общественно-политические организации, партии, движения, смежные с ними неправительственные структуры; третий (периферийный) эшелон (бандиты, сектанты, наемники, хакеры, кракеры, байкеры, ультрас, экологи...) - организованные преступные сообщества, неструктурированные в организационном плане этнические и конфессиональные сообщества, тоталитарные религиозные объединения, частные военные организации. Представлена также триада современного мегатерроризма, состоящая из военного (боевого), террористического и криминального компонентов. Давая общую характеристику рассматриваемым структурам, автор справочника особо отмечает:

«Негосударственные военизированные системы (структуры) по состоянию на начало XXI века находятся в состоянии непрерывной динамики и многовекторной трансформации. Одним из подтверждений этого факта явился закон о терроризме (Terrorism Legislation Act), принятый британским парламентом 19 февраля 2001 г., который расширил категорию попадающих под определение действий от "классического терроризма" на основе политической, идейной, религиозной мотивации до деятельности организованной преступности и не всегда мотивированных акций экологических и хакерских групп.

Негосударственные военизированные системы (структуры) (по меньшей мере значительная их часть) по-прежнему продолжают осуществлять интенсивную проекцию насилия, комбинируя военные и террористические формы активности с радикальной идеологией и криминальными каналами финансирования. По уровню организации и боевой подготовки многие из них вышли на уровень регулярных армий. Они имеют относительно дешевое, но современное и смертоносное оружие самого широкого диапазона - от легкого стрелкового вооружения и противопехотных мин до истребителей-бомбардировщиков и оперативно-тактических ракетных комплексов включительно. Применяют боевые отравляющие вещества; используют средства космической связи; активно действуют в киберпространстве. Демонстрируют отчетливое стремление получить собственный доступ к расщепляющимся веществам, радиологическим, химическим и биологическим компонентам, критическим технологиям (оружие массового поражения в распоряжении военизированных структур - это уже не фантастический сюжет из повести Ричарда Престона "The Cobra Event", а жестокая реальность в виде нервнопаралитического газа в токийском метро и распыленного хлора с аммиаком на улицах Грозного зимой 1999-2000 гг.). Полностью контролируют обширные "серые зоны" - существенные участки территории целого ряда стран, выведенные из-под фактического и юридического контроля

центральных правительств и трансформированные в операционные и транзитные узлы военизированных формирований и организованной преступности. Интенсивно проникают в политическую и экономическую систему государств; располагают клонированными структурами прикрытия в виде партий и общественных организаций; имеют собственные парламентские фракции и контролируемые средства массовой информации. Осуществляют представительство в международных организациях. Участвуют в мировых экономических процессах. Формируют параллельные (теневые) транснациональные сообщества. Реализуют активное идейно-теоретическое обоснование насилия, продуцируют всемирные символы сопротивления (от Че Гевары и Маркоса до Усамы бен Ладена). Наконец, являются основными субъектами Четвертой мировой войны (асимметричной войны), международного терроризма.

С учетом всего сказанного "Четвертая мировая война", "асимметричная война" и "международный терроризм" представляются соответственно военно-политическим, оперативным и правовым аспектами единого глобального процесса, развитие которого определит будущее человеческой цивилизации. Его суть можно выразить словами профессора Макензи Ора: "Это война, которую нельзя выиграть, но нельзя и проиграть". Ее масштабы, формы, приемы, географические зоны будут постоянно меняться. Неизменным останется только сам факт войны»[37].

Приведенные суждения еще раз подтверждают то, что Всемирная мятежевойна ведется разрушительными силами на широким фронте, с использованием всевозможных подрывных средств. В связи с этим напомним о том, что в работах Е.Э. Месснера речь шла именно о «всемятеже». Он не сводил этот новый и необычный тип мировой войны только к военно-политическому (или чисто террористическому) измерению, включал в ее содержание не только партизанско-террористические действия, вооруженные восстания, перевороты и информационно-психологические операции, но и «бунтарство молодежи, благоволившей Че Геваре и Режи Дебре», «свободоубийственное свободолюбие», «всемирную революцию нравов», «уродливо выполняемые революции», «богоборчество», «фабианизм», «культ насилия» и т. д.

В то же время нельзя не признать, что на данный момент и, по-видимому, на достаточно длительную перспективу наиболее опасным ударным отрядом разворачивающейся по всему миру мятежевойны стали **террористические исламистские военно-политические группировки.** Они представляют собой настоящую транснациональную террористическую сеть, нацелены на активную борьбу, культивируют супертеррор и уже несколько лет осуществляют регулярные крупномасштабные террористические акты в различных регионах мира, наносят удары по Израилю, США и России, угрожают Европе «партизанской войной и уличными боями», держат в напряжении правительства мусульманских стран, т.е. ведут ничем не прикрытую разрушительную войну против мировой цивилизации, отдельных стран, правительств, народов и каждого конкретно взятого человека, уже не чувствующего себя в безопасности ни в одном уголке земного шара. (Кстати заметим, что именно эту войну писатель В. Аксенов удивительно точно назвал «неномерной мировой войной ублюдочного типа»[38].) Их массовый, серийный, ничем не ограниченный террор - глобальная угроза человечеству. После очередной серии взрывов (на Синайском полуострове, 7 октября 2004 г.) Президент России В.В. Путин

37 Арас Джангир. Четвертая мировая война: Информационно-аналитический справочник по негосударственным военизированным системам. - М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига», 2003.

38 Аксенов В. Норд-ост с юга. В Москве вспыхнула и за три дня прогорела бешеная схватка мировой войны//Московские новости. - 2002. -29 окт. - 4 нояб.

выразил по сути дела общее мнение, заявив в очередной раз: «Террористы развязали войну против всего человечества, против цивилизации. И мы должны противопоставить им жесткий консолидированный отпор»[39].

Наиболее примечательными и активно действующими из этой разновидности «негосударственных военизированных систем (структур)» в последнее время являлись: «Аль-Каида» («Основа»), «Международный исламский фронт против иудеев и крестоносцев», «Талибан», «Общество братьев-мусульман», «Исламский джихад Палестины», «ХАМАС» («Исламское движение сопротивления»), «Хезболлах», «Бригады мучеников аль-Аксы», «Аль-Джихад» («Священная война»), «Вооруженная исламская группа», «Исламский фронт спасения», «Армия пророка Мухаммада», «Воины ислама», «Ласкар Джихад», «Армия освобождения Косово», «Исламский фронт Джамму и Кашмира», «Исламская революционная организация», «Джамаат ат-Тахид валь-Джихад», «Исламская армия в Ираке», «Армия Махди», «Исламские батальоны единобожия», «Батальон шахидов-смертников Басаева» и т.д., и т.п. Общее число этих группировок превышает 150. В зонах напряженности и конфликтов они имеют свойство появляться как грибы после дождя, что наглядно показали события в Ираке. Численность действующих в них боевиков колеблется от нескольких десятков человек до 2000 («Аль-Каида») и более.

Вся эта черно-зеленая «рать» из «революционных движений», «союзов», «фронтов», «армий», «бригад» и «батальонов» не просто взрывает мирных жителей, захватывает заложников и публично казнит их. Под знаменем джихада («священной войны») воинствующие исламисты готовят «всемирную исламскую революцию». Они считают себя высшей (неиспорченной) расой, пытаются разрушить западную культуру и образ жизни, насадить в мусульманском мире «чистый ислам», объединить всех «верных» и «неверных» под властью «всемирного исламского халифата». Подрывают мировой порядок во имя очередной несостоятельной всемирной революции, используя достижения, инфраструктуру и вооружение самого же противника. При этом чаще всего они даже не объявляют целей террористических атак (и не всегда берут за них ответственность), так как ведут войну тотальную и считают всю западную цивилизацию (и, конечно же, Россию, что забывать нельзя) абсолютным врагом, которого надо уничтожать всеми доступными средствами и с которым не должно быть никаких соглашений. В заявлении Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации от 29 сентября 2004 г. отмечается: «Глобальный терроризм не остановится ни перед чем, пока не подчинит себе весь мир, и никакими уступками его не задобрить»[40].

Чудовищные злодеяния исламистов-джихадистов-террористов общеизвестны. Их идеологические установки практически ничем не отличаются от фашистских, напоминают по своему духу «Майн кампф» Гитлера. К примеру:

«Ислам стремится разрушить все государства и правительства, где бы они ни находились на Земле, которые сопротивляются идеологии и программе ислама. Ислам стремится завладеть всей Землей, всей планетой» (духовный отец талибов Сайид Абу-л-Маудуди).

«...Правило убивать американцев и их союзников - гражданских и военных - является индивидуальным долгом каждого мусульманина, который может это сделать в любой стране, где это возможно сделать, чтобы освободить мечеть Аль-акса и Святую мечеть (Мекка) от их захвата и чтобы их армии убрались со всех земель ислама побежденными и неспособными угрожать любому мусульманину... Мы также призываем мусульманских "улемов", лидеров, моло-

39 Цит. по: Независимая газета. - 2004. - 11 окт.

40 Российская газета. - 2004. - 30 сент.

дежь и солдат напасть рейдом на сатанинские войска США и дьявольских помощников, сотрудничающих с ними, и оттеснить тех, кто стоит за ними с тем, чтобы они получили урок» (из «Текста заявления Мирового исламского фронта, призывающего к "джихаду" против евреев и крестоносцев», 1996 г.).

«Мирные инициативы, так называемые мирные решения и международные конференции по решению палестинской проблемы - все они противоречат убеждениям Исламского движения сопротивления... Нет никакого другого решения палестинской проблемы, кроме джихада... Я клянусь, что тот, кто держит в Его Руках Душу Мухаммеда, я действительно хочу идти на войну во имя Аллаха! Я буду нападать и убивать, нападать и убивать, нападать и убивать» (из Устава организации «ХАМАС»).

«В то время как враг завоевывает и разрушает "мир ислама", некоторые мусульмане предпочитают оставаться дома, утверждая, что западная цивилизация близка к своему естественному концу... Наиглавнейший вопрос, который мы должны решить для себя, сегодня звучит так: каким образом Аллах будет наказывать еретиков нашими руками? Это наказание ни в коем случае не заключается в миссионерстве и проповедях... Джихад является единственно действенным наказанием в наших руках...» (Сейф аль-Дин аль-Ансари).

«После того, что русские устроили в Дагестане (дали отпор бандитской агрессии. - *Сост.),* ответственность за это должны нести не только солдаты, а вся русская нация, включая женщин и детей. Мы будем тренировать каждого, желающего воевать с русскими. То, что мы наблюдаем, это великий религиозный конфликт. Эра России закончилась... У них есть авиация и все виды военной техники, но нет настоящих солдат. У них не хватает духа, они не знают, за что сражаются» (иностранный наемник Хаттаб, 1999 г.).

«Русская нация... никогда не представляла из себя цельной нации. Русские - это нация без прошлого и нация без будущего. России как национального русского государства никогда не было. Естественно, Россия останется в пределах только исторической Московии, Тверской и Новгородской областей... И ни о каких интересах русских на Северном Кавказе речи не может идти... О чем здесь можно говорить, о каком мирном решении вопроса? Здесь только один выход: мечом и огнем сжечь все дотла и дорезать, кто остался жив, чтобы ни один не уполз, кто не успел уйти за очерченные нами границы в установленный срок. С теми, кто не согласится с этим мирно, будем решать вопрос вооруженным путем, с кинжалом... Революция в центре государства - в столице; в других городах и на периферии - бунты и недовольства... Будем разрушать все: от Дагестана до самой Москвы, включая Кремль. Что там история, мы напишем несколько новых кровавых страниц в новую историю нашего народа, мы сами будем делать свою историю, даже если придется погибнуть всем на земле... Мы будем сражаться на полях, в горах и на море. Вдоль и поперек, в Поволжье, на Урале и в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке» (из книги Магомеда Тагаева «Наша борьба, или Повстанческая армия Имама»).

«Я еще буду молиться на развалинах Ташкента и вашей поганой Москвы! Мир будет принадлежать мусульманам! Ваши женщины станут нашими подстилками! Ваши дети - нашими рабами. А вас, кафиров, ждет страшная смерть... Главный враг мусульман - Америка и вообще Запад. Россия тоже враг - из-за чеченского вопроса. У вас живет много мусульман, и скоро мы придем их освобождать от власти кафиров (неверных)... Нам нечего терять, но зато мы можем приобрести все... Вы обречены. Мы сожжем Узбекистан, а голодных узбеков пошлем с именем Аллаха умирать у стен Москвы. Мы убьем вас, русских, мы убьем всех евреев, а в Америке мы создадим атмосферу страха и ужаса. Там еще много самолетов, а кроме сибирской язвы

есть и другие страшные болезни» («исповедь» пленного моджахеда-талиба)[41].

Неудивительно, что воинствующий исламизм с полным основанием называют сегодня **«фашизмом нашего времени»,** угрожающим миру новым тоталитаризмом[42]. «В определенном смысле, - отмечает известный российский востоковед Л.И. Медведко, - современный терроризм как бы продолжает дело фашизма, выполняя поджигательскую роль в развязывании новой глобальной битвы»[43].

А директор Ближневосточного форума Дэниел Пайпс считает:

«Ситуация, в которой терроризм носит сегодня религиозный характер, сложилась исторически. Чтобы оправдать злодеяния, террористы выбрали эту религию, потому что одна из ее интерпретаций наиболее удобна для внушения превосходства одних людей над другими, то есть мусульман над немусульманами, и призывов ко всеобщей войне... Исламизм - радикальное ответвление ислама, он существует как отдельное учение. Однако исламизм с огромной быстротой завоевывает умы людей в разных уголках планеты. Ваххабиты - в Чечне, исламские террористические группировки - на Филиппинах... Как идеи фашизма поразили Европу в 30-е годы, так и идеи радикального исламизма сегодня опутали весь мир. И здравомыслящие мусульмане, которых пока еще очень много, теряются на фоне исламских террористов. Стереотип укрепился в сознании людей... Сегодня на Западе сконцентрировано подавляющее большинство экономической, военной и политической силы. Этот дисбаланс и порождает недовольство масс, на которое отлично накладываются радикальные исламские учения... Террористы манипулируют массами так же, как манипулировали людьми фашисты. Немцы и итальянцы после поражения в Первой мировой войне чувствовали себя униженно, на чем не преминули сыграть Гитлер и Муссолини, пропитав их умы фашистскими идеями. А ведь смысл нацистских идей и исламистских учений по сути аналогичен. Людям обещают достойное существование, путь к которому лежит через уничтожение «врага», образ которого как у фашистов, так и у исламистов очень четко очерчен... Исламизм универсально привлекателен для всех слоев населения, как и фашизм... У нас, у разумного человечества, нет другого выхода. Мы все должны объединиться против агрессора - международного терроризма. И США, несмотря ни на что, поступают правильно, оставаясь в Ираке и Афганистане»[44].

Действительно, другого выхода нет: цивилизованному сообществу государств следует победить исламистский «всемятеж» в этой очередной необычной мировой войне. Террористическую гидру должна постигнуть судьба фашистской. Логика «беспобедной войны», какую в свое время продемонстрировали Франция и США во Вьетнаме, в этом случае преступна сама по себе. На это ясно и определенно указал в свое время Е.Э. Месснер. Но и при этом не следует слишком надеяться на умеренные силы в исламском мире, на то, что они в конечном итоге возьмут верх над радикалами (пассионарии не они, а исламисты, и слишком многие мусульмане симпатизируют им, ненавидя при этом западную цивилизацию и своих вероотступников).

---

41 Цит. по: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. - М.: Междунар. отношения, 2003. - С. 86-88; Российский военный сборник. Вып. 20. Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. - М.: Военный университет, Русский путь, 2003. - С. 795-800. Существует также одиннадцатитомная «Энциклопедия джихада», в которой излагаются основы подрывной и террористической деятельности для тех исламистских организаций, которые ведут войну «с врагами нашего движения и врагами Аллаха». См.: Красная звезда. - 2001. - 6 окт. Приложение «Никитские ворота».

42 См.: Terror: Der Krieg des 21. Jahrhunderts//Spiegel special. - 2004. - № 2. - S. 9.

43 Медведко Л.И. Россия, Запад, Ислам: «столкновение цивилизаций»? Миры в мировых и «других» войнах на разломе эпох. - Жуковский; М.: Кучково поле, 2003. - С. 13.

44 Московский комсомолец. - 2004. - 18 июня.

Нельзя утешать себя и мыслью об обреченности и несостоятельности исламского проекта в сравнении с достижениями других цивилизаций. Как раз это-то и развивает комплекс неполноценности, подстегивает мятежные настроения и действия, желание разрушить западную культуру, победить ненавистный «империализм» и «неоколониализм» военным путем, раз уж не получилось доказать свои преимущества в мирном соревновании. Мусульмане всегда успешно сопротивлялись чужакам, готовы это делать и впредь с «поясом шахида», автоматом Калашникова, верой в Аллаха, в ниспосланную им идеальную концепцию мироустройства, в джихад и в конечную победу. Этот их менталитет нельзя игнорировать, как и их подспудно существующую веками нелюбовь к иностранцам.

Нельзя и недооценивать «исламскую угрозу» в целом. Все-таки исламистское движение (а оно несет сегодня знамя ислама) в его крайне радикальном, террористическом обличии, возникло не в безвоздушном утопическом пространстве (как коммунизм), а в реальном и все более расширяющемся мусульманском мире (57 государств являются сегодня членами организации «Исламская конференция»; численность мусульман за последние двадцать лет удвоилась, составив к началу 2004 г. 1,3 млрд. человек; постоянно увеличиваются «мусульманские диаспоры» России, Европейского союза, США). Вот что пишет о данной проблеме известный российский исламовед А.В. Малашенко:

«**"Исламская угроза"** в общественном сознании обрела устойчивый характер. Тем более, что это впечатление постоянно подпитывается терактами и вызывающими заявлениями исламских экстремистов. Человек с зеленой повязкой на голове и "Калашниковым" в руках - привычный и типичный архетип мусульманина... Всерьез думать, что когда-нибудь джихад субституируется в "исламскую угрозу", до середины 80-х, пожалуй, не отважился бы даже автор теории "столкновения цивилизаций" Самюэль Хантингтон. Я сознательно закавычиваю термин "исламская угроза". И делаю это отнюдь не потому, что боюсь обидеть мусульман. Кстати, многие из них - кто открыто, а кто "застенчиво" - гордятся тем, что в той или иной степени причастны к этой самой угрозе, которой так страшится Запад, в том числе всемогущие Соединенные Штаты. То, что воспринимается на Западе как исламская угроза (уже без кавычек), на самом деле есть огромная, многомерная проблема. Достаточно сказать, что развернувшаяся ныне борьба против исламского терроризма (вот тут именно исламского, ибо есть еще терроризм католиков, протестантов, индусов, сикхов и др.) не может быть успешной без устранения его причин, что, увы, займет бесконечно долгое даже по историческим меркам время. Исламская проблема - увлекательнейшая геополитическая интрига нового века. В самом начале XXI столетия многие заглавные события в мире творятся именно на землях ислама или напрямую связаны с мусульманами. И вряд ли кто-то возьмется предсказать скорое и тем более благополучное завершение этих перипетий...

Хотя исламистские группы тесно сотрудничают друг с другом, они не объединены в общее глобальное движение. "Зеленого интернационала" не существует, да они в таковом и не нуждаются. Отсутствие единой структуры, однако, никоим образом не означает слабость исламизма. Это обстоятельство скорее символизирует его масштабность, присутствие в каждом мусульманском государстве и социуме. Нечто подобное можно сказать и о самой крайней, непримиримой форме его выражения - терроризме. Террористическое движение строится по сетевому принципу. Составляющие его группы автономны. Каждая группа, партия, движение, в свою очередь, также атомизированы. Члены ячейки, состоящей из трех-пяти человек, знают только своего наставника. Этот последний знаком лишь с непосредственным начальником. Очень часто группировка, партия представляет собой сложное "многопрофильное" объедине-

ние, в которое входят политическое, экономическое (финансовое) звенья и подразделение "прямого действия", иначе говоря, непосредственные исполнители терактов. Состав последнего непостоянен. Наличие в террористической группировке собственной финансовой составляющей снижает ее зависимость от внешнего спонсора. Это, например, ослабляет их зависимость от некоторых государств Персидского залива, в частности от Саудовской Аравии, что делает действия террористов еще более непредсказуемыми. Директор американского ФБР Роберт С. Мюллер отмечает высокую мобильность и адаптивность "Аль-Каиды" (а, следовательно, всей террористической сети). Организационная полицентричность экстремизма компенсируется его идеологической целостностью. Причем речь, естественно, идет не о какой-то разработанной унитарной группой идеологов доктрине, но о неких общих и очень простых трех-четырех идеях-лозунгах: защита ислама от экспансии Запада, наказание вероотступников-колаборационистов, создание собственной идеальной модели общества.

Жестокая структуризация террористических организаций сделала бы их более уязвимыми для противника. Разгром нескольких групп, десятков, даже сотен боевиков, пленение или уничтожение бен Ладена вряд ли приведет к полной победе над религиозным экстремизмом. Скорее всего, место бен Ладена займет кто-то еще, а "Аль-Каида" и ее партнеры, обойдя многочисленные расставленные спецслужбами капканы, сохранят свои ячеистые структуры и продолжат свое дело. Это суждение применимо к ситуации в России, где борьба с терроризмом обостряется всякий раз после совершения того или иного крупного террористического акта, но затем превращается в обычную малоэффективную рутину. "Мы бьем по хвостам", - откровенно признал один из представителей российских спецслужб, расследовавший взрыв в московском метро в феврале 2004 г. Судя по всему, в России экстремизм также не располагает какой-то одной структурой, но представляет собой несколько взаимодействующих друг с другом и с зарубежными «коллегами» группировок, что еще более затрудняет работу спецслужб. Заметим, что террор в России не исчез и после того, как российским спецслужбам удалось, пользуясь выражением французского журнала "Defense nationale", отключить от Чечни "внешнее легкое" (т.е. финансирование извне)...

После десятилетий флирта США и СССР с экстремистскими движениями, в том числе и "Талибаном", некоторыми палестинскими группировками и т.д. ... ныне в западных и восточных столицах возобладало мнение о невозможности длительного манипулирования исламизмом, успешного использования его против третьих сил, ибо, как показывает опыт, исламисты в конечном счете будут поступать в соответствии с логикой собственных интересов и легко поворачивают оружие против недавних союзников и спонсоров...

В чем же состоит опасность исламизма, в первую очередь радикального толка? Для самих мусульман она заключена в том, что, во-первых, исламистская идеология фактически уводит их от решения проблем модернизации общества. Исламизм создает иллюзию, что оптимальное решение уже существует, но внутри самого мусульманского общества, а также за его пределами есть некие злые силы, препятствующие реализации этого решения. Во-вторых, исламизм занимает нишу политической оппозиции, частично вытесняя из нее своих светских конкурентов. В-третьих, стимулирует ксенофобию. В-четвертых, исламисты могут допускать крайние формы борьбы во имя достижения своих целей, включая террор. Наконец, в-пятых, они отождествляют себя со всем исламом, а будучи политически наиболее активной частью мусульманства, сравнительно легко добиваются того, что весь мусульманский мир и в самом деле по всему своему геополитическому периметру рассматривается именно сквозь призму исламизма... Показательно, что 44% американцев убеждены, что ислам поощряет насилие. Па-

радоксальность ситуации состоит в том, что с исламизмом как религиозно-политическим направлением все равно придется существовать. Его нельзя рассматривать как временного противника вроде коммунизма, опиравшегося на одну-единственную державу, после исчезновения которой он в считанные годы утратил свое могущество»[45].

С учетом всего этого, видимо, преждевременно делать вывод «о закате исламистского движения», о его поражении в мусульманском обществе и мире в целом, на что указывает французский исламовед Жиль Кепель в своей увлекательной книге «Джихад: Экспансия и закат исламизма», вышедшей, наконец, в свет и на русском языке[46]. Все больше и больше свидетельств того, что исламисты воюют (атакуют!), поражают жестокостью и насилием, не от отчаяния и слабости, не от бедноты и беспомощности, а в стремлении представить миру победоносные сражения в «справедливой и священной войне», вдохновить мусульман на объединение под знаменем джихада для достижения полной победы исламистских движений в мусульманских странах, а затем и во всем мире. В любом случае они стремятся спровоцировать «великий религиозный конфликт», довести дело до глобального джихада, пытаются инициировать терактами (обычная тактика мятежников на начальной стадии борьбы) всеобщую партизанскую войну.

По большому счету, им уже удалось эскалировать конфликт до уровня Всемирной мятежевойны. После объявления и начала Соединенными Штатами глобальной войны против международного терроризма[47] (противник признан серьезной военно-политической силой!) очевидным фактом стала и Третья/Четвертая мировая война (этого и хотела «Аль-Каида»). Правда, дело еще не дошло до «войны цивилизаций», хотя «межцивилизационная квази-война», как утверждает Хантингтон, уже состоялась. Террористические и контртеррористические войны («операции») ведутся по всему миру. В настоящее время всеобщей партизанской войны вроде бы нет, но, к примеру, партизанско-террористическое сопротивление в Ираке войскам США и их союзников за 2003-2004 гг. достигло уже такого предела, который в литературе стал обозначаться «иракским капканом» и «победным поражением США». И вообще складывается впечатление (к данному моменту), что с помощью иракской войны терроризм не был побежден, он только усилился. Можно предполагать, что «широкомасштабная партизанская война в Ираке вряд ли разгорится», но и остается фактом, что «легко выиграв войну, американцы никак не могут победить в сражении за мир»[48].

В связи с этим уместно процитировать Жиля Кепеля: «Террористические акции 11 сентября 2001 г. представляли собой прежде всего беспрецедентную по масштабам провокацию, цель которой - вызвать репрессии против мирного населения Афганистана и тем самым заработать политический капитал на солидарности мусульман всего мира... За сентябрьским апокалипсисом последовал второй акт - период репрессий, ставший для обеих сторон испытанием на прочность. Роли переменились: террорист превратился в пассивную жертву, стал объектом всеобщей травли, тогда как американцы из жертвы превратились в агрессора. Если агрессору удастся нанести точный удар, изолировать противника и свести к минимуму потери среди

45 Малашенко А. Бродит ли призрак «исламской угрозы»?//Рабочие материалы (серия Московского центра Карнеги). - 2004. - №2. - С. 6, 11-14. См.: Он же. Два лика исламского радикализма//Независимая газета. - 2003. - 15 апр.

46 См.: Кепель Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма/Пер. с фр. В.Ф. Денисова. - М.: Ладомир, 2004. - 468 с.

47 См.: Савинкин А.Е. Глобальная война с международным терроризмом; афганские, иракские и иные уроки//Российский военный сборник. Вып. 20. - С. 779-887.

48 См.: Михайлов А. Иракский капкан: Победное поражение США. - М.: Яуза, Эксмо, 2004. - С. 474-480.

мирного населения, превращенного террористами в своего рода щит, третьего акта трагедии не будет. Напротив, если репрессии будут развиваться по непредвиденному сценарию, множа число жертв среди гражданского населения (у военных на сей счет существует чудовищный эвфемизм - "неизбежные потери"), западня захлопнется и наступит третий акт трагедии - солидарность с мирным населением. В этом случае террористы станут катализатором социального движения под знаменем джихада против "неверных", захвативших земли ислама и истребляющих мусульман»[49].

Сегодня уже можно констатировать тот факт, что новая мировая война перестала быть односторонней (только террористической). Вслед за Россией, Израилем и США в контрборьбу с международным терроризмом вступают все новые и новые государства. И, судя по всему, война с этой разновидностью Всемирной мятежевойны продлится не одно десятилетие, в любом случае дольше, чем это имело место в предыдущих случаях. Те, кто отваживаются прогнозировать, говорят, что ее кульминация наступит не раньше, чем через двадцать лет[50].

К сожалению, в этой борьбе уже появляются настораживающие и вызывающие тревогу моменты. Террористы, как и их предшественники, революционеры, продолжают действовать в соответствии с военной логикой, упорно и настойчиво, активно и инициативно, осуществляют крупномасштабные акции, наносят неожиданные и внезапные удары, воюют «творчески», хитроумно, провоцирующе, демонстрируют особую изобретательность, изощренность и жестокость. Они не собираются ограничивать себя в выборе оружия, сдаваться, а тем более отказываться от своих чудовищных замыслов. Атакованный же ими мир никак не консолидируется, не завоюет по-настоящему, не выработает упредительную стратегию, не перестанет совершать ошибочные действия, упускать возможности и терять время. Многие контрдействия попрежнему играют на руку террористам, способствуют их замыслам, повышают их «удельный вес» в мировой политике.

Трудно представить, как впредь будут развиваться события и какой еще облик примет (и примет ли?) Всемирная мятежевойна. Но элементарная предосторожность требует рассчитывать не только на благополучный результат, но и готовиться к худшему. И этим худшим вполне может стать не только «война цивилизаций», но и **всемирная гражданская война**, о которой говорится вот уже несколько лет. Привести к ней, кроме усиления террористической деятельности и попустительства терроризму, могут и следующие два обстоятельства.

Во-первых, мир остается нестабильным, стал не только глобализированным, но и более опасным, менее управляемым, в нем появились элементы анархии и хаоса, жесткие и хищные мятежегруппировки. Не уменьшилось и число поклонников революционно-террористического мятежевоевания, желающих побунтовать и «попартизанить» в стиле Разина и Пугачева, Маркса и Энгельса, Нечаева и Морозова, Засулич и Савинкова, Ленина и Сталина, Мао и Линь Бяо, Зиапа и Хо Ши Мина, Че Гевары, Маригеллы и Маркоса, Усамы бен-Ладена и Абу-Мусаба аз-Заркави, Муктада ас-Садра и Шамиля Басаева. Идеологию, стратегию, тактику не надо даже выдумывать, все это давно уже выработано и проверено на практике. Символы революционного движения есть. Кто современный враг, всегда ясно: «империализм», «глобализм», «неолиберализм», «неверные», «продажные правительства», «американцы», «русские» и т.д. Как действовать? Читай по выбору и вкусу: «Энциклопедия джихада», «Марксистско-ленинское учение о войне и армии», цитатник Мао, «Партизанская война» Че Гевары, манифест

---

49 Кепель Жиль. Джихад. - С. 11-12.

50 См.: Началась новая мировая война с терроризмом. Так считает знаменитый английский писатель Фредерик Форсайт//Литературная газета. - 2004. - № 35. - 8-14 сент.

субкоманданте Маркоса - лидера мексиканских повстанцев, еще одного вдохновителя «постмодернистской герильи»[51]. Так что идея разрушающей цивилизации мятежевойны по-прежнему актуальна и неизменно находит своих сторонников. Что не может не вызывать опасений у всех здравомыслящих людей.

Во-вторых, грубая вестернизация, силовая имперская (неоколониалистская) политика США, их стремление использовать «глобальную войну с международным терроризмом» в интересах установления нового мирового порядка и гегемонии Америки в мире могут спровоцировать, по мнению известного российского политолога А.С. Панарина, особого рода глобальную гражданскую войну богатого «Севера» с бедным, но объединившимся для отпора «Югом» («западного центра и азиатской периферии», «избранных» и «изгоев»). Он считает, что именно США начали новую - «горячую империалистическую» - мировую войну («либеральный джихад»), ведут себя как агрессор, что со временем вызовет всеобщее сопротивление, мятеж незападного мира, в котором в союзе с мусульманством должна принять участие и Россия. Панарин предрекает «столетнюю войну как судьбу поколений XXI века» и конечный «реванш Юга»[52].

Возможно, что этот прогноз-призыв слишком явно определяется классовым мышлением, инерцией «холодной войны» (она есть и с нашей стороны), но доля истины в нем все же имеется. Упрощенная, агрессивная и широко трактуемая «антитеррористическая война» США ведется слишком высокомерно и эгоистически, вызывает протест не только реальных и потенциальных мятежников. Эта политика критикуется как ошибочная и недопустимая, причем уже и самими американцами. Так, генерал Уэсли Кларк, командующий Объединенными силами НАТО в Европе с 1997 по 2000 г., глубоко проанализировав последнюю иракскую военную кампанию, призвал администрацию Буша «понять суть современной войны» и начать «учиться на собственных ошибках и извлекать из них уроки на будущее сейчас, пока борьба с терроризмом находится в своей начальной стадии», война не стала слишком дорогостоящей, а смена курса не будет «восприниматься как поражение». Он предложил отказаться от строительства «новой американской империи», «крестовых походов и глобальных войн», а сосредоточиться на решении проблем Америки и борьбе с конкретным противником, добиваясь побед не грубой, а «мягкой» силой, основанной не на физической оккупации государств и навязывании законов и институтов, а на американской системе ценностей, что в свое время рекомендовал Джон Ф. Кеннеди. В заключении своей книги «Как победить в современной войне» американский генерал пишет:

«Как это ни парадоксально, большинство дискуссий об американской империи, о террористических угрозах, исходящих из-за границы, и наших действиях по их отражению мало что говорят о самой Америке. На волне событий 11 сентября американцы по-новому посмотрели на себя. Впервые вот уже более чем за десять лет мы задумались о важности мира, который находится за пределами наших границ, а также о мощи политических сил и идей, которые отличны от наших собственных. Мы также иначе смотрим друг на друга, стремясь обрести более безопасное и доверительное общество. Не следует думать, что мы сможем адекватно ответить на этот вызов, оставаясь такими же, как и прежде...

Шок, страх и гнев навсегда останутся в нашей памяти, однако теперь **наступило время воевать умно**. Верно, что мы участвуем в кампании не так, как другие. Очевидно, такое поло-

---

51 Что касается Маркоса, то его «размышления» уже стали появляться на русском языке. См.: Маркос. Семь деталей мировой головоломки//Завтра. - 2001. - №41.

52 См.: Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. - М.: Алгоритм, 2003.

жение в той или иной форме сохранится надолго. Это современная война, и ни одно государство или общество не в состоянии вести ее лучше нас, если мы выработаем верную стратегию и будем использовать не только военную силу, но и весь арсенал средств, которыми мы располагаем. Нам не нужна новая американская империя. Сама идея классической империи устарела. Взаимозависимый мир более не примет дискриминирующего Доминирования одной нации над другими. Напротив, верх возьмет стратегия, опирающаяся на сотрудничество с другими странами и на великие американские добродетели терпимости, свободы, справедливости, то есть всего того, что сделало эту страну звездой надежды для всего мира. Превосходство Америки в мире - наша исключительная мощь, огромный диапазон возможностей, а также виртуальная империя, которую мы помогли создать, - возложило на нас бремя лидера, лидера не по праву силы, а в силу собственного примера. Наши действия много значат. Но мы не можем служить примером для других, пока у нас нет хорошего руководства. Ничего важнее этого нет»[53].

К этим словам американского генерала следовало бы прислушаться и тем россиянам, которые забыли о необходимости спасения (сохранения и укрепления) новой России, ностальгируют по имперскому прошлому, пытаются решать сложнейшие проблемы (в том числе и вопросы войны и мира) простым бюрократическим усмотрением и примитивным использованием силы без ума, морали, творчества и искусства...

---

53 См.: Кларк Уэсли К. Как победить в современной войне: Пер. с англ. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. - С. 236-237 и др.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

Угроза мировой гражданской войны особенно актуальна для России из-за уязвимости именно нашего Отечества перед смутами и мятежами. Здесь всегда кто-то с кем-то воевал, постоянно возникали антагонистические отношения между властителями и народными массами. В научно-публицистической литературе эта специфика трансформировалась в тезис о 500-летней «Глобальной войне в России», которая, как утверждается некоторыми авторами, фатально неизбежна и никогда не прекращается[54]. Возможно, что это преувеличение. Но в любом случае остается реальностью то, что вот уже сто лет наша страна находится в эпицентре «Всемирной мятежевойны», подвергается «мятежеинвазии» различного рода разрушительных (подрывных) внутренних и внешних сил: революционных, фашистских, национал-сепаратистских, финансово-олигархических, псевдодемократических, исламистско-ваххабитских и прочих. Все это время, выступая в разных обличиях, мятежествующие люди, группировки и организации неизменно рассматривали и продолжают до сих пор считать Россию самым слабым звеном и одновременно наиболее «лакомым куском» мировой цивилизации. Под их ударами только в XX веке мы дважды претерпели масштабные государственные катастрофы, обессилели в явных и тайных, мировых, гражданских и локальных войнах, превратились - в определенном отношении - в видимость некогда великой мировой державы, в слабое и непредсказуемое государство, вредящее нередко самому себе.

Положение отчасти стало меняться в лучшую сторону (не хотелось бы ошибиться в этой оценке) только на рубеже XX-XXI столетий, но по-прежнему сохраняются кризисы: духовности, государственности, власти, правящей элиты, гражданского общества, национальной безопасности и т.д. И сегодня, когда государство вроде бы упрочилось, нельзя с полной гарантией даже для ближайшего будущего исключить возможность дальнейшего (само-) распада или же насильственного расчленения Российской Федерации; установления чужеродного контроля над ее населением, политикой, богатой ресурсной базой; экономической и информационно-психологической экспансии; иностранного военного вмешательства (интервенции).

Чувство повышенной тревоги за судьбу России вызывают следующие, вполне уже определившиеся тенденции.

Русь-Россия, в целом русская нация всегда находили в себе силы отражать явные внешние агрессии против родной земли. На заре русской государственности упорной борьбой сброшено было двухсотлетнее татаро-монгольское иго. В начале XVII в., несмотря на Смутное время, успешно отбились от польских интервентов и самозванцев. В конечном итоге «не повезло» и шведам, длительное время чувствовавшим себя безнаказанными на русских просторах. В ходе Северной войны 1700-1721 гг. лучшие на то время в Европе шведские войска потерпели поражение от армии и флота, созданных гением Петра Великого. Возникла Российская империя, за короткое время ставшая мировой державой. Печальная судьба ожидала и «Великую армию» Наполеона, рискнувшую в 1812 г. вступить в пределы России. Полным крахом завершилась в 1941-1945 гг. фашистская агрессия против нашей страны.

И на фоне этих великих побед - периодические демонстрации слабости, нарастающая беспомощность, необъяснимое легкомыслие в отношении к междоусобным и авантюрным вой-

54 См., напр.: Бунич И.Л. Пятисотлетняя война в России. - Киев: А.С.К.; СПб.: Облик, 1997.

нам, уязвимость нашего общества перед разлагающим влиянием и боевыми атаками «сил зла и террора», действующих изнутри и извне не без содействия «мятежествующих масс», «пятых колонн» и анациональных правительств (правителей).

Как это ни печально, но приходится признать и тот факт, что политический терроризм, в его современном понимании, зародился именно в Российской империи, которая первая приняла на себя его удары и стала его же первой (что касается государств) жертвой. Уже с 60-х гг. XIX века на российской «самодержавной» почве стали возникать террористические организации и группы, которые объявили России настоящую войну. Их идейные вдохновители С.Г. Нечаев, Н.А. Морозов, П.Н. Ткачев и другие задолго до современных исламистов указали на террор как на новое, эффективное и дешевое, средство революционной борьбы, провозгласили «террористическую революцию». В этом дьявольском предприятии преуспели народовольцы, социалисты-революционеры (эсеры), большевики, анархисты. Их террор (как способ борьбы с государственной организацией, дезорганизации и как сильное агитационно-воспитательное средство) длительное время осуществлялся в форме политических убийств и грабежей (экспроприации). Император Александр II, премьер-министр П.А. Столыпин, тысячи других высших и низших государственных лиц погибли от доморощенных «бомбистов».

Несмотря на малочисленность, казни, длительные сроки заключения и кажущуюся бесперспективность действий, русские революционные террористы постоянно наращивали «боевые силы», упорно старались изменить политический режим (организовывали заговоры и революции), стремились захватить власть в стране (что и свершилось, в конце концов, в октябре 1917 г.), возлагая при этом ответственность за собственный террор на царское правительство.

О фанатизме террористов-народовольцев свидетельствует, например, следующий факт. Они не только вынесли приговор самому либеральному в истории России царю - Александру II, устроили на него настоящую охоту, смогли в конечном итоге привести этот приговор в исполнение 1 марта 1881 г., но и сразу же вслед за этим (10 марта) выдвинули ультиматум новому императору. В письме Исполнительного комитета «Народной воли» Александру III, отпечатанному общим тиражом **13** тысяч (!) экземпляров, среди прочего отмечалось много пророческого, поучительного:

«Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к Вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями... В течение 10 лет мы видим, как у нас, несмотря на самые строгие преследования, несмотря на то, что правительство покойного Императора жертвовало всем - свободой, интересами всех классов, интересами промышленности и даже собственным достоинством, - безусловно всем жертвовало для подавления революционного движения, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая к себе лучшие элементы страны, самых энергичных и самоотверженных людей России, и вот уже три года вступило в **отчаянную, партизанскую войну** с правительством.

Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойного Императора нельзя обвинить в недостатке энергии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых "вожаков" переловлены, перевешаны. Они гибли с мужеством и спокойствием мучеников, но движение не прекращалось, оно безостановочно росло и крепло... Правительство, конечно, может еще переловить и перевешать многое множество отдельных личностей. Оно может разрушить множество отдельных

революционных групп. Допустим, что оно разрушит даже самые серьезные из существующих революционных организаций. Но ведь все это нисколько не изменит положения вещей. Революционеров создают обстоятельства, всеобщее неудовольствие народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессалий... Страшные правительственные репрессалии... 1874 г. ...вызвали затем на сцену террористов 1878-1879 гг. ...

Окидывая беспристрастным взглядом пережитое нами тяжелое десятилетие, можно безошибочно предсказать дальнейший ход движения, если только политика правительства не изменится. Движение должно расти, увеличиваться, факты террористического характера будут повторяться все более обостренно; революционная организация будет выдвигать на место истребляемых групп все более и более совершенные, крепкие формы. Общее количество недовольных в стране между тем увеличивается; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка...

Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежании тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь... Мы не ставим Вам условий. Пусть не шокирует Вас наше предложение. Условия, которые необходимы для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой, созданы не нами, а историей. Мы не ставим, а только напоминаем их. Этих условий, по нашему мнению, два: 1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга; 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделка их сообразно с народными желаниями. Считаем необходимым напомнить, однако, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно...»

Это письмо, а также само цареубийство - «не преступление, но исполнение гражданского долга» - получили одобрительную оценку Карла Маркса. В письме к Женни Лонге от 11 апреля 1881 г. он так отзывался о народовольцах-террористах: «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические. Фразерство и дело - непримиримые противоположности. Петербургский исполнительный комитет, который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные исключительно в "сдержанном тоне". Его манера очень далека от... ребячливых крикунов, проповедующих "цареубийство" как "теорию"...»[55] Впоследствии и В.И. Ленин высоко ценил народовольцев - «героев террора» (к которым принадлежал его брат Александр, член «террористической фракции партии «Народная воля», приговоренный к смерти и казненный в Шлиссельбургской крепости): «Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали - прямо или косвенно - последующему революционному воспитанию русского

55 См.: «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879-1882 гг./Сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. - Л.: Лениздат, 1989. - С. 37, 330-333.

народа»[56]. Именно в народовольческой среде были разработаны первоосновы идеологии террористического движения, превратившегося сегодня в «международный терроризм» и глобальную угрозу человечеству.

В программе Исполнительного комитета партии «Народная воля» записано: **«Террористическая деятельность...** имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы». А вот что высказала по этому поводу С.Л. Перовская - одна из первых русских революционерок-террористок (были и другие известные: В.И. Засулич, В.Н. Фигнер, М.А. Спиридонова, Ф.Е. Каплан): «Возведя террор в систематический прием борьбы, партия пользуется им как могучим средством агитации, как более действительным и выполнимым средством дезорганизовать правительство и держать его под дамокловым мечом, принудить к действительным уступкам»[57].

В 1880 г. Н.А, Морозов (один из активистов «Народной воли») издал в Женеве брошюру «Террористическая борьба». Автор обосновывает в ней идеологию «террористической революции» как новой и необычной формы революционной борьбы, которую против могущественного государства ведет «кучка», «горсть людей, незначительная по числу, но сильная и страшная своей энергией и неуловимостью»:

«Напору всемогущего врага "террористическая революция" противопоставляет непроницаемую тайну. Ей не страшны его многочисленные шпионы, потому что ее оберегает от них ее способ борьбы, не требующий сближения с посторонними малоизвестными личностями, и немногочисленность ее рядов, которая позволяет ей выбирать себе в товарищи только людей испытанных и надежных... Ей не страшны штыки и армии правительства, потому что она и не ищет столкновения с этой слепой и неосмысленной силой, бьющей кого велят. Эта сила страшна только для явного врага. Против тайного она совершенно бесполезна. Ей страшна только ее собственная неосторожность, которая может погубить отдельных ее членов, но и эта гибель будет временной. Враждебные правительству элементы лучшей части населения выдвинут взамен их новых деятелей, которые будут продолжать их дело. Она бессмертна, потому что ее способ борьбы входит в жизнь, делается традиционным.

В руках подобной "кучки людей" тайное убийство является самым страшным орудием борьбы. "Вечно направленная в одну точку 'злая воля' делается крайне изобретательной и нет возможности предохранить себя от ее нападения"... Так говорили русские газеты по поводу одного из покушений на жизнь императора. И это верно: человеческая изобретательность бесконечна... Перед 19 ноября никто бы не поверил, что несмотря на все меры, предпринимаемые полицией при возвращении императора из Ливадии, можно подвести подкоп под железную дорогу; перед 5 февраля никто бы не поверил, что заговорщики могут проникнуть во дворец... Но террористическая борьба именно и представляет то удобство, что она действует неожиданно и изыскивает способы и пути там, где этого никто и не предполагает. Все, чего она требует для себя - это незначительных личных сил и небольших материальных средств. Она представляет совершенно новый прием борьбы. Массовые революционные движения... она заменяет рядом отдельных, но всегда бьющих прямо в цель политических убийств. Она казнит только тех, кто действительно виновен в совершающемся зле. Террористическая революция пред-

56 Ленин В.И. Полн. собр. соч. - Т.30. - С. 315.

57 Цит. по: Левицкий В. (В.О. Цедербаум). Партия «Народная воля». Возникновение. Борьба. Гибель. - М.; Л.: Госиздат, 1928. - С. 77, 91-92.

ставляет поэтому самую справедливую из всех форм революции. Она представляет в то же время и самую удобную ее форму. С незначительными силами она дает возможность обуздывать все усилия до сих пор непобедимой тирании. "Не бойтесь царей, не бойтесь деспотических правителей, - говорит она человечеству, - потому что все они бессильны и беспомощны против тайного, внезапного убийства..."

Положение террористической партии в борьбе гораздо выгоднее положения правительства благодаря великой идее, воодушевляющей ее, тайне, окружающей ее деятельность, и тому оружию борьбы, которое она употребляет для этой цели. При таких условиях победа рано или поздно неизбежна, и правительство должно будет удовлетворить представленные противниками требования... **Идея террористической борьбы,** где небольшая горсть людей является выразительницей борьбы целого народа и торжествует над миллионами врагов, такова - что, раз выясненная людям и доказанная на практике, не может уже заглохнуть. Каждое насилие будет порождать само собою новых мстителей... С каждым новым проявлением насилия над страной террористические группы, неизвестно куда исчезнувшие, будут неизвестно откуда и приходить...

Террористическая борьба, которая бьет в наиболее слабую сторону существующего строя, очевидно, будет с каждым годом приобретать все большие права гражданства в жизни... Как выполнят свою задачу современные террористы, это покажет будущее. Но мы твердо уверены, что **террористическое движение** обойдет все лежащие на его пути препятствия и торжеством своего дела докажет всем противникам, что оно вполне удовлетворяет условиям современной действительности, выдвигающим на первый план такого рода борьбу»[58].

Как и предсказывал Н.А. Морозов (более двадцати лет отсидевший за свои идеи в Шлиссельбургской крепости, мечтавший в ее стенах об аэростатных воздушных ударах по Зимнему дворцу и Кремлю, доживший до «Великой Октябрьской социалистической революции», ставший уже в советское время академиком), идея террористической борьбы не заглохла, сделала «целый перелом в истории революционной борьбы». Революционное движение пошло почти по предсказанному им пути. Именно террористические идеи привели к победе социалистической революции в России и некоторых других странах. Они стали главенствующими в современном воинствующем исламизме.

Еще один идейный вдохновитель революционного террора, П.Н. Ткачев, считал этот метод борьбы не только «наиболее верным и практическим средством дезорганизовать существующее полицейско-бюрократическое государство», но и «единственным средством нравственного и общественного возрождения России» («единственным действительным средством нравственно переродить холопа-верноподданного в человека-гражданина»). Выдвигались и предложения расширить террор по отношению к государственной власти до специально организованной партизанской войны - вооруженного восстания, чтобы эффективно наносить удары «самодержавным силам», «не только тайным и административным силам врага, но и военным в открытом и полуоткрытом бою» и тем самым поднимать «престиж революционной партии» и «революционное настроение масс». Такое радикальное средство советовал своим товарищам по партии эсер Н.В. Чайковский, возвратившись из пропагандистской поездки по США.

---

58 История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. 2-е изд./Авт.-сост. О.В. Будницкий. - Ростов н/Д: Феникс, 1996. - С. 95-108 и др.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX-начало XX века). - М.: РОССПЭН, 2000. - С. 71-78 и др. См. также: Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917: Пер. с англ. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.

В специальном письме от 2 июля 1907 г. он отмечал:

«Наши методы устарели и требуют радикального пересмотра... При современных обстоятельствах и сто боевых организаций не могут поднять престиж партии по той причине, что их оружие притупилось и не отвечает более запросам дня. Требуется нечто более сильное не только по своей смертоносности, а по самому объекту своего действия и также по количеству сил, необходимых для приведения его в действие. Необходимо оружие, которым бы можно было наносить удары не только администрации и ее тайной организации, а самой армии, потому что только такая сила может импонировать массам, может возродить в них веру в силу революции против главной опоры порядка. Нужно, наконец, такое оружие, которое само по себе было бы уже целой программой для объединения разнообразных оттенков революционной мысли и давало бы организующий лозунг широким массам. Такое-то оружие и составляет **партизанская война,** начатая сразу во многих пунктах страны с теми средствами, которые сейчас имеются в нашем распоряжении.

Составленные в большинстве случаев из солдат, под командой умелых, т.е. подготовленных к этому делу офицеров, такие банды могут в течение месяцев ускользать от преследования многих тысяч войск, нанося им в то же время то тут, то там очень чувствительные удары. Будут, конечно, и провалы, но зато из уцелевших, наверное, выработаются истинные бичи гнилого порядка, которые своими успешными атаками и быстрыми исчезновениями из-под носа врага не только поднимут престиж революции, но и создадут вокруг ее имени ореол славы и величия в глазах масс.

Создать такие банды, найти и обучить их командиров возможно при наших теперешних средствах, прокормит их сам народ, необходимо лишь ясное понимание тех условий, в которых они могут продержаться достаточно долгое время и иметь успех. И это-то и составляет тот секрет, который, к сожалению, до сих пор, по-видимому, остается вам неизвестным. Эти условия есть естественные заграждения, представляемые горами, лесами и в особенности мелкой порослью, какой покрыты огромные площади наших северных, западных и восточных губерний, не говоря о таких удобных местностях, как Урал, Валдай, Кавказ и некоторые места Польши и Прибалтийского края, где и историей зарегистрировано не одно уже партизанское выступление. Едва ли нужно говорить, что города и открытые равнины, как южные степи, или даже крепости (до тех пор, пока наши банды не превратились в революционные армии) совершенно не пригодны для выступления лишь постепенно растущей революционной силы...

Появись только настоящее живое дело у всех, небось, все эти новшества и болезни века, как максимализмы, да анархизмы на русской почве, все насмарку пойдут и даже эсдековские ряды поредеют. Не при нас еще сказано, что и объединяться и организовываться можно не на бумаге, а на живом, всем дорогом деле. Вот почему я думаю, что и в этом отношении наше единственное спасение в партизанской войне, которую и следует начинать, не откладывая ни минуты, по крайней мере, набирать и готовить банды, если этого до сих пор не делается, чтобы не упустить лета.

Судя по всему тому, что печаталось в нашей прессе о наших военных приготовлениях и организациях, мне кажется, что мы готовимся к военному пронунсиаменто, а не к народной революции при помощи войска. Все эти казарменные поротные и побатальонные группировки несут в себе казарменный, а не народно-революционный дух. Мой же план интегральный и согласный с духом народной революции. Вы говорите сознательному солдату: "жди, пока мы будем готовы, а пока повинуйся начальству для видимости, как бы это ни претило тебе", а я бы говорил ему: "беги и приставай к нашей банде и дерись против твоего начальства, вот тебе

место и пароль"...

Обсудивши дело, предлагаю немедленно учредить в удобном месте школу партизанства и назначить посылаемого специалиста инструктором ее приемов, показавши ему предварительно хоть некоторые места в Карелии, в Тверской и Новгородской губерниях, Валдайские высоты и т.п. ... Если решите последовать моему совету, известите меня, чтобы я мог подготовить окончательно американскую кампанию для добычи денег»[59].

Годом раньше, во время заключительной стадии первой русской революции, В.И. Ленин также задумывался над использованием терроризма и партизанских действий в интересах слияния этих двух способов с восстанием. Он призвал рабочих создавать дружины и вливаться в «организованную партизанскую войну» против власти. В многочисленных своих выступлениях и статьях этого периода руководитель российской социал-демократии разъяснял:

«Партизанские выступления не месть, а военные действия. Они так же мало похожи на авантюру, как набеги охотничьих дружин на тыл неприятельской армии во время затишья на главном поле сражения непохожи на убийства дуэлянтов или заговорщиков... **Партизанские действия боевых дружин** непосредственно готовят боевых руководителей масс... являются необходимой составной частью происходящего восстания... Нам надо не удерживать, а поощрять партизанские выступления боевых дружин, если мы не на словах только хотим готовить восстание...

Партизанские боевые действия... служат к дезорганизации неприятеля и подготовляют грядущие открытые и массовые вооруженные действия... Партизанские боевые выступления должны быть сообразованы по своему характеру с задачей воспитывать кадры руководителей рабочих масс во время восстания и вырабатывать опыт наступательных и внезапных военных действий... Главнейшей непосредственной задачей таких выступлений следует признать разрушение правительственного, полицейского и военного аппаратов и беспощадную борьбу с активно-черносотенными организациями, прибегающими к насилию над населением и к запугиванию его...

Беспощадное истребление гражданских и военных начальников есть наш долг во время восстания... Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства - **отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление.** Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало... И та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот **массовый террор**, разумеется, организуя и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы, устраняя и отсекая беспощадно "босяческое" извращение этой партизанской войны...

Вопрос о партизанских действиях сильно интересует нашу партию и рабочую массу... Распространение "партизанской" борьбы именно после декабря, связь ее с обострением не только экономического, но и политического кризиса несомненны. Старый русский терроризм был делом интеллигента-заговорщика; теперь партизанскую борьбу ведет, по общему правилу, рабочий-боевик или просто безработный рабочий... Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между "большими сражениями" в граждан-

59 История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. - С. 228-241.

ской войне...

Считать вообще анормальной или деморализующей гражданскую войну или партизанскую войну, как одну из ее форм, марксист не может. Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов **классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны**, т.е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист обязан стоять на точке зрения гражданской войны...»[60]

Знамя гражданской войны большевики донесли до 1917 г. Их первой злодейской партизанско-террористической акцией в рамках «мятежевойны» стало разложение армии и флота воюющей против внешнего противника страны, завоевание их на свою сторону. Второй - октябрьский государственный переворот (свержение «плохой» демократической власти и установление еще худшей «диктатуры пролетариата»). Третьей - осуществление братоубийственной гражданской войны. Четвертой - превращение (не до конца исполненное) страны в «русское кладбище», а российского народа - в стадо рабов, «человеческое мясо»[61] (и «пушечное мясо»). В заложниках у революционеров-террористов на долгие десятилетия оказалось свыше 130 миллионов россиян.

С первых же дней революции В.И. Ленин стал закреплять ее успех массовым террором, уничтожая Отечество и его культуру, партии и целые классы людей. Уже в 1918 г. в его указаниях постоянно встречаются такие фразы и слова: «поощрять энергию и массовидность террора», «навести тотчас массовый террор», «провести беспощадный массовый террор», «расстрелять...», «повесить...» и т.д.[62] После покушения на Ленина 30 августа 1918 г. революционный террор приобретает масштабный государственный характер. Принимается постановление СНК «О красном терроре», в котором говорится: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации **обеспечение тыла путем террора** является прямой необходимостью... что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»[63].

Беспримерные жестокость и насилие дискредитировали социалистическую идею, с чем не смог смириться виднейший теоретик германской социал-демократии Карл Каутский. В 1919 г. он публикует статью **«Терроризм и коммунизм»**, в которой защищает гуманные и демокра-

60 В.И. Ленин о войне, армии и военной науке. - Т.1. - С. 207-208, 219-220, 251-255.

61 У писателя А.В. Белинкова, проведшего почти 13 лет в тюрьмах и лагерях за «антисоветскую деятельность», есть рассказ под названием «Человеческое мясо» (написан в 1950 г.), в котором отмечается: «Но самое страшное не в том, что убийцы захватили власть в государстве, а то, что народу они свои, родные и любимые... Наш век - век человеческого мяса, борьбы за человеческое мясо. В мире всего две идеи (социалистическая и буржуазная), одна настаивает на том, что человеческое мясо принадлежит ей, другая требует себе человеческого мяса. Что касается качества этих двух диаметрально противоположных идей, то оно выяснится после того, как станет ясным, на чьей стороне победа...» - См.: Файман Г. Гибель без сдачи. «Казахстанское дело» Аркадия Белинкова//Русская мысль. - 1996. - №4123. - 25 апр.-1 мая.

62 См.: Яковлев А.Н. Фанатик террора//Общая газета. - №3. - 20-26 янв.

63 Цит. по: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет: В 2 кн. Кн. 1. - М.: Новости, 1994. - С. 411. О терроре в большевистской России см. также: Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918-1923. - М.: СП «PUICO», «P.S.», 1990; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. - М.: Эксмо, Яуза, 2004; Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...»: Чекисты против военных (1918-1953). - М.: Вече, 2004.

тические принципы социалистического переустройства мира и жестко критикует большевистскую политику:

«...Всемирная война способствовала упрощению взглядов рабочего класса тем, что сильно развила казарменное мышление, то мышление, которое очень доступно и невежественному, на поверхности жизни обретающемуся человеку, и которое сводится к тому, будто голое насилие является решающим фактором во всемирной истории, будто достаточно обладать необходимой силой и беспощадностью, чтобы осуществить все, что угодно... Как для морального подъема масс, так и для нравственного оздоровления своих руководителей, советская власть знает одно реальное средство - террор трибуналов... Создается сеть революционных трибуналов и чрезвычайных комиссий по "борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и взяточничеством", и эти учреждения расправляются по произволу со всяким, на кого поступит донос, расстреливают любого, кто им оказывается не по нраву, а также всякого захваченного спекулянта и мешочника, как и их пособников среди советских чиновников. Но они не останавливаются на этом, а накладывают свою руку на каждого честного критика этого страшного распорядка».

Такая система, по мнению Каутского, не имела будущего и принесет России только несчастья. Отрицая демократию и культивируя диктатуру, действуя террором, устрашением и насилием, большевизм уничтожает себя и вряд ли сможет осуществить экспорт мировой революции, о которой мечтал Ленин:

«Однако Ленину не предназначено закончить русским Наполеоном. Корсиканец Бонапарт завоевал сердце Франции тем, что ее знамена пронес победоносно по всей Европе... Россия сильна только в обороне. Те самые трудности сообщения, которые останавливают вторгнувшуюся в нее армию, мешают ей свою собственную армию двинуть победоносно за пределы страны. И Ленин очень хотел бы пронести через Европу победоносно знамена своей революции, но видов на это у него нет. Революционный милитаризм большевиков не обогатит России, но может стать лишь новым источником ее обнищания. Ныне русская промышленность, поскольку она снова приведена в движение, работает преимущественно на нужды армии, а не для продуктивных целей. Русский коммунизм стал воистину социализмом казармы. Экономический, а потому и моральный крах большевистских методов неизбежен... **Без демократии Россия погибнет.** С ней погибнет большевизм... Только демократия открывает возможность прекратить гражданскую войну и снова направить Россию на путь экономического возрождения и здорового развития высших жизненных форм»[64].

Почти все сказанное Каутским подтвердилось. Террористическая политика погубила большевизм, изуродовала и саму Россию. Загубленными оказались миллионы жизней наших соотечественников. В целом жертвами революционного террора стали (погибли): в 1894-1917 гг. - 17 тыс. человек; 1918-1921 гг. - 16 млн. человек; 1921-1953 гг. - 20-25 млн. человек (убиты по политическим мотивам, умерли в тюрьмах и лагерях; в эти годы был осужден практически каждый третий дееспособный член общества)[65].

Ожидаемого счастья коммунистический «эксперимент», основанный на насилии, репрессиях, крови и терроре, Советскому Союзу так и не принес. В 1991 г. он (без всяких серьезных попыток к самозащите) в ходе своеобразной «революции» (той же разновидности мятежевой-

---

64 См. подробно: Каутский К. Терроризм и коммунизм//Полис (Политические исследования). - 1991. - №1. - С. 172-179; №2. - С. 146-154.

65 См.: Давыдова Н., Лушина Л. На лезвии террора//Московские новости. - 1999. - №42. - 2-8 нояб.; Попов В. Война с народом. Этапы государственного террора в России//Независимая газета. - 2000. -27 апр.; Лит вин А. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. - С. 387, 439.

ны) распался, потерпев к тому же поражение в «холодной войне» с Западом и продемонстрировав перед своим концом слабость в Афганистане, после чего радикальные исламисты всего мира стали считать, что одну великую державу они победили и теперь наступила очередь поставить на колени Америку (главный враг), а затем и изнежившуюся и податливую на шантаж Европу.

Настораживает то, что если раньше на Россию, уверовав в ее реальную или кажущуюся слабость, осмеливались нападать «солидные» противники с первоклассными армиями (Карл XII, Наполеон, Гитлер), то теперь - имея перед глазами пример успешного завоевания России большевиками, которых на момент Октябрьской революции насчитывалось всего лишь несколько десятков тысяч человек, - на это отваживаются незначительные по численности (чаще всего в несколько сотен, а то и просто десятков боевиков) бандформирования, состоящие из сепаратистов, доморощенных и зарубежных террористов. Причем во главе их обнаруживаются отнюдь не великие полководцы, и даже не Ленины и Троцкие, а такие одиозные личности, как Шамиль Басаев, или же арабские наемники типа Хаттаба или Абу аль-Валида. Эти банды действуют не только фанатично, жестоко и цинично, но и очень расчетливо, инициативно, умно и хитро.

Вообще складывается такое впечатление, что исламистские военизированные движения и организации, объединенные сегодня общим понятием «международный терроризм», их руководящие штабы не признают Российскую Федерацию серьезным противником, рассчитывают через Чечню и в Чечне нанести ей такое же «поражение», как в свое время в Афганистане, явно стремятся дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе, в республиках с преобладающим мусульманским населением, в целом в стране. Опираясь на местный сепаратизм, они уже однажды (1994-1996) «отвоевали» у России Чеченскую Республику, а затем (1999) использовали ее как плацдарм для совершения агрессии против Дагестана, осуществили взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске.

Несмотря на разгром основных бандформирований федеральными войсками в ходе контртеррористической операции 1999-2001 гг., террористы не сложили оружия, не смирились и не сдались. Они перешли **к партизанской тактике, к методам диверсионно-террористической войны**. На этом уровне воевания в последние два года ими было проведено немало «успешных боевых операций» (в том числе и с использованием смертников), превосходящих одна другую по цинизму и жестокости: массовые захваты заложников; взрывы жилых и административных зданий (в том числе военного госпиталя в Моздоке, Дома правительства в Грозном), самолетов и электропоездов; циничное и вызывающее убийство президента Чеченской Республики А.Х. Кадырова (9 мая 2004 г.); крупные, дерзкие, демонстративные рейды-налеты на Москву («Норд-Ост», 22-23 октября 2002 г.), Ингушетию (21-22 июня 2004 г.), Грозный (21 августа 2004 г.), Северную Осетию (захват свыше тысячи заложников в бесланской школе №1, 1-3 сентября 2004 г.). За одну лишь неделю (конец августа - начало сентября) боевикам удалось взорвать в воздухе два пассажирских самолета (90 погибших), лишить жизни 11 человек у входа на станцию метро «Рижская» в Москве, устроить кровавую бойню в Беслане (погибли 340 человек). 2 сентября, когда исторические масштабы свершаемого злодеяния в Беслане еще не были ясны, российский Президент В.В. Путин заявил: «За последние десять дней Россия подверглась серии террористических нападений, в результате которых погибли и были ранены десятки ни в чем не повинных людей. Мы понимаем, что они направлены не только против конкретных граждан России, но и против России в целом... То, что сейчас происходит в Северной Осетии, ужасно... Наша главная задача заключается, конечно, в том, чтобы в сложив-

шейся ситуации спасти жизнь и здоровье тех, кто оказался в заложниках...»[66]

Чудовищный кошмар в Беслане, когда дело дошло до осознанного массового убиения ни в чем не повинных детей, родителей и учителей (их морили голодом, лишали воды, подрывали и расстреливали), продемонстрировал не только беспредел, наглость и «успешность» действий со стороны боевиков, но и слабость российской власти, несостоятельность политической системы, кризис силовых структур и спецслужб, их неспособность защитить граждан (даже детей), победить в войне против террора. Трагедия эта вызвала настоящий шок в обществе и у руководителей страны, сравнимый, пожалуй, только с тем, что пережили США 11 сентября 2001 г., когда под обломками атакованных террористами башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в одночасье погибли 2749 человек. Стало ясно, что закрывать и дальше глаза на слабость России, на реальную опасность, угрожающую ее существованию, преступно, просто самоубийственно.

В этой чрезвычайно трагической обстановке, которая, как никакая иная, соответствовала моменту истины, нельзя было не признать очевидное: Отечество наше - в опасности; страна находится в состоянии широкомасштабной войны, которую ей объявили исламисты-джихадисты-террористы - бандиты, называющие себя «воинами Аллаха», фанатично нацеленные на разрушение западной цивилизации, и в первую очередь России. Эту тотальную, почти апокалиптическую войну, войну не на жизнь, а на смерть, под зелеными и черными знаменами ведет безликая террористическая армия, невидимый противник, избегающий открытых сражений, использующий всевозможное оружие и убивающий к тому же не солдат, а мирных граждан, в том числе и детей.

Первого сентября, еще до поступления информации о захвате школы в Беслане, в связи со взрывом у станции метро «Рижская» министр обороны РФ С.Б. Иванов заявил: «Это, к сожалению, далеко не первый и, боюсь, не последний теракт. По существу, **нам объявлена война,** где противник невидим и нет линии фронта»[67]. В этот же день глава комитета Совета Федерации Ю. Шарандин в интервью «Известиям» подчеркнул: «Идет борьба против России и ее территориальной целостности. Надо признать, что Россия, как и Израиль, и другие страны, находится в состоянии развернутой террористами войны, и в этой ситуации необходимо вести себя соответствующим образом...»[68] На страницах этой же газеты в статье «Момент истины президентства Путина. Как избежать выбора между Буденновском и "Норд-Остом"» Г. Бовт отметил:

«Сегодня все очевиднее: основная угроза президентству Путина как форме управления страной, сложившейся после 2000 года, исходит не от экономики, не от недовольства обывателя коммунальными трудностями или пенсионной реформой. Эта угроза исходит от террора... Разница между Россией 1999 года (атака на Дагестан), 2002 года ("Норд-Ост") и Россией 2004 года состоит в том, что сегодня - независимо от решения о том, как освобождать школу в городе Беслане, - абсолютно ясно, что и вся прежняя стратегия ведения антитеррористической операции в Чечне, и вся общенациональная система борьбы с терроризмом и работы спецслужб страны должны быть кардинально пересмотрены и перестроены. Выбор между вариантом "Норд-Оста" и вариантом Буденновска обречен на поражение в любом случае. Кризис, притом кризис общенационального масштаба, уже вышел на совершенно иной уровень, который требует качественно иного подхода. Надо признать: мы не проводим антитеррористиче-

---

66 Заявление Владимира Путина на встрече с королем Иордании Абдаллой II//Газета. - 2004. - 3 сент.

67 Российская газета. - 2004. - 2 сент.

68 Известия. - 2004. - 2 сент.

скую операцию в Чечне, **мы находимся в состоянии войны с террором и террористами.** А войну не выигрывают спецслужбы с помощью даже самых блестящих спецопераций. Войну выигрывает только общество в целом, народ. Но чтобы народ, общество поднялись на эту войну, нужно привлечь его соучаствовать в выработке стратегии такой войны...»[69]

Четвертого сентября, сразу же после страшной трагедии, Президент России В.В. Путин в специальном обращении к народу с горечью и болью констатировал:

«...В истории России было немало трагических страниц и тяжелых испытаний. Сегодня мы живем в условиях, сложившихся после распада огромного, великого государства. Государства, которое оказалось, к сожалению, нежизнеспособным в условиях быстроменяющегося мира. Но, несмотря, на все трудности, нам удалось сохранить ядро этого гиганта - Советского Союза. И мы назвали новую страну Российской Федерацией. Мы все ожидали перемен. Перемен к лучшему. Но ко многому, что изменилось в нашей жизни, оказались абсолютно неподготовленными. Почему? Мы живем в условиях переходной экономики и не соответствующей состоянию и уровню развития общества политической системы. Мы живем в условиях обострившихся внутренних конфликтов и межэтнических противоречий, которые раньше жестоко подавлялись господствующей идеологией. **Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности**, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы. Кроме того, наша страна - с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей - в одночасье оказалась не защищенной ни с Запада, ни с Востока. На создание новых, современных и реально защищенных границ уйдут многие годы и потребуются миллиарды рублей. Но и здесь мы могли бы быть более эффективными, если бы действовали современно и профессионально.

В общем, нужно признать, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом. Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. **Проявили слабость.** А слабых бьют. Одни хотят оторвать от нас кусок пожирнее, другие им помогают. Помогают, полагая, что Россия, как одна из крупнейших ядерных держав мира, еще представляет для кого-то угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм - это, конечно, только инструмент для достижения этих целей.

Мы, как я уже многократно говорил, не раз сталкивались с кризисами, мятежами и террористическими акциями. Но то, что произошло сейчас, - бесчеловечное, беспрецедентное по своей жестокости преступление террористов. Это не вызов президенту, парламенту или правительству. Это - вызов всей России. Всему нашему народу. Это - нападение на нашу страну. Террористы считают, что они сильнее нас. Что они смогут запугать нас своей жестокостью, смогут парализовать нашу волю и разложить наше общество. И, казалось бы, у нас есть выбор - дать им отпор или согласиться с их притязаниями. Сдаться, позволить разрушить и растащить Россию в надежде на то, что они в конце концов оставят нас в покое.

Как президент, глава Российского государства, как человек, который дал клятву защищать страну, ее территориальную целостность, и просто как гражданин России я убежден, что в действительности никакого выбора у нас просто нет. Потому что стоит нам позволить себя шантажировать и поддаться панике, как мы погрузим миллионы людей в нескончаемую череду кровавых конфликтов по примеру Карабаха, Приднестровья и других хорошо известных нам трагедий.

Нельзя не видеть очевидного. Мы имеем дело не просто с отдельными акциями устрашения, не с обособленными вылазками террористов. **Мы имеем дело с прямой интервенцией**

69 Там же.

международного террора против России. С тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников. Весь мировой опыт показывает, что такие войны, к сожалению, быстро не заканчиваются. В этих условиях мы просто не можем, не должны жить так беспечно, как раньше. **Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности,** потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз. Но самое главное - это мобилизация нации перед общей опасностью. События в других странах показывают: наиболее эффективный отпор террористы получают именно там, где сталкиваются не только с мощью государства, но и с организованным, сплоченным гражданским обществом... Мы были и всегда будем сильнее их - и своей моралью, и мужеством, и нашей человеческой солидарностью... Невозможно примириться с болью потерь. Но испытания еще больше сблизили нас, заставили многое переоценить. Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага»[70].

В выступлении на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября В.В. Путин предложил комплекс радикальных мер, направленных на укрепление страны и власти, создание эффективной системы внутренней безопасности: от избрания высших должностных лиц субъектов Российской Федерации законодательными собраниями территорий по представлению главы государства и создания Федеральной комиссии по Северному Кавказу до установления гражданского контроля за работой госаппарата и спецслужб, создания добровольных структур в сфере охраны общественного порядка, ужесточения наказаний за должностные преступления, повлекшие особо тяжкие последствия. Президент особо подчеркнул:

«Мы не вправе забывать, что в своих далеко идущих планах вдохновители, организаторы и исполнители терактов стремятся к тому, чтобы дезинтегрировать страну, стремятся к распаду государства, к развалу России. Убежден, единство страны - это главное условие победы над террором. И без такого единства достичь этой цели невозможно... Нам в целом нужна антикризисная система управления, рассчитанная на условия ведущейся против России террористической войны. Нужна полноценная система мер, адекватная обстановке и готовая отразить угрозу террора в любой ее форме... В целом ряде стран, столкнувшихся с террористической угрозой, уже давно созданы **единые системы безопасности,** ответственные за комплексное обеспечение внутренней безопасности и борьбу с терроризмом. И нам в России необходима такая же организационная работа и такая же организация работы национальной системы безопасности, которая способна не только пресекать теракты и преодолевать их последствия, но и работать на предотвращение вылазок террористов, организуемых ими диверсий и техногенных катастроф. Должна работать на опережение и уничтожать преступников, что называется, в их собственном логове. И если требует обстановка - доставать их и из-за рубежа.

Необходимо оперативно выявлять террористические организации, группы, самих террористов, лишать их каналов материальной подпитки, создавать политический и финансовый вакуум вокруг их эмиссаров и лоббистов. Считаю также, что экстремистские организации, прикрывающиеся религиозной, националистической или любой другой фразеологией и, по сути, являющиеся рассадником террора, должны быть запрещены, а их лидеры и активные участники - преследоваться в соответствии с законом...»[71]

---

70 Коммерсантъ-Власть. - 2004. - №36. - 13 сент.

71 См.: Выступление Президента России Владимира Путина на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов РФ 13 сентября 2004 года//Независимая газета. - 2004. - 14 сент.

Главный вывод Президента - Россия находится в состоянии войны, объявленной ей терроризмом и теми силами (внутренними и внешними), которые стремятся нанести максимальный ущерб нашей Родине, уничтожить страну как историческое государство. И эту угрозу можно устранить только совместными усилиями власти и общества. Контекст обоих выступлений указывает на то, что лидер нации осознает связь произошедших терактов со Всемирной мятежевойной, видит в их повторяемости и характере серьезную угрозу для России, предлагает противодействовать ей не только непосредственной контрборьбой, но и осуществлением комплекса более широких мер, устраняющих условия и глубинные причины терроризма. Можно сказать, что В.В. Путин расценил события в Беслане не как локальную проблему, а как проявление исторического общенационального кризиса, как следствие нерешенности фундаментальных проблем развития старой и новой России.

То, что возможно недосказал и недоанализировал глава государства, дополнили в своих размышлениях и оценках «по горячим следам» бесланской трагедии политики, аналитики, публицисты.

Все они признали факт террористической войны, как и то, что в опасности оказались не только «режим Путина» и «демократия», а российская государственность и Отечество в целом, что наступил поворотный момент в истории новой России. В этих условиях надо бороться за собственную безопасность, отказываться от разрушительных революционных перестроек, от позорной привычки к неудачам и национальным катастрофам, от «пофигизма» и равнодушия. Призывая к этому на страницах «Литературной газеты» в статье **«Когда Отечество в опасности»,** известный публицист А. Ципко особо подчеркнул:

«Надо признать, что враги Путина, враги России своей основной цели достигли. Миллионы людей в шоке, они действительно осознали, что государство не в состоянии им обеспечить элементарную безопасность, что происходящее в Беслане могло произойти в каждом городе России... Мы утратили элементарную способность прогнозировать угрозы и опасности, адекватно и профессионально с ними бороться. Неужели не ясно, что в условиях войны на Северном Кавказе нельзя собирать тысячу людей в одном месте и оставлять их без охраны...

Мы слабы не только потому, что оказались разрушены наши восточные и западные границы, разрушена работа правоохранительных органов, разрушена армия, но и потому, что за годы "демократических" преобразований был разрушен, подорван на корню элементарный дух государственности, элементарное чувство связи своей личной безопасности с прочностью государственных структур. Когда люди не верят в государство, не чтят его, не защищают, то на самом деле никакого государства не существует...

Невозможно добиться консолидации общества вокруг сил безопасности, что было достигнуто в США после терактов 11 сентября 2001 года, когда человек в погонах чувствует себя незащищенным. Трудно умирать во имя государства, которое не уважает слуг Отечества, держит их впроголодь... Несомненно, те, кто подталкивал людей Басаева к рейду на Беслан, стремились не только сместить неугодного Путина, но и организовать этнический конфликт на Кавказе, ускорить распад на этот раз российской государственности. Но столь же несомненно, что эта **политика перманентного разрушения российской государственности** является успешной потому, что она опирается на наших внутренних, собственных борцов с духом "великодержавности" и государственности... Сила Басаева, сила боевиков коренится в неувядающей силе борцов с российской государственностью. Я не верю в теорию заговоров. Но глубоко убежден, что идеология недоверия, даже ненависти ко всему государственному, которая сидит в порах нашего режима, до сих пор доминирует в наших СМИ, стимулирует варварские акции

боевиков. Враг не может питать какого-либо уважения к государству, элита которого живет, дышит ненавистью ко всему отеческому. И это самая главная правда, о которой в силу понятных причин не сказал в своем обращении к народу Путин...

Необходимо, в частности, осознавать, что проводимая властью, так называемая, реорганизация экономики, политика монетизации всего и вся работает не на консолидацию нации, а на ее окончательный раскол между "богатыми" и "бедными". Необходимо осознавать, что до тех пор, пока решающую роль в выработке внутренней политики правительства играют люди, которые работали на распад СССР, которые являются сознательными борцами с так называемым российским государственничеством, нельзя воссоздать в обществе дух служения Отечеству. **Без перемен в политике действительно России конец.** В условиях постигшей нас беды мы должны сделать все возможное для стимулирования чувства государственности, для поддержки тех, кто желает сохранения России как многонационального государства, кто не боится российской государственности»[72].

Именно ради спасения Отечества и его дальнейшего свободного развития нельзя отвечать на террористическую войну (войну необычного типа, иную войну) созданием полицейско-бюрократического государства и установлением культа личности нового Сталина (вера в сильную руку), простым превращением страны в военный лагерь, ее перестройкой на военный лад, как это было принято делать в случае обычных (классических) мировых войн. Такая шаблонная реакция сыграла бы только на руку террористам. Наоборот, надо не удваивать и утраивать насилие и репрессалии (к чему это привело в большевистской России - Каутский и история продемонстрировали наглядно), а последовательно развивать экономику мирного времени, укреплять государственность, гражданское общество, демократию, заботиться о воспитании и защите гражданина «как духовно свободного и творческого центра сил» (И.А. Ильин)[73].

Обозреватель «Российской газеты» А. Колесников пишет в связи с этим:

«Эпоха тотального террора - это продолжение первой и второй чеченских войн другими средствами. Однако простым увеличением расходов на вооружение, содержание частей в зоне конфликта и прочим проблему не решить. Во-первых, зоной конфликта становится любая произвольно выбранная террористами точка на территории Российской Федерации и даже ее воздушное пространство. Во-вторых, террористами война ведется не с армией, а с мирным населением. В-третьих, на вызов терроризма бессмысленно отвечать военными действиями: война с террором при всей его брутальной яркости - это тайная, деликатная, тонкая война. И - главное - для того, чтобы ее вести, совсем не нужно изменять конституционное устройство, пересматривать систему прав и свобод, закрывать страну и строить мобилизационную экономику. Демократический политический режим вполне адекватным образом может ответить на вызов терроризма. В том же случае, если под предлогом войны с террором он становится авторитарным, то сразу же проигрывает все текущие и последующие сражения...

---

72 Ципко А. Когда Отечество в опасности//Литературная газета. - 2004. - №35. - 8-14 сент.

73 В работе «Путь духовного обновления» великий русский философ Иван Александрович Ильин (1882-1954) написал: «Призвание государства состоит в том, чтобы при всяких условиях обращаться с каждым гражданином как с духовно свободным и творческим центром сил, ибо труды и создания этих духовных центров составляют живую ткань народной и государственной жизни. Никто не должен быть исключен из государственной системы защиты, заботы и содействия; и в то же время все должны иметь возможность работать и творить по своей собственной, творческой инициативе. Каждый гражданин должен быть уверен, что он защищен, принят во внимание и найдет себе справедливость и помощь со стороны государства; и в то же время каждый должен быть самостоятелен и самодеятелен». - Цит. по: Из русской мысли о России/Авт.-сост. И.Т. Янин. - Калининград: ФГУИПП «Янтар, сказ», 2004. - С. 62-63.

Теракты невозможно предотвратить увеличением расходов на безопасность. Специально обученным людям и компетентным органам надо действовать в границах своих полномочий и своих бюджетов - они необходимы и достаточны. Любое увеличение, ужесточение, усиление симметрично вернется увеличением мощи террора, ужесточением терактов, усилением их финансирования. Война превратится в апокалипсис...

В феврале 1941-го легендарный председатель Госплана Николай Вознесенский говорил: "Если хочешь, чтобы никакие 'случайности' не застали наш народ врасплох, порох держи сухим и не жалей средств на производство самолетов, танков, вооружения, военных кораблей, снарядов". Но это была совсем другая война, другая экономика, иные исторические обстоятельства. И по большому счету любые сравнения с той войной и этой решительно нелепы и абсолютно спекулятивны. "Террорномика", как и террор, становится реальной угрозой нормальному экономическому развитию страны - росту, балансированию бюджета, частной инициативе. А главное - здравому смыслу, без которого невозможна сколько-нибудь эффективная борьба с терроризмом»[74].

Этой же точки зрения придерживается телеведущий и историк Н.К. Сванидзе, считающий, что борьбу с террором следует вести, не противопоставляя ему террор государственный, «не изменяя себе, не отдавая свою свободу в обмен на иллюзию безопасности», ибо именно свобода для нас и является самым большим дефицитом. Сванидзе, один из немногих, поднял вопрос о необходимости нравственной оценки терроризма в России в исторической ретроспективе:

«...Если Россия будет оставаться слабой, неэффективной, коррумпированной, бюрократизированной страной без гражданского общества, ситуация будет только ухудшаться... Я не думаю, что Россию можно назвать родиной терроризма. Все-таки здесь у нас сильные конкуренты. Но что несомненно - Россия не была чужда практике мирового террора. Об этом необходимо думать и постоянно говорить. Потому что в связи с очень многими историческими событиями у нас до сих пор не расставлены точки над i... В вопросе с русскими террористами последнее слово до сих пор не сказано. А надо бы. Ведь предтечей большевиков были именно русские террористы. Да, в отличие от террористов нынешних они избегали специально охотиться за маленькими детьми... Тем не менее, сто лет назад от взрывов бомб террористов тоже гибли невинные люди. И длилось это долго. И именами этих людей у нас до сих пор названы улицы, им стоят памятники. Степан Халтурин, например, который заложил бомбу на царской кухне. В результате царь не пострадал, погибли сорок человек из царской обслуги. В известном фильме "Покаяние" идет речь о том, что тело убийцы нельзя предавать земле, иначе эти идеи снова прорастут. Это образ, но он мне кажется очень близким нынешнему времени. **Призраки русских террористов опять пришли к нам.** Нельзя бороться с террором и жить на улицах, носящих имена террористов...

Исторические параллели не могут помешать никогда. Как не может помешать знание. Для сознательного человека очень важно знать, что до того, как его родила мама, много чего было. Важно знать, что все уже было. И террор был мировой, и **Россия, надо сказать, сейчас уже во второй раз оказывается жертвой крупной мировой террористической организации.** В первый раз это было в начале XX века. Потому что октябрьский переворот - это было не что иное, как успешная акция террористической организации под названием "Российская коммунистическая партия (большевиков)", которая, воспользовавшись Первой мировой войной, найдя слабое звено в цепи, как они говорили, "капиталистических", а на самом деле цивилизован-

74 Колесников А. Террорномика//Российская газета. - 2004. - 10 сент.

ных стран, и вгрызлись в это слабое звено. И, кстати, первое, что сделали большевики, придя к власти, - убили детей: царевича Алексея и его сестер. Убили зверски. Прошло сто лет - и снова страшная угроза. И снова мировая террористическая организация, только на этот раз не под социальными лозунгами, а под религиозными. И дело даже не в том, какая религия. Сто лет назад террористы хотели развернуть бедных против богатых, разделив человечество по имущественному признаку, а теперь они хотят заставить враждовать по религиозному. Но суть одна: разделить человечество. И то, что Россия по прошествии ста лет в качестве слабого звена становится жертвой всемирного терроризма, - это знак. И предупреждение. Я не хочу никого пугать, но история говорит об этом»[75].

Говоря о проблеме современного терроризма, угрожающего России, указывая на ее внутреннее происхождение, известный российский исламовед Г. Мирский предлагает пересмотреть наши внешнеполитические приоритеты:

«Корни последних драматических событий следует, разумеется, искать не вовне, а внутри России. Не будь чеченской войны, ничего этого не было бы. Но нельзя отрицать и наличие внешнего фактора - связи между "малым" российским террористическим интернационалом, состоящим из северокавказских экстремистов, и "большим", глобальным исламистским интернационалом, ядром которого является "Аль-Каида"... Исламизм - это не ислам, а злокачественная опухоль на теле великой религии... Экстремисты в Чечне и других северокавказских республиках начинали свою борьбу отнюдь не на религиозной почве, но затем решили, что чисто национальных мотивов недостаточно для мобилизации населения, и подняли знамя ислама, а точнее - его ваххабитской разновидности, самой непримиримой и мракобесной. И вот - жуткий результат, требующий немедленных выводов, ясного понимания того, какой вызов брошен России, а соответственно - пересмотра наших внешнеполитических концепций. Пора понять, что наш враг - это те же люди, которые в Ираке отрубают головы иностранным заложникам и убивают американских солдат. Самим ходом событий ориентиры в сегодняшнем мире, ориентиры борьбы цивилизации с варварством вычерчиваются достаточно четко»[76].

Идет эскалация Всемирной мятежевойны. Исламские фундаменталисты воюют против Запада, стараются поразить его самые уязвимые звенья, одним из которых является Россия. И террористы раз за разом, волна за волной бьют в это слабое звено в надежде, что с гибелью России и поражением США рухнет и весь западный мир, погибнет западная культура. Ходом событий и логикой вещей наше Отечество вновь превращается в прифронтовое, буферное государство, в очередной раз защищающее не только себя, но и встревоженную Европу от нашествия орд варваров. В условиях реальной вовлеченности в мировую контртеррористическую борьбу бессмысленно уже определяться с тем, кто наш главный враг - исламисты или победившая нас в «холодной войне» Америка. Ответ очевиден. Политолог Л. Радзиховский считает, что антиамериканизм в этой геополитической ситуации только дезориентирует Россию в мире. По его мнению, нам надо уже строить общие с США и НАТО силы быстрого реагирования против террористов, идти на реальный союз с нашими объективными союзниками по общей борьбе. Вот что он пишет в отношении войны террористов против России:

«Идет война - или не идет война? И если идет, то какова ее цель? Так вот, война, по моему глубокому убеждению, - идет. **Цель войны - разрушение этого государства, довершение геополитического разлома, начавшегося в 1989-1991 гг.** Цель войны - далее слом, "долом"

75 Сванидзе Н. «Нельзя бороться с террором и жить на улицах, носящих имена террористов»//Огонек. - 2004. - №37. - С. 13-15.

76 Мирский Г. Ислам, исламизм и терроризм//Московские новости. - №34. - 10-16 сент.

нашей русской культуры, того самого "великого русского слова". Метод же войны прост - не покорять огромными армиями, а ударить в слабую точку, и русский колосс на глиняных ногах рухнет и рассыплется сам. Как уже не раз бывало в истории России (Смутное время, 1917, 1991). И как очень может быть сейчас - потому что мы необыкновенно слабы сегодня. Если дело обстоит так, то для спасения государства, страны и культуры, для того, чтобы найти симметричный ответ на этот вызов, нужны три вещи. Объединить народ перед общей опасностью. Указать врага. Создать сильное государство, беспощадно вырезав из его тела гниль... **Гниль - в самом стволе государства. Нет страха. Нет чувства чести и долга. Есть только голый расчет.** Я, разумеется, не говорю про всех - есть много честных чиновников в штатском и в мундире. Но не они, увы, задают тон. А личный корыстный расчет в соединении с гарантированной безответственностью - это не "полицейское государство". Это, скорее, уж "воровское государство". Такое государство всегда будет считаться слабым звеном. Его и будут бить - бить за слабость, бить, надеясь добить. Причем надо иметь в виду, что те, кто с нами воюет, по крайней мере неподкупны - поскольку одушевлены своей большой идеей...»[77]

В.Т. Третьяков также считает, что главное в ситуации (высшая ценность и категорический императив) - спасти и сохранить Россию и русскую нацию, не допустить поражения в этой судьбоносной для нашего Отечества тотальной войне терроризма против нас. Другого выбора России историей не дано:

«Вопрос о сохранении России (не только целостности ее, а ее вообще) является самым главным, острым и актуальным все последние 15 лет (лишь временами в этот период он чуть терял остроту). В 1991 г. Россия распалась в первый раз (но не впервые в XX веке), получив к тому же для оставшейся территории совершенно неестественные и многократно более незащищенные и уязвимые (и большие по протяженности!) в военном отношении границы. Кто разжег и как (по глупости или, напротив, осознанно умно) пожар в Чечне - тема отдельная, но для любого объективного человека, а тем более русского, ясно, что **Чечня - это плацдарм для дальнейшего раскола и уничтожения России**. Стоят ли за этим террористы, исламисты, пантюркисты, империалисты, марсиане или хоть часть самих русских, - неважно. Русское общество и русская власть должны были этому сопротивляться, даже если бы шансов на победу не было вовсе...

Да, русские разрушили Грозный (который, между прочим, сами и построили), ну так они и Москву сожгли, оставляя ее Наполеону. И сожгли бы еще раз, если бы вынуждены были оставить Гитлеру. У русских не картезианский ум, они не умеют сначала сдать без боя и в неприкосновенности столицу (Париж, например) врагу, а затем называть себя победителями. Им нужно либо проиграть, либо победить. Это не потому, что русские лучше других. Это потому, что такими их сделала русская история. Возможно, она и кончена. Даже, скорее всего, кончена. Но не сейчас! Это и есть категорический императив Русского государства, русской нации и русской власти, живущих друг с другом далеко не в мире и спокойствии (и корень зла здесь - в русской власти).

Короче говоря, Владимир Путин абсолютно прав, утверждая, что сегодня (и чудовищный теракт в Беслане самое апокалиптическое, но далеко не единственное тому подтверждение), что России кем-то (может быть, марсианами или просто безжалостной историей) объявлена тотальная война на уничтожение. Глубочайший кризис национальной безопасности, наложившийся на глубочайший политический кризис (в этом суть беслановского холокоста), неизбежно поставил перед Путиным, слабый он президент или сильный, вопрос о необходимости при-

77 Радзиховский Л. Если сегодня война//Российская газета. - 2004. - 6 сент.

нятия чрезвычайных мер по ликвидации и того, и другого... И я солидарен с Путиным в том, что сначала и прежде всего мы (он в первую очередь) обязаны **сохранить страну и нацию, а затем (желательно параллельно с тем) сохранить в России демократию**...

Более выгодным в военном и геостратегическом отношении, чем нынешнее американское, было бы расположение только на Луне. Соединенные Штаты невозможно победить военным путем. И на 80% это не их заслуга, а объективная характеристика их местоположения на земном шаре. У России прямо противоположная ситуация, хотя и ее до сих пор никому не удавалось победить военным путем. Но сейчас речь идет о партизанских, или сетевых, войнах, перед которыми Россия объективно гораздо более уязвима, чем США... Международный терроризм... смог нанести по США удар только извне, а в России уже закрепился внутри, на Северном Кавказе, отвоевал себе там пусть не тотально оккупированный, но плацдарм. Можно только предполагать, каким бы трансформациям подверглась система политической демократии в США, если бы международный терроризм, хотя бы и в дисперсных формах, занял бы плацдармы во Флориде или Техасе...»[78]

В своих тезисах о терроризме, а также о противниках и союзниках России, опубликованных на страницах «Российской газеты», В.Т. Третьяков указывает на родственную связь терроризма и фашизма, употребляет такие понятия, как «тотальная война», «беслановский холокост», «террористический рейх» и другие. Он отмечает: «До сих пор высшим проявлением злодейства и бесчеловечности в европейской культуре считался фашизм. Ушедший в прошлое настолько, что кое-кому (в странах Балтии, например, членах Евросоюза, между прочим) кажется даже пристойным зафиксировать свою службу в войсках СС. После захвата, пыток и расстрелов в Беслане террористами сотен детей, надеюсь (хотя и не уверен), **современный терроризм будет приравнен как высшее проявление зла и бесчеловечности к фашизму**. Но проявлению, не ушедшему в прошлое, а находящемуся на восходящей линии своего развития... В том, что случилось в Беслане, 99 процентов вины и ответственности террористического рейха, и лишь 1 процент - России, очень неэффективно до сих пор с ним боровшейся...»[79]

Ясно, что цели террористов не совместимы с существованием России. И пока это положение будет сохраняться, речь может идти только о непримиримой войне. А. Пушков отмечает: «Россия вступила во вторую фазу войны, и это война чисто террористическая. Возникает некая параллель с Ираком. Мы в свое время провозгласили окончание военной фазы войны в Чечне, а американцы - победу в Ираке. Но война, которая началась вслед за этими "окончаниями" и "победами", и для нас, и для войск антииракской коалиции не стала менее ожесточенной, менее опасной, что и показали последние трагические события в России. Теперь нам предстоит жить понятиями не столько классической войны, ведущейся на определенной территории, сколько войны террористической - без правил, не ограниченной театром военных действий. Новую логику событий дополняет явная активизация международного фактора в деятельности чеченских террористов. Ясно, что они уже перестают быть единственными организаторами терактов в нашей стране. Их организацией начали заниматься внешние силы, находящиеся в странах мусульманского мира, и, возможно, не только в них...»[80]

Террор все более и более превращается не просто в оружие нового поколения, но и в особо-

---

78 Третьяков В. Выбор Путина как выбор России//Российская газета. - 2004. - 16 сент.

79 Третьяков В. Террористический рейх. Тезисы о терроризме, а также о противниках и союзниках России//Российская газета. - 2004. - 7 сент.

80 Пушкин А. Цели террористов несовместимы с существованием России//Литературная газета. - №35. - 8-14 сент.

го рода оружие массового уничтожения, связанное с психологическим воеванием (как и предсказывал Месснер), использованием телевидения, других средств массовой информации. «Надо напомнить, - замечает специалист-психолог Д. Дондурей, - что не на Луне живем, а на Земле, в эпоху террористических войн. Они транснациональные и... невероятно творческие и креативные, ни один бой не похож на другой. Они безумно дешевые и тотально эффективные. Они все связаны с телевизором. Они наносят гигантский ущерб. Они дальше будут расширять свои пространства. И надо знать, **что психологическое поражение становится оружием массового уничтожения...** Надо создавать систему психологической защиты населения для противостояния тому психологическому поражению, которое террористы наносят стране»[81].

В руках «мятежесил» террор действительно оказался очень эффективным политическим орудием. Генерал армии А.С. Куликов заявляет: **«Особенность терроризма - его эффективность.** Пока несколько человек с автоматами или взрывчаткой могут навязать свою волю государству, желающие воспользоваться этим найдутся всегда. К тому же **терроризм многолик и динамичен:** он постоянно меняет форму, содержание, идеологию, географию. Это не тот противник, которого можно обозначить на военных картах и штабных мониторах... Психологически все мы заложники этой войны, где перемешались фронт и тыл. Не только в армии, у себя дома, в учебном заведении, в театре, в поезде уязвим нынче буквально каждый. И места боев не предсказуемы... Мировое сообщество оказалось не готово к этой войне. Оно готовилось к ядерной и не заметило приближение новой, которую сегодня многие специалисты, лично я об этом говорил уже давно, склонны считать Третьей мировой»[82].

Нельзя позволять террористам добиваться глобальных политических успехов (в мире и в России), как это произошло в 2004 г. Бороться с терроризмом как неклассической, сетевой, дисперсной войной сложно, но можно и нужно. И не бездумной централизацией, а творческими инициативными усилиями всего общества (террористическим нападениям на Россию не могут эффективно противостоять только власть и силовые структуры - это уже аксиома). Следует также учесть и то, что пассивная позиция - верный путь к поражению. Успех может быть достигнут не силой, а умом, не обороной, а наступлением, длительными и напряженными (в том числе превентивными) действиями. Это уже понятно сегодня и руководству страны, и всем тревожащимся за судьбу Отечества гражданам. Надо срочно создавать дееспособные и адекватные новой необычной угрозе вооруженные силы и службы безопасности «вкупе с решимостью применять их в гражданском конфликте. Надо извлекать уроки из истории и учиться борьбе с террористами у США, Израиля и особенно у арабских стран». Отмечая это в статье «Уроки Алжира и Египта», Г. Энгельгардт заключает: «Ключ к успеху - осознание угрозы ваххабитского экстремизма не как очередной "кампанейщины" в советском стиле, а как реальной опасности, которая будет стоять перед страной и гражданами не менее десятилетия. На таком осознании необходимо адаптировать армию и силы безопасности к противостоянию экстремистам, привлекать к этой борьбе граждан, общественные структуры, бизнес. Чтобы не проиграть террористам войну, огромные усилия требуются и от государства, и от общества. Это и повышение боеспособности армии и сил безопасности, преодоление ведомственной разобщенности, и качественное усиление защиты объектов инфраструктуры, и участие общества в противостоянии экстремистам, и борьба за сердца наших сограждан-мусульман»[83].

---

81 Яковлева Е. Теракт в прямом эфире-2. Телевидение это не только информация о теракте, телевидение это механизм террора, считает Даниил Дондурей//Российская газета. - 2004. - 9 сент.

82 Куликов А.С. Терроризм: на войне как на войне//Литературная газета. - №38-39. - 29 сент.-5 окт.

83 Энгельгардт Г. Уроки Алжира и Египта. России надо учиться борьбе с террористами не у Израиля, а у

Терроризм давно уже превратил Россию в зону риска. В этих условиях особенно недопустимо усугублять ситуацию неразумной и неэффективной бюрократической политикой, от которой уже дважды крупно страдала Россия. Оценивая первую из национальных катастроф (падение Российской империи), В. Шестаков приходит к следующему выводу: «Очень неприятно думать, что гибели той России способствовали, с одной стороны, неблагоразумные молодые обормоты, с другой - ведомственная корысть собственной полиции, а с третьей - хищнические интересы зарубежных стран. **Однако, по-настоящему виновата прежде всего, конечно, бюрократическая система царской России, которая не смогла адекватно ответить на вопросы, поставленные историей.** Наверное, в этом и есть главный источник терроризма, когда отчаянные и отчаявшиеся молодые люди готовы жертвовать своей судьбой ради невесть чьих интересов - лишь бы почувствовать себя на время спасителем Родины»[84].

Отечество в опасности. Чтобы предотвратить очередную трагедию (общенациональный кризис уже налицо) и не вступать в противоборство еще и с будущими террористами-экстремистами националистического или какого-либо иного оттенка, надо учесть уроки истории (в том числе и дать нравственную оценку революционно-государственному терроризму прошлого), перестать воевать на словах с «американоцентричным глобализмом», а всерьез заняться искоренением терроризма, укрепившегося за более чем столетие на нашей российской почве. Начать это общенациональное дело необходимо, как советуют многие авторитетные русские люди, с исправления нашей обшей политики (здесь основной корень зла). В каком направлении решать эту самую главную «антитеррористическую» задачу, другие проблемы противопартизанской и контртеррористической борьбы - подскажут заветы Е.Э. Месснера, накопленный опыт и указания истории.

арабских стран//Независимое военное обозрение. - 2004. - №36.

84 Шестаков В. Террор - мировая война. - С. 36.

КАК ПОБЕДИТЬ МЯТЕЖЕВОЙНУ: ЗАВЕТЫ Е.Э. МЕССНЕРА

Теперь уже ясно, что военно-политические события в нашем глобализирующемся мире развиваются «по Месснеру». Мятежевойны и борьба с ними продолжают оставаться одним из определяющих признаков современной эпохи[85]. Сегодня уже нельзя игнорировать мятежевоевание, которое превратилось в общепланетарную опасность. Всемирная мятежевойна приняла необычно опасное обличие международного терроризма («безграничного террора» - по Месснеру), изощренного тайно- и психовоевания. Не снижается накал революционно-подрывных действий, партизанской борьбы, диверсионно-террористических операций. Победой или поражением в данном процессе и будет определяться исход противоборства между цивилизацией и варварством, судьбы России. Поэтому так актуально и злободневно звучит призыв Евгения Эдуардовича Месснера: «Хочешь мира, победи мятежевойну!»

Как победить в этой необычной, изощренной «полувойне»? В работах Евгения Эдуардовича Месснера есть два четких указания и на решение этого вопроса. Во-первых, необходимо осуществить комплекс ре-революционных фундаментальных преобразований («ре-революционное созидание»), подрывающих социальную базу Всемирной мятежевойны и тем самым исключающих предпосылки для возникновения мятежей, а также создающих благоприятные обстоятельства для длительного и прочного мира, созидательного труда, счастливой жизни. И, во-вторых, цивилизованным государствам, и прежде всего России, надо «принять смелое решение реорганизоваться для мятежевойны», «завоевать», превратить эту «однобокую войну» в двусторонний процесс, добиться не только политическо-психологической, но и безусловной военной победы над силами зла и террора.

«Всемирная ре-революция» как главное условие победы

Чтобы «сохранить Мир в мире» прежде всего необходимо, конечно же, осознать «грозную опасность мятежа» (революций, восстаний, партизанства, диверсий, террора и т.д.), признать факт этой необычной войны. И раз уж мир планетарно втянут во Всемирную мятежевойну - «войну-революцию» (войну, порожденную всемирной революцией) и она не относится к разряду кажимостей или выдумок, а имеет место быть, и уже очень длительное время, следует использовать эту войну и связанный с ней общемировой кризис для укрепления и сплочения цивилизации, смены эпох и культур, осуществления «ре-революционных» преобразований всего мирового порядка, проведения фундаментальных перемен в жизнедеятельности тех государств, которые она прямо или косвенно затрагивает. Другими словами: надо максимально полно устранить те условия, обстоятельства и причины, которые воспроизводят (делают возможными) революции и мятежевойны. Нельзя более допускать, чтобы будущее творили разрушительные, а не конструктивные силы. Только этот метод (осуществление ре-революции) устранит проблемы и трудности, на которых спекулирует и которые использует мятежествую-

---

85 В последние годы понятие «мятежевойна» все чаще стало появляться в научной литературе, на страницах периодической печати. См., напр.: Поповских П.Я. Российский ответ на «мятежевойну». Он требует пересмотра ряда положений действующей военной доктрины//Независимое военное обозрение. - 2002. - № 21. Автор прямо утверждает, что история развивается «по Месснеру» и что сегодня именно «мятежевойна» «угрожает военной безопасности России, ее национальным интересам, ее целостности, как государству...».

щий противник, лишит его поддержки народа, даст настоящие «победительные преимущества нашей стороне». Существо этой установки Е.Э. Месснер выражает следующими мыслями:

«Мы не можем понять, что происходит на белом свете: государства стали беспомощными, безвластными; общественность разорвана в клочья, воинственно враждующие между собой, причем часть этой общественности, еще недавно одушевляющаяся пацифизмом, охвачена культом насилия; народы стали смело требовательными в отношении рыхлых правительств; семья разрушена: нет больше извечной проблемы отцов и детей, а есть проблема отцов и какой-то новой расы, состоящей из молодежи и имеющей невиданное, неслыханное мышление, систему чувствований, манеру реакций; мораль уступила свои права грубейшему разврату; церкви разваливаются и их духовенство заменяет Христову любовь проповедью насилия, антихристианством...

Мерная, эволюционная поступь жизни кажется людям нелепой, когда нетерпение хочет родить революцию. Революция делает скачок "из понедельника в среду", по меткому выражению Жуковского, а затем реакция возвращает жизнь "ко вторнику", возвращает на путь здравого смысла, утерянного в революционном порыве. Реакция - составная часть каждой революции, перешагнувшей через логику жизни. Реакция не есть реставрация. И Господь Бог не делает бывшего небывшим. Факт революции немыслимо аннулировать реставрацией... Никакая контрреволюция не возвращает жизнь к тому положению, какое существовало перед революцией. На неуспех обречена реакция, которая назовет себя или даст повод называть ее контрреволюцией. Наполеон повернул Францию на путь реакции не контрреволюционно, но революционно.

Реакция должна стараться не выглядеть реакцией и не называться реакцией. Она должна иметь вид революции и быть ре-революцией. Белое движение в России возникло, когда маятник революции еще не мог начать обратного движения; поэтому белые лозунги были не контрреволюционны и не реакционны - они были пассивно-конструктивны. Россия без сопротивления сдалась Февралю, но сдаться Октябрю не пожелала и созданием Добровольческой армии заявила свое право и свое намерение существовать... Белые вожди сказали: "Пойдемте, господа офицеры, умирать за честь России!"

Ре-революция борется не за право на смерть, но за право на жизнь, из которой устранены все излишества, уродства предшествовавшего революционного периода... Установить идейную базу для ре-революции труднее, чем для революции. Революция по преимуществу деструктивна - в ней много конкретных "долой!" и мало реальных "да здравствует!". А ре-революция хочет быть конструктивной и среди руин дореволюционного здания и мишуры революционных декораций найти место и материал для сооружения того, что соответствует вечному стилю данного народа и отвечает его разумным потребностям. Разрушать может всякий Стенька Разин и Емелька Пугачев, а для ре-революционного созидания нужны носители творческих, здравых, понятных, приемлемых идей, как патриарх Филарет (XVII в.) и Столыпин (XX в.).

Ре-революция - это продолжение революции, но лишь на иной идейной базе... Чем сложнее была формула революции, тем труднее отыскать приемлемую формулу ре-революции. Формула грядущей всемирной ре-революции будет крайне сложна... Пестрядевая структура революционной идеологии создает для ре-революции необходимость макиавеллистически ткать многоцветный идеологический узор: для мусульманских стран надо воткать ярко-религиозные нити, для южноамериканских упадочно-христианских государств надо вплести нити гуманитарные, для уставшего жить французского народа привлекательны будут спокойные тона, а

для негров, вдруг ставших динамичными, годится предельно яркая расцветка. Было бы наивностью думать, что всемирная ре-революция обозначится наподобие взятия Бастилии или Зимнего дворца: единого поворотного момента не будет...

Точно так же, как и всемирная революция, всемирная ре-революция воспользуется и благоприятными обстоятельствами народных движений, и сумятицей войны. *Может быть, нужна большая война, большая мятежевойна, чтобы дать старт ре-революции...* Мятежевойна нужна революции, которая нигде не может восторжествовать безоружно, - это доказывает опыт четырех десятилетий, - но она нужна и ре-революции, чтобы оружием поставить порядок на место беспорядка, поддерживаемого оружием революции. Генри Форд ошибочно утверждал, что "война никогда не приносила решения, она лишь превращала организованную, плодоносную жизнь в неорганизованный, бесформенный хаос". Неверно, потому что кратковременный хаос 1919-1920 гг. дал США золото всего мира, хаос 1945-1947 гг. дал им всемирное могущество. *Хаос мятежевойны даст ре-революции большие шансы:* родятся новые идеи, придут к власти новые люди вместо нынешних, делающих революцию, или потворствующих революции, или отступающих перед революцией...

Как революция приобрела оперативность, когда получила плацдарм - Россию, так и ре-революция будет нуждаться в плацдарме, а может быть, в нескольких плацдармах - политическом в одной стране, нравственном в другой, экономическом в третьей и т.д., - чтобы местные оздоровления жизни (в одном народе) обращать в повсеместные. Картина улучшений долго будет неясной, потому что иные государства будут продолжать стремиться к революционным излишествам (углубление революции), когда другие уже пойдут по пути ре-революционного возрождения здравого смысла. Не следует думать, что на этот путь можно повернуть только по достижении тупика революции. Иные из народов, не пройдя всех стадий революции, могут свернуть на стезю ре-революции: утопающий ведь может выплыть и не оттолкнувшись ступнями от дна.

Никакая ре-революционная догма, никакая реформа, никакой захват власти не будут иметь успеха, если им не будет созвучна психика народа, такой его части, которая достаточно мощна, чтобы быть ведущим слоем. В понимании психологических факторов заключается главнейшая задача руководителей ре-революции, а она усложнена многосложностью обстановки на земле и, в частности, на ее геополитических частях и частицах...

Однако мы не ставим себе задачу прорицать, какие конкретно возможности стоят перед ре-революцией и какие именно организации, или человеческие объединения, или племена, или народы дадут движение ре-революции и разовьют это движение. Мы лишь намечаем психологические моменты, которыми могла бы воспользоваться ре-революция. Момент первый: человеческая душа религиозна. Религиозность может стать крепкой базой ре-революции... Ре-революция могла бы стать борьбой богопочитателей против богоборцев... Момент второй: материализму, для коммунизма основному научно-философскому направлению, может быть с успехом противопоставлен идеализм, т.е. представление, что не материя является основой всего, а сознание, дух, идея... Четвертый момент: идея свободы. Она всеобща исторически и географически. Потребность в истинной, мудрой, целомудренной свободе существует всюду... Религии вспыхивали и угасали, появлялись государственно-политические идеалы и исчезали, а свободе поклонялись всегда и все, и подневольные, и свободные... Какая свобода? Материалистическая, вошедшая в повседневность революции, или ре-революционная, освобождающая от тирании прав и дающая духу человека *право на обязанности?* Пятый момент: коммунистическому унижению личности - "человек есть то, что он есть" - противопоставляется индиви-

дуализм. Человек - не термит китайской "народной коммуны", не штампованная деталь социалистической машины, но и не своекорыстный член на гуманизме построенного буржуазного общества, а свободной душой обладающий индивидуум, достигающий в стремлении к Божественному того, что сказано христианством: "Вы - боги".

Можно продолжить перечень победоносных ре-революционных идей, можно выразить надежду, что появятся новые (сегодня еще неуловимые) идеи, но надо подчеркнуть, что восприимчивость сознания человека и человеческого общества к идее зависит не только от ее "удельного веса", но и от ее температуры: холодный свет факела исполинской статуи Свободы в Нью-Йорке не зажег нигде пламени свободы, а Боливар своим горением, своей горячностью воспламенил всю Южную Америку в борьбе за свободу. Ницше так преподнес Европе своего "Заратустру", что мог сказать о себе: "Я человек, который творит пустыни". А ре-революция нуждается в людях, способных превратить нынешние пустыни сознания в цветущие сады при помощи возрождения затоптанных революцией идей или провозглашения идей, доныне неведомых.

Многие тысячи североамериканцев в качестве экспертов по машиностроению, мелиорации, метеорологии, экономике, гигиене и т.д. работают в государствах Свободного мира, стремясь в то же время всюду насадить *американизм,* чтобы спасти мир от радикализма из Кремля и косности Старого Света. Американизм - это уверенность, что американская конституция лучшая в мире, что американские нравы и быт лучшие в мире, что все народы будут счастливы перенять у американцев напряженную борьбу за личное преуспеяние, обогащение, подражать американцу в его способности к труду, любви к комфорту и потребности к благотворительности. Все приемлют американскую помощь, но не приемлют американизма и ненавидят американцев тем больше, чем интенсивнее они помогают, потому что чем интенсивнее помогают, тем больше стараются американизировать. Всегда и всюду "культуртрегеры" раздражают своим высокоглядением, самоуверенностью и непониманием простой истины: "что город, то норов". Не всякий народ хочет поменять свою южноамериканскую лень на североамериканский "темпо" или свое "польское хозяйство" на немецкий "орднунг".

Ре-революция не должна повторять ошибок революции с ее прокрустовым ложем, на котором укорачивают или растягивают интеллект, чувствования, норму потребностей каждого народа, чтобы стать приемлемой и желанной... За периодом упадка нравов всегда наступает *эпоха возрождения нравственности,* а иной раз - даже эра пуританства. Как ни глубок, как ни всеобщ сейчас упадок этики, нет оснований думать, что ре-революция не создаст перелома, что ре-революция не выдвинет слои, группы, сообщества, которые возглавят движения не для полного восстановления дореволюционных нравов - об этом и нельзя, да и незачем мечтать, - но для введения нравов в русло человеческого достоинства и поднятия их хотя бы до минимума пристойности, приличествующей цивилизованным людям... Ре-революция должна найти такую воспитательную базу - национальную, нематериалистическую, - которая давала бы возможность отбора морально лучших для образования слоя аристократии духа, аристократии нравов в противоположность доминирующей ныне нахалократии, по выражению И.А. Ильина, какастократии ("какастос" значит "наихудший")...

В процессе всемирной революции *демократизм* сделал две ошибки: возомнил демократический режим универсальным и оторвался от демоса... Люди объединяются на базе оппозиции, а не на базе творческого сотрудничества... Демократический строй - это построение на дискуссиях. Без политической и моральной зрелости народа не может существовать истинно демократический режим. Между тем политики, охваченные суеверием, что демократизм со-

вершенен и универсален, стали насаждать это политическое "совершенство" на землях племен столь несовершенных, как ливийцы, гвинейцы и даже еще не вышедшие из каменного века наги (в Индии). Латино-Америка дает много доказательств тому, что недостаточно выстроить здание парламента, как копию вашингтонского Капитолия, чтобы жить по правилам вашингтонского парламентаризма: не в архитектуре здания дело, а в народном темпераменте и общественной зрелости...

Революция французская, а потом революция всемирная рачительно лишали народы индивидуальных черт; ре-революция, несмотря на необходимость считаться с пустившими корни интернационализмом и космополитизмом, должна будет манить народы возможностью, сбросив стандартно-модный пиджак, надеть по своему вкусу наряд: культ государства, культ индивидуума, власть, гражданами установленная, власть, Божеством данная...

Каждая мысль, продуманная до конца, ведет к абсурду, каждый принцип, проведенный до конца, ведет в тупик. Демократический принцип "свобода убеждений", доведенный до абсурдного понятия "свобода всякого убеждения", развязывает руки убийцам демократии - анархическому большевизму и коммунистическому тоталитаризму. Государство в демократических руках стало безволием - перед ре-революцией стоит задача возродить в нем волю... *Необходимо перейти от анархической демократии к демократии творческой...* Факт появления в Европе христианских демократических партий говорит о том, что уже десяток лет тому назад общество стало освобождаться от тиранической демократии с ее обязательным "свободомыслием", "антиклерикализмом", "гуманизмом", исключавшими всякое приложение Христовых заветов в политике. Когда христианско-демократические партии перестанут делать ударение на втором слове своего названия, а станут делать ударение на первом, то они сделаются несомненными факторами ре-революции. Говорят: мораль может быть политична, политика же не может быть моральна. Кто скажет: *мораль не может быть политична, политика же может быть моральна* и поступит по смыслу так перекроенной фразы, тот получит доверие общественных слоев, уже местами протестующих против политической уголовщины разных категорий в государствах всех категорий.

Основные методы революции - *террор и диктатура.* Надо надеяться, что эти два метода не будут основными в оперативном плане ре-революции... Дай, Боже, чтобы принципом ре-революции были благородные слова Столыпина: "В политике нет мести, есть последствия". Последствием безумного во время революции полевения демократии будет ре-революционное поправение. Не симптоматично ли появление на стенах домов традиционно-республиканской Франции плакатов: "Король? Почему бы нет?"

В дипломатии тоже ре-революция не должна воодушевляться мстительностью. Ей не устранить тех последствий революции, которые неизгладимы. Если исходить из убеждения, что после образования в XIX в. наций было бы логичным в XX в. *слияние наций-государств в коннационалы,* но что нелогично и неестественно стремление всемирной революции заставить человечество сделать в дипломатии "скачок из понедельника в среду" - из наций в интернационал, минуя коннационалы, - то можно предвидеть, что ре-революция пресечет низовой интернационализм... Государства-нации и коннационалы должны быть суверенно-независимы от каких бы то ни было интернациональных обществ.

Из трех рожденных коннационалов латиноамериканский лежит еще в пеленках, арабский недоносок не развивается, а европейский уже учится ходить под руководством НАТО. Слияние в военную коалицию, а тем более в коннационал требует взаимного проникновения, интегрирования, постепенного жертвования своего суверенитета. Хотя одни жертвуют макмил-

лановски лукаво, другие - деголлевски строптиво, но с пути слияния возврата нет. Балканизированная Европа не устоит ни против коммунистического блока, ни против будущего африканского. Чтобы в грядущем не повторилась битва на Калке, когда Россия, авангард белой расы, будет отражать нового Тамерлана, желтого, *потребуются соединенные усилия коннационалов российского и европейского...*

Покуда существует Зло, нельзя отказываться от применения силы для защиты Добра... Ре-революция не будет сговариваться с революцией. Она будет бороться. А для борьбы надо вооружиться физически и, главное, морально... *Духовное вооружение, моральное вооружение* нужны ре-революции, потому что она потребует большого напряжения в борьбе. Шансы на успех борьбы велики. Революция разделилась сама в себе и потому не устоит... Государства, которые примкнут к ре-революции в дипломатической сфере, не могут быть объединены вокруг такой же мощной оси, как коммунистические страны вокруг СССР, и вокруг такой направляющей идеи, как коммунистический империализм, но и при меньшем единомыслии и при меньшей объединенности они могут *иметь единую дипломатическую стратегию.* Атлантический и Тихоокеанский пакты это доказывают, что бы ни возражали пессимисты, указывающие на нестройность движений этих коалиций, но забывающие, что процессия, хотя она и не так компактна и быстра, как колонна солдат, в ногу шагающих по улицам города, все же она, процессия, достигает намеченного пункта. Для выработки единой (в общих чертах) дипломатической стратегии потентаты ре-революции должны *избавиться от таких навязчивых идей, как расчленение России* (Лондон и Вашингтон), европейское равновесие (Лондон), водительство Европой (Париж), месть англичанам (Бонн), нейтрализм (Нью-Дели) и т.д. Им полезно было бы припомнить слова царя, произнесенные при учреждении Священного Союза: "Не может быть политики английской, французской, русской, прусской, австрийской: есть одна всеобщая политика (дипломатия по нынешней терминологии. - *Е.М.),* долженствующая ради общественного спасения быть принятой как народами, так и государями"...

Сохраняя свои национальные черты и ре-революционные потребности своей нации, ре-революционеры всех наций будут более или менее единодушны в том, что психологически более или менее всюду может стать приемлемым: борьба против большевизма как психического рака, против коммунизма как противоестественности и против уродств капитализма, против тоталитаризма и против дегенерации демократизма, против произвола толпы и против бесчестности парламентов, против порабощения личности государством и против анархической личности. Вероятно, среди ре-революционеров будут играть известную роль традиционалисты, ценящие ценность культур Старого Света и Америки... Среди водителей ре-революции будут те, кто ныне придавлены революцией: *люди живой совести,* а в числе их на первом месте - люди религиозной совести. Любовь к ближнему - вот сила, могущая разрешить мгновенно все проблемы, если она была хотя бы на мгновение всеми людьми приложена ко всем проблемам. Но заповедь "Возлюби ближнего" труднее заповеди "Возлюби Господа", и поэтому ре-революция едва ли будет иметь любовь к человеку своей базой: но все же ре-революция будет совестливее революции уже хотя бы потому, что она будет протестом против ненависти, взращенной революцией, и против бессовестности многих идей и действий революции...

Не перевелись на свете люди доброжелательные и справедливые - когда их пассивное неприятие излишеств революции станет активным, они окажутся той элитой, которая поведет массы в ре-революцию. На фоне растления, кажущегося всеобщим, видим людей, в которых материалистическое воспитание не выжгло идеалистического сознания, не придавило чувство обязанности и ответственности, от природы заложенное в большинстве душ; видим храбрых

воинов, отдающих свою жизнь в жертву суровому долгу, боговдохновенных вероучителей, самоотверженных патриотов, истиной озаренных мыслителей, добронамеренных педагогов и множество людей всех состояний, живущих по правде. Нельзя, немыслимо себе представить, чтобы эта духовная сила не повела за собою толпы людей с опустошенными душами. Говоря об элите, понимаем отбор не по социальным категориям, а по человеческим: "В каждом классе есть масса и элита" (Ортега-и-Гасет). Конечно, к идеалистической, культурной, интеллигентной элите примкнут, почуявши ре-революционную конъюнктуру, политики, дипломаты, синдикалисты и финансисты и вообще люди дюжинные, но и они будут полезны, коль скоро будут того убеждения, что руководящая деятельность - прерогатива, непременно сопряженная с несением тяжкого бремени... Прозревшие, духом переродившиеся революционеры также могут стать цененными ре-революционерами...

Надеждой ре-революции надо считать молодежь. Одни говорят, что молодежь ныне бездушна, охвачена гангстерскими настроениями и хулиганством. Другие твердят: молодежь такова, как и встарь. Правы и те, и другие. Молодежь всегда склонна к экстравагантности, и мы ее видим сейчас весьма экстравагантной. Но лучшая часть молодежи всегда ищет правды, и непременно новой правды, потому что для нее старая правда - это застой, мракобесие. И ныне, присмотревшись, можно увидеть такую молодежь, для которой столетней давности ученье Маркса и полувековой давности доктрина Ленина, а тем более сталинистами опровергнутая премудрость Сталина - все это консерватизм, реакция, обскурантизм. Присмотревшись, можно увидеть, что молодежь перестала массово включаться в коммунизм и социализм, а включившаяся - разочаровывается и уходит. Молодежь раньше всех придет к сознанию, что ре-революцией надо исправить уродливо выполняемую революцию, что *возврат к напрасно, в революционном угаре, отвергнутому хорошему будет прогрессом...*

Революция в своем буйстве, в своей энергии преступает законы естества. Ре-революция должна возвратить их в рамки этих законов. Тогда наступит улучшение не эфемерное и переменное, но действительное и постоянное (поскольку мыслимо что-либо постоянное, кроме Бога)... Кто верит в Бога или кто боготворит прогресс, не могут не быть уверенными, что должно наступить - и наступит - *оздоровление нравов и очищение духа.* Откуда это придет? Знать этого нельзя. Но предполагать можно: от России. Ведь можно реалистическим рассуждением прийти к надежде, что первее всего на нашей родине проявится для всех спасительная энергия моральная и духовная... Нигде в мире нет такого религиозного подъема-подвижничества, как на нашей родине. Оттуда воссияет свет миру!

Исторически процессы медленны. Как некоторые химические реакции ускоряются встряхиванием колбы, так и *ре-революционный процесс очищения нравов и возвышения сознания может быть ускорен войной, мятежевойной.* Не от людей зависит, встряхнуть ли войной. Но если лежит она на путях Провидения, то да возникнет, пока вихри революционного безумия не угасили в мире затеплившихся огоньков ре-революционного сознания. Да озарит оно народы. И ради этого озарения да будет вновь Россия!»[86]

События, произошедшие в мире за последние тридцать лет, подтвердили предвидение и основополагающее завещание Е.Э. Месснера. В результате мощнейшего ре-революционного движения (в том числе и с использованием «холодной войны» как разновидности мятежевойны) коммунистические режимы рухнули и в бывшем социалистическом лагере начался процесс «устранения уродств революционного периода», который продолжается и в настоящее время. Причем некоторые страны (Китай) не стали дожидаться, когда они окажутся в «рево-

86 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 73-106. 128-130.

люционном тупике», а приступили к ре-революционным преобразованиям за много лет до окончательного краха коммунистической системы. Эти преобразования (в первую очередь социальные, но и мирное свержение, например, прогнившей, коррумпированной, не отвечающей требованиям времени власти, систем правления) самым надежным образом устраняют источники и причины межцивилизационных и межгосударственных войн, гражданских войн, мятежей, вооруженных восстаний, революционных народных движений. Иногда их по привычке еще называют революциями, но уже с существенными добавлениями, указывающими на их мирный, объективно необходимый характер: «революция гвоздик», «бархатная революция», «революция роз», «оранжевая революция» и т.д. Именно так обозначались события, происшедшие за последние годы в Португалии, Испании, Польше, Чехословакии, Грузии, на Украине.

В результате всемирной ре-революции, контуры которой наметил Месснер, мир стремительно меняется и глобализируется, приобретает все более цивилизованный облик. Если пока и существуют в каком-то из его уголков коммунизмы и тоталитаризмы, диктаторские режимы, случаются разрушительные (исламские и прочие) революции, то в виде исключения.

В противоборстве с коммунистической угрозой упрочил свои международные и экономические позиции Запад (Евро-Атлантическое сообщество, в целом Свободный мир). В его лоне образовался давно предполагаемый и готовившийся не один десяток лет «коннационал» - Европейский союз, в состав которого на данный момент уже входят свыше 20 наций-государств. Соединенные Штаты Америки превратились в ведущую державу мира. Своей политикой они наглядно демонстрируют, как ре-революционно можно использовать «большую мятежевойну» (превратив ее в «глобальную войну против международного терроризма») в интересах безопасности страны, для насаждения американизма и демократизма, нового (проамериканского) мирового порядка.

Давно уже планету нашу не сотрясают классические мировые войны, разоряющие и победителей, и побежденных. Чрезвычайно редки стали межгосударственные войны. Из «уродств революционного периода» сохранилась только «мятежевойна» в обличиях «исламской революции», новых гражданских войн, партизанства, международного терроризма, тайно- и психовоевания... Но если всемирная ре-революция (ориентированная на победу над мятежевойной, установление прочного мира на нашей планете) будет развиваться последовательно, то и с этим пережитком революционной эпохи рано или поздно будет покончено. Уже сегодня ключевым элементом мировой политики становится деятельность ООН, региональных международных организаций, отдельных государств по поддержанию мира, предотвращению войн и вооруженных конфликтов (миротворческая деятельность). На повестку вскоре может стать вопрос о создании международной полицейской армии, применяемой в гуманитарных и контртеррористических операциях в интересах всего мирового сообщества. Борьба с международным терроризмом и новые виды угроз стимулировали укрепление государственности, создание новых систем безопасности, ускорили процесс фундаментальной трансформации вооруженных сил большинства цивилизованных стран.

На этом более или менее ясном геополитическом фоне непредсказуемой и неопределенной продолжает оставаться ситуация в России, которая до сих пор так и не явила миру ожидаемую от нее «спасительную для всех энергию моральную и духовную». Вообще складывается впечатление, что с точки зрения «оздоровления нравов и возвышения сознания» (как и во многих других отношениях) страна наша все еще продолжает оставаться в революционном тупике. По-прежнему нет ясности в отношении путей развития России. Быстро обюрократизировав-

шаяся власть вновь обособилась от народа, по привычке относится к нему так, как будто чиновники - это высшая раса господ, а не слуги народа и Отечества. Все чаще она совершает ошибки, проводит оторванную от чаяний народа политику, принимает решения не на основе национальных интересов, широкой осведомленности и объективной информации, а по собственному усмотрению. Шоковые реформы, отсутствие справедливости и правды, коррупция и воровство, постоянные метания из одной крайности в другую, ложь и бесчестность, покушения на свободу слова, права и достоинство человека, стремление власть имущих к личному обогащению, непрекращающаяся борьба за власть и прочие негативные моменты разрушают российскую государственность, еще больше подрывают доверие народных масс к правящей «элите», создают протестные настроения и движения, которые носят (что настораживает) скорее традиционно-революционный, чем ре-революционный характер.

Прямо или косвенно, но продолжаются бессмысленные попытки примитивной реакцией вернуть страну в советское прошлое, причем в худшем его варианте. Насаждается идеология сильной руки (по принципу «сила есть, ума не надо»), глушится творческая инициатива, поощряются рабские инстинкты и холопские привычки, оживляется страх, который еще больше парализует созидательную деятельность. Возрождаются имперские замашки, губительные в сложившихся условиях, появляется желание играть роль «великой державы» на международной арене, особенно на постсоветском пространстве. И все это без учета новых возможностей и реалий, последствий распада исторической России. На словах признается, что Россия - европейская страна, неотъемлемая часть западной цивилизации. На деле же - постоянное противопоставление России Западу, явное и скрытое противоборство (не без участия и западной стороны), игры в многократно битую евразийскую карту, в особый путь развития, который может увести нас в небытие.

Потрясает воображение неспособность обустроить и защитить Российскую империю, СССР, а теперь, возможно, и Российскую Федерацию. Не сработают даже инстинкты самосохранения (что особенно ясно проявилось в распаде СССР и его славянского ядра). Благоприятными возможностями, предоставленными мятежевойной (борьбой с международным терроризмом), мы так, по существу, и не воспользовались (скорее, в очередной раз нас используют), хотя бы для достижения необратимой интеграции с Европой и заключения союза безопасности с США, для радикального, быстрого и беспрепятственного обновления страны, экономического возрождения и повышения благосостояния народа. Меры по укреплению вертикали власти, назначению губернаторов, изменению характера выборов в Государственную думу и Совет Федерации, наведению порядка в силовом блоке скорее направлены на сохранение старой России, поддержание несостоятельного государства с его постоянными кризисами, чем на создание принципиально нового жизнеспособного государственного образования.

Вместо проведения настоящих коренных реформ (ре-революционной трансформации) и борьбы с мятежевойной (в том числе и с теми ее разновидностями, что привели к падению императорской России, распаду СССР) мы приобрели привычку тратить время, ресурсы и энергию на самими же себе устраиваемые совершенно бессмысленные и ненужные войны (кавказские, польские, японская, афганская, чеченская...). Последняя из них (чеченская) дефакто длится вот уже более десяти лет, отвлекая силы и средства от созидательного труда и угрожая очередным распадом России (ибо развивается «чеченская война» в значительной степени по афганскому сценарию). Да и войной все это признано было только в 2004 г. («России террористами объявлена война»), и конца ей при данном положении вещей не видно.

Несмотря на кажущуюся стабильность и установившийся порядок, *Россия остается зоной*

риска, в очередной раз может пережить государственную катастрофу, а возможно, и еще одну разрушительную революцию. Отечество в опасности, а ничего существенного для спасения, сохранения, защиты и созидания новой России не предпринимается. Впору объявлять очередную Отечественную войну, и не только из-за непрекращающихся атак международного и внутреннего терроризма. И, конечно же, не для достижения победы в «четвертой мировой войне» как «войне с американоцентричным глобализмом»[87] (в глобальной битве за выживание или геополитический передел мира). Для действительного спасения Отечества (это предложил еще Н.В. Гоголь во второй части «Мертвых душ») надо прежде всего «восстать против неправды» и несправедливости, против бесчестия и воровства, дурного управления страной, которое стало уже «сильнее всякого законного правленья». Проблема заключается в том, что сделать это необходимо под лозунгом примирения власти и народа, прекращения бесконечной гражданской войны между ними, которая в горячих и «холодных» формах прочно укоренилась в нашей культуре, точнее - в нашей анти-культуре, которой за годы коммунистического властвования (да, пожалуй, и гораздо ранее) серьезно оказалась заражена наша российская почва. Для пояснения этого тезиса приведем текст небольшой, но примечательной заметки Ю. Ничепоренко, опубликованной на страницах «Независимого военного обозрения» в мае 1997 г.:

«Казалось бы, причины, порождающие гражданские войны, всем давно известны. Это не-

87 В одной из своих статей вице-президент Коллегии военных экспертов Российской Федерации генерал-майор А.И. Владимиров делает следующий вывод: «Нам представляется, что США, реализуя с помощью политических, экономических и культурологических технологий собственный геополитический проект под лозунгом "Американская мечта - всем", практически уже близки к завершению создания единой финансовой, информационной и силовой сферы... Для того чтобы американоцентричный глобализм стал "вечным", к миру и к России целенаправленно применяются политические, экономические и культурологические технологии как новые операционные средства мировой войны. В контексте сказанного представляется корректным утверждение, что сейчас в мире идет война. Эта война инициирована Западом, конкретно США. Целью войны является закрепление за ним навечно роли и статуса "единственного управляющего миром". Решаемая технологиями геополитики и геоэкономики сверхзадача Запада понимается нами как обеспечение его собственного выживания и развития за счет остального мира с конечной целью установления собственного перманентного мирового господства... Нам представляется, что в рамках этой стратегии наиболее "удачной" и эффективной технологией войны относительно России является технология "организованного хаоса"... Отработанный и доказавший свою эффективность в Югославии "организованный хаос" может быть успешно применен теперь практически к любому государству мира, утратившему способность до конца бороться за свою независимость... В целом можно констатировать следующее. Третья мировая "холодная" война, которую СССР проиграл, без оперативных пауз переросла в Четвертую мировую, которую сегодня ведет Россия... Вспомним свой национальный военный опыт, вспомним и поймем, что Мы - Россия - всегда побеждали только тогда, когда "текущая" война становилась для нас Отечественной. Война, которую Россия уже начала, есть война Отечественная, хотя российское общество только начинает это осознавать. Целью этой войны является выживание России как государства и цивилизации. Это ее первая стратегическая задача. Возвращение себе роли и статуса одной из ведущих великих (без всяких оговорок) держав является ее последующей задачей... Нам представляется, что если Россия сумеет сохранить свой национальный суверенитет, то есть свою самобытную культуру, то рано или поздно ее победа в войне с американоцентричным глобализмом будет ей посильна». - Владимиров А.И. Россия в условиях Четвертой мировой войны. Технологии войны мирного времени//Плацдарм. - 2003. - №1. - С. 90-99. См. также: Вла - димиров А.И. Тезисы к стратегии России (избранные этюды). - М.: ООО «Издательство ЮКЭА», 2004. В этой объемной книге автор обильно цитирует Е.Э. Месснера (стр. 135-137), восхищается «глубиной анализа, блеском мысли и талантом нашего соотечественника», отмечает: «Приходится с сожалением констатировать, что эти гениальные прозрения русского военного классика не известны как западному, так и нашему отечественному политическому и военному руководству, а значит, и не оценены и поэтому до сих пор не имеют практического преломления в нашей военной и политической теории и тем более в практике».

примиримый конфликт ценностных систем. Именно "поругание святынь" вызывает тот накал страстей, который приводит общество в аномальное состояние: кровь порождает кровь, ходом событий уже нельзя управлять. В гражданской войне нет победителей и побежденных, нет героев и жертв, ее можно сравнить со стихийным бедствием - она прекращается сама, когда истощаются людские и материальные ресурсы страны. Гражданская война подразумевает раскол среди элиты общества - обычно "новая" элита противостоит "старой". Сейчас есть все основания говорить о гражданской войне как о некоем феномене Нового Времени. Она может быть открытой - и тогда это смута и кровопролитие - и невидимой, "холодной". Что и происходит в России.

Массовую эмиграцию из России и фактическое вымирание ее населения можно рассматривать как негативный результат реформ и следствие "холодной" гражданской войны, которую ведет правительство со своим народом. Хотя могут быть и другие объяснения: перевод экономики страны на рельсы сырьевого придатка, когда сырьевикам не нужно "лишнее" население. Связь этики с экономикой очевидна. Не менее очевидна взаимосвязь, существующая между этикой (культурой) и природой. Слово "культура" переводится с латинского как "возделывание" и предполагает такой способ отношений к природным ресурсам, который позволяет им продолжить свое существование. Ресурсом может быть земля - при таком взгляде на вещи земледелец, возделывающий ее, оказывается "деятелем культуры". Политик, журналист, военный, "деятельность" которых приводит к уничтожению этого ресурса, является представителем "анти-культуры". Не она ли лежит в основе российских внутренних процессов?»[88]

У России немало недругов. Но «хаос», «дезорганизацию», «революции» и «распады» страны в значительной степени продуцируем мы же сами: своей неумной, силовой (воинственной), часто аморальной и во многих случаях ошибочной политикой, гипертрофированным бюрократизмом, гражданской апатией и «пофигизмом», взаимной безответственностью. А.С. Пушкин, Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, Б.Н. Чичерин, М.О. Меньшиков, И.А. Ильин - кто только из великих русских людей не указывал на это! «*Гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих»,* - поставил диагноз бессмертный Гоголь. Полвека спустя, после Русско-японской войны 1904-1905 гг., один из лучших генералов России А.Е. Снесарев (в то время Генерального штаба полковник) также вынужден был констатировать: «Что нас больше всего губит на Дальнем Востоке, что нас делает здесь слабыми и что соблазняет в результате наших соседей перспективой легкого успеха - это крайняя, удручающая наблюдателя общая дезорганизация. У нас нет ни плана, ни политики, а во всем какое-то бестолковое напластование "прожектов", усмотрений, фантазий, желаний. И в то время как наши соседи, даже Китай, идут вперед, строя камень за камнем что-то, если не всегда крупное, то всегда определенное и строго вытекающее из данных твердой политики, мы топчемся беспомощно на месте. Нашу бессистемность можно наблюдать на каждом углу нашей дальневосточной административной и общественной деятельности... Всюду беспомощность и хаос... Японцы систематически готовятся, в этом нельзя сомневаться, но не они худшие враги России, ибо их удар может направиться и в какую-либо другую сторону; худшими врагами для самих себя являемся мы сами, в этом все наше несчастье. В эту-то опасную сторону дела, то есть в сторону лечения самих себя, и должны идти наши усилия, чтобы избежать ужасного Божьего наказания... Наше положение поистине ужасно, оно требует самоотверженного напряжения всех тех, кому от Бога дана сила высокого творчества, - иначе мы погибнем, и по-

---

88 Ничепоренко Ю. Корни гражданской войны лежат в нашей культуре//Независимое военное обозрение. - 1997. - №18. - 24-30 мая.

гибнем без возврата»[89].

Пора прекратить жить утопиями и мечтаниями, проводить дурную политику, бесконечно бороться за власть и провоцировать большие и малые гражданские войны на собственной территории. Настало время выскользнуть из объятий плохого прошлого и, используя все его светлые стороны и побудительные импульсы сосредоточиться на строительстве принципиально новой, постимперской и постсоветской России, ориентированной не на прошлое, а на будущее, на экономическое возрождение, повышение культуры и благосостояния народа, который имеет право на достойную и безопасную жизнь. То есть *возродиться для принципиально новой жизни,* создавая систему позитивного развития, новую политику безопасности, «прибыльную» и творческую военную силу. А для этой трансформации, прежде всего, нужны воля и ум, сильная, честная и пользующаяся доверием народа власть, хорошее управление, здоровая национальная политика, нравственное очищение духа и, конечно же, замирение (длительный мир и мирная политика)[90] России внутри и с окружающим миром, концентрация усилий на решении насущных внутренних проблем, преодоление деструктивного именно в сложившихся условиях антиамериканизма, интеграция в западное (евроатлантическое) сообщество. Цель - равноправный политико-экономический альянс, в том числе и вступление в политическую организацию НАТО с перспективой на членство в Европейском союзе. Следует признать, что пока нам не удалось ни сохранить русскую цивилизацию, ни создать особый Российский союз (сохранить бы существующую Россию!) - «российский коннационал», по выражению Месснера. А теперь время упущено, и оно очень динамично, плюс обстоятельства и геополитическая обстановка радикально изменились. Находясь на стадии серьезной перестройки, под угрозой рецидива разрушительной революции, да к тому же в условиях глобализации и Всемирной мятежевойны, мусульманской активности, китайских мирных завоеваний и т.д., все усиливающейся борьбы за выживание, за место «под солнцем» в мире *в одиночку нам не выжить и Россию на ноги не поднять,* несмотря на все наше сырьевое богатство. И нет смысла обижаться на Грузию или Украину, что они ориентируются на Запад, а не на Россию. При данном историческом положении дел в нашей стране такая позиция вполне объяснима. Да и само это противопоставление контрпродуктивно.

При всей своей русскости, особости и национальной гордости нельзя игнорировать наше европейское прошлое и будущее, изображая из себя то богоизбранный народ, то советскую общность людей, то китайцев, то американцев. «Мы - русские, и с нами Бог... Горжусь, что я россиянин» - этот суворовский завет по-прежнему актуален. Но при этом следует считаться и с высказанным более ста лет тому назад суждением великого русского мыслителя В.С. Соловьева, устами «политика» (один из персонажей «Трех Разговоров») пророчески призвавшего русских «ассимилировать себе общий европейский ум, а не случайные глупости тех или других европейцев», а также объявить себя европейцами в тот момент, когда европейские нации будут представлять собой одно целое:

---

89 Российский военный сборник. Вып. 20. - С. 91-93, 892.

90 О необходимости замирения и длительного мира внутри России писал в свое время Н.В. Гоголь. Об этом же, как необходимом условии проведения коренных реформ, говорил П.А. Столыпин. В.С. Соловьев отмечал: «Мирная политика есть мерило и симптом культурного прогресса... Мирное, то есть вежливое, то есть для всех выгодное, улажение всех международных отношений и столкновений - вот незыблемая норма здравой политики в культурном человечестве». - См.: Соловьев В.С. Три Разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе и с приложениями. - М.: Товарищество А.Н. Сытин и К^{о}, фирма «ПИК», 1991. - С. 101.

«Дело в том, что все эти господа, перорирующие против Европы и нашего европеизма, никак не могут удержаться на точке зрения нашей греко-славянской самобытности, а сейчас же с головой уходят в исповедание и проповедания какого-то китаизма, буддизма, тибетизма и всякой индийско-монгольской азиатчины. Их отчуждению от Европы прямо пропорционально их тяготение к Азии. Что же это такое? Допустим, что они правы насчет европеизма. Пусть это - крайнее заблуждение. Но откуда же для них такое роковое впадение в противоположную-то крайность, в азиатизм-то этот самый? А? И куда же испарилась у них греко-славянская, православная середина? Нет, я вас спрашиваю, куда она испарилась? А? А ведь в ней-то, казалось бы, самая суть? А? То-то вот оно и есть! Гони природу в дверь, она влетит в окно. А природа-то здесь в том, что никакого самобытного греко-славянского культурно-исторического типа вовсе не существует, а была, есть и будет Россия как великая окраина Европы в сторону Азии. При таком своем окраинном положении Отечество наше, естественно, гораздо более прочих европейских стран испытывает воздействие азиатского элемента, в чем и состоит вся наша мнимая самобытность. Ведь и Византия не чем-нибудь своим, а тоже лишь примесью азиатского быта оригинальна, ну а у нас изначала, а особенно со времени Батыя, азиатский элемент в природу вошел, второю душою сделался... Совсем отделаться от своей второй души нам невозможно, да и не нужно, - мы ведь и ей тоже кое-чем обязаны, - но, чтобы в такой коллизии не разорваться нам на части, как говорит генерал, необходимо было, чтобы решительно одолела и возобладала одна душа, и, разумеется, лучшая, то есть умственно более сильная, более способная к дальнейшему прогрессу, более богатая внутренними возможностями. Так оно и вышло при Петре Великом. А неистребимое, хотя окончательно осиленное душевное сродство наше с Азией и после того вводило некоторые умы в бессмысленные мечтания о каком-то химерическом перерешении бесповоротно решенного исторического вопроса. Отсюда славянофильство, теория самобытного культурно-исторического типа и все такое. На самом же деле *мы бесповоротные европейцы,* только с азиатским осадком на дне души. Для меня это даже, так сказать, грамматически ясно. Что такое русские - в грамматическом смысле? Имя прилагательное. Ну а к какому существительному это прилагательное относится?.. Настоящее существительное к прилагательному русский есть европеец. *Мы русские европейцы,* как есть европейцы английские, французские, немецкие. Если я чувствую себя европейцем, то не глупо ли мне доказывать, что я какой-то славяно-росс или греко-славянин? Я также неоспоримо знаю, что я европеец, как и то, что я русский... Теперь наступает эпоха мира и мирного распространения европейской культуры повсюду. Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпадать с понятием человека, и понятие европейского культурного мира - с понятием человечества. В этом смысл истории. Сначала были только греческие, потом римские европейцы, затем явились всякие другие, сначала на Западе, потом и на Востоке, явились русские европейцы, там, за океаном, - европейцы американские, теперь должны появиться турецкие, персидские, индийские, японские, даже, может быть, китайские. *Европеец - это понятие с определенным содержанием и с расширяющимся объемом...* Но даже после наступления того желанного и, надеюсь, близкого часа, когда Европа или культурный мир действительно совпадет по объему со всем населением земного шара, в объединенном и умиротворенном человечестве останутся все те натуральные и закрепленные историей градации и нюансы культурной ценности, которыми должны определяться наши различные отношения к различным народам...»[91]

Разумеется, и Европа, в целом Запад должны в корне (ре-революционно) изменить свое от-

91 Там же. - С. 89-93.

ношение к России, перестать рассматривать ее как угрозу, прекратить безразлично относиться к ее несчастьям. Наоборот, следует помогать ей всячески, чтобы преодолеть революционный синдром, крах империи и имперское мышление, выйти из революционного тупика, полосы неудач. Отечество наше по-прежнему играет и может еще сыграть важнейшую роль в мироустройстве, в защите и обороне цивилизации от нового варварства. В связи с 50-летием Победы в советско-германской войне А.И. Солженицын заметил по этому поводу 15 мая 1995 г.: «Сегодня, к сожалению, многие силы на Западе радуются развалу нашему... Есть такие "бывшие". Бывший Киссинджер, бывший Бжезинский. Каждый раз эти бывшие выступают с огромным авторитетом в Соединенных Штатах и все время клонят к тому, как подорвать Россию, как сделать ее слабей. Это потому, что они в безумии и в близорукости не представляют, что ждет в XXI веке Европу и Америку. Им еще жарко будет в XXI веке, и даже в первой четверти его. И им еще понадобится союз с Россией, но сегодня они близоруко не думают об этом»[92]. (Заметим в скобках, что тогда же Солженицын пророчески предлагал осуществить и следующую ре-революционную меру: «Надо иметь мужество принять решение на уровне века» - России отделиться от Чечни, сохраняя за собой терские казачьи земли, и тем самым не развалиться, а, наоборот, укрепиться, оздоровить «свой собственный организм государственный»[93].)

Что же касается такого ре-революционного шага, как интеграция России в западное сообщество, ее предлагаемого-предполагаемого вступления в Европейский союз, то в этом вопросе надо все же отдать должное Збигневу Бжезинскому, который в своей книге «Великая шахматная доска» (на русский переведена и издана в 1998 г.) однозначно связывает будущее России не с очередным воссозданием евразийской империи, а с проектом формирования «более крупной евроатлантической системы, с которой в будущем Россия могла бы быть прочно и надежно связана» («дилемма единственной альтернативы»). Американский политолог пишет:

«Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, - это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО. Такая Европа... принимает осязаемую форму, и, кроме того, она, вероятно, будет по-прежнему тесно связана с Америкой. Вот с такой Европой России придется иметь отношения в том случае, если она хочет избежать опасной геополитической изоляции... Хотя долгосрочный российско-китайский и российско-иранский стратегический союз маловероятен, для Америки весьма важно избегать политики, которая могла бы отвлечь внимание России от нужного геополитического выбора. Сохранение иллюзий о великих геостратегических вариантах может лишь отсрочить исторический выбор, который должна сделать Россия, чтобы избавиться от тяжелого заболевания.

Только Россия, желающая принять новые реальности Европы как в экономическом, так и геополитическом плане, сможет извлечь международные преимущества из расширяющегося трансконтинентального европейского сотрудничества в области торговли, коммуникаций, капиталовложений и образования. Поэтому *участив России в Европейском союзе - это шаг в весьма правильном направлении.* Он является предвестником дополнительных институционных связей между новой Россией и расширяющейся Европой. Он также означает, что в случае избрания Россией этого пути у нее уже не будет другого выбора, кроме как в конечном счете следовать курсом, избранным пост-Оттоманской Турцией, когда она решила отказаться от своих имперских амбиций и вступила, тщательно все взвесив, на *путь модернизации, европеиза-*

92 Солженицын А.И. По минуте в день. - М.: Аргументы и факты, 1995. - С. 24-25.
93 Там же. - С. 72-74.

ции и демократизации.

Никакой другой выбор не может открыть перед Россией таких преимуществ, как современная, богатая и демократическая Европа, связанная с Америкой. Европа и Америка не представляют никакой угрозы для России, являющейся неэкспансионистским национальным и демократическим государством. Они не имеют никаких территориальных притязаний к России, которые могут в один прекрасный день возникнуть у Китая. Они также не имеют с Россией ненадежных и потенциально взрывоопасных границ, как, несомненно, обстоит дело с неясной с этнической и территориальной точек зрения границей России с мусульманскими государствами к югу. Напротив, как для Европы, так и для Америки *национальная и демократическая Россия* является желательным с геополитической точки зрения субъектом, источником стабильности в изменчивом евразийском комплексе.

Следовательно, Россия стоит перед дилеммой: выбор в пользу Европы и Америки в целях получения ощутимых преимуществ требует в первую очередь четкого отречения от имперского прошлого и во вторую - никакой двусмысленности в отношении расширяющихся связей Европы в области политики и безопасности с Америкой... Для многих русских дилемма этой единственной альтернативы может оказаться сначала и в течение некоторого времени в будущем слишком трудной, чтобы ее разрешить. Для этого потребуются огромный акт политической воли, а также, возможно, и выдающийся лидер, способный сделать этот выбор и сформулировать видение демократической, национальной, подлинно современной и европейской России. Это вряд ли произойдет в ближайшем будущем. Для преодоления посткоммунистического и постимперского кризисов потребуется не только больше времени, чем в случае с посткоммунистической трансформацией Центральной Европы, но и появление дальновидного и стабильного руководства. В настоящее время на горизонте не видно никакого русского Ататюрка. Тем не менее, русским в итоге придется признать, что национальная редифиниция России является не актом капитуляции, а актом освобождения... И подлинно *неимперская Россия* останется великой державой, соединяющей Евразию, которая по-прежнему является самой крупной территориальной единицей в мире...

В то же время для Запада и особенно для Америки также важно проводить линию на увековечение дилеммы единственной альтернативы для России. Политическая и экономическая стабилизация постсоветских государств является главным фактором, чтобы сделать историческую самопереоценку России необходимостью. Следовательно, оказание поддержки новым государствам - для обеспечения геополитического плюрализма в рамках бывшей советской империи - должно стать составной частью политики, нацеленной на то, чтобы побудить Россию сделать ясный выбор в пользу Европы...

Главный момент, который необходимо иметь в виду, следующий: Россия не может быть в Европе без Украины, также входящей в состав Европы, в то время как Украина может быть в Европе без России. Если предположить, что Россия принимает решение связать свою судьбу с Европой, то из этого следует, что в итоге включение Украины в расширяющиеся европейские структуры отвечает собственным интересам России. И действительно, отношение Украины к Европе могло бы стать поворотным пунктом для самой России. Однако это также означает, что определение момента взаимоотношений России с Европой - по-прежнему дело будущего ("определение" в том смысле, что выбор Украины в пользу Европы поставит во главу угла принятие Россией решения относительно следующего этапа ее исторического развития: стать либо также частью Европы, либо евразийским изгоем, т.е. по-настоящему не принадлежать ни к Европе, ни к Азии и завязнуть в конфликтах со странами "ближнего зарубежья").

Следует надеяться на то, что отношения сотрудничества между расширяющейся Европой и Россией могут перерасти из официальных двусторонних связей в более органичные и обязывающие связи в области экономики, политики и безопасности. Таким образом, в течение первых двух десятилетий следующего века Россия могла бы все более активно интегрироваться в Европу, не только охватывающую Украину, но и достигающую Урала и даже простирающуюся дальше за его пределы. Присоединение России к европейским и трансатлантическим структурам и даже определенная формула членства в них открыли бы, в свою очередь, двери в них для трех закавказских стран - так отчаянно домогающихся присоединения к Европе.

Нельзя предсказать, насколько быстро может пойти этот процесс, однако ясно одно: процесс пойдет быстрее, если геополитическая ситуация оформится и будет стимулировать продвижение России в этом направлении, исключая другие соблазны. И чем быстрее Россия будет двигаться в направлении Европы, тем быстрее общество, все больше приобщающееся к принципам современности и демократии, заполнит "черную дыру" в Евразии. И действительно, для России дилемма единственной альтернативы больше не является вопросом геополитического выбора. Это вопрос насущных потребностей выживания»[94].

Трудно не согласиться с этим доводом. Действительно, находясь в эпицентре Всемирной мятежевойны, неустроенная (находящаяся в ре-революционной перестройке Россия) может на каком-то этапе просто не выдержать одиночного длительного сверхнапряжения, погибнет, прекратит существование, если не будет действовать в тесном союзе с более сильными и стабильно развивающимися Европой и Америкой. С другой стороны, как и предвидел Е.Э. Месснер, мятежевойна (борьба с международным терроризмом) предоставляет уникальный шанс ускорить процесс принятия судьбоносных ре-революционных решений, определиться уже сегодня по всем затронутым вопросам, вступить, наконец, на верный исторический путь и добиться тем самым абсолютных «победительных преимуществ» над реальными и потенциальными силами мятежа и террора, которые рассчитывают на раскол западного мира, на отчленение от него России, чтобы уничтожить ее раз и навсегда или сделать в очередной раз своей вотчиной.

Вообще мятежевойна - это универсальное, прежде всего политико-психологическое воевание, форма не только войны, но политики и дипломатии. Победа в ней полнее всего (по крайней мере на 80%) достигается не вооруженной борьбой, как таковой, а «разумом и искусством», проведением информационно-психологических операций, непрямой стратегией, осуществлением мудрой, честной и искусной политики, направленной на «покорение разума и души человека», завоевание на свою сторону собственного и вражеского народа, мятежествующего или оказывающего поддержку мятежникам населения. Месснер: «Теперь же при психологическом воевании ни победа в сражении не является самоцелью, ни территориальные успехи: они ценны главным образом своим психологическим эффектом... Не об уничтожении живой силы надо думать, а о сокрушении психической силы. В этом вернейший путь к победе в мятежевойне... Суворов, прослывший во время Италийского похода богом войны, освободителем итальянцев от тираний и Парижа, и Вены, признавал в 1799 г., что успех кампании может быть достигнут не им, Суворовым, не русскими штыками и австрийскими саблями, а политикой, в глазах итальянского народа справедливой, бескорыстной, прямодушной и честной»[95].

Но, напомним еще раз, «мятежевойна - еретическая война», «отклонение от догм классиче-

94 Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы: Пер. с англ. - М.: Междунар. отношения. 1998. - С. 142-148.

95 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 108-109, 64.

ского военного искусства». И «пока война не отделится от мятежа, пока ре-революция не выправит перегибов революции, пока жизнь после революционного и ре-революционного периодов не возвратится на свой нормальный путь, на путь эволюции... будут воевать еретически». А раз это имеет место быть и Всемирная мятежевойна все еще продолжается и даже принимает чудовищные формы и чем все это кончится - неизвестно, то важно уяснить и следующее заветное указание Е.Э. Месснера.

Необходимо «принять смелое решение реорганизоваться для мятежевойны»

Следует готовиться к новым («еретическим», необычным) типам войн, не просто выходящих за рамки классического (традиционного) военного искусства, но и резко отличающихся от привычных тотальных и конвенциональных войн. Этого требуют и ре-революционная политика, и современная революция-трансформация в военном деле, и элементарный здравый смысл, не позволяющий больше игнорировать определяющие тенденции мирового военного развития, главные угрозы человечеству и нашему Отечеству. Что касается ослабленной в данный момент России, то ей в этом отношении необходимо быть готовой: к «хаосу мира и войны», к войнам, полувойнам и необъявленным войнам мирного времени и даже к войнам «вне вооруженной борьбы» (определение А.И. Владимирова); к военно-политическим малым войнам (конфликтам низкой интенсивности); к приватизированным войнам, которые ведут негосударственные экстремистские группировки и наемники; к регулярному и иррегулярному воеванию (не только в смысле противодействия мятежевойне, но и для отражения возможных нападений более сильных противников); к непрямым стратегиям и ведению операций в четвертом измерении (где основные удары наносятся по психике воюющих сторон и главной целью военных действий являются «завоевание душ во вражеском государстве», разложение духа врага и убережение от разложения духа своих войск и народа); к тайно- и психовоеванию (субверсивным и иным аналогичным войнам); к войнам-революциям, гражданским, партизанским и террористическим войнам; к противопартизанскому и контртеррористическому воеванию; к асимметричным войнам вообще[96] (ведущимся не только с позиции слабости, но и с позиции качественно превосходящей силы, по примеру США и НАТО); к гуманитарным военным интервенциям (в двояком их значении) и миротворческим операциям (операциям по поддержанию мира), другим неклассическим разновидностям войны.

Нетрадиционные войны, заметим еще раз в общих чертах, характеризуются определяющей связью с мятежевойной, отсутствием классического военного противоборства и шаблонов, участием в них как государств, так и частных актеров, а также наличием в их содержании двух уже достаточно четко просматривающихся тенденций: «противоположного двойного движения приватизации насилия, с одной стороны, и современных и будущих глобальных, так и региональных войн по поддержанию мирового порядка, с другой»[97].

Напомним, что ожесточенную мятежевойну против Запада и России ведет «невидимый», коварный и хорошо подготовленный в военном отношении (в смысле иррегулярного воева-

---

96 К сожалению, асимметричное ведение войны в отечественной военной теории до сих пор серьезно так и не исследовано. В западной литературе появились уже первые научные труды, посвященные этому новому феномену. См., напр.: Schröfl, Josef I Pankratz, Thomas (Hrsg.) Asymmetrische Kriegsführung - ein neues Phänomen der internationalen Politik? - Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2004. - 372 S.

97 Herberg-Rothe, Andreas. Terrorismus und privatisierte Kriege//Europ äische Sicherheit. - 2004. - September. - S. 12.

ния) противник, который к тому же (что доказал победоносный опыт коммунистической революции), прикрываясь «справедливыми» целями борьбы, способен вводить в заблуждение и завоевывать на свою сторону огромные массы людей, может дестабилизировать государства и правительства, сеять масштабные мятежи, панику и смятения, наносить психологические поражения, равнозначные воздействию оружия массового поражения, применять мятежи, восстания, партизанство, террор, диверсии, «невойну», вообще использовать все доступные ему силы, способы и средства. Культивируя «насилие (устрашение и террор) и партизанство», он игнорирует международное право, законы войны, общепринятые правила, стремится иметь всегда инициативу в своих руках, не признает открытого боя, громоздких сражений и шаблонов, использует гибкую и творческую тактику, нападает внезапно, наносит удары по уязвимым местам, атакует как военные, так и сугубо гражданские объекты, воюет с мирным населением, всячески стремится к тому, чтобы застать противоположную сторону врасплох. К тому же значительное число в его среде составляют профессионалы своего дела: убежденные революционеры, фанатики, террористы-смертники, воины-боевики (солдаты), наемники.

Как абсолютно верно заметил один из современных военных аналитиков, *«войны XXI века будут носить иной характер, изменят свое содержание и потребуют качественно других Вооруженных Сил»*[98]. Именно на это за многие годы до начала XXI века и нацеливали Россию ее верные сыны, находящиеся в вынужденном изгнании. Для того чтобы эффективно действовать в войнах нового типа, считали они, и побеждать такого решительного и необычного противника, как революционеры, террористы и партизаны, недостаточно просто «отказаться от обычных представлений о войне», взглянуть на проблему войны и мира через «новую призму мятежевойны». На первый план должны выйти и совершенно новые, ре-революционные, творческие и гибкие подходы в решении этой проблемы. И конечно же, следует, как полагал не только Е.Э. Месснер, но и А.А. Зайцов, переживший в эмиграции Вторую мировую войну, перестать «вести войну по методам XIX и начала XX века... Нужна революция в стиле военного мышления, новое здание военного искусства», новое издание бессмертной суворовской «Науки побеждать», разработанной применительно к новым условиям и угрозам. Требуются также принципиально иные (нешаблонные и «прибыльные») военная система и система национальной безопасности; новые - знающие, активные, инициативные и самостоятельные - военные люди; особые готовность, бдительность и подготовка спецслужб, полиции (милиции) и войск; интегральная стратегия, умение использовать не только военные, но и невоенные силы, все приемлемые средства и приемы борьбы.

В борьбе с еретической мятежевойной, переполненной неожиданностями, случайностями, чрезмерной жестокостью, коварством, террором и другими недозволенными военной этикой приемами, принципиально важно *готовиться к любому развитию событий, ко всему, в том числе и к самому худшему.* Царское, а затем и Временное правительство России, к примеру, не считали угрозу революции актуальной, хотя ее опасность была очевидна. Большевики не рассматривались ими как серьезный противник. Вплоть до самого последнего момента война велась не против них, а против Германии. В результате, используя затянувшуюся и непопулярную в народе войну, этой революционной партии удалось разложить восьмимиллионную армию и установить «терроровласть» в тысячелетней стране. Разрозненное и запоздалое Белое движение уже не имело шансов победить огосударствленную большевистскую мятежевойну.

А ведь еще за несколько лет до начала Первой мировой войны прозорливые и тревожащиеся за судьбы Отечества люди предупреждали общественность и правительство о грядущей

98 Гулин В.П. О новой концепции войны//Военная мысль. - 1997. - №2. - С. 13.

опасности, благо что уже был пережит печальный опыт войны-революции 1904-1905 гг. Со страниц газеты «Голос Правды» А.Е. Снесарев раз за разом напоминал, что рисковать еще одной войной «мы права не имеем», ибо она не в наших, а в английских интересах и к тому же может закончиться победоносной революцией. Он предлагал провести плодотворные национал-либеральные реформы, серьезно заняться охранением государства от реальных и предполагаемых («желтая опасность») угроз, укрепить оборону страны от внутренних врагов и начать неотложную борьбу «с силами зла и террора», взяв курс на создание «солидной национальной военной силы», так как именно армия является «последним якорем страны». Русский офицер считал, что «России всюду надо быть начеку и надо готовиться к самому худшему»: *«Благоразумие требует готовиться к самому худшему из возможной будущей обстановки, дабы быть готовым на все.* Но этот принцип государственной мудрости в России, к несчастью, не имел применения ни разу на всем протяжении ее истории главным образом потому, что русские никогда не умели соразмерить свои силы с предстоящими им задачами. И это не случайное явление, а органический национальный порок, с которым умные соседи России уже считаются как с неизменно повторяющимся явлением, имеющим и в будущем повториться с роковой точностью. Нельзя не бояться, что, в силу этой неспособности соразмерять силы с важностью задачи, Россия и теперь ничего или почти ничего не предпримет на своих азиатских, и в частности на китайских, границах вплоть до того нашествия монголов, более колоссального и гибельного, чем все прежние»[99].

Накануне Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. эту же позицию (готовиться к худшему) имел мужество отстоять в присутствии Сталина начальник Генерального штаба Красной армии генерал армии Г.К. Жуков. На расширенном заседании Политбюро ВКП(б), проходившем в конце мая 1941 г., обсуждался вопрос о подготовке страны к обороне. К данному моменту строительство укрепрайонов на новой западной границе СССР все еще не было завершено, а потому, по мнению Жукова, граница в этом отношении оказалась «крайне уязвима». В связи с этим начальник Генерального штаба назвал разоружение укрепрайонов на старой нашей границе «явно ошибочным» - «они еще могут пригодиться». Состоялся примечательный диалог, суть которого наглядно подтверждает выводы Снесарева:

«Сталин. Вы что же считаете, что мы будем отступать до самой границы? Ворошилов. Товарищ Жуков здесь явно переоценивает будущего противника и недооценивает наши силы. Жуков. На войне все бывает, товарищ Сталин. *Я же привык всегда готовиться к худшему. Тогда не бывает неожиданностей.* Что же касается замечания товарища Ворошилова, то его недооценка противника уже однажды дорого обошлась нашим вооруженным силам - во время финской кампании. Сталин. Так вы считаете, товарищ Жуков, что разоружать старые укрепленные районы, чтобы снятым с них вооружением оснастить укрепленные районы на новой границе, не следует? Я вас правильно понял? Жуков. Совершенно верно, товарищ Сталин».

Подводя итоги обсуждения доклада начальника Генерального штаба, Сталин не только согласился с мнением Жукова («товарищ Жуков прав: нельзя полностью разоружать укрепленные районы на старой границе»), но и запоздало «самокритично» (сам же уничтожил в репрессиях 1937-1938 гг. лучшие военные кадры) высказал следующую примечательную мысль: «История учит, что когда об армии нет должной заботы и ей не оказывается моральная поддержка, появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно, что всегда приводит такую страну и такой народ к катастрофе. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства - в этом величай-

99 Цит. по: Российский военный сборник. Вып. 20. - С. 535.

шая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. В этом залог успеха, в этом залог победы...»[100] Действительно, пренебрежительное отношение к армии, подрыв ее духа, большие недостатки в обороне уже менее чем через месяц обернулись фашистской агрессией и катастрофой начального периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

После Второй мировой войны Е.Э. Месснеру пришлось вести титаническую разъяснительную работу, доказывая «близоруким краткомыслием» западным политикам и «незрячему человечеству», «отважившихся пренебречь опасностью и не видеть войны в мятежевойне» ту очевидную для него истину, что в мире уже идет Третья мировая война - Всемирная мятежевойна, «жесточайшая из форм войны», самая худшая и самая опасная (если не считать ядерного апокалипсиса). И именно к отражению этой грозной опасности Запад не готов и не готовится. Даже в случае, когда факт войны (например, Вьетнамской) нельзя было не признать практически, она со стороны США и их союзников велась нерешительно, без «отваги борьбы», без настойчивого желания победить: «Мир видит глазами военные опасности конвенционального типа и имеет кое-какую защиту (воинство) от конвенциональных нападений, но он не может *защищаться от потаенных нападений* на незащищенную сторону его организма; не имеет на этой стороне и глаз, чтобы видеть опасность... Предводители Свободного мира - Вашингтон, Лондон, Париж - не видят наличия Третьей всемирной войны, мятежевойны. Это - больше чем преступление: это - глупость. Впрочем, может быть, они - "топ секрет!" - увидали, что втянуты в мятежевойну, но решили вести ее с применением Джонсон-вьетнамской стратегической идеи: воевать, чтобы не победить. Это было бы больше чем глупостью - глупейшим преступлением»[101].

Он призвал Запад «завоевать», превратить вдвойне однобокую мятежевойну («нападающий воюет, а обороняющийся не имеет данных для защиты; нападающий воюет по плану, по доктрине, им разработанной, а обороняющийся даже не видит войны») в победительный процесс со стороны государств Свободного мира, приступив к наступательному воеванию, «перестав только отталкивать симптомы опасности и "призраки" войны», отказавшись от гибельной и самоубийственной капитуляции. Отсутствие активного противодействия, демонстрация слабости - вместо отваги, героизма и готовности умереть - вызывают презрение идейного и фанатично настроенного противника, поднимают его боевой дух, рассматриваются им как победа. Мятежные группировки отступают и пасуют только перед непреклонной силой. Месснер отмечает:

«Нельзя перед инвазией разрушительных сил капитулировать... Надо не crisis management организовывать, а организовывать бой и сделать одностороннюю войну (одна сторона перманентно нападает, а другая перманентно капитулирует) двусторонней войной. Бой нельзя заменять дипломатическими уловками... Надо перестать научно (юридически и психологически) изучать природу войны и природу мира, конструкцию войны и конструкцию мира ради установления "научного способа конструирования мира". Суворов, Кутузов боями, а не философствованием вывоевывали мир, глядя на войну сознанием рядового спартанца: "Со щитом или на щите"... На войне, в бою решимость должна доминировать над психологическими деликатесами. Si vis pacem para bellum»[102].

В борьбе с внешним врагом, а также с силами зла и террора необходимо опираться на *прин-*

---

100 См: Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы, мнения, размышления. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. - С. 544, 548-549.

101 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 291, 140-141.

102 Там же. - С. 292-293, 301.

цип реальной самозащиты, требующий не ограничиваться обороной, а «перейти в наступление или даже к заблаговременным активным целям». А.Е. Снесарев следующим образом пояснил эту мысль в опубликованной только в наше время рукописи «Философия войны»: «Раз существенной целью государства является его самозащита от внешних врагов, то такая самозащита должна быть реальной, а не правомерной только; реальную же самозащиту нельзя мыслить без наступления или без активных мероприятий. Ждать у моря погоды, пока противник соберет свои силы и двинет на вас грозной массой, и тогда только чувствовать себя вправе завоевать, - это значит глупо раболепствовать перед Молохом права - не более»[103].

Вся оригинальная концепция «мятежевойны» Месснера проникнута этим же духом, требованием активной борьбы (наступательной войны!) с разрушительными силами, которые действуют агрессивно, не по правилам, противозаконно (незаконно), аморально. И победить такого противника можно, только «преобразовываясь в соответствии с врагом» (Сунь-цзы), действуя, опираясь на его, а не на наши представления и ценности, используя (в предельно допустимой степени!) почти аналогичные и достаточно жесткие меры борьбы (в том числе и чрезмерную военную силу и превентивные акции, что обычное международное военное право не допускает), расправляться с буйствующими революционерами и террористами «твердо и быстро», воспринимая их не как вражеских солдат, а как мятежников, изгоняя их из нормального общества, очищая культуру и цивилизацию от этого уродства. В связи с этим становятся понятны и следующие рассуждения Месснера:

«На войне надо воевать, а не "миндальничать"... На поле боя мы не ищем способа арестовать вражеского артиллерийского командира, тяжелыми бомбами обстреливающего наши окопы и блиндажи, но мы открываем смертоносный огонь по наблюдательному пункту этого артиллериста и по его батарее, чтобы *немедленно и окончательно их обезвредить...* Отсутствие "глупой" этики - одна из характерных черт индивида мятежевойны. Мы, военные, воспитанные в этических понятиях рыцарства, не должны были бы рекомендовать Западу отбросить в борьбе за свое существование военную этику, но предельная неэтичность красных орд мятежевойны вынуждает сказать: Западу необходимо свести в мятежевойне свою этику до минимума, определяемого элементарнейшей совестливостью человека, верящего в Бога и несущего в себе наследие сотен поколений культурных предков, *приспособиться воевать с минимальной этикой.* Живем же мы в минимально-кислородном воздухе, загрязненном городской мглой (смогом)»[104].

Против противника, который однозначно готовится к нападению (а тем более, когда он уже против вас реально, пусть и потаенно, воюет), русские офицеры, находящиеся в эмиграции, не исключали возможность применения превентивного нападения для самозащиты. В 1930 г. генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов на станицах журнала «Часовой» в своих «беседах о войне и мире» отмечал: «Единственным средством противодействия в подобных случаях может служить *"предупредительная" или "превентивная" война,* могущая нарушить расчеты стороны, готовящейся к вооруженному нападению, и обернуть складывающуюся обстановку в обратном направлении. Но для осуществления такого образа действий нужны особые условия: прежде же всего твердое сознание неизбежности надвигающегося вооруженного столкновения и

---

103 Снесарев А.Е. Философия войны. - М.: Финансовый контроль, 2003. - С. 188. - (Серия «Антология отечественной военно-политической мысли»). Работа писалась в 20-е гг., при советской власти. Упоминать о внутреннем враге (под которым всегда для Снесарева подразумевался большевизм) было уже неблагоразумно, просто опасно.

104 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 208, 294.

решимость пойти ему навстречу. Примером предупредительной войны может служить внезапное нападение на нас Японии в декабре 1904 года».

Однако лучшим способом предотвращать агрессии старого ли, нового ли типа все равно считалась *заблаговременная, достигнутая еще в мирное время готовность к предполагаемой войне, наличие современной армии,* морально и технически вооруженной на высоком качественном уровне, быстро реагирующей на последние изменения в военном деле. Ю.Н. Данилов: «Только те государства, которые всей своей культурной и промышленной жизнью являются подготовленными к быстрому восприятию и практическому воплощению вновь нарождающихся идей, могут считать себя наиболее гарантированными от неожиданностей, которыми может одарить их всякая новая война»[105].

Следует признать, что только в современной фазе Всемирной мятежевойны (против международного терроризма) Запад и Россия пусть в значительной степени и шаблонным пока войском, но завоевали, наконец, по-настоящему, в соответствии с рекомендациями Е.Э. Месснера и с пониманием, что это - война и одновременно борьба за существование западной цивилизации, в том числе и за сохранение Америки и России[106]. При этом на словах и на деле ими стали применяться наступательные, превентивные удары (и не только военные) по базам и убежищам террористов, по поддерживающим их государствам. Активизировались борьба против диктаторских режимов, миротворческая деятельность по наведению порядка в несостоятельных государствах, охваченных гражданской войной. В этих и других целях нередко стали использоваться так называемые гуманитарные военные интервенции, оккупация охваченных мятежом территорий, военный контроль над ними в иных формах. По этой причине оживилась теория «блицкрига», которая едва ли соответствует условиям мятежевойны. В случае применения подобной стратегии, указывает Месснер, надо рассчитывать на то, что военные действия будут состоять из двух фаз: «фазы классического воевания в стиле блицкрига и затем многолетней фазы мятежевоевания»[107]. В этой неправильной войне недостаточно просто добиться военной победы, надо еще выиграть и мир, что почти невозможно в условиях народного сопротивления.

Все значительные сражения Всемирной мятежевойны за последние 50 лет только подтверждают данную мысль. Англии - в Индии, Франции - в Алжире. Португалии - в Африке, Советскому Союзу - в Афганистане, США во Вьетнаме и Ираке, - всем этим и другим странам, каждой в свое время, прошлось усвоить эту азбучную истину, которую также задолго до этих событий имели неприятную возможность постичь Цезарь - в Галлии, Наполеон - в Испании и России, Гитлер - в Польше, Франции, Югославии, СССР. Ее блистательно поясняют глава «Народная война» из знаменитого труда Клаузевица «О войне», а также статья «Вторая часть Мировой войны» (1923), принадлежащая перу «Русского Клаузевица» - генерал-майора А.А. Свечина. В ней выдающийся офицер русского Генерального штаба, в частности, отметил следующее:

«Первая половина войны дает возможность политике одной из сторон одержать крупный, видимый успех... Политический разгул неизбежно ведет ко второй части войны... История бесспорно свидетельствует, что если перед нами не мумия - не труп, сохраняющийся от разложения посредством хитрой политической аптеки, а жизнеспособная нация, то действительное

---

105 Российский военный сборник. Вып. 16. - С. 286-288.

106 Подробно об этом см. в двадцатом выпуске «Российского военного сборника», раздел «Глобальная война с международным терроризмом: афганские, иракские и иные уроки» (С. 779-887).

107 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 17.

покорение ее представляет почти невыполнимую задачу, трудность которой несравнима с борьбой с регулярными армиями... *Не всякая оккупация является историческим наступлением.* Историческое наступление требует излишка народонаселения, излишка капитала, превосходства в предприимчивости и организованности вождей промышленности и торговли... А всякая оккупация, не являющаяся историческим наступлением, неумолимо упирается в народную войну...»[108]

Главнейшим направлением «реорганизации для мятежевойны» Е.Э. Месснер считал создание особой системы безопасности, возвышение армии с уровня унизительного существования до высот национальной святыни, укрепление ее духа («моральное вооружение»), превращение обычного «шаблонного войска» в «надлежащее контрвойско», специально подготовленное для действий в условиях мятежевойны (в том числе и в обстановке гражданской войны), владеющее искусством противопартизанской и контртеррористической борьбы. Без решения этих задач успешно бороться с мятежевойной невозможно. Автор «Всемирной мятежевойны» замечает:

«По марксизму, главный фактор в государстве есть войско. Кто хочет власти, должен иметь *крепкое войско...* А в индивидуалистическом мире войско в пренебрежении, в загоне, а воинская повинность не есть прохождение курса родинолюбия и долга, но досадная для молодого человека "потеря" нескольких "драгоценных" месяцев своей жизни (драгоценных ли?). Предшествующие абзацы не должно понять как призыв к установлению в государствах прусского духа (дух этот слишком крепок для слишком дрянных народов наших дней): в абзацах этих - призыв *поставить вследствие мятежеинвазии все на военную ногу* - военизировать дух войск, полиции, судей, администраторов правительства; военизировать методы борьбы с герильерами, партизанами, бандитами, киднепперами, саботерами, агитаторами, с распространителями порнографии, наркотиков и прочих "оружий", военизировать средства информации публики, чтобы они не были "пятыми колоннами" врага. Это не антидемократично, это демократично, ибо в этом - единственный способ спасти демократию, убиваемую и почти убитую. Такая *мобилизация* необходима совершенно очевидно, раз враг мобилизовал все свои силы приказами фабианства, неосталинизма, маоизма. Демилитаризованному, дегенерирующему Западу может ли быть понятна такая милитаризация в XX веке антимилитаристическом?..

По мнению Мао, социалистические государства сильнее империалистических, потому что *решающим фактором на войне не машины будут, не наука, не техника, а человек.* Человеку не придает Запад никакого значения в борьбе против инвазии мятежа... Даже и не воспитывает его, не делает его твердым для "твердого" времени мятежевойны... Человек Запада, обороняющегося от мятежеинвазии, не имеет сознания, что мятеж гибелен; не имеет силы духа противостояния мятежу; не умеет и не хочет выполнением долга преодолевать свой эгоизм, эгоцентризм, не склоняется перед авторитетом и обособляется от товарищей ("Мы - курские, до нас не дойдет"), т.е. от тех, кому судьба уготовила одну и ту же участь.

"Война не есть продолжение политики (дипломатии) иными средствами; война есть форма политики (дипломатии)", - сказал Мао. Оказавшийся в мятежевойне Запад должен спешно понять, что *эта форма политики и дипломатии (мятежевойна) должна проводиться гораздо напряженнее, интенсивнее, нежели дипломатия и политика невоенных времен.* Должна проводиться универсальнее, ибо мятежевойна универсальна, имеет универсальное стратегическое возглавление, универсальную военно-политическую доктрину... И ее оружие универсаль-

---

108 Российский военный сборник. Вып. 15. Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина. - М.: Военный университет, Русский путь, 1999. - С. 251-252, 261.

ное: нет такого оружия разрушения, каким бы она не пользовалась»[109].

По мнению Месснера, важное значение в системе отпора мятежеинвазии должна была иметь специальная *земская служба (земский фронт),* созданная на случай мятежевойны и призванная посредством «разумно бдительной организации» «пресекать акты диверсионные, террористические, вредительские, саботажные, шпионаж и пораженческую агитацию»:

«Скелетом этого фронта уже в мирное время должны быть полиция, тайная полиция, контрразведка, аппарат пропаганды и *на первом месте войска внутренней безопасности...* На эти войска во время войны ложится также обязанность искоренения враждебного партизанства, в чем им помогают гражданские противопартизанские отряды. Другого типа отряды способствуют контрразведке и полицейским органам в уничтожении групп террористических, диверсийных (как доморощенных, так и проникших из враждебной страны) и в обнаружении руководителей вредительства и саботажа, а также в пресечении этих видов неприятельского воевания в народе. Третьего типа организмы усиливают собой кадр агитаторов, ведя разведывательную и оперативную работу: разведка состоит в улавливании слухов и лозунгов, распространяемых в народе врагом; оператика состоит в активной агитации всех видов (в том числе и агитации шепотом, имеющей подчас большее психологическое действие, чем громкая официальная шумиха)»[110].

Ядром контрмятежной системы и ее главной ударной силой должна стать «небольшая, но качественно мощная, отборная профессиональная армия» («регулярный корпус из профессионалов»), «отлитая из благородных металлов, а не из легковесных», с крепким духом и отличным офицерством, владеющая современным военным искусством, не перегруженная техникой, подвижная и способная наносить противнику прежде всего «моральное потрясение». Концепцию такой армии русские офицеры-эмигранты разработали еще в 30-е гг. XX в. Позицию Месснера по этому вопросу отразила статья «Декадентство в военном искусстве», опубликованная им в журнале «Военный сборник» в 1928 г. О профессиональной армии в ней говорилось следующее:

«Мы должны отказаться от миллионных армий, армий громадных, но хрупких, и тем более хрупких, чем они громаднее. Мы должны обратиться к системе постоянной профессиональной армии, так как при этой системе военное искусство пойдет по правильному пути, освободившись от нынешних уродливых наслоений... Для этого нам не только надо теоретически проникнуться убеждением, что на войне качество ценнее количества, но и нужно решиться осуществить это убеждение на практике... *Профессиональная армия* - это хорошо закаленный клинок... В военном деле профессионал неизмеримо ценнее дилетанта, наскоро засунутого в военный мундир... Путем отбора профессиональная армия может быть составлена из людей, одаренных силой духа, энергией, удалью... Профессиональная армия, как никакая другая, может осуществить гармонию в военном искусстве, ибо она равно способна к маневру, огню и удару... Ее приспособленность к подвижной войне, и только к подвижной войне, дает ей правильный критерий для определения допустимой дозировки в технике...»[111]

Размышляя о «мятежевойне», Месснер особо выделял профессионалов, ставил им наивысшую оценку качества. Он отмечал: «Покуда еще нет (кроме Германии и, вероятно, Англии) формирования профессиональных войсковых соединений, роль меча для нанесения ударов -

---

109 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 297-299.

110 Там же. - С. 118-119.

111 Цит. по: Российский военный сборник. Вып. 9. Какая армия нужна России? Взгляд из истории. - М.: Военный университет. Ассоциация «Армия и общество», 1995. - С. 175-177.

преимущественно нападательных - будут играть *отборные дивизии* нынешнего шаблонного войска, в то время как дивизии, менее насыщенные техникой и профессиональными специалистами по владению техническими средствами борьбы, будут служить главным образом щитом страны и опорой для активно-партизанских отрядов и иных организмов иррегулярного свойства, многозначительных факторов мятежевойны»[112].

За 30 лет, прошедших после смерти Месснера, многие его рекомендации нашли практическое применение в военно-политической практике западных государств, в оборонной политике России (мы в какой-то степени признали мятежевойну как необычную форму войны, завоевали, обратили внимание на войска специального назначения, начали создавать дивизии постоянной готовности из профессионалов, хотя и не по-суворовски, уничижительно называем эту категорию военнослужащих «контрактниками»). Развитие Вооруженных сил стало осуществляться с учетом требований мятежевойны (борьбы с терроризмом)[113]. Защитников Отечества стали меньше унижать и оскорблять, хотя они до сих пор влачат полунищенское существование, что недопустимо в условиях Всемирной мятежевойны, в которую вовлечена наша страна. На высшем уровне появилось понимание значения армии для будущих судеб России. Выступая на сборах руководящего состава Вооруженных сил РФ, Верховный главнокомандующий, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Последовательно реализуются наши планы, наша главная линия - *линия на качественное развитие армии и флота,* их перевооружение и кадровое укрепление. Эти задачи мы определили как жизненно важные и для Вооруженных сил, и для страны в целом. Определили, потому что для нас очевидно: эффективные, боеспособные Вооруженные силы - это важнейший фактор, защищающий Россию от любых форм военно-политического давления или потенциальной агрессии. Фактор, в немалой степени являющийся важнейшим для укрепления наших позиций в мире»[114].

В то же время коренная (фундаментальная) военная реформа, которую завещали потомкам наши военные классики[115], так и не состоялась. В этом отношении мы по-прежнему теряем время, упускаем уникальные возможности мятежевойны и отстаем от ведущих стран Запада, которые в буквальном смысле революционно, под лозунгом трансформации меняют свои военные системы, вооруженные силы и представления о войне, проводят *принципиально иные (чем прежде) военные реформы,* создают специальные элитные войска для контрмятежевоевания[116]. У нас же до сих пор не решены и даже не поставлены в приоритетном плане вопросы о профессиональной армии России, о реализации проекта боевой армии мирного времени (а это главнее требования мятежевойны), об укреплении духа и нравственных основ личного состава (в условиях психовоевания победа обеспечивается в конечном итоге именно этим фактором), в целом о духовном и физическом здоровье военнослужащих. Не

---

112 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 126.

113 См.: Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. - М.: Агентство «Военинформ», Министерство обороны Российской Федерации, 2003: Армия новой эпохи//Красная звезда. - 2004. - 19 нояб.

114 Красная звезда. - 2004. - 19 нояб.

115 См.: Российский военный сборник. Вып. 19. Государственная оборона России: Императивы русской военной классики. - М.: Военный университет, Русский путь, 2002.

116 О феномене американской военной революции см. одноименный раздел в двадцатом выпуске «Российского военного сборника» (С. 838-855). О трансформации бундесвера см.: Meiers, Franz-Josef. Die Transformation der Bundeswehr//Österreichische militärische Zeitschrift. - 2004. - №6. - S. 681-688; Baach, Werner. Zur sichercheitspolitischen Lage Deutschlands und zur Transformation der Bundeswehr//Europäische Sicherheit. - 2004. - №11. - С. 67-70.

менее важная проблема развития военного искусства применительно к различным видам мятежевоевания оказывается где-то на задворках военного строительства, почти не упоминается в официальных документах, слабо отражена в современной военной теории.

Чтобы побеждать мятежевойну, управлять ею в интересах цивилизованных государств, что само по себе «весьма трудное стратегическое искусство», надо следовать вполне определенным для этой формы войны правилам, которые пока системно так и не разработаны, не представлены в соответствующей «науке побеждать», несмотря на злободневность этой задачи. Прислушаемся еще раз к Месснеру: «Командовать - это значит предвидеть, разгадывать неизвестное. На войне это неизвестное подчиняется некоторой закономерности: для Наполеона законы войны были так же очевидны, "как солнце на небе"; Суворову "непрестанная наука из чтениев" облегчала познание возможных путей этого неизвестного. Но "чтениев" о мятежевойне пока еще быть не может: эта форма войны не изучена и ее законы так же невидимы, как солнце в туманное утро»[117].

Последнее утверждение можно оспорить. А.В. Суворов недаром предлагал потомству брать с него пример и утверждал:

«Моя система, иначе - тридцатилетняя война...» Его военное искусство было духовно, психологично и учитывало регулярное и иррегулярное воевание. Что, безусловно, важно с точки зрения всякой мятежевойны. Значительную часть своей службы Отечеству наш великий полководец провел в тогдашних мятежевойнах. И естественно, что в его «Науке побеждать» нашли свое отражение *«законы усмирения мятежей»*. Главные из них можно представить в виде следующих победительных правил: «политика справедливая, бескорыстная, честная - только таким путем можно всего добиться»; «не только оружием побеждают»; «воюют не числом, а уменьем»; вооруженные мятежи следует «вмиг затушать в их первоначалии»; «нигде мятежникам пристанища не давать, отнимать у них субсистенцию»; «нападательно поступать, мятежничьи набеги не отбивать, но оные самим встречать и поражать» и вообще - «лучше усыплять, нежели тревожить, и делать большой, скорый удар»; «регулярство с присутствием духа имеет поверхность над бунтством нерегулярным»; ни в коем случае не втягиваться с противником в малую (партизанскую) войну, которая «неполезна, изнуряет войско»; действующие против мятежников войска должны быть отборными, с подвижными резервами, возглавляться «мудрыми, искусными, миролюбивыми и справедливыми командирами»; основная цель - умиротворение, а не разорение мятежных земель, забота о безопасности населяющих их народов; «разбойники везде наказываемы», но с мирными жителями (обывателями) поддерживаются «союзничество, дружба и ласковость»; «о возмутителях иметь верные известия»; не допускать мнимых, «вообразительных» побед, которые только укрепляют дух мятежников; «стыдиться варварства» и т.д.[118]

И если серьезно заняться «наукой из чтениев», которую нам рекомендовали Суворов и Месснер, исследованием партизанских и контрпартизанских войн, опыта борьбы с военно-политическим бандитизмом и терроризмом, то можно составить достаточно ясную и точную «науку побеждать» мятежевойну на уровнях политическом, стратегическом и тактическом. Но эта задача уже будет решаться в следующем выпуске «Российского военного сборника».

Составил *А.Е. Савинкин*

---

117 Месснер Е.Э. Всемирная мятежевойна. - С. 59.

118 Подробно о суворовских «законах борьбы с мятежами» см.: Российский военный сборник. Вып. 18. Не числом, а уменьем! Военная система А.В. Суворова. - М.: Военный университет. Русский путь, 2001.

Российский военный сборник

Вып. 1. **П. Пестель, Н. Обручев, А. Медведев и другие военные писатели о Русской Армии (1817-1917 гг.) -** М.: ГА ВС, 1992. - 184 с.

Государственно-политические и военные мысли автора «Русской правды». - Об организации «Русской Народной Армии». - Армия и политика. - Эволюция военного управления.

Вып. 2. **Государственная наука и политика России в творческом наследии Б. Чичерина. -** М.: ГА ВС, 1992. - 264 с.

Патриотическая позиция и либерально-консервативные взгляды Б.Н. Чичерина на законы развития, сущность государства и гражданского общества, общественные идеалы и народность, отрицательные и положительные стороны демократии, реформы и революции, войну и войско.

Вып. 3. **История Русской Армии.** - М.: ГА ВС, 1994. - 292 с.

Военно-политическое мировоззрение А. Керсновского. - Его концепция истории Русской армии. - Разложение Русской армии в 1917 году. - Армия и революция.

Вып. 4. **История Русской Армии.** - М.: ГА ВС, 1994. - 330 с.

Военная история как один из источников прогресса в военном деле. - Комплектование и устройство вооруженной силы. - История Русской армии до эпохи Александра I. - Отечествоведческая традиция Русской армии и ее современное измерение.

Вып. 5. **Русская военная доктрина.** - М.: ГА ВС, 1994. - 298 с.

Материалы дискуссий в трех Россиях: императорской, советской, зарубежной. - Доктрина как учение о войне (бое). - Военно-политическая (государственная) доктрина. - Доктрина как военное мировоззрение.

Вып. 6. **Русское зарубежье: государственно-патриотическая и военная мысль. -** М.: ГА ВС, 1994. - 310 с.

Общие сведения о военной эмиграции. - Мысли о России, войне и армии И. Ильина, П.Сорокина, Н. Тимашева, А. Керсновского, А. Геруа, П. Залесского, А. Баиова, А. Болтунова, А. Зайцова, Е. Месснера. - Аннотации.

Вып. 7. **К познанию России.** - М.: ГА ВС, 1994. - 312 с.

Заветные мысли и политические «программы» Сергея и Владимира Соловьевых, В. Ключевского, Р. Фадеева, Ф. Достоевского, Д. Менделеева.

Вып. 8. **К познанию России: Взгляды русских мыслителей начала XX века.** - М.: ГА ВС, 1994. - 310 с.

Идеал «Великой России». - Возрождение национальной государственности. - Аспекты государственно-национальной идеи в работах М. Ростовцева, П. Савицкого, Н. Градескула, П. Струве, В. Вернадского, С. Котляревского, П. Новгородцева, М. Меньшикова, Н. Бердяева.

Вып. 9. **Какая армия нужна России? Взгляд из истории. -** М.: Военный университет, 1995. - 368 с.

Заветные идеи Петра I, П. Румянцева, А. Суворова, М. Скобелева, Д. Менделеева, Б. Чичерина, Д. Милютина, Н. Обручева, А. Риттиха, Л. Карсавина, А. Деникина, Н.Головина, других деятелей и мыслителей. - России нужна долговечная качественная армия!

Вып. 10. **Военное законодательство Российской империи: Кодекс русского военного права.** - М.: Военный университет, 1996. - 448 с.

Основы военной политики и организации вооруженных сил. - Военная служба и воинский

быт. - Социальное обеспечение военнослужащих и членов их семей. - Материальное обеспечение и снабжение войск. - М. Сперанский, М. Меньшиков, И. Ильин и П. Заусцинский о значении закона для военного развития России. - Аннотации.

Вып. 11. **Военно-морская идея России: Духовное наследие Императорского флота.** - М.: Военный университет, Общественный совет «300 лет Российскому флоту», Русский путь, 1997. - 584 с.

Проблемы флота и военно-морской политики России в трудах П. Белавенеца, П. Бурачека, Б. Жерве, А. Бубнова, Ю. Волковицкого, Б. Доливо-Добровольского, Н. Кладо, А. Колчака, А. Ливена, М. Меньшикова, Н. Нордова, Н. Португалова, Я. Подгорного, М. Римского-Корсакова, П. Столыпина, Н. Смирнова, Е. фон Шильдкнехта.

Вып. 12. **Христолюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии.** - М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», Русский путь, 1997. - 496 с.

Философия христолюбивого воинства. - Война и Православие. - Религиозно-нравственное воспитание войск. - Военно-религиозная служба в Русской армии.

Вып. 13. **Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы.** - М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», Русский путь, 1997. - 624 с.

Н. Головин. Обширное поле военной психологии. - П. Краснов. Душа Армии. Очерки по военной психологии. - П. Ольховский. Воинское воспитание. - А. Попов. Философия воинской дисциплины. - Р. Дрейлинг. Воинский Устав Петра Великого и Суворов. - В. Доманевский. Сущность командования. - Н. Колесников. О стратегии духа. - Е. Месснер. Дух офицера в материалистическую эпоху. - Духовные качества российского воинства (словарь).

Вып. 14. **За профессиональную армию: Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке.** - М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин», Олма-Пресс, 1998. - 576 с.

Работы Шарля де Голля: «На острие шпаги», «За политику национальной обороны», «Военное ремесло», «Как создать профессиональную армию», «За профессиональную армию» и др. - Стратегические концепции генерала де Голля с позиции 1990 года (П. Мессмер). - Оборона: принципы голлизма и новые данные (Б. Трико). - Военные труды Шарля де Голля (П. Мессмер, А. Ларкан). - Концептуальные основы национальной обороны и военной реформы Франции. - Профессиональная армия в современном мире. - К вопросу о профессиональной армии России.

Вып. 15. **Постижение военного искусства: Идейное наследие А. Свечина.** - М.: Военный университет, Русский путь, 1999. - 696 с.

Военное искусство: становление в России и общая эволюция. - Идеология новой армии в революционную эпоху. - Интегральное понимание военного искусства. - Стратегия, оперативное искусство и тактика в современной войне. Изучение военного искусства. - Парадигмы творческого мышления и вехи биографии А. Свечина.

Вып. 16. **Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции.** - М.: Военный университет, Русский путь, 1999. - 640 с.

А. Керсновский. О природе войны. - А. Мариюшкин. Помни войну! - В. Заболотный. Закон борьбы. - Б. Штейфон. Русско-японская война. - Н. Головин. Военные усилия России в Мировой войне. - Е. Масловский. На Кавказском фронте. - П. Краснов. Военная служба в мирное и военное время. - А. Геруа. Стихия гражданской войны. - А. Зайцов. 16 лет РККА. - В. Флуг.

Высший командный состав. - Краткий очерк военной мысли Русского Зарубежья.

Вып. 17. **Офицерский корпус Русской Армии: Опыт самопознания.** - М.: Военный университет, Русский путь, 2000. - 640 с.

Русское офицерство: историко-статистический очерк. - Пути решения офицерского вопроса в трудах Н. Морозова, П. Режепо, А. Апухтина, М. Драгомирова, А. Деникина, А. Свечина, М. Меньшикова, А. Мариюшкина, Е. Месснера, А. Керсновского. - Офицер - профессия идейная (А. Каменев). - Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции (И. Домнин). - Российское офицерство как служилое сословие (С. Волков). - Заветные идеалы русского офицерского корпуса (А. Савинкин). - Кодекс чести российского офицера.

Вып. 18. **Не числом, а уменьем! Военная система А.В. Суворова.** - М.: Военный университет, Русский путь, 2001. - 616 с.

«Полковое учреждение», «Наука побеждать», другие наставления и приказы А.В. Суворова. - Д. Давыдов, М. Драгомиров, А. Петрушевский, А. Елчанинов, Н. Михневич, Д. Милютин, А. Геруа, А. Баиов о великом полководце. - Основы военной системы А.В. Суворова. - К 10-летию «Российского военного сборника».

Вып. 19. **Государственная оборона России: Императивы русской военной классики.** - М.: Военный университет, Русский путь, 2002. - 640 с.

О роли и значении отечественной военной классики. - Ю. Крижанич, И. Посошков, П. Румянцев, П. Шувалов, Ф. Толстой, Н. Обручев, Д. Милютин, Ф. Палицын, А. Щербатов, А. Гучков, А. Волконский, В. Новицкий, А. Свечин, А. Незнамов и др. о военном развитии России. - Национальный замысел коренной военной реформы (по указаниям истории и взглядам русских военных классиков).

Вып. 20. **Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева.** - М.: Военный университет, Русский путь, 2003. - 896 с.

Жизнь и творчество, ключевые идеи и афганские уроки Генерального штаба генерал-лейтенанта Андрея Евгеньевича Снесарева. - На страже национально-государственных интересов и военной мощи России. - Чему нас научила Афганская война 1979-1989 гг. - Глобальная война с международным терроризмом: афганские, иракские и иные уроки. - Выводы для России.

Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. - М.: Русский путь, 2000. - 184 с. - (Российский военный сборник).

Заветы и воинские правила А.В. Суворова. - Военные императивы М.И. Драгомирова. - Суворовская «Наука побеждать» с пояснениями М.И. Драгомирова. - Святыня чести. - Словарь духовных качеств российского воинства.

Готовятся к печати

• «Грозное оружие будущего: Малая война, партизанство, терроризм и другие виды асимметричного воевания. "Контрмятежная" система» • «Российская Императорская Армия: Страницы полковых историй» • «На службе Отечеству: Идейные достижения военных специалистов РККА» • «Кавказская школа Российской армии: Уроки новой и новейшей истории» • «Стратегия будущего: Материалы к Белой книге по вопросам обороны России» • «К познанию России: Стратегия национальной безопасности российского государства».

Двадцать первый выпуск «Российского военного сборника» готовился в Военном университете при поддержке:

Марченкова Валерия Ивановича, Макушкина Анатолия Борисовича, Тимошева Рафаэля Миргалиевича, Герасимова Александра Михайловича, Смахтина Владимира Ивановича, Иванова Владимира Александровича, Шевцова Валерия Михайловича, Арзамаскина Юрия Николаевича, Кривенко Анатолия Михайловича, Самарева Андрея Евгеньевича, Малицкого Геннадия Витальевича, Назарчука Александра Петровича, Ромашова Виктора Михайловича, Иванова Евгения Сергеевича, Стоянова Василия Григорьевича, Юренкова Ивана Петровича.

Над выпуском работали:

Домнин Игорь Владимирович, Савинкин Александр Евгеньевич, Марченков Валерий Иванович, Домнина Инна Юрьевна, Москвин Виктор Александрович, Лазуткина Ане Завелевна, Белкина Татьяна Львовна, Вельчинский Евгений Леонидович, Белов Юрий Тимурович, Аникеев Александр Викторович.

Существенную помощь и поддержку в подготовке книги оказали:

Алабин Игорь Михайлович, Алёшин Вячеслав Алексеевич, Анфертьев Иван Анатольевич, Арефьев Борис Васильевич, Асеев Дмитрий Акимович, Бардеева Анна Игоревна, Белкин Александр Анатольевич, Блинов Михаил Юрьевич, Болховитинов Александр Борисович, Владимиров Александр Иванович, Волков Сергей Владимирович, Голенцова Людмила Филипповна, Григорьев Анатолий Борисович, Губина Людмила Дмитриевна, Гущин Александр Викторович, Дробот Сергей Георгиевич, Егоров Николай Дмитриевич, Зайцев Сергей Леонидович, Ильин Сергей Евгеньевич, Кавтарадзе Александр Георгиевич, Котенко Марина Анатольевна, Королькова Татьяна Александровна, Кузьмович Владимир Иванович, Лемешев Сергей Валентинович, Никитенко Евгений Григорьевич, Паутова Алла Викторовна, Петрушева Лидия Ивановна, Прохоров Сергей Львович, Полоцкая Екатерина Александровна, Редькин Руслан Владимирович, Рыжак Надежда Васильевна, Савинкин Денис Александрович, Сакун Сергей Александрович, Смирнов Павел Александрович, Федюхин Алексей Анатольевич, Шлыков Виталий Васильевич, Шумова Вера Павловна.

Редакция «Российского военного сборника» выражает особую признательность:

президенту «Русского Общественного Фонда Александра Солженицына» *Солженицыной Наталье Дмитриевне;*

директору Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» *Москвину Виктору Александровичу;*

исполнительному директору Межрегионального фонда информационных технологий *Борисовой Татьяне Викторовне;*

заместителю главного редактора журнала «Безопасность Евразии» профессору *Белькову Олегу Алексеевичу;*

членам «Общества Ревнителей Русской Истории» (Париж) *Рутычу-Рутченко Николаю Николаевичу, Спасскому Борису Васильевичу.*

Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. - М.: Военный университет, Русский путь, 2005. - 696 с, ил. - (Россий
X87 ский военный сборник).

ISBN 5-85887-134-8

В книге представлено наследие выдающегося деятеля военной культуры Русского зарубежья, мыслителя, публициста, Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера (1891-1974). Основные грани его творчества отражают свыше пятидесяти работ, большинство из которых в России публикуются впервые. В центре внимания находится концепция «Всемирной Мятежевойны». В 60-е гг. минувшего столетия автор пророчески определил главные угрозы миру и формы вооруженной борьбы на рубеже XX и XXI вв., такие как партизанство, повстанчество, глобальный терроризм. Актуальны и поучительны мысли классика о военном искусстве, офицерстве, патриотизме российского воинства.

В издании освещен жизненный путь Е.Э. Месснера, показано значение его взглядов для понимания современных военно-политических процессов.

ББК 68.49(2)

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Редактор-учредитель А.Е. Савинкин
Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации
Свидетельство о регистрации № А-03565 от 29 октября 1993 г.

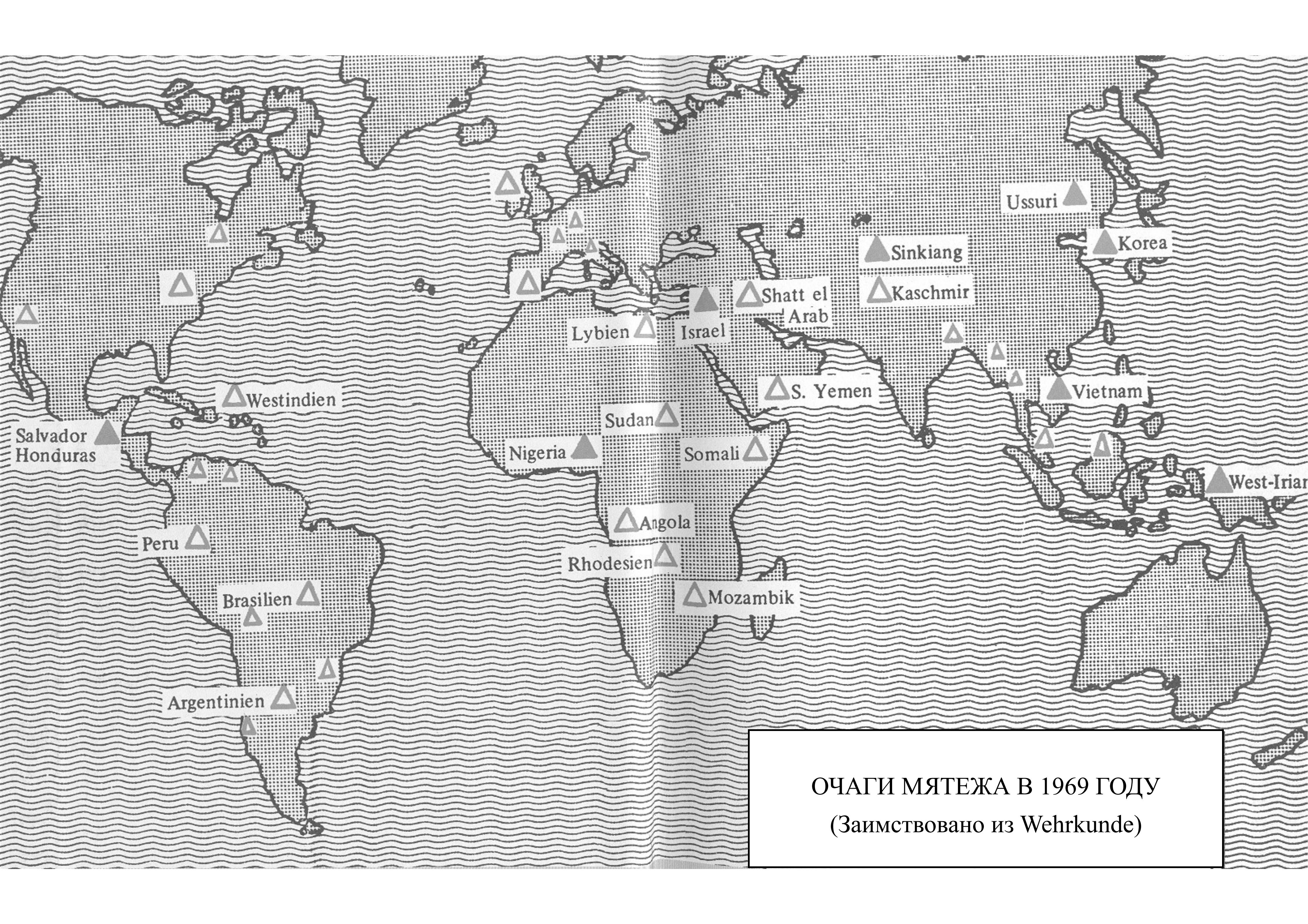
Художник *Е.Л. Вельчинский*
Технический редактор *Т.Л. Белкина*
Корректор *А.З. Лазуткина*
Оригинал-макет *И.Ю. Домниной*

Подписано в печать 25.04.05
Формат 60x90/16
Тираж 3000 экз. Заказ №1132

ЗАО «Издательство "Русский путь"»
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
www.rp-net.ru

Отпечатано в типографии ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ОЧАГИ МЯТЕЖА В 1969 ГОДУ
(Заимствовано из Wehrkunde)

Надо перестать думать, что война — это когда воюют, а мир — когда не воюют. Можно быть в войне, не воюя явно... Современная форма войны есть мятеж. Это — отклонение от догм классического военного искусства. Это — ересь. Но мятежевойна — еретическая война... Насилие (устрашение и террор) и партизанство — главные «оружия» в этой войне... Теперь регулярное войско лишилось военной монополии; наряду с ним (а может быть, больше, чем оно) воюет иррегулярное войско, а ему секундируют подпольные организации... Воевание партизанами, диверсантами, террористами, вредителями, саботерами, пропагандистами примет в будущем огромные размеры...

От офицера требуется способность к быстрому творчеству в бою, где нет шаблона, нет справочника, нет совещаний, а есть правильная оценка, ясное провидение, изощренная находчивость... В мятежевойне, полной беспорядка, импровизация боевых построений и действий будет законом.

Не об уничтожении живой силы надо думать, а о сокрушении психической силы. В этом вернейший путь к победе в мятежевойне.

Евгений Месснер

ISBN 5-85887-134-8

